Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ОКТЯБРЬ. 1912.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 10.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОКТЯБРЬ. **1912.**

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО“, ул. Жуковскаго, 21.
1912.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотъ*).

НЕ ЖИЗНЬ.

Посмертный разсказъ В. Я. Кокосова

I.

Полученное Угрюмовскимъ волостнымъ правленіемъ отъ содержащагося въ губернской тюрьмѣ односельчанина Василія Михайловича Жучкова денежное письмо произвело волненіе. Волостной старшина, писарь, двое волостныхъ судей, десятокъ рядовыхъ крестьянъ, случившихся въ правленіи, съ любопытствомъ оглядывали конвертъ съ пятью красными сургучными печатями и десять десятирублевыхъ кредитокъ, присланныхъ Жучковымъ женѣ Степанидѣ. Написанное крупнымъ почеркомъ письмо, вложенное въ конвертъ съ деньгами, возбуждало общее любопытство, волновало, притягивало, какъ магнитъ.

— Прочитай письмо, Никандръ Петровичъ, послушаемъ, чего пишетъ женѣ Василій,—сказалъ старшина.

Заглянувъ на подпись, писарь громко, неторопливо началъ чтеніе:

„Дрожащей супругѣ нашей Степанидѣ Ивановнѣ съ кровными дѣтками, первымъ долгомъ шлемъ родительское благословеніе навѣки нерушимое. Еще увѣдомляемъ дражащую супругу, Милостію Господней Пресвятой Владычицы небесной находимся въ добромъ благополучіи, живемъ здравы, невредимы, просимъ милости Господней о вашихъ здравіяхъ. Отъ трудовъ праведныхъ посылаемъ супругѣ Степанидѣ Ивановнѣ сто рублей кредитными билетами красненькихъ бумажекъ на расходъ хозяйственнаго благополучія, съ увѣдомленіемъ, имѣемъ наличныя деньги на черный день три тысячи, пятьсотъ рублей въ банковой книжкѣ собственнаго имени крестьянина Василья Михайлова Жучкова съ переложеніемъ на случай христіанской кончины на любезную нашу супругу Степаниду Ивановну, дабы памятовала, сколь дорога она при жизненности нашему супружескому сердцу. Еще повелѣваемъ супругѣ нашей занести въ во-

лостное правленіе душевную очистку недоимочной повинности, подсмотрѣть добротную корову съ лошадью на разводъ хозяйства, двѣсти сосновыхъ бревенъ отъ пяти верховъ въ отрубѣ для намѣренной постройки новой избы, старая въ хозяйствѣ не годится. Еще повелѣваемъ супругѣ нашей въ запрестолъ Господень храмового праздника подать батюшкѣ отцу Григорью пять рублей на наше здравіе, споминъ души смертію упокоенныхъ неизвѣстнаго происхожденія панихиду по обѣтамъ отслужимъ при прибытіи, съ записью въ поминовенье упокоенныхъ на вѣчныя времена. Любезному дѣдушкѣ Егору Парамоновичу, бабушкѣ Акулинѣ Степановнѣ низкій поклонъ, братцамъ: Ивану, Петру Михайловичамъ, дядиной крестной Олимпіадѣ Ивановнѣ съ супругами, любезному куму Захару Тарасовичу. кумушкѣ Лизаветѣ Васильевнѣ съ бабушкой Пелагеей, внучатами, сродственниками низкій поклонъ, дабы ожидали нашего благополучнаго возвращенія. Еще увѣдомляемъ для спокойнаго терпѣнія родственные дары, подношенія не преминемъ раздать по прибытіи безъ всякаго промедленія, памятуя на всякъ часъ живота кровное родство, свойство, приближенность ближающихъ сердцу сродственниковъ. Еще увѣдомляемъ супругу нашу въ скоромъ собственномъ возвращеніи въ родныя мѣста изъ тюремной неволи трехгодичнаго заключенія, къ Покрову Богородицы прибудемъ съ оконченными сроками, отъ добрыхъ людей въ одежныхъ нарядахъ отставать не будемъ. Шелковая, алая канаусовая рубаха съ камешковыми запонами одна, голубого, шелковаго цвѣта со складочными переборами одна, кумачевыхъ красныхъ цвѣтовъ четыре, плисовыхъ шароваръ трое, полубархатокъ одна пара съ позументами, двѣ поддевки на шелковыхъ подкладкахъ, пинджаковъ двѣ пары по праздничному времени, кавказскій поясъ восемьдесятъ четвертой пробы подъ чернять съ серебряными наковками, два шелковыхъ крученыхъ пояса съ голубыми кистями съ кумачевыми рубахами, серебряные часы съ двумя закрышками въ четырнадцати каменьяхъ съ анкеромъ, серебряная цѣпь черезъ шею къ часамъ для плюшевой желетки, двое сапоговъ лаковой формы съ раструбными голенищами до колѣнныхъ сгибовъ, два суконныхъ картуза, котиковая зимняя шапка новаго фасона въ достаточной наличности. Дражающей супругѣ нашей Степанидѣ Ивановнѣ шерстяное платье въ темный сатиновый цвѣтъ, шелковый полушалокъ головного убора, турецкая ковровая шаль, полусапожки на красныхъ сафьянахъ съ другими разными матеріями прибудутъ съ ними совокупно въ должномъ порядкѣ съ чайными приборами: самоваромъ, сахарной головой, двумя банками по-

мады, сладкой водкой для семейнаго порядка, со всѣхъ сортовъ городскихъ закусокъ, о чемъ всемѣрно извѣщаемъ. Заключительное наше положеніе тюремной неволи, милостями начальства, перешло на нашу справедливую сторону: за усердную двугодичную службу имѣемъ одобрительный патентъ съ номерами за казенной печатью, съ прописаніемъ доброкачественныхъ поведеній по тюремнымъ распорядкамъ отъ начала принятія должности. Въ дѣлахъ, разсчетахъ съ казенной подрядностью выдавались форменныя росписки послѣ каждаго приключенія, съ этой стороны остаемся въ спокойномъ состояніи, обезпеченность законная съ соизволенія высшаго начальства. Законный супругъ, отецъ прикровитель дѣтей, крестьянинъ Угрюмовской волости того же селенія Василій Михайловичъ Жучковъ, по безграмотству и личной просьбѣ со словъ просителя писалъ писарь тюремной канцеляріи Егоръ Степановъ Грошиковъ руку приложилъ“.

Слушатели сидѣли неподвижно, избѣгая смотрѣть другъ на друга.

— Ннда-а, — первымъ нарушилъ молчаніе писарь, — не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь!

— Чудеса!.. ума помраченье! — растерянно воскликнулъ старшина.—Ушелъ Жучковъ въ острогъ нищимъ, выходитъ богатымъ.

— Душу дьяволу продалъ, передался сатанѣ въ лапы,— сказалъ старикъ Лапшиковъ.

— Однако отцу Григорію, пастырю духовному пять рублей прислалъ на прикладъ престолу Господнему,—какъ это понимать?

— Понимай, какъ знаешь!

— Забогатѣлъ Жучковъ, вошелъ въ силу.

— Умный человѣкъ: не сидѣлъ въ тюрьмѣ сложа руки, подыскалъ работу, прпталъ денежки въ банку на черный день.

— Три тысячи пятьсотъ накопилъ!

— Счастье человѣку привалило; вернется, заживетъ хозяиномъ.

— О счастьѣ рано загадывать, — раздумчиво говорилъ старикъ Лапшиковъ, — слухомъ земля полнится, людской молвы ногами не затопчешь, на чужой ротокъ не накинешь платокъ. Худая молва идетъ въ народѣ про Васильевы заработки! Палачемъ нанялся, удавникомъ, идолищемъ поганымъ, басурманомъ на подобіе людоѣда...

— Такъ-то оно такъ, дѣдушка Семенъ; по справкамъ слышно, начальство одобряло, оказывало вспоможеніе Жучкову.

— Начальство не указъ общественникамъ въ такихъ дѣлахъ!

— Съ нами Жучковъ жить будетъ; разсмотримъ человѣка,—куда сокроется?

— Грѣховъ съ его души міръ не соскребетъ,—выходя изъ-за стола, говорилъ Лапшиковъ,—веревка удавленника, слыхивалъ я, приноситъ безпутнымъ игрокамъ счастье, принесетъ ли удавникъ счастье намъ, общественникамъ, сами увидимъ,—объ чемъ дальше разговаривать?

— Грѣхи попъ замолитъ, дѣдушка Семенъ: не пожалѣетъ Жучковъ десятки, очистится исповѣдью.

— Поживемъ, увидимъ, — направляясь къ выходу, говорилъ Лапшиковъ,—впередъ загадывать не будемъ. Покровъ Пресвятой Богородицы не за горами: явится Жучковъ самолично. Разсмотрѣть человѣка наша забота!

Исключая писаря, присутствовавшіе вышли изъ волостного правленія.

— Скажи ты мнѣ на великую милость, Никандра Петровичъ,—обратился къ писарю правленскій сторожъ. Никита, сгорбленный, полуглухой старикъ,—не дослышалъ я давеча когда разговаривали, ухи закладываетъ: про нашего Жучкова, что въ острогѣ сидитъ, разговаривалъ старшина?

— Про нашего, дѣдушка Никита, про нашего Жучкова: разбогатѣлъ, въ тысячахъ состоитъ, скоро домой вернется.

— Кого онъ, разсучій сынъ, убилъ, ограбилъ? Чего смотритъ начальство, не схватитъ разбойника?—торопливо спрашивалъ удивленный сторожъ.

— Не знаю, дѣдушка Никита, врать не хочу! вернется Жучковъ къ Покрову, спроси самого, можетъ тебѣ разскажетъ, откуда у него появилось богатство,—уходя говорилъ писарь. Никита долго стоялъ въ раздумьи, почесывая грудь, поясницу, „разводилъ умомъ“ о слышанномъ; взглянувъ на образъ въ переднемъ углу, сокрушенно подумалъ:

— Грѣховное дѣло, грѣховное!..

II.

Ошеломляющей новостью пронеслись по деревнѣ извѣстія о богатствѣ Жучкова, о скоромъ его возвращеніи; въ рукахъ не спорилась работа...

— Слыхалъ, дядя Дмитрій? — спрашивалъ пожилой мужикъ сосѣда.

— О чемъ слыхалъ?—переспросилъ сосѣдъ.

— Обыкновенно, о Жучковѣ; чай слышалъ—разбогатѣлъ человѣкъ, въ тысячахъ.

— Слыхать—слышалъ, разобрать дѣломъ не могу, мудреное разсказываютъ.

— Забралъ въ руки большія деньги—это вѣрно! Заказалъ бревна на новую избу, пятистѣнкомъ строитъ, на господскій фасонъ, подъ голубую окраску.

— Откуда у Жучкова деньги появилися? Острожнымъ арестантамъ жалованья не платятъ.

— Чудакъ ты человѣкъ! Начальство награждало: потрафилъ...

— Старикъ Лапшиковъ не одобряетъ Жучкова, называетъ чортовымъ слугой.

— Старикъ—человѣкъ правильный, всѣми уважаемый, восемьдесятъ пять годовъ прожилъ на бѣломъ свѣтѣ, его словамъ вѣрить можно.

— Однако, не своимъ умомъ догадался Жучковъ деньги въ острогѣ зарабатывать,—безъ дозволенья начальства шагу въ острогѣ не ступишь. Мудреныя дѣла, мудреныя!

— Къ Покрову возвращается, женѣ послалъ десять красненькихъ.

— Кому больше послать? Обыкновенно женѣ,—ребятамъ деньги довѣрить нельзя. Подати, повинности со всѣхъ требуются, на Жучковѣ недоимка большая накопилась за три года.

— Ванька Малашкинъ собирается магарычъ сорвать съ Жучкова. Меньше—говоритъ,—двухъ четвертныхъ вина принять не согласенъ!

— Пьяницѣ Малашкину законъ не писанъ, пропащій человѣкъ! Собирается на отрубъ уходить, своихъ фабричныхъ рабочихъ продавалъ за бутылку водки, сколько черезъ него въ острогъ засадили! Извѣстный соглядатай: на фабрикѣ за долгій языкъ три раза рабочіе бивали, обѣ ноги переломаны; сейчасъ—пообмякъ, не очень хорохорится.

— Любопытно взглянуть на Жучкова,—пожалуй, измѣнился человѣкъ съ тысячами въ карманѣ.

— Придетъ въ деревню, наглядимся!

— Леталъ Василій къ Степанидѣ огненнымъ зміемъ,—разсказывала семидесятилѣтняя старуха, бабка повитуха Марина Карповна,—своими глазаньками видѣла, какъ онъ въ печную трубу Степанидиной избы впередъ головой опускался. Обличье человѣчье, хвостъ коровій, борода, рога козлиные: въ правой лапѣ мѣшокъ съ деньгами, въ лѣвой—удавная веревка.

— За что Жучковъ, Марина Карповна, деньги получалъ въ острогѣ?—спрашивали женщины.

— За христіанскія душеньки бралъ онъ деньги, за изводъ рода человѣческаго,—отвѣчала старуха.—По дьяволь-

скимъ велѣньямъ хваталъ человѣка за шеюшку, обвертывалъ веревку кругомъ души христіанской, затягивалъ черезъ колѣно, пока не будетъ шевелиться. Кругомъ стоятъ невидимые супостаты, на подносахъ деньги кучами наложены, а онъ христіанскую душу удавливаетъ.

— Боязно, бабушка!—вскрикнула одна изъ женщинъ.

— Бойся, милая, душегубовъ, самъ Господь ихъ проклялъ на семи соборахъ.

— Жучковъ пять рублей прислалъ отцу Григорью на прикладъ престолу Господнему.

— Для отвода глазъ сдѣлалъ, болѣзная, для отвода глазъ: силенъ нечистый, заберетъ въ лапы, до смертоньки не отпуститъ, унесетъ въ геену огненную.

Сентябрьское солнце къ закату, сверкаютъ въ косыхъ лучахъ лужи воды отъ недавнихъ дождей, березовые колья подновленнаго плетня, стекла въ рамахъ домовъ, золоченый крестъ колокольни. У общественнаго колодца съ ведрами на коромыслахъ толпятся женщины, дѣвушки, слышится скрипъ „журавля", плескъ воды, сливаемый съ гуломъ торопливаго говора.

— Подарковъ везетъ видимо-невидимо; сундукъ съ желѣзной оковкой до верху набитъ шелковыми сатинами съ позументомъ.

— Неужели! — Ставятся ведра на землю, напрягается вниманіе.

— Закуражится Степанида Ивановна, рыло отворотитъ, не подступайся!

— Сколько разовъ у насъ полъ мыла, коровъ доила,— не отказывали, кормили.

— Добродѣтель забывается: пріѣдетъ Жучковъ, поснимаетъ съ жены лохмотья, рукой не достанешь.

— Какъ она съ палачомъ спать будетъ на одной постели? Съ просонковъ, пожалуй, удавитъ.

— Я съ отпѣтымъ спать бы не согласилась.

— Нешто онъ отпѣтый?

— Отпѣтый, Марьюшка, отпѣтый, въ осиновомъ гробѣ попъ отпѣвалъ—съ Іудой христопродавцемъ вмѣстѣ проклятъ святыми угодниками,—въ храмъ Божій ихъ не допускаютъ.

— Мужики наши чего смотрятъ? Зачѣмъ допускаютъ на жительство отпѣтаго человѣка?

— Нашимъ мужикамъ горюшка мало; мой Федоръ поговариваетъ: „поставитъ Жучковъ общественникамъ вступного пять ведеръ вина, живи сколько хочешь, благо начальство дозволяетъ, намъ какое дѣло"?

— Мой Никита супротивничаетъ: „къ палачихѣ въ домъ не ходи, съ удавниками компанію водить не приходится".

— Мой Семенъ Петровичъ,—скороговоркой заговорила молодая, сѣроглазая подвижная бабенка,—запретовъ не дѣлаетъ: „Сходи,—говоритъ Мариша, къ Степанидѣ Жучковой, полюбопытствуй, осмотри собственными глазами; сходить ноги не отвалятся, никто тебя не съѣстъ, а можетъ случиться, люди пригодятся, по нынѣшнимъ временамъ всякое въ жизни случается, честь лучше безчестья. Навѣсти Степаниду, она мужу передастъ, тотъ возьметъ во вниманіе".

— Говорятъ, у Жучкова хвостъ на задахъ выросъ, похожъ на собачій кругляшикъ, полтора верха длиной.

— Неужели! Кто тебѣ разсказывалъ?

— Бабушка Марина Карповна, собственными, говоритъ, глазаньками видѣла.

— Страсти Господни!

— Намъ чего бояться?

— Вдругъ обворожитъ колдовствомъ!

— Святая молитва, крестъ Господень защитятъ отъ супостатовъ.

— Батюшки! Солнышко закатилось, закалякались... до свиданья, Дарьюшка!

— Забѣгай, когда времячко найдется.

— Ваши гости!.. Ваши гости!—Подхватывая ведра на коромысла, женщины торопливо расходились.

— Васька-а-а!.. Васька-а-а!—надсаживаясь, кричалъ стоявшій у воротъ десятилѣтній мальчикъ.

— Чаа-а-во-о тебѣ-ѣ?—доносится тягучій отвѣтный вопросъ.

— Пойдемъ завтра палачихину избу смотрѣть, огненный змій на трубѣ сидитъ... страшенный!

— Бою-ю-сь!

— Собирается насъ много, возьмемъ въ руки по камню, въ случаѣ чего... убѣжимъ, позапрячемся.

— Бою-ю-юсь!..

III.

На окраинѣ деревни, около полуразвалившейся Жучковковской избы, съ ранняго утра сновали любопытные: хотѣлось взглянуть на „богачку", въ одни сутки превратившуюся въ знаменитость; подходили съ опаской, оглядываясь, нервно возбуждаясь. Кругомъ Степаниды Жучковой создавалась атмосфера сумбурнаго, неопредѣлившагося мнѣнія деревни, предубѣжденія къ односельчанину, нежданно-негаданно превратившемуся въ богача; происходили и семейные разлады.

— Моя мамка,— разсказывалъ торопливо восьмилѣтній мальчикъ собравшимся товарищамъ,—воемъ выла, голосила на всю улицу: „пятнадцать лѣтъ за тобою, Иродомъ, замужемъ, шерстяного платья въ глаза не видывала, про шелковый полушалокъ, сафьяновые сапожки слыхомъ не слыхивала! Изъ лаптей, дерюжины не вылѣзаю! Идолъ ты безчувственный, мухоморъ ядовитый, навязался на мою безталанную голову! Жучковъ два воза подарковъ везетъ Степанидѣ, нашелъ въ острогѣ средствія, заработалъ для законной жены, ты чего для своей жены сдѣлалъ за пятнадцать лѣтъ?"—Тятька, какъ дастъ мамкѣ по уху, схватилъ за косы... Я убѣгъ со страху!

Сорока-семилѣтняя Степанида Жучкова, изможденная, согнувшаяся, съ деревяннымъ, широкимъ лицомъ, мать девятерыхъ дѣтей, не имѣвшая отъ роду въ рукахъ больше трехъ рублей, испугалась присланныхъ мужемъ десяти красненькихъ: давившая нужда, полуголодная жизнь отучили отъ радостныхъ впечатлѣній. Завязывая въ конецъ головного платка полученныя въ волостномъ правленіи деньги, она боязливо думала:

— Зачѣмъ прислалъ такую уйму денегъ, куда я съ ними дѣнусь? Еще удушатъ ночнымъ временемъ.—Слушала чтеніе мужняго письма, плохо понимая содержаніе, обливаясь горькими слезами: въ душѣ не являлось сомнѣній; она дѣйствительно радовалась скорому возвращенію мужа.

— Съ богатствомъ поздравляю, Степанида Ивановна, съ скорымъ возвращеніемъ мужа,—окончивъ чтеніе письма, сказалъ писарь.

— Спасибо, родимый. Въ толкъ не возьму, о какихъ бревнахъ наказываетъ мнѣ Василій?

— Приглядѣть по деревнѣ, нѣтъ ли продажныхъ, хочетъ строить новую избу. Напрасно не хлопочи, я поспрашиваю, пріѣдетъ Василій, скажу ему. Къ отцу Григорью сходи, недоимки занеси, у меня давно подсчитано, долго въ правленьи не задержимъ.

— Спасибо, Никандръ Петровичъ, на добромъ словѣ, заходи рюмочку винца выпить.

— Зайду, зайду! Ты, Степанида Ивановна, въ случаѣ надобности заходи ко мнѣ за совѣтомъ, всегда буду въ готовности; съ твоимъ Васильемъ мы не ссорились...

— Спасибо!..

Приходъ волостного старшины, тучнаго, краснолицаго мужика, служившаго третье трехлѣтіе, привелъ Степаниду въ замѣшательство: въ ея развалившуюся избу, за отсутствіемъ мужа, никто почти не заходилъ.

— Здорово, хозяюшка! Зашелъ взглянуть на твое житье-бытье, давно собирался зайти... служба, наше дѣло подневольное... Какъ поживаешь?...

— Спасибо, Александра Дмитричъ! Живемъ по-маленьку, благодаря Создателя...

— Писарь деньги тебѣ отъ мужа передалъ?

— Передалъ, Александра Дмитричъ, передалъ.

— Похлопочи на счетъ недоимокъ... Ожидаешь мужа?

— Какъ не ожидать! Три года не видѣлась, измучилась безъ него, наголодалась съ ребятами. Присаживайся, Александра Дмитричъ... дорогой гостенекъ... небывалый... осчастливилъ убогую...

— Спасибо, некогда; забѣгай къ моей Феклѣ Петровнѣ, обрадуется!..

На смѣну старшинѣ являлись другіе посѣтители.

— Умолила ты Господа, Степанидушка, умолила царицу Небесную,—вглядываясь въ темное Степанидино лицо, скороговоркой говорила тетка Ненила, раньше никогда не бывавшая въ избѣ Жучковыхъ, — благословилъ Создатель твое смиреніе! Слышно по деревнѣ: большія тыщи Василій заработалъ, пряталъ деньги въ банкію. Дождешься муженька, не загораживайся, Степанидушка, не забывай насъ съ Маринкой, считаемся съ тобой сестрицами.

— Чѣмъ ты, Степанидушка, огорчила тетку Ненилу?— входя въ избу, торопливо спрашивала „бабушка“ Дарья, шестидесятилѣтняя старуха, прозванная „собачьимъ брехаломъ“, питавшаяся мірскимъ подаяніемъ.—Идетъ Ненила по улицѣ, ругательски тебя ругаетъ. Василья твоего обзываетъ непотребными словами; по всѣмъ улицамъ-закоулкамъ лается что бѣшеная собака. Напрасно ты привѣчаешь Ненилу: глаза у ней завидущіе, муженька заѣла, подъ подолъ загнала, въ корень извела! Билъ онъ ее, билъ, кулаки обломалъ, плюнулъ, покорился. Не пара она тебѣ, Степанидушка, при твоемъ богатствѣ, твой Василій орелъ поднебесный, ты сама кралей выглядишь, отъѣшься на бѣлыхъ хлѣбахъ, королевой будешь, нагуляешь тѣло бѣлое. Спосылаетъ тебѣ Господь удачу, слышно, везетъ мужъ подарки несмѣтные, золото, серебро, драгоцѣнные каменья; отъ зависти люди болтаютъ про Василья, отъ жадностей... Хорошій человѣкъ на чужое счастье радуется. Пожертвуй, болѣзная, отъ неожиданнаго богатства убогой, безродной старухѣ, не оставитъ тебя Господь! — Степанида жертвовала гривенникъ, старуха уходила недовольная и ругательски-ругала Жучковыхъ.

— Сидѣлъ онъ, Василій Жучковъ, подъ великое Крещенье на острожной нарѣ, — разсказывала „бабушка Дарья“, — по-

слѣдняя ночь гулять по зѣмле нечистой силѣ, завтра провалятся въ преисподнюю. Сидитъ на нарѣ Василій, клянетъ свою острожную долю, ругательски-ругается, возроптал̀ъ на Господа Бога, Его святую Десницу!.. Нечистый сейчасъ за спиной появился, шепчетъ въ уши, соблазномъ соблазняетъ: „Отрекись отъ Христа Бога Вседержителя, отъ отца съ матерью, всѣхъ православныхъ христіанъ, сорви съ шеи святой крестъ, положи въ сапогъ подъ пятку. Озолочу тебя: золото, серебро, шелки, бархаты, дѣйствуй по моему хотѣнью!..“ Не устоялъ въ соблазнахъ, отрекся отъ вѣры православной, закабалилъ сатанѣ душеньку!...

Степанида скоро замѣтила перемѣну односельчанъ: у ней заискивали, льстили въ глаза, восхваляли ея достоинства, мало-по-малу она начала и сама измѣняться въ собственныхъ глазахъ, гордиться Васильемъ, его непонятными заслугами, нажитымъ богатствомъ.

— Будетъ съ насъ,—наголодались, приняли униженій, пора самимъ пожить въ довольствѣ!—Заходила въ лавку Макарыча, ее встрѣчали съ поклонами: покупала крупчатой муки, пряниковъ, конфектъ, изюму, постнаго, скоромнаго масла, для ребятъ кренделей.

— Со дня на день поджидаю Василья Михайловича,—говорила она громко,—съ дорожки выпить, закусить понадобится. Пишетъ въ письмѣ: кромѣ сладкой водки, въ ротъ другой не беретъ, съ собой везетъ для обихода; закусокъ городскихъ изготовилъ видимо-невидимо.—Нагруженная покупками съ поднятой головой выходила она изъ лавки; ее провожали поклонами, подмигивая говорили другъ другу шопотомъ:

— Залетѣла ворона въ золочены хоромы!

Около развалившейся Жучковской бани толпятся ребятишки, толкая другъ друга, подбадривая, боязливо выглядываютъ изъ-за угла, широко раскрытыми глазами оглядываютъ крышу избы.

— Смотри, смотри, Сеняха: огненный змій на трубѣ... шевелится.

— Гдѣ?.. Врешь?.. Неужели?.. Покажи, Васюха!

— На трубѣ сидитъ, не видишь что ли?

— Сиди-и-итъ... Ей-богу сидитъ... Зеленый, съ лапами...

— Шевелится?... Покажи, Митяха.

— Изъ пасти полмя пышетъ, искры столбомъ вылетаютъ...

— Подойдемъ поближе.

— Боязно, какъ бы не укусилъ!

— Чего бояться? Перекрестить, сейчасъ разсыпется, провалится сквозь землю.

— Не надо креститься, дай посмотрѣть, мы не видывали.

— Гляди на трубу. Видишь? Не мигай глазами, не куксись: не любитъ онъ человѣческихъ слезъ.

Гдѣ-то стукнули дверью, — какъ стая испуганныхъ воробьевъ, шарахнулись ребята въ разныя стороны; подгоняемыя собственными страхами, не жалѣя пятокъ, улепетывали отъ огненнаго змія.

IV.

Жучковъ пріѣхалъ за пять дней до Покрова. Жена, дѣти испуганно оглядывали отца, широкимъ крестомъ крестившагося на передній уголъ, одѣтаго въ черный барашковый полушубокъ, съ кожаной сумкой черезъ плечо, и стоявшаго у дверей съ мѣшками въ рукахъ ямщика, удивленно оглядывавшаго убогую обстановку избы.

— Здравствуй, Степанида, здравствуйте дѣти, давно не видались! — говорилъ Жучковъ сиповатымъ голосомъ, — каково живется-можется? — Жена и дѣти повалились въ ноги.

— Родной нашъ... желанный... истосковались по тебѣ, — громко всхлипывая, голосила Степанида; ребята лежали уткнувшись въ полъ головой, — глазеньки проглядѣли... баньку присмотрѣла, самоваръ. Не желаешь ли водочки съ дорожки?.. заготовила къ твоему пріѣзду...

— Вставай, вставай, Степанида, принимай гостя, принимай мѣшки отъ ямщика, — цѣлуя жену и дѣтей, говорилъ онъ ласково.

Принимая мѣшки отъ ямщика, ставя самоваръ, откупоривая бутылку водки, приготовляя закуску, Степанида не отводила глазъ отъ сидѣвшаго за столомъ мужа, три года отсутствовавшаго, подмѣчала перемѣны въ лицѣ, жестахъ, разговорной рѣчи. Побѣлѣвшіе на головѣ и бородѣ волосы, съ проборомъ по срединѣ, гладко причесанные, блестѣли масляной смазкой, заполнявшей избу запахомъ духовъ, раздражающихъ обоняніе. Степанида, усиленно втягивая носомъ воздухъ, думала: „не нюхивала, не слыхивала, чтой-то съ Васильемъ надѣлалось?“... Подстриженная, расчесанная волосокъ къ волоску борода, закрученные усы, полное лицо съ толстыми губами, кумачевая красная рубаха, плисовые шаровары, шелковый поясъ съ кистями, серебряная черезъ шею цѣпочка отъ часовъ, придавали ему видъ ухарскій. Глубокія морщины на лбу, на щекахъ, поперечныя складки около угловъ рта, опасливые огоньки въ безпокойно бѣгающихъ глазахъ, непроизвольныя подергиванія плечами, вздрагиванія лицевыхъ мышцъ указывали женѣ на огромную перемѣну. Не сладко, видно, жилось въ острогѣ Василью, сильно измѣнился въ лицѣ. Выпивая и закусывая, Жучковъ тороп-

ливо задавалъ женѣ вопросы, не дожидаясь отвѣта, говорилъ о другомъ, снова возвращался къ оставленной мысли.

— Плохо жилось?... Голодали?... Слышалъ въ острогѣ, передавали... Постарѣла ты, Степанида... хе, хе, хе... спала съ тѣлесъ... въ чемъ душа держится... Знаешь присловье? Мужъ любитъ жену здоровую, братъ сестру богатую... Не печалься! Нагуляешь тѣло на хорошихъ харчахъ,—слава тебѣ, Господи, явился твой Василій не съ пустыми руками. Три года не видѣлись!—Сберегалъ я себя, законовъ Господнихъ не нарушилъ, соблюдалъ брачную чистоту... Не плачь, Степанида, не реви голосомъ: не люблю я, когда реветъ человѣкъ... наслушался ревовъ... съ меня довольно... Не реви при мнѣ, ребятамъ воспрещай... Выпей стаканчикъ, поздравь съ пріѣздомъ... миновала бѣдность, слава Господу, на нашъ вѣкъ съ тобой хватитъ. Выпей, говорю, не краденое, собственныхъ трудовъ, — онъ хмѣлѣлъ, — выпивка господская: привыкъ я къ заморскимъ коньякамъ, русское вино не помогало при работѣ.

— Умоленый нашъ... упрошенный... соколъ ясный... возвратился!—голосила Степанида.

— Не реви говорю, не разстраивай сердца; воешь, какъ голодный волкъ!—Въ его глазахъ мелькнуло безуміе звѣрства, лицо поблѣднѣло. Степанида сразу затихла.—Выпей стаканчикъ... ревѣть не моги... Приши-ибу... Не пожалѣю... Появляются, ночами появляются... Панихиду служить надо, съ поминовеньемъ. Сядь рядкомъ... По близости три года не видались... денно, нощно держалъ на памятяхъ. Поцѣлуй, Степанида... Обойми... Съ нашимъ удовольствіемъ. Новую избу поставимъ, заведемъ лошадь, корову, ребятъ соберемъ въ кучу, будетъ имъ чужихъ людей обслуживать. Что говорятъ обо мнѣ въ деревнѣ? Завидуютъ? Ха, ха, ха...—засмѣялся онъ пьяно-раскатистымъ смѣхомъ. „Василій Жучковъ чорту душу продалъ, далъ кровяную росписку"... Дурраки... Деревенщина... Чего они понимаютъ? Не слушай ихъ, Степанида... Темный народъ, кромѣ навозовъ ничего не видывали. Службу служилъ Жучковъ, соблюдалъ казенный интересъ... рѣшалъ измѣну... дѣйствовалъ закономъ... казнилъ крамольниковъ... Три съ половиной тысячи въ банкѣ... Патентъ имѣемъ съ казенной печатью... „Не обезпокоивайся, Жучковъ, напишемъ бумаги, дѣйствовалъ по законамъ, не забудемъ твоей службы"... говорили мнѣ большіе генералы. Не слушай дураковъ, Степанида, деревня—ругатель извѣстный, облаять человѣка ничего не стоитъ... Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ... Кто кого перетянетъ—посмотримъ! Поклонятся Жучкову въ ноги голоштанники, генералъ ободрилъ, называлъ „опорой". „Самонужнѣйшій есть ты, Жучковъ, человѣкъ, безъ тебя правосудья

государственныя остановятся, истинно-русскій православный, христіанинъ"... Медаль обѣщали... Золотую... Онъ опьянѣлъ, лицо горѣло, глаза налились кровью, слова вырывались съ запинками.—Немного не хватило... до сотни... медаль не дали... Привыкалъ къ работѣ съ большой натужкой, — съ трудомъ выговаривая слова, какъ въ забытьи говорилъ Жучковъ:— не спори-илось: живой онъ... крамольникъ... шевелится... Мальчишко одинъ... шея длинная... въ лицѣ ни кровинки... дрожитъ... тяжела-ая ра-бо-о-та... Пододвинься, Степанида... выпей съ законнымъ супругомъ... шерстяное тебѣ платье, полусапожки, двѣ банки помады... Ты за кого меня почитаешь?!.— крикнулъ онъ бѣшеннымъ голосомъ. — Я твой глава... уничтожу... три тысячи въ банкѣ!—со всего размаху ударилъ онъ кулакомъ по столу.

— Полно, не гнѣвайся, Василій Михайловичъ, куда я безъ тебя дѣнусь съ ребятами? Прислалъ ты десять красненькихъ,— съ разстановкой говорила охмѣлѣвшая Степанида, — письмо прислалъ, отъ деревенскихъ отбою не было, сбѣгались смотрѣть, какъ на невидаль... старики, старухи... Старшина заходилъ, писарь... ребята отъ окошекъ не отходятъ, ругаются... „Живодерница... Удавница... Палачиха..." Ребятамъ нашимъ проходу не даютъ, обижаютъ... „Палачово отродье... Палачата отпѣтые"... Обидно, Василій Михайловичъ, я—честная жена... не баловалась, дожидалась...

Она плакала горькими пьяными слезами, раскачиваясь въ разныя стороны, монотонно выговаривала: „О, я несчастная! О, я горемычная"...

— Не оп-паса-айся Степанида... Найдемъ управу... отъ вышняго... Постилай постель... Самъ губернаторъ хвалилъ... стоялъ на одной линіи съ Жучковымъ... Господинъ прокуроръ... Развязывай мѣшокъ, высыпай... отъ трудовъ справедливыхъ.—Степанида развязала, встряхнула: посыпались свертки, пакеты, тючки, перевязанные суровыми нитками.—Никого не забылъ... сродственниковъ... дѣдушку Семена...—говорилъ онъ заплетающимся языкомъ:—крестную мать... Появляются въ видѣньяхъ... одинъ... другой... третій... не пускай ихъ, Степанида... на ранней зорькѣ... два столба съ перекладиной... опасливый народъ... крамола... Почитаетъ Жучкова высшее начальство, — чего намъ бояться? Общественникамъ пять ведеръ вина на радостную встрѣчу... въ ноги покланяются... урядникъ, исправникъ... безъ всякихъ ограниченій...

Черезъ минуту Жучковъ храпѣлъ тяжелымъ пьянымъ храпомъ, въ груди его свистѣло, рокотало. Позвянивали склеенныя бумажками стекла въ полусгнившихъ рамахъ, по стѣнамъ торопливо сновали тараканы. Темная, осенняя ночь глядѣла съ улицы въ оконца, слышались около осторожные

шаги, шорохи шаркающихъ ногъ, мелькали по окнамъ тѣни любопытныхъ... „Какъ бы не выскочилъ... удавитъ!“ „Смотри-и...смотри—цѣлуются“...„Мѣшки вытряхаютъ...золото... серебро“... Долго шептались голоса, въ глазахъ мелькали тючки пакеты, полупьяная Степанида съ растерянными глазами разсматривала куски матеріи, ситцы, связки баранокъ, банки помады. При видѣ шелковыхъ мужниныхъ рубахъ, обилія кумачевыхъ, плисовыхъ шароваръ, лаковыхъ сапоговъ, поддевки, пиджаковъ, она протрезвилась, испугалась, боязливо перебирая въ рукахъ невиданное богатство, взглядывая на храпѣвшаго мужа, его опухлое лицо, сѣдые волосы и бороду, торопливо крестилась въ передній уголъ съ иконою, мысленно взывая: „Защити, Царица Небесная, сохрани, помилуй“...

V.

На другой день Жучкова посѣтили урядникъ, волостной старшина, писарь, стражникъ и отецъ Григорій. Урядникъ, бравый служака изъ унтеръ-офицеровъ, проживавшій въ десяти верстахъ, постоянной своей резиденціи, подъѣхалъ около полденъ къ Жучковской избѣ на собственной лошади; около него очутился стражникъ Гордѣйка. Поправивъ висѣвшую черезъ плечо шашку, поздоровавшись со стражникомъ, быстро оглядѣвъ себя, урядникъ вошелъ въ избу.

— Жучковъ Василій дома?—спросилъ урядникъ.

— Я самый... Жучковъ,—поднимаясь на ноги, безпокойно оглядывая вошедшихъ,—отвѣтилъ тотъ торопливо.

— Съ пріѣздомъ, благополучнымъ прибытьемъ... Бумага касательно тебя, для объявки, приказалъ исправникъ... отъ губернатора... Зашли мы со стражникомъ по службѣ.

— Садитесь, садитесь, гостями будете... Милости просимъ...— онъ волновался, вспотѣлъ, лицо покраснѣло.—Здравствуйте, здравствуйте!—неловко захватывалъ Жучковъ протянутыя руки, метался по крошечной избѣ.—Степанида, подай винца, пожевать городской закуски... самоварчикъ... Какъ васъ звать, величать?—обратился онъ къ усѣвшимся на лавку гостямъ.

— Михаилъ Демьяновъ Петровъ, пятый годъ на службѣ,— отвѣтилъ урядникъ.

— Стражникъ Гордѣй Назаровъ, урожденный Беркутовки,—съ нашимъ вамъ, по первому требованію.

— Спасибо, гости дорогіе, за посѣщеніе! Избенка моя худая, на весну шестистѣнную поставимъ, пока приходится жить въ старой. Пошевеливайся, Степанида! Да, угостить дорогихъ гостей чѣмъ Богъ послалъ найдется.

Жучковъ догадался, что урядникъ со стражникомъ яви-

лись съ благими вѣстями. „Не забыли генералы Жучкова"... Въ душѣ шевелилось горделивое довольство.

— Время обѣдъ, на моихъ часахъ одиннадцать, на вашихъ,—позвольте узнать?—спросилъ Жучковъ.

— Десять минутъ одиннадцатаго. Часы на часы не приходятся, каждые показываютъ свое время,—отвѣтилъ урядникъ.

Они выпивали, закусывали твердой, какъ камень „московской" колбасой, вареннымъ мясомъ, забирая съ тарелки пальцами.

— За твое здоровье, Михаилъ Демьяновичъ!—выпивая говорилъ Жучковъ.

— Спасибо, тебѣ желаемъ удачи.

— Удача будетъ обязательно,—подхватилъ Гордѣйко,—въ нашихъ рукахъ способствовать.

— Говорилъ ты давеча, Михаилъ Демьяновичъ, съ бумагой прiѣхалъ на счетъ меня?—заискивающе спросилъ Жучковъ.

— Говорилъ правду: строго-на-строго приказано въ секретѣ наблюдать виновныхъ обидчиковъ твоей особы. „Соблюдалъ Жучковъ законъ, споспѣшествовалъ правосуднымъ образомъ, уничтожалъ супостатовъ"—урядникъ подыскивалъ выраженiя, припоминая канцелярскiе обороты „бумаги".—Становой приставъ поручилъ мнѣ соблюсти законность, обратить на тебя особое вниманiе. Опасаться тебѣ нечего, живи безбоязненно. Гордѣй Мокѣичъ постоянно стражъ, со всякимъ сопряженiемъ, незаконностей не дозволитъ.

— Будьте благонадежны, за себя постоимъ! — отвѣтилъ стражникъ.

На столѣ бурлилъ ведерный самоваръ, клубы пара заполняли избу, осѣдая на тусклыхъ стеклахъ, стекали грязными ручейками по рамамъ, тараканы шлепались съ потолка и, полежавъ въ забытьи на столѣ, торопливо бѣжали отъ нежданнаго сосѣдства. Въ избу зашли о. Григорiй, волостной старшина, писарь: отецъ духовный долго крестился въ передній уголъ, старшина и писарь неупустительно повторяли всѣ его движенiя рукою, присутствовавшiе повскакали на ноги.

— Миръ дому сему христiанскому, да сойдетъ милость Господа въ селенiе праведныхъ! — громко привѣтствовалъ о. Григорiй.

— Батюшка... Отецъ духовный... благослови... осчастливилъ...—растерявшись, суетился Жучковъ, цѣловалъ благословившую руку, кидался къ старшинѣ, къ писарю.

— Милости просимъ, милости просимъ!

— Увидалъ я у избы лошадь Михаила Демьяновича,—

усѣвшись въ передній уголъ, басилъ коренастый, сорокалѣтній о. Григорій:—старшина съ писаремъ встрѣтились, согласились зайти совокупно, навѣстить новопріѣзжаго обязанность пастыря церкви.

— Справедливо, отецъ Григорій, истинная правда!—подтвердилъ старшина.

— Дѣльце къ тому же имѣемъ для передачи хозяину дома сего,—выпивая и закусывая, говорилъ отецъ Григорій:— по рѣшенію консисторіи, получивъ прошлый разъ отъ благожелателя дома сего, черезъ его супругу три рубля на прикладъ Господнему храму, входилъ я съ донесеніемъ отцу благочинному; получилось соотвѣтствующее разрѣшеніе: „Споспѣшествовать благоденственному, мирному житію, христіанской кончинѣ при смертномъ часѣ, во всѣхъ дѣлахъ благому поспѣшенію, въ назиданіе враговъ Господа Христа Бога нашего, Его святой церкви православной во отпущеніе грѣховъ чада Христова Василія Михайлова Жучкова, вѣрнаго, усерднаго карателя супостатовъ". Жучковъ сидѣлъ красный, возбужденный, нервно передергивались плечи, судорогой сводило пальцы рукъ, дрожали колѣни.

— За здравіе карателя супостатовъ! — вставая на ноги, возгласилъ старшина.

— Уррра Василью Жучкову!—крикнулъ стражникъ. Присутствовавшіе поддержали, изба наполнилась гуломъ голосовъ, звономъ стекла, бульканьемъ проглатываемой водки.

— Я... Я... православные... отецъ духовный... гости дорогіе... со всякимъ стараніемъ... вѣрой... правдой,—Жучковъ растерянно кланялся, судорожно схватилъ руку о. Григорія, цѣловалъ её, торопливо крестился. — Передъ истиннымъ Богомъ... вѣрой... правдой... Степанида... ребята... кланяйтесь въ ноги...—онъ повалился на колѣни, стукнулся лбомъ въ поповскіе сапоги.—Обижаютъ... ругаются... палачъ... живодерникъ...

— Вставай, Жучковъ, прощается, разрѣшается,—говорилъ о. Григорій,—баламутовъ укротятъ, на всякъ день, днемъ и нощію заходи къ о. духовному, всѣ мы, здѣсь сущіе, въ обиду тебя не дадимъ.—По лицу Жучкова текли слезы, онъ всхлипывалъ, голосила Степанида.

— Выпей, Жучковъ, ободрись, мы выпьемъ за твое здоровье,—предложилъ урядникъ.

Лица присутствовавшихъ разгорались, глаза блестѣли, терялось сознаніе мѣста, времени; Степанида мѣняла бутылки, подбавляла мяса, соленыхъ огурцовъ, ломти хлѣба.

— Въ большой почетъ ты забрался, Жучковъ, въ разсужденіяхъ высшаго начальства!—съ оттѣнкомъ зависти въ голосѣ сказалъ старшина.

— Большому кораблю, большое плаванiе,—поддержалъ пьяный Гордѣйко,—по-о-заслугамъ... Съ вашего позволенiя, о. Григорiй!—Наливъ водки, онъ выпилъ.

— Василь Михайлычъ... родной,—послышался пьяный голосъ Гордѣйка,—разскажи про политику... какъ идетъ переборка? Гдѣ начало, гдѣ конецъ? Разскажи, Христа-ради... Очевидецъ... собственноручный! Ей-Богу изъ всякаго уваженiя... Любопытно послушать.

Жучковъ нахмурился и отвернулся. Всѣ въ избѣ притихли. Воцарилось неловкое молчанiе.

Дверь отворилась, въ избѣ появился плотный человѣкъ съ цыганскимъ лицомъ, подстриженными въ польку волосами, въ рваной триковой поддевкѣ, съ гармоникой подъ мышкой; перекрестившись, громко заговорилъ:

— Съ прiѣздомъ, хозяинъ... благополучно возвращенiя! Малашкинъ я Иванъ... Землякъ. Отцу Григорью, господину урядику... старшинѣ, писарю... хозяюшкѣ Степанидѣ Ивановнѣ наше почтенiе.

— Заходи, Малашкинъ, гость будешь,—говорилъ Жучковъ.

— Выпей, перекуси,—потерянное наверстаешь.

— Подойду сначала подъ благословенье... Благослови, о. Григорiй!

— Богъ благословитъ!—взмахнулъ о. Григорiй въ воздухъ рукавами рясы. Малашкинъ громко чмокнулъ руку.

— Теперь догонять будемъ честную компанiю...

— Не догнать, не догнать!—воскликнулъ Гордѣйко.

— Малашкинъ задохнется? Ни подъ какимъ предлогомъ...

Выпилъ, не останавливаясь, нѣсколько стаканчиковъ.

— Э, эхъ ты, эхъ ты, Матрена душа, у тебя, кума, машинка хороша, распрекрасная...—запѣлъ вдругъ Малашкинъ теноровымъ голосомъ; подъ игривые переборы гармоники полилась разухабистая, циничная пѣсня, присутствовавшiе одобрительно улыбались, притопывая ногами присвистывали, прищелкивали.

— Такъ ее... такъ куму шельму распрекрасную... по всѣмъ переборамъ безъ остановки.

— Наяривай, Малашкинъ! Поздравимъ христiанина съ прiѣздомъ!

— Валяй плясовую, Малашкинъ! Чтобъ пятки тряслись, ноги дергало, гуляй Гордѣевска душа!—Полились, затрескали звуки съ вывертами, переходами, смѣшивая камаринскаго съ „Барыней“: стражникъ Гордѣйка, старшина, писарь съ присвистомъ, переговоркой ударились въ присядку.

У барыни огородъ, ее любитъ весь народъ,
Барыня, барыня, сударыня-барыня!
У барыни огурцы, ее любятъ всѣ купцы
Барыня, барыня, сударыня-барыня!

Притаптывая каблуками, щелкая пальцами, густымъ басомъ подпѣвалъ старшина.

— Наяривай, Малашкинъ!..—присѣдая, какъ индійскій пѣтухъ, выкрикивалъ старшина.

Долго неслись изъ избы топотъ и грохотъ ногъ, отчаянные звуки гармоники, выкрики: „Гуляй душа на распашку...“ привлекшіе къ окнамъ любопытныхъ, боязливо заглядывавшихъ въ стекла, боязно отскакивавшихъ при каждомъ громкомъ выкрикѣ.

— Ур-ра Жучкову Василью! Качать его, православные!..

Его качали, подбрасывали, цѣловали, обнимали, высказывая „патріоту“ особливую любовь „за заслуги“, клялись въ „вѣрности защиты“; урядникъ и старшина горько плакали, говорили, не понимая другъ друга, о. Григорій цѣлуя Жучкова, шепталъ: „Доблестный... мужъ... спаситель... поцѣлуемся!“ Гости разошлись послѣ солнечнаго заката.

— Видѣла жена, какъ Василья Жучкова чествуютъ? То-то и оно-то! Не даромъ полтора года служилъ вѣрой и правдой; съ большими генералами состоимъ въ знакомствѣ!—самодовольно говорилъ Жучковъ.

— Собственными глазаньками видѣла, ухами слышала, въ какіе чины произошелъ ты, Василій Михайлычъ!

VI.

Приходъ Жучкова въ Покровъ Богородицы въ переполненную народомъ церковь взволновалъ молящихся; тысячи глазъ устремились на него въ одну точку; стоявшіе у лѣваго клироса ребята пугливо шарахнулись; псаломщикъ Петръ Григорьичъ поперхнулся на „Господи помилуй“ сорокъ разъ, сбился со счета... Изъ толпы молящихся раздался истерическій выкрикъ: „Мать Пресвятая Богородица, Заступница! Въ храмѣ Божьемъ появился!..“ Слышался дѣтскій плачъ, полугромкое успокаиванье матери „не бойся доченька, не бойся“. Отъ проходившаго Жучкова боязливо сторонились. Одѣтый въ шелковую, краснаго канауса рубаху, плюшевые шаровары, лаковые сапоги выше колѣнъ, въ резиновыхъ галошахъ, плюшевую зеленую жилетку съ каменными пуговицами, суконную на распашку поддевку, съ серебряной цѣпочкой черезъ шею, котиковой шапкой въ рукѣ, напомаженными волосами, издавая отъ себя „хорошій духъ“, онъ вызывалъ растерянное настроеніе. Задніе ряды молящихся приподнимались наноскахъ, вытягивали шеи, прищуривая глаза. Всѣ жадно слѣдили за каждымъ движеніемъ Жучкова.

Съ пучкомъ восковыхъ свѣчей въ рукахъ Жучковъ пробрался сквозь толпу къ иконостасу; положивъ передъ мѣстными иконами по три земныхъ поклона, вставлялъ въ подсвѣчникъ зажженную свѣчу, снова клалъ поклоны; отошелъ къ правому клиросу; молился; не вставая съ колѣней. Поднесенная сторожемъ Жучкову на блюдѣ священная просфора вызвала растерянное удивленіе.

— Благословите, о. Григорій! Прошу отслужить благодарственный молебенъ Покрову Богородицы,—просилъ Жучковъ послѣ окончанія обѣдни.

— Сейчасъ отслужимъ.

Жучковъ стоялъ на колѣняхъ, кланялся въ землю, взмахивалъ опускавшимися волосами. Большинство изъ церкви не выходили, напряженно слѣдили за нимъ, его шевелящимися губами, опускавшимися волосами; три серебряныхъ рубля, положенные на тарелку послѣ молебна, вызвали гулъ удивленія.

— Съ праздникомъ, Василій Михайловичъ!—поднеся крестъ для цѣлованья, сказалъ о. Григорій.

— Равнымъ образомъ! — польщенный вниманіемъ, отвѣтилъ Жучковъ.—Буду къ себѣ ожидать со святымъ крестомъ, хлѣба, соли откушать.

— Зайдемъ! Зайдемъ!—отвѣтилъ священникъ. Къ Жучкову подошли старшина, писарь, стражникъ Гордѣйко въ формѣ, при шашкѣ, и Малашкинъ.

— Съ праздникомъ!

— Равнымъ образомъ! Заходите, радъ буду дорогимъ гостямъ,—говорилъ онъ, направляясь къ выходу. Гордѣйко, Малашкинъ суетливо расчищали дорогу; Гордѣйко прикрикивалъ:

— Пропустите!.. Посторонитесь!—Народъ сторонился, давалъ дорогу съ выраженіемъ боязни, затаеннаго недоброжелательства; ребята отскакивали въ стороны, дѣвушки и женщины боязливо шушукались.

— Идетъ! Идетъ!—гудѣло у торговыхъ палатокъ съ пряниками, орѣхами, лентами, ситцами, раскинутыхъ пріѣзжими торгашами за церковной оградой.

— Кто идетъ?—торопливо спрашивали наѣзжіе изъ сосѣднихъ деревень.

— Жучковъ... Палачъ... Удавникъ... Не видишь, что ли?— Всѣ шарахнулись, но вернулись. Торгаши оставили прилавки, глядѣли во всѣ глаза на проходившаго Жучкова.

— Гляди, гляди, ребята!—выкрикнулъ мальчишка лѣтъ десяти,—удавникъ вышагиваетъ...

— Гдѣ? Который? Покажи!..

— Я васъ, пострѣлята! — взмахивая нагайкой крикнулъ Гордѣйко.—Ребята отскочили въ сторону.

— Укажи палача, Гришуха!—говорили мальчики, пріѣхавшіе изъ сосѣднихъ деревень.

— Въ шелковой красной рубахѣ, видишь, идетъ, борода клиномъ, руками размахиваетъ: съ одного боку стражникъ Гордѣйко, съ другой Малашкинъ.

— Чего они ходятъ рядомъ съ Жучковымъ?

— Чего! Начальствомъ приказано охранять отъ нечистой силы.

— Денегъ съ собой Жучковъ привезъ видимо-невидимо, сотенными бумажками.

— Врешь?..

— Чего мнѣ врать: тятька съ мамкой разговаривали, дядя Степанъ назади сидѣлъ, Иванъ Мазуринъ, тетка Лукерья... Сообща разговаривали,—деньги получалъ, удавливалъ души христіанскія.

— Боя-я-зно-о... Вдругъ за горло схватитъ!

— Чего бояться? Бабушка Арина знаетъ отъ нечистаго человѣка.

— Зачѣмъ онъ въ деревню пріѣхалъ?

— Начальство приказало: „сиди, говоритъ, на одномъ мѣстѣ... обмывайся въ святой водѣ“...

— Какъ вышагиваетъ? — Ребята боязливо толкали другъ друга. Старшіе забѣгали впередъ, оглядывали его съ ногъ до головы. Энергичное движеніе головой, громко сказанное слово кѣмъ-либо изъ Жучковской группы обращало любопытныхъ въ бѣгство.

— Глазы-то... по ложкѣ... какъ взглянулъ на меня!

— Мнѣ погрозилъ пальцемъ!

— Испугался?..

— Испугался!..

— Забѣжимъ впередъ, посмотримъ.

— Онъ тебѣ посмотритъ! Стражникъ съ Мокѣйкой съ орудьями... охраняетъ.

— Чего Мокѣйко? Убѣжимъ—не догонитъ!

— Видѣла его, Машутка? — спрашивала молодая дѣвушка свою подругу.

— Видѣла, прошелъ близехонько, задѣлъ меня рукавомъ, воззрилъ, стрѣльнулъ глазами.

— Онъ чай женатый!

— Въ его чинахъ законъ не писанъ, чего съ нимъ подѣлаешь? Бабушка Ненила разсказывала, удержовъ отпѣтымъ не бываетъ.

— Какія страсти! Морозъ по-за-кожамъ.

— Шелковъ, бархатовъ навезъ Степанидѣ своей, драгоцѣнныхъ каменьевъ, золота, серебра!

— Взглянуть бы глазкомъ однимъ на богачество!

— Пойдемъ къ торговцамъ ленты разглядывать.

— Давно появился?—кивая головой въ сторону Жучкова, спросилъ пожилой торговецъ подошедшаго къ палаткѣ мужика.

— Чиновникъ-то нашъ новоявленный?—прищуривая глаза, переспросилъ мужикъ.—Появился въ свое время: отъ бѣдъ, напастей куда дѣваешься?

— Говорятъ изъ острога съ деньгами пріѣхалъ, хорроošій капиталъ наколотилъ, деньги въ банку припряталъ,—допрашивалъ торговецъ.

— Болтаютъ многое,—уклончиво говорилъ мужикъ,—при наживѣ капиталовъ не присутствовали.—Почемъ ситецъ-то? Пряники?.. Орѣхи? Ребята заказывали: „Безъ гостинцевъ тятька домой не приходи“.

Подошли человѣкъ пятнадцать „призывныхъ“, было шумно, половина наигрывала на гармоникахъ, толкавшіеся у палатокъ давали дорогу.

— Милости просимъ, пожалуйста, господа новобранцы, милости просимъ. Пряники, орѣхи, рожки заморскіе, изюмъ персидскій, сѣмячки подсолнечные, купите, закупайте, красныхъ дѣвокъ угощайте.

— Почемъ пряники?

— Пять копѣекъ.

— Отвѣсь полфунтика.

— Готово...

— Орѣховъ полфунта.

— Сѣмячекъ на двѣ копѣйки.

— Рожковъ сладкихъ на пять копеекъ.

— Дѣвицы, красавицы, чего покупаете? Ленты въ косы, мыла душистыя. Помады заморскія,—чего прикажете?.. Однимъ моментомъ.

— Молодки, бѣлыя лебедки, бабушки старушки, ребята малыя—чего покупаете? Заходите къ старому знакомому, товарецъ свѣжій изъ Москвы Бѣлокаменной.

— Играй ребята веселую! Гуляй, солдатская голова!

„Призывные“ сталкивались съ встрѣчающимися; въ большинствѣ имъ давали „привилегію“,—сворачивая съ дороги, пропускали мимо торговыхъ палатокъ. „Пусть гуляютъ при отцѣ съ матерью, забреютъ въ солдаты, остепенятся!“

— Видѣлъ, Гриша, Жучкова? Онъ что купецъ первой гильдіи!—раздался голосъ изъ толпы „призывныхъ“.

— Видѣлъ, испоганилъ онъ нашу деревню, передъ сосѣдними ребятами стыдоба: „съ палачемъ имѣемъ честь по-

здравить, съ дьявольскимъ навожденіемъ"!.. Проходу не даютъ, нашихъ дѣвокъ обзываютъ „палачницами".

— Завелась болячка, чего съ ней подѣлаешь?

— Подѣлать все возможно! Выкурить его съ женой и ребятами, пустить волчка въ избу!

— Дождется судьбы, уберется откуда пріѣхалъ!

— Начальство крѣпко за Жучкова держится, охрана, всякое способіе...

— Намъ Жучковъ не нуженъ, пакоститъ деревню, наводитъ сомнѣнье: палачъ онъ, живодерникъ, душилъ людей безоружныхъ, свяжетъ руки на спину безпомощному, надругивается.

— Подумаемъ о средствіяхъ, сейчасъ праздникъ, погуляемъ, играй, ребята, плясовую!..

VII.

Угрюмый возвращался Жучковъ домой. Вопреки надеждѣ войти въ общую колею деревенскихъ сосѣдскихъ отношеній, онъ чувствовалъ къ себѣ глухо-враждебное настроеніе: его сторонились, никто изъ честныхъ жителей не поздравлялъ съ праздникомъ, не приглашали въ гости, видимо избѣгали встрѣчъ, разсматривали, какъ невиданнаго звѣря. Злоба охватывала душу, явилось желаніе выместить обиду, показать „деревенщинѣ" свое значеніе, заставить поклониться, унизить, показать пренебреженіе Жучкова.

— Я вамъ покажу...—бушевало въ груди,—на колѣняхъ будете ползать, просить вспоможенія... проживу безъ вашей компаніи, кланяться не буду.

Подходя къ дому, онъ встрѣтилъ человѣкъ десять односельчанъ, громко разговаривавшихъ, размахивавшихъ руками, ради праздника Господня съ ранняго утра „клюнувшихъ" во спасеніе души христіанской. Эта была компанія „питуховъ", „завсегдателей", извѣстныхъ деревнѣ своей безалаберной жизнью, готовыхъ за рюмку вина пробѣжать безъ шапки десятки верстъ по морозу.

— Съ праздникомъ, Василій Михайловичъ! — приподнимая шапки, громко заговорила компанія,—къ тебѣ въ избу идемъ, поздравить значитъ... хозяина съ хозяюшкой... престоломъ Господнимъ...

— Спасибо! Заходите, заходите, — торопливо отвѣтилъ Жучковъ.

— Встрѣчай дорогихъ гостей, Степанида,—входя въ избу, весело говорилъ Жучковъ,—что въ печи, на столъ мечи! Милости просимъ, гостеньки, не обезсудьте за тѣсную избу, дастъ Господь, къ веснѣ поставимъ шестистѣнокъ.

— Съ праздникомъ, хозяинъ, хозяюшка! Съ благополучнымъ пріѣздомъ тебя, Василій Михайловичъ, давно не видались,—кланяясь, поздравляли вошедшіе.

— Садитесь, садитесь!—приглашалъ Жучковъ—господинъ стражникъ, Малашкинъ, все старые пріятели, покажите гостямъ дорогу.

— Миръ дому хрестьянскому,—входя въ избу, торопливо крестясь, говорила старуха Арина Парамоновна,—уроди, святой Ипатъ, жита пятьдесятъ лопатъ, хозяинъ святыя зернышки обсушитъ, на мельницу съѣздитъ, мучки намелетъ христовой, хозяюшка квашню замѣситъ, пироговъ напечетъ, мы поѣдимъ, Господа восхвалимъ! Съ праздничкомъ!

— Заходи, бабушка, заходи!

— Заждалась тебя Степанидушка, исхудала, болѣзная,—жалобно говорила старуха.—Заходила безъ тебя, навѣщала болѣзную, только и разговоровъ слышала: „Какъ-то мой болѣзный поживаетъ"?

— Приходи, гостья будешь.

Въ избѣ становилось душно; кипѣвшій ведерный самоваръ сгущалъ атмосферу парами, лица раскраснѣлись отъ частыхъ угощеній, загорались глаза, степенная разговорная рѣчь прерывалась крикливыми возгласами.

— Идемъ значитъ... обѣдня отошла... народъ валитъ изъ церкви... Престолъ значитъ Господень... Праздниковъ праздникъ... Проздравить... Василья Михайловича... одной деревни...

— Постой, дядя Федоръ... повремени... Объясни Христаради: раскровянилъ меня онъ, два раза по уху ударилъ... способный онъ человѣкъ... ужившій... Далъ ему сдачи, угомонился: по стаканчику на мировой выпили, дѣло пріятельское...

— Ждали тебя, Василь Михайловичъ... Слышали... отклики отъ начальства разные... Не оставь наши недостатки... посодѣйствуй...

— Возводи новую избу, Василь Михайлычъ, у сосѣда Якима Петровича въ Повшутахъ двѣсти бревенъ въ запасѣ, кондовыя бревны, сосна къ соснѣ, смо-о-ле-выя! Не дорого возьметъ съ хорошаго человѣка!

— Иванъ Петровъ, Шилинъ Семенъ, Демко Лестеревъ въ плотники къ тебѣ собираются, выведутъ шестистѣнокъ, какой хочешь: скажи слово, передадимъ,—завтра явятся.

— Удивилъ ты всѣхъ, Василь Михайлычъ, истинное слово, удивилъ!—руками развела, не знала, что подумать... богачество... въ тысячахъ значитъ.

— Увидали тебя сегодня въ храмѣ Господнемъ во всѣхъ нарядахъ... часы съ цѣпями... сапоги... ахнули!.. попятились

со страховъ... тетка Маланья на полъ свалилась... Ребята, что зайцы, изъ церкви стрекапули. Ей-богу правда! Сумнительный ты человѣкъ для общества, Василь Михайлычъ, перевертышный...

— Ѣшь пирогъ съ грибами, языкъ держи за зубами,— заговорилъ вдругъ раскраснѣвшійся стражникъ Гордѣйко,— состоимъ при Василь Михайлычѣ по особымъ порученіямъ,— предписательная бумага... губернаторъ... чтобъ ни-ни! Ни подъ какимъ видомъ... подъ особой угрозой.

— Мы ничего, Гордѣй Петровичъ... Промежду себя... одной крови... одного происхожденія...

— То-то, братъ, посматривай,—говорилъ Гордѣйко,— намъ запретъ не бываетъ: винтовка, шашка, нагайка... въ случаѣ чего... готово!—Жучковъ исполнялъ по законамъ... должность... Переводилъ бунтовщиковъ... Намъ приказано охранять, соблюдать интересъ, во всей готовности, орудьи съ нами... убью, взысковъ не полагается, понялъ?

— Я... Я... Я...—несвязно бормоталъ проговорившійся,— изъ любопытства... Ей-богу ненарокомъ... на всякъ день, на всякъ часъ, во всякое время въ ножки поклонюсь... Простите Христа-ради!

— То-то, братъ, оглядывайся: не твоей дурашной головѣ политиками заниматься,—говорилъ Гордѣйко,—угодишь на цѣпь, за желѣзную рѣшетку, повѣсятъ между небомъ и землей!

— Выпить, закусить милости просимъ, гости дорогіе! Наливай стаканчики! — пригласилъ раскраснѣвшійся Жучковъ.—Хорошихъ людей забывать не будемъ, не плюй въ колодезь, приведется воды попить,—хе, хе, хе!..—смѣялся онъ утробнымъ смѣхомъ. — Фордыбачатъ общественники, морды воротятъ отъ Жучкова... Посмотримъ! Жучковъ одинъ на губернію,—кто кого перетянетъ.

— Не обезпокоивайся, Василь Михайлычъ, — говорилъ пьяный Гордѣйко,—въ нашихъ средствіяхъ... оставимъ... образумимъ... распоряженіе начальства... вольны въ животѣ смерти... донесемъ куда слѣдуетъ...

— Спасибо, Гордѣй Иванычъ... защитникъ ты... —съ пьяными слезами на глазахъ говорилъ Жучковъ,—общественнымъ покровительствомъ... Обидно... Служилъ вѣрой, правдой... съ какихъ маштабовъ начинать?

— Что я тебѣ скажу, Василь Михайлычъ... Послухай... ей-Богу въ самую центру,—заговорилъ одинъ изъ „питуховъ“, пожилой мужикъ, съ опухшимъ лицомъ, узкими, затекшими глазами.—Утихомирить общественниковъ... Сразу сдадутся... одно слово баить: выставь пять ведеръ вина... входныхъ, значитъ... на общественную пользу, закусковъ,

сколь найдется... Ей-богу, правду говорю. Не первый разъ, средствіе испытанное... Фордыбачили общественники, куражатся, сторонятся: сухая ложка ротъ деретъ... Ей-богу, правду говорю.

— Вѣрно, дядя Федоръ, справедливо, одна примѣта: не видятъ угощенья общественники.

— За виномъ дѣло не станетъ,—заговорилъ Жучковъ,— мало пяти ведеръ, десять поставимъ, угостимъ по родственному, сосѣдскому обычаю... Намъ что—бахвалился пьяный Жучковъ,—денегъ нѣтъ, что-ли?.. Ха, ха, ха!.. Не такъ ли говорю, Гордѣй Ивановичъ? Вѣрный ты стражъ мой, способственный... всей душой... всѣмъ сердцемъ... обижаютъ общественники... куражатся... обижаютъ Жучкова... не-е-евинно стра-ада-аемъ...—и заплакалъ пьяными слезами.

— Брось это дѣло, Василь Михайлычъ,—встрепенулся Гордѣйко,—оставь, утихомиримъ, согнемъ въ бараній рогъ. Правовъ на нашей сторонѣ довольно... Измѣна отечеству, сотрясеніе основъ! Березовыхъ, всякихъ, другихъ, полевыхъ угодій... расправимъ, снисхожденьевъ не будетъ!

— Сердце грызетъ, Гордѣй Ивановичъ, безпричинная обида: вѣрой, правдой два года сподрядныхъ, не покидая рукъ, можно сказать, награжденья золотой медалью, не хватило пустяковъ: требовалось сто въ аккуратѣ, шести не хватило, вышла заминка, оставили въ послѣдовательности.

— Обойдется, Василь Михайлычъ. Выпей, проглоти стаканчикъ, полегчаетъ... Ей-богу, полегчаетъ,—убѣждали хозяина.

— Душа ноетъ, гор-ритъ нутро обидой. За какія провинности?.. Гор-рем-мычный, ни одного степеннаго гостенька.. Выжиги, пьяницы собрались, пропадающіе люди... Нажрутся напьются, утѣхи никакой, горитъ подъ сердцемъ... Выпьемъ, православные... праздничекъ, престолъ... Гордѣй Иванычъ, другъ... поцѣлуемся! Защитникъ ты... всеоружный...

— Мы по законамъ, съ нашимъ удовольствіемъ... нагайкой... оружейнымъ способомъ. Отвѣтственность снимается...,— цѣлуясь съ Жучковымъ говорилъ умиленный Гордѣйко.

VIII.

Послѣ обѣдни праздника Введенія Богородицы во храмъ за Жучковской избой на пустырѣ собралось человѣкъ двѣсти крестьянъ; преобладали мужики среднихъ лѣтъ, встрѣчались старики, не въ большомъ отдаленіи толпились подростки, ребячья мелюзга, женщины, дѣвушки. Сухой, про-

хладный ноябрьскій день. Осеннее солнце блѣдными, косыми лучами освѣщало возбужденныя ожиданіемъ лица, отражаясь въ поверхности замерзшей лужи. Слабыя тѣни двигались за переходившими съ мѣста на мѣсто. Слышался гулъ голосовъ, въ особенности сильный около двухъ деревянныхъ некрашенныхъ столовъ, поставленныхъ на землю.

— Дядѣ Петровичу! Какъ живется-можется?

— Богъ грѣхамъ терпитъ! Пришелъ за компанію?

— Куда всѣ, туда ты,—дѣло общественное.

— Справедливо...

— Видалъ Жучкова?—разговаривалъ съ нимъ?

— Мелькомъ видывалъ, купцомъ выглядываетъ.

— Голой рукой не схватишь!

— Опредѣлилъ „вступного" общественникамъ пять ведеръ вина для начала, обѣщалъ прибавку.

— Дѣло хорошее, обычьи знаетъ: три года отсутствовалъ, не грѣхъ отъ большихъ достатковъ односельчанъ угостить, проздравить съ возвращеньемъ.

— Старшина къ попу ходилъ на счетъ Жучкова, разспрашивалъ въ сомнѣніяхъ касательно душъ христіанскихъ. Попъ одобряетъ человѣка, дѣйствовалъ по правиламъ. Самъ архіерей благословилъ!

— Скажи на великую милость!

— Въ правленьи бумаги пришли: оказывать Жучкову почтеніе, вышнее начальство наблюдаетъ.

— Намъ чего разговаривать? Начальство велитъ, оно и въ отвѣтѣ...

— Стражникъ Гордѣйко приставленъ къ Жучкову, прислали охранять, вмѣстѣ вино роспиваютъ.

— Не любитъ, говорятъ, Жучковъ о своихъ острожныхъ дѣлахъ разговаривать, отвѣчаетъ съ запинкой.

— Любить-то нечего, дѣла извѣстныя.

— Гдѣ онъ? Который?—слышался женскій голосъ.—Покажи, Маланьюшка!—ребятъ побросала, коровеньки неприбраны, побѣжала взглянуть... можетъ до смертеньки не видывать?

— Страшно, Марьюшка!

— Чего бояться? Мужиковъ собралось довольно, одинъ противъ всѣхъ не устоитъ.

— Ударится о землю, обернется сѣрымъ волкомъ, набросится на православныхъ, чего подѣлаешь?

— Вмѣсто пояса, удавную веревку носитъ, кру-у-че-еная...

— Не боятся мужики вино пить изъ палачевыхъ рукъ?

— Чего имъ бояться! Будутъ пить съ молитвой: окрестятся крестомъ,—нечистая сила не дотронется.

— Степаниду Жучкову не отличишь отъ купчихи: чай

пьетъ съ кренделями, пряники, орѣхи со стола не сходятъ, кромѣ сладкой водки, въ ротъ другого не беретъ, самоваръ трехведерный, пьютъ, пьютъ, выйдутъ на улицу освѣжиться, снова къ самовару садятся.

— Недѣльку пожить на мѣстѣ Степаниды,—чего мы въ деревнѣ видывали!

— Всѣхъ своихъ сродственниковъ одарилъ Жучковъ, гостинцы привезъ богатѣющіе, хвастаются по деревнѣ, изъ дома въ домъ бѣгаютъ; евонная крестная, старуха Митрашиха со слезами разсказываетъ: „Ситцу темнаго на платье получила, полушалокъ шерстяной, фунтъ пряниковъ: не забылъ крестную мать, вспомнилъ старуху!“

— Идетъ, идетъ! Вино несутъ!—загудѣло по собравшимся, приподнялись на носки сапоговъ, женщины боязливо грудились. Жучковъ шелъ въ сопровожденіи стражника Гордѣйка, Малашкина, десятка крестьянъ добровольцевъ, несшихъ по полуведерной съ виномъ бутыли. Стая ребятишекъ, цѣпью окруживъ процессію, забѣгая впередъ, отставая, догоняя, громко дѣлились впечатлѣніями.

— Не подходи Митюха близко, неровенъ часъ... звизданетъ.

— Сколько несутъ, не сосчитаешь!

— Вступное обѣщалъ, въ закладъ избы, бревна подвозятъ, Васька Крюшкинъ, Семенъ Вихляевъ подрядились избу строить.

Жучковъ, одѣтый по-праздничному: въ красной рубахѣ, шароварахъ, при часахъ, съ накинутой на плечѣ поддевкой, котиковой на головѣ шапкой, выдавался изъ всѣхъ красивымъ нарядомъ, мѣрностью движеній, степеннымъ спокойствіемъ. Толпа раздвинулась, бутыли поставили на столъ. Отирая струившійся съ лица потъ, доставщики угощенья выглядывали побѣдителями.

— Господа міряне,—снявъ съ головы шапку, громкимъ голосомъ заговорилъ Жучковъ,—благодарю за согласье выпить вина отъ пріѣзжаго односельчанина. Я вашъ природный сожитель, дѣды, прадѣды Жучкова, всѣ сродственники одного происхожденія, съ давнихъ временъ деревенскіе жители. Отлучался въ губернію не своей охотой, несчастнымъ случаемъ; три года мытарствовалъ. Господь помиловалъ, возвратился обратно, прошу любить-жаловать, винца выпить. Господинъ старшина, писарь, общественники, стражный человѣкъ, охранитель Гордѣй Петровичъ, милости просимъ!—Жучковъ волновался, краснѣлъ, блѣднѣлъ; стучало въ головѣ, дрожали колѣни: онъ сознавалъ всю важность наступившей минуты. Толпа молчала, были слышны тяжелые вздохи людей, звуки переминающихся ногъ, шорохъ колыхавшихся тѣлъ.

— Покажи примѣръ, начинай самолично, послѣ тебя мы выпьемъ безъ опаски!—раздался громкій голосъ.

— Вѣрно сказано. Начинай, Жучковъ, мы за тобой съ благодарностью,—молчаніе нарушилось, пропало, прорвалось, Жучковъ налилъ стаканчикъ, неторопливо поднялъ руку въ воздухѣ и, перекрестившись широкимъ крестомъ, громко воскликнулъ:

— За ваше здоровье, общественники!

— Спасибо!.. Тебѣ того же!..

Подходили къ выпивкѣ не дружно, впередъ не лѣзли, видна была нерѣшительность, чего-то опасались. Завзятые „питухи“ брали нерѣшительно стаканъ въ руки, захлебываясь, опоражнивали, не смакуя, не наслаждаясь даровщиной. Поднимая руки со стаканомъ, каждый заглядывалъ въ него, разсматривалъ сквозь стеклянныя стѣнки, какъ бы сомнѣваясь: „не выпить бы зелье? Не съ наговоромъ ли?“ Гордѣйко и Малашкинъ суетились, выпивали, приглашая „не задерживать“, „обѣщана добавка къ принесеннымъ пяти ведрамъ“, „такого угощенья отродясь не было!“

Выпитыя пять ведеръ вина произвели свое дѣйствіе, языки развязывались, сглаживались „опаски“, наступившее возбужденіе прорывалось возгласами, гудѣвшимъ говоромъ:

— Пошло винцо по жилочкамъ!

— Проявляется, за сердце захватываетъ!

— Спасибо, Василь Михайловичу, угостилъ, не поскупился!

— Скупись, не скупись, съ обществомъ жить приходится!

— Бревна возятъ на новую избу, нашимъ жителемъ останется.

— То-то что нашимъ! Начальство крѣпко стоитъ за Жучкова.

— Услужилъ начальству, потрафилъ!

— Заслуга извѣстная!

Извѣстіе о добавочной покупкѣ Жучковымъ новыхъ пяти ведеръ вина оживило собравшихся, подняло настроеніе въ его пользу; покорялись самые неугомонные.

— Вотъ это дѣло,—кричали голоса,—спасибо Василь Михайлычу, сами отслужимъ службу, не забудемъ.

— Василь Михайлычъ! Василь Михайлычъ! Спасибо, угостилъ! Спасибо... учи насъ дураковъ! чего понимаемъ?

— Заряби-ило... добротное вино, казенное довольство... монополька по правиламъ, съ печатями...

Принесенную „добавку“ вина цѣдили сквозь зубы, отплевываясь, харкали, закуривали трубки; нарушился порядокъ подхода къ живительной влагѣ. Жучковъ не отходилъ отъ

стола, наливалъ вино въ стаканы, кланяясь подходившимъ, приговаривалъ: „испивайте на доброе здоровье!..“

„Милости просимъ...“ „Подходи, дядя Митрій,—опрастывай дорогу“,—слышится посторонній возгласъ. „Деревня безмозглая,—думалъ Жучковъ,—гонорію свою показываетъ, куражится! Напою подлецовъ, валяйтесь, что свиньи!“

— Кушайте, испивайте на доброе здоровье!—говорилъ онъ громко.

— Разступитесь, православные!..—расталкивая встрѣчавшихся, говорилъ заплетающимся языкомъ пожилой, бородатый мужикъ Купріянъ Волчковъ, самый зубастый человѣкъ на сходахъ. — За уго-щенье... за хлѣбъ за соль, чтобъ знаачитъ по-со-осѣдски-и! Василь Михайлычъ! Жучковъ! Господинъ стражникъ! Съ добрымъ здоровьемъ! Урраа! Православному жителю!

— Вѣрно, дядя Купріянъ!.. живетъ, значитъ, во благоденствіи...

— Тыщии привезъ... откуда основаніе?.. За какія услуги-и? а?!..

— Не твое дѣло разговаривать, проваливай!—крикнулъ пьяный Гордѣйко.—Наполнилъ глаза до первопутка... проваливай...

— Ты не больно того,—огрызался Волчковъ,—не потворствуй удавнику. Палачъ онъ есть, палачемъ останется—живодеромъ...

— Ахъ ты разсучій сынъ, ругаться?.. Не слышалъ распоряженій?—Ударъ кулакомъ свалилъ Волчкова на землю. Толпа шарахнулась въ сторону.

— Брось его, Гордѣйко, нажрался виница, самъ не знаетъ, что говоритъ,—сказалъ Жучковъ.

— Я ему покажу... покажу...—онъ ударилъ поднявшагося Волчкова нагайкой, всѣ бросились вразсыпную, кто куда: нѣсколько человѣкъ, свалившись, быстро уснули.

— Не смѣешь драться!.. сволочь!—кричали отбѣжавшіе общественники.

— Я вамъ покажу не смѣешь!—бросился Гордѣйко догонять уходившихъ, вызывая переполохъ, ускоренную бѣготню.

Гуляки, закончивъ попойку, разошлись, пьяные, шатающіеся. На другой день разсказывали: „Кровь у него, братцы, на рукахъ, на пальцахъ, человѣческая кровь!“ „Не будетъ благополучья въ нашей деревнѣ, пока живетъ въ ней удавникъ. Накажетъ Господь за Жучковскіе грѣхи. Самъ онъ сатанѣ продался, ему все едино. Гадъ онъ поганый, что песъ смердящій, убить его, что собаку, задавить—отвѣта Господь не потребуетъ!“

Жучковъ вернулся къ женѣ въ избу полупьяный, недовольный результатами, сожалѣя о затраченныхъ деньгахъ на десять выставленныхъ ведеръ вина.

— На начальство буду надѣяться, на защиту собственными средствіями; волками всѣ смотрятъ, заподозрѣваютъ.— Онъ долго не ложился спать, раздумывая о будущемъ житьѣ-бытьѣ.

IX.

Жучковъ дѣятельно хлопоталъ по закупкѣ бревенъ, наймѣ плотниковъ, купилъ „добротную кобылу", разъѣзжалъ въ собственной телѣгѣ; вездѣ онъ встрѣчалъ растерянность въ обращеніи, его сторонились, опасались, признавали вполнѣ правильнымъ содрать за товаръ вдвое, втрое болѣе дѣйствительной стоимости.

— Цѣна неподходящая, — говорилъ Жучковъ, — на этой недѣлѣ Семенъ Петровъ покупалъ бревна по рубль 80 коп., ты просишь три рубля.

— Чудакъ человѣкъ! То Петровъ Семенъ, а ты Жучковъ Василій.

— Я, онъ—развѣ не одними деньгами расплачиваемся?

— Нѣтъ, не одними, по нашему разница.

— Нѣшто мои деньги фальшивыя?

— Зачѣмъ фальшивыя! Казенныя деньги, правильныя, только дядя Семенъ горбомъ ихъ заработалъ, не легко достались ему деньги,—больше двухъ лѣтъ пропадалъ на стройкѣ желѣзной дороги, за самую Сибирь захаживалъ, хватилъ перцу съ квасомъ.

— Мнѣ нѣшто даромъ деньги давали?

— Тебѣ-то?—втягивая въ ротъ губы, прищуривая глаза, запинаясь въ подысканіи словъ, переспрашивалъ собесѣдникъ.—Какъ тебѣ сказать, слыхомъ земля полнится, не отъ меня идутъ вѣсти, отъ разныхъ сторонъ. Намъ что? Продать бревна—съ удовольствіемъ продадимъ, только по собственной цѣнѣ, дешевле не пойдетъ.

— Побойся Бога, Федотъ Петровичъ, съ меня противъ другихъ берешь половину лишковъ!

— Чего мнѣ бояться? Господа Бога всякъ часъ вспоминаемъ... Деньги твои шалыя, дармовыя деньги, трудовъ не было, потовъ не проливалъ, одно желанье, собственная охота къ соблазну, въ теплѣ, соблазнѣ, спокойствіи, не говоря про прочее другое неподобающее... Три рубля бревно—послѣднее слово, меньше не уступлю.

Жучковъ ѣздилъ въ окрестныя селенія; людская молва его опередила: его встрѣчали сотни любопытныхъ глазъ,

выглядывавшихъ изъ-за заборовъ, домовыхъ уголковъ, амбарушекъ, бань. Ребятишки десятками бѣжали за его пошевнями, по улицамъ неслись громкія восклицанія: „Удавникъ пріѣхалъ!“—Останавливая лошадь, онъ выскакивалъ изъ саней, грозя кнутомъ, бѣшено кричалъ:

— Я васъ, пострѣлята, всѣхъ передушу, свяжу одной веревкой,—пострѣлята разсыпались по разныя стороны, издалека доносилось визгливое, протяжное: „удаавни-икъ!..“ „Палаачъ!..“ „Отпѣ-ѣ-ты-ый!“ Ему приходилось ѣздить по деревнѣ, розыскивая домъ, въ который бы пустили ночевать, покормить уставшую лошадь, напиться чаю.

— Пустите ночевать пріѣзжаго! — стуча въ оконную раму кнутовищемъ, говорилъ запоздавшій въ дорогѣ, прозябшій Жучковъ.

— Чей такой? Откуда, куда ѣдешь?..

— Угрюмовскій, Жучковъ Василій.

— Жучко-о-въ?..

— Справедливо, Жучковъ Василій: пустите ночевать, за кормъ заплачу деньги.

— Мѣстовъ нѣтъ, проѣзжай дальше! — Жучковъ ѣхалъ дальше, слѣдомъ неслись въ темнотѣ громкіе разговоры выбѣжавшихъ къ воротамъ хозяевъ.

— Этотъ самый што ли удавникъ?

— Онъ самый, истинный Богъ, правда!

— Коломъ его изъ деревни,—всякая погань повадилась разъѣзжать.

— Деньговъ, говорятъ, привезъ видимо-невидимо.

— Извѣстно привезъ, совѣсть продалъ за пятакъ, задушилъ, слышно, народу христіанскаго больше сотни.

— Больше сотни? Царица небесная! Почему въ острогъ его не засадили?—наивно спросила семидесятилѣтняя старуха.

— Такихъ не садятъ въ остроги, бабушка,—награжаютъ, такое настало время; душегубамъ почетъ, слава, богачество, праведникамъ кнутъ съ нагайкой. Развѣ не слыхала, какіе нынче лиходѣи? Кровь сосутъ, человѣческія слезы пьютъ ковшами, издѣваются надъ міромъ православнымъ, нѣтъ на нихъ ни управы, ни суда, расплодилось ихъ, что вшей на гашникѣ!

Въ пятой, десятой избѣ пускали ночевать изъ любопытства, чтобы ближе взглянуть на Ваську Жучкова, о которомъ шла молва на сотни верстъ въ окружности. Хозяева суетились, ставили самоваръ, готовили Жучкову яичницу и вдогонку ругательски-ругали живодера, заплатившаго за ночевку двадцать-тридцать копеекъ, когда ожидали чуть не десятка рублей. „Христопродавная порода, живодерникъ,

насосался человѣческой крови, раздулся, какъ водочный боченокъ"! О гостѣ палачѣ-ночевщикѣ съ ранняго утра дѣлалось извѣстнымъ по деревнѣ, десятками набирались въ избу, садились, стояли, молча разсматривали плотную, сутулую фигуру „живодерника", подчасъ дѣлали громкія замѣчанія. „Гляди, гляди, какъ онъ мясо проглатываетъ... не по нашему: жомкнулъ разъ, другой... готово..." „Чего ему не жомкать? дѣло привышное". „Накопилъ капиталъ въ острогѣ на душахъ христіанскихъ, за каждую душу большія деньги выкладывались!" — „Кто ему платилъ?" — „Кто? Извѣстно,— кому онъ, стало быть, потрафлялъ, тотъ и платилъ.

При выѣздѣ изъ деревни Жучкова сопровождала толпа ребятишекъ, подростковъ, которые часто улюлюкали, съ хохотомъ, свистомъ кидали вдогонку мерзлый шевякъ, попадающійся камень, небольшую палку.

— Живо-о-одерн-икъ!.. Кровопивецъ! Продажная шкура!..

Скрытая, открывавшаяся ненависть, лесть, заглазная ругань, злорадство, озорство, изо дня въ день повторяющіеся случаи ругательной клички „палачъ", „палачиха", „живодерная порода", — ругательства изъ-за угла, въ полѣ, лѣсу, въ своей и чужихъ деревняхъ, общая настороженность, отсутствіе „душевной" бесѣды между хорошими сосѣдями, пріятельскаго кружка на распашку, гдѣ можно открыть душу, высказать сомнѣнія, надежды, горести, радости,—все это глубокимъ гнетомъ лежало на душѣ Жучкова. Онъ становился мрачнымъ, подавленнымъ, не могъ найти выхода, да и не искалъ его: онъ чувствовалъ, сознавалъ — лопнули, прекратились, испортились старыя крестьянскія связи, надежды, интересы, поперекъ дороги лежали трупы казненныхъ, удавленныхъ его руками, накопленныя кровяныя, „живодерныя" деньги. Въ городскомъ острогѣ, въ ранній предразсвѣтный сумракъ онъ „исполнялъ обязанность", „дѣйствовалъ по закону", „способствовалъ искорененію крамолы", за что получалъ опредѣленное отъ начальства вознагражденіе. На спросъ у отца духовнаго, тюремнаго священника, „о грѣховности дѣла", онъ получилъ отвѣтъ: „Повинуйся властямъ предержащимъ, творишь доброе, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, слѣдовательно казнь, учрежденная въ наказаніе преступнымъ, не вмѣняется грѣхомъ, не сквернитъ души исполнителя". Жучковъ послѣдовалъ совѣту, не о грѣхѣ безпокоился, который разрѣшенъ, какъ законное, Божье велѣніе, а о томъ, что онъ не привыкъ лишать жизни человѣка по чужому велѣнію; онъ и привыкалъ постепенно, заражаясь порціей водки, приходя въ состояніе, когда не только возмож-

но убійство, но и все, что зовется преступленіемъ противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ.

Привычка къ водкѣ, какъ заглушающему средству, въ послѣднее время усилилась,—онъ пилъ при каждой услышанной обидѣ, столкновеніи, заглушая поднимавшееся въ душѣ сознаніе собственнаго безсилія.

X.

Возвращаясь изъ поѣздокъ домой, Жучковъ требовалъ отъ Степаниды водки, молча садился за столъ, пилъ рюмку за рюмкой, мало закусывая: рѣдко предлагалъ женѣ выпить рюмочку „съ устатковъ". Степаниду грызло видимое отчужденіе сосѣдей, обида, горечь; въ особенности угнетало сознаніе опороченности; создавалось въ душѣ враждебное чувство къ мужу, не сумѣвшему защитить жену и ребятъ отъ постороннихъ оскорбленій. Боязнь мужа заставляла сдерживать накопившуюся обиду, но нерѣдко появлялись ссоры на почвѣ ежедневныхъ столкновеній съ окружающей средой односельчанъ.

— Живемъ, что оглашенные, хуже всякихъ проходимцевъ: ни мы къ добрымъ людямъ, ни они къ намъ!—жаловалась Степанида.

— Ходи, коли охота припала, кто тебѣ помѣха? Показаться въ добрые люди не стыдно,—одѣться есть во что, не нищими-убогими живемъ.

— Слава твоя помѣха: прославленнымъ шибко вернулся,—скоро добрые люди въ домъ пускать не будутъ, будутъ захлопывать передъ носомъ двери. Живемъ хуже разбойниковъ...

—Молчи, Степанида, не разстраивай сердца, худо тебѣ будетъ!

— Чего мнѣ молчать! Сидѣлъ въ острогѣ, добрые люди не брезговали, знали, что сидишь по несчастному случаю, жалѣли, меня съ ребятами не забывали, хлѣбомъ-солью не брезговали, сейчасъ обѣгаютъ хуже разбойниковъ.

— Погоди, придетъ время, въ ноги поклонятся!

— Дожидайся, такъ тебѣ и поклонились. За какія такія заслуги христіанскія?... Опоганилъ себя и меня съ ребятами, только и слышишь: „палачиха!" „живодерница!" „подавитесь кровяными деньгами!" Охъ я, несчастная! Дѣтушки мои родимыя, умоленныя, упрошенныя, за отцовъ грѣхъ несете поруганье!

Взбѣшенный, пьяный, свирѣпый отъ упрековъ, онъ звѣрски набрасывался на жену, таскалъ за волосы, пиналъ, ругался, колотилъ ременнымъ съ бляхами поясомъ.

— Убью, убью, задушу... Молчи, проклятая... Для кого я работалъ?

— Удавникъ!.. Палачъ!.. Проклятый людьми и Богомъ человѣкъ. Пей мою кровь!.. Подавись!.. — кричала избитая, истерзанная женщина.—Деньги твои проклятыя! Іудинъ братъ, дьявольское отродье, спать съ тобой боязно,—удавишь по привычкѣ...

— Удавлю! Удавлю змѣю подколодную, задушу собствеными руками!..—Съ грохотомъ летѣли со стола тарелки, ножи, чашки, сохранялась въ рукахъ бутылка водки, которую онъ, выскочивъ изъ избы, жадно опоражнивалъ черезъ горлышко. Опухшій—съ синебагровымъ лицомъ, налившимся кровью глазами, посинѣлыми губами онъ былъ страшенъ для встрѣчавшихся по дорогѣ,—всѣ бѣжали, сторонились, какъ отъ зачумленнаго; онъ бродилъ по улицамъ въ полубезсознательномъ состояніи, заходилъ въ монопольку, покупалъ четвертную, садился гдѣ-либо, приглашая желающихъ выпить.

— Выпить малость пришелъ. Самая свѣжая... Живительная...

Первымъ обычно появлялся Гордѣйко, находилъ стаканъ, чашку, наливалъ, выпивалъ; подходилъ Малашкинъ, человѣкъ десятокъ „пивуновъ"; начиналась попойка, нерѣдко кончавшаяся дракой.

— Ты чего зазнался? Подалъ стаканъ водки, душу мою купилъ? Врешь, палачевская морда! Не на таковскаго нарвался!

— Чего кричишь? Кто тебя боится? Мою водку жрешь, меня обругиваешь, я тебя, разсукинаго сына!!...

— Тронь! Попробуй! Не больно испугались!

— А вотъ тебѣ попробуй!—Ударъ по лицу сбивалъ человѣка съ ногъ; вскакивая на ноги, онъ съ остервѣненіемъ накидывался на обидчика.

— Я тебя... тебя... сволочь живодерная... шкура барабанная.. анафема... палачъ проклятый,—неслись по улицѣ отчаянные выкрики, собиравшіе любопытныхъ, вызывавшіе насмѣшку, издѣвательство.

— Подъ скулу его, толстомордаго! Отъѣлся острожными хлѣбами, лопнетъ того гляди!

— Не ло-о-опнетъ! Дьявольское отродье,—развѣ нечистый не поможетъ.?

Угнетаемый насмѣшками, издѣвательствами Жучковъ пилъ мертвую въ-одиночку. Лежа на лавкѣ съ четвертной бутылью водки въ изголовьѣ, онъ, черезъ пять, десять минутъ поднимая голову, кричалъ:

— Налей стаканчикъ!—Степанида наливала, подносила къ его губамъ, выливала въ раскрытый ротъ мужа, онъ свали-

вался и засыпалъ, бормоча непонятное. Послѣднiй запой длился шесть недѣль, онъ пилъ черезъ небольшiе промежутки, опухъ, отекъ, лежалъ, какъ Iовъ на гноищѣ, наводилъ страхъ бредовыми криками, восклицанiями отъвидѣнiй отравленнаго алкоголемъ мозга, которыя охватывали ужасомъ его душу, заполоняли слуховыя, зрительныя впечатлѣнiя. Съ искаженнымъ ужасомъ лицомъ, вытаращенными глазами, потный, всклокоченный, онъ повертывалъ голову въ разныя стороны, прислушивался, широко раскрывалъ глаза.

— Идутъ, идутъ, слышишь, Степанида, слышишь? При ближается... одинъ... два... три... десять... двадцать... семьдесятъ... идуутъ... Разговариваютъ. Молчи, Степанида, послушаемъ, чей говоръ? Палачъ.... Палачъ... удавникъ... Слышишь? Слышишь?—ведутъ... подходятъ... ружья брякаютъ... столбы... веревки... длиная веревка... пять... шесть... съ петлями... тише, Степанида... услышатъ... Онъ вскакивалъ на ноги съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ, крича: „не сказывай, Степанида!". Становился на четвереньки, заползалъ подъ лавку, съеживался, скорчивался, закрывалъ руками лицо, стараясь не дышать, замиралъ, какъ мертвый. Испуганная жена, мертвенно-блѣдная, не могла держаться на ногахъ, садилась на лавку, тряслась отъ страха съ ногъ до головы.

— Озолочу... не сказывай... бери деньги...—громкимъ шопотомъ выкрикивалъ Жучковъ,—боюсь... боюсь, идутъ... подходятъ... караулъ!.. помогите!.. чего тебѣ?—выскакивалъ онъ изъ-подъ лавки всклокоченный, съ искривленнымъ лицомъ, вздрагивая, отмахиваясь руками, шепталъ: „не подходи!.. не подходи!.. не всѣ сразу!.. сколько васъ? Одинъ... два... три... четыре... караулъ!"—кричалъ онъ въ смертельномъ страхѣ, обливаясь потомъ, вскакивая на ноги, выбѣгалъ на улицу. Съ большимъ трудомъ удавалось Степанидѣ водворить его въ домъ, заставить улечься на постель, выпить водки, которую она считала вѣрнымъ средствомъ для усыпленiя. Измученный видѣнiями, обезсиленный, проглотившiй водку, Жучковъ засыпалъ кошмарнымъ сномъ. Черезъ десять-пять минутъ, просыпаясь, кричалъ:

— Степанида, водки! — она съ усилiемъ поднималась. Съ трудомъ проглотивши водку, Жучковъ какъ снопъ валился, лежалъ не поднимаясь, вглядывался въ окружающую темноту. „Подходятъ.. подходятъ"...—шепталъ онъ въ страхѣ.— „Обо мнѣ разговариваютъ... слышишь, Степанида? Слышишь?"... Онъ приподнимался съ растерянными глазами, напряженно прислушиваясь...

— Идутъ... подходятъ... Одинъ, два... пять... двадцать.. пять... пятьдесятъ... приходятъ разомъ... приходятъ семьдесятъ... пять... здравствуй... здравствуй... Матери передатъ

твоей матери? Родной матери? Иди.. иди къ столбамъ, чего остановился... „Погибаю... невинно... невинно... Маменька родимая... невинно... Господа начальники... восемнадцатый годокъ отъ роду... О, о, о,... родимые... гляди, начальники... Маменька... невиненъ... христовые... невиненъ... невиненъ... невиненъ... прокляты.. прокляты... прок...“ Ха, ха, ха!—смѣялся Жучковъ:—вотъ тебѣ и маменька! захлестнула глотку веревка... разбирать васъ некогда... Молодецъ, Жучковъ! Кончай, Жучковъ!.. Веревка лопнула?... бери запасную!.. оканчивай!.. Готово, ваше высокородіе... испугались... Жучкова?... Не первый разъ справляемся, дѣло свое знаемъ!.. Идутъ... идутъ...—шепталъ онъ съ новымъ припадкомъ ужаса.—Треклятые!.. подходятъ... веревка на шеѣ... подходятъ... Карраулъ!...—крикнулъ онъ отчаяннымъ, нечеловѣческимъ голосомъ, вскочилъ съ постели, выскочилъ изъ избы; всклокоченный, съ выкатившимися отъ ужаса глазами, босой, въ рубахѣ и портахъ, онъ бѣгалъ по улицамъ селенія, выкрикивая: „Карраулъ“, „Спасите“. „Помогите“... За нимъ слѣдомъ бѣжали его караульные: Гордѣйко, Малашкинъ, Степанида, которые кричали: „держи!..“ „лови!..“

Раннимъ утромъ Жучкова нашли повѣсившимся...

В. Кокосовъ.

Ж. Ж. Руссо и демократическій идеалъ жизни.

Чествуя память Руссо по случаю исполнившагося двухсотлѣтія со дня его рожденія, умѣстно будетъ, намъ кажется, вспомнить великія заслуги „женевскаго гражданина“ въ дѣлѣ демократизаціи европейскаго общества. Ни одинъ изъ писателей богатаго талантами XVIII вѣка не можетъ съ нимъ соперничать въ этомъ отношеніи. Никто съ такимъ блескомъ и силою не сражался противъ аристократическихъ предразсудковъ и противъ всего свойственнаго аристократіи міропониманія и уклада жизни, никто не былъ такимъ горячимъ защитникомъ и краснорѣчивымъ ходатаемъ меньшой братіи, обездоленныхъ классовъ общества, никто такъ не прославлялъ производительнаго труда, никто съ такою убѣжденностью и увлекательностью не призывалъ къ „опрощенію“ и соотвѣтствующему устроенію жизни индивидуальной, семейной и общественной на новыхъ началахъ.

Демократъ съ головы до ногъ не только по своему происхожденію и воспитанію въ женевской республиканской средѣ, но и по своимъ чувствамъ, воззрѣніямъ, вкусамъ и симпатіямъ, Руссо настойчиво и послѣдовательно проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ новый идеалъ жизни, шедшій совершенно въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда аристократизмомъ,—идеалъ демократическій. Если доктрина Руссо, его знаменитая „философія“, основана, какъ я старался доказать въ другомъ мѣстѣ [1]), на своеобразномъ сочетаніи уже до него распространенныхъ тенденцій индивидуализма, натурализма и сентиментализма, то главнымъ тономъ его ученія, объединявшимъ эти разнородные принципы въ одно гармоническое цѣлое, тѣмъ тономъ, который, по французской поговоркѣ, дѣлаетъ музыку, является его яркій и устойчивый демократизмъ, внесшій совершенно новую струю въ стремленія и настроенія просвѣтительнаго вѣка.

Даже самые передовые люди этой эпохи не могли отрѣшиться отъ аристократическихъ предразсудковъ той салонной культуры,

---

1) „Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и начала XIX в.“ Очерки по исторіи руссоизма на Западѣ и въ Россіи. Томъ I. М. 1910 г.

среди которой они воспитались, и которая вошла въ ихъ плоть и кровь. Извѣстны презрительные отзывы Вольтера о простомъ народѣ, который въ его глазахъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ синонимомъ „безвкусія“ и „невѣжества“. И не одинъ Вольтеръ думалъ такъ. Подобное отношеніе къ народу глубоко возмущало Руссо. Въ „Эмилѣ“ (кн. IV) онъ даетъ краснорѣчивую отповѣдь всѣмъ „политикамъ“, которые „съ такимъ пренебреженіемъ говорятъ о простомъ народѣ“: „Изъ народа состоитъ родъ человѣческій; часть, сюда не принадлежащая, столь незначительна, что ее не стоитъ и считать. Человѣкъ—одинъ и тотъ же во всѣхъ состояніяхъ; а если это такъ, то самыя многочисленныя сословія заслуживаютъ и наибольшаго уваженія. Передъ человѣкомъ мыслящимъ исчезаютъ всѣ гражданскія различія: онъ видитъ тѣ же страсти, тѣ же чувства и въ денщикѣ, и въ человѣкѣ именитомъ; онъ видитъ тутъ разницу лишь въ рѣчи, въ большей или меньшей изысканности выраженій; а если и есть между ними какая-нибудь существенная разница, то она не служитъ къ чести тѣхъ, которые изъ нихъ скрытнѣе. Народъ выказываетъ себя такимъ, каковъ онъ есть, но свѣтскимъ людямъ нужно маскировать себя; если бы они показывали себя такими, каковы они есть, то они возбуждали бы отвращеніе“. Простой народъ даже превосходитъ такіе высшіе классы: „Изучайте людей этого состоянія, и вы увидите, что у нихъ столько же ума и больше здраваго смысла, чѣмъ у васъ, хотя рѣчь у нихъ и иная“. „Уважайте же родъ человѣческій,—заключаетъ Руссо:—имѣйте въ виду, что онъ состоитъ въ сущности изъ массъ простого народа“. Не только здраваго смысла, но и человѣколюбія въ народѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. „Если вы желаете быть человѣкомъ,—замѣчаетъ Руссо въ „Новой Элоизѣ“ (ч. II, письмо 27),—учитесь спускаться внизъ. Человѣколюбіе, подобно чистой цѣлебной водѣ, оплодотворяетъ низменныя мѣста: оно ищетъ всегда равнинъ и оставляетъ неорошенными тѣ безплодныя скалы, которыя угрожаютъ полямъ и приносятъ имъ или вредную тѣнь, или обломки, разрушающіе окрестность“.

Крестьянство Руссо возвышаетъ надъ всѣми сословіями и считаетъ сельскій трудъ наиболѣе необходимымъ и существеннымъ. „Естественное состояніе человѣка,—говоритъ онъ въ „Новой Элоизѣ“ (ч. V, письмо 2):—обрабатывать землю и жить ея плодами. Это состояніе единственно необходимое и самое полезное: оно становится несчастнымъ только въ томъ случаѣ, если другіе тиранизируютъ его своимъ насиліемъ или соблазняютъ примѣромъ своихъ пороковъ. Въ немъ заключается истинное благосостояніе страны, сила и величіе народа“. Въ „Исповѣди“ Руссо разсказываетъ характерный эпизодъ изъ своихъ странствій, побудившій его дать своего рода „Аннибалову клятву“ быть постояннымъ защитникомъ угнетаемаго крестьянства. Во время путешествія изъ Парижа въ Ліонъ ему пришлось посѣтить хижину бѣднаго французскаго

крестьянина, который, изъ боязни поборовъ со стороны надзирателей и сборщиковъ, принужденъ былъ припрятывать въ погребъ все лучшее, что у него было. „Онъ мнѣ сознался, — продолжаетъ Руссо,—что прячетъ отъ нихъ свое вино и хлѣбъ, и что онъ былъ бы въ конецъ разоренъ, если бы агенты эти не были увѣрены, что онъ умираетъ съ голоду. Все это и многое другое, что онъ передавалъ мнѣ, оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Отсюда зародилась у меня та неугасимая ненависть, которая съ этихъ поръ наполняетъ мое сердце, къ лишеніямъ, испытываемымъ несчастнымъ народомъ, и къ его угнетателямъ".

Наряду съ восхваленіемъ земледѣлія и сельскаго труда вообще, идетъ у Руссо реабилитація всякаго производительнаго труда, котораго такъ гнушались верхніе слои общества. Выставивъ положеніе, что „трудъ есть неизбѣжная обязанность для человѣка, живущаго въ обществѣ", Руссо прибавляетъ, что „изъ всѣхъ занятій, которыя могутъ доставить человѣку средства къ существованію, ручной трудъ больше всего приближаетъ его къ естественному состоянію: изъ всѣхъ званій самое независимое отъ судьбы и людей— званіе ремесленника" (Эмиль", кн. III). Поэтому изученіе воспитанникомъ одного или двухъ ремеслъ представляетъ весьма существенную часть педагогическаго идеала Жанъ-Жака. Его Эмиль посѣщаетъ мастерскія, приглядывается къ работамъ, чтобы съ дѣтства получить глубокое уваженіе къ полезному физическому труду.

Ученики Руссо развивали его тенденціи, еще болѣе подчеркивая великое значеніе такого труда. Подобныя занятія, а также самыя орудія производства Себастьянъ Мерсье прямо уже окружаетъ ореоломъ святости: земледѣліе онъ называетъ „святымъ" занятіемъ, а плугъ—„священнымъ предметомъ". Въ эпоху революціи инструменты ремесленнаго производства фигурировали обыкновенно въ торжественныхъ процессіяхъ и символическихъ празднествахъ. Такъ, при перенесеніи праха Руссо въ Пантеонъ, въ октябрѣ 1794 г., среди многихъ другихъ группъ, участвовавшихъ въ процессіи и символизировавшихъ различныя стороны дѣятельности чествуемаго писателя, была также группа ремесленниковъ съ своими обычными инструментами въ рукахъ и знаменемъ, на которомъ было написано: „Il réhabilita les arts utiles". Другая группа, состоявшая изъ жителей г. Монморанси, въ окрестностяхъ котораго Руссо написалъ три важнѣйшихъ своихъ сочиненія („Новую Элоизу", „Эмиля" и „Общественный договоръ"), торжественно несла различныя земледѣльческія орудія, какъ напоминаніе о заслугахъ Руссо въ дѣлѣ реабилитаціи сельскаго труда.

Примѣняя свои излюбленные принципы натурализма, индивидуализма и сентиментализма, Руссо постоянно находитъ, что такъ называемый простой народъ наиболѣе удовлетворяетъ вытекающимъ изъ этихъ принциповъ требованіямъ и, слѣдовательно, наиболѣе при-

ближается къ типу нормальной и здоровой человѣческой личности. Если степень близости къ природѣ является мѣркою совершенства („Чѣмъ ближе къ природѣ, тѣмъ лучше"—гласитъ девизъ Руссо),— то ни одно сословіе не можетъ поспорить въ этомъ отношеніи съ сельскими обитателями, которые, по условіямъ своего труда, живутъ въ постоянномъ общеніи съ природою. Они наиболѣе удовлетворяютъ тому идеалу „естественнаго человѣка" (l'homme de la nature), которымъ такъ восхищается Руссо, противопоставляя его „человѣческому человѣку" (l'homme de l'homme), т. е. человѣку, испорченному ложной городской культурой.

Если вторымъ требованіемъ Руссо является развитіе индивидуальности, то и въ этомъ отношеніи онъ отдаетъ народу полное преимущество передъ высшими сословіями. Парижское общество поражаетъ Сенъ-Преэ своимъ безличіемъ, однообразіемъ, слѣпою подражательностью, отсутствіемъ самобытности и оригинальности. „Въ извѣстномъ возрастѣ всѣ мужчины одинаковы и всѣ женщины тоже; всѣ эти куклы выходятъ изъ одного моднаго магазина" [1]). Въ противоположность обезличенной аристократіи, прилагающей всѣ усилія лишь къ тому, чтобы какъ можно больше походить другъ на друга, среди крестьянъ болѣе встрѣчается разнообразія, болѣе индивидуальныхъ характеровъ [2]). Не отъ званія или состоянія, къ которому человѣкъ принадлежитъ, зависитъ достоинство человѣка, а отъ степени умѣнья носить высшее изъ званій—званіе человѣка. „Все, что люди создали, люди могутъ и разрушить; неизгладимы лишь тѣ черты, которыя запечатлѣваетъ природа, а природа не создаетъ ни принцевъ, ни богачей, ни вельможъ... Кто теряетъ корону и умѣетъ обойтись безъ нея, тотъ становится выше ея. Изъ королевскаго сана, носить который можетъ, не хуже другого, и трусливый, и злой, и безумный человѣкъ, онъ возвышается до занія человѣка, носить которое умѣютъ лишь немногіе люди" [3]).

Наконецъ, и третій принципъ Руссо, его сентиментализмъ, пріобрѣтаетъ демократическую окраску. Онъ выдвигается какъ реакція противъ холоднаго раціонализма и сухой разсудочности, свойственныхъ наиболѣе образованнымъ и высшимъ кругамъ французскаго общества XVIII вѣка Руссо начинаетъ свою проповѣдь противъ разсудочности утвержденіемъ, что чувство болѣе универсально, болѣе доступно массѣ людей и болѣе важно для нихъ, чѣмъ сухія выкладки разсудка. Чувство, а не разумъ возвышаетъ человѣка; поэтому и руководящая роль должна принадлежать чувству, которое является исконнымъ основаніемъ и основнымъ свойствомъ души, дающимъ тонъ всему психическому развитію человѣка. Отъ аристократической разсудочности, являющейся продуктомъ блестящей

---

1) „Nouvelle Héloise", ч. II, письмо 21.

2) Ibid., ч. V, письмо 7.

3) „Эмиль", кн. III.

по внѣшности, но холодной салонной культуры, онъ переходитъ къ культу чувства, языкъ котораго понятенъ всякой человѣческой душѣ Кромѣ того, Руссо выдвигаетъ сентиментализмъ, какъ прекрасное орудіе для возбужденія состраданія и сочувствія ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, страдающимъ и обездоленнымъ, униженнымъ и оскорбленнымъ. Такой сентиментализмъ способствовалъ распространенію идеи общечеловѣческихъ симпатій, отрицающей сословныя перегородки и сословныя привилегіи. Такъ философія чувства тѣсно связывалась у Руссо съ демократическою политико-соціальною проповѣдью, съ протестомъ противъ приниженнаго положенія народа и противъ его угнетателей.

Такимъ образомъ основныя тенденціи, на которыхъ базируется доктрина Руссо, не только ничуть не идутъ въ разрѣзъ съ его демократическими симпатіями, но, напротивъ, всячески поддерживаютъ и питаютъ ихъ и даютъ имъ особенно жизненное содержаніе.

Въ подробностяхъ его доктрины, въ важнѣйшихъ очертаніяхъ его философскаго и общественнаго міросозерцанія постоянно и по всей линіи наблюдается торжество того же демократическаго начала. Принципъ „опрощенія“ примѣняется здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Въ противоположность искусственности, условности, исключительности и манерности, свойственныхъ аристократической культурѣ, здѣсь проповѣдуется безыскусственность, естественность, общедоступность и простота во всѣхъ сферахъ жизни.

Съ такими чертами является, прежде всего, религія Руссо, основанная всецѣло на непосредственномъ чувствѣ и на созерцаніи чудесъ творенія. Сравните ее съ холоднымъ и разсудительнымъ, лишеннымъ истинныхъ элементовъ вѣры деизмомъ Вольтера, и вы убѣдитесь, насколько общедоступнѣе и понятнѣе массѣ религіозное ученіе Руссо, согрѣтое глубокой вѣрой и привлекательное своей элементарной простотой. Тоже и въ области морали. Руссо основалъ ее на врожденномъ нравственномъ инстинктѣ, свойственномъ всякому человѣку безъ различія происхожденія, состоянія и степени умственной культуры.

Явная демократическая черта проходитъ и черезъ всю педагогическую систему Руссо. Припомнимъ, что, по его мнѣнію, дѣти народа, живущія въ нормальныхъ условіяхъ деревенской обстановки, ни въ какомъ воспитаніи не нуждаются: ихъ воспитываетъ природа и окружающая здоровая среда. Воспитывать нужно лишь дѣтей высшихъ классовъ, удалившихся отъ природы и испорченныхъ усвоенною ими ложною культурой. Основная задача воспитанія, по „Эмилю“, сводится къ тому, чтобы сдѣлать изъ воспитанника „l'homme de la nature“, „человѣка природы“, но приспособленнаго жить въ обществѣ. Для исполненія этой задачи Руссо поселяетъ Эмиля въ деревнѣ, заставляетъ его вести здоровый образъ жизни въ близкомъ общеніи съ природой, заниматься физическимъ тру-

домъ, имѣть постоянно передъ своими глазами народъ съ его работами и отдыхомъ, вращаться въ безыскусственной средѣ простого деревенскаго люда и т. д. Однимъ словомъ, педагогика Руссо проникнута демократическимъ духомъ.

То же самое приходится сказать объ его воззрѣніяхъ на искусство и литературу. Искусство и литературу своего времени Руссо, прежде всего, упрекаетъ въ аристократизмѣ со всѣми свойственными ему недостатками: сословною исключительностью, чопорностью, чрезмѣрною изысканностью, далекостью отъ интересовъ всего народа, отъ природы, простоты и естественности. Такое искусство есть порожденіе дурного, испорченнаго вкуса, свойственнаго обособленнымъ кругамъ, вращающимся въ нездоровой атмосферѣ модныхъ и роскошныхъ салоновъ. Между тѣмъ „роскошь и дурной вкусъ — неразлучны". Только такой вкусъ, по мнѣнію Руссо, хорошъ, который раздѣляется наибольшимъ количествомъ людей [1]). Французскихъ комическихъ писателей Руссо упрекаетъ въ томъ, что они копируютъ нравы сотни парижскихъ аристократическихъ домовъ и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на пятьсотъ или шестьсотъ тысячъ парижскаго населенія. Они даже „считаютъ безчестіемъ для себя знать, что дѣлается въ конторѣ купца или лавкѣ ремесленника". Можно подумать, что „Франція населена одними графами и шевалье, и чѣмъ болѣе народъ терпитъ нищеты и несчастій, тѣмъ съ большимъ великолѣпіемъ и блескомъ его показываютъ на сценѣ" [2]). Для салонной публики искусство есть простое развлеченіе и забава, между тѣмъ какъ настоящее искусство, какимъ оно должно быть, есть для Руссо серьезная и неистребимая потребность человѣческаго духа и неизбѣжное проявленіе его моральной жизни. Такимъ оно можетъ сдѣлаться только путемъ полнѣйшей демократизаціи: испорченному вкусу аристократическихъ салоновъ нужно противопоставить здоровый демократическій вкусъ массы народа, способный вывести искусство на путь простоты, естественности, самостоятельности, всеобщности, близости къ природѣ и реальной жизни.

Демократиченъ у Руссо и идеалъ личной жизни. Сравненіе съ Вольтеромъ здѣсь напрашивается само собою. Вольтеру всегда хотѣлось быть богатымъ и жить такъ, какъ жили французскіе аристократы. И мечты его исполнились, если не сразу, то, по крайней мѣрѣ, въ послѣднюю треть его жизни, когда онъ успѣлъ уже нажить (не только литературнымъ трудомъ, но и денежными спекуляціями) довольно большое состояніе. Въ это время Вольтеръ является уже обладателемъ нѣсколькихъ прекрасныхъ замковъ, въ которыхъ проживаетъ en grand seigneur, на широкую барскую ногу. Знаменитѣйшій изъ этихъ замковъ, Ферней, съ его золоченою ме-

---

1) „Emile", IV.
2) „Nouvelle Héloise", часть II, письмо 17.

белью, расписными потолками и дорогими картинами на стѣнахъ, роскошью своей обстановки мало уступаетъ родовымъ владѣніямъ французской аристократіи. Къ замку примыкаетъ обширный паркъ съ длинными прямолинейными аллеями подстриженныхъ деревьевъ, роскошными цвѣтниками и чудными видами на Женеву и ея окрестности.

На страницахъ „Эмиля“ Руссо однажды размечтался о томъ, какъ сталъ бы онъ жить, если бы сдѣлался богатымъ. „Я не стану,— говоритъ онъ,—въ деревнѣ строить городъ и въ глубинѣ провинціи заводить Тюильери передъ своимъ аппартаментомъ. На склонѣ какого-нибудь красиваго холма, хорошо защищеннаго отъ припека, у меня былъ бы маленькій деревенскій домикъ,—бѣлый домикъ съ зелеными ставнями; и хотя соломенная крыша лучше другихъ для всякаго времени года, я для блеска предпочелъ бы ей—не мрачную шиферную, а скорѣе черепичную кровлю, потому что у ней болѣе чистый и веселый видъ, нежели у соломенной, и потому что на моей родинѣ иначе и не покрываютъ домовъ, и это мнѣ нѣсколько напоминало бы счастливое время моей юности. Вмѣсто двора у меня былъ бы птичникъ, вмѣсто конюшни—хлѣвъ съ коровами, чтобы можно было имѣть молочные продукты, которые я очень люблю. Вмѣсто цвѣтниковъ, у меня былъ бы огородъ, а вмѣсто парка, прекрасный фруктовый садъ“.

Какъ далеко отъ вольтеровскихъ роскошныхъ замковъ отстоитъ этотъ маленькій бѣлый домикъ съ зелеными ставнями! Но и о такомъ домикѣ только мечталъ Руссо. Въ дѣйствительности, всю жизнь свою онъ прожилъ еще болѣе скромно, считая себя счастливымъ въ непритязательной, хотя и опрятной обстановкѣ, свойственной тогдашнимъ женевскимъ часовщикамъ, изъ среды которыхъ онъ вышелъ [1]). Такимъ образомъ, и въ личной своей жизни Руссо не отступалъ отъ демократическихъ принциповъ, которые играютъ столь большую роль въ его сочиненіяхъ.

Въ области политическихъ теорій никто въ XVIII в. не былъ демократичнѣе Руссо. Если Вольтеръ не пошелъ дальше идей „просвѣщеннаго абсолютизма“, если Монтескье считалъ лучшимъ государственнымъ строемъ конституціонную монархію по англійскому образцу, то симпатіи Руссо клонились рѣшительно въ сторону республиканскаго устройства. Провозглашенный имъ въ „Общественномъ договорѣ“, принципъ „народнаго верховенства“ составилъ настоящую эру въ области политическихъ и соціальныхъ теорій и, начиная съ революціи 1789 г., вызвалъ длинный рядъ попытокъ его практическаго примѣненія.

Демократическая основа руссоизма не сразу была понята современниками. Первыхъ поклонниковъ и поклонницъ Руссо нашелъ

---

[1]) Ср. Gaspard Valette. Jean Jacques Rousseau Genevois. P. 1911 стр. 415 сл.

въ средѣ французской аристократіи, легко усваивавшей идеи просвѣтительной философіи вообще и заигрывавшей, нѣсколько неосмотрительно, также съ руссоизмомъ, не давая себѣ отчета въ глубокой демократичности и оппозиціонности этого ученія. По наблюденію аббата Морелле, „все казалось тогда такимъ невиннымъ въ этой философіи, которая оставалась замкнутою въ сферѣ чистыхъ умозрѣній и, въ самыхъ смѣлыхъ своихъ выходкахъ, никогда не искала ничего другого, кромѣ мирнаго упражненія ума". Однако, мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ стала выясняться истинная сущность руссоизма, аристократія начала охладѣвать къ ученію, которое такъ грозило ея сословнымъ интересамъ. Тѣмъ большимъ успѣхомъ, напротивъ того, сталъ пользоваться руссоизмъ въ среднемъ классѣ общества, въ томъ обездоленномъ въ правахъ и много терпѣвшемъ отъ высшихъ классовъ „третьемъ" сословіи, которому суждено было вскорѣ выступить на сцену исторіи. Нельзя лучше Тэна выяснить общія причины, которыя обратили представителей среднихъ классовъ общества въ ярыхъ поклонниковъ Руссо. „Можно ли придумать что-либо болѣе соблазнительное для третьяго сословія, чѣмъ это ученіе? — замѣчаетъ знаменитый историкъ: оно даетъ ему въ руки оружіе противъ общественнаго неравенства и политическаго произвола, и еще вдобавокъ гораздо болѣе острое оружіе, чѣмъ ему требовалось. Могутъ ли люди, желающіе контролировать власть и уничтожить привилегіи, найти себѣ болѣе подходящаго и пріятнаго наставника, чѣмъ этотъ геніальный писатель, этотъ могучій мыслитель, этотъ страстный ораторъ, устанавливающій естественное право, отрицающій всякое историческое право, провозглашающій равенство людей, требующій для народа похищенной у него верховной власти и обнаруживающій на каждомъ шагу всю узурпацію, всѣ пороки, всю безполезность и весь вредъ сильныхъ міра сего и королей?—А я опустилъ еще тѣ черты этого автора, которыя дѣлаютъ его особенно сочувственнымъ для сыновей трудолюбивой и строгой буржуазіи, для новыхъ людей, возвышающихся путемъ настойчиваго труда, а именно—его постоянную серьезность, его горькій и могучій тонъ и тѣ похвалы, которыми онъ осыпаетъ простоту нравовъ, семейныя добродѣтели, личную заслугу и мужественную энергію; однимъ словомъ, это плебей, говорящій съ плебемъ. Что же удивительнаго, что они выбираютъ его своимъ руководителемъ и принимаютъ его ученія съ тою страстною вѣрою, которая называется энтузіазмомъ, и которою всегда сопровождается первая идея, какъ и первая любовь!" [1]).

Подъ демократическимъ знаменемъ Руссо и сражалось третье сословіе, когда ринулось въ борьбу за права человѣка, сливая свои интересы съ интересами широкихъ массъ населенія. Это знамя

[1]) Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Спб. 1880, стр. 415.

выкидывалось не разъ и впослѣдствіи, когда дѣло шло о свободѣ, о равноправіи, о соціальныхъ и политическихъ реформахъ. И въ XIX в. сочиненія Руссо не переставали исполнять свою миссію, состоявшую въ демократизаціи настроеній, чувствъ и убѣжденій и немолчной проповѣди идей соціальной справедливости. Не входя въ подробности, выходящія далеко за предѣлы настоящей краткой замѣтки, я ограничусь тремя примѣрами, взятыми изъ разныхъ эпохъ и разныхъ странъ. Я назову лишь Байрона, Жоржъ Зандъ и Толстого, трехъ писателей міровою значенія и несомнѣнныхъ учениковъ Руссо, какъ ни различны они между собою. И англійскій пѣвецъ міровой скорби, и французская романистка-романтикъ и „великій писатель земли русской“ сошлись въ своихъ неизмѣнныхъ симпатіяхъ къ автору „Эмиля“ и „Новой Элоизы“, у котораго они научились болѣе, чѣмъ у кого-либо другого, горячо любить народъ, близко къ сердцу принимать его интересы и всегда выступать въ его защиту.

М. Н. Розановъ.

Посмертное стихотвореніе.

К. М. Фофанова.

Къ тебѣ, источникъ живого слова,
Свидѣтель правды, творецъ земли,—
Я прибѣгаю! Душа готова
Тебѣ молиться,—и ей внемли!

Душа готова, душа раскрыта,
И въ страхѣ жаждетъ твоихъ чудесъ.
Горитъ обидой моя ланита,
А грудь пылаетъ огнемъ небесъ.

Земля ничтожна, земля минутна,—
И крестъ Голгоѳы—ея маякъ...
Но сердце любитъ, и вѣритъ смутно,
Что жизнь безсмертна и смерть—не мракъ.

Тебѣ молюсь, источникъ свѣта,—
Защитникъ мудрыхъ и любви,—
Благослови мечты поэта
И струны арфы благослови.

Изъ воспоминаній о П. Ф. Якубовичѣ.

(Посвящается дорогой Р. Ѳ. Я—чъ).

По карійскимъ политическимъ тюрьмамъ только что пронесся циклонъ мрачныхъ событій: тринадцатидневная голодовка въ женской тюрьмѣ и восьмидневная въ мужской, истязаніе Сигиды, ея смерть, самоубійство Ковалевской, Смирницкой и Калюжной, массовыя самоотравленія въ мужской тюрьмѣ и смерть Бобохова и Калюжнаго...

Этотъ ужасъ пронесся по обѣимъ тюрьмамъ позднею осенью 1889 года, и за нимъ водворилась жуткая тишина.

Въ женской тюрьмѣ еще ничего не знали о катастрофѣ съ Надеждой Сигидой и о послѣдующихъ событіяхъ. Все было тихо, но той особенной, напряженной и зловѣщей тишиной, когда прислушиваются къ каждому шороху...

На часы у нашей тюрьмы сталъ часовой, который былъ намъ рекомендованъ со стороны. Его постъ находился въ переулкѣ, совершенно пустынномъ и безлюдномъ. Въ камерѣ было насъ трое: Лешернъ, Прасковья Семеновна Ивановская и я. Паша встала на подоконникъ, тихонько открыла форточку и спросила:

— Что новаго?

— Много печальнаго,—отвѣтилъ казакъ и разсказалъ все, начиная съ истязанія Сигиды.

Форточка закрылась. Паша сошла съ окна. Мы трое стояли тѣсной кучкой, обсуждая слова часового. Если бы эти вѣсти дошли до слуха нашихъ товарокъ, организовавшихъ лишь недавно закончившуюся 13-дневную голодовку, онѣ вызвали бы новые случаи самоубійства. Надо было скрыть отъ нихъ, во что бы то ни стало, роковую вѣсть. Нельзя было терять ни одной минуты на разговоры объ этомъ. Дверь камеры могла открыться, кто-нибудь изъ товарокъ могъ войти...

Въ той же камерѣ помѣщалась М. А. Ананьина, которая переписывалась съ мужской тюрьмой. Хотя почта между обѣими тюрьмами давно не функціонировала въ виду тревожнаго времени, все же Ананьина могла неожиданно получить письмо, которое открыло бы ей истину. Въ виду этого, мы рѣшили пріобщить и ее къ нашей ужасной тайнѣ.

Съ нами помѣщалась еще А. В. Якимова; она примкнула бы одной изъ первыхъ къ „пассивному протесту", какимъ являлись самоубійства на Карѣ, если бъ узнала о случившемся.

Мы рѣшительно не находили возможнымъ вызывать новую волну самоубійствъ, и намъ оставалось одно—скрывать отъ товарищей ноябрьскія событія. Это тянулось долго... Не смотря на безмѣрное горе, надламывавшее насъ, мы вынуждены были оставаться спокойными и невозмутимыми, какъ если-бъ ничего особеннаго не произошло. Это было очень трудно, но мы спасали жизнь нашихъ оставшихся товарищей.

Послѣднимъ откликомъ промчавшейся бури было посѣщеніе Кары губернаторомъ Барабашемъ. Нервы у всѣхъ были страшно натянуты. Малѣйшаго повода было бы достаточно, чтобы произошли новыя несчастья, но Барабашъ, наконецъ, уѣхалъ... Дальнѣйшій ходъ событій зависѣлъ оттого, какъ отнесутся наши товарки къ совершившимся несчастіямъ, когда о нихъ узнаютъ.

Наконецъ, представился случай отправить почту въ мужскую тюрьму. Изъ нашихъ писемъ товарищи узнали о положеніи дѣлъ у насъ и взялись увѣдомить четырехъ нашихъ товарокъ [1]). Они обратились къ нимъ съ письмами, въ которыхъ излагали подробно все случившееся и убѣждали ихъ не прибѣгать къ самоубійствамъ, щадя жизнь всѣхъ товарищей, только что начавшихъ оправляться отъ страшныхъ ноябрьскихъ потрясеній. Въ заключеніе просили отложить всякія рѣшенія до того времени, когда получится отвѣтъ на ходатайство коменданта объ отмѣнѣ приказа о распространеніи тѣлеснаго наказанія на политическихъ заключенныхъ. Отвѣтъ этотъ ожидался въ маѣ мѣсяцѣ... Товарищи изъ мужской тюрьмы предлагали нашимъ женщинамъ принять участіе въ новомъ протестѣ въ случаѣ отказа. Ихъ предложеніе было принято, и рѣшеніе отсрочено до полученія офиціальнаго отвѣта.

Такимъ образомъ, въ тюрьмахъ водворилось временное спокойствіе. Страшная зима приходила къ концу. Солнце начало пригрѣвать, и было такое счастье дышать во время прогулокъ по двору теплымъ, благоуханнымъ воздухомъ, несшимся съ сопокъ и лѣсовъ, окружавшихъ нашу ветхую тюрьму. Изстрадавшееся сердце начинало биться ровнѣе, легкія расправлялись и дышали глубже, лицо обвѣвалъ теплый вѣтеръ, пропитанный солнечными лучами, а изъ глазъ текли слезы при мысли о товарищахъ, которыхъ мы потеряли за зиму, и для которыхъ нѣтъ больше весны.

Однимъ изъ признаковъ оживанія явилось возобновленіе нелегальной почты между мужской тюрьмой на Нижне-Карійскомъ промыслѣ и нашей, находившейся отъ нея въ 4-хъ верстахъ, на краю

[1]) Это были: А. В. Якимова, Неон. Мих. Салова, Г. Н. Добрускина, Е. Мих. Тринитатская.

почтовой дороги. По смѣшному противорѣчію, наша тюрьма называлась на офиціальномъ языкѣ „новой", хотя часть одной ея стѣны подпиралась большой слегой, а потолокъ грозилъ свалиться на наши головы.

Съ одной изъ первыхъ же почтъ мы получили письмо отъ Петра Филипповича Якубовича. Онъ просилъ прислать матеріалы, какіе мы можемъ собрать, для составленія біографій Сигиды, Калюжнаго и Бобохова. Мужская тюрьма поручила Петру Филипповичу написать эти біографіи, и онъ просилъ сообщать ему все, что намъ извѣстно о прошломъ и о жизни въ тюрьмѣ нашихъ погибшихъ товарищей.

Предложеніе П. Ф. послужило началомъ моей переписки съ нимъ, которая длилась потомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ заключенія, и гораздо позднѣе, когда мы оба были въ Россіи, изрѣдка возобновлялась послѣ 1906 года.

П. С. Ивановская записала для Петра Филипповича все, что мы знали изъ разсказовъ Нади Сигиды: объ ея дѣтствѣ, о первыхъ годахъ юности, о томъ, какъ она вступила въ партію „Народной Воли", какъ стала хозяйкой типографіи въ Таганрогѣ; объ ея путешествіи по этапамъ, гдѣ она свела знакомство съ выдающимися людьми тогдашней административной ссылки... Ей еще не исполнилось 20-ти лѣтъ, но она была уже вдова. Мужъ ея, немногими годами старше, умеръ въ харьковской центральной тюрьмѣ, по дорогѣ на Сахалинъ. Извѣстіе объ этомъ дошло до Нади въ тотъ самый моментъ, когда ей предстояло перешагнуть порогъ нашей тюрьмы... Старшій жандармъ, исполнявшій обязанности смотрителя, передалъ ей офиціальное извѣщеніе о смерти мужа въ канцеляріи, и черезъ нѣсколько минутъ ее ввели въ нашу камеру вмѣстѣ съ Е. М. Тринитатской. Она была точно окаменѣлая. Глаза ея, казалось, ничего не видѣли, лицо застыло въ выраженіи, которое мы сначала не могли разгадать, ничего не зная объ извѣстіи, только что ее сразившемъ. Напрасно мы старались развлечь ее разспросами. Она оставалась безучастной... Наконецъ, Тринитатская отвела кого-то изъ насъ въ сторону и сказала о томъ, что пришлось только что пережить нашей новой сожительницѣ...

Вотъ что пришлось П. С. Ивановской сообщить на вопросы Якубовича объ этой короткой и трагической жизни. Я прибавила небольшую характеристику Сигиды и воспользовалась случаемъ, чтобы привѣтствовать Якубовича, какъ поэта, стихи котораго уже тогда производили на меня глубокое впечатлѣніе. Я знала, что въ мужской тюрьмѣ муза П. Ф. встрѣчала мало откликовъ. Его любили и уважали, какъ прекраснаго человѣка и товарища; многіе цѣнили въ немъ поэтическое дарованіе и огромныя знанія въ области русской поэзіи и литературы вообще. Но большинство было равнодушно къ поэзіи и къ стихамъ Якубовича въ частности. Тогда звучали еще отголоски писаревскихъ настроеній, а въ нашемъ положеніи черты

„борца за свободу" и „общественнаго дѣятеля" покрывали другія проявленія духовной жизни. Все это было понятно и естественно, но мнѣ захотѣлось порадовать Петра Филипповича откликомъ, который показалъ бы ему, что здѣсь, на Карѣ, у него есть еще товарищи, ему неизвѣстные, которые чтутъ его музу и любятъ поэзію, которая ему такъ безконечно дорога.

Съ тѣхъ поръ между нами установилась дружеская переписка, доставлявшая мнѣ много радости съ примѣсью естественной грусти за судьбу поэта.

Біографіи погибшихъ товарищей были закончены, и Якубовичъ прислалъ ихъ въ женскую тюрьму. Онѣ были написаны очень красиво и очень трогательно. Къ сожалѣнію, ихъ постигла судьба, довольно обычная въ тогдашнихъ нашихъ условіяхъ: ихъ попытались переслать въ Россію черезъ вольную команду, и онѣ пропали безслѣдно [1])...

Иногда П. Ф. присылалъ мнѣ свои стихотворенія, которыя онъ писалъ въ то время на Карѣ, т. е. въ первой половинѣ 1890 года.

Его небольшія письма ко мнѣ, въ которыхъ онъ говорилъ о томъ, что занимаетъ его мысли, надъ чѣмъ онъ работаетъ, что тревожитъ или радуетъ его (случались и минуты радости!), поражали своимъ изящнымъ простымъ слогомъ. Это были маленькіе перлы красивой прозы, и я не удержалась отъ совѣта испробовать свои силы въ повѣсти. Между прочимъ, въ одномъ письмѣ онъ говорилъ о Розѣ Ѳедоровнѣ Франкъ, его невѣстѣ. Мысль, что ему не суждено уже увидѣться съ нею, была ему очень тяжела. Я напоминала ему, что для него скоро настанетъ срокъ вольной команды, и Роза Ѳедоровна тогда получитъ возможность пріѣхать къ нему. Я не предвидѣла, что до этого желаннаго свиданія ему предстоитъ еще тяжелое испытаніе—жизнь въ акатуйской тюрьмѣ,—и что эта страшная своимъ безчеловѣчнымъ режимомъ тюрьма и ея рудники, въ которыхъ пришлось работать Петру Филипповичу, подточатъ тонкую организацію и надорвутъ его чуткое сердце.

Но Якубовичъ родился русскимъ поэтомъ...

Въ маѣ 1890 года снова разгорѣлась тревога въ обѣихъ тюрьмахъ. Отвѣта о тѣлесныхъ наказаніяхъ все не было. Заключенные устали напряженно ждать, и опять назрѣвала возможность массовыхъ самоубійствъ.

Но на этотъ разъ судьба пощадила карійцевъ. Комендантъ Масюковъ, изъ-за феноменальной ограниченности котораго произошли всѣ волненія, тянувшіяся съ августа 1888 по май 1890 г., вызвалъ въ свою канцелярію Сергѣя Диковскаго и показалъ ему бумагу: губернаторъ Забайкальской области извѣщалъ Масюкова о томъ,

---

[1]) Я слышала, что ссыльные въ Якутской области видѣли эти біографіи въ 1891 году въ Якутскѣ. Быть можетъ, еще найдутся гдѣ-нибудь списки?

что тюремное управленіе согласилось отмѣнить тѣлесныя наказанія для политическихъ заключенныхъ на Карѣ.

Въ то же время былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о существованіи политическихъ тюремъ на Карійскихъ золотыхъ пріискахъ. Тюрьмы должны были закрыться осенью того же года. Всѣ заключенные, для которыхъ кончался обязательный срокъ тюремнаго заключенія, отпускались въ вольную команду. Остальные переводились,—женщины въ уголовную тюрьму на Усть-Карѣ, а мужчины въ акатуйскую тюрьму. О послѣдней ходили зловѣщіе слухи: тюрьма воздвигнута на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда томились декабристы. Долго ее не могли достроить изъ-за обычныхъ хищеній, но, наконецъ, она была готова, и ждала своихъ жертвъ.

Подробности предстоявшихъ перемѣнъ доходили до насъ постепенно, а списки заключенныхъ по разрядамъ стали офиціально извѣстны почти наканунѣ тюремныхъ преобразованій. Но наши товарищи умѣли безошибочно высчитывать сроки заключенія и потому могли заранѣе опредѣлить, кому изъ нихъ предстояло итти въ Акатуй. Обреченныхъ было тринадцать человѣкъ, и въ ихъ числѣ—Петръ Филипповичъ Якубовичъ.

Администрація объявила напередъ, что, по дисциплинѣ и суровости заключенія, акатуйская тюрьма должна быть „образцовой"...

Въ это время я лишь изрѣдка получала письма отъ П. Ф., но настроеніе ихъ попрежнему оставалось спокойнымъ и яснымъ.

Положеніе предназначенныхъ въ вольную команду нельзя было назвать завиднымъ. Сознаніе, что изъ нашей среды будутъ выхвачены нѣсколько человѣкъ и отправлены на муки, почти на вѣрную погибель въ Акатуй, наполняло сердца тоской и болью.

Въ сентябрѣ были освобождены болѣе 30 человѣкъ, въ числѣ которыхъ изъ женской тюрьмы: Г. Н. Добрускина, П. С. Ивановская, С. А. Лешернъ, Ек. Мих. Тринитатская [1]) и я. Оставались доживать сроки заключенія: М. А. Ананьина, Н. М. Салова и А. В. Якимова. Да на Нижней Карѣ въ лазаретѣ находились: Е. К. Россикова и С. Н. Богомолецъ. Первая, подобно Тринитатской, впала въ психическую болѣзнь и въ 1891 году была увезена въ Иркутскъ, гдѣ тоже вскорѣ умерла. С. Н. Богомолецъ умерла въ заточеніи отъ туберкулеза въ 1892 году.

Ананьина, Салова и Якимова были тотчасъ послѣ нашего выхода увезены въ Усть-Кару, въ ту самую тюрьму, гдѣ мы когда-то сидѣли, гдѣ умерли Сигида и трое другихъ нашихъ товарокъ, и гдѣ теперь находились уголовныя.

Между уголовными женщинами были еще такія, на глазахъ которыхъ разыгралась драма Сигиды и самоотравленія политическихъ.

---

[1]) Вскорѣ по выходѣ въ вольную команду Е. М. Тринитатская заболѣла рѣзко выраженнымъ психическимъ разстройствомъ и была увезена въ Иркутскъ, въ домъ умалишенныхъ, гдѣ умерла въ томъ же году.

Онѣ разсказывали объ этомъ съ трогательнымъ сочувствіемъ. О послѣднемъ днѣ жизни Сигиды онѣ передавали слѣдующее. Когда она возвращалась съ мѣста истязанія, Марія Павловна Ковалевская шла по двору ей на встрѣчу. Надя упала въ ея объятія со словами: „Моя жизнь окончена", и тотчасъ ушла въ небольшую боковую камеру, гдѣ содержалась въ одиночномъ заключеніи (прежде здѣсь находилось помѣщеніе дежурившихъ при нашей тюрьмѣ жандармовъ). Черезъ нѣсколько часовъ ея не стало, но женщины не могли разсказать подробностей объ ея послѣднихъ минутахъ, и былъ ли кто-нибудь при ней въ эти минуты. Въ слѣдующую же ночь приняли ядъ Ковалевская, Смирницкая и Калюжная. Утромъ ихъ увезли въ лазаретъ на Нижнюю Кару, отстоявшую на 15 верстъ отъ Усть-Кары. Онѣ уже были въ безсознательномъ состояніи и, можетъ быть, не всѣ были живы.

Ихъ похоронили тайно, и никто изъ мѣстныхъ жителей не зналъ, гдѣ ихъ могилы. Когда мы жили въ вольной командѣ на Нижней-Карѣ, то не могли отыскать мѣста ихъ погребенія.

Трудно описать чувство растерянности и безграничнаго унынія, съ какимъ мы вышли на волю. Не легко было уходить изъ тюрьмы, оставляя позади себя трехъ нашихъ товарокъ, съ которыми мы сжились и которыхъ любили; но еще гораздо большею тяжестью ложилась на душу мысль о товарищахъ, отправленныхъ въ Акатуй. Не хотѣлось радоваться облегченію своей участи: легче было бы самимъ итти въ Акатуй, чѣмъ провожать другихъ въ это зловѣщее мѣсто.

Черезъ два дня послѣ нашего выхода изъ тюрьмы, рано утромъ намъ дали свиданіе съ 13-ю уводимыми. Оно происходило на Нижне-Карійскомъ промыслѣ въ канцеляріи коменданта. Я помню эту обширную комнату въ деревянномъ зданіи, низкій потолокъ и полутьму. Все помѣщеніе оказалось до тѣсноты заполнено пришедшими „вольнокомандцами" (которыхъ съ прежде-вышедшими въ вольную команду было болѣе 40 человѣкъ) и отправляемыми, съ которыми мы пришли прощаться. Въ теченіе свиданія, продолжавшагося не болѣе получаса, среди насъ то и дѣло сновалъ старшій конвойный съ какими-то бумагами, и приходилъ какой-то писецъ за справками.

По срединѣ комнаты оставался свободный проходъ аршина въ два шириною. Въ этомъ сравнительно свободномъ пространствѣ находились увозимые. Каждый изъ нихъ то подходилъ къ кому-нибудь изъ пришедшихъ, говорилъ нѣсколько словъ, обнималъ товарища и выслушивалъ дружеское напутствіе; то, увидѣвъ въ толпѣ другого человѣка, съ которымъ еще не обмѣнялся ни словомъ и съ которымъ тоже хотѣлось поговорить, бросался къ нему. Стояли говоръ и нервная суматоха.

Здѣсь, въ этой толкотнѣ, я впервые увидѣла Петра Филипповича. Онъ былъ въ кандалахъ, но не бритый, и его прекрасное

лицо, съ умнымъ и безконечно добрымъ выраженіемъ, не было обезображено.

Въ эти мрачныя минуты Якубовичъ сохранялъ полное самообладаніе. Онъ говорилъ, улыбался и даже шутилъ. Всѣ, вообще, уходившіе были мужественно-спокойны. Приходъ вольнокомандцевъ, видимо, доставилъ имъ нѣсколько радостныхъ минутъ. Болѣе другихъ были взволнованы Павло Ивановъ и Санковскій [1]).

Но вотъ со стороны солдатъ послышались напоминанія, что свиданіе кончается. Начались братскія объятія и поцѣлуи, такъ сильно напомнившіе „послѣднія лобзанія". Движеніе и толкотня еще усилились, появился конвой, чтобы вести нашихъ товарищей. Выкрикивались послѣднія дружескія прощальныя слова; въ послѣдній разъ для мимолетнаго пожатія протягивались руки. Кто-то громко крикнулъ: „До свиданія, товарищи!" Санковскій отвѣтилъ: „Какое ужъ свиданіе! Мы идемъ умирать!" Другіе громкіе голоса заглушили это восклицаніе... Прощаніе кончилось.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня нашихъ товарищей уводили этапами въ Акатуй.

Мы возвращались въ свои жилища, какъ послѣ страшныхъ похоронъ; точно на нашихъ глазахъ опустили въ могилы живыхъ людей.

Восклицаніе Санковскаго оказалось для него пророческимъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ акатуйскаго заключенія. При одномъ столкновеніи съ администраціей, находясь въ крайне раздражительномъ состояніи, онъ бросилъ чайникомъ съ горячей водой въ начальника тюрьмы и былъ за это посаженъ въ карцеръ, въ ожиданіи суда. Ночью онъ принялъ ядъ, съ которымъ не разставался, и утромъ его нашли мертвымъ.

Не вернулся къ намъ и Павло Ивановъ, человѣкъ талантливый и выдающійся. Онъ умеръ отъ послѣдствій тифа уже въ вольной командѣ въ Кадаѣ.

Однако, у насъ не было времени предаваться унынію въ вольной командѣ. На дворѣ стояла холодная, дождливая осень; на улицахъ Нижней Кары, гдѣ мы теперь жили, была невылазная грязь. Между тѣмъ, ни у кого не было теплой одежды, и не было другой обуви, кромѣ бродней. Всю эту нужду приходилось такъ или иначе устранять. И вообще, вольнокомандцамъ предстояла трудная задача: устроить свою жизнь такъ, чтобы она протекала въ сносныхъ матеріальныхъ условіяхъ.

Первое дѣло, на которое рѣшились всѣ, у кого были близкіе родственники въ Россіи, состояло въ отправкѣ телеграммъ съ прось-

---

[1]) Фамиліи отправленныхъ въ Акатуй: А. М. Зунделевичъ, П. Ф. Якубовичъ, Маньковскій, Левченко, Дулемба, Санковскій, Березнюкъ, Павло Ивановъ, Спандони, В. И. Чуйковъ, Нагорный, Бойченко, М. Диковскій.

бой выслать немного денегъ. Эти просьбы были тотчасъ исполнены, и изъ полученныхъ средствъ, вмѣстѣ съ остатками тюремныхъ кассъ, поступившихъ въ вѣдѣніе вольной команды, образовался маленькій запасъ въ 600—700 рублей, который легъ въ основу нашего артельнаго хозяйства. Каждому изъ насъ въ одиночку пришлось бы жестоко бѣдствовать; всѣ же вмѣстѣ мы образовали артель, положеніе которой можно было назвать вполнѣ удовлетворительнымъ.

Это сравнительное благосостояніе основывалось на посильномъ трудѣ каждаго изъ насъ; безъ усиленной работы со стороны своихъ членовъ артель не могла бы, разумѣется, существовать. Хозяйственныя дѣла рѣшались собраніями; первое же такое собраніе избрало артельнымъ старостой Н. А. Люри. Онъ жилъ въ довольно обширномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ горному вѣдомству. У послѣдняго на Нижней Карѣ было нѣсколько зданій, никѣмъ не занятыхъ, и такъ какъ они отъ времени до времени приходили въ упадокъ, то администрація рѣшила уступить ихъ подъ жилища нашей вольной команды. Но у артели были и собственные небольшіе, деревянные дома, когда-то построенные уголовными вольнокомандцами и купленные нашими предшественниками. Дома эти были слажены не очень правильно и еще менѣе красиво, но два изъ нихъ были довольно помѣстительны, и въ одномъ помѣщалась столярная мастерская Г. Е. Батогова, нашего товарища, вышедшаго въ вольную команду ранѣе насъ. При этой мастерской черезъ сѣни была комнатка, въ которой поселились по выходѣ изъ тюрьмы П. С. Ивановская и я. Мы принялись обшивать вольную команду и вскорѣ сдѣлались спеціалистками по шитью мужскихъ блузъ. Изъ Россіи было прислано много фланели темныхъ цвѣтовъ, и у насъ образовалась маленькая мастерская. Тутъ же мы изготовляли теплыя рукавицы, безъ которыхъ наши товарищи не могли бы работать зимою.

Вмѣстѣ со старостой поселился А. И. Преображенскій, который сталъ вслѣдствіе этого естественнымъ помощникомъ его во всѣхъ хозяйственныхъ работахъ. Въ томъ же самомъ домѣ помѣщалась кухня, гдѣ готовился обѣдъ для членовъ артели. Такъ какъ общественной столовой не было, то желающимъ предоставлялось обѣдать въ кухнѣ, но такихъ было мало, и большинство приходило съ судками; обѣдали по домамъ—большею частью компаніями въ нѣсколько человѣкъ. У артели былъ свой слесарь Красовскій, который дѣлалъ отличные судки и самовары изъ бѣлой жести.

Обѣдъ готовилъ поваръ съ помощникомъ, причемъ обязанности повара рѣдко исполнялись женщинами, но мы понедѣльно въ качествѣ помощницъ отбывали дежурства.

У артели были двѣ коровы, и только для доенія ихъ примѣнялся у насъ наемный трудъ: утромъ и вечеромъ приходила съ этою цѣлью нанятая женщина и доила коровъ. Уходъ за коровами бралъ на себя тотъ изъ товарищей, кто смотрѣлъ также за ло-

шадьми и именовался конюхомъ. Обыкновенно лошадей была пара, и онѣ требовались для вывозки дровъ изъ лѣса, для доставленія ихъ на домъ членамъ артели, для возки воды, провизіи и проч.

Самыми трудными работами были—рубка дровъ и косьба. Для этихъ занятій составлялись компаніи, въ которыя товарищи входили по желанію; но въ сущности онѣ ежегодно составлялись приблизительно изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, такъ какъ только очень сильные и здоровые люди годились для тяжелыхъ работъ. Во главѣ ихъ всегда стоялъ Н. В. Яцевичъ (недавно умершій въ Полтавской губерніи), тогда совсѣмъ молодой человѣкъ, не жалѣвшій для товарищеской артели своихъ могучихъ силъ и богатырскаго здоровья.

Дроворубы уходили осенью въ лѣсъ за нѣсколько верстъ отъ Нижней Кары и жили тамъ въ шалашѣ, который сами строили. Понятно, что они сильно страдали отъ холода и согрѣвались только за работой или у костра. Дрова заготовлялись въ большомъ количествѣ и вывозились зимой.

Сѣнокошеніе, если только погода благопріятствовала, было менѣе мрачно по своей обстановкѣ. Косцы тоже жили въ шалашѣ, но лѣтомъ кочевой образъ жизни не доставлялъ такихъ лишеній, какъ въ осеннюю стужу рубка лѣса. Самая работа была легче, и вечерами послѣ ужина и чая еще сохранялись у косцовъ силы для долгой бесѣды и хорового пѣнія у костра. Съ Нижняго иногда приходили гости, чтобы провести день съ друзьями и помочь имъ въ работѣ.

Разъ я заговорила о хозяйственной сторонѣ нашей жизни въ вольной командѣ, то для характеристики ея надо добавить, что акатуевцы считались членами нашей артели, и ежемѣсячно посылалась имъ небольшая сумма денегъ, необходимая для покрытія самыхъ существенныхъ ихъ потребностей. Такъ продолжалось около двухъ лѣтъ, когда матеріальное положеніе акатуевцевъ улучшилось и стало самостоятельнымъ. Акатуйскіе товарищи считались также собственниками части нашей обширной карійской библіотеки; транспортъ книгъ, по ихъ собственному выбору, былъ отправленъ въ Акатуй, и эти книги легли въ основу собственной акатуйской библіотеки.

Но вернемся къ осени 1890 года. Комнатка, въ которой я поселилась съ Прасковьей Семеновной Ивановской, была до невѣроятія мала, и когда шитья у насъ стало больше, я наняла себѣ за ничтожную плату неподалеку комнату у женщины, по имени Аксиньи. Она и мужъ ея заслуживали бы спеціальнаго упоминанія въ послѣдовательной хроникѣ нашей жизни на Нижне-Карійскомъ промыслѣ, но въ моемъ бѣгломъ очеркѣ я могу лишь сказать, что, хотя Тимофей (такъ звали, помнится, мужа

Аксиньи) отбывалъ уголовную каторгу, но они оба были люди совершенно нравственные, въ обычномъ смыслѣ этого слова, и легко поддавались культурному вліянію политической ссылки. Дѣло, за которое Тимофей судился, можно скорѣе назвать несчастнымъ случаемъ,—въ пьяномъ видѣ онъ убилъ своего односельчанина. Семья эта жила удивительно дружно; оба, Аксинья и ея мужъ, были неутомимы въ работѣ и поэтому довольно зажиточны. Тимофей легко терялъ сознаніе при опьяненіи и поэтому совсѣмъ пересталъ пить. Своей единственной дочери они дали первоначальное образованіе, потомъ послали въ читинскую гимназію, и изъ нея вышла славная молодая интеллигентная дѣвушка.

Въ избѣ этой Аксиньи я наняла комнату и прожила въ ней довольно долго. Здѣсь я получила первыя письма Петра Филипповича изъ Акатуя. Иногда онъ писалъ черезъ начальника тюрьмы Архангельскаго (изображеннаго имъ „Въ мірѣ отверженныхъ" подъ именемъ Шестиглазаго), но гораздо чаще пользовался какимъ-нибудь случаемъ, чтобы отправить свои письма неофиціально. Въ нихъ онъ не жаловался на жизнь въ Акатуѣ, но у насъ было хорошо извѣстно, какимъ страданіямъ и мукамъ подвергались наши товарищи, затерянные по двое и даже по одному среди уголовныхъ. Имъ приходилось отстаивать свое человѣческое достоинство противъ грубой и дикой администраціи, и положеніе ихъ было тѣмъ болѣе опасно, что въ спискѣ наказаній, угрожавшихъ заключеннымъ, числилось тѣлесное наказаніе, которое каждый изъ нихъ предупредилъ бы самоубійствомъ. А такъ какъ причинъ для столкновеній было очень много, то заключенные жили подъ постояннымъ давленіемъ мысли о возможной и очень близкой трагедіи. Смерть витала надъ головами заключенныхъ.

Физическія условія также были ужасны. Тюрьма быстро переполнилась арестантами. Ихъ помѣщалось въ камерахъ вдвое больше, чѣмъ полагалось по расписанію, отчего воздухъ портился въ ужасающей степени, и ночью, въ особенности, былъ нестерпимо смрадный. Съ большимъ трудомъ удавалось нашимъ товарищамъ убѣдить уголовныхъ открывать форточки для провѣтриванія камеръ. Арестанты не любятъ холода, привыкли не обращать вниманія на зараженный воздухъ и мало замѣчаютъ его. Нужна была упорная проповѣдь правилъ гигіены, чтобы получить ихъ согласіе на открытіе форточекъ.

Пища была общая,—уставомъ „образцовой" тюрьмы запрещалось имѣть отдѣльное продовольствіе. Улучшеніе пищи разрѣшалось только въ видѣ улучшенія „общаго котла". Разумѣется, потребовались бы громадныя средства, чтобы кормить всю тюрьму мясомъ, и такими средствами наши товарищи не обладали. Все, что они могли сдѣлать, это покупать для общаго котла мясо два

раза въ недѣлю по постнымъ днямъ [1]). Бѣлый хлѣбъ и даже пшеничный, а также молоко, запрещались въ тюрьмѣ; такимъ образомъ, на свои деньги можно было пріобрѣсти для личнаго пользованія только чай, сахаръ и табакъ.

Существеннымъ мученіемъ въ Акатуѣ являлись паразиты, которые очень быстро населили вновь выстроенную тюрьму. Они не давали спать, и большая часть ночи проходила въ истребленіи клоповъ и прочей нечисти. Въ кухнѣ было такъ много таракановъ, что они падали въ котелъ съ арестантской пищей и плавали сверху цѣлымъ слоемъ. Чтобы зачерпнуть щей, поваръ предварительно отмахивалъ своимъ ковшомъ таракановъ къ противоположному краю котла. Политическіе заключенные долго трудились надъ тѣмъ, чтобы въ кухнѣ вывести таракановъ, и это имъ удалось, но затѣмъ паразиты снова размножились, и на нихъ пришлось махнуть рукой.

Что касается рудничныхъ работъ, то нѣкоторымъ изъ политическихъ заключенныхъ, въ томъ числѣ и Петру Филипповичу, можетъ быть, удалось бы освободиться отъ нихъ путемъ настойчивыхъ заявленій о болѣзняхъ и общей физической слабости. Но къ такимъ пріемамъ наши друзья не могли прибѣгать по разнымъ причинамъ,—между прочимъ потому, что всѣ политическіе не могли добиться освобожденія отъ работъ, а никто не хотѣлъ стать въ привилегированное положеніе. Съ другой стороны, уваженіе уголовныхъ и непоколебимый авторитетъ въ ихъ глазахъ можно было получить, только раздѣляя съ ними всю тяжесть положенія и не уклоняясь отъ общихъ работъ. Режимъ акатуйской тюрьмы, сравнявшій политическихъ арестантовъ съ уголовными, вынуждалъ первыхъ по необходимости безпрекословно соглашаться на пагубныя подземныя работы въ шахтѣ, при отравленномъ воздухѣ, скудной пищѣ и недостаточномъ снѣ.

Ужасъ положенія смягчался для Якубовича одно время тѣмъ, что онъ завѣдывалъ тюремной библіотекой, обучалъ такъ же, какъ и другіе товарищи, уголовныхъ грамотѣ и читалъ имъ вслухъ произведенія русской и иностранной литературы (что описано имъ въ статьѣ: „Классики предъ судомъ русской каторги“). Но книги въ Акатуѣ появились только на второй годъ. Въ теченіе же перваго года наши товарищи были лишены какой-бы то ни было духовной пищи, а слѣдовательно, и всѣхъ средствъ отвлечься умственно отъ ужасавшей дѣйствительности. Цѣлый годъ потребовался для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли акатуйскимъ заключеннымъ выдать принадлежавшія имъ книги или нѣтъ.

Въ это первое и самое трудное время акатуйскаго заключенія жизнь Якубовича скрашивалась дружбой съ А. М. Зунделевичемъ,

[1]) Интересно замѣтить, что по постнымъ днямъ арестантамъ давали жидкій супъ съ говяжьимъ саломъ, вмѣсто мяса.

который любилъ и цѣнилъ П. Ф., какъ человѣка и какъ поэта, оберегалъ минуты его вдохновенія и умѣлъ поддерживать въ немъ интересъ къ творчеству. Многія прекрасныя стихотворенія П. Ф. относятся къ этому именно времени, напримѣръ, „Здравствуй, забытый рудникъ“, „Юность“, „Человѣкъ“, „Дороже райскихъ благъ“, „Во мракѣ былого“, и проч.

Въ концѣ 1891 г. Петру Филипповичу пришлось проститься съ „Зундомъ“ (какъ звали всегда товарищи А. М. Зунделевича), уходившимъ въ вольную команду на Кару. Но въ это время находился уже въ Акатуѣ другой человѣкъ, къ которому П. Ф. дружески привязался и образъ котораго легъ въ основу портрета молодого врача Штейнгарда „Въ мірѣ отверженныхъ“. Это—Л. Вл. Фрейфельдъ. По образованію онъ былъ студентомъ пятаго курса медицинскаго факультета, и ему, какъ всѣмъ, причастнымъ къ медицинѣ, пришлось врачевать въ Сибири. Въ Акатуѣ очень цѣнили его медицинскія способности и познанія; между прочимъ, онъ очень удачно поддерживалъ безнадежно больную жену Архангельскаго. Это обстоятельство повліяло даже на положеніе политическихъ заключенныхъ въ Акатуѣ: на время исчезли поводы къ столкновеніямъ между администраціей и нашими товарищами, и они вздохнули свободнѣе.

Наиболѣе плодотворный періодъ литературной работы для Петра Филипповича наступилъ, когда, въ концѣ 1892 года, въ Акатуй прибыли такъ называемые „Вилюйцы“, т. е. осужденные въ каторгу якутскимъ судомъ послѣ обстрѣла политическихъ административно ссыльныхъ въ Якутскѣ 1889 года. Между прибывшими были: Мих. Петровичъ Орловъ, Мих. Раф. Гоцъ, Ос. Солом. Миноръ, Алекс. Сам. Гуревичъ, Терешковичъ, Уфляндъ, Брамсонъ и другіе. Около трехъ лѣтъ осужденные провели въ Вилюйскѣ, въ той самой тюрьмѣ, гдѣ содержался Чернышевскій. Потомъ ихъ перевели въ Акатуй, гдѣ они пробыли до 1895 г., когда дѣло ихъ было пересмотрѣно, всѣ они были освобождены отъ каторги, и имъ было разрѣшено вернуться въ Россію черезъ небольшіе промежутки времени.

Въ разговорѣ съ „Вилюйцами“ П. Ф. упомянулъ, что давно уже у него являлось желаніе передать въ беллетристической формѣ кое-что изъ пережитаго въ Акатуѣ. Новые товарищи стали убѣждать его писать свои „записки изъ мертваго дома“. Онъ отнѣкивался, ссылаясь на невозможность пересылки рукописи, но они брались все устроить, лишь бы онъ писалъ. Они съ любовью и вниманіемъ охраняли его покой, а ему этихъ условій было достаточно, чтобы работать съ поразительной быстротой. Такъ въ короткое время была создана I часть книги „Въ мірѣ отверженныхъ“.

Писалъ ее Якубовичъ на клочкахъ бумаги карандашомъ, а

потомъ имъ же все было переписано на почтовой бумагѣ чернилами, почти безъ измѣненія текста. П. Ф. обладалъ рѣдкимъ даромъ писать безъ помарокъ.

Когда этотъ трудъ былъ оконченъ, и Якубовичъ нѣсколько отдохнулъ отъ него, товарищи начали упрашивать, чтобы онъ описалъ въ видѣ личныхъ воспоминаній все, пережитое имъ самимъ и первыми политическими заключенными въ Акатуѣ въ 1890—1892 годахъ. П. Ф. согласился и въ короткое время окончилъ эту вторую большую акатуйскую работу свою. Когда онъ прочелъ „Воспоминанія“ товарищамъ, они поняли, что передъ ними поразительное по красотѣ и силѣ литературное произведеніе.

М. П. Орловъ, который былъ свидѣтелемъ всего сейчасъ описаннаго, говоритъ, что въ то время. какъ П. Ф. читалъ товарищамъ „Въ мірѣ отверженныхъ“, не смотря, на то, что эта книга содержитъ много чудныхъ и выдающихся по драматизму страницъ, чтеніе довольно часто прерывалось замѣчаніями и поправками, иногда даже не совсѣмъ умѣстными. Не то было при чтеніи новой книги Петра Филипповича... Тутъ стояла полная тишина, слушатели сидѣли, потрясенные и очарованные. Иногда раздавались громкія рыданія.

Вручая свое дѣтище отъѣзжавшему Г., онъ сказалъ ему: „Берегите эту вещь и помните, что второй разъ мнѣ не написать ее“.

Въ виду впечатлѣнія, произведеннаго на слушателей чтеніемъ рукописи и отзыва самого П. Ф., высказаннаго имъ Г—у, можно съ большою вѣроятностью допустить, что „Воспоминанія“ были однимъ изъ лучшихъ твореній Якубовича. Какъ читатель сейчасъ увидитъ, „Въ мірѣ отверженныхъ“ было написано два раза, а воспроизвести свои личныя воспоминанія объ Акатуѣ П. Ф. не могъ; онъ вложилъ въ нихъ всю силу своей прекрасной, чуткой души. Такія вещи не повторяются. И все же этому произведенію суждено было погибнуть. Оно погибло, благодаря нелѣпой случайности, обидной и горькой.

Это случилось въ Читѣ. Одинъ изъ нашихъ товарищей Х. взялъ рукопись къ себѣ на нѣсколько часовъ. Вечеромъ, когда онъ читалъ ее, постучался къ нему мѣстный житель Л., предупреждая о томъ, что идетъ полиція съ обыскомъ. У Х. тотчасъ же явилась мысль, какъ бы не увеличить еще страданій Петра Филипповича и его товарищей, если „Воспоминанія“ попадутъ въ руки полиціи. Онъ бросилъ листки въ печку и поднесъ къ нимъ зажженную спичку. Листки сгорѣли въ одно мгновеніе. А между тѣмъ оказалось, что Л. только пошутилъ. Говорили, что, когда онъ понялъ, какія послѣдствія имѣла его шутка, онъ хотѣлъ застрѣлиться. Долго и тяжко горевалъ также Х. Для Петра Филипповича вѣсть о случившемся была настоящимъ ударомъ. Немало перестрадалъ и покойный теперь Г., выдавшій рукопись для прочтенія. Глубоко огорчались всѣ, кто слышалъ объ этомъ несчастіи. Но прошлаго не воротишь, и

одно изъ прекраснѣйшихъ и задушевнѣйшихъ твореній Якубовича погибло безвозвратно. Случилось это весной 1895 года.

Я уже говорила, что Петръ Филипповичъ писалъ мнѣ неофиціальнымъ путемъ письма изъ Акатуя. Главнымъ ихъ содержаніемъ были его тогдашнія стихотворенія. Онъ записывалъ ихъ карандашомъ на папиросной бумагѣ своимъ бисернымъ почеркомъ и переслалъ мнѣ также всѣ свои карійскіе стихи. Такъ получилось у меня полное собраніе акатуйскихъ и карійскихъ стихотвореній Петра Филипповича, которыя я бережно хранила, подъ вліяніемъ мысли о возможности въ акатуйскихъ условіяхъ самыхъ мрачныхъ неожиданностей, можетъ быть, даже смерти.

Позднѣе, когда я жила въ Читѣ на поселеніи, я переписала ихъ вторично въ тетрадь, нарочно для этой цѣли заказанную переплетчику Алексѣемъ Кирилловичемъ Кузнецовымъ и подаренную мнѣ. Въ 1893 году (въ началѣ) я получила отъ Петра Филипповича порученіе отправить одинъ экземпляръ его стихотвореній заграницу для напечатанія. Очевидно, въ то время у него было мало надежды выйти на волю и увидѣть свои произведенія напечатанными въ Россіи. Но я медлила исполненіемъ его воли: мнѣ не хотѣлось отрѣзать пути его стихамъ къ появленію въ Россіи съ его именемъ. Поступая такъ, я не ошиблась. Вскорѣ получилось отъ Якубовича другое распоряженіе. Онъ просилъ повременить съ отправкою до новаго увѣдомленія, мотивируя эту перемѣну именно тѣмъ, что все же онъ еще не совсѣмъ потерялъ надежду увидѣть свои стихотворенія изданными въ Россіи.

Я сохранила свою тетрадь до 1904 года, когда я и семья моя уѣзжали изъ Срѣтенска. Къ тому времени всѣ имѣвшіяся у меня стихотворенія уже появились въ печати, и я не хотѣла, чтобы тетрадь, которую я переписывала съ такой любовью и такимъ благоговѣніемъ, при случайномъ обыскѣ была захвачена полиціей. Поэтому я оставила ее на память жившему тогда въ Срѣтенскѣ одному хорошему знакомому нашей семьи.

Прибывъ на поселеніе въ Читу въ октябрѣ 1892 г., я поселилась въ домикѣ съ двойнымъ названіемъ. Обитатели его и ближайшіе ихъ знакомые называли его „зимовье“, читинская молодежь звала его „въ лѣсахъ“. Итти „въ лѣса“, это значило итти въ зимовье. Теперь этотъ домикъ изуродованъ, и земля, на которой онъ стоялъ, продана въ другія руки. Самъ онъ перетащенъ на новое мѣсто и смотритъ такимъ загнаннымъ, угрюмымъ и несчастнымъ. Когда же я въ немъ жила, онъ красовался своимъ свѣтлымъ срубомъ изъ тесанныхъ лиственницъ. Его большія окна смотрѣли нарядно и весело, освѣщенныя ослѣпительнымъ сибирскимъ солн-

цемъ. Онъ стоялъ среди сосноваго лѣса, который теперь тоже вырубленъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я наслаждалась природой и почти первобытно чистымъ воздухомъ, выстроено множество домовъ, возникли цѣлыя улицы.

Въ то время „зимовье“ принадлежало нашему товарищу С. П. Богданову, который отсутствовалъ изъ Читы. Въ его домикѣ жилъ Г. Е. Батоговъ; его столярная мастерская помѣщалась въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ зимовья, присмотръ за которымъ ему былъ порученъ. Изъ трехъ комнатъ Батоговъ уступилъ мнѣ самую большую и удобную; самъ же помѣстился въ маленькой и крайней комнатѣ. Средняя служила намъ столовой и гостиной.

Рѣдко кто живалъ такой безмятежной жизнью, какой я жила въ „зимовьѣ“. Старыя карійскія раны нѣсколько зажили. И излѣчилъ ихъ никто иной, какъ забайкальская природа. Когда въ 1891 г. настало лѣто, и во всей красотѣ развернулась великолѣпная природа Дауріи [1]), то сердечныя боли куда-то стали уходить. Нельзя было не восхищаться горами и тайгой, дивными цвѣтами, яркимъ солнцемъ и безоблачнымъ небомъ. Первый лучъ радости проникъ въ мое сердце, когда я стояла на мостикѣ и глядѣла въ быстро бѣгущія, прозрачныя струйки ручья, впадавшаго въ Кару.

Лучшаго компаньона по квартирѣ, чѣмъ Г. Е. Батоговъ, нельзя было желать. Еще съ Кары онъ былъ большимъ другомъ А. В. Прибылева и моимъ.

Происходя изъ крестьянъ Полтавской губерніи, онъ родился крѣпостнымъ и 9 лѣтъ отъ роду добылъ себѣ свободу, убѣжавъ отъ преслѣдованій жестокаго управляющаго богатаго помѣщика. И не только онъ самъ освободился, но настоялъ, чтобы мать его бѣжала также и поселилась съ нимъ. Позднѣе онъ выучился столярному ремеслу и сталъ первоклассным мастеромъ. На всѣхъ его произведеніяхъ лежала печать даровитости и красоты.

Надъ зимовьемъ вѣяло знамя труда, и основой нашей жизни была работа. Батоговъ вставалъ съ пѣтухами и уходилъ въ мастерскую. Я поднималась позднѣе, убирала комнаты и хлопотала около самовара. Потомъ Батоговъ возвращался, и мы пили чай, послѣ чего я уходила изъ дома на урокъ, или ко мнѣ приходили маленькіе ученики и ученицы. Каждый изъ насъ зарабатывалъ достаточно, чтобы удовлетворить свои спартанскія потребности. Въ зимовьѣ не было кухни, и мы обѣдали и ужинали у нашихъ сосѣдей Фриденсоновъ. Послѣ обѣда я писала письма своимъ многочисленнымъ корреспондентамъ, ходила на почту, въ библіотеку, или сидѣла дома съ книгой или за работой.

Подъ вечеръ часто заходили 2—3 человѣка молодежи, большею частью молодыя дѣвушки. Онѣ любили приходить къ намъ. Здѣсь онѣ находили радушный пріемъ, оживленную бесѣду, новые жур-

[1]) Названіе юго-восточной части Забайкалья.

налы и газеты, необычное въ другихъ слояхъ общества міровоззрѣніе. Мнѣ кажется, молодежь видѣла въ „зимовьѣ" маленькую ячейку счастливаго будущаго, и посѣщенія нашего домика всегда настраивали ее на нѣсколько праздничный и торжественный ладъ.

По воскреснымъ утрамъ на столѣ нашей столовой-гостиной неизмѣнно появлялся „Кобзарь" Шевченка, и Батоговъ, котораго въ товарищеской средѣ звали не иначе, какъ Галась, углублялся въ чтеніе „Кобзаря". Иногда онъ читалъ мнѣ вслухъ, и отъ него я впервые услыхала дивные стихи Шевченка на его родномъ языкѣ.

Однажды утромъ, въ іюнѣ 1893 года, когда я была занята уборкой комнатъ, отворилась наружная дверь, и вошла женщина въ платкѣ. Она остановилась у порога и молча оглядѣлась. Я подошла къ ней, и она спросила: здѣсь ли живетъ Анна Павловна? Когда я назвала себя, она сказала, что у нея есть кое-что для меня. Но я уже и безъ ея словъ догадалась о цѣли ея прихода. Читатель, если вы когда-нибудь будете въ ссылкѣ, и къ вамъ тихо войдетъ человѣкъ и станетъ у дверей, осторожно оглянется, прежде чѣмъ заговорить, и лицо у него привѣтливое и ласковое,—знайте, что онъ пришелъ къ вамъ съ добрыми вѣстями: онъ принесъ вамъ письма отъ друзей.

Моя посѣтительница подала мнѣ письмо отъ Петра Филипповича. Въ немъ говорилось, что вмѣстѣ съ письмомъ я получу посылку. И, дѣйствительно, черезъ полчаса та же женщина принесла мнѣ небольшой ящичекъ. Когда она ушла, и я вскрыла его, въ немъ оказались листы почтовой бумаги, мелко исписанные почеркомъ Якубовича. Эта была рукопись I части „Въ мірѣ отверженныхъ".

Тутъ же находилась инструкція для меня. П. Ф. просилъ сохранить втайнѣ его произведеніе и не давать его для прочтенія; мнѣ не предоставлялось право пересылать рукопись по почтѣ, и я должна была ожидать для этого поѣздки вѣрнаго человѣка въ Иркутскъ. П. Ф. писалъ, что пришлетъ россійскій адресъ, по которому изъ Иркутска слѣдовало направить рукопись. Она предназначалась для „Вѣстника Европы".

Къ сожалѣнію, никто не ѣхалъ въ Иркутскъ, или, по крайней мѣрѣ, не ѣхалъ человѣкъ, заслуживавшій полнаго довѣрія. Уже настала осень, уже я жила въ другомъ маленькомъ домикѣ, и вернулся домой А. В. Прибылевъ (служившій все лѣто вначалѣ на пріискѣ подъ Нерчинскомъ), когда собрался ѣхать въ Иркутскъ купецъ, хорошо намъ знакомый и дружески къ намъ расположенный. Я рѣшилась съ нимъ послать рукопись въ редакцію тогдашняго „Восточнаго Обозрѣнія", такъ какъ всѣ мои иркутскіе знакомые были сотрудниками этой газеты, а личные адреса ихъ мнѣ не были извѣстны. Рукопись была доставлена аккуратно. Я отправила ее съ той же инструкціей, которую получила отъ Петра Филипповича, и сообщила ему объ этомъ. Онъ одобрилъ мои первые шаги, снова

настаивалъ, чтобы рукопись не пускалась въ обращеніе, и повторилъ свое намѣреніе прислать адресъ. На этомъ прервались надолго мои почтовыя сношенія съ Акатуемъ, и такимъ, образомъ, дѣло отправки „Въ мірѣ отверженныхъ“ затянулось на время, казавшееся мнѣ безконечнымъ.

Прошло опять нѣсколько мѣсяцевъ, когда, наконецъ, я получила письмо изъ Акатуя съ запросомъ, почему такъ долго не отправлена рукопись въ Петербургъ, и почему въ Иркутскѣ не соблюли условій, а давали читать рукопись постороннимъ лицамъ, о чемъ стало извѣстно Петру Филипповичу.

Письмо меня чрезвычайно огорчило.

Оно показало мнѣ ясно, что, во-первыхъ, россійскій адресъ былъ посланъ, но не дошелъ до меня, а во-вторыхъ, меня возмутило поведеніе сотрудниковъ „Восточнаго Обозрѣнія“, нарушившихъ волю Якубовича.

Въ тотъ же день я написала въ Иркутскъ, и въ отвѣтъ отъ лица, которому была направлена рукопись, получила сообщеніе, которое сразило меня гораздо болѣе, чѣмъ акатуйскій запросъ. Мнѣ писали, что рукопись затерялась въ редакціи, и ее не могутъ найти... Относительно чтенія рукописи въ письмѣ говорилось, что она была показана только двумъ лицамъ, очень близкимъ къ Петру Филипповичу.

Въ моемъ распоряженіи оставалось только одно средство, къ которому я и прибѣгла, и успѣхъ котораго доказалъ, что въ самомъ началѣ рукопись слѣдовало направить въ Петербургъ по почтѣ, не откладывая дѣла изъ-за новаго адреса, который такъ и не получился. Я послала въ „Восточное Обозрѣніе“ телеграмму, съ категорическимъ требованіемъ отыскать рукопись и отправить ее заказнымъ письмомъ въ редакцію „Вѣстника Европы“. Черезъ нѣсколько дней я получила извѣстіе, что рукопись найдена и отправлена по назначенію. Но она уже опоздала.

Якубовичъ, который отличался поразительной энергіей въ работѣ, написалъ всю I часть книги сызнова, и теперь она была отправлена кратчайшимъ путемъ въ Петербургъ, на имя Н. К. Михайловскаго, который очень удивился, узнавъ, что точно такой же экземпляръ рукописи полученъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Оба экземпляра были почти тожественны, съ незначительными уклоненіями, неизбѣжными, въ виду того, что второй изъ нихъ составлялся на память, безъ черновиковъ, которыхъ нельзя было сохранять въ тюрьмѣ. По прочтеніи разсказа Николай Константиновичъ тотчасъ рѣшилъ отстоять его для „Русскаго Богатства“ и велъ объ этомъ переговоры съ Петромъ Филипповичемъ, который жилъ въ то время уже въ вольной командѣ въ Кадаѣ.

Редакціи „Вѣстника Европы“ П. Ф. въ самомъ началѣ поставилъ условіемъ печатать „Въ мірѣ отверженныхъ“ безъ пропу-

сковъ; если же это окажется невозможнымъ, то просилъ передать рукопись Н. К. Михайловскому.

Несмотря на желаніе покойнаго Стасюлевича помѣстить разсказъ въ своемъ журналѣ, онъ не находилъ возможнымъ печатать его цѣликомъ, и потому ему пришлось уступить его. Тогда начались длинные переговоры Николая Константиновича съ цензурой, требовавшей значительныхъ сокращеній. Но Михайловскому удалось отстоять цѣлость сочиненія, и оно начало печататься осенью 1895 г. въ „Русскомъ Богатствѣ“ въ томъ видѣ, какъ было написано, за небольшими и неважными исключеніями.

Каторга для П. Ф. приходила къ концу.

Въ іюлѣ 1895 г. его ожидали въ Читѣ проѣздомъ въ Курганъ. Какъ только я узнала объ этомъ, я рѣшила ѣхать въ Читу повидаться съ Розой Ѳедоровной и Петромъ Филипповичемъ. Въ то время я лѣчилась на минеральныхъ водахъ въ Дарасунѣ, въ 60 верстахъ отъ Читы. Тамъ же проводили лѣто М. Р. Гоцъ съ женой, Вѣрой Самойловной, которые тоже захотѣли привѣтствовать Якубовича и его жену. Меня извѣстили о днѣ прибытія П. Ф., и мы отправились въ путь.

Была страдная пора, и лошадей можно было найти въ деревнѣ только на ночь. Ради сокращенія расходовъ я взяла съ собой попутчицу, молодую дѣвушку, а Гоцы ѣхали въ отдѣльномъ тарантасѣ. Ночью пришлось ѣхать лѣсомъ, мой ямщикъ наскочилъ на пень и опрокинулъ тарантасъ. Барышня выпала изъ него, но, къ счастью, отдѣлалась ушибами. Остальную часть ночи мы провели на станціи и на слѣдующій день пріѣхали въ Читу.

Роза Федоровна и П. Ф. остановились въ домѣ Соловьевой, гдѣ изстари проживали читинскіе ссыльные, причемъ одни наслоенія слѣдовали за другими. На этотъ разъ въ домѣ царствовалъ невообразимый хаосъ, благодаря наплыву пріѣзжихъ. Здѣсь временно пріютились многіе изъ „Вилюйцевъ“, возвратившіеся изъ Акатуя и ожидавшіе разрѣшенія выѣхать въ Россію. Во всѣхъ комнатахъ стояли кровати, были нагромождены ящики, тюки, дорожныя корзины. Среди этого безпорядка пришлось намъ встрѣтиться. Петръ Филипповичъ мало измѣнился съ того памятнаго дня, когда я его видѣла передъ отправкой въ Акатуй: онъ былъ слишкомъ молодъ еще, чтобы пять лѣтъ каторги могли его состарить. Къ тому же, онъ успѣлъ отдохнуть и поправиться въ вольной командѣ. Онъ былъ еще въ полуарестантской одеждѣ. Мы вообще неохотно разстаемся съ платьемъ, которое носили, когда много и долго страдали. Но мнѣ было тяжело видѣть П. Ф. въ казенномъ одѣяніи, и я попросила его переодѣться. Онъ исчезъ изъ комнаты и скоро вернулся, одѣтый въ черное. Мы втроемъ сидѣли у окна, и время быстро летѣло въ дружеской бесѣдѣ. Говорили о пережитомъ, о будущихъ

надеждахъ и много разъ возвращались къ книгѣ „Въ мірѣ отверженныхъ“. Погоревали сообща о безвозвратно погибшей рукописи, о потерѣ адреса, которая была причиною того, что автору пришлось два раза писать одну и ту же вещь. Онъ разсказалъ о переговорахъ съ нимъ Н. К. Михайловскаго и читалъ мнѣ его письма.

Въ тотъ же день Петръ Филипповичъ снимался у Алексѣя Кирилловича Кузнецова, лучшаго тогда фотографа въ Читѣ. Съ кабинетнаго портрета, сдѣланнаго Кузнецовымъ, воспроизведенъ позднѣе портретъ П. Ф., изданный въ Кіевѣ г-жею Водовозовой. Онъ вполнѣ передаетъ обликъ П. Ф., какимъ онъ былъ въ то время.

Вечеръ мы провели въ домѣ Сухомлиныхъ, у которыхъ я остановилась, и пили чай у нихъ въ саду. Знакомая молодежь, узнавъ о пріѣздѣ Якубовича, приходила его привѣтствовать, и вокругъ него образовалось большое общество.

Черезъ 10 лѣтъ мы встрѣтились снова. Я находилась въ Одессѣ со своей семьей. Якубовичъ пріѣхалъ туда же на три дня для свиданія съ своей матерью, которую онъ сильно любилъ. Его пріѣздомъ рѣшилъ воспользоваться дамскій кружокъ по устройству литературныхъ вечеровъ. Было начало 1905 года. Періодъ банкетовъ смѣнился повсемѣстными частными литературными вечерами. Петръ Филипповичъ мужественно отбивался отъ предложенія А. М., которая достигла большого искусства въ организаціи подобныхъ собраній. Онъ дорожилъ каждой минутой, желая 3 дня, бывшіе въ его распоряженіи, провести съ матерью. Въ качествѣ послѣдняго довода онъ сослался на то, что, уѣзжая изъ Петербурга, онъ не взялъ съ собою чернаго сюртука, но былъ сраженъ заявленіемъ, что въ магазинахъ даютъ платье напрокатъ. Я присутствовала при этомъ разговорѣ и предложила П. Ф. сопровождать въ поискахъ магазина готоваго платья. Мы довольно долго колесили по улицамъ на извозчикѣ, такъ какъ былъ праздничный день, и многіе магазины были заперты. Наконецъ, мы увидѣли большой складъ готоваго платья. П. Ф. зашелъ въ магазинъ и вскорѣ вышелъ оттуда со сверткомъ въ рукѣ.

Вечеромъ я видѣла его въ собраніи въ большомъ частномъ домѣ, когда онъ выступалъ передъ публикой, встрѣтившей его горячо и сердечно. П. Ф. былъ нѣсколько блѣденъ и казался утомленнымъ. Читалъ онъ на память безъ книги одно изъ любимыхъ имъ стихотвореній Некрасова.

Спустя два года, мнѣ пришлось быть въ Петербургѣ проѣздомъ въ Финляндію, и мы случайно сошлись у знакомыхъ съ Розой Ѳедоровной и П. Ф. Онъ былъ бодръ и оживленъ, какъ и прежде, но жаловался мнѣ на одышку и непорядокъ сердечной дѣятельности. Якубовичи жили тогда на дачѣ по Варшавской ж. д., и я убѣждала П. Ф. воспользоваться лѣтомъ для отдыха, который былъ ему такъ

необходимъ. Роза Өедоровна горячо поддерживала меня и, между прочимъ, говорила, что требуются громадныя усилія, чтобы заставить П. Ф. бросить работу и итти подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ, смѣясь, отвѣчалъ, что самъ намѣревался отдыхать на дачѣ, но взялъ съ собой массу работы и теперь сидитъ за письменнымъ столомъ такъ же, какъ бывало въ Петербургѣ.

Становилось грустно отъ его словъ. Страшила мысль, что, при полномъ невниманіи къ своему здоровью, П. Ф. не надолго хватитъ.

Позднѣе во время этого свиданія я спросила П. Ф., не пишетъ ли онъ что-нибудь новое, если проводитъ такъ много времени за письменнымъ столомъ. Онъ сказалъ на это, что въ Россіи не въ силахъ писать, что писалось только въ Сибири; въ Россіи же его покинуло вдохновеніе. Въ опроверженіе его словъ, я указала на стихотворенія, написанныя имъ по возвращеніи въ Россію, и на статьи его въ „Русскомъ Богатствѣ“. Но онъ возразилъ, что за большія темы не въ состояніи приняться, такъ какъ все время его поглощено редакціонной работой, о которой онъ, тѣмъ не менѣе, отзывался съ великимъ терпѣніемъ и даже съ любовью.

Въ этотъ разъ было особенно тяжело разставаться. Казалось, что мы больше не увидимся.

Съ 1906 года моя переписка съ П. Ф. касалась исключительно дѣлъ благотворенія, въ которыхъ онъ принималъ широкое участіе. Никто другой такъ легко и быстро не приходилъ на помощь товарищамъ, какъ онъ. Онъ умѣлъ привлекать жертвователей и изъ ихъ взносовъ организовалъ правильную поддержку больныхъ и безработныхъ вернувшихся ссыльныхъ. Если въ Москвѣ изсякали источники, и я обращалась къ нему съ просьбой помочь тому или другому страдающему товарищу, онъ придумывалъ новые пути къ полученію матеріальныхъ средствъ и облегчалъ положеніе нуждающихся.

Теперь нѣтъ больше между нами этого талантливаго, сильнаго духомъ, безконечно добраго и мягкаго человѣка... Онъ былъ безупреченъ, и никто не могъ бы указать ни малѣйшаго пятна въ этой прозрачно чистой жизни. Онъ любилъ людей, какъ братьевъ, не исключая уголовныхъ заключенныхъ. Въ нихъ онъ чтилъ человѣческій образъ и умѣлъ среди наслоеній грязи и преступленій отыскать и показать міру черты, глубоко человѣчныя, а порой и порывы, полные благородства и справедливости. Его талантъ владѣлъ тайной соединять внѣшнюю красоту и глубину мысли съ идеальными чертами высокихъ гражданскихъ стремленій. Онъ находилъ живое наслажденіе въ упорномъ умственномъ трудѣ, въ наивысшемъ напряженіи человѣческой мысли. Но русская жизнь не сберегла это чуткое сердце.

А. Прибылева.

Очерки соціальной исторіи Малороссіи.

1. Возстаніе Богдана Хмельницкаго и его послѣдствія.

(Продолженіе).

VI.

Начиная свое возстаніе, Богданъ Хмельницкій едва-ли имѣлъ въ виду коренной соціальный переворотъ и, во всякомъ случаѣ, не выдвигалъ опредѣленныхъ плановъ полной и радикальной перестройки существовавшаго въ Малороссіи общественнаго уклада. Не выдвигалъ такихъ плановъ Хмельницкій, какъ мы видѣли, и позже, когда послѣ первыхъ одержанныхъ побѣдъ велъ переговоры съ польскимъ правительствомъ, и даже тогда, когда присоединялъ Малороссію къ Московскому государству. Расширить численность и права казачества, нѣсколько улучшить положеніе крестьянства и въ остальномъ сохранить въ неприкосновенности прежній сословный строй—такъ можно было бы формулировать соціальную задачу возстанія въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась Хмельницкому и окружавшей его казацкой старшинѣ. Но въ такой постановкѣ задачи возстанія скрывалось внутреннее противорѣчіе, дѣлавшее ее неразрѣшимой. И въ дѣйствительности она была разрѣшена иначе. Стихійная сила народнаго возстанія увлекла его вождей неизмѣримо дальше, чѣмъ они того хотѣли, и соціальный строй, водворившійся въ Малороссіи послѣ возстанія, оказался совершенно непохожимъ на тотъ, какой существовалъ въ ней въ моментъ, когда Богданъ Хмельницкій выступалъ изъ Запорожской Сѣчи въ первый свой походъ противъ поляковъ.

Прежде всего, высшій классъ стараго общества—шляхта—былъ, какъ мы уже видѣли, совершенно сломленъ бурей возстанія. Часть шляхтичей погибла отъ руки крестьянъ въ возставшихъ селахъ и деревняхъ Малороссіи, часть бѣжала въ Польшу, а немногочисленные уцѣлѣвшіе шляхтичи не смогли уже удержать за собою положенія особой сословной группы, и остатки шляхты растворились въ рядахъ казацкаго войска, къ которому они примкнули. Правда, нѣ-

которые изъ уцѣлѣвшихъ родовъ старой шляхты въ житейскомъ обиходѣ довольно долго и упорно сохраняли за собою свое прежнее имя. Еще въ первой и даже въ началѣ второй четверти XVIII вѣка встрѣчались отдѣльныя семьи, продолжавшія именовать себя „шляхтичами“ и „земянами“ [1]). Но не только въ эту болѣе позднюю эпоху, а и непосредственно послѣ возстанія это имя было уже однимъ только голымъ именемъ, за которымъ не стояло никакихъ реальныхъ правъ, являлось просто бытовымъ терминомъ, не связаннымъ ни съ какими юридическими понятіями. Тотъ же самый человѣкъ, который въ одномъ актѣ называлъ себя „шляхтичемъ“, въ другихъ назывался по должности, какую онъ занималъ въ козацкомъ войскѣ, или, если не имѣлъ въ данное время никакой должности, именовался, смотря по степени того вліянія, которымъ онъ пользовался въ своей мѣстности, „значнымъ товарищемъ войсковымъ“, или просто „войсковымъ товарищемъ“. И эта послѣдняя терминологія вполнѣ отвѣчала существу дѣла. Дѣйствительно, такой „шляхтичъ“, или „земянинъ“ по своимъ правамъ нисколько не отличался отъ всякаго другого козака, и шляхетскія семьи въ этомъ смыслѣ вполнѣ уравнивались со всѣмъ остальнымъ „товариствомъ“. Даже больше того,—потомки нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ родовъ съ теченіемъ времени, опускаясь подъ давленіемъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ все ниже и ниже, перешли въ ряды крестьянъ, или „посполитыхъ“, и въ свою очередь попали въ положеніе „подданныхъ“.

Такова была, между прочимъ, судьба довольно многихъ семей изъ числа той мелкой любецкой шляхты, которая во время возстанія присоединилась къ Хмельницкому и получила отъ него подтвержденіе своихъ земель. Въ 1723 г. жители с. Семаковъ въ жалобѣ, поданной ими замѣнявшему гетмана „администратору“, разсказывали, что предки ихъ при польскихъ короляхъ „обще всѣ шляхта суща служили въ войску“, а потомъ, „по испраздненіи пановъ польскихъ“, служили въ сотнѣ любецкой, въ куренѣ Зубашиномъ, „на своихъ вѣкуистыхъ дѣдизныхъ добрахъ сидѣли и изъ тыхъ добръ войсковую службу отбывали“. Когда же въ послѣдней четверти XVII вѣка черниговскимъ полковникомъ сталъ Яковъ Лизогубъ, онъ вкупился въ ихъ земли и „едного времени, призвавши до себе всѣхъ Семаковцовъ, заказалъ онымъ, абы его тилко двора смотрѣли, а подъ сотнею не служили, и оттолѣ, по малу-малу подбивши подъ власть свою, якъ хотѣлъ, уже зъ ними и поступовалъ, Семаков-

---

[1]) Въ 1714 г. Лук. и Ив. Пищики, „земляне любецкіе“, продаютъ свой Пищиковскій грунтъ, на которомъ сами живутъ, полковнику черниговскому Павлу Полуботку.—Рум. Опись въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 6. Въ 1726 г. „Тимохъ Стефановъ Величко, земянинъ любецкій, житель Бѣлоуса Евтуховаго“, продаетъ свою землю въ с. Старыхъ Величкахъ—тамъ же, т. 7 и документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, №№ 1616—2748 и 1616—1356.

цами. Первѣе поборы бралъ по шостаку зъ нихъ, а потомъ и по другомъ, а далѣй рокъ отъ року (годъ отъ году) и по гривнѣ. Змершу же Іякову Лизогубу, насталъ сынъ его Евфимъ Лизогубъ полковникомъ черниговскимъ и сталъ такъ драти Семаковцовъ, же (что) перше бралъ по золотому, далѣй по другому, а на остатокъ по полтинѣ, кромѣ панщиною немѣрной тяготы бѣду отъ него терпѣли, а когда и Евфимъ померъ Лизогубъ, насталъ сынъ его, Семенъ Лизогубъ, надъ Семаковцами паномъ" [1]). Въ 1749 г. четверо жителей д. Скугаровъ жаловались въ генеральный войсковой судъ: „зъ начала де вступленія Малороссіи зъ польского владѣнія за гетмана Богдана Хмельницкаго подъ высокославную всероссійскаго престола державу вся любецкаго уѣзду шляхта при прежнихъ своихъ вольностяхъ, свободахъ и военской службѣ оставлена... во время же гетмана Мазепы какъ прочую любецкую шляхту, такъ де и ихъ Скугаровъ онъ, Мазепа, подвернулъ себѣ въ подданство, после жъ того прочіимъ владѣлцамъ роздалъ въ подданство, въ томъ числѣ и ихъ, Скугаровъ, умершому полковнику черниговскому Полуботку отдалъ, а Полуботокъ Антоніевскому монастырю Любецкому" [2]). Подобные же случаи происходили и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1742 г. Павелъ и Иванъ Добродѣи, жители д. Добродѣевки стародубовскаго полка, жаловались войсковому генеральному суду, что предки ихъ во время принадлежности Малороссіи Польшѣ были шляхтичами, а послѣ отдѣленія отъ Польши „стародубовскимъ полковникамъ наслуговали дворянско", самихъ же ихъ „въ свое подданство повернулъ", завладѣвъ предварительно ихъ землями, войсковой канцеляристъ Романъ Коншицъ. Произведенное слѣдствіе выяснило, что Добродѣи дѣйствительно шляхетскаго происхожденія, но дѣдъ ихъ убилъ дѣда Романа Коншица и за это убійство уступилъ сыну убитаго половину своихъ земель, а позднѣе Коншицы завладѣли остальными землями, и самими Добродѣями [3]).

Такимъ образомъ, въ новой эпохѣ жизни Малороссіи сохранялось еще въ теченіе нѣкотораго времени прежнее имя шляхты, но этимъ именемъ обозначалось теперь лишь происхожденіе отдѣльныхъ семей и лицъ, не обладавшихъ никакими особыми правами и не смыкавшихся въ обособленную сословную группу. Шляхта же, какъ особое привилегированное сословіе, какъ высшій классъ общества, послѣ возстанія Хмельницкаго исчезла изъ малорусской жизни.

Параллельно съ этимъ крупнымъ измѣненіемъ на верхней ступени общественной лѣстницы не менѣе существенныя перемѣны произошли и на нижнихъ ея ступеняхъ. И эти перемѣны не огра-

---

[1]) Румянцовскій Музей, Архивъ Маркевича, № 866; см. также № 965.

[2]) Протоколы войскового генеральнаго суда. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла бывшей Черниговской Палаты Угол. и Гражд. Суда, опись 17, связка 12, кн. 48, дѣло 275, л. 206.

[3]) Тамъ же, св. 7, кн. 37, д. 114, лл. 603 об.—606.

ничивались тѣмъ, что главная масса малорусскаго крестьянства совершенно освободилась отъ панской власти и тѣмъ самымъ пріобрѣла себѣ личную свободу и гражданскія права. Одновременно съ этимъ исчезли и вообще рѣзкія грани, установленныя раньше закономъ между отдѣльными классами общества. При первыхъ же своихъ шагахъ возстаніе стерло такія грани и создало возможность свободнаго перехода изъ одной группы населенія въ другую. И эта возможность не была пріурочена только къ первому моменту возстанія, явившемуся вмѣстѣ съ тѣмъ моментомъ окозаченія значительныхъ массъ населенія, но сохранилась и позже. „А во всѣхъ полкѣхъ—сообщалъ о войскѣ Богдана Хмельницкаго присланный къ нему въ 1650 г. Унковскій—письменныхъ казаковъ 40.000. А ко времени и мѣщане и уѣздные люди козаки“ [1]). Мѣщане и крестьяне за все время возстанія свободно переходили въ ряды казаковъ, и одни только монастырскіе крестьяне встрѣчали затрудненія при такомъ переходѣ со стороны гетманской власти, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ онъ происходилъ совершенно безпрепятственно, тѣмъ болѣе, что такое окозаченіе населенія увеличивало военную силу возстанія. И это окозаченіе достигало такихъ размѣровъ, что не только во многихъ селахъ и деревняхъ, но и въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ все населеніе поголовно оказалось перешедшимъ въ козачество. Въ Стародубѣ, напримѣръ, московскіе люди, приводившіе въ 1654 г. населеніе Малороссіи къ присягѣ на вѣрность московскому государю, не нашли ни одного мѣщанина: всѣ дѣшніе мѣщане переписались въ козаки. Но, если такъ свободно совершалось вступленіе въ козачество, то не менѣе свободнымъ являлся и выходъ изъ него. Въ декабрѣ 1653 года московскіе гонцы посланные къ Хмельницкому, сообщали государю, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи имъ трудно было достать себѣ провожатыхъ изъ козаковъ, несмотря на помощь пристава: „онъ по козаковъ посылалъ, и козаки, государь, изъ городовъ не сбираются, его не слушаютъ, а иные, государь, за скудостью въ козакахъ быть не похотѣли и почали быть въ мѣщанехъ“ [2]). И явленіе, отмѣченное московскими гонцами, не было ни мѣстнымъ, ни случайнымъ. Обѣднѣвшіе почему-либо козаки, не имѣвшіе болѣе возможности нести воинскую службу и отправлять походы съ „товариствомъ“ ни сами, ни черезъ наймита, отказывались отъ дальнѣйшаго участія въ войскѣ, переходя въ ряды „поспольства“—мѣщанъ или крестьянъ, и такой переходъ въ свою очередь совершался безпрепятственно и представлялъ собою въ эпоху возстанія широко распространенное явленіе.

Съ окончаніемъ возстанія населеніе постепенно и распредѣлилось между этими двумя группами—„товариства“, или козаковъ, и

[1]) Акты Ю. и З. Р., VIII, Прибавленія, № 33. VIII, сс. 351—2.
[2]) Акты Ю. и З. Р., X, № 3. XIX, с. 81.

„посполъства“, въ которомъ объединялись мѣщане и крестьяне, причемъ часть стараго мѣщанства и крестьянства, вышедшаго въ бурные годы возстанія въ ряды козачества, вновь вернулась въ прежнія свои группы. Такое распредѣленіе совершалось, однако, внѣ прямыхъ мѣръ воздѣйствія со стороны власти, и въ основу этого распредѣленія легли по преимуществу соображенія экономическаго характера. „Якъ осѣли люде,—разсказывали въ 1729 г. старожилы одной изъ мѣстностей Стародубовскаго полка исторію своего села—тогда можнѣйшіе (болѣе зажиточные) пописалися въ козаки, а подлѣйшіе (болѣе бѣдные) осталися въ мужикахъ“ [1]). То же самое происходило и въ другихъ мѣстахъ. Болѣе состоятельные въ экономическомъ отношеніи элементы населенія брали на себя требовавшую большихъ расходовъ, но зато освобождавшую отъ большинства другихъ повинностей по отношенію къ государству военную службу, менѣе состоятельные—оставались въ посполъствѣ или переписывались въ него и несли на себѣ бремя повинностей, отъ которыхъ было избавлено козачество. Установившіяся такимъ путемъ группы населенія и въ дальнѣйшей своей жизни не замыкались и не обособлялись одна отъ другой. Между ними поддерживалось непрерывное общеніе, и шелъ постоянный обмѣнъ людьми. Живя въ однихъ и тѣхъ же поселеніяхъ бокъ-о-бокъ съ мѣщанами и крестьянами, козаки вступали съ ними въ самыя разнообразныя отношенія, создававшія почву для такого обмѣна. Случалось, что козакъ, женясь на дочери мѣщанина или крестьянина, переходилъ во дворъ тестя и вмѣстѣ съ тѣмъ входилъ въ его группу, выходя изъ козаковъ. Случалось также, что крестьянинъ или мѣщанинъ, женясь на козачкѣ и поселяясь во дворѣ ея отца, становился козакомъ. Но бывало также, что крестьянскій дворъ со вступленіемъ въ него зятя-козака переходилъ въ число козацкихъ, а козацкій при подобныхъ же условіяхъ становился крестьянскимъ. Не менѣе часто бывало, что козаки переходили въ крестьяне или „посполитые“ и обратно внѣ всякой зависимости отъ родственныхъ связей, исключительно по соображеніямъ экономическаго характера. И случалось, что изъ двухъ отдѣльно жившихъ братьевъ одинъ былъ козакомъ, а другой посполитымъ [2]).

Такой переходъ изъ одной группы населенія въ другую совершался тѣмъ легче, что по размѣру своихъ правъ онѣ оказались послѣ возстанія стоящими очень близко одна отъ другой. Не говоря уже о мѣщанахъ, и крестьяне пріобрѣли теперь всю полноту гражданскихъ правъ и, въ частности, сдѣлались полными собственни-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубскаго полка. Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ библіотекѣ Кіевскаго университета): л. 794, сказка жителей с. Горчаковъ.

[2]) „Братъ мой былъ въ мужичьемъ тяглѣ, а я издавна всегда былъ въ услугахъ войсковыхъ, какъ и нынѣ“,—писалъ въ 1678 г. гетману одинъ изъ жителей с. Розлетъ. Акты Ю. З. Р., XIII. № 159. с. 699.

ками своихъ земельныхъ участковъ. И это пріобрѣтеніе крестьян ствомъ правъ земельной собственности было до такой степени пол нымъ и всеобщимъ, что распространилось даже на тѣхъ крестьянъ которые остались въ зависимости отъ уцѣлѣвшихъ въ странѣ помѣщиковъ-шляхтичей и монастырей. Въ тѣхъ самыхъ имѣніяхъ, которыя по традиціямъ стараго порядка, унаслѣдованнымъ новой эпохой, переходили по наслѣдству, завѣщались, дарились и продавались „со всѣми принадлежностями, съ подданными и съ ихъ землями", эти „подданные" являлись теперь собственниками земель, на которыхъ они сидѣли, и въ свою очередь обладали по отношенію къ нимъ неограниченнымъ правомъ отчужденія. Вслѣдствіе скудности источниковъ, сохранившихся отъ той эпохи, о которой у насъ идетъ сейчасъ рѣчь, мы не имѣемъ, правда, современныхъ этой эпохѣ свидѣтельствъ, достаточно ясно обрисовывающихъ только что указанныя отношенія. Но въ источникахъ немного болѣе поздняго времени встрѣчается немало эпизодовъ, бросающихъ яркій ретроспективный свѣтъ на эти отношенія.

Въ 1705 г. въ генеральномъ судѣ разбиралось дѣло по жалобѣ Новгородсѣверскаго монастыря на козаковъ с. Мѣзина, скупившихъ часть земель у монастырскихъ посполитыхъ вопреки гетманскому универсалу, „грозно забороняючому" имъ такую покупку. Призванные къ отвѣту „Остапъ Ветохъ, атаманъ Мѣзинскій, съ товариствомъ", какъ записано въ рѣшеніи суда, „твердили тое, же (что) якъ намъ, мовитъ, козакамъ въ подданыхъ монастырскихъ, такъ взаемне и подданымъ монастырскимъ у насъ козаковъ, вольно бывало всякіе грунта куповати и онымъ владѣти". Въ данномъ случаѣ судъ въ виду наличности спеціальнаго гетманскаго универсала, „грозно заказуючого, жебы они козаки въ тяглыхъ людей, подданыхъ монастырскихъ, а тяглые люде у ихъ козаковъ, жадныхъ (никакихъ) грунтовъ куповати не важилися", не призналъ правомѣрными дѣйствія козаковъ и отсудилъ отъ нихъ спорныя земли. [1]) Но еще въ началѣ XVIII вѣка бывали случаи, когда тотъ же генеральный судъ признавалъ за владѣльческими посполитыми право продажи ихъ земель на сторону. Въ 1702 г. генеральный судъ разбиралъ земельный споръ между Новгородсѣверскимъ Спасскимъ монастыремъ и „обывательской новгородской" вдовой нѣкоего Гануса Стягадла. Въ этомъ спорѣ рѣчь, между прочимъ, шла о земляхъ, купленныхъ Ганусомъ Стягадломъ подъ монастырскимъ селомъ Ксендзовкой, и по отношенію къ этимъ землямъ судъ вынесъ такое рѣшеніе: такъ какъ вызванные свидѣтели „очне предъ судомъ сознали, же суть (эти земли) чрезъ него, Гануса, купленныя, то, яко право научаетъ, же купленные грунта даромъ ни у кого отнимованы быти не маютъ, такъ

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616—2536.

грунта тіи Ганусовы у вольномъ владѣнію и спокоиномъ заживанию пани Стягадловой и сыновъ оной маютъ быти безъ перешкоды вѣчными часы". Между тѣмъ продавали Ганусу и обмѣнивали съ нимъ земли некто иной, какъ подданные Новгородсѣверскаго монастыря и притомъ „безъ благословенія его милости господина отца архимандриты Новгородского". [1]) Судъ, однако, не усмотрѣлъ въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ ничего, что могло бы разрушить силу заключенной гражданской сдѣлки.

Продавая свои земли на сторону, владѣльческіе посполитые порой продавали ихъ и собственнымъ владѣльцамъ. Въ 1733 г. нѣсколько жителей с. Грабова, подданныхъ Троицкаго Черниговскаго монастыря, засвидѣтельствовали передъ черниговскимъ магистратомъ, что „въ прошлыхъ старыхъ годахъ, чему будетъ лѣтъ больше пятидесяти", предки ихъ, подданные того же монастыря, продали ему часть своихъ земель за 200 р.; засвидѣтельствованіе это сдѣлавшіе его посполитые просили занести въ магистратскія книги, „чтобъ въ потомніе времена тая предковъ ихъ продажа обители была крѣпка и вѣроятна". [2]) Въ 1690 г. „войтъ съ громадой" селъ Соболевки и Малыхъ Лѣтковъ въ Кіевскомъ полку продали „пану Сергію Солонинѣ, хоружому нашему полковому и панови", свой собственный „ставокъ" подъ с. Малыми Лѣтками за двадцать золотыхъ (4 р.) и позволили занять здѣсь греблю и построить млинъ, на что и выдали свое „громадское писаніе". Въ послѣднемъ они при этомъ оговаривали, чтобы къ ихъ полямъ и сѣножатямъ, прилегающихъ къ проданному ставку, „панъ хоружій жадною мѣрою не належалъ и до нихъ не вручался и къ собѣ не привлащалъ, бо самую только рѣку продаемо, а грунтовъ нѣтъ" [3]).

Сами владѣльческіе посполитые еще въ началѣ второй четверти XVIII вѣка считали, что они имѣютъ неоспоримое право собственности на предковскія земли, на которыхъ сидятъ, въ частности—могутъ сохранять эти земли за собою, выходя изъ-подъ власти владѣльца имѣнія, равно какъ могутъ продавать ихъ на сторону. И, встрѣчая препятствія въ такихъ дѣйствіяхъ, они, случалось, еще и въ это время обращались въ судъ или къ высшей власти страны, ища у нихъ возстановленія своего нарушеннаго права. Въ 1725 г. посполитый Тимохъ Нетягъ съ братьями, жившій передъ тѣмъ въ с. Хмелевкѣ подъ Стародубомъ, а оттуда перешедшій въ слободу Костобобръ, жаловался въ генеральную войсковую канцелярію на прежняго своего владѣльца, бывшаго стародубовскаго городничаго Паливоду, который, вытѣснивши своими притѣсненіями его и его

[1]) Тамъ же, № 1616—2542, лл. 19 и 24.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи наукъ, т. 6.

[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ кіевскаго университета. Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. III, № 310. Въ данномъ случаѣ дѣло происходило въ новомъ владѣніи: с. Соболевка дано было Солонинѣ гетм. Мазепой въ 1689 г. Ген. слѣдствіе о мѣстностяхъ Кіев. полка (Кіевъ, 1892), с. 7.

братьевъ изъ Хмелевки, „не допустивши намъ никому нашихъ грунтовъ продавать, не только самъ завладѣлъ оными полями, сѣножатми, гаями и огородами, лечъ и будувлю (строенія) зъ дворовъ нашихъ собѣ позабиралъ, а иную въ винницѣ у себя попалилъ, жадной (никакой) намъ за тое не чинячи нагороды и платы". Нетягъ просилъ произвести розыскъ объ обидахъ, причиненныхъ ему Паливодой, „и грунта наши, неслушне (несправедливо) имъ завладѣнніе, намъ воспять возвратить, любъ оныхъ продать кому-нибудь не боронить". [1]) Подобную же претензію заявили въ 1731 г. нѣсколько посполитыхъ Жаровскаго хутора, принадлежавшіе гетману Апостолу. Въ поданной гетману челобитной они сообщали, что одни изъ нихъ еще въ 1715 г., другіе въ 1726 г. перешли въ „державу" Апостола изъ с. Жаровки, находившагося во владѣніи Полуботковъ, и все время послѣ этого перехода „владѣли грунтомъ своимъ Жаровскимъ и поля засѣвали". „А нынѣ—продолжали жалобщики—теперешнего времени зъ нашихъ грунтовъ на ихъ милостей пановъ Полуботковъ панщиною наше жито пожали и копы съ поля поперевожували въ с. Жаровку". Усматривая въ этомъ явное нарушеніе своихъ правъ, челобитчики просили гетмана вернуть имъ какъ хлѣбъ, спятый съ ихъ земли, такъ и самую землю [2]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльческіе посполитые осуществляли свое право собственности на земельные участки, на которыхъ они сидѣли, путемъ продажи этихъ участковъ другимъ посполитымъ того же владѣльца или ему самому, земля, по крайней мѣрѣ, не выходила изъ службы послѣднему. Иначе складывалось дѣло, когда посполитый уходилъ изъ „маетности", сохраняя за собою земельный участокъ, или же продавалъ этотъ послѣдній посполитому, не подчиненному данному владѣльцу, либо козаку. Въ этихъ случаяхъ интересы владѣльца имѣнія терпѣли прямой и существенный ущербъ и, тѣмъ не менѣе, еще въ началѣ XVIII столѣтія владѣльцы, даже жалуясь на убыточность для нихъ такого рода сдѣлокъ, не всегда рѣшались оспаривать ихъ правомѣрность. Въ 1712 г. архимандритъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря вмѣстѣ съ братіей послѣдняго обратился къ гетману Скоропадскому съ горькой жалобой на разнаго рода бѣдствія, испытываемыя монастыремъ. „Село Талалаевка—писали, между прочимъ, въ этой жалобѣ монахи—именемъ точію монастырское называется, а вещію многіе иніе владѣютъ господа, подъ которыхъ поподдававшися наши подданые онымъ повинность отбуваютъ, а наши грунта монастырскіе пашутъ. Другіе наши же подданные позаводили то заставою (закладомъ), то продажою на сторону пахатные грунта, а сами то повходили, то зни-

[1]) Харьковскій Историческій Архивъ Малор. Колоніи, Черниг. отд., № 1070.

[2]) Тамъ же, № 12.540.

щали, откуду умалилось людей, що не на чомъ интому сѣсти. Прикажи, ваша панская милость, тимъ вступити (уступить), а мы монастырскими срогими сплатимъ, а тіе, що подъ иншихъ власть повдавались, дабы знову монастыру послушные были" [1]). Указывая на убытокъ, какой принесла монастырю продажа посполитыми „монастырскихъ грунтовъ", монахи все же такимъ образомъ ходатайствовали только о разрѣшеніи выкупить проданныя земли, а не о безденежномъ ихъ возвращеніи, и лишь посполитыхъ, ушедшихъ въ другія владѣнія и продолжавшихъ пользоваться прежними своими землями, прямо просили вернуть въ послушенство монастырю.

Приведенные эпизоды конца XVII и начала XVIII вѣковъ, сохранившіе въ себѣ явственные отголоски правовыхъ взрѣній предшествовавшей эпохи, позволяютъ составить достаточно ясное представленіе о тѣхъ порядкахъ, какіе водворились въ Малороссіи въ сферѣ правъ на землю даже въ уцѣлѣвшихъ владѣльческихъ имѣніяхъ непосредственно вслѣдъ за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго. Крестьяне, населявшіе эти имѣнія, являлись теперь собственниками своихъ земельныхъ участковъ и могли не только передавать ихъ по наслѣдству, но и закладывать, продавать и вообще отчуждать всякими способами на сторону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи лично свободными людьми, они могли въ любой моментъ уйти изъ имѣнія и порой, уйдя дѣйствительно изъ него, продолжали пользоваться прежними своими землями, а если не пользовались сами, то продавали ихъ, и притомъ продавали не только посполитымъ, но и козакамъ. Не трудно представить себѣ, какія серьезныя ограниченія вносилъ этотъ порядокъ въ право владѣльцевъ имѣній, и какъ сокращалъ онъ въ практикѣ жизни эти послѣднія права. Въ практикѣ,— потому что въ теоріи существовало нѣчто другое. Въ самомъ дѣлѣ, вновь пріобрѣтенныя крестьянствомъ права не были закрѣплены за нимъ никакимъ общимъ законодательнымъ опредѣленіемъ, и суды, и администрація въ тѣхъ случаяхъ, когда признавали ихъ, не могли въ сущности сослаться ни на какія иныя положенія закона. Эти права опирались лишь на обычаѣ, создававшемся изъ всего хода вещей, изъ слабости уцѣлѣвшихъ въ странѣ владѣльцевъ имѣній и силы только что одержавшаго грандіозную побѣду крестьянства. Законы же страны—тѣ законы, которые были торжественно подтверждены ей въ результатѣ переговоровъ Богдана Хмельницкаго съ московскимъ правительствомъ.—говорили о другомъ порядкѣ, и именно о такомъ, въ составъ котораго входили широкая власть помѣщика надъ личностью зависимаго отъ него крестьянина и право собственности перваго на земли, находящіяся въ пользованіи второго. Соотвѣтствующія статьи Литовскаго Статута оставались не отмѣненными и не замѣненными никакимъ другимъ закономъ, какъ бы сохраняя всю свою силу. На практикѣ, однако, въ годы, непосредственно слѣдовав-

[1]) Румянцевскій Музей, Архивъ Маркевича. № 349

шіе за возстаніемъ, оторвавшимъ Малороссію отъ Польши, примѣнять эти статьи не было возможности, и не находилось даже охотниковъ ссылаться на нихъ. Онѣ оставались въ бездѣйствіи, и между не отмѣненнымъ, но и не примѣняемымъ закономъ и дѣйствительнымъ теченіемъ жизни существовалъ глубокій разладъ.

Этотъ разладъ былъ лишь однимъ изъ частныхъ проявленій того общаго несоотвѣтствія, какое водворилось въ Малоросіи послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, между закономъ, взятымъ въ наслѣдство отъ старой эпохи, и дѣйствительною жизнью страны. Законъ стараго времени зналъ общество, раздѣленное на рѣзко разграниченныя сословныя группы. На дѣлѣ послѣ возстанія, какъ мы уже видѣли, общественныя группы частью слились, частью сблизились одна съ другой и между „товариствомъ" и „посполъствомъ", на которыя распалось теперь населеніе, между козачествомъ, мѣщанствомъ и крестьянствомъ не было никакой рѣзкой, непереходимой грани. Въ каждую изъ этихъ группъ открытъ былъ доступъ для членовъ другой, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ были близки одна къ другой по размѣрамъ тѣхъ правъ, какими обладали члены каждой изъ нихъ. Мѣщане и крестьяне, объединявшіеся подъ именемъ „посполъства", наравнѣ съ козаками пользовались въ новомъ строѣ не только гражданскими, но и политическими правами. Складывавшійся такимъ образомъ общественный строй былъ много проще, самое общество—несравненно однороднѣе, чѣмъ это допускалось включенными въ число „правъ и вольностей" Малороссіи законами польскаго времени, и соотвѣтствующія части этихъ законовъ оставались опять-таки безъ примѣненія къ жизни. Различіе дѣйствительно существовавшихъ въ последней общественныхъ группъ заключалось не столько въ объемѣ принадлежавшихъ ихъ членамъ правъ, сколько въ характерѣ лежавшихъ на нихъ обязанностей по отношенію къ государству. Военной службѣ козаковъ, дававшей имъ большую самостоятельность и нѣкоторыя хозяйственныя льготы, соотвѣтствовала финансовая служба посольства, выражавшаяся въ разнаго рода платежахъ и повинностяхъ. Несеніе же того или иного вида службы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принадлежность къ той или иной общественной группѣ опредѣлялись, благодаря возможности перехода изъ одной группы въ другую, свободнымъ выборомъ каждаго лица,—выборомъ, въ основу котораго всего чаще ложились экономическія причины. Разорявшіеся по чему-либо козаки, для которыхъ становилась черезчуръ тяжелой военная служба, спускались въ ряды посполитыхъ, а разбогатѣвшіе посполиты и мѣщане нерѣдко, наоборотъ, стремились перейти и дѣйствительно переходили въ ряды козачества.

Тѣ же самыя экономическія причины создавали, конечно, извѣстное разслоеніе и внутри указанныхъ группъ. Въ частности, среди козачества на первыхъ же порахъ явственно обозначился особый разрядъ „значнаго товариства". Въ него вошли, прежде всего, старыя козацкія семьи, выдѣлявшіяся и раньше своею эконо-

мическою состоятельностью, и своимъ вліяніемъ въ войскѣ. Въ дальнѣйшемъ къ нимъ примкнулъ рядъ семей и лицъ, которыя такъ или иначе выдвинулись за время долгихъ войнъ, сопровождавшихъ отдѣленіе Малороссіи отъ Польши, пріобрѣтя ли себѣ въ этихъ войнахъ значительныя имущественныя средства или успѣвъ оказать болѣе или менѣе серьезныя услуги „войску запорожскому". Сюда же вошли въ своемъ большинствѣ уцѣлѣвшіе въ странѣ остатки владѣльческой шляхты и нѣкоторые изъ прежнихъ „земянъ". Всѣ эти элементы, близкіе одинъ къ другому по своему хозяйственному положенію, образовали собою какъ бы особый, высшій разрядъ козачества. Но этотъ разрядъ въ свою очередь менѣе всего былъ замкнутой группой. По самымъ условіямъ своего образованія онъ обладалъ измѣнчивымъ и текучимъ составомъ, постоянно отдавая своихъ членовъ другимъ общественнымъ группамъ и воспринимая изъ нихъ въ себя новые элементы. Никакія правовыя опредѣленія не отграничивали его отъ остальной козацкой массы, и выдѣлялся онъ изъ послѣдней лишь бытовыми условіями. Правда, память о прежнихъ правахъ польской шляхты и наличность въ составѣ самого этого разряда бывшихъ шляхтичей не прошли совершенно безслѣдно для психологіи входившихъ въ него лицъ и уже довольно рано вызвали въ ихъ средѣ попытки прочнѣе закрѣпить свое положеніе путемъ пріобрѣтенія грамотъ на шляхетское или дворянское достоинство. Переходъ Выговскаго на сторону Польши сопровождался нобилизаціей части козацкихъ семей и обѣщаніемъ періодическаго повторенія такой нобилизаціи въ будущемъ. Въ свою очередь поѣздка Брюховецкаго въ 1665 г. въ Москву принесла самому гетману санъ боярина, а лицамъ, занимавшимъ въ тотъ моментъ должности генеральной старшины и полковниковъ,—грамоты на дворянское достоинство. Наряду съ этимъ удачныя попытки полученія грамотъ на дворянство предпринимались и отдѣльными лицами. Такъ, напримѣръ, Забѣлы выхлопотали себѣ нобилизацію въ Польшѣ [1]). Въ Польшѣ же былъ нобилизованъ въ 1661 г. уманскій полковникъ Иванъ Лизогубъ, а братъ его, каневскій полковникъ Яковъ Лизогубъ, получилъ въ 1667 г. жалованную грамоту на дворянство отъ московскаго государя [2]). Въ 1673 г. польскій сеймъ и король возвели въ шляхетское званіе переяславскаго полковника Род. Гр. Дмитрашка [3]). Въ сущности, однако, всѣ эти попытки не давали и не могли дать сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ. И, когда переяславскій полковникъ Данило Ермоленко, вмѣстѣ съ другими полковниками времени Брюховецкаго получившій изъ Мо-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., VI, № 61, стр. 177.

[2]) Лазаревскій „Люди старой Малороссіи", К. 1882, с. 1; Акты Ю. и З. Р., VI, № 58, стр. 163; самая грамота Як. Лизогубу напечатана въ „Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи" Ригельмана, М. 1847, ч. II, стр. 101—102, примѣчаніе.

[3]) Акты Ю. и З. Р., XI, № 106, стр. 331—333.

сквы дворянское званіе, вслѣдъ за тѣмъ, будируя противъ московскаго правительства, заявлялъ: „мнѣ дворянство не надобно, я по старому козакъ“ [1]), онъ въ этихъ словахъ лишь давалъ совершенно правильное опредѣленіе своего общественнаго положенія, опредѣленіе, которое могло быть повторено и по отношенію ко всѣмъ другимъ лицамъ той эпохи, получившимъ грамоты на шляхетство изъ Варшавы или на дворянство изъ Москвы. Всѣ они въ концѣ концовъ оставались по старому козаками, такъ какъ ни королевскія, ни царскія грамоты на дворянство, въ виду отсутствія въ Малороссіи особаго дворянскаго сословія, не сообщали своимъ обладателямъ никакихъ реальныхъ правъ. На этомъ пути, по которому и пошли лишь очень немногія лица, не могли такимъ образомъ создаться условія для сколько-нибудь прочнаго обособленія „значнаго товарства“ отъ остальной массы козачества. Но скоро возможность такого обособленія намѣтилась на другомъ пути, опредѣлившемся тѣмъ развитіемъ, какое получили установившіеся въ странѣ порядки управленія,—развитіемъ, подготовившимъ условія для преобразованія расплывчатой группы „значнаго товариства“ въ сравнительно сплоченный классъ старшины.

VII.

Оторвавшись отъ Польши, „Войско Запорожское“, какъ офиціально именовало себя образовавшееся подъ властью Богдана Хмельницкаго государство, порвало и съ порядками управленія польской эпохи. Старыя власти или, по крайней мѣрѣ, высшія изъ нихъ, какъ и старый общественный строй, были уничтожены вихремъ возстанія, а на мѣсто ихъ за время того же возстанія возникли новыя власти и новый порядокъ управленія, создавшіеся, съ одной стороны, подъ прямымъ воздѣйствіемъ порядковъ козацкаго войска, съ другой—подъ вліяніемъ оживших въ народной массѣ старыхъ общинныхъ традицій.

Основной ячейкой новаго государственнаго строя, сложившагося за время возстанія, являлось свободное село, представлявшее собою самоуправляющуюся общину. Если—какъ это и бывало въ большинствѣ случаевъ—въ одномъ селѣ жили и крестьяне, и козаки, то въ немъ складывались двѣ общины—посполитская „громада“ и козацкое „товариство“. Во главѣ первой стоялъ выбираемый ею войтъ, вѣдавшій всѣ ея административныя дѣла и разбиравшій вмѣстѣ съ нѣсколькими „мужами“, обычно въ присутствіи всей громады, судебныя тяжбы посполитыхъ. Козаки въ свою очередь въ каждомъ селѣ выбирали себѣ атамана, который въ походѣ былъ ихъ предводителемъ, а въ остальное время исправлялъ по отноше-

[1]) Акты Ю. и З. Р., VI, № 41, стр. 101—102.

нію къ нимъ тѣ же обязанности, что войтъ по отношенію къ посполитымъ, соединяя въ своемъ лицѣ административную и судебную власть; при этомъ свой судъ онъ также вершилъ въ присутствіи сельскаго „товариства“ и съ участіемъ нѣсколькихъ наиболѣе авторитетныхъ „товарищей войсковыхъ“. Нерѣдко и вся община принимала дѣятельное участіе въ судѣ какъ атамана, такъ и войта, беря на себя производство слѣдствія и розыскъ обвиняемаго, а подчасъ оказывая и прямое воздѣйствіе на постановку приговора. Если то или иное судебное дѣло, возникавшее въ предѣлахъ села, касалось и козаковъ, и посполитыхъ, оно разбиралось „зупольнымъ“ или „зобопольнымъ (общимъ, совмѣстнымъ) урядомъ“—атаманомъ и войтомъ съ „товарищами“ и „мужами“—въ присутствіи товариства и громады. Оба „уряда“, казацкій и посполитскій, выступали и дѣйствовали совмѣстно и въ разнаго рода административныхъ дѣлахъ, касавшихся цѣлаго села, и въ дѣлахъ судебныхъ, въ которыхъ все село являлось истцомъ или отвѣтчикомъ. Наконецъ, передъ сельской общиной и съ выборными лицами заключались ея членами всякаго рода гражданскія сдѣлки, тѣмъ самымъ пріобрѣтавшія прочную санкцію [1]).

Нѣсколько селъ объединялись въ болѣе крупный административный и судебный округъ—сотню. Такія сотни частью прямо замѣнили собою прежнія „волости“, унаслѣдовавъ ихъ территорію, частью были образованы вновь. Въ сотенномъ мѣстечкѣ, являвшемся центромъ сотни, мѣщане, согласно старому порядку, практиковавшемуся въ мѣстечкахъ еще въ польское время, выбирали для завѣдыванія своими административными и судебными дѣлами ратушу съ войтомъ во главѣ ея. Но теперь эта ратуша во многомъ измѣнила свое значеніе. Съ одной стороны, она вѣдала теперь администрацію и судъ не только по отношенію къ мѣщанамъ своего мѣстечка, но и по отношенію къ посполитымъ всей сотни. Съ другой, сама ратуша подчинилась сотенному козацкому уряду, точнѣе говоря—сотнику, который принималъ участіе и въ административ-

---

[1]) Д. П. Миллеръ, посвятившій въ своей цѣнной работѣ о статутовыхъ судахъ въ гетманской Малороссіи нѣсколько интересныхъ, хотя и не свободныхъ отъ кое-какихъ частныхъ ошибокъ, страницъ судамъ времени, непосредственно слѣдовавшаго за возстаніемъ Хмельницкаго, между прочимъ, утверждаетъ, что „сельскимъ судамъ принадлежало право актованія всякихъ договоровъ и сдѣлокъ, записыванія въ свои книги протестовъ, совершенія купчихъ и духовницъ на малыя суммы“ („Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, городскіе и подкоморскіе въ XVIII в.“. Сборникъ Харьк. Истор.-филолог. Общества, т. 8, стр. 70). А. М. Лазаревскій („Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера“, X, 1898, стр. 31) возражалъ на это, что, хотя сельскій урядъ и присутствовалъ при совершеніи разнаго рода юридическихъ актовъ, „но актикаціи при этомъ не совершалось, потому что некому и негдѣ (книгъ не было) было производить записку актовъ“. Съ своей стороны, и мнѣ не доводилось встрѣчать въ источникахъ никакихъ указаній, которыя позволяли бы сдѣлать заключеніе о веденіи актовыхъ книгъ сельскими урядами.

ныхъ ея распоряженіяхъ, и въ судебныхъ засѣданіяхъ, занимая въ томъ и другомъ случаѣ положеніе прямого ея начальника. Сообразно этому, и въ выборѣ сотника, являвшагося предводителемъ козаковъ своей сотни въ походѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ бывшаго администраторомъ и судьей для всего населенія сотни, принимали участіе не только козаки, но также и мѣщане и свободные посполитые. Помимо сотника, сотенный козацкій урядъ составляли еще сотенный городовой атаманъ, сотенный асаулъ, писарь и хоружій. Вся эта сотенная старшина, выбиравшаяся козачествомъ, занимая должности въ козацкомъ войскѣ, одновременно вѣдала вмѣстѣ съ сотникомъ административныя дѣла сотни, касавшіяся козаковъ. Судебныя же дѣла послѣднихъ, какъ и дѣла мѣщанъ и посполитыхъ, обычно разбирались „зобопольнымъ урядомъ, козацкимъ и мѣскимъ (городскимъ)", или „войсковымъ и мѣскимъ", въ составъ котораго чаще всего входили сотникъ, городовой атаманъ, войтъ и бурмистры. Нерѣдко къ участію въ судѣ привлекались и „знатные" войсковые товарищи, и мѣщане, а порой въ немъ дѣятельно участвовали и все товариство, и мѣщанская громада, передъ которыми онъ совершался. Сотенный урядъ, и въ этихъ случаяхъ опять-таки по большей части „зобопольный", принималъ, наконецъ, отъ населенія сотни заявленія о всякаго рода гражданскихъ сдѣлкахъ и заносилъ эти сдѣлки въ свои книги.

Сотни въ свою очередь объединялись въ еще болѣе крупныя территоріальныя единицы—полки. Во главѣ каждаго изъ послѣднихъ стоялъ выбранный населеніемъ полковникъ съ окружавшей его выборной же козацкой старшиной, занимавшей въ полку должности, аналогичныя тѣмъ, какія существовали въ сотнѣ, съ прибавкою еще должностей обознаго и судьи. Полковники и полковая старшина опять-таки соединяли въ себѣ и воиновъ, и администраторовъ, и судей, причемъ власти полковника въ полку, какъ власти сотника въ сотнѣ, равно подчинялось и „товариство", и „посполъство". Не избѣгли подчиненія власти полковниковъ даже мѣщане крупныхъ городовъ, обладавшихъ Магдебургскимъ правомъ, обезпечивавшимъ имъ полную независимость сословнаго самоуправленія. Сила козацкой сабли, только что сломившей старый строй съ его правами и привилегіями, была слишкомъ велика, и, несмотря на грамоты московскаго правительства, однимъ изъ крупныхъ малорусскихъ городовъ подтвердившаго, а другимъ вновь давшаго Магдебургское право, магистраты этихъ городовъ оказались въ полномъ подчиненіи власти полковниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняя свои спеціальныя функціи въ сферѣ управленія и суда надъ мѣщанами города, эти магистраты, подобно ратушамъ болѣе мелкихъ городовъ, были приспособлены и къ болѣе широкимъ нуждамъ: въ полковыхъ городахъ также состоялось сліяніе „войскового" и „мѣскаго" урядовъ, при которомъ козацкая старшина отправляла судъ и надъ козаками,

и надъ посполитыми совмѣстно съ выборными представителями мѣщанскаго населенія [1]).

Полковники, которымъ подчинялись и у которыхъ судились сотники, съ своей стороны были подчинены гетману, главѣ всего „Войска Запорожскаго". Вмѣстѣ съ генеральною старшиною, своими помощниками въ дѣлѣ управленія козацкимъ войскомъ и въ дѣлѣ правленія страною, гетманъ долженъ былъ избираться на общей войсковой радѣ, въ которую входили и „товариство", и „посполь-ство", и, однажды будучи избранъ, получалъ широкую власть надъ всѣмъ населеніемъ страны, сосредоточивая въ своихъ рукахъ права не только верховнаго администратора и судьи, но въ извѣстной мѣрѣ и законодателя. Та же войсковая рада могла, однако, и лишить его гетманства, „скинуть съ уряда", подобно тому, какъ полчане могли въ любое время „скинуть съ уряда" своего полковника и членовъ полковой старшины, сотняне—своего сотника и сотенную старшину, наконецъ, сельчане—своего атамана или войта.

Этотъ строй, намѣченный мною въ самыхъ общихъ чертахъ, не былъ установленъ какимъ-либо общимъ декретомъ, какимъ-нибудь общимъ законодательнымъ актомъ, а сложился, подъ непрерывный почти звонъ оружія, путемъ постепеннаго, хотя и очень быстро совершившагося приспособленія страны къ новымъ условіямъ жизни. Сообразно этому онъ не установился во всѣхъ своихъ деталяхъ сразу и не сразу принялъ по всей странѣ вполнѣ однообразныя формы. Довольно долго въ немъ существовали и мѣстныя отличія, и значительная неопредѣленность порядковъ. Мѣстами, какъ въ Стародубовскомъ полку, свободныхъ посполитыхъ еще въ началѣ XVIII вѣка вѣдали особые „волоскіе (волостные) сотники", зависимые отъ магистрата, въ другихъ же мѣстахъ подобныхъ должностей, повидимому, вовсе не возникало [2]). Полковые судьи еще въ 1654 г. были не во всѣхъ полкахъ, а наряду съ этимъ въ одной изъ сотенъ Кіевскаго полка въ XVII вѣкѣ

---

[1]) При этомъ „Войско Запорожское" въ лицѣ своихъ главныхъ руководителей, повидимому, одинаково стремилось воспользоваться и судебнымъ опытомъ, накопившимся у мѣщанства за время предыдущей его жизни, и нормами дѣйствовавшаго въ городахъ права. Въ 1665 г. гетманъ Бруховецкій въ Москвѣ „билъ челомъ, чтобъ великій государь умилосердился: войту, бурмистру и всѣмъ мѣщанамъ Галицкимъ особою своею государскою грамотою Майдебургское право дати, противъ иныхъ началнѣйшихъ мѣстъ, изволилъ, чтобъ противъ права Майдебургского моистратъ въ Гадичѣ учиненъ былъ, для того, что при гетманѣ нынѣ и потомъ многіе дѣла великіе и головные прилучатися будутъ, которые судомъ и правомъ Майдебургскимъ доброе докончаніе и правдѣ святой не противное, безъ вреда совѣсти человѣческие, взяти могутъ". Акты Ю. и З. Р., VI, 1. XVI, стр. 16—18.

[2]) О „волоскихъ сотникахъ" Стародубовскаго полка см. у Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи", I, 117; быть можетъ, аналогію этимъ сотникамъ представляетъ упоминающійся въ Прилуцкомъ полку въ одной купчей 1684 г. рядомъ съ атаманомъ с. Полонокъ „сотникъ мѣшчанскій". Лазаревскій, „Оп. ст. Малор"., III, стр. 152, пр. 1.

существовалъ сотенный судья [1])—должность, оставшаяся, кажется, совершенно неизвѣстной другимъ сотнямъ Кіевскаго, какъ и всѣхъ иныхъ полковъ. Съ повсемѣстнымъ возникновеніемъ таковыхъ судей, судъ все же не сосредоточился въ ихъ рукахъ. Въ 1662 г. „судьями Черниговскаго полку", напримѣръ, одинъ документъ называетъ городового атамана и полкового судью [2]). Судилъ въ полковомъ судѣ и самъ полковникъ, единолично или съ участіемъ нѣкоторыхъ лицъ изъ полковой старшины и „товариства"; судили, по порученію полковника, и другіе члены полковой старшины, а то и просто „войсковые товарищи". Вмѣстѣ съ тѣмъ первое время полковой судъ не былъ и пріуроченъ къ одному опредѣленному мѣсту. Нерѣдко, когда въ той или иной сотнѣ требовалось разобрать болѣе или менѣе серьезное дѣло, въ нее являлся „высланый" или „сосланый отъ пана полковника" членъ полковой старшины либо войсковой товарищъ и, „засѣвши на мѣстцу звыкломъ судовомъ", сообща съ мѣстною сотенной и городовой старшиною въ присутствіи товариства и громады творилъ судъ, причемъ такое судебное засѣданіе считалось полковымъ судомъ. Подобный же порядокъ практиковали и по отношенію къ генеральному суду. „Высланыя по росказанью пана гетмана особы", среди которыхъ далеко не всегда непремѣнно находился и генеральный судья, точно такъ же выѣзжали въ полки и совмѣстно съ мѣстными властями вершили тамъ судъ, вынося рѣшенія, имѣвшія значеніе рѣшеній генеральнаго суда. Судебная власть считалась въ сущности принадлежащей главнымъ правителямъ края—сотникамъ, полковникамъ и гетману; и каждый изъ нихъ могъ делегировать ее въ предѣлахъ подвластной ему территоріи любому подчиненному лицу, нисколько не нарушая этимъ правильности самаго суда, лишь бы послѣдній происходилъ съ соблюденіемъ установленныхъ формъ и съ извѣстнымъ участіемъ той общины, интересы которой затрагивались даннымъ судебнымъ дѣломъ. Не было также первое время установлено ни строгаго распредѣленія дѣлъ между судами по ихъ компетенціи, ни строгаго порядка судебныхъ инстанцій, хотя, конечно, съ самаго начала нѣкоторыя болѣе важныя дѣла рѣшались лишь высшими судами, а вмѣстѣ съ тѣмъ практиковалось и обжалованіе приговоровъ низшихъ судовъ въ высшіе. Лишь постепенно установились предѣлы компетенціи отдѣльныхъ судовъ, создался точный инстанціонный порядокъ, полковые судъ и судъ генеральный установили свой составъ и прочно усѣлись въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Лишь постепенно также установились вполнѣ опредѣленные и однообразные для всей страны порядки въ сферѣ администраціи и мѣстнаго хозяйства. Нѣкоторыми своими сторонами этотъ процессъ форми-

---

[1]) Именно, въ сотнѣ Носовской въ документѣ 1684 г. упоминается „судія носовскій". Обозрѣніе Рум. Описи, II, 144—145.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 3.

рованія административныхъ и судебныхъ порядковъ зашелъ далеко въ XVIII вѣкъ. Но много раньше, чѣмъ онъ успѣлъ закончиться, въ самыхъ основахъ того строя, который породилъ эти порядки, произошли существенныя и важныя измѣненія.

На первыхъ порахъ простота установившагося административнаго строя вполнѣ соотвѣтствовала простотѣ сложившагося въ Малороссіи послѣ возстанія Хмельницкаго общественнаго уклада. И если въ этой простотѣ и примитивности административнаго устройства и были свои, подчасъ довольно существенные, недочеты, то они въ значительной мѣрѣ покрывались тѣмъ участіемъ, какое принимало въ дѣлахъ управленія и суда само населеніе, и той зависимостью, въ какой стояли отъ послѣдняго его административные и судебные органы. По существовавшему въ народной массѣ воззрѣнію, эта зависимость являлась безусловной и неограниченной, равно охватывая собою администрацію на всѣхъ ея ступеняхъ. Сельскій войтъ и атаманъ, сотникъ, полковникъ и гетманъ, сотенная, полковая и генеральная старшина—всѣ они должны были избираться на свои должности населеніемъ и могли быть всегда смѣщены съ нихъ волею того же населенія. Самая административная служба, отбываемая въ такихъ условіяхъ, конечно, не могла протекать въ строгомъ порядкѣ лѣствичнаго восхожденія, съ каждой проходимой ступенью все болѣе отдаляющаго правителя отъ управляемыхъ. Наоборотъ, одинъ и тотъ же человѣкъ въ этихъ условіяхъ могъ послѣдовательно занимать то болѣе высокія, то болѣе низкія по своему значенію должности, могъ быть возвращаемъ въ среду рядовыхъ и затѣмъ вновь оказаться призваннымъ къ несенію той или другой должности.

Такъ оно въ значительной мѣрѣ и было на первыхъ порахъ. Нѣсколько конкретныхъ примѣровъ лучше всего смогутъ показать, какъ мало іерархичности было въ первоначальномъ административномъ строѣ гетманщины, и какъ легко въ первое время измѣняли свое положеніе на ступеняхъ административной лѣстницы отдѣльные члены старшины. Въ Лубенскомъ полку въ 1659—60 гг. былъ полковникомъ Яковъ Засядко; спустя пятнадцать лѣтъ, въ 1675—7 гг., тотъ же Засядко занималъ въ Лубнахъ сравнительно невидную должность городового атамана. Въ Прилуцкомъ полку въ 1671 г. былъ смѣщенъ съ полковничества Иванъ Маценко и полковникомъ сталъ Семенъ Третякъ; одновременно полковымъ судьей былъ сдѣланъ Лазарь Горленко, передъ тѣмъ уже дважды (въ 1661 и 1664—8 гг.) занимавшій должность полковника. Въ слѣдующемъ году полковникомъ вновь сталъ Горленко, а должность полкового судьи досталась Маценку. Полтавскимъ полковникомъ въ началѣ 70-хъ годовъ XVII вѣка былъ Демьянъ Гуджолъ. Въ 1674 г. онъ былъ смѣщенъ съ этого уряда полчанами и послѣ того года три занималъ должность полтавскаго городового атамана, въ 1678 г. онъ сталъ полковымъ судьею, а въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ не

несъ никакого уряда, находясь въ числѣ рядовыхъ козаковъ. Въ Стародубскомъ полку Тимофей Алексѣевъ изъ стародубскаго городового атамана въ 1676 г. сталъ полковникомъ и оставался имъ до 1678 г., когда вновь занялъ должность городового атамана, а въ 1687—90 г. опять былъ полковникомъ. Въ Нѣжинскомъ полку Матвѣй Шендюхъ, бывшій въ 1671 г. полковымъ обознымъ, въ 1679—85 гг. занималъ должность дѣвицкаго сотника, а потомъ опять сталъ полковымъ обознымъ. Около того же времени Михаилъ Забѣла, исправлявшій должность нѣжинскаго полкового писаря, перешелъ на урядъ борзенскаго сотника [1]). То же самое имѣло мѣсто и по отношенію къ генеральной старшинѣ: если полковники, а случалось, и сотники, переходили на уряды генеральной старшины, то и обратно—генеральный асаулъ или генеральный хоружій могли стать и, дѣйствительно, становились по выбору населенія полковниками. Но, являясь естественнымъ послѣдствіемъ замѣщенія должностей волей населенія, такой порядокъ могъ, конечно, безраздѣльно и господствовать въ жизни лишь при условіи вполнѣ безпрепятственнаго проявленія этой воли. Между тѣмъ, она уже въ первые моменты существованія новаго строя встрѣтила передъ собой нѣкоторыя препятствія, не позволившія ей развернуться во всей ея полнотѣ.

Этотъ новый строй, вызванный къ жизни возстаніемъ, и въ дальнѣйшемъ, благодаря отчаянной борьбѣ, поведенной Польшей за Малороссію, долженъ былъ рости и развиваться подъ непрерывный почти громъ оружія, среди непрекращавшихся войнъ. И эта обстановка, въ которой пришлось осуществляться вновь слагавшемуся административному строю, оказала на него глубокое вліяніе, направивъ его развитіе въ опредѣленную сторону. Если возстаніе Хмельницкаго, сломивъ въ Малороссіи польскую государственность, возродило въ новомъ видѣ власть народной общины, то сопровождавшія это возстаніе и послѣдовавшія за нимъ войны позволили выборнымъ лицамъ общины высвободиться изъ-подъ ея вліянія и, сохраняя всѣ полученныя отъ нея полномочія, стать выше ея.

Раньше и рѣзче всего это сказалось въ отношеніяхъ высшихъ властей страны—гетмана и рады. Рада выбирала гетмана, она же могла направлять и контролировать его дѣйствія, могла и лишить

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Историческіе очерки полтавской Лубенщины XVII—XVIII вв. Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца, т. XI, отд. II, с. 37. Его же. Описаніе старой Малороссіи, т. III, с. 11. Его же. Полтавщина въ XVII вѣкѣ. Кіев. Старина, 1891, № 9, с. 370. Его же. Описаніе старой Малороссіи, т. I, сс. 18, 27; т. II, сс. 107—8, 139. Самъ А. М. Лазаревскій склоненъ былъ объяснять нѣкоторые изъ подмѣченныхъ имъ фактовъ такого рода исключительно индивидуальными причинами, но, прослѣдивъ хотя бы собранные въ его работахъ списки старины XVII вѣка, не трудно убѣдиться, что въ подобныхъ фактахъ мы имѣемъ дѣло съ проявленіями общаго порядка, дѣйствовавшаго въ теченіе извѣстнаго періода во всей Малороссіи.

его власти. Пока гетманъ, какъ это было въ польское время, являлся лишь предводителемъ сравнительно немногочисленнаго козацкаго войска, а рада—собраніемъ послѣдняго для выбора себѣ начальниковъ, она могла безъ особыхъ затрудненій выполнять свои задачи. Но примѣненіе той же формы непосредственнаго демократическаго правленія въ государствѣ съ значительной территоріей и съ большимъ населеніемъ, естественно, встрѣтило серьезныя затрудненія. И гетманы не замедлили воспользоваться этимъ, чтобы по возможности совсѣмъ освободиться отъ рады. Сдѣлать это имъ было тѣмъ легче, что во время отсутствія рады въ ихъ рукахъ оставалась неограниченная власть надъ войскомъ. Когда умеръ Богданъ Хмельницкій, находившійся въ это время въ Москвѣ посланецъ его, Павелъ Тетеря, высказывая московскому правительству свои предвидѣнія на счетъ будущаго, между прочимъ говорилъ: „при гетмановѣ сынѣ есть такіе многіе люди, которые ему дружны, а съ полковники не въ совѣтѣ и учнутъ ему говорить, чтобъ онъ, гетмановъ сынъ, рады не собиралъ для того, чтобъ ему своего владѣнія не убавить, такъ же, какъ и отецъ его рады не сбиралъ, а владѣлъ всѣмъ одинъ, что разскажетъ, то всѣмъ войскомъ и дѣлаютъ“ [1]).

Въ дѣйствительности послѣ смерти Богдана Хмельницкаго рада, правда, собралась, собиралась и послѣ того, но она сохраняла за собой лишь выборъ и—въ экстренныхъ случаяхъ—смѣщеніе гетмановъ, причемъ сама оставалась совершенно неорганизованной. Активной роли въ опредѣленіи политики гетмановъ рада при такихъ условіяхъ играть не могла, и эта роль перешла къ совѣщаніямъ старшины, практиковавшимся уже при Богданѣ Хмельницкомъ въ качествѣ „тайной рады“. Съ теченіемъ времени установились періодическіе съѣзды къ гетману генеральной старшины, полковниковъ, сотниковъ, значнаго товарищества и поспольства, повторявшіеся дважды въ годъ—на Крещенье и на Пасху [2]). На этихъ съѣздахъ обсуждались важнѣйшія дѣла внѣшней и внутренней политики, вырабатывались общія для всей страны мѣры, разбирались споры между населеніемъ и властями. Постепенно къ этимъ съѣздамъ приблизились по своему составу и выборныя рады, и рядовое козачество являлось на нихъ уже лишь въ качествѣ почетнаго эскорта старшины и своего рода декораціи, тѣмъ болѣе призрачной, что уже со времени избранія Многогрѣшнаго выборъ гетмана окончательно предрѣшался на предварительныхъ совѣщаніяхъ старшины. Высвободившись изъ-подъ вліянія широкихъ народныхъ массъ, гетманская власть такимъ образомъ подпала

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., XI, Прибавленія, № 2. XI, с. 764.

[2]) Въ лѣтописяхъ упоминанія объ этихъ съѣздахъ начинаются со времени гетманства Бруховецкаго,—см. Лѣтопись Самоила Величка, т. II, сс. 87, 95, 160; см. также Акты Ю. и З. Р., IX № 80, с. 323; XI, № 35, с. 137 и № 107, с. 335; XII, № 113, с. 338 и № 221, с. 844.

подъ прямое воздѣйствіе сравнительно тѣснаго круга лицъ, объединеннаго общими интересами, какіе создавались въ его средѣ на почвѣ пользованія урядами, болѣе или менѣе высокаго имущественнаго благосостоянія. Эти интересы тѣмъ сильнѣе давали о себѣ знать, что наряду съ гетманами и нерѣдко при непосредственной ихъ помощи и носители низшихъ урядовъ уже очень скоро начали высвобождаться изъ-подъ вліянія подвластнаго имъ населенія. Населеніе полка обладало правомъ въ любое время „скинуть съ уряда" своего полковника. Но воспользоваться этимъ правомъ не всегда оказывалось удобнымъ и возможнымъ.

Въ 1679 г. нѣсколько видныхъ полтавскихъ полчанъ, въ томъ числѣ Демьянъ Гуджалъ, Федоръ Жученко, Павелъ Герцикъ и другіе, прислали гетману Самойловичу „листъ", жалуясь, что полковникъ Прокопъ Левенецъ „на ихъ здоровя похвалки чинить, самихъ безчеститъ, перестаетъ(водится) з винниками и броварниками и из ихъ слугами". Жалобщики просили, чтобы гетманъ „особу якую енералную отъ себе вислалъ въ Полтаву для одобрания отъ пана Левенця уряду его полковницкого, а з межи нихъ кому другому онiѣ вручилъ". Гетманъ, однако, не согласился исполнить эту просьбу. „Зразумѣвши ми—писалъ онъ всей старшинѣ, „товариству и посполству и всѣмъ въ полку томъ Полтавскомъ обывателемъ" — з ихъ листу, же нѣ для чего намъ подъ сей часъ туди енералное особи зсилати, а гамуючи (порицая) ихъ такъ наглую и скорую рѣчь, оразъ по васъ з мѣстца нашого рейментарского мѣти хочемъ и приказуемъ сурово и такую нашу вамъ волю освѣдчаемъ: хто колвекъ (кто бы ни былъ) з старшого и меншого полку вашего товариства, который би вѣдалъ и зналъ доволне якую противъ его царского пресвѣтлого величества и нашому рейментови (правленію) гетманскому походячую нежигливость (недоброжелательство) Левенцову и неправду, тие всѣ нехай, дастъ Богъ дочекавши (дождавшись) святого Воскресення Христова, посполу (вмѣстѣ) з нимъ же полковникомъ до насъ въ Батуринъ прибуваютъ; а тутъ хочъ би рудному батьку не толко ему полковниковѣ и кому иншому, еслибися мѣло що на кого показати, не сполгуютъ (спустятъ). До тихъ однакъ часъ жадною мѣрою (никакимъ образомъ) абисте ему полковникови не важилися отмѣнности чинити, але цалѣ его во всемъ слухали, под неласкою нашою гетманскою повторе приказуемъ". „Годится намъ и вамъ— не безъ ядовитости прибавлялъ гетманъ—на его вспоменути прислуги, котории подоймовалъ прошлого року (въ прошломъ году) въ очахъ нашихъ, не жалуючи здоровя своего, противъ неприятелей; а иншие з вашихъ же товаришей, которие въ листе подписалися, въ той часъ гвалтовний, утѣкши на сюю сторону Днѣпра по под возами криючися, песокъ терли, и сами можете розумомъ дойти того, хто". И, свидѣтельствуя въ заключеніе полтавскимъ полчанамъ свою „пріязнь", гетманъ требовалъ отъ нихъ „закован'я вшелякое ок-

ромности и оддавания старшому послушенства“ [1]). Храбрые и искусные въ военномъ дѣлѣ полковники нужны были гетманамъ и раньше Самойловича, и, если такіе полковники находились въ хорошихъ отношеніяхъ съ гетманомъ, они всегда могли разсчитывать при недоразумѣніяхъ съ полчанами на его властную поддержку, дѣлавшую разрѣшеніе этихъ недоразумѣній путемъ лишенія полковника уряда крайне затруднительнымъ. Руководясь тѣми же соображеніями, гетманы нерѣдко и прямо назначали полковниковъ, и молчаливаго признанія такого назначенія со стороны полчанъ было достаточно, чтобы уравнять его съ выборомъ. Полчане могли, конечно, заявить и рѣшительный протестъ противъ назначеннаго полковника, но въ условіяхъ военной или полу-военной жизни, всегда допускавшихъ возможность суровой расправы гетмана съ ослушниками его воли, для такого протеста требовались очень серьезныя основанія. Такъ наряду съ выборомъ полковниковъ уже на первыхъ порахъ практиковалось и ихъ назначеніе, а съ теченіемъ времени и самый ихъ выборъ, поскольку онъ сохранялся, все больше переходилъ въ руки полковой старшины и тѣсно примыкавшаго къ ней „значнаго товариства“.

Въ свою очередь полковники уже очень рано проявили стремленіе замѣнить выборъ сотниковъ ихъ назначеніемъ властью полковника. Въ іюнѣ 1657 г. браславскій полковникъ Зелинскій писалъ Выговскому, тогда еще войсковому писарю, „жалобу чиня на мужиковъ, которые всюду бунты поднósятъ (поднимаютъ) бездѣлнѣ“, „къ старшинамъ съ неправдами ходятъ и хотятъ надъ полковникомъ быть старшинами, сотниковъ сами себѣ обираючи“. „Самъ, ваша милость, изволишь знать, — прибавлялъ Зелинскій — что то не ихъ урядзъ есть: то убо на полковникахъ всюды належитъ сотниковъ обирать“ [2]). Правда, сотники были слишкомъ близкою къ населенію властью, для того, чтобы такое стремленіе могло осуществиться вполнѣ безпрепятственно. Выборъ сотниковъ оставался поэтому обычнымъ явленіемъ въ теченіе всего XVII вѣка [3]), но рядомъ съ та-

---

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго п. н.: „Полтавскіе земельные универсалы“, № 23. Говоря о „прислугахъ“ Левенца, Самойловичъ разумѣлъ его участіе въ 1678 г. въ битвахъ подъ Чигириномъ съ турками.

[2]) Акты Ю. и З. Р., XI, Прибавленіе, № 2, 2.11, с. 740.

[3]) Въ 1686 г. гетманъ Самойловичъ въ наказаніе Орельскихъ городковъ полтавскаго полка, жители которыхъ уходили въ „лядскіе затяги“, разбили крымскаго посланца и убили ѣхавшаго съ нимъ царскаго гонца, приказалъ полтавскому полковнику „всѣхъ сотниковъ Орѣлскихъ отъ уряду ихъ поотставляти, а на мѣстца ихъ зъ иншихъ городовъ полку Полтавского добрыхъ и справнихъ молодцовъ понасилати“. Это и было исполнено, но вскорѣ Орельскіе жители, „тую новину, насланіе сотниковъ, за великую себѣ вмѣнивши обиду и тяжесть“, просили гетмана отмѣнить ее, угрожая иначе разойтись. И универсаломъ 11 апрѣля 1686 г. Самойловичъ вновь разрѣшилъ имъ выборъ сотниковъ,—„яко розумѣемъ, що сотники оніе насланіе не каждому въ смакъ межи вами найдуются“.—Лѣтопись Величка, II, 554—7.

кимъ выборомъ встрѣчались все же и случаи ихъ назначенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что было еще важнѣе, полковники успѣли въ значительной мѣрѣ подчинить себѣ и дѣятельность выборныхъ сотниковъ, своимъ властнымъ вмѣшательствомъ ослабляя контроль надъ нею со стороны сотнянъ.

Такимъ образомъ съ разнымъ успѣхомъ на разныхъ ступеняхъ власти принципъ назначенія, во всякомъ случаѣ, съ первыхъ же моментовъ дѣйствія новаго строя конкурировалъ съ принципомъ выбора, а, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все бо́льшіе успѣхи дѣлалъ среди военныхъ сумятицъ и междоусобій, на долгіе годы наполнившихъ собою жизнь Малороссіи послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, этотъ принципъ назначенія и вмѣстѣ все больше развивалось высвобожденіе органовъ власти изъ-подъ вліянія широкихъ массъ населенія. Оба эти обстоятельства влекли за собою важныя послѣдствія. Даже тогда, когда уряды замѣщались свободнымъ выборомъ населенія, этотъ выборъ, поскольку при немъ имѣлись въ виду болѣе вѣрные уряды, чаще всего падалъ на представителей „значнаго товариства", на членовъ зажиточныхъ и вліятельныхъ въ своей округѣ козацкихъ семей. По мѣрѣ же того, какъ такой выборъ сосредоточивался въ рукахъ сравнительно тѣснаго круга лицъ или прямо замѣнялся назначеніемъ, „значное товариство" все больше сближалось съ старшиною, становясь своего рода кадромъ, изъ котораго черпались члены послѣдней. Съ другой стороны, освобожденіе старшины изъ-подъ вліянія массъ населенія чрезвычайно увеличивало ея значеніе въ народной жизни. Сотникъ въ своей сотнѣ, полковникъ въ своемъ полку, являвшіеся представителями всей мѣстной общины и носителями всѣхъ ея правъ, пріобрѣтали съ того момента, какъ исчезалъ или ослаблялся ея контроль надъ ихъ дѣйствіями, широкую власть надъ населеніемъ, тѣмъ болѣе широкую, что примитивная организація управленія соединяла въ одномъ и томъ же лицѣ одновременно и военнаго начальника, и гражданскаго администратора, и судью. Если въ сферѣ управленія эта широкая и разносторонняя власть открывала легкую дорогу къ произволу, то въ области суда она вела и еще къ одному немаловажному результату. Возстаніе Хмельницкаго, уничтоживъ старые порядки, не уничтожило, какъ мы видѣли, старыхъ кодексовъ права, и они сохранились въ Малороссіи въ качествѣ дѣйствующаго закона. Но, пока въ судѣ силенъ былъ народный элементъ, пока судъ вершился при живомъ и дѣятельномъ участіи представителей мѣстныхъ общинъ, эти кодексы находили себѣ подчасъ серьезныя ограниченія и поправки въ дѣйствовавшихъ среди народной массы правовыхъ обычаяхъ. Съ увеличеніемъ же власти старшины и соотвѣтственнымъ ослабленіемъ народнаго элемента въ судѣ уменьшилась возможность такихъ поправокъ, и открывался путь къ постепенному возстановленію прежней силы старыхъ

кодексовъ даже въ тѣхъ ихъ частяхъ, въ которыхъ они недавно были опрокинуты жизнью.

Власть, сосредоточивавшаяся такимъ образомъ въ рукахъ старшины и обнаруживавшая явную наклонность къ возростанію, получала особенное значеніе въ виду характера тѣхъ средствъ, какими обезпечивалось содержаніе администраціи въ гетманщинѣ. Первоначальный проектъ обезпечить козацкую старшину денежнымъ жалованьемъ изъ московской казны остался не осуществленнымъ послѣ того, какъ московскому правительству не удалось получить въ свои руки доходовъ съ крестьянскаго и мѣщанскаго населенія Малороссіи. Гетманское же правительство, въ распоряженіи котораго остались эти доходы, само не въ силахъ было провести подобной мѣры, и въ соотвѣтствіи съ общимъ уровнемъ хозяйственнаго развитія страны содержаніе администраціи пріобрѣло въ ней такой же примитивный характеръ, какъ и самая организація управленія. Главными источниками содержанія властей явились разнообразные поборы съ населенія, частью воскрешавшіе собою старинные обычаи, частью установленные вновь. Сотникъ, какъ глава мѣстной общины, собиралъ съ посполитыхъ и козаковъ своей сотни „весельныя (свадебныя) куницы“—особый денежный сборъ при заключеніи браковъ [1]). Дважды въ годъ подчиненныя сотнику сельскія и ратушныя власти, равно какъ и отдѣльные сотняне, являлись къ нему съ „ральцомъ“—праздничными приношеніями деньгами и натурой. Помимо того, каждый обыватель, обращавшійся по какому-нибудь дѣлу къ сотнику, обычно чествовалъ его спеціальнымъ „поклономъ“. Ремесленные цехи сотеннаго мѣстечка дарили сотника своими издѣліями и присылали своихъ членовъ для той или иной необходимой работы во дворѣ „пана сотника“. Получавшимися путемъ такихъ поборовъ доходами сотникъ дѣлился и съ сотенной старшиной. Подобные же поборы деньгами, припасами и трудомъ, только въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ, практиковались въ полку полковникомъ и полковой старшиной. Сотники привозили полковнику „ралецъ“, ремесленные цехи доставляли ему свои издѣлія, а подчасъ и работниковъ, мѣстные торговцы уплачивали въ его пользу особые сборы, ратуша полкового города поставляла на городской дворъ полковника съѣстные припасы. „А съ ратуши—сообщалъ въ Москву въ 1666 г. перея-

[1]) О „весельныхъ куницахъ“ см. мою рецензію на второй томъ „Описаніе старой Малоросіи“ А. М. Лазаревскаго въ „Отчетѣ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова“ и отдѣльно п. и. „Къ исторіи Нѣжинскаго полка“, приложеніе № 9. Первымъ обратилъ вниманіе на право сотника собирать „весельную куницу“ не только съ посполитыхъ, но и съ козаковъ С. П. Моравскій („Ѳедоръ Лисовскій“, К. 1891, с. 32), и онъ же указалъ на близость этого явленія къ западно-европейскому merchetum, въ которое, по крайней мѣрѣ, въ Англіи, входила, по словамъ проф. Виноградова, и „пошлина за бракъ, платившаяся не сеньеру, а общинѣ или сотнѣ“. („Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“, с. 62).

славскій воевода Вердеревскій—полковнику и атаману и судьѣ идетъ съ мѣста съ продавцовъ десятая рыба; а съ ратуши нь всякъ день вино, и пиво, и медъ, и харчъ всякой" [1]. Случалосо также, что полковникъ привлекалъ посполитыхъ полка къ тѣмъ или инымъ работамъ въ своемъ частномъ хозяйствѣ. Размѣръ этихъ работъ и поборовъ, взимавшихся съ населенія въ пользу сотенной и полковой старшины, не былъ установленъ никакими опредѣленными правилами, и это обстоятельство въ связи съ широкою властью сотниковъ и полковниковъ создавало большой просторъ для разнаго рода злоупотребленій. Жалобы на такія злоупотребленія послышались уже очень рано. Полковникъ—разсказывалъ, напримѣръ, въ Полтавѣ мѣстный полковой судья пріѣхавшему въ Малороссію въ 1667 г. стольнику Кикину—„со всего полтавского полку согналъ мелниковъ и заставилъ ихъ на себя работать, а мужики изъ селъ возили ему, полковнику, лѣсъ, и устроилъ онъ себѣ домъ такой, что у самого гетмана такого дому и строенія нѣтъ [2])

Другимъ серьезнымъ источникомъ доходовъ сотенной и полковой старшины являлся судъ. Козакъ, мѣщанинъ или посполитъ, уличенный на судѣ въ кражѣ, разбоѣ, грабежѣ, нанесеніи тяжкихъ побоевъ, убійствѣ, „чужоложствѣ", нарушеніи супружеской вѣрности, изнасилованіи или въ какомъ другомъ уголовномъ преступленіи, помимо опредѣленнаго въ законѣ наказанія, уплачивалъ еще болѣе или менѣе значительный штрафъ въ пользу разбиравшей его дѣло старшины и „пана полковника" [3]). Если преступникъ подвергался смертной казни, штрафъ своимъ чередомъ взыскивался изъ оставшагося послѣ казненнаго имущества. Случалось, что судъ, когда потерпѣвшая сторона не особенно настаивала на наказаніи преступника, миловалъ послѣдняго, но „належитая врядовая и панская вина" неукоснительно взималась и въ этомъ случаѣ. Бывало даже и такъ, что полковникъ обращалъ принадлежавшее ему право помилованія въ новый источникъ дохода. Въ 1690 г. сотенный и городовой урядъ м. Бѣликовъ съ участіемъ высланнаго изъ Полтавы бурмистра и „значныхъ старинныхъ Бѣлицкихъ людей" приговорилъ Кирила Хведорченка за покражу лошадей и пчелъ къ смертной казни. Мать Хведорченка просила однако, помиловать его, обѣщая вернуть цѣну украденнаго. Въ виду этой просьбы ма-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., VI № 41, сс. 101—2.

[2]) Тамъ же, VI, № 62, VII, сс. 195—6.

[3]) Въ 1719 г. прилуцкій полковой судья Марковичъ жаловался гетману, что духовенство вмѣшивается въ разборъ дѣлъ о блудодѣяніи и убійствѣ и беретъ на себя большіе штрафы, „чого нѣкогды въ полку нашемъ не бывало, ибо, въ томъ не труждаючися, неприлично и брати". Марковичъ просилъ, „чтобы зъ сану духовного въ такія дѣла не интересовался нѣхто,.. бо, еслибы мѣла духовная власть тіе себѣ неналежніе подгорнути приходи, то з чого будетъ и власть свѣцкая жити, развѣ зъ того, чтобы тилко градскіе порядки устроевати и всякіе трудности отбувати дармо". Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, III, сс. 115—6

тери преступника обвинители „не барзо настояли на его смертельной карности“ и „припустили на волю уряду мѣского“, который въ свою очередь обратился къ полковнику. Послѣдній, „увѣдомившись, що мати Кирилова ручится за сына своего, а людского злочинцу, обдарилъ сына еи животомъ и казалъ пустити на покаяніе; а за тую поруку, що Хведорчиха поручилася за сына, и за его злодѣйское Кирилово проступство взялъ его милость панъ Феодоръ Жученко, полковникъ Полтавскій, млиновые кола (мельничные поставы) на рѣцѣ Ворсклѣ и лѣсъ Кириловъ Хведорченковъ“ [1]). Въ 1700 г. полковой полтавскій урядъ судилъ нѣкоего Тимка Гаптара за убійство шинкарки и призналъ было убійцу подлежащимъ смертной казни, тѣмъ болѣе, что и „рожоная сестра“ убитой „домовлялася судового всказанія“. Но полковникъ „суду росказалъ даровати его горломъ за усиловнымъ кривавослезнымъ матки его Тимковой и тещи онаго жъ зъ жоною его, а до того, ижъ (что) онъ, Тимко, видячи такъ великое по Бозѣ его милости пана полковника отцевское надъ собою милосердіе, ижъ не тилко на здоровю не пострадалъ, и на худобѣ (имуществѣ) непарушономъ зосталъ, во вѣчные и неуставаючіе роды зъ жоною своею поручилъ себе въ доживотную дому его панскому службу“ [2]).

В. Мякотинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера, Х. 1898, приложенія. с. 56.

[2]) Тамъ же, с. 70.

АРНО СТРОЦЦИ.

Повѣсть Вильгельма Гольцамера.

Пер. съ нѣмецкаго С. Р.

I.

Когда Арно Строцци въ первый разъ пришелъ въ нашу парижскую мастерскую, онъ былъ очень молодъ, да и мы тоже...

Бываютъ дни, полные ожиданія. Таковы первые дни весны, тревожно спѣшащіе изъ-подъ зимнихъ покрововъ, и дни поздняго лѣта, гаснущіе въ сумракѣ осени. Тѣни прозрачны и никогда не сгущаются въ настоящій мракъ, свѣтъ томенъ и никогда не вспыхиваетъ во всемъ своемъ блескѣ. Всюду чувствуется томящееся безпокойство, и томленіе, жаждущее покоя. Сидишь у себя, и мечта манитъ тебя на улицу, киваетъ тебѣ изъ блѣднѣющей глубины неба, изъ трепетнаго моря заката, изъ тающей дали зеленыхъ полей; выходишь изъ дому, и мечта прокрадывается въ домъ и зоветъ изъ раскрытыхъ оконъ освѣщенныхъ комнатъ, изъ замирающихъ звуковъ тоскующей флейты.

Въ одинъ изъ такихъ дней пришелъ къ намъ Арно Строцци. Онъ пришелъ къ намъ нерѣшительно, почти боязливо, точно чего-то ищущій и стоялъ, облитый прозрачнымъ утреннимъ свѣтомъ, въ которомъ уже чувствовалась ясность полудня. Всѣ его движенія были полны благородства и какой-то дѣтской, трогательной застѣнчивости; въ темныхъ глазахъ его свѣтились тысячи вопросовъ, и на лицѣ его выраженіе радости поминутно смѣнялось выраженіемъ страха. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ, потомъ обратился къ одному изъ насъ на какомъ-то ломаномъ языкѣ, больше похожемъ на итальянскій, чѣмъ на французскій. Мы поняли одно только слово maestro и указали ему на нашего учителя, который сидѣлъ въ углу и обтесывалъ какую-то гранитную глыбу. Но тотъ уже самъ замѣтилъ Строцци и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— А, юный маэстро Строцци!—заговорилъ онъ. — Я ужъ цѣлую недѣлю жду васъ, милый. Вы одни? Гдѣ же отецъ? Надъ чѣмъ работаетъ? Какъ памятникъ кардинала,—готовъ? О, это прелестная работа, синьоръ Строцци, будьте такимъ же, какъ вашъ отецъ!

Строцци не зналъ, что отвѣтить, да едва ли и понималъ быстро сыплющуюся французскую рѣчь. Учитель обнялъ его и подвелъ къ одному изъ незанятыхъ столовъ.—Вотъ Арно Строцци, господа, вашъ новый другъ, — представилъ онъ его намъ, — а вотъ столъ и вотъ глина, — обратился онъ снова къ Строцци, указывая ему принадлежности для работы. — Теперь дѣлайте, что хотите, Строцци, работайте, какъ хотите: дѣлайте бюсты, барельефы, статуи, карнизы,— мнѣ все равно, лишь бы для васъ не все равно было, что дѣлать. Дѣлайте то, что подсказываетъ вамъ сердце, что само дается вамъ въ руки. Всякій долженъ прежде всего узнать, въ чемъ его сила, — и тогда ужъ онъ найдетъ себя самъ. Жалокъ, кто себя не находитъ; правда, что иной никогда въ жизни и не искалъ себя. Ищите, ищите себя, милый Строцци!

Съ этими словами онъ вернулся на свое мѣсто, и рѣзецъ его опять застучалъ по граниту. Строцци остался передъ своей глиной. Мы втихомолку, съ любопытствомъ и не безъ нѣкотораго злорадства, слѣдили за нимъ. Каждый изъ насъ хорошо еще помнилъ тотъ день, когда и онъ такъ же въ первый разъ остался одинъ со своей глиной, безпомощный, предоставленный самому себѣ, поставленный передъ необходимостью искать самого себя,—и какими же смѣшными, жалкими, покинутыми и бездарными казались мы себѣ! Какъ хотѣлось бросить все и навсегда убѣжать изъ мастерской!

Но скоро мы замѣтили, что Строцци какъ-то совсѣмъ иначе принялъ свое положеніе. Мы бывало сейчасъ же и машинально, безъ раздумья, начинали комкать глину,—онъ же стоялъ безъ движенія, съ полузакрытыми глазами и опущенной головой, разсѣянный, во что-то углубленный; потомъ медленно приподнялъ голову,—тутъ мы остановились, затаивъ дыханіе, — прижалъ пальцы къ вискамъ и крѣпко стиснулъ голову руками.—„Смотрите-ка, точно кошка передъ прыжкомъ“,—шепнулъ намъ Гужановъ.—И въ самомъ дѣлѣ, Строцци точно вдругъ встрепенулся и внезапнымъ и быстрымъ движеніемъ схватился за глину. Мы забыли о своей собственной работѣ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за его движеніями. Формы вытекали, выплывали изъ-подъ его пальцевъ, точно онъ ихъ откуда-то вызывалъ, и казалось, что сами пальцы его становятся все стройнѣе, воздушнѣе и гибче.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что на него смотрятъ; онъ вздрогнулъ, какъ спугнутый ребенокъ, обвелъ насъ широко раскрытыми глазами,—и глина выпала изъ его рукъ.

Мы мало-по-малу вернулись на свои мѣста и принялись за свою работу.

— Ну, что, маэстро Строцци, начали?—спросилъ учитель, медленно подымаясь изъ-за своей глыбы и подходя къ Строцци. Тотъ растерянно смотрѣлъ на него, покраснѣлъ до корней волосъ и опустилъ глаза. Учитель не сказалъ ни слова. Онъ только молча пожалъ руки, и видно было, что онъ глубоко тронутъ. Потомъ онъ похлопалъ Строцци по плечу и одобряющимъ тономъ сказалъ ему:—Продолжайте, продолжайте, мой другъ!—Рѣзцы наши снова зазвенѣли, но Строцци уже не работалъ больше въ тотъ день. И ушелъ онъ отъ насъ такъ тихо и робко, что, казалось, нельзя было и замѣтить, какъ онъ уходилъ.

II.

Интересъ, возбужденный въ насъ появленіемъ Строцци, еще больше усилился въ слѣдующіе затѣмъ дни.

Въ мастерской нашей всегда царила полная свобода. Мы приходили и уходили когда хотѣли, смотря по настроенію, и не въ малой степени въ зависимости отъ проведенной наканунѣ ночи. Учитель никогда не вмѣшивался въ распредѣленіе нашего времени.

— Искусство—не урокъ и не служба,—говорилъ онъ:—тутъ насильно не вымучишь ничего! Кто всегда работаетъ по заведенному порядку и въ заведенномъ темпѣ, тотъ, такъ и знайте, не художникъ, а сапожникъ. Мысли по заказу не приходятъ; кто думаетъ иначе, у того ихъ никогда не было. Трудолюбіе должно быть плодомъ искусства, а не искусство плодомъ трудолюбія. Я самъ работаю не каждый день и не каждый разъ съ одинаковымъ пыломъ, — признавался онъ.

И мы умѣли пользоваться предоставленной намъ свободой. Когда наступала наша полоса, мы работали яростно, какъ въ сраженьи, и съ избыткомъ возмѣщали потерянное время. Да и какое тутъ потерянное время? Когда мы не работали, мы жили, и жизнь была впрокъ искусству.

Черезъ нѣсколько дней послѣ поступленія Строцци въ нашу мастерскую Гужановъ зазвалъ насъ къ себѣ въ гости. Онъ хотѣлъ просить также и Строцци, но никакъ не могъ поймать его. Строцци всегда приходилъ въ мастерскую раньше насъ, и мы не хотѣли прервать его работу, а, когда онъ уходилъ, мы сами только входили въ разгаръ работы, и намъ было не до него.

Надо сказать нѣсколько словъ о Гужановѣ. Онъ далеко не былъ богатъ, но обладалъ какимъ-то особеннымъ, свойственнымъ нѣкоторымъ людямъ даромъ скрывать свою бѣдность и даже создавать иллюзію роскоши. Это сообщало ему какую-то таинственность: онъ, казалось, имѣлъ пути къ какимъ-то скрытымъ, невѣдомымъ намъ источникамъ, и вызывалъ въ насъ тысячи вопросовъ и недоумѣній. Онъ умѣлъ уносить насъ далеко отъ повседневной жизни и всегда и во всемъ оставался для насъ загадкой. Къ стыду нашему должно прибавить, что мы не разъ подсовывали подъ нее какую-нибудь необычайную, но въ сущности внѣшнюю и потому всегда грубую разгадку. Намъ мерещились какія-то тайныя общества, подполье, сыскъ, шпіонство, чудовищныя преступленія, зловѣщіе происки, которые пробираются къ богатствамъ столицы и укрываются за неизвѣстностью иностранцевъ. По правдѣ сказать, мы порою даже побаивались его тайнъ и такъ и ждали, что вотъ-вотъ онъ втянетъ насъ въ какую-нибудь таинственную исторію, и Богъ знаетъ, какихъ еще намъ наготовитъ сюрпризовъ. Конечно, мы тутъ же отгоняли отъ себя всѣ эти подозрѣнія и страхи, но неизвѣстность оставалась все та же и порою становилась до того невыносимой, что мы рѣшали отправиться къ Гужанову и потребовать отъ него отчета. Но стоило намъ только увидѣть его, и намъ становилось совѣстно за всѣ эти рѣшенія. Слишкомъ ужъ явно чувствовалась въ немъ честность, прямодушіе, не смотря на всю его загадочность; всегда и во всемъ онъ оставался нашимъ добрымъ другомъ, всегда готовымъ придти на помощь, и никто не припоминалъ ни малѣйшаго случая, когда онъ отказалъ бы кому-нибудь изъ насъ въ участіи или услугѣ.

— Но откуда же все-таки берутся всѣ эти богатства?— спрашивалъ иной разъ какой-нибудь скептикъ.

— Да, полно,—какія тутъ богатства, если подумать хорошенько!

— Но все въ немъ необъяснимо: наружность, нервная утонченность, вся эта таинственность, неожиданность и въ то же время умудренность, точно онъ прожилъ уже цѣлую жизнь,—и это ясновидѣнье, этотъ даръ проникновенья, прозорливость, знаніе сокровеннѣйшихъ связей душевныхъ, и эта чудодѣйственная власть надъ сердцами людей? — спрашивалъ одинъ.

— Это все—русское,—отвѣчалъ другой.

Мы, вѣдь, были люди молодые, высоко подымавшіе нашъ свѣтильникъ, чтобы лучше разглядѣть жизнь.

Споръ всегда кончался тѣмъ, что кто-нибудь возглашалъ: „Ну, пойдемъ къ Гужанову!“—и мы шумною толпою отправля-

лись къ нему, въ его студенческую каморку, гдѣ на каждомъ шагу ждали насъ новыя неожиданности и сюрпризы. Чудеса и чары были уже въ самой обстановкѣ, въ ея странномъ и причудливомъ убранствѣ. Въ углу висѣлъ образъ Божьей Матери, передъ нею теплилась красная лампадка, по стѣнамъ разставлены были зажженныя свѣчи въ какихъ-то переливчатыхъ подсвѣчникахъ, словно сдѣланныхъ изъ старой эмали, перламутра и драгоцѣнныхъ камней; на бѣлой скатерти стола разставлена была причудливая утварь: огромные тяжелые кувшины, воздушныя чаши, стройные кубки; тутъ же рѣдкое оружіе: тонкій стилетъ, узорчатый булатъ, тяжелая шпага, рѣзная шашка и короткій мечъ въ кованыхъ ножнахъ. И всюду кругомъ цвѣты,—цвѣты, разставленные въ высокихъ вазахъ, въ плоскихъ горшкахъ, обвитые вокругъ кубковъ, въ-одиночку и букетами разбросанные по столу. Вино въ металлическомъ кувшинѣ старинной чеканной работы, и изъ вина исходитъ подлинное благоуханье: невѣдомыя благовонія входили въ составъ его, сладкія и пряныя, убаюкивающія, одуряющія.

Самоваръ гудѣлъ. И изъ слабаго пламени высокаго треножника подымался прозрачный, легкій паръ,—тамъ въ легкой чашѣ курились какія-то диковинныя травы. Всюду мерцающій свѣтъ свѣчей, скользящія тѣни, измѣнчивыя отраженія, мелькающіе силуэты.

Гужановъ вышелъ къ намъ въ длинной черной мантіи, въ высокихъ сапогахъ и съ кинжаломъ за поясомъ. Онъ разставилъ насъ вокругъ стола, а самъ подошелъ къ курящейся чашѣ и торжественно и серьезно заговорилъ что-то по-русски. Мы не понимали ни слова, но слушали напряженно, затаивъ дыханье. Среди безмолвной тишины глухо звучалъ голосъ Гужанова, потрескивало пламя треножника, и слышалось наше собственное сдержанное дыханье.

Гужановъ кончилъ, оглянулся... Должно быть, очень комичны были наши напряженныя, почти перепуганныя лица, потому что онъ вдругъ весело расхохотался.

— Да ужъ не испугались ли вы моего чародѣйства?—воскликнулъ онъ. — Да садитесь, кушайте и пейте,—право, не околдую... И все-таки жизнь полна тайны и чаръ: въ этомъ ужъ я успѣлъ убѣдиться, хоть мнѣ и всего только двадцать лѣтъ и три года. Въ каждой вещи кроется въ тысячу разъ больше того, что мы видимъ въ ней обычнымъ взглядъ. Жаль, что не удалось намъ поймать этого Арно Строцци, я собственно ему-то и хотѣлъ бы посвятить сегодняшній вечеръ. Я хотѣлъ бы разсказать ему, что ни деревья, ни цвѣты, ни стада, ни люди, ни долины еще не составляютъ жизни, что внутри ихъ, внѣ ихъ и надъ ними рѣютъ и носятся еще

другіе міры, которые мы сами вносимъ въ жизнь, и которые въ концѣ концовъ отдѣляются отъ первоначальнаго источника нашей души и получаютъ власть надъ нами. Съ того момента, какъ мы осознали себя въ своемъ чувствѣ, мы стали чувствомъ вкладывать въ жизнь то, что первоначально и конкретно не входитъ въ составъ ея; мы начали нащупывать себя и всюду натыкались на разныя переправы и переходы. Что-то зашевелилось въ насъ, и мы не знали, какія силы мы разбудили; мы играли тайной, и игра превратилась въ жизнь. Ей сообщилась сила и власть; она стала религіей и ритуаломъ, культомъ, праздникомъ, поклоненіемъ и предначертаньемъ. Каждаго въ отдѣльности и всѣхъ насъ вмѣстѣ она окружила кольцомъ, множествомъ колецъ; кольца соприкасаются, скрещиваются или охватываютъ другъ друга, и въ зависимости отъ этого складывается и наша судьба. Въ этой системѣ круговъ мы начинаемъ искать пружинъ нашей судьбы со всѣми ея причинами, сплетеніями и проявленіями, со всѣмъ, что есть въ ней тайнаго и явнаго, будущаго и прошедшаго. Молитвами и праздниками, и благими дѣяніями мы хотимъ проникнуть въ эти тайные круги или довести себя до такого состоянья, въ которомъ они не смогутъ насъ больше пугать, въ которомъ мы сами сольемся съ ними, растворимся въ тайнѣ, преобразимся и спасемся.

Иногда въ его словахъ звучала какъ будто глубокая проникновенность; чаще намъ казалось, напротивъ, что онъ просто издѣвается надъ нами, играя настроеніями. Но недаромъ мы сами были художники, и въ концѣ концовъ настроенія эти сообщались и намъ; иные сознательно наслаждались ихъ переливчатой прелестью, другіе забывали все кругомъ и слушали, восхищенные, упоенные, очарованные.

— Нашъ юный Строцци долженъ чувствовать, что мы отпраздновали его вступленье въ нашъ жизненный кругъ,— сказалъ на прощанье Гужановъ.—Теперь вокругъ него смыкаются новыя кольца судьбы и звонко ударяются о наши. Онъ чувствуетъ это бряцанье, какъ чувствуется порханье невидимыхъ крыльевъ. Онъ внемлетъ, — и скоро донесутся до него голоса, которымъ подобныхъ онъ никогда не слыхалъ. Они вѣщаютъ о сути вещей и о его собственной сути. Онъ озирается, онъ ищетъ: онъ ищетъ себя. Въ крови его горитъ еще тотъ подлинный огонь, который сохранился развѣ еще только у безумныхъ. То, что у насъ перешло уже въ нервы, то носится у него въ круговоротѣ крови; онъ чувствуетъ инстинктомъ то, что намъ дается лишь черезъ посредство мозга. Мы—послѣдніе сыны угасающей эпохи; онъ—запоздалый пришелецъ великаго прошлаго, поздній отпрыскъ

старой художественной расы, могучаго артистическаго племени... А впрочемъ, завтра мы сами увидимъ!

Но половину завтрашняго дня мы проспали послѣ этой ночи. Солнце уже указывало полдень, а вокругъ насъ все еще носилось въ туманѣ и грезахъ. Мы очнулись только тогда, когда вошли въ мастерскую и увидѣли Строцци.

III.

Онъ сидѣлъ, переминая пальцами глину; рядомъ съ нимъ стоялъ учитель и держалъ въ рукахъ наброски, которые принесъ ему Строцци. Тутъ же стояла глиняная модель, повидимому, только что вылѣпленная Строцци. Учитель внимательно разсматривалъ ее, у Строцци видъ былъ смущенный. Мы столпились вокругъ нихъ. Учитель посторонился, чтобы пропустить насъ къ модели. Строцци слегка отвернулся.

Мы увидали модель не особенно большой величины, такъ что она могла еще держаться безъ желѣза. Раньше всего въ глаза намъ бросилось круглое отверстіе колодца,—строгая, простая, цѣльная форма, весь эффектъ которой заключался въ изумительной отчетливости этихъ круглыхъ линій. Въ памяти вставали одинокіе путники въ безбрежной равнинѣ, караваны древнихъ пастуховъ, которые встрѣчались здѣсь и расходились отсюда по своимъ пастбищамъ: библейскія картины; чувствовалось томленіе жажды среди душныхъ лѣтнихъ ночей, — и уже ощущалась прохлада, исходящая изъ колодца, его глубина, живительная свѣжесть родника, его кристальныя воды, жгучимъ холодомъ скользящія по пересохшимъ губамъ, благодать и даръ вѣчныхъ рукъ въ далекой, затерянной, знойной ночной тишинѣ.

Прислонясь къ колодцу и слегка перегнувшись надъ краемъ его, стоитъ старикъ, патріархъ съ длинной волнистой бородой, конецъ которой слился съ сумракомъ колодца, пастырь, прародитель. Онъ похожъ и на Моисея, и на Бога-Отца въ Сикстинской часовнѣ, и что-то есть въ немъ еще другое, свое. Это искатель водъ, открывшій источникъ, почуявшій сокровенное, проникшій взоромъ въ невиданное доселѣ никѣмъ. Онъ первый нашелъ этотъ родникъ,—и вотъ онъ перегнулся надъ краемъ колодца и тревожно пытаетъ ухомъ доносящіеся звуки,—таится ли еще та жизнь, которую съ незапамятныхъ временъ, даже для него, первобытнаго человѣка древнѣйшихъ временъ своими собственными руками вложилъ сюда Создатель въ даръ этимъ первобытнымъ людямъ

Строцци стоялъ отвернувшись. Глаза учителя перебѣгали съ одного ученика на другого, потомъ опять остановились на модели. Стояла безмолвная тишина.

Чуть свѣтъ являлся Строцци въ мастерскую, и часами длилась его работа, часами оставался онъ одинъ. Тысячи струнъ напряглись въ душѣ его, быстро нахлынули воспоминанія о своихъ и чужихъ переживаніяхъ, образы, дошедшіе къ нему изъ книгъ и разсказовъ, чувства, дотолѣ одиноко бродившія въ душѣ его и теперь зазвучавшія вновь. Такъ безвѣстно, неслышно проносится по рощѣ первое дуновеніе весенняго утренняго вѣтерка, развѣвая цвѣточную пыль, сливая вздохи первыхъ весеннихъ цвѣтовъ,—и плодъ наливается и зрѣетъ, когда весна уже давно забыта, и забытъ ея тихій, росистый расцвѣтъ.

Какъ мало было собственно сдѣлано: колодецъ и пастухъ! И какъ много въ нихъ скрыто! Мы молчали, мы чувствовали дыханіе тайны. Мы смотрѣли на Строцци, мы видѣли, что ему открыты родники, которые всегда будутъ замкнуты для насъ. Туманъ и грезы вчерашней ночи все еще обволакивали нашъ мозгъ. И вдругъ эта маленькая модель разорвала туманъ и прояснила нашъ взоръ. Это былъ точно отвѣтъ на слова Гужанова. Могучее чувство проникло въ это творенье и теперь исходило изъ него и жило своей собственной жизнью.

Наши взоры опять обратились къ модели, и наше первое толкованіе начало казаться намъ слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ матеріальнымъ. Иной, глубокій смыслъ скрытъ былъ въ этихъ образахъ; казалось, что въ нихъ воплотилась идея вѣчности бытія. Казалось, что это былъ источникъ никогда не изсякающей жизни, родникъ, вѣчно питающій и, возвращающій старости юность, таинство творческой природы, духъ бытія, выбивающій вѣчную жизнь изъ пустынныхъ нѣдръ земли.

Край родника и пастухъ,—и больше ничего. Мы невольно ждали, что скажетъ Гужановъ, но онъ ничего не сказалъ, а только подошелъ къ Строцци и протянулъ ему руку. Тотъ смущенно отвѣтилъ на его пожатіе. Мы всѣ послѣдовали примѣру Гужанова.

Первый заговорилъ, наконецъ, учитель. Онъ положилъ руку на плечо Строцци и сталъ уговаривать его увеличить свою модель такъ, чтобы можно было отлить ее въ гипсѣ. Онъ бралъ на себя всѣ расходы по выполненію его работы и предлагалъ ему выбрать какой угодно матеріалъ. Строцци смотрѣлъ на него и не понималъ ни слова. Учитель собралъ всѣ крохи своихъ итальянскихъ познаній и кое-какъ пояснилъ ему свою мысль. Строцци поднялъ голову, въ гла-

захъ его вспыхнула радость, и онъ порывисто протянулъ учителю обѣ руки. Но потомъ опять выраженье смущенья появилось на лицѣ его, онъ опустилъ голову и покраснѣлъ какъ мальчикъ.

Мы сами не безъ нѣкотораго волненія слѣдили за нимъ. Эта удивительная голова, въ блѣдныхъ чертахъ которой свѣжесть юности причудливымъ образомъ сочеталась съ благородною духовностью, была какъ бы снята съ полотна какого-то стариннаго мастера, и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ въ этомъ двадцатилѣтнемъ юношѣ возродился какой-нибудь старый мастеръ, который вернулся въ міръ, чтобы стать нашимъ учителемъ и указать намъ новые пути.

Въ тотъ день работа у насъ все не клеилась. Все, что мы дѣлали до сихъ поръ, казалось намъ ничтожнымъ въ сравненіи съ произведеніемъ Строцци. Самъ Строцци продолжалъ работать, какъ ни въ чемъ не бывало, гнулъ желѣзо для своей модели и ни на кого не обращалъ никакого вниманія.

— Нѣтъ, этотъ человѣкъ—игра или случайность,—говорилъ Гужановъ, когда мы возвращались домой,—онъ точно съ неба упалъ. Удивительнѣе всего то, что онъ даже не знаетъ, какія таятся въ немъ силы. Онъ, играя, открываетъ сокровища и разгадываетъ тайны. Какой-то благодатный духъ осѣняетъ его своими лучами, и онъ, точно во снѣ, слѣдуетъ за нимъ. Въ этомъ духѣ сосредоточиваются всѣ воспоминанія, сливаются внутренніе и внѣшніе міры, излучаются невѣдомыя, неизсякаемыя богатства. Все то, что обыкновеннымъ людямъ дается путемъ тяжелаго труда, чего они добиваются кровавыми потугами и къ чему стремятся съ мучительной тоской, все это само собой дано Строцци безъ его вѣдома и содѣйствія.

— Мы живемъ въ позднюю эпоху, полную причудливыхъ порожденій,—продолжалъ онъ.—Строцци представляетъ собой культурный феноменъ; онъ можетъ стать первымъ или послѣднимъ, концомъ или исходомъ, единичной случайностью или всеобщей опорой; онъ можетъ поднять новое знамя или совершенно выбиться изъ строя,—все зависитъ отъ него самого. Не будемъ мѣшать ему, господа,—онъ имѣетъ право на нашу охрану.

Мы сами чувствовали, что какая-то глубокая, тихая и оберегающая дружба уже связываетъ насъ со Строцци.

IV.

Строцци продолжалъ работать надъ своей моделью. Учитель совѣтовалъ ему развить ее, но самъ не давалъ ему ни-

какихъ указаній. Строгая примитивная окружность колодца осталась во всей своей древней формѣ, величавой, монументальной и цѣльной. И все также стоялъ пастухъ, склонившись надъ колодцемъ; лѣвая рука его опиралась о посохъ, точно онъ нащупывалъ еще почву и открывалъ родникъ. Но ничто не поражало насъ такъ, какъ необычайная линія его спины, устремленная впередъ и въ то же время законченная, завершенная; какъ бы округленная уже увѣренностью обладанья и вмѣстѣ съ тѣмъ еще не потерявшая волненія исканья: въ ней запечатлѣлась еще вся тяжесть согбенности и въ то же время намѣчался уже подъемъ,—послѣдній моментъ томленья встрѣчался въ ней съ первымъ моментомъ достиженья. Правая рука глубоко опустилась въ колодецъ, точно раздвигая глубь и мракъ, и пальцы руки вытянулись, точно заклиная, маня и въ то же время забирая.

Теперь начались поправки учителя. Онъ находилъ, что надо было бы своеобразнѣе и капризнѣе выдѣлить бороду на лицѣ пастуха. Строцци съ какимъ-то страннымъ, дремотнымъ спокойствіемъ принялся за передѣлку; онъ часто работалъ съ закрытыми глазами; казалось, что формы сами прошли уже въ его пальцы, не нуждаясь въ помощи глазъ. Формы проникли уже въ этотъ мертвый матеріалъ, мертвая глина полна была жизни, мы не видѣли, не чувствовали и не знали ея, но Строцци она сама давалась въ руки.

— Онъ работаетъ, какъ лунатикъ,—замѣтилъ Гужановъ.

И при всемъ томъ цѣлые дни проходили, пока Строцци находилъ то, чего онъ искалъ. Какъ бы много онъ ни успѣвалъ въ теченіе дня, онъ всякій разъ передъ тѣмъ, какъ уйти изъ мастерской, крѣпко сдавливалъ обѣими руками свой пластилинъ и превращалъ всю свою работу въ прежній безформенный глиняный комъ. На слѣдующее утро онъ опять принимался за этотъ комъ; онъ бралъ его въ руки, долго разсматривалъ его, точно стараясь прочесть въ немъ что-то, потомъ вдругъ съ лихорадочною быстротою принимался за работу.

Голова пастуха мѣнялась съ каждымъ днемъ, но форма и выраженіе лица все еще не удовлетворяли Строцци.

Наконецъ, однажды онъ взялъ глину въ руки и долго, долго смотрѣлъ на нее. Онъ не отрывалъ отъ нея глазъ и смотрѣлъ и смотрѣлъ на нее съ неподвижнымъ упорствомъ безумца. Мы ужъ ничего не дѣлали и слѣдили за его взоромъ. Строцци словно отсутствовалъ. Онъ точно въ забытьи проводилъ руками по пластилину,—и пластилинъ мягко поддался, подчинился ихъ прикосновенью. Онъ продолжалъ водить рукою, пуская въ ходъ ладонь и тылъ руки, пальцы, ногти и ни разу не прибѣгая къ инструменту. И изъ-подъ

скользящихъ движеній руки его выступала черта за чертой. Передъ нами выросла худая, изможденная голова съ голымъ теменемъ и съ густыми волосами на затылкѣ, съ широкимъ морщинистымъ лбомъ, нависшими бровями и нѣсколько выдвинутымъ впередъ, полураскрытымъ, алчущимъ, почти не дышащимъ ртомъ,—вотъ она жажда, изнеможеніе, томленье и исполненіе, утоленіе, близость воды! И вдругъ мы видимъ, что старикъ ослѣпъ...

Мы перешептываемся и съ ужасомъ смотримъ въ его незрячіе глаза.

— Нашелъ!—вырвалось у Гужанова.

И изъ этихъ ослѣпшихъ глазъ исходитъ свѣтъ, откровеніе, творчество, гордость обладанія, упоенье побѣды,—онъ искалъ и томился, и нашелъ, и обрѣлъ.

Строцци продолжаетъ лѣпить; линіи скользятъ и вьются, часы летятъ, какъ минуты.

Онъ началъ прилаживать голову къ туловищу и приступилъ къ шеѣ. Изъ глины начали выступать напряженные мускулы, хрупкіе позвонки, и морщинистая кожа,—выраженье изнуренности мелькнуло и запечатлѣлось,—еще двa-три штриха и передъ нами боковые хрящи, гибкіе суставы и—кадыкъ. Мы переглядываемся. Строцци гладитъ рукою глину, словно бархатъ, словно живую и теплую, нѣжную кожу. Онъ какъ будто дрожитъ, и намъ начинаетъ сообщаться его волненье. Онъ нащупываетъ, выводитъ, ловитъ этотъ кадыкъ,—онъ поймалъ его, наконецъ, въ тотъ моментъ, когда онъ вздрагивалъ и сжимался передъ напоромъ перваго утоляющаго глотка. Движеніе это было до того живо, что мы сами начинали испытывать что-то въ родѣ жажды, мы хватаемся за горло, нащупываемъ его, мы сами дѣлаемъ глотательныя движенія.

Такъ вотъ какова ж а ж д а! Въ минуту передъ нами пронеслись всѣ чувства, страданія, томленія человѣка, палимаго жаждой, истерзаннаго одиночествомъ, охваченнаго отчаяньемъ и безнадежной тоской. И вотъ онъ нащупалъ родникъ, онъ вдыхаетъ, ощущаетъ, обоняетъ всю отраду живительной влаги,—и тутъ наступаетъ одно мгновенье, одно короткое и безконечное, обремененное переживаньями мгновенье, когда у самаго края утомленья вдругъ вспыхиваетъ послѣднимъ пламенемъ вся напряженность и страсть ожиданія, изнуряющій зной, пылающій пожаръ всѣхъ чувствъ.

Всѣ объясненія и толкованья становятся лишними,—передъ нами жизнь, жизнь!

— Чувствуешь?—шептали мы другъ другу, чувствуешь?—Но всѣ слова были напрасны,—въ этотъ моментъ всѣ одинаково чувствовали внутренній смыслъ скрываемый за

внѣшнимъ бытіемъ окружающаго насъ міра,—и въ тотъ день мы въ первый разъ ясно поняли, что мы призваны къ творчеству лишь для того, чтобы выявлять эту сокровенную сущность вещей.

Строцци кончилъ. Въ окнахъ пылало солнце, но никто не рѣшался подойти и опустить шторы. Никто не двигался съ мѣста.

Строцци отошелъ назадъ и сталъ разсматривать свою работу; потомъ закрылъ глаза, опять раскрылъ ихъ, опять окинулъ взоромъ свою работу, провелъ нѣсколько разъ рукою по глинѣ, прибавилъ еще нѣсколько штриховъ,—и всѣ сразу убѣдились въ глубокой необходимости этихъ незамѣтныхъ поправокъ.

Онъ стоялъ, погруженный въ себя, никого, повидимому, не замѣчая. Онъ исхудалъ, поблѣднѣлъ, изнемогъ, точно самъ пережилъ только что всѣ терзанія жажды. На лицѣ его отразились всѣ крики, моленія, муки и ликованія, которыя онъ только что изобразилъ. Глаза его были широко открыты и печальны, онъ крѣпко стиснулъ губы. Это были тѣ же губы, которыя раскрывалъ старикъ, чтобы напиться, тѣ же незрячіе глаза, упоенные своей слѣпотой.

Строцци ушелъ.

— Господи, что же надо было пережить для того, чтобы изобразить все это?—спросилъ кто-то.

— Можетъ быть, не больше того, что переживаетъ мальчикъ, когда ему хочется яблока или апельсина,—я прекрасно помню еще, какъ томился я передъ окномъ булочныхъ,—и это желаніе претворилось въ жажду жизни, оно само стало той алчущей жизнью, которая открывается только великимъ художникамъ, одинокимъ путникамъ, безпокойнымъ странникамъ, изнывающимъ страстоборцамъ!—сказалъ Гужановъ.

— Да,—сказалъ учитель.

Мы опять стали разсматривать модель.

— Какъ много чувствуется въ этихъ линіяхъ,—продолжалъ учитель,—тутъ и римляне, и греки, и гиганты Возрожденія, и что-то другое, новое, и все тотъ же древній вѣчный геній!

— Онъ дитя природы, природой благословенный,—заговорилъ опять Гужановъ,—онъ художникъ по инстинкту, и въ то же время онъ—сынъ культуры, наслѣдникъ. Въ немъ слились отзвуки и отраженья и, можетъ быть, судьба сулила ему собрать ихъ въ новый призывъ. Но мнѣ почему-то чудится, что онъ останется наслѣдникомъ и никогда не станетъ родоначальникомъ. Въ подобномъ твореньи таится опасность. Оно слишкомъ законченно, слишкомъ зрѣло. Сумѣетъ ли онъ превзойти его, вырости изъ его предѣловъ? Это первое

и послѣднее, лучшее и худшее его творенье, оно неизмѣнимо, какъ рокъ. Мнѣ вспомнилось почему-то одно русское сказанье. Оно старо, его разсказываютъ еще только одни старики. Среди полуденнаго зноя мчится по степи всадникъ. Чудесный бѣлый конь несетъ его по воздуху, растянувшись по всей дали степи, словно мостъ между однимъ краемъ небесъ и другимъ. У него красныя ноздри и горящіе глаза; копыта его сверкаютъ, какъ бѣлая сталь, и тѣнь его не падаетъ на землю. Изъ-подъ копытъ брызжутъ искры и разсыпаются по равнинѣ, ослѣпляя все кругомъ и все кругомъ обвѣвая дыханіемъ смерти: трава нѣмѣетъ; воздухъ замираетъ и прячется по ложбинамъ; картины на горизонтѣ таютъ, словно убранныя чьей-то незримой и быстрой рукой; все умираетъ и блекнетъ, и люди падаютъ отъ удушливаго зноя и теряютъ сознанье. Но есть одинъ: онъ сохраняетъ всѣ чувства и одинъ можетъ смотрѣть въ глаза этому сказочному всаднику, одѣтому въ красный плащъ и размахивающему обнаженнымъ мечомъ. Если судьба бываетъ милостива, то онъ сейчасъ же затѣмъ умираетъ,—но случается, что онъ остается въ живыхъ, и вся жизнь его проходитъ въ тоскѣ по этому чудесному зрѣлищу,—оно оставляетъ вѣчную жажду въ крови его и вѣчное томленіе въ его душѣ. И долго, долго живетъ онъ въ смятеньи и печали. Боюсь, что очамъ Строцци явился этотъ всадникъ. Во второй же разъ никто его не можетъ увидѣть,—по крайней мѣрѣ, сказанье ничего объ этомъ не упоминаетъ.

— Но жизнь, можетъ быть, благосклоннѣе вашей легенды, Гужановъ,—печально замѣтилъ учитель.—Во всякомъ случаѣ стоитъ очутиться въ числѣ избранныхъ и увидѣть степного всадника. За одно это ужъ стоитъ обречь себя на смерть и на безпросвѣтный мракъ.

— Да ужъ я обрекъ себя,—отвѣтилъ Гужановъ:—право, я до смерти позавидовалъ бы Строцци, если бы не преклонялся такъ передъ нимъ. И не дай Богъ, чтобы слова мои оказались предсказаньемъ!

Въ тотъ день работа не радовала насъ, и мы съ тяжелыми думами разошлись по домамъ. Гужановъ какъ-то такъ проливалъ свѣтъ на вещи, что при этомъ только сдвигались и сгущались тѣни. Тяжелая, жуткая тоска исходила изъ его предсказаній.

V.

Модель Строцци была отлита въ гипсѣ, и надо было приступать къ окончательной работѣ. Строцци находилъ, что

лучше всего было бы всю ее изваять въ мраморѣ. Учитель былъ другого мнѣнія. Онъ находилъ, что колодецъ долженъ быть высѣченъ изъ гранита или сѣраго песчаника, а старикъ—изъ пестраго или, пожалуй, краснаго мрамора. Строцци настаивалъ на томъ, что все должно быть сплошь изъ каррарскаго мрамора. Учитель находилъ, что для подобнаго сюжета это былъ бы слишкомъ утонченный, женственный, изысканный матеріалъ. Строцци утверждалъ, что всякій другой матеріалъ будетъ грубъ, неуклюжъ, невыразителенъ, бездушенъ.—Здѣсь одинъ только мраморъ и мыслимъ,—пояснялъ онъ,—для колодца хорошо бы взять сѣроватую тѣнь, для старика чуть-чуть желтоватую. Пусть будутъ прожилки; кажется, что къ пастуху моему лучше всего подошли бы черные или желтые прожилки, только безъ краснаго отлива. Лучше всего было бы, если бы удалось достать все это въ одномъ кускѣ, но это непремѣнно долженъ быть мраморъ.

Такъ онъ и настоялъ на своемъ. Начались работы; учитель тщательно и любовно наблюдалъ за ними. Строцци послушно слѣдовалъ его указаніямъ. Онъ скоро замѣтилъ, что рѣзецъ далеко не такъ податливъ и гибокъ, какъ его пальцы, и что жесткій камень гораздо своевольнѣе и упрямѣе, чѣмъ глина, и не всегда повинуется его рукѣ. Зато учитель, играя, владѣлъ рѣзцомъ и оставался на высотѣ искусства даже тогда, когда онъ во всемъ подчинялся идеѣ Строцци. Всему, что Строцци удавалось изобразить въ мраморѣ, учитель придавалъ особую выразительность, четкость и цѣльность, тщательно отдѣлывая каждую деталь и выдѣляя все твореніе во всей его полнотѣ. Строцци усердно работалъ. Онъ началъ свободнѣе изъясняться по-французски, становился все общительнѣе и разговорчивѣй и порою даже принималъ участіе въ нашихъ развлеченіяхъ. Впрочемъ, о себѣ онъ не говорилъ никогда, и мы ничего не знали о его личной жизни.

Работа его медленно двигалась впередъ. Онъ научился владѣть рѣзцомъ, но у него не хватало выдержки и терпѣнія, и онъ быстро уставалъ. Иногда онъ говорилъ, что ему хотѣлось бы перейти къ новой работѣ въ глинѣ. Обработка первой модели отымала слишкомъ много силъ, связывала и подавляла въ немъ тысячи новыхъ идей. Онъ хотѣлъ поручить работу мраморщику и заняться потомъ лишь ея окончательной отдѣлкой. Но учитель настаивалъ на томъ, чтобы Строцци все выполнилъ самъ. Онъ говорилъ, что искусство не можетъ ограничиться однимъ только полетомъ фантазіи, что оно требуетъ раньше всего энергіи исполненія, умѣнія довести до конца. Искусство есть трудъ и требуетъ труда. Кто самъ тесалъ свой камень, высѣкалъ форму изъ безформен-

ной глыбы; кто видѣлъ, какъ шагъ за шагомъ выростаетъ изъ мрамора образъ, и кто вложилъ себя въ мельчайшую линію, въ мельчайшую извилину, въ мельчайшій штрихъ,—кто чувствуетъ творящую мысль во всѣхъ деталяхъ своего произведенія,—только тотъ можетъ извѣдать чувство роста, любовь и сладострастіе творчества, гордость и самосознаніе творца. Только постоянная упорная борьба съ матеріаломъ, только привычка самостоятельно превозмогать всю тяжесть и всѣ мельчайшія трудности скульптурной работы,—могли сообщить нашимъ старымъ мастерамъ то чувство самосознанія, ту силу сопротивленія, съ которой они открыто выступали передъ всѣми папами и государями, передъ всѣми сильными міра сего,—только благодаря цѣльности и упорству труда выросли эти цѣльные, крѣпкіе люди, не знающіе надъ собой никакой другой власти, кромѣ велѣній своей собственной воли.

Но, несмотря на всѣ эти доводы, Строцци замѣтно изнемогалъ. Онъ начиналъ впадать въ уныніе, въ немъ появилось что-то болѣзненное, надломленное. Съ каждымъ днемъ онъ становился недовольнѣе и апатичнѣй. Иногда онъ какъ-будто оживлялся, рѣзецъ его начиналъ быстрѣе стучать, но скоро изъ груди его вырывался вздохъ, и тутъ же прекращались и звуки рѣзца.

Насъ порою охватывала безудержная, юная веселость, но онъ всегда оставался угрюмымъ и безучастнымъ. Ни просьбами, ни насмѣшками, ни убѣжденіями не удавалось вывести его изъ этого оцѣпененія. Мы, наконецъ, стали упрашивать учителя, чтобы онъ посовѣтовалъ ему приняться за новую работу; тотъ такъ и сдѣлалъ, и Строцци съ явной радостью ухватился за его предложенье. Но радость его продолжалась недолго. Онъ бросался съ одного предмета на другой, метался изъ стороны въ сторону, потомъ опять хватался за рѣзецъ, стучалъ по покинутому мрамору и опять бросалъ старое, начиналъ новое, набрасывался сразу на множество сюжетовъ, и все лихорадочно, безпокойно, безъ всякой выдержки, безъ всякаго плана.

Онъ становился все сумрачнѣе. Онъ старался не высказывать своихъ настроеній, но видно было, какъ онъ страдаетъ. Душа его металась и трепетала; онъ, повидимому, проводилъ ночи въ ужасныхъ терзаніяхъ. Слѣды безсонницы и изнуренія отразились на лицѣ его, отъ всей его фигуры вѣяло какимъ-то безсиліемъ, глаза потускнѣли и устали. Въ такомъ состояніи онъ каждый день являлся въ мастерскую, и съ каждымъ днемъ видъ его становился все безнадежнѣе и тревожнѣе.

Онъ уже не подходилъ больше къ своему первому, недавно еще такъ восхитившему насъ творенью. Мраморная глыба, покинутая и запыленная, лежала въ углу. Учитель съ болью и жалостью смотрѣлъ на него, но не говорилъ ни слова. Всѣ ждали, что будетъ.

Настало жаркое парижское лѣто. Днемъ воздухъ какъ бы сдвигался и, ослѣпляя глазъ и застилая взоръ, подымался къ самому небу въ зыбко-сверкающихъ клубахъ. Но ночи были изумительно ясны. Земля, точно освобожденная отъ удушливаго дня, была преисполнена мира. Новые голоса оживляли ее: въ травѣ заливался коростель, въ камышахъ трещала выпь, но всѣ звуки только оттѣняли глубокую тишину іюльской ночи. Далеко кругомъ разливалось сіянье смѣющейся луны и колыхалось въ прозрачныхъ туманахъ и въ нѣжныхъ, струящихся ароматахъ; по землѣ стлались тѣни и сливались въ причудливыя сплетенья, и призраки, и привѣтные и жуткіе, просыпались и выходили изъ туманной дали полей, изъ росистаго блеска луговъ, изъ мглистыхъ рощъ, зеркальныхъ рѣкъ и безмолвныхъ озеръ.

Мы рѣшили провести въ лѣсу цѣлую ночь; Гужановъ успѣлъ уже облюбовать для насъ живописный уголокъ. Это была тихая, отдаленная лѣсная поляна на холмѣ, — вдали тающими точками мерцали городскіе огни, и при свѣтѣ луны мелькали дикія козы. Лучшаго мѣста нельзя было и придумать.

Собрались все художники со своими натурщицами и друзьями,—все необузданная, рѣзвая молодежь, готовая отдаться минутѣ радости и веселья. Каждый вносилъ что-нибудь свое въ общій радостный тонъ, сочиняя какую-нибудь новую выходку, игру или затѣю. На деревьяхъ развѣшаны были пестрые фонари, сквозь вѣтви свѣтились звѣзды, и луна обливала насъ своимъ сіяньемъ. Мы плясали, рѣзвились и пили и пѣли, играли и любовались игрою другихъ, смѣхъ не смолкалъ и доносился въ глубокихъ раскатахъ мужскихъ и въ жемчужныхъ треляхъ женскихъ голосовъ. И среди смѣха, возгласовъ и ликованій все также невозмутимымъ оставалось дремотное спокойствіе ночи.

Намъ удалось зазвать съ собой и Строцци; онъ даже какъ будто слѣдовалъ общей программѣ праздника, но какъ-то ужасно безучастно и равнодушно. Видно было, что никто и ничто не занимаетъ и не захватываетъ его. Даже женщины.

Настала полночь и разостлала покровъ своихъ тайнъ. Всѣ какъ-то присмирѣли и задумчиво разлеглись по землѣ. Минуту всѣ молчали и не трогались съ мѣста; всѣ благоговѣйно прислушивались къ шопотамъ ночи и къ звукамъ

лѣсной тишины. Но молчанье продолжалось недолго, и понемногу снова стали раздаваться голоса.

Строцци сидѣлъ на пнѣ, весь погруженный въ свои думы. Кто-то вдругъ спросилъ его, о чемъ онъ думаетъ. Мы насторожились; всѣмъ интересно было знать, отвѣтитъ ли Строцци на этотъ вопросъ.

— Я думаю объ одномъ своемъ родственникѣ,—отвѣтилъ онъ,—о художникѣ Витторіо Строцци. Онъ началъ писать Мадонну, и все было уже почти готово, но выраженіе глазъ и рта все еще не удовлетворяло его,—и въ одинъ прекрасный день Строцци ушелъ въ Кампанью и больше никогда уже не возвращался. Его картина такъ и осталась неоконченной, и самъ онъ, должно быть, погибъ. О немъ-то я и вспомнилъ теперь.

Слова эти были сказаны такимъ тономъ, что мы долго не могли вернуться къ нашимъ прежнимъ шуткамъ и забавамъ. Мы медленно, словно украдкой, подхватывали нити нашихъ прежнихъ разговоровъ; потянулись разсказы. Кто-то вспомнилъ о Клариссѣ,—натурщицѣ Клариссѣ, которая никогда не смѣется. Исторія ея была, должно быть, очень замѣчательна, хотя никакихъ исторій никто за ней не зналъ. Она была цѣломудренна, какъ свѣча, и опасна, какъ блуждающій огонь; что-то непонятное, влекущее и недоступное, притягивающее и отталкивающее было во всемъ ея существѣ. Въ ея жилахъ текла горячая кровь, и въ то же время казалось, что она изваяна изъ холоднаго камня, и, какъ мраморъ, холодно было ея сердце. Говорили, что такою сдѣлала ее ея мать, которая намѣренно душитъ въ ней все живое и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ни одно чувство въ ней не проснулось.

— Не думаю, чтобы были такія силы, которыми можно задушить живую, рвущуюся жизнь,—вмѣшался въ разговоръ Гужановъ,—задушить можно развѣ только какой-нибудь слабо тлѣющій огонекъ, да и тотъ, вѣрнѣе всего, угаснетъ естественной смертью отъ собственной своей немощи. Что же касается Клариссы...

Онъ не договорилъ и замолчалъ. Мы такъ и не узнали, что онъ хотѣлъ сказать о Клариссѣ, и разговоръ перешелъ на другую тему. Но черезъ нѣсколько минутъ Гужановъ снова овладѣлъ разговоромъ и вновь замелькали предъ нами его русскія фантазіи:

— Пестрые и мятежные образы мелькаютъ въ нашихъ русскихъ степяхъ. Они выплываютъ и таютъ, какъ игра лучей, отраженныхъ въ водѣ, какъ бѣгущія облака. Все въ нихъ призрачно и обманчиво, и все въ нихъ притягиваетъ и влечетъ. Эти образы навѣки приковали къ себѣ сердца

наши; пока они видятся, людямъ у насъ кажется, что вся ихъ жизнь полна красоты и значенія. Но вотъ наступаетъ Троицынъ день, и степь становится опасной и страшной. Говорятъ, что въ этотъ день она безмолвна, какъ смерть; говорятъ, что она исполнена звуковъ. Люди будней и сумрака, тупые и безславные, вѣчно трепещущіе, вѣчно шепчущіе предостереженья отцовъ, прячутся по домамъ, лепечутъ молитвы, запираютъ двери, залѣзаютъ на чердаки, заползаютъ въ погреба. Но есть другіе, чуткіе, славные, призванные; ихъ еще ночью будитъ говоръ степи, — и въ полдень, когда останавливается время, и все кругомъ замираетъ, она ихъ однихъ влечетъ, и тянетъ, и зазываетъ. Они переживаютъ то, чего никто до нихъ никогда еще не переживалъ, передъ ними раскрываются всѣ тайники, духъ вселенной говоритъ съ ними, и воля ихъ испаряется,—невѣдомыя силы управляютъ ихъ жизнью. Но опасность подстерегаетъ ихъ,—есть одно мѣсто въ степи, гдѣ надо сохранить всѣ силы самосознанья, гдѣ самозабвенье и упоенье становится гибельнымъ, гдѣ нужно дѣйствовать силою, волей, яснымъ и твердымъ сознаніемъ цѣли. Здѣсь исчезаетъ хранительная рука, а кто самъ не умѣетъ отстаивать себя и прокладывать себѣ дорогу, тотъ немедленно гибнетъ, и имя его предается забвенью. Степь это жизнь, и тотъ, кто призванъ къ ней, становится великимъ, если у него хватаетъ силы, или погибаетъ, если оказывается слишкомъ слабымъ.

Гужановъ замолкъ.

— Когда ты вернешься въ свои степи, Гужановъ, возьми съ собой и меня,—сказалъ кто-то.

— Возьму, да только выдержишь ли ты?

Всѣ почему-то оглянулись на Строцци. Онъ все еще сидѣлъ на томъ же пнѣ, закрывъ лицо руками въ какомъ-то странномъ забытьи. Какая-то глубокая, замирающая тишина окружила насъ на мгновенье: казалось, что былинки притаились, и листья на деревьяхъ оцѣпенѣли. Каждый шорохъ, доносящійся до насъ, звучалъ, какъ вздохъ и стонъ въ этой безмолвной тишинѣ, и мы невольно озирались на Строцци, точно это онъ оглашалъ воздухъ вздохами и стенаньемъ.

— Такъ вотъ почему Витторіо Строцци ушелъ въ Кампанью,—сказалъ онъ.

— И погибъ,—безжалостно прибавилъ Гужановъ.

— И я... тоже... не могу больше,—простоналъ Строцци.

Потомъ онъ всталъ, усталый и разбитый, и ушелъ, исчезая въ черномъ сумракѣ лѣса. Мы съ болью смотрѣли ему вслѣдъ, но, когда онъ ушелъ, всѣ какъ-то почувствовали себя свободнѣе и непринужденнѣе.

VI.

Въ эту ночь Строцци исчезъ, и съ тѣхъ поръ мы его долго не видали. Онъ не приходилъ и въ мастерскую. Но и учитель и всѣ мы съ какой-то постоянной и терпѣливой увѣренностью ждали, что вотъ-вотъ откроется дверь, и Строцци появится на порогѣ нашей мастерской.

Никто изъ насъ не дотрагивался до его глины, и она лежала въ углу запыленная, растрескавшаяся, пересохшая; тутъ же стояла модель колодца и рядомъ съ ней незаконченный мраморъ. И когда мы смотрѣли въ этотъ уголъ, намъ казалось, что Строцци долженъ придти и закончить свою работу. Не смотря на то, что онъ всегда былъ неразговорчивъ и молчаливъ, его отсутствіе чувствовалось постоянно. Намъ чего-то безъ него не хватало. Иногда мы откладывали свою работу, снимали чехолъ съ работы Строцци и долго, долго смотрѣли на нее. Отъ нея вѣяло печалью и скорбью, точно отъ старыхъ руинъ, окруженныхъ тайною былыхъ великолѣпій и навѣвающихъ дремотныя и тихія мечтанья,—мечтанья, которыя охватываютъ потомъ всю нашу жизнь мягкой, щемящей, почти непреодолимою грустью. Точно вечеръ спускался надъ нами и наполнялъ наши души тяжелыми, оборванными отзвуками невозвратнаго прошлаго. И при всемъ томъ мы все еще продолжали надѣятся, что Строцци еще придетъ къ намъ заканчивать свое творенье, и мы старались не замѣчать, что въ твореніи этомъ уже чувствуется дыханіе прошлаго и вѣянье разрушенія.

— Природа проявляетъ иногда какую-то непонятную жестокость,—сказалъ какъ-то Гужановъ,—она заглушаетъ самые благопріятные родники свои, лишая ихъ питанья и преграждая имъ всякій путь къ жизни и свѣту. Иные такъ и изсякаютъ, нѣжные и слабые, прожурчавшіе въ лѣсной прохладѣ и тутъ же замолкшіе на всегда. Иные спасаетъ какой-нибудь любитель лѣсной тишины; онъ открываетъ ихъ нѣжныя, пугливо и робко сочащіяся воды и пропускаетъ ихъ въ зеленый и мшистый бассейнъ,—бабочки слетаются пить его воду, и вокругъ нея распускаются росистые цвѣты, упиваясь ея прохладой и влагой. Но есть еще другіе родники; они не созданы для забавы, и забава къ нимъ не пристала. Они сильны и могучи въ самомъ первоисточникѣ своемъ и растутъ и крѣпнутъ въ борьбѣ. Они пробиваютъ землю, которая сомкнулась надъ ними и прорываются къ свѣту; они благотворны и полны благодати и несутъ отраду всѣмъ, кто ищетъ ея.

Таковы же и люди. Дома я часто встрѣчался съ однимъ

старикомъ, который лечилъ внушеньемъ людей и животныхъ. Онъ пользовался у насъ огромнымъ почетомъ. И часто, когда больные просили его предсказать имъ ихъ судьбу, онъ говорилъ имъ:—Будьте, какъ сильные; вамъ дано больше, чѣмъ вѣдомо вамъ самимъ, и жизнь всегда повинуется тѣмъ, кто самъ повинуется жизни.

По обыкновенію, мы и теперь не знали, какъ относиться къ Гужанову. Мы то въ самомъ дѣлѣ видѣли въ немъ какого-то пророка, то онъ начиналъ казаться намъ просто фразеромъ, и мы втихомолку подсмѣивались надъ нимъ. Какъ и всегда, дѣло кончалось тѣмъ, что его настроенія овладѣвали нами, и всѣ насмѣшки и сомнѣнья почему то испарялись. Онъ, повидимому, догадывался о нашихъ сомнѣніяхъ и старался заставить насъ понять себя. Онъ много разсказывалъ о себѣ; онъ пережилъ тяжелое дѣтство и много перестрадалъ, онъ рано былъ предоставленъ самому себѣ и научился быть наединѣ съ природой.

— Въ то время я часто встрѣчался со старыми людьми,—разсказывалъ онъ,—я съ благоговѣньемъ впитывалъ въ себя ихъ старческую умудренность, которая кажется вамъ прозорливостью. Право, каждый можетъ стать такимъ же прозорливцемъ, если только попытается глубже вникнуть въ жизнь и въ связь между явленіями ея. Я научился разсматривать каждый предметъ въ его общей, такъ сказать, міровой связи; вы не можете себѣ представить, какъ это изощряетъ чувство и умъ. Къ тому же я усвоилъ себѣ дурную привычку говорить всегда притчами и сравненіями; можетъ быть, это подчасъ придаетъ моей рѣчи комическую высокомѣрность, и я нисколько не удивляюсь, если вы будете подсмѣиваться надо мною, но часто, только благодаря этой „высокопарности“, я получаю возможность выражать и развивать свои мысли. Право, я такой же человѣкъ, какъ и вы, и не больше вашего знаю. Знаю только, что этому бѣдному Строцци наша помощь нисколько ненужна. Онъ или самъ найдетъ въ себѣ нужныя силы или встрѣтитъ помощь тамъ, гдѣ никто изъ насъ ея не ожидалъ, или... или погибнетъ. Запомните мое слово, господа, и—кто знаетъ?—можетъ быть, надежда, которую я вкладываю въ него, одаритъ его пророческою силой. Поживемъ—увидимъ.

VII.

Строцци, повидимому, прятался. Онъ съѣхалъ со своей квартиры неизвѣстно куда. Мы не разъ пробовали искать его въ разныхъ трущобахъ; иногда мы внезапно пускались въ поиски, Богъ знаетъ куда, или шли домой кружнымъ

путемъ, втайнѣ надѣясь набрести на его слѣдъ. Никому почему-то не приходило въ голову, что онъ могъ уѣхать; всѣ мы почему-то не сомнѣвались въ томъ, что онъ скрывается гдѣ-нибудь по близости отъ насъ. Намъ часто казалось даже, что между нимъ и Гужановымъ существуютъ какія-то тайныя связи, что Гужановъ знаетъ, гдѣ онъ, или, по крайней мѣрѣ, сумѣетъ его отыскать. Но, какъ и всегда, это наше убѣжденіе не имѣло никакого основанія, и Гужановъ терялся вмѣстѣ съ нами въ догадкахъ на счетъ Строцци.

Мѣсто Строцци все еще оставалось незанятымъ.

Но вотъ однажды пришла къ намъ Кларисса. Мы были не мало удивлены. Всѣ мы знали ее лично; она позировала чуть ли не всѣмъ скульпторамъ, ее брали прямо-таки съ боя и платили ей дороже, чѣмъ всѣмъ. Только намъ никакъ не удавалось зазвать ее къ себѣ, и безъ всякихъ объясненій она отклоняла всѣ наши предложенія.—Сама ужъ не знаю, почему,—говорила она,—а только къ вамъ не пойду ни за какія блага.

Я упоминалъ ужъ о Клариссѣ,—она ни въ чемъ не походила на другихъ натурщицъ. Особенно поражала ея неслыханная для натурщицы недоступность: она позировала, какъ статуя, и упорно отклоняла всѣ попытки сближенія. Тѣло ея было бѣло какъ мраморъ, и какъ мраморъ холодна была ея душа, и такъ же жутко было въ душѣ ея, какъ во взглядѣ ея черныхъ глазъ; говорили, что подъ рѣсницами ея таится гибель, и она знаетъ это и никогда не подымаетъ ихъ, чтобы не погубить невинныхъ.

О ней ходили странные разсказы. Мать ея была загадочная женщина. Въ чувствѣ, которое она питала къ дочери, было что-то очень своевольное и жестокое, какъ въ чувствѣ властелина къ своей креатурѣ. Говорили, что между нею и дочерью идетъ глухая и упорная борьба, что борьба эта питается каждой попыткой Клариссы сохранить свою волю. Особенно обострилась эта борьба теперь, когда Кларисса изъявила желаніе оставить профессію натурщицы и заняться скульптурой. Мать сама въ молодости была натурщицей. Ея изваяніе красуется теперь на одномъ изъ знаменитѣйшихъ памятниковъ Парижа. Творецъ этого памятника былъ отцомъ Клариссы. Легенда прибавляла еще, что и нашъ учитель также былъ сынъ того же отца, и что потому-то Кларисса такъ упорно отказывается позировать въ нашей мастерской. Говорили, что отецъ Клариссы гнуснѣйшимъ образомъ бросилъ ея мать, когда узналъ о ея положеніи, и всѣ угрозы и мольбы ея оставались безуспѣшны. Можетъ быть. онъ въ концѣ концовъ откупился отъ нея, но, во вся-

комъ случаѣ, извѣстно, что съ тѣхъ поръ вся ея жизнь прошла въ непрерывной борьбѣ: нужда неотступно преслѣдовала ее, а месть и злоба разъѣдали ея душу. Радость и веселье на всю жизнь покинули ее; все въ ней какъ-то очерствѣло, ожесточилось. Въ противоположность всѣмъ другимъ натурщицамъ, она никакъ не могла и не хотѣла примириться со своимъ положеніемъ. Она проклинала эту жизнь, растущую въ ея чревѣ; она хотѣла уже въ чревѣ своемъ вырвать изъ груди этого нежеланнаго ребенка всѣ человѣческія чувства и, главное, всѣ женскія чувства. Она не унималась, она всѣми силами пыталась заворожить его судьбу. И вотъ, когда наступали лунныя ночи, она выходили на площадь, гдѣ стоялъ роковой монументъ, на которомъ красуется ея нагое тѣло, и по цѣлымъ ночамъ не сводила съ него глазъ; ей чудилось, что холодъ мрамора проникаетъ въ плоть и кровь ея будущаго ребенка и заморозитъ въ немъ сѣмя всѣхъ его чувствъ и желаній. Въ ту ночь, когда она почувствовала приближеніе родовъ, она собрала послѣднія силы и побѣжала къ памятнику, чтобы ребенокъ не успѣлъ ускользнуть отъ чаръ ея проклятій: лучи мѣсяца скользили съ холоднаго камня памятника, и изступленная женщина молила ихъ перенести въ ея чрево всю безчувственность и всю дивную красоту мраморнаго изображенья. Она предчувствовала, что ребенокъ будетъ дѣвочкой, и она хотѣла сдѣлать ее прекрасной,—прекрасной и бездушной,—на гибель мужчинамъ.

Такъ родилась Кларисса, бездомная, проклятая, отверженная. Она выросла,—тѣло ея было бѣло, какъ мраморъ изваянья, которому молилась ея мать; вѣянье безсмертной красоты отражалось въ глазахъ ея, и во взглядѣ ихъ было что-то сказочное и роковое. Таковъ былъ, вѣрно, взглядъ ея матери, когда, уже терзаемая муками родовъ, стояла она передъ своимъ изваяньемъ и лихорадочно и изступленно шептала послѣднія проклятія и заклинанья. Были люди, которые всю жизнь не могли забыть взгляда Клариссы, и художники, запечатлѣвшіе его въ своихъ произведеніяхъ, нерѣдко были обязаны ей свой славой.

Въ натурщицы Кларисса пошла очень рано. Мать постарѣла отъ времени и жила почти исключительно одними только заработками Клариссы. Она скоро поняла цѣну своей дочери, поняла, что ее будутъ брать съ боя, что безъ нея не обойдется ни одна студія. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, пока случай не открылъ въ самой Клариссѣ художественнаго дара. Она часто играла сырой глиной и на манеръ дѣтей лѣпила изъ нея всякія фигуры; мало-по-малу, незамѣтно для нея самой, игра эта превратилась для нея въ потребность и привычку. Ею заинтересовались, совѣтовали ей

учиться, и она поступила въ мастерскую. Дѣло не обошлось безъ борьбы: мать поняла, что тутъ что-то ускользаетъ изъ ея власти, и всѣми силами старалась сломить рѣшеніе Клариссы; но въ концѣ концовъ ей пришлось уступить. Она утѣшала себя надеждой, что во всѣмъ остальномъ Кларисса все-таки остается въ ея власти; но за первымъ шагомъ послѣдовалъ и второй; Кларисса пришла въ нашу мастерскую.

Привелъ ее Гужановъ. Онъ еще наканунѣ показывалъ учителю ея работы и уговорилъ принять ее въ свою мастерскую. Теперь онъ, никого не спрашивая, подвелъ ее къ мѣсту Строцци.

— Здѣсь ты будешь работать, Кларисса,—сказалъ онъ.

На учителя Кларисса не обратила никакого вниманія. Она какъ-то смотрѣла мимо него, точно ей до него не было никакого дѣла. И онъ какъ-то безпрекословно подчинился ея тону.

— Вы хотите работать у меня?—смущенно пробормоталъ онъ.

— Да, если можно.

— Пожалуйста,—растерянно отвѣтилъ онъ,—это мѣсто Строцци; можете занять его, Кларисса.

Такъ съ перваго дня установились ихъ отношенія. Но въ мастерской нашей воцарилось какое-то новое, особенное настроеніе, какъ будто никогда и не слышалось въ ней ни болтовни, ни шума; всѣ мы ходили точно на цыпочкахъ и говорили тихими голосами и изысканными выраженіями.

VIII.

Кларисса работала въ нашей студіи. Она лѣпила все тѣ же маленькія фигурки, въ которыхъ, казалось, было больше прихоти, чѣмъ собственно творчества. Она какъ-будто все еще играла, и все, что ни выходило изъ рукъ ея, носило характерныя черты игрушки, миніатюры. Никогда ничто стихійное не прорывалось въ ея работѣ; она не вылѣпила ни одной женской фигуры, ни одной нагой, чувственной формы; все было окутано, одѣто, привязано къ быту. Зато она обнаружила несомнѣнную наблюдательность, и въ позахъ, въ жестахъ, въ одеждѣ ея миніатюрныхъ человѣчковъ, въ томъ, какъ сидѣли шляпы на ихъ головахъ, или торчалъ подъ мышкою зонтикъ, улавливалось много живыхъ, типическихъ чертъ; черезъ все проходила легкая струйка незлобивой, соболѣзнующей иронии, но ни въ чемъ нельзя было найти какой-нибудь руководящей идеи. Вся ея сила и оригинальность заключались только въ этихъ тщательныхъ подробностяхъ миніатюры.

Въ ея работахъ проявлялось то, что нашъ учитель называлъ „мелкимъ горизонтомъ“. Она какъ бы не подымалась надъ духовнымъ уровнемъ натурщицы, не вышла еще изъ узкихъ рамокъ быта и среды; она не взглянула еще въ лицо мірозданію, не томилась тоской по его тайнамъ, не искала его образовъ; она не проникала еще въ сущность вещей, а только разглядывала ихъ съ ребяческимъ любопытствомъ; общій размахъ жизни проносился мимо нея, и она успѣвала схватывать только отдѣльныя мелочи и детали. Отсутствіе широкихъ общихъ горизонтовъ у подобнаго рода людей часто прямо-таки способствуетъ тому, что имъ удается добиться изумительнаго мастерства и совершенства въ области своего маленькаго и частичнаго дарованья. И это совершенство мелочей вызываетъ часто у зрителя самыя смѣлыя толкованья, въ нихъ вкладывается какой-то особенный смыслъ и открывается какая-то невѣдомая идея. Очень ужъ соблазнительно открывать геніевъ и прорицать великую будущность, да вдобавокъ еще упиваться своимъ собственнымъ даромъ проникновенія!

Въ такихъ открытіяхъ и толкованіяхъ немало можно было изощряться на работахъ Клариссы. Что-то, несомнѣнно, въ ней было и, если отецъ ея, дѣйствительно, былъ также и отцомъ нашего учителя, то она, навѣрное, унаслѣдовала отъ него артистическую жилку; но струя материнской крови какъ бы втянула ее въ узкій, скованный кругъ, въ которомъ Кларисса пріобрѣла свою маленькую оригинальность и — свою немощь.

И у насъ въ мастерской оказались свои толкователи. Они приходили въ неистовый восторгъ отъ каждой работы Клариссы, увѣряли, что въ нихъ таится неслыханно глубокій смыслъ, и что другіе просто не доросли до пониманья подобныхъ глубинъ. „Другіе“, нимало не смущаясь, продолжали настаивать на томъ, что тутъ просто не о чемъ и спорить: въ лучшемъ случаѣ они называли произведенія Кларисы „интересной ненужностью“, а въ пылу полемики клеймили ихъ, какъ порожденія безсилія и дилеттантства.

Но и критики и поклонники Клариссинаго дарованья одинаково находились подъ обаяньемъ личности ея. Своеобразность отношеній, установившихся между учителемъ и ею, создавала въ нашей мастерской какое-то особенное, сдержанное настроеніе; изъ ея наружности, изъ всего ея существа исходило неотразимое очарованье. Но особенно очаровывала въ ней какая-то необычайная способность отдаваться созерцанію твореній искусства. Очаровывали не слова, которыя она при этомъ говорила, а какой-то изумительный

подъемъ всего ея существа, какое-то внутреннее преображенiе, экстазъ, который охватывалъ ее цѣликомъ и поглощалъ всю безъ остатка.

Никогда не забуду того дня, когда Гужановъ въ первый разъ показалъ ей произведенiе Строцци. Онъ сдѣлалъ это со своей обычной торжественностью, но уже всѣмъ настроенiемъ минуты завладѣло благоговѣйное ожиданiе Клариссы.

— Тамъ, гдѣ ты стоишь теперь, Кларисса, работалъ до тебя невѣдомый намъ странникъ; теперь онъ покинулъ насъ, и мы всѣ его ищемъ и ждемъ. Ты увидишь, что онъ намъ оставилъ, и ты поймешь, чѣмъ онъ былъ для насъ всѣхъ.

Съ этими словами онъ сдернулъ чехолъ съ работы Строцци.

Кларисса отшатнулась, какъ въ испугѣ.

Мы съ изумленiемъ смотрѣли на нее.

Казалось, что она стала еще бѣлѣе и порзрачнѣе прежняго, глаза ушли еще глубже, и руки стали выразительнѣе и гибче.

Тысячи вопросовъ зашевелились въ каждомъ изъ насъ.

Она скрестила руки и медленно поднесла ихъ къ груди. Она вся растворилась въ умиленьи.

Ея почти всегда опущенныя вѣки раскрылись медленно и робко, и глаза сiяли влажнымъ и лучистымъ свѣтомъ, точно глубокiе, темные родники, поглощающiе жгучее благоуханiе огненныхъ лепестковъ.

Она тяжело вздохнула, потомъ подошла къ изваянiю и стала гладить его тихо и нѣжно, точно живое.

Тысячи образовъ пронеслись передъ нами: лунныя ночи, бѣлоснѣжный мраморъ среди безлюдныхъ, спящихъ улицъ, обезумѣвшая мать, неистовствующая передъ своимъ изображенiемъ, — и каждый образъ этой странной легенды выступалъ передъ нами такъ ярко, точно мы извлекали его изъ собственныхъ воспоминанiй.

— Въ этомъ мраморѣ точно звучитъ чей-то голосъ, — чуть слышно заговорила Кларисса, — тихiй, тихiй, слабый и протяжный голосъ, — я все слышу его, онъ тянется, тянется, замираетъ и все не смолкаетъ.

Тутъ мы только замѣтили, что глаза ея наполнились слезами.

Гужановъ снова затянулъ чехолъ.

— Теперь ты знаешь, Кларисса, кто такой Строцци.

— Да; онъ, вѣрно, хорошiй, — съ какимъ-то дѣтскимъ испугомъ промолвила она.

Съ тѣхъ поръ никто изъ насъ не сомнѣвался больше въ томъ, что кровь великаго художника течетъ въ ея жилахъ.

IX.

Осень высосала послѣдніе соки лѣта, устало проползли короткіе зимніе дни, и вотъ весна снова размѣстилась по всѣмъ угламъ и закоулкамъ и все кругомъ расписывала своей пестрою кистью.

Мы открыли, что Кларисса почти не умѣетъ читать и писать, и это открытіе глубоко заинтересовало насъ, какъ все, что касалось Клариссы. Все въ ней было окутано тайной, и каждая вѣсть, доносящаяся изъ ея загадочнаго міра, подымала все море этой тайны и охватывала волненьемъ неизвѣстности. И мы снова перебирали въ памяти все то, что знали и слышали о ней, подкрѣпляли новыми разсказами, разукрашивали новыми чудесами,—и въ сотый разъ возвращались къ тому, что казалось намъ загадочнѣй и непонятнѣе всего,—къ невѣдѣнью, къ нетронутости Клариссы. Она, повидимому, все еще оставалась погруженной въ дѣтство, и ей совершенно чуждо было всякое чувство любви.

Это невѣдѣнье, эта дѣтская нетронутость души всегда сообщала ея отношеніямъ къ людямъ простой, непринужденный, сердечный и дружественный тонъ, всегда одинаково ровный, какъ бы ни была опасна окружающая среда, — а атмосфера, окружающая Клариссу, атмосфера мастерской, натурщицъ и аристократической вольности была, дѣйствительно, опасна.

— Да живетъ ли она въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ какъ-то одинъ товарищъ.

Въ самомъ дѣлѣ, дыханье жизни какъ будто не коснулось ея, и страсти, одолѣвающія людей ея среды, не отразились на ней ни мимолетнбю тѣнью.

Все это сильно возбуждало нашъ интересъ. Что-то влекло насъ къ Клариссѣ, и въ то же время мы чувствовали, что какая-то стѣна стоитъ между нами; мы старались сблизиться съ ней и невольно робѣли передъ нею. Уважали ее всѣ безъ исключенья, многимъ же она внушала почти благоговѣнье.

Отъ самой Клариссы нельзя было добиться никакихъ признаній. Не то, чтобы она сознательно избѣгала откровенности, но она сама какъ-будто не вынесла никакого впечатлѣнія о своей жизни, точно въ ней не было центра, въ которомъ скопляется содержаніе жизни, и вокругъ котораго группируются событія и воспоминанія; она жила какъ-то въ сторонѣ отъ жизни, безпечно, почти поверхностно, безъ думы, безъ вчерашняго дня, неземная, но не надземная,—ибо отъ земли не уносило ее никакое стремле-

нье,—но внѣземная, безъ всякаго отношенія къ жизни, безъ воли и сознанья.

Отъ нея самой мы узнали только, что она, какъ и всѣ мы, посѣщала въ дѣтствѣ школу. Однако школа, какъ видно, прошла мимо ея сознанія; она какъ-будто не одолѣла даже самыхъ первыхъ уроковъ. Грамота какъ-то не пустила въ ней всходовъ; она оставалась безучастной ко всѣмъ этимъ загадкамъ, ко всѣмъ этимъ чуждымъ, невозможнымъ, невѣроятнымъ вещамъ, въ которыя школа заставляла ее вѣрить. Она и тутъ оставалась въ сторонѣ отъ жизни и, можетъ быть, проспала всѣ свои школьные годы.

Случалось, однако, что какое-нибудь ничего не говорящее, мимолетное впечатлѣніе, на которое никто изъ насъ не обращалъ никакого вниманія, пробуждало въ ней какія-то чувства, которыя сама она давно уже считала на вѣки заглохшими и забытыми. Иногда переживанія, которыя прорывались въ этихъ воспоминаніяхъ, повидимому, были совершенно противоположны вызвавшимъ ихъ впечатлѣніямъ и пробуждались какъ бы только силою контраста.

Въ Троицынъ день всѣ мы отправились за городъ. Мы шли по длинной платановой аллеѣ, радуясь веснѣ и зелени и своей собственной молодости. Передъ нами уже виднѣлись очертанья сосѣдняго городка; онъ лежалъ какъ бы отдѣленный отъ всего міра, и ландшафтъ охватывалъ его, какъ мать, обнимающая ребенка. Когда передъ нами стали вырисовываться первыя крыши домовъ, послышался звонъ церковныхъ колоколовъ. Первые звуки пронеслись надъ нами, загудѣли и заколыхались. Звуки повторялись въ полныхъ и чистыхъ аккордахъ, каждый разъ какъ бы снова возрождаясь изъ глубокой тишины и каждый разъ наполняясь новыми голосами. Проносились новые голоса, и въ каждомъ изъ насъ пробуждали разныя чувства. Иной вспоминалъ о своемъ дѣтствѣ, иной мечталъ о радости и счастьѣ, въ душѣ одного проносились образы далекаго, привѣтнаго прошлаго, другой предавался блаженству момента, одинъ чувствовалъ предостерегающій голосъ будущаго, другой глядѣлъ впередъ съ надеждою и вѣрой. Но каждый чувствовалъ, какъ въ этомъ звонѣ замираетъ и таетъ, отходитъ окружающая жизнь, и самъ онъ отдѣляется отъ цѣлаго и уходитъ вглубь своей собственной жизни.

Дорога въ городъ вела черезъ старыя ворота. Это было монументальное строеніе, сохранившееся еще съ среднихъ вѣковъ, съ круглыми башенками, съ амбразурами, съ рѣшетчатыми окнами, съ широкими, круглыми сводами, надъ которыми строилась квартира дозорнаго, слѣдящаго отсюда за безопасностью города. Когда мы проходили черезъ эти древ-

ніе, темные своды, насъ обуяло какое-то внезапное ликованіе, точно въ насъ воскресли чувства всѣхъ тѣхъ, которые сотни лѣтъ тому назадъ, можетъ быть, въ такой же свѣтлый праздничный день, послѣ тяжелаго опаснаго пути возвращались черезъ эти ворота въ желанную, родную обитель. И пѣсни, которыя мы затягивали и тутъ же обрывали, бросанье шапокъ, крики „ура", дружескія объятія едва могли выразить и сотую долю охватившей насъ радости.

Вдругъ Кларисса остановилась.

Сначала мы не обратили на это никакого вниманія и продолжали свой путь. Мы отошли уже довольно далеко, когда вдругъ замѣтили, что она все еще стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Мы вернулись.

Что случилось? Мы оглядываемся. Какъ-будто ничего.

Маленькій мальчикъ стоитъ, прислонившись къ стѣнѣ; въ рукахъ у него бумажный картузъ; онъ не торопясь выгребаетъ оттуда одну за другою сочныя, красныя вишни и уписываетъ ихъ съ нескрываемымъ наслажденьемъ.

Въ первую минуту намъ показалось, что Кларисса любуется имъ, и мы сами съ улыбкой вспомнили сладкія вишни нашего дѣтства и, глядя на удовлетворенное личико нашего маленькаго незнакомца, убѣждались въ томъ, что вишни еще не утратили своего прежняго вкуса.

Вдругъ Кларисса закрыла лицо руками и горько разрыдалась.

Мы кинулись съ ней съ разспросами и увѣщеваніями.

Мальчикъ тѣмъ временемъ покончилъ со своими вишнями и, окинувъ насъ любопытно-равнодушнымъ взглядомъ, медленно перешелъ черезъ улицу, взобрался на скамейку и сталъ болтать ногами. Повидимому, онъ чувствовалъ полное удовлетвореніе.

Наконецъ, Кларисса заговорила сквозь рыданья и слезы:

— И мнѣ тоже когда-то дали такой же свертокъ съ конфектами, дали и флагъ, и отправили меня въ школу. Я такъ радовалась своимъ конфетамъ и такъ гордилась своимъ флагомъ. Потомъ флагъ вырвали у меня изъ рукъ, и учительница выбросила его за окно; конфеты отобрали другія дѣти, и мнѣ оставалось только смотрѣть, какъ они уписывали ихъ. Мнѣ ни одной, ни одной конфеты не досталось...

Она вдругъ истерически расхохоталась, потомъ, плача, продолжала:

— Съ пинками и бранью усадили меня въ уголъ и оставили меня тамъ, не знаю почему, одну, одну, въ сторонѣ отъ другихъ дѣтей, безъ тетрадей и книгъ, и безъ доски, всѣми отверженную и оттолкнутую, не знаю почему. И такъ оно

осталось на протяженіи всѣхъ школьныхъ лѣтъ: никто, никто никогда не смягчилъ этого общаго отношенья. Презрѣніе слѣдовало за мною по пятамъ, не измѣнило мнѣ и тогда, когда меня перевели въ другую школу. И всюду меня ждало готовое мѣсто въ углу пустой, никѣмъ не занятой задней скамьи. Такъ тянулись всѣ эти безконечно долгіе годы, пока не стало ужъ мочи, и я не сбѣжала.

Мальчикъ съ вишнями вдругъ пробудилъ въ ней цѣлый рой мучительныхъ воспоминаній и съ внезапной болью открылъ ея старыя раны. Мы поняли, какъ мало собственно мы знали до сихъ поръ Клариссу, какъ тяжело и больно было все въ ея жизни.—Такъ вотъ почему лицо ея было такъ ослѣпительно бѣло! — подумали мы, — это блѣдность подвальнаго цвѣтка, а не мраморнаго изваянья. Въ мракѣ отверженности образовалось это тѣло, худое и истощенное, неразвитое, дѣтское и аскетически-безстрастное тѣло. Недугъ претворился въ красоту, въ ту дивную, захватывающую красоту, которая скорѣе овладѣваетъ воображеньемъ, чѣмъ чувствомъ, какъ все неясное, невысказанное въ людяхъ.

Кларисса все еще рыдала безутѣшно и горько. Мы съ состраданіемъ смотрѣли на нее и не знали, какъ ее успокоить. Вдругъ Гужановъ подошелъ къ ней, взялъ за обѣ руки, посмотрѣлъ ей въ глаза своими необыкновенными глазами, въ которыхъ такъ дивно сливались веселье и грусть, суровость и ласка, и сказалъ тихимъ и твердымъ голосомъ: „перестань, Кларисса, будетъ! успокойся". Онъ замолчалъ, выпустилъ ея руки и сталъ тихо гладить ее по волосамъ. И краска волненья стала таять на ея лицѣ, она улыбнулась, слезы высохли на ея глазахъ, и она дѣтски-довѣрчиво, кротко и послушно взглянула на все еще проникновенное и серьезное лицо Гужанова.

Мы продолжали нашъ путь, и никто ни словомъ больше не упоминалъ о случившемся. Къ Клариссѣ снова вернулась ея обычная ровность, и никто не сказалъ бы, глядя на нее, что она была только-что такъ глубоко и тяжко потрясена.

И наши мысли вертѣлись вокругъ Гужанова. Кто онъ? Какая тайная власть дана ему надъ людьми? Какимъ чудомъ проникаетъ онъ въ сердце ихъ судьбы и улавливаетъ ея сложныя нити?

И мы вспомнили Строцци, котораго такъ долго и тщетно искали. Гдѣ онъ теперь? Уловилъ ли Гужановъ тайну его исчезновенія? Коснулись ли его пальцы нитей этой загадочной жизни? И, можетъ быть, онъ могъ бы вернуть его намъ

тѣми чарами, которыми вернулъ только что Клариссѣ спокойствіе и ровность души?

Ахъ, къ чему всѣ эти догадки?

Мы только знали, что всѣ наши прежнія подозрѣнія нелѣпы и смѣшны, что Гужановъ неспособенъ ни на что дурное, что источникъ его дара благостенъ и чистъ, и онъ всегда будетъ употреблять его на любовь и на благо.

X.

Мы нашли Строцци.

И нашла его Кларисса, которая никогда до того его не видала.

Кларисса никогда не могла проходить равнодушно мимо нищаго. Пока хватало денегъ, она подавала каждому, но такъ какъ ихъ всегда было мало, то кошелекъ ея скоро истощался, и потомъ ужъ она, какъ только издали замѣчала нищаго, далеко сворачивала отъ дороги, чтобы только не увидѣть напрасно протянутой руки.

Парижъ праздновалъ 14-ое іюля, и улицы наполнились движеніемъ. Музыка и танцы въ каждомъ углу, передъ каждымъ трактиромъ фокусникъ или музыкантъ, слѣпой пѣвецъ, калѣка или дряхлый нищій. Нищіе на каждомъ углу, толпы нищихъ на всѣхъ перекресткахъ. Они какъ-будто выростали изъ-подъ земли, и число ихъ росло и множилось съ каждымъ мгновеньемъ.

Мы ходили съ улицы на улицу и изъ квартала въ кварталъ. Всюду „народъ веселился" на иной манеръ, и всюду повторялись тѣ же сцены. Шумъ, безшабашность, нищенство—и танцы. Танцы на улицахъ и площадяхъ подъ акомпаниментъ самой чудовищной музыки, игра въ стрѣльбу, балаганы, палатки, кондитерскія будки, крики, смѣхъ, карусель, сенсація, мошенничество, прелесть быта, скандалы, пестрые огни иллюминаціи, пестрыя лица, дикость и веселье.

Когда мы возвращались домой, сквозь сумракъ ночи пробивались ужъ блѣдныя тѣни утра.

Намъ оставалось еще около часу ходьбы, но насъ это нимало не смущало. Дорога вела черезъ глухіе переулки, пользовавшіеся подозрительною славою. Ночью одному, пожалуй, небезопасно было бы здѣсь пройти, но насъ было много, и мы съ любопытствомъ оглядывали незнакомыя мѣста.

Настроеніе улицы заразило и насъ и подхватило насъ общимъ тактомъ веселья; нѣсколько сопровождавшихъ насъ натурщицъ все еще кружились въ нескончаемомъ танцѣ, и мы хоромъ аккомпанировали имъ сезонной пѣсенкой улицы.

Наконецъ, кончилась сѣть глухихъ переулковъ, и мы вышли на прямую, широкую улицу. Оборванная нищая стояла на углу улицы съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ и просила подаянья.

Кларисса уже давно роздала свои послѣдніе гроши и теперь, не глядя на нищую, старалась какъ-нибудь ее обогнуть. При этомъ она очутилась на противоположной сторонѣ того переулка, изъ котораго мы только что вышли. Мы все еще стояли передъ женщиной и шарили въ карманахъ, отыскивая мелочь. Вдругъ мы услышали голосъ Клариссы. Она что-то кричала намъ, называя по очереди всѣ наши имена. Мы разслышали послѣднія слова.—Да вѣдь... скорѣе, Гужановъ... вѣдь это въ самомъ дѣлѣ...

— Что такое Кларисса?

— Строцци?

Въ отвѣтъ раздался дружный взрывъ смѣха.

— Строцци? — повторилъ Гужановъ.

— Да посмотрите-же, — просила она.

— Какой-то оборванецъ! — воскликнулъ кто-то.

— Пьяница!

— Да что же вы остановились? Ты бредишь, Кларисса!

— Да это хулиганъ!—закричала одна изъ натурщицъ, и дѣвушки бросились бѣжать.

Между тѣмъ Гужановъ наклонился надъ лежащимъ, и насъ точно что-то приковало къ мѣсту. Близость истины всегда чувствуется раньше, чѣмъ успѣваетъ обнаружиться предъ нами видимость ея, и странное сопоставленіе Строцци съ этимъ ободраннымъ, жалкимъ бродягой не казалось намъ ужъ больше такимъ нелѣпымъ.

— Да, это Строцци, — сказалъ, наконецъ, Гужановъ, — Кларисса угадала. Но, Господи, въ какомъ онъ видѣ!

Строцци? И Кларисса нашла его? Почувствовала здѣсь, на этомъ мѣстѣ, въ этомъ состояніи? Мы часто описывали ей наружность нашего пріятеля; можно было еще понять, если бы она узнала его при другихъ обстоятельствахъ, но здѣсь, въ грязи и лохмотьяхъ? Но въ эту минуту намъ было не до удивленья. Радость и торжество охватили насъ, — онъ найденъ, найденъ! Что бы то ни было, онъ опять среди насъ, опять съ нами!

Да, это Строцци, оборванный, пьяный, съ зіяющей раной на лбу, но все-таки это онъ, его голова, лицо, его тонкія руки.

Но онъ безъ сознанія; его свалило вино или рана.

Мы поднимаемъ его, какъ трупъ, и несемъ къ ближайшему крану. Мы обмываемъ его; его рана не очень глубока

и, повидимому, не опасна. Мы рѣшаемъ не нести его на перевязочный пунктъ и направляемся прямо къ квартирѣ Гужанова.

Мы шли точно въ похоронной процессіи. Шествіе открывала Кларисса, какъ священникъ, идущій впереди гроба. Мы по-двое несли Строцци за плечи и ноги, а Гужановъ поддерживалъ голову. Мало-по-малу толпа провожатыхъ разсѣялась, и мы остались одни со своей ношей.

У Гужанова мы уложили Строцци въ кровать и начали прикладывать ему холодныя примочки.

Потомъ Кларисса сказала: — Теперь вы всѣ пойдете, а я останусь у него. Мнѣ кажется, что я сумѣю ухаживать за нимъ. Онъ долженъ быть спасенъ, и мнѣ кажется, что я и это сумѣю сдѣлать. Пойди и ты, Гужановъ, ты гдѣ-нибудь уже переночуешь, а пока предоставь свою комнату намъ.

— Хорошо,—сказалъ Гужановъ, — если ты такъ хочешь, Кларисса.

Въ голосѣ его послышалась нотка печали.

— Будь добръ, Гужановъ; да, я такъ хочу.

Мы ушли, и Гужановъ пошелъ вмѣстѣ съ нами.

Невесело какъ-то было идти. Мы сами не знали, почему всѣмъ стало такъ грустно. Мы чувствовали, что все, что мы могли сказать по поводу Строцци, всѣ вздохи о его состояніи и всѣ надежды на его возрожденіе не сумѣютъ растворить какого-то тяжелаго осадка, надъ которымъ лежалъ густой удручающій мракъ.

Въ ту ночь Гужановъ ночевалъ у меня.

Когда мы ужъ лежали, онъ сказалъ:

— Неизвѣстно, счастье ли, что мы нашли его, или несчастье.

— Да, - сказалъ я,—можетъ быть, скорѣе несчастье.

Но глаза мои уже слипались отъ усталости.

И точно сквозь сонъ донеслись до меня слова Гужанова,— такъ, точно сонъ, и вспоминаются они мнѣ теперь.

— И Кларисса осталась у него. Она сильна, Кларисса. Она сильнѣе, чѣмъ мы думаемъ. Она много можетъ взять на себя. Слышишь? Она много возьметъ на себя.

Я все слышалъ, но ничего не могъ уже отвѣтить. Сонъ одолѣвалъ мое сознанье.

XI.

Самъ ли онъ вступилъ въ драку, или его впутала въ драку продажная женщина—вѣчная спутница паденія? Этого мы такъ и не узнали.

И Строцци опять жилъ среди насъ. жалкій, обтрепан-

ный, опустившійся Строцци, тотъ самый Строцци, который явился передъ нами, какъ чудо, и открылъ предъ нами пути и терзанія жажды.

Кларисса не отходила отъ него. Гужановъ снялъ себѣ другую комнату. Кларисса кое-что переставила, сообразуясь съ удобствомъ больного. Строцци былъ серьезно боленъ и нуждался въ самомъ заботливомъ уходѣ. И Кларисса ухаживала за нимъ, какъ сестра.

Странно! Всѣ измѣненія Клариссы были направлены, кажется, на самыя практическія, прозаическія цѣли, и все-таки они придали всей квартирѣ какую-то новую праздничную обстановку. Здѣсь говорили шопотомъ, здѣсь ходили на цыпочкахъ, здѣсь, словно у чудотворной иконы, искалъ исцѣленья больной.

Строцци почти ни разу не прервалъ своего молчанія, но нерѣдко онъ бредилъ. Кларисса не отходила отъ него ни ночью, ни днемъ.

Ей точно нипочемъ были безсонныя ночи, и она приготовляла все нужное для больного съ такой ловкостью, точно всю жизнь провела въ сидѣлкахъ. И какъ она умѣла уговаривать!

Она могла сотни разъ подрядъ повторять: „пожалуйста, Арно", и каждый разъ голосъ ея звучалъ сердечнѣе и проникновеннѣе. И Строцци лежалъ съ закрытыми глазами и, казалось, вбиралъ въ себя этотъ голосъ и не шевелился только для того, чтобы услыхать его еще разъ. На лицѣ его свѣтилась тихая радость.

— Сестра Кларисса!—говорилъ онъ иногда.

Когда онъ началъ выздоравливать, онъ сталъ осторожно вывѣдывать у Клариссы, какъ онъ сюда попалъ и какъ его нашли.

Кларисса бережно сообщила ему, что знала, тщательно стирая всѣ острыя и рѣзкія черты. Она пустила въ ходъ всю свою наблюдательность и весь тотъ юморъ, которые проявлялись и въ ея скульптурныхъ работахъ, отвлекала его вниманіе тысячами мелочей, вышучивала товарищей, перебирала всѣхъ и каждаго, не щадя даже Гужанова, и всѣ мягкіе и нѣжные тона собирала вокругъ одного Строцци.

Онъ молча слушалъ ее. Порою улыбка слабо шевелила его губы, но взглядъ его всегда былъ подернутъ печалью, хотя въ немъ не было ничего неяснаго, и чувствовалась та своеобразная мягкость, которая всегда выдаетъ человѣка страдавшаго одиноко и много.

Онъ все молчалъ. Онъ не отвѣчалъ даже на вопросы. Онъ точно не слушалъ ихъ и ждалъ продолженія разсказа.

Когда она прерывала разсказъ, онъ бралъ ея руку и ти-

хонько гладилъ ее. Онъ ничего не говорилъ и только смотрѣлъ на нее добрымъ, преданнымъ и благодарнымъ взглядомъ.

Когда она разсказала ему, наконецъ, все, онъ три дня не говорилъ ни слова. Чувство благодарности точно переполняло его и въ то же время смущалось стыдомъ и терзаньями прошлаго. Иногда онъ смотрѣлъ на нее своимъ глубокимъ, долгимъ взглядомъ, иногда вдругъ начиналъ избѣгать ея взгляда и пряталъ лицо свое въ подушку. Потомъ опять тихо бралъ ея руку и нѣжно гладилъ ее. И на третій день, держа ея руку въ своей, онъ неожиданно заговорилъ.

— И ты ухаживала за мной, сестра Кларисса?—спросилъ онъ, возвращаясь къ ея разсказу, точно она только что окончила его. Слова эти какъ-будто все время душили его и теперь только вылились изъ сердца.

Кларисса молчала. На ея блѣдныхъ щекахъ показался легкій румянецъ, и ея густыя, лучистыя рѣсницы задрожали. Съ минуту длилось молчанье.

Строцци нервно гладилъ ея руку.

Она чувствовала, какъ его взглядъ жжетъ ея кожу, врѣзывается въ лицо, въ руки, въ глаза.

— Сестра Кларисса!—повторилъ онъ, приподымаясь на подушкахъ.

Тогда она подняла рѣсницы и взглянула на него широко раскрытыми глазами, какъ ребенокъ, который заглядѣлся на золотой жезлъ епископа и изумленно смотритъ и спрашиваетъ, и ждетъ, и боится отвѣта.

— Станешь ли ты снова прежнимъ Строцци?—спрашивалъ ея взглядъ,—Арно Строцци, который овладѣлъ всей мастерскою и мраморъ котораго ласкала моя дрожащая рука?—И она съ благоговѣніемъ и вѣрою смотрѣла на него.

— Сестра Кларисса,—снова прошепталъ онъ.

Тогда она взяла прядь его волосъ, перегнула ее на лобъ и тихо поцѣловала.

— Ты долженъ опять начать работать,—прошептала она горячимъ, заклинающимъ шопотомъ.

Тогда только онъ понялъ все, что говорилъ ея взглядъ. Его точно обдало какой-то животворящею силой. Его зрачки расширились, губы зашевелились. Онъ слегка открылъ ротъ, точно передъ глоткомъ, и его бѣлые зубы блеснули.

Онъ хотѣлъ говорить.

Онъ слегка отвернулся и провелъ рукою по лбу, точно пробуя смахнуть что-то, точно силясь очнуться, какъ человѣкъ, который только что проснулся и все еще чувствуетъ дѣйствіе своихъ сновъ.

Онъ опять посмотрѣлъ на Клариссу и какъ-будто теперь только убѣдился, что видитъ ее наяву.

— Ты опять долженъ работать, Строцци, изо всѣхъ силъ.

Она перегнулась надъ его кроватью и долго и убѣжденно съ нимъ говорила. Потомъ она выпрямилась, и взглядъ ея, все еще прикованный къ Строцци, сталъ еще напряженнѣе, почти замеръ.

— Если ты поддержишь меня своей рукой, сестра Кларисса,—сказалъ, наконецъ, Строцци.

Она только пожала его руку. Это былъ точно знакъ согласія, скрѣпленье ихъ союза.

И Строцци снова въ изнеможенiи упалъ на подушку.

XII.

Кларисса продолжала ухаживать за Строцци, чтобы вернуть его искусству, и неистощимы были ея терпѣнiе и заботливость. И если порою блѣдный ужасъ нападалъ на него, она протягивала ему руку, и онъ бралъ ее и гладилъ и чувствовалъ, какъ возвращается къ нему спокойствiе и миръ. Глаза его уже свѣтились жизнью и тѣмъ огнемъ, который всегда возвѣщаетъ пробужденiе творческихъ силъ. Порою онъ держалъ руку Клариссы и смотрѣлъ мимо нея и грезилъ. А Кларисса молча сидѣла у ногъ его, и заклинающiй взглядъ ея большихъ, черныхъ глазъ, скрывающихъ тайны молчаливыхъ, лунныхъ ночей, не отрывался отъ лица Строцци.

Иногда онъ, точно въ самозабвеньи шепталъ ея имя: „сестра Кларисса!“ И когда она отвѣчала ему, голова его еще ниже прижималась къ груди, точно онъ хотѣлъ весь войти въ себя и собрать всѣ свои силы.

И опять воцарялась тишина. Только Строцци порою шепталъ еще: „сестра Кларисса“, точно струя благодарности невольно переливалась черезъ край его переполненной души.

XIII.

Въ тѣ дни, когда Кларисса возвращала Строцци жизнь и свѣтъ, мечты о будущемъ и грезы искусства, надъ ней самой витали мракъ и горечь страданья. Кларисса переживала тяжелые дни. Между нею и матерью прорвалась, наконецъ, раздѣляющая ихъ бездна. Все то, что раньше только неслышно тлѣло и назрѣвало, лишь порою пробиваясь въ случайныхъ мимолетныхъ недоразумѣнiяхъ, вдругъ вспыхнуло

теперь жаркимъ пламенемъ непримиримой борьбы. Мать требовала себѣ свою дочь. Она чувствовала, что теряетъ Клариссу; она видѣла, что Кларисса уходитъ ускользаетъ отъ нея, отъ ея цѣпей. Несчастная, старѣющая женщина все еще не могла очнуться отъ удара, который ей нанесъ когда-то отецъ Клариссы; горечь и озлобленіе какъ бы навѣки завладѣли всей ея душою. Въ каждомъ мужчинѣ она чувствовала личнаго врага, который долженъ былъ отвѣчать ей за ея обиду, но никого она не ненавидѣла такъ, какъ художниковъ, которые казались ей олицетвореніемъ всякой мерзости и вѣроломства. А она всю жизнь прослужила художникамъ и отдала имъ въ натурщицы свою дочь.

Правда ли было то, что о ней говорили, и дѣйствительно ли въ лунныя ночи, предшествовавшія рожденію Клариссы, она заключила страшный союзъ съ мраморомъ своего изображенья,—во всякомъ случаѣ, несомнѣнно было то, что она безсознательно смотрѣла на дочь, какъ на орудіе своей мести. Она всю жизнь ждала, что дочь искупитъ ея обиду. Эту мысль она выстрадала въ часы одиночества и терзаній, она вспыхнула во мракѣ ея оскорбленной души, какъ единственная возможность возстановить поруганную справедливость, и она съ упорнымъ фанатизмомъ цѣплялась за нее всю свою жизнь. Ея дочь должна была завладѣть мужчиной. Она должна была вызвать въ немъ тысячи желаній и не удовлетворять ни одного. Она должна была стать прекрасной. Она должна была стать натурщицей, обнажать свое тѣло и облачаться въ непроницаемый покровъ монахини, какъ только взглядъ художника смѣнялся взглядомъ мужчины. Она должна была играть мужчиной, какъ кошка мышью; но никогда, никогда не должна была ни служить ему, ни помогать. Игра могла переходить всѣ границы и строго должна была блюсти всѣ грани. И, хоть бы холодъ ея доводилъ до безумія, она все-таки должна, должна была оставаться холодной.

Она должна была цѣликомъ принадлежать матери, она была всѣмъ, что осталось ей въ жизни. Послѣднюю горячую искру чувства и любви мать отдала этому ребенку, котораго она прокляла до рожденья, котораго она прокляла за его существованье и который разбилъ ея жизнь и любовь. И она окружила дочь свою тою любовью, которая всегда хочетъ брать, господствовать и обладать, но никогда не хочетъ отдаваться. Во всемъ, что она дѣлала для дочери, не исчезала ея собственная конечная цѣль. Это была та любовь, которая умерщвляетъ, любовь матери, которая не жалѣетъ ни силъ, ни труда, ни заботы, и, какъ вампиръ, высасываетъ всѣ соки.

И природа точно сама шла ей на помощь: характеръ и

наружность Клариссы какъ бы созданы были для ея цѣлей. Онѣ какъ-будто сами собой начали осуществляться раньше, чѣмъ она успѣла задуматься надъ тѣмъ, чего она собственно добивается, и на что она можетъ разсчитывать со стороны Клариссы. И вотъ теперь появленіе Строцци развернуло бездну, которая грозила поглотить всѣ ея надежды и планы

Она не могла съ этимъ примириться. Кларисса должна была вернуться домой, мать ни о чемъ другомъ знать не хо тѣла. Кларисса должна быть спасена во что бы то ни стало Вокругъ нея раскинулись сѣти, какъ вокругъ каждой жен щины, которая не сумѣла избѣжать въ своей жизни мужчины; она каждую минуту могла стать жертвой вѣроломства, какъ каждая женщина, какъ ея мать.

Кларисса осталась. Мы чисто заставали ее въ слезахъ. Когда Строцци спалъ, она тихонько забиралась въ уголокъ его кровати или зарывалась въ большое кресло Гужанова и тихо и горько рыдала. Она прижимала платокъ къ глазамъ, стараясь удержать свои слезы. Строцци каждую минуту могъ проснуться, и онъ не долженъ былъ видѣть ея заплаканныхъ глазъ.

Кларисса не задумывалась надъ сущностью добра или зла, запрета или долга, страданія и состраданья,—она чувствовала только, что Строцци нуждается въ ней, что она нужна ему, что безъ нея онъ не выздоровѣетъ и не вернется къ искусству. Она оставалась потому, что не могла не оставаться, и тихо охраняла первый расцвѣтъ воскресающей жизни.

Строцци спалъ и грезилъ о теплѣ и свѣтѣ и ничего не зналъ о тяжелой жертвѣ, которая приносилась для спасенья его жизни.

Иногда онъ держалъ въ рукахъ своихъ ея безмолвную руку, и рука не выдавала ему горя Клариссы. Онъ не смотрѣлъ на нее, весь охваченный радостью, надеждой и животворящимъ здоровьемъ.

XIV.

Они вмѣстѣ вошли въ мастерскую.

Все кругомъ было залито сіяніемъ солнца, мягкаго солнца позднихъ сентябрьскихъ дней, тихимъ отблескомъ кроткаго заходящаго дня.

Время отъ времени синева небесъ,—въ ней не было ужъ сочной свѣжести недавнихъ дней, — застилалась клубами облаковъ; нѣжно-бѣлые по краямъ и зловѣще-сѣрые въ серединѣ, они вдругъ нависали надъ землей, роняли нѣсколько капель дождя и потомъ, какъ бы разгруженные, быстро

уносились по небу. Передъ окнами мастерской нашей высилась верхушка каштана, и сквозь ея порѣдѣвшую листву можно было слѣдить за игрою нѣмыхъ облаковъ на небесной лазури.

Иногда поникшій листъ дикаго винограда касался нашего окна и бился по стеклу, и звуки, проносящіеся по комнатѣ, казалось, шли не отъ нашихъ рѣзцовъ, а отъ прикосновенія этого изсохшаго листа.

— Вотъ опять упалъ еще одинъ листъ,—замѣчалъ ктонибудь, и всѣ рѣзцы на минуту стихали, и всѣ взоры обращались въ окно, откуда время отъ времени кто-то невидимый кивалъ и подавалъ намъ знаки.

Въ такой-то часъ пришли къ намъ Кларисса и Строцци. Мы съ радостнымъ изумленіемъ отложили свои рѣзцы.

Учитель, удивленный наступившей тишиной, подошелъ къ намъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Увидѣвъ Клариссу и Строцци, онъ молча остановился передъ ними.

Строцци, какъ ни въ чемъ не бывало, прошелъ на свое старое мѣсто, Кларисса стала подлѣ него.

Тогда и мы поняли, что это мѣсто давно уже ждало его; мы подошли къ Строцци и протянули ему руки. Онъ пожималъ ихъ молча, не подымая глазъ. Руку учителя онъ дальше другихъ задержалъ въ своей, и учитель, повидимому, тронутый, горячо отвѣчалъ на его пожатіе.

Всѣ молча и съ напряженьемъ чего-то ждали, точно въ церкви колокольчикъ возвѣщалъ о началѣ таинства.

Наконецъ, все еще не выпуская руки Строцци, учитель обратился къ Клариссѣ:

— Спасибо Кларисса, за то, что ты вернула его намъ!

Строцци выпустилъ его руку, и учитель протянулъ ее Клариссѣ. Она пожала ее съ видимымъ чувствомъ, и все, что раздѣляло до сихъ поръ этихъ людей, уничтожалось, и устранялось этимъ дружескимъ движеніемъ—точно братъ и сестра снова нашли другъ друга послѣ долгой разлуки.

И тутъ мы вспомнили, что они, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ дѣти одного отца.

Можетъ быть, они почувствовали въ этотъ моментъ тотъ порывъ жизни, передъ которымъ не можетъ устоять никакое упорство и косность. Для голоса жизни нѣтъ ничего непроницаемаго, и въ эту минуту онъ соединилъ ихъ чувствомъ родства.

XV.

Строцци занялъ свое мѣсто, точно онъ вчера только его покинулъ. Онъ остановился передъ своей моделью и долго

разсматривалъ ее. Потомъ взглядъ его перешелъ на незаконченный мраморъ. Въ тотъ день онъ не дотронулся до инструментовъ. Онъ только разсматривалъ свою работу.

Мы молчали, или, вѣрнѣе, соблюдали общую тишину мастерской, прерываемую только звуками нашихъ рѣзцовъ. Даже шаги наши какъ будто бы замерли; даже до инструментовъ мы дотрагивались съ какой-то особенной осторожностью.

Строцци замѣтно поблѣднѣлъ, его черные волосы еще гуще обрамляли его тонкое лицо, и подъ глазами легли глубокія тѣни. Черты его какъ-будто оформились и стали выразительнѣе и живѣе. Это были не только слѣды физическихъ и душевныхъ страданій,—это было отраженье жажды и томленія, отблескъ исканій и тоски, одухотворяющая печать идейныхъ стремленій. Черезъ женственную нѣжность его лица прорѣзался слѣдъ внутренней силы; что-то новое появилось въ изгибѣ его губъ и особенно въ глубокой складкѣ, начинающейся у угловъ рта. Въ нижней части его лица чувствовалось присутствіе воли. Онъ сталъ серьезнѣе, характернѣе, мужественнѣе, и это придавало ему новую красоту. Онъ всегда былъ очень красивъ той особенной патетической красотой, которою отличается его народъ; но теперь онъ какъ-будто бы укрѣпилъ, поднялъ, одухотворилъ эту красоту, наполнилъ ее содержаніемъ и смысломъ. Она разсказывала объ урокахъ жизни и о ея тяготахъ, и о милости и преображеніи, о вѣчномъ источникѣ блага.

Мы невольно заглядѣлись на него глазами художниковъ; нѣкоторые уже готовы были отлить свое восхищеніе въ гипсѣ. Но никто не рѣшился на это; это казалось всѣмъ чуть не святотатствомъ.

За окномъ гудѣла осень и срывала покровы съ деревьевъ.

А мы вѣрили въ того, въ комъ изъ мертвой листвы расцвѣтала новая весна, и подымались новые побѣги, и въ кого ненастные, черные дни вливали новые соки воскресающей жизни.

XVI.

И Строцци работалъ. На второй же день онъ съ ранняго утра принялся за работу и продолжалъ ее съ какимъ-то фанатическимъ рвеньемъ. Мы съ какою-то робкою сдержанностью слѣдили за тѣмъ, какъ изъ мрамора выступаетъ одна черта за другой, и струя жизни прорывается черезъ холодный камень. До того сильно было благоговѣнье, внушаемое намъ этой работой, что мы никогда не подходили къ ней въ отсутствіе Строцци.

Только въ присутствіи Клариссы мы еще иногда рѣшались подойти къ мрамору; она казалась намъ хранительницей его генія и какъ бы открывала намъ входъ въ его святыню.

Иногда она брала учителя за руку и подводила его къ работѣ Строцци, и оба молча и задумчиво стояли передъ изваяньемъ.

XVII.

Строцци закончилъ свою статую. Мы настаивали на томъ, чтобы онъ выставилъ ее въ Салонѣ. Онъ и думать объ этомъ не хотѣлъ. Онъ закончилъ свое произведеніе, и его дальнѣйшая судьба его не интересовала. Въ головѣ его уже роились новыя идеи. И „Жаждущій“ остался въ нашей мастерской.

Но учитель сумѣлъ заинтересовать имъ цѣнителей и меценатовъ, и они приходили въ мастерскую разсматривать работу Строцци, и имя Строцци стало извѣстнымъ. Нашелся и покупатель. Онъ заплатилъ крупную сумму денегъ, и статую убрали изъ нашей мастерской. Для насъ это былъ день печали и разлуки.

Но скоро ушелъ отъ насъ и Строцци. Онъ снялъ себѣ отдѣльную мастерскую за городомъ, у опушки лѣса.

Мало-по-малу онъ совершенно уединился. Работы своей онъ ни разу не показывалъ намъ. Дверь его мастерской всегда была заперта, и онъ никогда сразу ее не отпиралъ. У кого не хватало терпѣнія ждать, тотъ подолгу не видалъ Строцци. Когда онъ, наконецъ, впускалъ насъ, все въ мастерской было завѣшано и закрыто. Строцци рѣшительнѣйшимъ образомъ уклонялся отъ всякихъ разспросовъ. Одна только Кларисса, каждый день навѣщавшая Строцци, видѣла его работу.

Гужановъ снова переселился въ свою комнату. Строцци снялъ себѣ квартиру по близости отъ своей мастерской. Кларисса тоже сняла себѣ комнату и поселилась отдѣльно отъ матери. Она продолжала работать въ нашей студіи и, хотя большинство изъ насъ все еще не очень высоко цѣнили ея дарованье, но зато мы научились любить и цѣнить ее, какъ человѣка, и, поскольку могли, помогали ей продолжать начатый путь. Начиная съ учителя, всѣ въ нашей мастерской рады были быть ей полезными, оказать ей услугу, и каждый готовъ былъ служить ей совершенно безкорыстно.

Пришлось, хоть и съ сожалѣніемъ, примириться съ уединеніемъ Строцци. Мы ни о чемъ не разспрашивали его; мы

знали только, что онъ работаетъ. Мы слыхали, что онъ вылѣпилъ маленькую модель, которая сама по себѣ ничего не говорила непосвященному глазу, и прямо перешелъ къ камню. Мы не сомнѣвались въ успѣхѣ его работы.

Зима еще разъ распрощалась съ нами, и міръ снова обновился вѣчной юностью весны. Мы стали уже какъ-то серьезнѣе, но мы все еще были очень молоды, и весна охватила насъ всѣми своими радостями и мечтами.

Одинъ только Гужановъ оставался безучастнымъ среди всеобщаго оживленія. Онъ совершенно измѣнился. Это не былъ уже тотъ Гужановъ, который еще такъ недавно руководилъ всѣми нашими развлеченіями и училъ насъ мудрости жизни.

— Да ужъ не оскудѣли ли вы мудростью, Гужановъ?—подшучивалъ учитель,—или она разлетѣлась?

— Можетъ быть,—отвѣтилъ Гужановъ:—мудрость такъ легко разбивается при соприкосновеніи съ жизнью, и практика никогда не перестаетъ враждовать съ теоріей. Сильнѣйшіе теоретики почти всегда являются самыми несостоятельными практиками. Представьте себѣ, что то же произошло и со мной.

— Гужановъ, да не вносите же минорныхъ нотъ въ весенніе напѣвы! Притомъ же вы знаете, что какъ бы ни была строга судьба, мы всегда можемъ ей противопоставить еще большую строгость души.

— Да развѣ можетъ быть что-нибудь мучительнѣе обязанности поддерживать суровость своей собственной души?

— Но передъ этой обязанностью исчезаетъ все остальное. Прежде вы сказали бы: никто не можетъ уклониться отъ своей необходимости,—ей дѣла нѣтъ до нашего страданья.

— Вотъ мы и вернулись съ вами къ тому, съ чего начали,—усмѣхнулся Гужановъ,—моралистъ, конечно, правъ, и практикъ долженъ принять его максимы, но отъ этого ему нисколько не легче.

Учитель больше не спорилъ.

Подобные разговоры производили на насъ тяжелое впечатлѣніе. Мы чувствовали, что въ Гужановѣ что-то происходитъ, и не рѣшались разспрашивать его. Онъ сталъ молчаливъ и печаленъ, часто сидѣлъ въ тяжеломъ раздумьѣ и забывалъ свою работу; прежняя спокойная увѣренность совершенно покинула его. Онъ поблѣднѣлъ, и по лицу его прошли глубокія складки.

Мы старались отыскать причину этой неожиданной перемѣны, и мало-по-малу всѣ догадки и предположенія стали собираться вокругъ одной точки,—Гужановъ любилъ Клариссу. Какъ всегда, стоило только высказать догадку, и она уже

стала подкрѣпляться тысячами наблюденій, мимо которыхъ мы раньше прошли бы безъ вниманія, и которыя теперь разсѣивали всякія сомнѣнья. Сомнѣнья не было также и въ томъ, что и Кларисса любитъ Гужанова съ той непосредственностью и свободой, съ которой она отдавалась каждому душевному движенію.

Но мы чувствовали, что на этомъ не кончались ихъ отношенья. Пришелъ Строцци и сталъ между ними. Но Гужанова не такъ-то легко было вырвать изъ сердца, и Гужановъ такъ же стоялъ между Клариссой и Строцци. Таковъ былъ общій мотивъ, но развитіе его было слишкомъ запутано и сложно, и мы ничего въ немъ не могли разобрать и разгадать. Ясно было только, что Гужановъ не могъ не страдать, что въ немъ происходитъ кровавая борьба, что онъ изнемогаетъ отъ непосильнаго бремени испытанія.

Ужъ очень должна была быть сильна его любовь, если онъ не могъ уклониться отъ нея, разбить, задушить ее въ самомъ зачаткѣ и принести въ жертву искусству и дружбѣ. Онъ ничего въ мірѣ не ставилъ выше долга и дружбы, и онъ первый открылъ Строцци, онъ не могъ не чувствовать, что Строцци имѣетъ право на Клариссу, право человѣка, безпомощнаго въ жизни и великаго въ искусствѣ, право человѣка, дошедшаго до края паденія и великими щедротами женственности возрожденнаго къ великому подвигу жизни,— и онъ все-таки не могъ, не могъ вырвать любовь изъ своего сердца, не могъ убѣжать отъ ея теплыхъ лучей, повернуться спиною къ солнцу и погрузиться въ холодную волну одиночества.

И что сама Кларисса чувствовала къ Строцци? Коснулись ли и ее разладъ и раздвоенность жизни? Помутился ли чистый источникъ ея свободной, дарящей и щедрой души? Можетъ быть, обаянье Гужанова осталось во всей своей силѣ, и она съ чистымъ сердцемъ и невинными глазами протягивала руку дружбѣ? Или черезъ душу ея прошла уже трещина, и одинъ неосторожный моментъ могъ погубить всѣ рѣшенія воли и требованія привязанности и любви?

„Сестра Кларисса!“ Неужели онъ видѣлъ въ ней только сестру милосердія? Не было ли въ этомъ словѣ другого скрытаго смысла, и не могла ли она почувствовать, что была для него больше, чѣмъ даже родною сестрой? Можетъ быть, онъ на нее навѣялъ иныя грезы,—и дѣйствительность предстала передъ ней тяжелымъ пробужденьемъ.

„Сестра Кларисса!“ И чѣмъ была она на самомъ дѣлѣ для Строцци? Сохранилъ ли онъ простоту братскаго чувства, чистоту благодарности и невозмутимость дружбы? Она ходила за нимъ во время его болѣзни, она вырвала его изъ

когтей смерти, она спасла его для искусства. Она пробудила въ немъ мечту, и мечта превратилась въ искусство. И, можетъ быть, его новая работа откроетъ намъ ту бездну чувства, которая скрывалась подъ робкимъ и нѣмымъ преклоненьемъ. И что будетъ съ нимъ тогда, если онъ узнаетъ, что Кларисса любитъ другого, любитъ его же лучшаго друга?

Между нами установилось какое-то молчаливое соглашеніе оттянуть, отсрочить, насколько можно, этотъ тяжелый и страшный моментъ пробужденія. Драматическое дѣйствіе, разыгрывающееся вокругъ насъ, невольно втягивало и насъ, и мы взяли на себя добровольную роль охранителей Строцци. Впрочемъ, роль эта не представляла почти никакихъ трудностей: при полномъ уединеніи Строцци онъ едва ли имѣлъ возможность что-нибудь замѣтить. И все-таки мы все время съ замираніемъ сердца ждали, что вотъ-вотъ что-то прорвется, какъ нѣжная сѣть паутины, которая серебрится въ сіяніи солнца, и которую малѣйшее дуновеніе вѣтерка можетъ разорвать и разсѣять. Какъ красива эта паутина, и какъ опасна для столькихъ невинныхъ созданій, стремящихся къ солнцу!

Кларисса, попрежнему, каждый день приходила къ Строцци, и онъ бралъ ея руку и гладилъ ее попрежнему ласково и кротко. Кларисса отдавала ему этотъ часъ, а любовь ея принадлежала другому. Ничто земное не смущало ихъ отношеній. Она жила его искусствомъ, и въ искусствѣ она сливалась съ нимъ братскимъ единствомъ.

Строцци ничего не зналъ о томъ, что происходитъ вокругъ него, и жилъ попрежнему отшельникомъ. Но жизнь должна была прорваться и въ его уединеніе.

XVIII.

Онъ закончилъ свое произведеніе и долго въ раздумьи стоялъ передъ нимъ. Онъ разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Потомъ взялъ рѣзецъ и молотокъ и сталъ вбивать въ цоколь букву *К*.

Въ дверь постучались, и раздался голосъ Клариссы.

Онъ отперъ дверь.

— Сестра Кларисса?

Голосъ его звучалъ теплѣе обыкновеннаго; онъ дольше обыкновеннаго держалъ ея руку въ своей и глубже заглянулъ ей въ глаза.

— Кончилъ,—сказалъ онъ.

Онъ подвелъ ее къ статуѣ и указалъ на букву, высѣченную въ цоколѣ.

— Я только что собирался высѣчь твое имя, Кларисса,— началъ онъ просящимъ и робкимъ голосомъ, потомъ продолжалъ тихо и проникновенно.—Я хотѣлъ посвятить тебѣ эту статую, Кларисса. Тебѣ, потому что ты все, что есть чистаго и свѣтлаго въ моей жизни, источникъ живой воды, по которому я томился всю жизнь и который въ тебѣ лишь нашелъ и обрѣлъ. Все, что ты видишь на этомъ мраморѣ, этотъ родникъ, охраняемый геніемъ жизни, все это ты, ты, Кларисса, все это твое, тобою вызвано, вызвано стремленіемъ къ тебѣ, вызвано любовью...

Слова его перешли въ горячій шопотъ.

И вдругъ что-то сжало ей грудь, вѣки ея поднялись, она поблѣднѣла, какъ снѣгъ. Ее объялъ пылающій пожаръ, ее сковалъ леденящій холодъ. Она вдругъ очнулась. Жизнь, какъ хищная птица, налетѣла на нее и глубоко вонзилась ей въ грудь. Страхъ объялъ ее, она хотѣла бѣжать и не могла; она чувствовала все свое безсиліе, не могла уйти, не могла смотрѣть въ лицо дѣйствительности и должна, должна была ее понять.

Вся ея жизнь вдругъ предстала предъ нею, какъ грѣхъ и разладъ; все, что было чистаго въ ней, оказалось ложью, всѣ ея чувства — притворство, весь свѣтъ ея—мракъ и вся кротость, вся доброта—измѣна и вѣроломство.

Это было выше ея силъ.

Она зашаталась и упала, какъ падаетъ съ дерева листъ. Она обхватила руками его ноги и рыдала.

— Арно, братъ, другъ,—рыдала она.

— Кларисса, — прошепталъ онъ, тихо гладя ее по волосамъ.

— Ты обманутъ. Я нечиста, Арно.

— Но я люблю тебя, Кларисса.

— Но я... я люблю...

Слова остановились въ ея горлѣ.

Онъ вдругъ все понялъ.

— Ты любишь Гужанова,—прошепталъ онъ.

— Да,—простонала она. — И, несмотря на весь ея ужасъ и страданіе, это „да“ звучало твердо и проникновенно.

Онъ быстро нагнулся и поднялъ ее.

— Благодарю, благодарю тебя, Кларисса.

Онъ обнялъ ее.

Онъ боролся съ собой. Она безвольно лежала въ его рукахъ.

— Кларисса, я не держу тебя, — вдругъ дрожащимъ голосомъ заговорилъ онъ.

Онъ стиснулъ зубы.

Потомъ прибавилъ мягко и кротко.

— Иди къ нему, Кларисса.

Она, шатаясь, пошла къ двери.

Жизнь стояла передъ ней, и она, обезсиленная, изнеможенная, казненная, должна была смотрѣть прямо въ лицо жизни.

Она снова упала.

Потомъ стремительнымъ движеніемъ вскочила, обвила его голову руками и тихо поцѣловала его въ лобъ.

— Прощай, прощай, братъ Арно!

— Прощай, Кларисса!

Слова душили его.

Она ушла.

XIX.

Кларисса побѣжала къ Гужанову, и черезъ часъ Гужановъ пришелъ въ мастерскую Строцци.

Тотъ все еще неподвижно стоялъ передъ своей работой. Гужановъ не рѣшался заговорить съ нимъ. Глубокая грусть проникла въ его сердце и сжала его желѣзными когтями.

Строцци долго еще стоялъ, неподвижно уставясь въ одну точку. Потомъ онъ закрылъ лицо руками, точно желая вобрать въ себя какое-то видѣніе, запечатлѣть его на всю жизнь.

Когда онъ снова открылъ лицо, весь онъ какъ бы преобразился. Все въ немъ, казалось, дышало силою, изобиліемъ, мощью. Онъ точно вышелъ изъ закаляющаго горнила.

Въ тотъ вечеръ мы отправились къ Строцци. Онъ не открылъ намъ двери.

На слѣдующій вечеръ мы снова пришли. Никто не отозвался на нашъ стукъ. Намъ это показалось подозрительнымъ, и мы выломали дверь.

Мы увидѣли, наконецъ, твореніе Строцци. Темный, бездонный колодецъ. Три колѣнопреклонныя женщины, низко склонившись надъ краемъ, охраняютъ воды его. Въ нихъ какъ бы испарилось все тѣлесное и земное; онѣ какъ бы растворялись, таяли въ своей священной задачѣ. Дѣтская невинность и чистота сочетались съ божественной красотой и набожнымъ аскетизмомъ.

Кругомъ храмовая тишина. Мы безшумно вышли изъ мастерской и сѣли на скамью.

Слышно было только наше тихое, сдержанное дыханье. Передъ этимъ великимъ твореніемъ все стихало въ торжественномъ благоговѣніи.

И вдругъ онъ прошелъ мимо насъ. Образъ его мелькнулъ передъ нами, такой же цѣломудренный и чистый, какъ эти

женщины, которыхъ онъ создалъ,—и еще было въ немъ что-то другое, чего не было въ нихъ, спасенье и очищенье, мраморность и холодъ, одухотворенность и святость,—и теплота, тѣлесность, алая кровь и человѣчно-женственное чувство.

Мы все еще не уходили.

Вдругъ одинъ изъ насъ сказалъ: — Мы точно прислушиваемся къ паденью водяныхъ капель.

Опять насъ обступила тишина.

— Мы какъ точно молимся,—опять промолвилъ кто-то.

И послѣ долгаго, долгаго молчанья заговорилъ Гужановъ.

— Онъ вернется съ богатыми сокровищами, какъ караванъ, возвращающійся изъ пустыни.

И тишина, казалось, поглотила его слова.

Вдругъ кто-то спросилъ: „А Кларисса?“

Гужановъ вдругъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, вскочилъ и сталъ испуганно озираться.

Кларисса не пришла сегодня въ мастерскую. Это случалось и раньше; мы на это не обратили вниманья. Гужановъ бѣжалъ, бѣжалъ, точно его звали на помощь.

XX.

Мы принесли Клариссу въ мастерскую Строцци.

Мы положили ее у ногъ его статуи и окружили ее лаврами.

Рано утромъ она бросилась въ Сену, ее вытащили оттуда уже мертвой.

Мы нашли ее въ моргѣ.

Страшная смерть не исказила ея дивной красоты. Ея глаза сомкнулись, точно во снѣ, и руки спокойно лежали на груди.

Это были мирныя руки. Иногда только ночью, когда мы сторожили у ея трупа, намъ казалось, что въ нихъ вздрагиваетъ какой-то безпокойный, трепетный блескъ, но днемъ онѣ были спокойны и тихи и, точно поясомъ, облегали ея тѣло.

XXI.

Онъ вышелъ изъ города и въ послѣдній разъ оглянулся

Передъ нимъ раскинулось необъятное море домовъ.

Вокругъ него прибоемъ бились звуки утра,—внизу молчалъ клокочущій городъ.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ кругомъ.

Широкими струями лился на него лучистый свѣтъ утра, внизу изъ тумана блистали крыши, башни и куполы домовъ.

Вѣтеръ кружился вокругъ него, перепрыгивалъ черезъ траву и клеверъ и изобильные колосья; надъ нимъ блистала синева небесъ, изъ которой быстро испарялось послѣднее дыханіе ночи. Все кругомъ было ясно; ясно и необъятно: свѣтъ и вѣтеръ, и небо, и земля.

Онъ смотрѣлъ на городъ, гдѣ еще колыхались бѣлыя волны тумана. Но образы окружающаго не входили въ его душу. Въ его душѣ что-то сжалось, сомкнулось и не открывалось ужъ больше. Оно звучало твердымъ и неумолимымъ: прошло!

Хотѣлъ ли онъ распахнуть дверь и снова окинуть все взоромъ?

Онъ повернулся и пошелъ навстрѣчу дню. Утреннія пѣсни неслись и тянулись за нимъ.

* *
*

Только одинъ изъ насъ какъ-то случайно встрѣтился съ нимъ, да я однажды мелькомъ увидѣлъ его,—онъ внезапно вынырнулъ изъ толпы и снова затерялся въ уличномъ потокѣ. Я только успѣлъ замѣтить, что онъ сильно сгорбился и на лицѣ его лежала мрачная тѣнь, свитая терзаніями безсонныхъ ночей.

ВРАГИ.

(Разсказъ).

I.

Какъ всегда, подъ вечеръ у Володи были товарищи и, еще проходя по дорожкѣ сада, Лена слышала доносившіеся съ мезонина громкіе голоса, стукъ падающихъ вещей и топотъ ногъ—должно быть, тамъ возились. Окна были открыты, и голосъ самого Володи разносился по всему саду:

— Не вѣрно, не вѣрно: Шведе дѣлаетъ мостъ, и ты не долженъ брать кольцомъ, это неправильно...

— Опять борьба!...—слегка поморщившись, прошептала Лена,—странное увлеченіе...

Она прошла дорожку, обогнула клумбу, гдѣ пестрѣли высокіе, яркіе піоны, любимые цвѣты сестры Лизы, и вошла на балконъ. Несмотря на то, что было уже шесть часовъ и солнце зашло за Жезловскую рощу и по землѣ протянулись длинныя, голубоватыя тѣни, которыя такъ любитъ писать знакомый художникъ Тынча, на балконѣ еще не было самовара и посуда стояла кое-какъ.

Лена не любила безпорядка, особенно въ распредѣленіи дня—въ своемъ заграничномъ пребываніи она научилась цѣнить время, привыкла къ строгой, немного офиціальной чистотѣ пансіоновъ,—и ей было непріятно видѣть всю ту безтолковщину, которая появилась теперь въ домѣ.

Она пробыла заграницей три года, и за это время все измѣнилось и у знакомыхъ и дома. Сестра Лиза, которую она оставила гимназисткой пятаго класса, застѣнчивая и пугливая дѣвочка, стала уже дѣвушкой, какъ будто чуждой для Лены своей высокой, сложившейся фигурой, бросающимися въ глаза прическами съ массой локоновъ, и главнымъ образомъ развязнымъ, смѣлымъ тономъ настоящей актрисы. Лиза, окончивъ гимназію, поступила на драматическіе курсы и пробыла тамъ всего полгода, но уже успѣла усвоить себѣ тѣ странныя и казавшіеся Ленѣ неприличными

манеры, по которымъ сразу можно узнать провинціальную актрису и которыя такъ не шли къ образу скромной смущающейся дѣвочки, какою была три года тому назадъ Лиза.

Другимъ сталъ и Володя, оставшійся на второй годъ въ восьмомъ классѣ,—тотъ самый Володя, который такъ увлекался чтеніемъ, хорошо учился и принималъ дѣятельное участіе въ ихъ гимназической забастовкѣ, едва удержавшись изъ-за нея въ гимназіи. Теперь онъ рѣдко сидѣлъ дома, куда-то исчезалъ съ товарищами, ходившими въ рубашкахъ, заправленныхъ въ панталоны и широкихъ спортсменскихъ поясахъ. Все это былъ народъ необыкновенно здоровый, сильный, говорившій почти, кажется, исключительно о футболѣ, борьбѣ и какихъ-то тяжестяхъ, которые тотъ или другой почему-то выжимаютъ, а не поднимаютъ.

И неизмѣнными остались только одни старики—дядя и тетка, которыхъ въ семьѣ звали всѣ дѣти бабушкой и дѣдушкой. Какъ прежде по вечерамъ дѣдушка, низко надвинувъ на глаза широкій зеленый козырекъ, изъ-подъ котораго видны были только его старческія, синеватыя губы и неровная, теперь уже совсѣмъ сѣдая борода, читалъ вслухъ въ столовой подъ висячей лампой возлѣ самовара, а бабушка, неутомимо мелькая бѣлымъ костянымъ крючкомъ, вязала безконечное бѣлое одѣяло изъ толстой мохнатой шерсти.

Когда впечатлѣніе ея пріѣзда нѣсколько улеглось и къ ея присутствію всѣ въ домѣ привыкли, Лена зашла вечеромъ въ столовую и увидѣла стариковъ возлѣ потухшаго самовара за обычнымъ занятіемъ—она невольно улыбнулась ласковой улыбкой, и ей показалось, что она никуда не уѣзжала и не было этихъ трехъ лѣтъ заграничныхъ скитаній изъ Лозанны въ Нанси, изъ Нанси въ Женеву, потомъ въ Льежъ, въ Марсель... И не было ничего тяжелаго и больного, что такъ трудно было пережить и отъ чего на лицѣ ея показались чуть замѣтныя морщинки, и темные круги легли подъ строгими, черными глазами.

— Какъ прежде...—чуть слышно прошептала она, присѣвъ въ гостинной противъ двери такъ, чтобы видѣть стариковъ и не потревожить ихъ своимъ присутствіемъ,—совсѣмъ какъ прежде, когда спускаешься бывало съ верху ужинать... Милые старики!..

Она слушала хрипловатый голосъ дѣдушки, по старческой близорукости державшаго толстую книгу журнала далеко отъ глазъ, ловила запутанные періоды какой-то статьи, и мягкія, неожиданныя слезы чувствовались въ вѣкахъ и, почти плача и одновременно улыбаясь, она шептала себѣ:

— Какъ прежде—какъ хорошо, какъ тихо!..

На дачѣ жизнь нѣсколько измѣнилась—старикамъ почти некогда было устраиваться подъ лампой съ книжкой, такъ какъ цѣлый день, а особенно по вечерамъ въ домѣ толкался народъ—по преимуществу молодой, веселый и вносившій безпорядокъ и суетню. Кое-кого Лена знала—земскаго врача Крынина, съ которымъ вмѣстѣ въ девятьсотъ пятомъ году работали на Воиновскомъ заводѣ, кандидата на судебныя должности Мюллера, тогда еще студента, товарища Володи Ярошко—уже студента, художника, поэта и декадента, какъ его звали Лиза и Володя. И всѣ они измѣнились, стали новыми, совсѣмъ не такими, какъ объ нихъ думала и представляла себѣ ихъ Лена—и глядя на нихъ, слушая ихъ голоса, Лена чувствовала странную отчужденность отъ всѣхъ этихъ нѣкогда близкихъ и понятныхъ людей.

— И я, должно быть, измѣнилась...—думала она по вечерамъ у себя въ комнатѣ,—я постарѣла...

Она подходила къ зеркалу, смотрѣла долгимъ внимательнымъ взглядомъ въ свое лицо—и, слегка вздохнувъ, отходила.

— Двадцать девять, двадцать девять...—шептала она, ложась въ знакомую съ дѣтства постель, особенно любимую потому, что на ней спала покойная мать,—двадцать девять... Какъ много!

II.

Знакомая и тоже измѣнившаяся—выровнявшаяся въ крѣпкую, сильную дѣвушку въ модной прическѣ, горничная Нюша, что-то напѣвая, вошла на балконъ и тотчасъ же умолкла. Быстро, и какъ-будто сердясь, она стала собирать посуду, брякая чайными чашками и швыряя ложки.

— Что такъ чай поздно? Вѣдь седьмой часъ уже,—проговорила Лена, взглядывая на браслетъ-часы,—гдѣ бабушка?

— Въ саду, должно быть...—коротко отвѣтила Нюша.

Она принесла самоваръ, заварила чай и, оправивъ завернувшуюся скатерть, вышла.

— Нюша, зови чай пить всѣхъ!—крикнула ей вслѣдъ Лена—найди дѣдушку съ бабушкой и скажи Володѣ...

— Сами придутъ...—отозвалась изъ дома Нюша,—чего ихъ звать...

Лена нахмурилась и приказала:

— Полоскательную чашку не подала, принеси сейчасъ же!..

И, когда Нюша принесла, строго сказала ей своимъ суховатымъ голосомъ:

— Я тебя не узнаю, Нюша,—ты грубишь, говоришь дерзости... Стыдно! Пойди сейчасъ же въ садъ и зови дѣдушку съ бабушкой, и попроси сверху къ чаю. Ступай!

Нюша сложила презрительно губы, дернула плечомъ и, напѣвая, сбѣжала въ садъ.

Она только что сбѣжала со ступеней, какъ въ глубинѣ дома послышались грузные, неторопливые шаги, и кто-то кашлянулъ.

— Платонъ Васильевичъ, это вы?—окликнула Марія.

— Я...—отозвался шедшій,—что это у васъ пустыня? Здравствуйте...

Вошелъ Крынинъ—тяжелый, сильно располнѣвшій съ тѣхъ поръ, какъ его не видѣла Лена, въ чемъ-то неуловимо опустившійся и какъ будто облѣнившійся. Онъ пожалъ руку своими мягкими, пухлыми пальцами, сѣлъ на мѣсто, гдѣ сидѣлъ обычно, и потянулся за папиросами.

— Вы позволите?—спросилъ онъ, уже закуривая и глядя на закручивающуюся чернымъ уголькомъ спичку.

— Нѣтъ, не позволю,—насмѣшливо усмѣхаясь, отвѣтила Лена,—вы отлично знаете, что курить у насъ можно, и каждый разъ спрашиваете...

Крынинъ посмотрѣлъ на нее вялыми, заплывающими мягкими складками желтоватой кожи глазами и, не улыбаясь, замѣтилъ:

— Развѣ? Можетъ быть... Не въ томъ дѣло...

Лена еще разъ посмотрѣла на него и невольно подумала то, что думала каждый разъ, какъ видѣла его теперь:

— „Какъ онъ пополнѣлъ... Некрасиво... И вообще измѣнился!..“

Крынинъ служилъ старшимъ врачемъ въ земской колоніи для душевно-больныхъ. Колонія была построена въ сосновомъ лѣсу, въ четырехъ верстахъ отъ дачнаго поселка, гдѣ жили Коневскіе, и каждый день послѣ обѣда Крынинъ приходилъ сюда. Если никого не было, онъ проходилъ на балконъ, садился на свое мѣсто въ узкомъ концѣ стола, закуривалъ и сидѣлъ, почти не двигаясь, до тѣхъ поръ пока не приходилъ кто-нибудь—бабушка или Лиза, или кто-нибудь изъ товарищей Володи. Говорилъ онъ мало и неохотно, больше слушалъ и пилъ чай—чаю онъ могъ выпить стакановъ десять, рѣдко спорилъ и, чуть слышно, кряхтя и посапывая носомъ, таскался всюду за молодежью. Надъ нимъ иногда подшучивали, иногда забывали про него, и онъ не напоминалъ о себѣ, тихонько сидѣлъ гдѣ-нибудь въ углу и курилъ толстыя, какъ ружейные патроны, папиросы.

Когда затѣвался какой-нибудь принципіальный споръ, онъ слегка морщился, какъ человѣкъ, которому все это давно надоѣло, закрывалъ глаза; можно было подумать, что онъ дремлетъ. А когда его спрашивали, онъ лѣниво взглядывалъ на спрашивавшаго и говорилъ, отводя глаза:

— Не въ томъ дѣло!..

Ближе всѣхъ съ ними сошелся давнишній знакомый Коневскихъ бывшій репетиторъ Володи, нынче женихъ Лизы, кандидатъ естественникъ Заводчиковъ. Онъ тоже являлся каждый день, иногда приходя вмѣстѣ съ Крынинымъ изъ колоніи, гдѣ была порядочно оборудованная и совершенно никому не нужная лабораторія.

Крынинъ былъ старше Заводчикова лѣтъ на десять, но между ними были отношенія, напоминающія дружбу. Заводчиковъ былъ химикъ, и надъ нимъ смѣялись, что, кромѣ химіи, онъ ни о чемъ не могъ говорить, и Володя со своими пріятелями звалъ его Лактобацилиномъ. Онъ много читалъ въ этой области, и когда говорилъ, то не всегда можно было понять, о чемъ онъ, собственно, говоритъ. У него была немного смѣшная привычка вспоминать свои гимназическіе годы, товарищей, съ которыми учился, преподавателей—и подолгу подробно разсказывать объ этомъ. Въ этомъ сказывалась какая-то боязнь дѣйствительности, такъ же, какъ къ его увлеченіи химіей,—увлеченіи, которое никакъ не могло вылиться въ опредѣленную форму. Онъ не зналъ, что будетъ дѣлать въ жизни, и мечталъ то о дѣятельности преподавателя, то профессора, то лаборанта на какомъ-нибудь заводѣ. И говорилъ обо всемъ этомъ онъ тихимъ, скромнымъ голосомъ, пожимая бѣлые, длинные пальцы и глядя въ землю. Лена пробовала его расшевелить воспоминаніями прежняго времени, когда они вмѣстѣ жили въ одномъ городѣ, но изъ этого ничего не выходило.

— Да, да,—крѣпко сжимая пальцы, говорилъ Заводчиковъ,—какъ же, помню... Тогда еще съ нами былъ Пануринъ, помните, мы его въ гимназіи звали ишекомъ... Онъ, бывало, въ университетѣ зайдетъ въ лабораторію — что это, говоритъ, хвимія? Съ нимъ вмѣстѣ жилъ еврейчикъ нашъ одинъ, тоже вмѣстѣ учились, Лейба Рундель, — такъ онъ однажды, когда былъ въ третьемъ классѣ, получилъ колъ по-гречески и пришелъ ко мнѣ. Какъ, говоритъ, ты мнѣ посовѣтуешь идти къ Мартьянычу:—это грекъ нашъ былъ—ругаться или подлизаться?...

— Да, да, помню, вы разсказывали это, — вяло отвѣчала Лена.

— А то еще Митя у насъ былъ—помните, учитель географіи? Станетъ бывало на каѳедрѣ и оттуда: ты, этого, что же тамъ, Заводчиковъ, опять урока, того, не приготовилъ, а?..

Борисъ старался копировать учителя и говорилъ растянутымъ, низкимъ голосомъ въ носъ, а Ленѣ казалось, что онъ и это уже разсказывалъ однажды и также гнусилъ и тянулъ слова давно исчезнувшаго куда-то учителя.

Съ Ярошко было интереснѣе, хотя то же ощущеніе пустоты преслѣдовало ее.

Крынинъ никогда ничего не разсказывалъ, и про свою колонію говорилъ, что это музей хрониковъ, въ которомъ некого лѣчить, потому что лѣчить трупы глупо, и когда его просили посмотрѣть кого - нибудь или прописать рецептъ онъ морщился, какъ-будто его втягивали въ споръ, и старался какъ-нибудь отдѣлаться отъ назойливаго просителя повторяя черезъ пять словъ:

— Не въ томъ дѣло!..

Но было что-то общее въ нихъ обоихъ—этомъ какъ-будто усталомъ и во всемъ разочаровавшемся врачѣ и молодомъ, только что кончившемъ университетъ химикѣ, увлекавшемся своей спеціальностью и вѣрившемъ, что будущее принадлежитъ химіи. Должно быть, оттого было впечатлѣніе сходства, что оба они отошли отъ жизни и какъ бы сторонились ея, и отъ этого часто бывали вмѣстѣ, появляясь одновременно, и одновременно уходя.

— А что же Борисъ Илліодоровичъ?—спросила Лена.— Я думала вы придете вмѣстѣ...

— Онъ былъ сегодня—онъ придетъ... Я полагалъ застать его уже здѣсь,—отозвался Крынинъ, задумчиво стряхивая пепелъ со своей толстой папиросы,—должно быть, будетъ сейчасъ... Лизы нѣтъ?

Въ силу давняго знакомства онъ звалъ сестру Лены уменьшительнымъ именемъ и отъ этого казался какъ-будто старѣе своихъ лѣтъ.

— Нѣтъ, я пришла—ея не было... Володя дома...

— Слышно...

— Что слышно?—не поняла Лена.

— Что Володя дома—наверху французская борьба... Въ гостинной трясется люстра и, подвѣски бренчатъ...

— Да ужъ эта борьба?—усмѣхнулась Лена,—я не знаю, что это такое... Я не была дома три года и узнать не могу ни Володю, ни Лизу... Володя сталъ какимъ-то спортсмэномъ—борьба, футболъ, лодка, какіе-то странные костюмы, разговоры—и мускулы, мускулы, мускулы... Это, конечно, юность, увлеченіе, но все-таки...

— Въ этомъ худого нѣтъ... Пускай развиваются, зато здоровы будутъ, и поколѣніе отъ нихъ будетъ здоровое...— сказалъ Крынинъ.

— Это конечно, но все же странно какъ-то... Я уѣзжала— все было другое, тогда какъ-то больше думали, что ли, читали...

— Не въ томъ дѣло...

— Вотъ вы всегда говорите — не въ томъ дѣло, не въ

томъ дѣло...—раздраженно замѣтила Лена,—вы сами не замѣчаете, что измѣнились и вы...

— „Покорный общему закону“, такъ кажется,—улыбнулся докторъ и полѣзъ за пепельницей,—не въ томъ дѣло...

Пробѣжала Нюша и, скромно потупивъ глаза на ходу, сказала:

— Здравствуйте, баринъ...

Крынинъ лѣниво оглянулся на нее и отвѣтилъ:

— Здравствуй, голубушка...

Онъ проводилъ горничную глазами, потомъ посопѣлъ носомъ и перевелъ взглядъ на Лену.

— Такъ вы находите, что я перемѣнился?—продолжалъ онъ,—всѣ мѣняемся, такое ужъ дѣло... И вы тоже...

Онъ не успѣлъ кончить, такъ какъ изъ боковой аллейки показались старики. Дѣдушка по обыкновенію былъ въ своемъ козырькѣ,—онъ носилъ его не снимая и, кажется, даже спалъ въ немъ,—и съ книжкой, которую только что читалъ вслухъ.

Крынинъ приподнялся при ихъ приближеніи и, чуть усмѣхаясь, проговорилъ:

— Все Анну Михайловну просвѣщаете? Здравствуйте, Сергѣй Лукичъ...

— А вы все смѣетесь надъ нами, стариками? Нехорошо, нехорошо... Вотъ вчера получили новую книгу—чудесная статья есть, прочтите... — рекомендовалъ старикъ, кладя книгу на столъ и растерянно ощупывая карманы домашней сѣренькой тужурки.—Нюточка, гдѣ мой платокъ?

— Вѣрно, тамъ оставилъ, на скамейкѣ...

— Нѣтъ, я бралъ, я помню, что захватилъ его... Ага, вотъ онъ!.. Да, такъ чудесная статья—свѣжо, живо такъ написана... Обязательно прочтите!..

— Ну ужъ, гдѣ мнѣ!—усмѣхнулся докторъ,—это ужъ по вашей части...

По лѣстницѣ, ведущей изъ мезонина внизъ, послышался грохотъ, потомъ смѣхъ, и чей-то низкій, гудящій голосъ крикнулъ:

— Нѣтъ ужъ это ты оставь—мы Веселовской командѣ пропишемъ ижицу—голькиперомъ я, Столбухинъ...

— Съ ними трудно! У нихъ такой опытный, какъ Гентъ, это не шутка...

— Гдѣ имъ, синимъ, противъ насъ! Брось, Володя!..

На балконъ разомъ вышли Володя, вновь испеченный студентъ Шведэ и второкурсникъ агрономъ Столбухинъ Они вошли шумно, продолжая начатый наверху споръ, быстро двигались, здороваясь и въ то же время говоря, и сразу заполнили весь балконъ. Позже всѣхъ сошелъ внизъ Завод-

чиковъ. Какъ оказалось, онъ давно уже пришелъ и, не найдя дома Лизы, просидѣлъ наверху все время, безмолвно слушая споры о футболѣ и французской борьбѣ,—тихо поглядывая изъ угла, куда онъ обыкновенно забирался, и не принимая никакого участія въ оживленіи молодежи.

— Я думала, васъ нѣтъ,—встрѣтила его Лена, здороваясь,—Платонъ Васильевичъ говорилъ, что вы должны придти...

— Я не нашелъ Елизаветы Петровны и прошелъ къ Володѣ... Тамъ сидѣлъ у нихъ...—слегка улыбаясь, какъ будто въ чемъ-то извиняясь своей улыбкой, отвѣчалъ Заводчиковъ,—смотрѣлъ ихъ борьбу...

— Ужъ эта борьба!—недовольно замѣтила бабушка,—сколько вы стульевъ однихъ переломали...

— Ну ужъ, бабушка, это вы оставьте: борьба—чудесное дѣло... Не бойсь, сами жалѣли бы, если бы мы были какими-нибудь бабами...

— Володя, какія выраженія!...—укоризненно взглянула на брата Лена,—что съ тобой?...

— Ты только и знаешь, что все время всему удивляешься—всѣмъ говоришь: „что съ тобой, да что съ тобой"...—отозвался Володя и, не обращая больше вниманія на сестру, опять заспорилъ съ Шведэ:

— Нѣтъ, ты не надѣйся особенно—синіе, они, братъ, сильные—они, того и гляди, такъ пропишутъ намъ...

— Володя!..—пыталась остановить Лена, но онъ только сердито отмахнулся на нее.

Шведэ—огромный толстый нѣмецъ съ широкой грудью и ясно намѣчавшимися подъ бѣлой спортсмэнской рубашкой мускулами на рукахъ,—покручивалъ молодые свѣтлые усы и время отъ времени бросалъ успокоительно:

— Ничего... Это пустяки, если голькиперомъ будетъ вотъ онъ...—онъ кивалъ на Столбухина,—ничего...

— Да нѣтъ, ты смотри,—горячился Володя,—вѣдь прошлый матчъ мы продули изъ-за чего? У нихъ Веселовскій прямо фокусы показывалъ... Удивительный ударъ...

— Веселовскій только ловкостью беретъ, а силы у него нѣтъ...

— Оставь пожалуйста, онъ головой такъ отбиваетъ, что...

— Володя!..—пробовала остановить его Лена,—право, всѣмъ ужъ не такъ интересно все это...

— И вотъ, Леночка, все время такъ, все время,—жаловалась бабушка,—только и разговоровъ, что ударъ, да отбиваетъ, да принялъ какъ-то тамъ...

— Молодость, молодость...—улыбались изъ-подъ закрывав-

шаго все лицо козырька губы дѣдушки,—это пускай, это ничего...

— Лизаньки вотъ тоже нѣту,—ворчала бабушка,—со всѣмъ съ толку всѣ сбились, никакого порядка нѣтъ...

— Они идутъ, бабушка, я сверху видѣлъ ихъ—они на станціи были...

Дѣйствительно, минутъ черезъ пять въ саду у калитки, невидимой за деревьями, раздался звучный, казавшійся Ленѣ всегда немного искусственнымъ, смѣхъ Лизы и отвѣчавшій ей голосъ Мюллера...

Лена мелькомъ взглянула на Заводчикова; ей казалось, что ему должно быть непріятно постоянное присутствіе около его невѣсты этого самодовольнаго и пустого кандидата на судебныя должности, красиваго и безпутнаго, типичнаго представителя той мужской половины, которую такъ не любила она. Но химикъ сидѣлъ совершенно спокойно, негромко объясняя что-то бабушкѣ, на что та сочувственно кивала головой.

— „Лактобацилинъ,—вспомнила Лена данное Володей прозвище,—вотъ ужъ именно лактобацилинъ“...

III.

Лиза появилась на верандѣ съ тѣмъ же слегка задыхающимся, какъ будто немного придушеннымъ смѣхомъ, оживленная и игривая. Она была высокаго роста и отъ бѣлаго пикейнаго платья, перехваченнаго высоко подъ самой грудью голубой лентой, казалась еще выше, и эта игривость, тоже—какъ думала Лена—искусственная, не шла къ ней. Низко нагибая голову и сверкая продолговатыми глазами, яркими улыбающимися губами, слегка открытой шеей, она здоровалась, продолжая между тѣмъ говорить съ Мюллеромъ, протягивая высоко поднятую руку небрежно и граціозно, какъ протягиваютъ героини на сценѣ для поцѣлуя.

— Да? Вы думаете?—говорила она Мюллеру,—ну-съ это вы ошибаетесь, о-очень ошибаетесь, милый мой... Здравствуйте Шведэ, здравствуйте, мой единственный,—обратилась она къ жениху,—сейчасъ придетъ Тынча—мы его видѣли въ курзалѣ и, можетъ быть, Ярошко... Мы будемъ выбирать пьесу...

— Ми-и-илы-ы-й мой, оста-авь всѣ сомнѣ-ѣ-нія прочь...—запѣла она, поправляя тяжелую, обремененную массой локоновъ прическу,—я думаю остановиться на „Сорванцѣ“...

Мюллеръ поздоровался со всѣми и сѣлъ къ столу.

— Зачѣмъ же вы были въ курзалѣ? Такъ далеко...—замѣтила Лена.

— Елизавета Петровна захотѣла пить—я предложилъ ей зайти въ лавочку къ Захару, но она отказалась...—доложилъ Мюллеръ,—говоритъ, что грязные стаканы и содовая теплая...

— Терпѣть не могу этихъ лавочекъ... Вы меня еще кислыми щами попробовали бы угощать!..—отозвалась Лиза.

Все въ ней—начиная съ этихъ локоновъ, отзывавшихъ въ глазахъ Лены дурнымъ вкусомъ и кончая легкомысленно бойкимъ тономъ, такъ не идущимъ къ ея большой и тяжеловатой фигурѣ, за которую ее въ дѣтствѣ Володя звалъ оглоблей, этой близостью съ Мюллеромъ, извѣстнымъ рестораннымъ завсегдатаемъ, покучивающимъ карьеристомъ, близостью, особенно непонятной оттого, что Лиза считалась уже невѣстой Заводчикова,—все было непріятно Ленѣ и слегка раздражало ее. Она никакъ не могла привыкнуть къ тому воцарившемуся въ домѣ странному настроенію, когда всѣ какъ-будто ухаживали за Лизой, и она принимала эти ухаживанья, склонивъ низко голову и сверкая исподлобья своими зеленоватыми глазами, постоянно открывая улыбкой бѣлые ровные зубы.

— Вы позволите чаю?—именно потому что онъ ей не нравился, особенно любезно обратилась Лена къ Мюллеру.

— Да, пожалуста, очень вамъ благодаренъ... Да, такъ мы съ Елизаветой Петровной совершили путешествіе въ курзалъ и тамъ обрѣли Тынчу и Ярошко... Сидятъ милые художники и пытаются ухаживать за буфетчицей... А та строитъ имъ глазки и черезъ два слова спрашиваетъ: вамъ коньяку? А вамъ рябиновой?... Такъ что я счелъ долгомъ предупредить художниковъ, что это ухаживанье имъ можетъ дорого обойтись...

— Что же они тамъ—вдвоемъ только?—спросилъ Володя.

— Втроемъ, если считать буфетчицу Женичку...—поправилъ Мюллеръ.

— Почему же „если считать“?—пожала плечами Лена—ей не нравился тонъ, которымъ говорилъ Мюллеръ,—если считать Тынчу и Ярошко, то отчего же не считать эту, какъ вы ее называли, Женичку... она такой же человѣкъ...

— Ничуть не оспариваю этого, хотя въ вопросѣ о такомъ же человѣкѣ остаюсь при особомъ мнѣніи—нѣкоторая разница есть...—вѣжливо отвѣтилъ Мюллеръ.

Гимназисты фыркнули.

— Вы говорите пошлости, Федоръ Кирилловичъ,—вспыхнула Лена,—я хотѣла сказать, что нѣтъ причинъ отзываться такъ презрительно о дѣвушкѣ, служащей въ буфетѣ...

— Я очень понялъ, какъ говоритъ нашъ предсѣдатель суда, и съ вашей характеристикой моего выступленія мирюсь только потому, что вы сдѣлали исключеніе и назвали меня по имени и отчеству, а не Мюллеромъ, какъ обыкновенно... Что касается такого же человѣка, то я отнюдь не намекалъ на что-либо, карающееся по тысячу первой статьѣ, смѣю васъ увѣрить...

— Я не знаю, о чемъ вы говорите и какая такая статья, но я постоянно вижу, что достаточно какой-нибудь дѣвушкѣ служить продавщицей или въ какомъ-нибудь буфетѣ, чтобъ къ ней относились презрительно,—говорила Лена, уже слегка волнуясь и подбираясь, какъ всегда, когда ей приходилось спорить.

— Ну, опять споры начинаются...—вздохнула Лиза,—послушайте, мой единственный...

— Лактобацилинъ,—подсказалъ Володя.

— Володька, какъ ты смѣешь? Паршивый мальчишка...—ударила его концомъ ленты Лиза,—мой единственный, садитесь сюда ближе и перестаньте молчать!

Лена сбоку, мелькомъ посмотрѣла на сестру и чуть-чуть нахмурилась.

„—Она готова кокетничать даже съ братомъ,—подумала она,—впрочемъ, это не для него, а для всѣхъ остальныхъ какъ на сценѣ... И этотъ „паршивый“—... поморщилась она некрасивому слову.

— Это, позвольте вамъ замѣтить,—говорилъ между тѣмъ ей Мюллеръ, спокойно отламывая кусочки сухарика,—такъ называемый естественный подборъ и только... Большинство дѣвушекъ служащихъ, продавщицами или буфетчицами, представляютъ изъ себя особъ для такъ называемаго легкаго чтенія...

— Фи, какія у васъ выраженія!.. легкаго чтенія!..—привычной гримаской поморщилась опять Лена,—если это даже такъ, какъ вы говорите,—хотя я не думаю, чтобъ это было такъ,—то кто же виноватъ въ этомъ? Исключительно мужчины...

Со времени своего пріѣзда она часто спорила и выходило всегда какъ-то такъ, что она первой начинала споръ. То, что она говорила, было продумано, перечувствовано, вынесено изъ всей ея жизни, и когда на это ей отвѣчали избитыми старыми словами, чтобы только отвѣтить и въ сущности ничуть не старались понять ее, стать на ея точку зрѣнія, ей казалось, что вся жизнь внезапно суживается, дѣлается какимъ-то узкимъ темнымъ корридоромъ, въ который ее насильно толкаютъ—и она волновалась, сердилась и не находила словъ.

— Простите меня, Мюллеръ, но это пошлость... Это фразы и ничего больше... Въ то время, когда женщина стала за свои права...

— Стала за свои права—это не по-русски...—вставилъ Володя, отставляя стаканъ и подымаясь.

— Ахъ, оставь пожалуйста: „не по-русски!"—раздражительно бросила ему Лена,—ты бы лучше въ восьмомъ классѣ не оставался...

— Это въ огородѣ бузина а въ Кіевѣ дядька,—съ полнымъ спокойствіемъ характеризовалъ Володя, поправляя свой широкій кожаный поясъ.—Милорды,—не пошли въ садъ?

Шведэ и Столбухинъ поднялись и пошли за нимъ. Немного погодя встали и Лиза съ Заводчиковымъ. Они пошли не въ садъ, а въ комнаты, и на балконѣ стало свободнѣе.

Сидѣвшій до сихъ поръ молча Крынинъ двинулся и попросилъ себѣ еще чаю.

— Я высказалъ не свое мнѣніе,—говорилъ Мюллеръ,—это мнѣніе Наполеона... Смѣю надѣяться, вы не считаете его такимъ дуракомъ...

— Ахъ, Наполеонъ, Наполеонъ...—отмахнулась Лена,—всегда этотъ Наполеонъ, теперь еще Отто Вейнингеръ... Наполеонъ былъ солдатъ, а Вейнингеръ былъ талантливый, но развратный и больной мальчишка... Это не доказательства... Вы говорите— естественный подборъ, но вспомните Ницше—къ мудрецу привели юношу и сказали, что его испортили женщины...

— Да, да, знаю, помню,—такъ же, какъ она, отмахнулся Мюллеръ,—старая исторія... Знаете, Суворову говорили о томъ, что все ему дается, благодаря счастью, а онъ отвѣтилъ, что счастье да счастье,—надо же немного и умѣнья. Такъ и здѣсь—все мужчины, мужчины, но надо же сказать, что и всѣ эти Женички, не только исполняя соціальное зло бѣгутъ въ буфеты или куда тамъ еще, а и своей охоты немало... Вы говорите: „равноправіе, дайте равноправіе"... и все такое,—загорячился и онъ, приписывая Ленѣ то, чего она вовсе не говорила,—а вы поднимите вотъ этого милаго юношу?—указалъ онъ на молчаливо сидѣвшаго Крынина,—я подниму и, если нужно, донесу его до его музея... Вотъ то-то и есть!..—уже сердясь закончилъ онъ, рѣзко отодвигая недопитый стаканъ.

— Послушайте, это не аргументъ...—возмутилась Лена.—Платонъ Васильевичъ, скажите ему, что такъ нельзя...—обратилась она къ доктору.

Крынинъ посмотрѣлъ на нее равнодушнымъ, тусклымъ взглядомъ заплывшихъ глазокъ и тихо посопѣлъ:

— Какое тамъ равноправіе?—лѣниво усмѣхнулся онъ,—

У насъ вонъ лиги борьбы со смертной казнью организовываются, люди не могутъ никакъ понять, что убивать на законномъ основанiи развратъ и нелѣпость, а вы равноправiе...

— Ну, это вы уже, сударь мой, изъ другой оперы...—обратился къ нему Мюллеръ,—это, какъ говоритъ мой Гришка,—не въ ту дуете...

Крынинъ повелъ на него глазами и сталъ разминать папиросу.

— Вы не обижайтесь, я не про васъ, хоть вы и будете современемъ прокуроромъ,—отозвался онъ,—я такъ...

— Какое можетъ быть тамъ равноправiе, когда женщина девять мѣсяцевъ физически не можетъ быть равноправна мужчинѣ...— спорилъ Мюллеръ и его звучный, красивый голосъ, немного напоминающiй интонацiями голосъ опернаго пѣвца, разносился по всему дому—какое равноправiе...

Вечеръ уже совсѣмъ опустился, и широкое багровое зарево горѣло въ томъ краю неба, куда ушло солнце. Стало прохладнѣе, и земля насупилась и примолкла передъ ночью. Недолгiе предосеннiе сумерки шли неслышнымъ шагомъ по дорожкамъ сада, робко, какъ несмѣлый деревенскiй нищiй, пробирались въ комнаты, и сѣрая паутина ихъ стлалась вездѣ мягкой и нѣжной дымкой.

Въ концѣ сада, должно быть, у теннисной площадки, громко и четко раздавались голоса Володи и его товарищей. Еще дальше, на рѣкѣ, протяжно свистѣлъ пароходъ, и эхо долгимъ отзвукомъ перебрасывало этотъ гулкiй свистъ въ высокихъ берегахъ.

На балконѣ все спорили, и дѣдушка поочередно поворачивалъ къ каждому говорившему свой козырекъ и кивалъ одобрительно:

— Вѣрно, вѣрно, совершенно вѣрно, не могу не согласиться съ этимъ...

Пришла Нюша, убрала самоваръ и стала собирать посуду. Бабушка говорила ей что-то, на что она, поджавъ губы и слегка поводя плечомъ, оправдывалась:

— Я не знаю, это Акулина, должно быть, я не брала...

Споръ на балконѣ кончился потому, что пришли художники—не такъ уже молодой, усатый и начавшiй слегка лысѣть Тынча, жившiй въ дачномъ поселкѣ, какъ онъ говорилъ для этюдовъ, и студентъ филологъ—поэтъ, художникъ и декадентъ Ярошко. Онъ былъ очень молодъ—или казался такимъ молодымъ, слабый и хрупкiй, какъ дѣвушка, смотрѣвшiй на все своими большими, черными глазами грустно и вопросительно. Когда онъ ходилъ, то колебался на ходу, какъ тростинка, разсѣянно оглядывался вокругъ и слегка притрогивался къ предметамъ, мимо которыхъ шелъ—листь-

ямъ кустовъ, мебели въ комнатѣ, какъ-будто эти прикосновенія убѣждали его въ чемъ-то, какъ слѣпого; оба они часто бывали вмѣстѣ—вмѣстѣ писали свои этюды и постоянно, гдѣ бы они ни были, время отъ времени, замѣтивъ какое-нибудь эффектное освѣщеніе, красивое пятно или интересный мотивъ, переглядывались между собою понимающими взглядами и кратко опредѣляли впечатлѣніе названіемъ тѣхъ красокъ, которыми можно было бы написать то, что они видѣли.

Гдѣ-нибудь на прогулкѣ или на пикникѣ, глядя на заходящее солнце, Ярошко щурилъ свои красивые, печальные глаза, склонялъ голову на бокъ и бросалъ кратко Тынчѣ, слегка кивая головой на закатъ:

— Краплакъ...

Тынча такъ же склонялъ голову къ одному плечу, щурился, и, выставивъ впередъ руку съ завернутымъ кверху суставомъ большого пальца, словно трогая этимъ похожимъ на широкую лопаточку пальцемъ воображаемый мазокъ на воображаемомъ полотнѣ, соглашался:

— Здорово пущено... А сверху ультрамаринъ...

Володя, имѣвшій дурную гимназическую привычку давать всѣмъ прозвища, звалъ ихъ краплаками.

Можно было подумать, что весь міръ интересуетъ этихъ двухъ людей только съ точки зрѣнія тѣхъ красокъ, которыми можно было бы все это написать.

Ярошко дружилъ съ Тынчей, и Лена удивлялась, что могло соединить этого нѣжнаго, женственнаго, холенаго, какъ искуственный цвѣтокъ, мальчика съ грубоватымъ и грязноватымъ художникомъ, сильно напоминавшимъ особый типъ городского бродяги. Они подолгу бывали вмѣстѣ—писали свои этюды, причемъ этюды Ярошко такъ же мало походили на полотна Тынчи, какъ онъ самъ мало походилъ на того; но, несмотря на это, они словно заранѣе уговорившись видѣть все окружающее такимъ, какимъ оно каждому представляется, только время отъ времени обмѣнивались краткими замѣчаніями:

— Поль-веронезъ...—бросалъ Ярошко, заглядываясь на противоположный берегъ рѣки, гдѣ на лугу уже порядочно поднялась поздняя отава.

— Съ бѣлилами,—коротко поправлялъ Тынча,—въ тонѣ Ендогурова - серебристо-жемчужномъ и мутноватомъ...

— Надо писать чистыми тонами, никогда не мѣшать красокъ, это страшно грубо и тяжело,—замѣчалъ Ярошко.

— Ерунда!—впрочемъ, какъ вамъ угодно...—тотчасъ же соглашался Тынча—чистыми тонами нельзя достичь того богатства колорита, какой, напримѣръ, у Сегантины...

— А Гогенъ?

— Нѣтъ, ужъ позвольте, тогда возьмите Тархова...

Они не спорили, а только подсовывали другъ другу то или другое имя, и этого было достаточно, чтобы понять другъ друга. Ленѣ казалось порой, что они даже не говорятъ совсѣмъ, а, какъ муравьи, подойдутъ другъ къ другу, пошевелятъ какими-то щупальцами другъ другу по носу и расходятся, понявъ одинъ другого.

— Скучно, скучно...—шептала она, переходя изъ комнаты въ комнату, не умѣя опредѣлить того, что копилось въ душѣ,—скучно, скучно...

И усѣвшись на террасѣ въ широкое соломенное кресло, принималась ждать Крынина.

IV

За чаемъ сидѣли такъ долго, что всѣмъ показалось, будто они не успѣли оглянуться, какъ Нюша стала накрывать къ ужину. Чтобы не стѣснять прислугу и бабушку, распоряжавшуюся ужиномъ, всѣ встали изъ-за стола и спустились въ садъ.

— Ма-а-аякъ лю-у-убви-и-и, ма-а-аякъ свя-а-ащенны-ый...—запѣлъ Мюллеръ и такъ полнозвучно, что Володя съ товарищами сразу замолчали за деревьями,—къ те-э-эбѣ мо-о-ой че-о-олнъ напра-авилъ я-ааа...

— Өедоръ Кирилловичъ, гдѣ вы?—окрикнулъ Заводчиковъ—въ темнотѣ невидно было, когда онъ вышелъ.

— Ага...—отозвался докторъ.

— Пусть Мюллеръ споетъ, ну что это!..—раздался капризный голосъ Лизы съ той стороны, куда ушли товарищи Володи,—вѣчно только начнетъ и броситъ...

— Не могу, ибо много коньяку пилъ сегодня—отвѣчалъ Мюллеръ, закуривая, — у меня не голосъ, а благой матъ теперь!

Лена прошла по дорожкѣ къ площадкѣ, гдѣ играли въ теннисъ. Володи тамъ не было, а на лавочкѣ около сѣтки сидѣла Лиза и по обѣимъ сторонамъ ея Шведэ и свѣтившійся бѣлой рубашкой Столбухинъ. Оба они держали руки Лизы и поочередно цѣловали ихъ, а Лиза смѣялась слегка задыхающимся, негромкимъ смѣхомъ и откидывала назадъ отягощенную огромной прической голову.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спросила Лена, присматриваясь къ темнотѣ,—ужинать уже накрываютъ...

— Отдаемъ должное таланту...—отвѣтилъ Столбухинъ и, выпустивъ руку Лизы, поднялся.

— Я думала, ты въ комнатахъ,—не обращая на него вниманія, сказала Лена сестрѣ,—съ Борисомъ Илліодоровичемъ...

— Мы сидѣли тамъ, потомъ вышли,—переставъ смѣяться, произнесла Лиза и тоже встала,—пойдемте на балконъ...

На ужинъ подали яичницу на огромной черной сковородѣ, какъ любилъ дѣдушка, кислое молоко и оставшіяся отъ обѣда котлеты. Молодежь ѣла много и съ удовольствіемъ, а Мюллеръ и докторъ пили красное вино и спорили, какое вино лучше—кавказское или крымское.

— Но не въ томъ дѣло,—гудѣлъ Крынинъ, лѣниво играя узенькимъ стаканчикомъ, отъ котораго на скатерти бѣгалъ рубиновый зайчикъ,—я не знаю, какое лучше. Мнѣ больше нравится Кавказское вино, оно суше и рѣзче...

— Это какъ одинъ мой знакомый дьяконъ: закусываетъ только послѣ третьей, а когда его спрашиваютъ, почему онъ такъ дѣлаетъ,—онъ неизмѣнно отвѣчаетъ: лишѣй забираетъ...—усмѣхнулся Мюллеръ.

— Господа, господа, послушайте, что же это такое? послушайте!—тщетно взывала Лиза, выговаривая „послушайте“ такъ, что у нея выходило „посюшьте“,—что же это такое—какъ же съ пьесой? Вѣдь рѣшили же играть, какъ же такъ—опять ничего не выбрали?

— Ну что ты мнѣ толкуешь—бицепсъ, бицепсъ!—горячился Володя,—онъ, Гвоздевичъ, вообще сильный человѣкъ, у него мускулатура развита такъ, что ой-ой-ой...

— Бицепсъ, пожалуй,—снисходительно соглашался Шведэ,—но грифа у него совсѣмъ нѣтъ... Нѣтъ самаго настоящаго—схватки...

— Ахъ, да оставьте вы наши бицепсы! Какъ же съ пьесой-то быть?—пробовала остановить ихъ Лиза,—вѣдь надо же играть—вѣдь въ пользу же...

— Что ты, Лизанька? Польза, говоришь?—поворачивалъ къ ней свой зеленый козырекъ дѣдушка, — какая польза?

— Да мы играть рѣшили въ пользу... домъ у крестьянина тутъ сгорѣлъ—или что тамъ? Ну вотъ имъ что бы...

— Такъ, такъ, это хорошо...—кивалъ дѣдушка,—это очень хорошо!..

Лена разсѣянно слушала всѣхъ и смотрѣла на Крынина. Рядомъ съ ней за столомъ сидѣлъ Заводчиковъ и негромко, какъ-то особенно скромно, какъ говорилъ онъ всегда, склонивъ голову и вертя сцѣпленными пальцами рукъ, серьезно и убѣдительно, толковалъ:

— Видите ли, Елена Петровна, я еще не знаю собственно, куда пойду: мнѣ хотѣлось бы научной дѣятельности, и меня оставили при университетѣ, но, съ другой стороны, меня

влечетъ и педагогика... Наше дѣло педагогіи стоитъ на низкомъ уровнѣ, но наукой заняться тоже хотѣлось бы... Быть можетъ, я поступлю куда-нибудь даже на заводъ или фабрику лаборантомъ—тамъ, при наличности хорошей лабораторіи, можно заняться и химіей, какъ слѣдуетъ... Хотя, въ сущности, я по спеціальности ботаникъ...

Лена плохо понимала его и уже забыла, о чемъ спросила его. Только сдѣлавъ усиліе, она вспомнила, что спросила о томъ, куда теперь она думаетъ поступить; она почти не слышала, что онъ говоритъ, и только время отъ времени произносила для вѣжливости:

— Да? Вы думаете? Что-жъ, это хорошо...

Передъ ней сидѣлъ Крынинъ, уже замолчавшій и съ обычной своей манерой равнодушно прислушивавшійся къ тому, о чемъ говорилось за столомъ, прихлебывалъ изъ узенькаго стаканчика красное, какъ кровь, вино. Когда стаканчикъ пустѣлъ, онъ лѣниво тянулся за бутылкой, наливалъ себѣ самъ и опять прихлебывалъ медленно, спокойно и равнодушно.

— „Какъ онъ... перемѣнился!..—второй разъ за сегодняшшній день подумала Лена, — пожалуй, постарѣлъ даже... И опустился, облѣнился—кто бы могъ подумать?..“

Послѣ ужина всѣ, кромѣ стариковъ. пошли провожать доктора. Было сухо и темно, и со стороны полей доносился теплый и что-то напоминающій запахъ сжатой уже ржи. Далеко на горизонтѣ, тамъ, гдѣ былъ казенный лѣсъ, время отъ времени слабо и быстро вспыхивали зарницы, и отъ этого черный мракъ ночи казался таинственнымъ и жуткимъ.

Колонія была въ четырехъ верстахъ отъ дачи, но провожали обыкновенно до полотна желѣзной дороги, гдѣ у переѣзда, подъ большими старыми березами, на старой изрѣзанной многими поколѣніями дачниковъ скамейкѣ, сидѣли нѣкоторое время. Если дѣло было днемъ или подъ вечеръ, то пили молоко, которое приносила жена будочника—добродушная, опрятная баба Елена, знакомая всѣмъ дачникамъ.

До будки шли всѣ вразбродъ, растянувшись по дорогѣ и перекликаясь другъ съ другомъ незнакомыми, странно звучавшими голосами. Ночь была такъ темна, что, казалось, мракъ тушитъ человѣческій голосъ, какъ туманъ,—и отъ этого тоже было жутко и весело, какъ дѣтямъ, случайно зашедшимъ въ незнакомую комнату ночью.

По тяжелому короткому посапыванію рядомъ съ собой Лена догадалась, что рядомъ съ ней идетъ Крынинъ. Онъ шелъ молча, увѣренно и спокойно ступая по невидимой дорожкѣ, и похоже было—о чемъ-то думалъ, длинномъ и невеселомъ, о чемъ онъ думалъ всегда.

Впереди смѣялись и кричали, и голосъ Лизы доносился незнакомымъ, какъ всѣ голоса этой ночью,—манящимъ и обѣщающимъ.

— Это не ночь, а голландская сажа,—бубнилъ сзади Тынча, спотыкаясь о какіе-то холмики, которыхъ какъ-будто днемъ на дорогѣ не было,—чортъ знаетъ что такое!..

— Вамъ не страшно идти дальше одному? — спросила Лена, чувствуя, что въ темнотѣ Крынинъ раза два слегка толкнулъ ее плечомъ.

— Нѣтъ, чего же...

— Вы часто бывали у нашихъ въ мое отсутствіе?—спросила она и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:—какъ все измѣнилось за это время... Я просто узнать не могу... Или я измѣнилась— и никакъ не могу войти въ прежнюю обстановку съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ вышла изъ нея...

Ей хотѣлось сказать что-то значительное и большое, что она чувствовала, но фраза вышла длинной и запутанной, и отъ этого стало неловко.

— Не въ томъ дѣло...—отозвался Крынинъ,—выросли мы...

— Ну, положимъ, что мы и тогда не были такими дѣтьми... Просто—время измѣнилось, мнѣ кажется...

— Помните,—продолжала она,—какъ мы съ вами волновались, горячились, бѣгали на заводъ... Какое время было!..

Крынинъ помолчалъ нѣсколько минутъ и посопѣлъ.

— Чепуха была... Иллюзія, обманъ...—проговорилъ онъ.

— Почему же обманъ? То, что мы тогда переживали...

— Чепуха... Не въ томъ дѣло... Что же вышло изъ нашихъ переживаній? То, что вы должны были сидѣть за границей Богъ знаетъ зачѣмъ; я пробылъ годъ въ Архангельской губерніи, когда я такъ же вѣрю во все это, какъ въ рай Господа Бога; кто сосланъ, кто исчезъ... А толку никакого!..

— Послушайте, какъ же можно такъ говорить, что никакого толку?—возмутилась Лена, — вы же понимаете, что извѣстныя начала вошли въ сознаніе массъ...

— Да, начала злобы и недовѣрія къ намъ, интеллигенціи... Вы посмотрите, что теперь въ деревняхъ дѣлается, на заводахъ, фабрикахъ... Да и сама интеллигенція-то — смотрите, что она дѣлаетъ? Доктора строятъ дома, адвокаты защищаютъ интендантовъ, педагоги, которые принимали дѣятельное участіе въ родительскихъ комитетахъ, даютъ подписки о непринадлежности къ партіямъ... А рабочіе, тѣ, что слушали, какъ мы говорили всякія глупости, въ лучшемъ случаѣ становятся экспропріаторами, черными воронами, а то и просто хулиганами... Я уже не говорю о деревнѣ— вотъ смотрите, я иду знакомой дорогой, всего четыре версты, а видите—всегда ношу съ собою...

Онъ протянулъ что-то, и Лена почувствовала подъ рукою холодъ металла.

— И нельзя безъ него... Такое дѣло!.. А я не трусъ, вы знаете... Не въ томъ дѣло, — закончилъ онъ и вздохнулъ, словно уставъ отъ того, что такъ долго говорилъ.

— Но послушайте, нельзя же такъ...—растерянно произнесла она,—вѣдь это Богъ знаетъ что такое... И такъ не похоже на васъ...

— Похоже, непохоже!—вяло повторилъ Крынинъ, — вы вотъ сами говорите, что все измѣнилось... и, конечно, измѣнилось,—только не такъ,какъ вы думаете... Просто всѣ откровеннѣе стали, сбросили съ себя всякія тоги и мантіи, въ которыя драпировались... Стали откровенно трусить, откровенно въ свою нору лѣзть, откровенно воровать, насильничать, развратничать, водку пить... Все то было наносное, не настоящее, затрагивавшее только поверхность души, а сущность теперь вотъ вылѣзаетъ...

— Послушайте, Платонъ Васильевичъ, нельзя же такъ...—пыталась протестовать Лена,—вѣдь это...

— Почему же нельзя? Чтожъ—лучше, какъ тогда, глаза закрывать да иллюзіями жить? Нѣтъ, ужъ я кончилъ это...

— Но скажите—какъ же вы живете?..—спросила она его,—мы съ вами послѣднее время все-таки довольно часто видимся и не разу намъ не удалось поговорить, какъ слѣдуетъ.

Онъ опять помолчалъ и молчалъ такъ долго, что Лена подумала, что онъ и не разслышалъ ее.

— Какъ живу?—отозвался наконецъ онъ, — такъ вотъ и живу... Смотрю на свой музей отработаннаго пара человѣческой культуры каждый день два раза, слушаю какъ Борисъ Заводчиковъ толкуетъ мнѣ о преимуществахъ химіи, къ вамъ вотъ хожу...

— Отчего вы не женитесь? — чуть было не спросила Лена, но во время спохватилась и промолчала.

Впереди чему-то смѣялись, и голосъ Лизы выдавался изъ всѣхъ.

— Мюллеръ, противный! какъ вы смѣете! — кричала она,—я Борису пожалуюсь!

— Борисъ? Что Борисъ? — спрашивалъ откуда-то слѣва Заводчиковъ,—въ чемъ дѣло?..

— Ни въ чемъ, будущій законный мужъ, можете успокоиться!—отвѣчалъ ему Мюллеръ.

У переѣзда сидѣли недолго. Зарницы по-прежнему мерцали неожиданными бѣлыми вспышками, и тогда видна была зубчатая полоса казеннаго лѣса, темныя, нависшія тучи въ томъ краю неба и низко опустившіяся прозрачныя вѣтви березъ надъ головами.

— Ну-съ, я двинулся дальше, — проговорилъ Крынинъ, поднимаясь,—всего хорошаго!..

Онъ сталъ прощаться, пожимая всѣмъ руки своей теплой мягкой ладонью, молча и неторопливо, какъ дѣлалъ все.

Прощаясь съ Леной, онъ на мгновеніе задержался и слегка помялъ ея руку.

— Гмм... — помычалъ онъ передъ тѣмъ, какъ что-то сказать, — такъ-то, Елена Петровна... Какъ-нибудь поговоримъ вотъ, увидимся...

Онъ еще помялъ ея руку, и можно было подумать, что онъ хочетъ сказать серьезное и большое—и не рѣшается.

— Пожалуй, вы правы — тогда было много хорошаго,— проговорилъ онъ наконецъ.—Видѣлись мы, горячились... Я ухаживалъ даже за вами, какъ же! Влюбленнымъ былъ... Да, да...

Онъ еще разъ попрощался и пошелъ черезъ рельсы.

Вдали глухо и тревожно свистнулъ паровозъ и, какъ бы въ отвѣтъ ему, надъ рельсами, на вершинѣ одиноко стоявшаго столба, что-то скрипнуло, заскрежетало желѣзомъ и красный огонекъ, мерцавшій на вершинѣ столба, смѣнился зеленымъ.

— Домой пора, господа, уже одиннадцать... — кутаясь въ платокъ, проговорила Лена,—спать надо...

— Ну вотъ, а поѣздъ? Неужели не будемъ ждать поѣзда?—плачущимъ голосомъ отозвалась Лиза, — вѣдь скоро уже пойдетъ.

Неизвѣстно почему, она любила бывать на станціи, провожать и встрѣчать проходившіе поѣзда и часто ходила къ полотну желѣзной дороги смотрѣть на быстро мелькающіе пыльные вагоны, до которыхъ ей въ сущности не было никакого дѣла.

Домой шли, такъ же растянувшись по дорогѣ и перекликаясь. Заводчиковъ провожалъ, какъ всегда, Лизу, а съ нимъ пошли и остальные, кромѣ Шведэ и Столбухина, жившихъ по ту сторону желѣзнодорожнаго полотна.

— Крынинъ...—думала Лена, прислушиваясь къ далекому еще, но наростающему грохоту проходящаго поѣзда,—какъ странно!.. Влюбленнымъ былъ...

Она помнила, какъ они работали вмѣстѣ, и онъ помогалъ ей; она, разумѣется, догадывалась о его чувствѣ, но смотрѣла на него какъ на мальчишество. Крынинъ былъ тогда только что начинающимъ докторомъ, а она всецѣло предана дѣлу, и это ухаживанье, какъ она называла отношенія Крынина, оскорбляло ее. Ей казались вульгарными слова, которыя говорилъ онъ, обыденнымъ онъ самъ, и начинавшаяся тогда полнота заставляла брезгливо смотрѣть на него. А главное—

вся жизнь была тогда впереди, и тайный, трепещущій вопросъ, свѣтившійся въ ея глазахъ, глазахъ молодой гордой дѣвушки, искалъ необычайнаго, яркаго, выдающагося...

— Какой-то докторишка, фи... — думала она про него и привычной гримаской морщила строгое, тонкое лицо, — съ какой стати?

Она была строга къ себѣ, чиста и горда, и ея молодость, чистота, ея строгая жизнь, похожая на жизнь монашки, казалась ей залогомъ большой и серьезной побѣды.

Она презирала ухаживанья, держала себя такъ, что къ ней относились сдержанно и тоже строго, и, благодаря этому, она казалась себѣ выше другихъ дѣвушекъ, позволявшихъ себѣ увлекаться, страдать изъ-за какихъ-то мальчишекъ...

— Двадцать девять, двадцать девять...—разсѣянно шептала она, кутаясь въ мягкій, ласково охватывавшій плечи платокъ,—двадцать девять...

— Лена, гдѣ ты?—донесся издали голосъ Лизы,—то ты домой хочешь, не можешь подождать поѣзда даже, то тебя не дождешься...

— Я иду...—отозвалась она.

У калитки сада всѣ разошлись.

V.

Старики уже спали, и въ комнатахъ было темно. Володя тотчасъ же прошелъ къ себѣ, буркнувъ что-то на прощанье, Лиза запирала балконную дверь.

— Чего ты тамъ возишься?—окликнула ее Лена.

— Дверь запираю... Страсть боюсь воровъ...

— Какія глупости!..

— Да, глупости... мнѣ такъ и представляется, что вотъ войдетъ огромный мужичище и съ такимъ большимъ ножомъ...

— Дѣтство!..

— Да, дѣтство!..

Комнаты обоихъ сестеръ были рядомъ, и по вечерамъ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, Лиза приходила завиваться къ сестрѣ. Она любила поболтать передъ сномъ, перебирала впечатлѣнія дня и вспоминала фразы, сказанныя ей кѣмъ-нибудь изъ молодежи,—и все это она говорила какимъ-то особеннымъ, вульгарнымъ языкомъ, какого никогда прежде не слыхала Лена. Эта болтовня сестры раздражала ее, какъ сплетня, хотя въ сущности сплетенъ и не было, и было досадно оттого, что Лизѣ было почти безразлично, съ кѣмъ говорить. Если не было Лены, она говорила съ гор-

ничной Нюшей, повѣряя ей свои тайны, разсказывая, какъ и кто за ней ухаживалъ; Лена гнала ее спать, а она болтала, огрызалась на сестру и презрительно фыркала:

— Подожди, дай причешусь...

Теперь она вошла съ распущенными волосами и уже въ ночной кофтѣ съ кружевами и открытымъ воротомъ, въ вырѣзѣ котораго рѣзко намѣчались костлявыя ключицы.

— Знаешь,—заговорила она, становясь у зеркала и глядя въ него прищуренными глазами,—мнѣ непремѣнно надо сдѣлать повязку изъ дымчатаго газа и носить ее такъ, чтобы она была надъ самыми бровями... Въ этомъ есть что-то египетское...

— Ну, при чемъ тутъ египетское?—усмѣхнулась Лена,—у тебя такое русское лицо, мягкій большой носъ...

— Оставь, пожалуйста, я отлично знаю... Меня даже рисовали,—именно египетское...

Сидя передъ туалетнымъ зеркаломъ и закручивая пряди жидковатыхъ, короткихъ волосъ на замшевую колбаску, измѣнившаяся оттого, что не было локоновъ, казавшаяся грубоватой и какъ-то по-особенному простой, она говорила медленнымъ, задумчивымъ голосомъ:

— Вотъ, понимаешь, онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:.. А потомъ я засмѣялась и пою ему: „нѣтъ, это не пройдетъ, нѣтъ, это не пройдетъ“... Вотъ его перекарежило!..

— Ну зачѣмъ это... — возмущалась Лена,—ты держишь себя какъ кокотка дурного тона...

— Кокотка!.. Много ты понимаешь... Я тогда была въ своемъ сиреневомъ платьѣ, локоны вотъ такъ...

Она прикладывала пукъ искусственныхъ волосъ къ затылку и въ папильоткахъ, придававшихъ лицу какое-то голый, облизанный видъ, про который Володя говорилъ: „какъ у комолой коровы“, казалась особенно вульгарной.

— Фи, локоны, кто теперь ихъ носитъ?—говорила Лена,—только торговки итальянскія, больше нигдѣ я не видѣла заграницей...

— Ну, это за-границей... У насъ носятъ и очень даже красиво...—спокойно возражала Лиза.—Онъ за мной ухаживалъ... — продолжала она свой разсказъ, такъ что Лена не вполнѣ ясно понимала, кто онъ.

— Ты стала говорить, какъ наша Нюша, — ухаживать, „поклонники“,—Богъ знаетъ что такое... Ты невѣста, у тебя женихъ, который, кажется, любитъ тебя — что это за тонъ провинціальной актрисы? Всѣ эти ухаживанья—одна пошлость и гадость... Ты думаешь, они влюблены въ тебя? Ничего подобнаго...

— Чего ты злишься?—смотрѣла на нее Лиза,—завидно тебѣ, что ли?

— Какая глупость—завидно!—пожимала плечами Лена,—потомъ, эти улыбки твои...

— Конечно завидно. Сама хорошо улыбаешься — всѣ десны видны, какъ черепъ!.. Ты проворонила свою жизнь, до тридцати лѣтъ, вонъ ужъ гусиныя лапки у глазъ, кожа пожелтѣла, вотъ ты и злишься!

— Какія гадости ты говоришь!..

— Ничуть не гадости... сама не умѣла пользоваться, вотъ и злишься... Да и то сказать—хотѣла да не вышло: думаешь я не знаю про жида твоего, съ которымъ ты по заграницѣ таскалась? Очень хорошо знаю—тоже провела, думаешь? Ты училась въ Нанси, а чего же ты шлялась то въ Лозанну, то въ Льежъ, то въ Марсель? Что жъ твои курсы тамъ были?.. Оставь, пожалуйста,—такая же какъ и всѣ...

— Лиза, какъ тебѣ не стыдно!?—вскрикивала Лена,—какъ можно?..

— А что-жъ можно? Знаю я тоже... Теперь онъ бросилъ гебя, осталась непричемъ, вотъ и злишься... До тридцати лѣтъ дожила, замужъ не вышла, вотъ и завидуешь...

— Уйди вонъ, скверная дѣвчонка... Сейчасъ же иди къ себѣ!..

— Да нечего кричать — не очень испугалась!.. Тоже — „горничная"!.. На себя бы посмотрѣла...

Она начинала браниться—вульгарно и грубо—и уходила, когда сестра, сжавъ отъ ужаса руки, ложилась лицомъ къ стѣнѣ. Потомъ черезъ пять минутъ, какъ ни чемъ не бывало, входила опять и спрашивала совершенно спокойнымъ голосомъ:

— Дай мнѣ твой воротничекъ кружевной, что ты привезла изъ-за границы, онъ пойдетъ ко мнѣ—я завтра на станцію пойду...

— Уйди, уйди!.. — могла только выговорить Лена, а она пожимала плечами, не понимая, чего та возмущается, брала булавку и уходила. И утромъ опять смѣялась искусственнымъ, задыхающимся смѣхомъ, говорила съ сестрой, какъ будто вчера ничего не произошло, пѣла первыя строки романсовъ и вечеромъ опять завивалась у Лены въ комнатѣ и разсказывала о томъ, кто и что ей сказалъ, и какъ она отвѣтила.

VI.

По утрамъ, когда молодежь разбредалась, кто куда—послѣднее время всѣ ходили на репетиціи и пропадали тамъ, опаздывая къ завтраку, а иногда и къ обѣду,—старики по

обыкновенію сидѣли у себя, и дѣдушка читалъ вслухъ, надвинувъ низко свой зеленый козырекъ, изъ-подъ котораго видны были только его синеватыя старческія губы, непрестанно двигавшіяся, а бабушка вязала безконечное одѣяло.

Это была знакомая съ дѣтства картина, будившая прежде даже по воспоминаніямъ тихое умиленіе и нѣжность. Старикъ выписывалъ много журналовъ, читалъ главнымъ образомъ второй отдѣлъ и, читая, дѣлалъ таинственныя отмѣтки на поляхъ книжки. Похоже было, что онъ собираетъ матеріалы для какой-то огромной работы, но Лена знала, что никакой работы дѣдушка не предпринимаетъ и про эти отмѣтки забываетъ тотчасъ же, какъ прочтетъ всю статью.

Она любила милыхъ, тихихъ старичковъ, посвятившихъ всю свою жизнь дѣтямъ, въ сущности даже не своимъ, цѣнила ихъ деликатную доброту, немного наивныя и смѣшныя вспышки вдохновенія этой доброты, какъ называлъ это Володя, когда дѣдушка, вычитавъ въ газетѣ о бѣдственномъ положеніи какой-нибудь вдовы или неизлѣчимо заболѣвшаго чиновника, таинственно отправлялся изъ дому рано утромъ, проходя, вѣроятно, по завѣту Христову—чтобъ правая рука не знала, что творитъ лѣвая,—не черезъ парадную дверь, а черезъ кухню, и черезъ часъ возвращался особенно кроткимъ, мягкимъ и всепрощающимъ...

Это было немного смѣшно, какъ помощь какой-нибудь бабѣ, принесшей грибы, или мужику, привезшему дрова, какъ разговоры съ ними—когда баринъ разспрашивалъ про домъ, семью, урожай, пытаясь говорить понятнымъ для крестьянъ языкомъ, называя хлѣбъ „хлѣбушкомъ“, а землю „землицей“, на что плутоватые, вышколенные близостью города мужики поддакивали, кланялись и вели дипломатическіе разговоры, въ которыхъ, кромѣ „оно конешно“, „что и говорить“, „извѣстно—мы народъ темный“, ничего нельзя было понять.

Это было наивно, но въ этомъ крылась тихая, пусть неумѣлая, доброта, заставлявшая иногда Лену внезапно подойти къ дѣдушкѣ и крѣпко съ смутнымъ оттѣнкомъ какого-то материнскаго чувства обнять его, сворачивая на сторону зеленый козырекъ.

Теперь было то же самое—и такъ же гдѣ-то на кухнѣ пила чай принесшая бруснику баба, такъ же дѣдушка выходилъ бесѣдовать съ мужикомъ—старенькимъ, бѣдненькимъ и хитренькимъ, доставлявшимъ время отъ времени къ столу дичь, которую онъ душилъ петлями въ самое незаконное время въ казенномъ лѣсу. Но теперь Лена думала объ этомъ безъ умиленія и было ей почему-то стыдно, когда дѣдушка съ серьезнымъ видомъ дѣлалъ свои отмѣтки или говорилъ съ крестьянами. Такъ же стыдно, какъ если бы большой взро-

слый мужчина съ бородой, вдругъ сѣлъ на палочку верхомъ и сказалъ бы: „а я на палочкѣ покатаюсь"... Пожалуй, катайся, только смотрѣть на это стыдно и неловко, какъ на проявленіе болѣзненнаго припадка старчества, или чего-нибудь въ этомъ родѣ.

Остановившись гдѣ-нибудь на террасѣ или у окна гостинной, откуда открывался широкій, чѣмъ-то трогающій видъ на рѣку, на Жезловскую рощу и уходящее за нею полотно желѣзной дороги съ игрушечными опрятными будками, она думала:

— Доброта только тогда имѣетъ значеніе и будетъ настоящей добротой, когда она справедлива... Иначе это игрушки...

Въ домѣ было тихо, сонное молчаніе стояло въ пустыхъ комнатахъ и, не отдавая себѣ отчета, Лена начинала ждать.

Она выходила въ садъ, задумчиво склонивъ голову, шла по дорожкамъ, съ смутнымъ вниманіемъ слушая шорохъ своего платья; потомъ возвращалась въ комнаты и, взявъ книжку, сидѣла, не читая, гдѣ-нибудь въ уголку.

И чѣмъ дальше шелъ день, тѣмъ ожиданіе становилось безпокойнѣе,—и, вдругъ поймавъ себя на томъ, чего она ждетъ, она привычнымъ движеніемъ пожимала плечами, презирая себя за это, и шептала чуть слышно:

— Очень нужно!.. Опустившійся, облѣнившійся докторъ, какой-то живой трупъ!

Крынинъ приходилъ обычно къ вечернему чаю; отирая платкомъ лобъ, онъ подымался на ступеньки и, молча пожавъ руку, садился въ кресло. Нѣкоторое время онъ курилъ свою толстую папиросу, потомъ лѣниво поднималъ глаза и спрашивалъ:

— Ну-съ, какъ дѣла?

Лена говорила, а онъ внимательно слушалъ, какъ слушалъ все—разсказы дѣдушки о великолѣпной статьѣ, прочитанной въ послѣдней книжкѣ журнала, споръ Володи со Шведэ о пріемахъ французской борьбы, полемику двухъ научныхъ свѣтилъ по вопросу о значеніи молочно-кислыхъ бактерій въ жизни организма, въ передачѣ Бориса Заводчикова.

Нѣкоторое время онъ думалъ, медленно отряхивая пепелъ, склонялъ голову къ одному плечу и отвѣчалъ серьезно и неторопливо.

— Не въ томъ дѣло, — говорилъ онъ, пристально глядя на свою папиросу,—я говорю о томъ, что энергія не пропадаетъ, а переходитъ, это физическій законъ. Зло, искореняемое зломъ же, падаетъ на искореняющаго; насиліе не оправдывается никакимъ чувствомъ мести, даже очень широкимъ, не личнымъ, а общественнымъ...

— Послушайте, Платонъ Васильевичъ, прежде вы думали иначе...—возражала Лена.

— Прежде мы вообще мало думали; мы дѣйствовали по чувству, а не думали, и оттого все движеніе почти было безрезультатно, что чувство и мысль жили разными календарями. Это вѣчная исторія,—мы или запаздываемъ думать, и тогда выходитъ пылкая безсмыслица, или долго обдумываемъ, прикидываемъ такъ и эдакъ, и когда приходитъ время дѣйствовать, мы уже остыли, намъ надоѣло и у насъ уже нѣтъ пороху...

— Но вѣдь сама цѣль, требующая дѣйствія, самый результатъ такъ ясенъ и желателенъ для всѣхъ, что тутъ нельзя прикидывать такъ и эдакъ...

— Нельзя ставить средство выше цѣли; не надо презрительно относиться къ человѣку, желающему спокойно заняться своимъ дѣломъ, которое онъ любитъ...

— Но, вѣдь, это реакція духа, это оправданіе эгоизма,—возмущалась дѣвушка,—это конецъ всему общественному...

— Эгоизмъ, реакція духа,—тянулъ Крынинъ,—не въ томъ дѣло... Здоровый эгоизмъ въ тысячу разъ почтеннѣе слюняваго альтруизма... Каждый долженъ итти по склонности, темпераменту, таланту... Революціонеромъ надо такъ же родиться, какъ пѣвцомъ или художникомъ. И если я, напримѣръ, пойду пѣть на сцену, изъ этого ничего хорошаго не можетъ выйти...

— Не въ томъ дѣло, — продолжалъ онъ, заражаясь ея оживленіемъ и измѣняя своей обычной апатіи. Жизнь непрестанно движется впередъ, идетъ все дальше и дальше, каждый моментъ рождаетъ новое, имѣющее огромное значеніе для всей будущей жизни человѣческой,—значеніе, не учитываемое даже теперь, а мы на все смотримъ съ пьедестала столѣтнихъ словъ, думаемъ столѣтними мыслями, подчиняемъ свою жизнь законамъ, написаннымъ сто лѣтъ тому назадъ.

— Да? да? — подхватывала Лена, отъ волненія прижимая руки къ груди,—это такъ—„законамъ написаннымъ сто лѣтъ тому назадъ“ и написаннымъ одними мужчинами... Жизнь непрестанно движется впередъ, — продолжала она, начиная ходить по террасѣ,—когда она волновалась, у ней была потребность въ движеніи,—она выдвинула женщину и поставила ее наравнѣ съ мужчиной, а законы, нормирующіе жизнь, написаны мужчинами и въ явныхъ интересахъ мужчинъ... Вопросъ о семейной жизни пытаются рѣшить тысячу разъ, и никогда изъ этого ничего не выходило, потому что рѣшали безъ хозяина—не позволили участвовать въ рѣшеніи женщинѣ.

Она уже не замѣчала, что возражала ему не по существу,

говорила то, что такъ больно задѣвало ее, и о чемъ она такъ долго и много думала. Онъ слушалъ ее по-прежнему внимательно, склонивъ голову и глядя въ полъ, и похоже было, что онъ понималъ внутреннюю связь, по которой шла она своею мыслью.

— Вѣдь, поймите же, поймите,—говорила она, въ страстномъ движеніи прижимая руки къ груди,—у женщины огромная потребность быть участницей жизни, настоящимъ товарищемъ, съ которымъ считались бы, какъ съ равнымъ, потребность дѣлать жизнь вмѣстѣ, а ее сажаютъ въ кухню, въ дѣтскую, восхваляютъ, какъ идеалъ женщины, жену, заботящуюся о горячемъ завтракѣ для мужа, и на каждомъ шагу игнорируютъ, обманываютъ ее...

— Вѣдь, это потребность такая же, какъ потребность любить, быть счастливой, она тянется къ этому, какъ цвѣтокъ къ солнцу,—и что же получаетъ? Обманъ, ложь, какое-то негласное соглашеніе въ обманѣ, и этимъ начинается совмѣстная, такъ называемая, семейная жизнь... Что же можетъ хорошаго выйти изъ того, что построено на лжи?

— И подумайте, вы только подумайте,—вскрикивала она, мечась по террасѣ въ страстной тоскѣ и въ страстномъ стремленіи,—если начать рѣшать жизнь сообща, если вмѣстѣ,—какая красивая, гармоничная жизнь могла бы быть... Если бы мужчина поступился своей властью,—какъ свѣтло и легко и просто рѣшались бы всѣ эти наболѣвшіе, столѣтніе вопросы!.. Это не утопія, это можетъ быть, должно быть, и это будетъ, непремѣнно будетъ—черезъ пятьдесятъ, можетъ быть, сто лѣтъ... И почему же мы, мы, живущія теперь женщины, лишены этого и такъ несчастны, такъ одиноки?...

Онъ возражалъ ей, иногда соглашался и кивалъ въ тактъ ея словамъ головой, и тогда можно было подумать, что вотъ-вотъ онъ скажетъ что-то большое, настоящее, что давно собирается сказать.

И, глядя на него, она чувствовала, что это единственный человѣкъ, который понимаетъ ее и сочувствуетъ ей,—и она ждала.

Но приходила Нюша, накрывала столъ къ чаю, потомъ выползали старики, и дѣдушка, приподнявъ рукою зеленый козырекъ, оглядывалъ ихъ и спрашивалъ:

— А вы все спорите? Охъ, ужъ спорщица ты моя, вотъ ужъ спорщица...—и трепалъ Лену по щекѣ, какъ въ дѣтствѣ, когда она заходила къ нему передъ тѣмъ, какъ итти спать.

Потомъ появлялась молодежь, и снова домъ и садъ и терраса наполнялись шумомъ,—и толстый докторъ молча слушалъ, курилъ огромныя папиросы и пилъ по десять стакановъ чаю.

Крынина по-прежнему провожали до переѣзда, теперь почти всегда ночью, когда темнота уже стояла плотной стѣной, и, какъ всегда, нѣкоторое время сидѣли на скамейкѣ. Иногда Мюллера просили спѣть, онъ отказывался, его упрашивали, и Лиза приставала къ нему капризнымъ плачущимъ голосомъ:

— Ну, Мюллеръ, противный какой! Что, въ самомъ дѣлѣ всегда ломается!..

Онъ незамѣтно отходилъ въ сторону и неожиданно тоскливымъ, горькимъ голосомъ, начиналъ почти речитативомъ, постепенно повышая:

— Вы про-сите пѣсенъ? Ихъ нѣ-тъ у ме-ня,

Запа-ла-а на сердце та-кая тос-ка,
Та-а-къ скушно, та-акъ грустно живется...

Эхо въ Жезловской рощѣ звучно и горько повторяло окончанія словъ, и отъ этого казалось, что тамъ также тоскуетъ невыплаканными слезами кто-то большой и печальный.

Уста-лое сер-дце та-а-къ медленно бьется-а,
Что съ жизнью-ю по-кончить по-ра-а-а...

Отзвукъ полнаго рыдающаго голоса замиралъ гдѣ-то на погруженныхъ въ черный сонъ лужайкахъ, окруженныхъ черной стѣной сосенъ, перекатывался по нимъ, колебалъ ночную тишину и въ воображеніи сидящихъ на скамейкѣ у переѣзда рисовался не извѣстный всѣмъ Мюллеръ, невысокій человѣкъ въ модномъ галстухѣ и свѣтломъ костюмѣ, а могучій и сильный, поникшій въ проникновенной печали, скорбный и чуткій.

Лена чувствовала, что рядомъ съ ней на скамейкѣ сидитъ полный, слегка посапывающій человѣкъ, и когда онъ, близко наклонившись, начиналъ говорить слышнымъ только ей одной голосомъ, ей казалось, что она раньше знала, что онъ будетъ говорить.

— Вы просите пѣсенъ,—ихъ нѣтъ у меня,—говорилъ Крынинъ волнующимся, непривычнымъ для него шепотомъ,—ихъ нѣтъ у меня...—повторялъ онъ и по этому взволнованному, необычному шепоту дѣвушка чувствовала, что онъ самъ какъ-будто спрашиваетъ себя и сомнѣвается,—а можетъ быть, и есть онѣ, эти пѣсни, которыхъ такъ ждетъ она, и о которыхъ такъ долго и много говорили они...

На прощанье Крынинъ долго жалъ ей руку, посапывалъ и тянулъ слова, и ей опять казалось, что онъ хочетъ сказать что-то и не рѣшается, и отъ этого между ними протягивается невидимая тонкая связь взаимнаго пониманія, похожаго на нѣжность.

VII.

Въ воскресенье, въ день спектакля, должна была быть послѣдняя репетиція, и вся молодежь съ утра отправилась въ театръ устраивать все для вечера, а потомъ репетировать. Зданіе театра было передѣлано мѣстнымъ лавочникомъ Захаромъ Никитьевымъ изъ стараго гумна. Лавочникъ бралъ за каждое представленіе десять рублей, и это было невыгодно, такъ какъ цѣны были назначены небольшія, но другого помѣщенія не было, и приходилось платить Захару Никитьеву то, что онъ спрашивалъ. Кромѣ того, Захаръ выговорилъ для себя и всей своей семьи безплатный входъ на спектакль, и, когда ему пробовали отказать въ этомъ, онъ возмущенно дергалъ огромную рыжеватую бороду, за которую его въ деревнѣ звали Адамовымъ козломъ, и настаивалъ на своемъ правѣ:

— Нѣтъ, ужъ позвольте, какъ же это такъ,—мое собственное зданіе, и вдругъ я деньги плати? Никакъ этого невозможно, ужъ это вы позвольте, никакъ иначе невозможно, свое же, можно сказать, собственное... Самъ и строилъ-то, эвонъ крышу перекрылъ лѣтось, соломенная была, со стропилъ-то разъ какъ брякнулся!.. Нѣтъ, ужъ это вы разрѣшите, какъ съ супругой и потомками...

Лена пошла посмотрѣть театръ; она хотѣла потомъ пройти дальше къ колоніи и, можетъ быть, зайти къ Крынину. Въ субботу онъ почему-то не пришелъ, и ей было скучно.

Зрительный залъ въ театрѣ былъ не такъ уже плохъ—чисто вымощенъ бѣлыми, казалось, еще сохранившими смолистый запахъ, досками, помостъ сцены поднятъ аршина на полтора, былъ занавѣсъ, на которомъ мѣстнымъ художникомъ, безпутнымъ сыномъ какого-то акцизнаго чиновника, подъ руководствомъ Тынчи, написанъ видъ дачнаго поселка отъ станціи желѣзной дороги.

Захаръ Никитьевъ, не пропускавшій ни одной репетиціи, показывалъ Ленѣ все, какъ радушный хозяинъ, принимающій гостей.

— А тутъ вотъ кулицы эти самыя,—говорилъ онъ со сцены, махая рукой за изображавшую широкій полевой видъ декорацію,—прежде-то тамъ рей былъ, снопы сажали, теперь даже очень хорошія кулицы... Признаться сказать,—я самъ-то страсть какъ люблю тіатръ этотъ самый: какъ начнутъ представлять,—просто глазъ не отвелъ бы... Мнѣ гумно и самому-то нужно, молочусь пока въ сосѣдяхъ, свое-то новое не готово еще, а никакъ не могу—ужъ очень уважаю... Холстины эти самыя,—трогалъ онъ рукою пол. о щенный зана-

вѣсь—дивья: близь глядѣть—ничѣмъ ничего, а сдали-то вонъ оно оказываетъ... И писалъ-то малецъ совсѣмъ непутевый—Василія Петровича Успенскаго, контрольнаго, сынъ, знаете, чай? Ужъ истинно сказать, итальянскій художникъ...

— Отлично, очень хорошо!—хвалила Лиза,—тутъ наши уборныя, тамъ мужскія. Мюллеръ подсматривать будетъ, паршивый,—говорила она, качая легкую досчатую переборку,—ну, Богъ съ нимъ, пусть посмотритъ...

— Лиза...—показывая глазами на мужика, говорила Лена, но Лиза только пожала плечомъ и удивленно приподняла брови, отчего лицо ея опять напомнило лицо горничной Нюши.

Лиза отошла, и вокругъ нея засмѣялись, о чемъ-то заговорили, и она отвѣчала съ веселымъ оживленіемъ, отъ котораго глаза у нея блестѣли, и лицо стало живымъ и привлекательнымъ. Толстый Шведэ тащилъ какое-то бревно, тужась до того, что глаза у него стали круглыми, и кричалъ съ задорной грубостью веселаго напряженія:

— Ребята, помогите, что же вы, черти!..

Къ нему разомъ подбѣжало два или три человѣка, вцѣпились, какъ муравьи, въ бревно и потащили на сцену.

— Берегитесь, не задавить бы!—пыхтѣлъ Шведэ, слегка отталкивая плечомъ Лену,—вы тутъ не мѣшайте, не ровенъ часъ...

— Иди ты отсюда, ну чего путаешься, только всѣмъ мѣшаешь!—крикнулъ ей Володя,—что, въ самомъ дѣлѣ...

Всѣмъ было весело, всѣ были оживлены и счастливы своимъ молодымъ оживленіемъ, и только Лена одиноко стояла въ сторонѣ отъ всѣхъ; за Лизой ухаживали, вокругъ нея суетилась молодежь, и она смѣялась счастливая и довольная,—и вдругъ Ленѣ до боли захотѣлось тепла и уюта, хоть отблеска счастья, участія и ласки; было нестерпимо чувствовать это одиночество и, можетъ быть, въ первый разъ за всю жизнь Лена позавидовала сестрѣ.

Вдругъ теплое, мягкое вѣяніе прошло по душѣ. Она сначала даже не поняла,—что это и откуда,—и только минуту спустя сообразила:

— Крынинъ... Онъ мягкій, понимающій, онъ можетъ быть настоящимъ другомъ, онъ справедливъ...

Она не помнила, какъ вышла изъ театра, шла по дорогѣ къ переѣзду и думала:

— Это ничего, что онъ такой, его можно поднять, его надо любить только, только любить, чтобъ онъ почувствовалъ вниманіе, любовь... Онъ мягкій, поддающійся, его можно поднять...

Она думала объ этомъ,—и ей вдругъ стало безпричинно весело, какъ-будто мысль о томъ, что она можетъ повліять на другую жизнь и это можетъ быть хорошо, освѣтило все кругомъ.

— Онъ милый, добрый, его нужно только любить,—шептала она, улыбаясь сама себѣ наивной и счастливой улыбкой, вся переполненная тихой, ласковой радостью,—я буду говорить съ нимъ, я буду ему товарищемъ...

Какое наслажденіе идти лѣсомъ четыре версты, когда не жарко, и густо пахнетъ хвоей, и гдѣ-то вверху, въ самыхъ вершинахъ стройныхъ, какъ свѣчи въ огромномъ алтарѣ, деревьевъ играетъ золотое по-осеннему солнце, когда кругомъ стоитъ прозрачная осенняя тишина, и легкій звукъ шаговъ гулко отдается подъ зеленымъ сводомъ.

Когда идешь долго, такъ долго, что звуки человѣческой жизни замрутъ окончательно, и слышишь только смутный глухой шумъ вверху—непрестанный шумъ сосноваго бора, не нарушающій строгую тишину, свои шаги, да изрѣдка далекій и почему-то кажущійся печальнымъ свистокъ паровоза гдѣ-то на линіи,—мысли приходятъ такія же спокойныя, какъ этотъ лѣсъ, на душу спускается умиротвореніе и все, что мучило, тревожило, раздражало и возмущало, покажется такимъ маленькимъ, незначительнымъ и нестоющимъ, что самъ удивляешься,—какъ могъ волноваться изъ-за такихъ пустяковъ?..

Попадается полянка, круглая и глубокая, какъ дно узенькаго стаканчика, ограниченнаго соснами, и небо вверху—голубое, тронутое блѣдной позолотой осени,—кажется особенно высокимъ и чистымъ.

По краямъ такихъ полянокъ, на солнечной сторонѣ, въ августѣ можно найти много маленькихъ, ярко краснѣющихъ круглыми наивными шапочками подосиновиковъ; подъ палымъ листомъ засѣвшихъ на опушкахъ кустовъ и молодыхъ тоненькихъ березокъ сидятъ они и отыскивать ихъ, выкапывать изъ подъ черныхъ, плотно улежавшихся листьевъ—тоже наслажденіе.

Огромныя муравьиныя кучи правильными пирамидами возвышаются тутъ же,—и сложная, необычайно хлопотливая и важная жизнь кипитъ на нихъ, такая заботливая и такая важная, что рядомъ съ ней никакъ не уживается мысль о своей жизни, какъ центрѣ всей окружающей благодати.

Когда Лена попала на такую полянку и увидѣла милыя наивныя шапочки грибовъ у опушки, она засмѣялась имъ, какъ маленькимъ друзьямъ.

— Милые подосиновички, милые подосиновички,—говорила она, опускаясь на колѣни возлѣ обомшѣлаго пня давно

срубленной ольхи и разсматривая семью изъ трехъ важно нахлобученныхъ крохотныхъ шапочекъ,—милые грибки!

Сама не зная, для чего ей это было нужно, и что она будетъ дѣлать съ ними, она разстелила на землѣ платокъ и стала собирать въ него грибы, выбирая ихъ запачканными въ землѣ пальцами изъ-подъ плотно слежавшихся черныхъ листьевъ.

Потомъ все съ той же радостной улыбкой она прошла дальше по краю полянки, пристально вглядываясь въ траву и по-дѣтски радуясь каждой подмигивающей ей шапочкѣ. Она собирала ихъ, какъ будто у нея былъ свой маленькій домъ, свое маленькое счастье, гдѣ она могла обрадовать кого-то этой находкой, и, внезапно остановившись, смѣялась ласковому теплому солнцу, чистой уютной лужайкѣ, своей безпричинной маленькой радости, ласковымъ тепломъ охватившей душу. И вдругъ, увидѣвъ еще и еще вылѣзающія подъ пнями и кочками ребячьи шапочки, какъ дѣвочка, бѣжала къ нимъ, напѣвая что-то и смѣясь чему-то тихимъ безпричинно-радостнымъ смѣхомъ. И въ то же время она думала—серьезно, глубоко и тоже радостно:

— Мы будемъ вмѣстѣ... Мы будемъ читать, работать, и когда онъ устанетъ, изнеможетъ,—я поддержу его всей глубиной своего чувства, а когда мнѣ будетъ больно,—онъ подойдетъ и участливо положитъ свою мягкую руку мнѣ на плечо... Надо быть только откровенными, только откровенными... Ахъ, опять они—и какъ много—четыре сразу, милые подосиновички!..

Легко, какъ дѣвочка, бѣжала она къ новой семьѣ и, мелькая легкимъ платьемъ, развивающимся газовымъ шарфомъ на разбившихся волосахъ—казалось—танцовала наивный и радостный танецъ на пронизанной тихимъ солнцемъ полянкѣ...

И напѣвавшій что-то голосъ звенѣлъ, какъ пѣсня тѣхъ крохотныхъ птичекъ, что прячутся на опушкахъ въ густой поросли ольховыхъ кустовъ и тоненькихъ, стройныхъ, какъ молодыя дѣвушки, березъ...

А когда она уходила, бережно поддерживая наполненный грибами носовой платокъ, наивно завязанный углами, и въ послѣдній разъ оглянулась на милую полянку, свѣтлыя и не больныя слезы подступили къ горлу, и стало жалко уходить отсюда, какъ-будто здѣсь оставалась часть наивнаго, радостнаго счастья—безграничнаго и всеобъемлющаго, какъ счастье дѣтей.

VIII.

Колонія стояла въ чистомъ, похожемъ на паркъ лѣсу и напоминала своими опрятными, однотипными постройками поселки желѣзнодорожныхъ станцій съ палисадниками, куртинами цвѣтовъ и бесѣдками.

Три большихъ корпуса—мужского, женскаго отдѣленій и помѣщенія персонала—вытянулись въ одну линію возлѣ дороги, а противъ нихъ кучкой торчали людскія, конюшни какіе-то длинные сараи.

— Музей,—думала Лена, проходя широкой аллейкой недавно посаженныхъ тоненькихъ липокъ,—отработанный паръ человѣчества...

Она никогда не бывала въ лечебницахъ душевно-больныхъ и теперь, если не боялась, то все-таки сжавшимся, настороженнымъ чувствомъ ждала какихъ-нибудь неожиданностей. Раза два ей встрѣтились люди въ короткихъ до колѣнъ песочнаго цвѣта армякахъ и безъ шапокъ; сначала она принимала ихъ за крестьянъ или служащихъ, но потомъ догадалась—это были тихіе больные, выпущенные свободно гулять по всему поселку. Лица у нихъ были самыя обыкновенныя, спокойныя и разумныя, и при проходѣ Лены каждый изъ нихъ останавливался и вѣжливо кланялся.

Дома были размѣщены такъ, что персоналъ лечебницы жилъ между мужскимъ и женскимъ отдѣленіями. Корпусъ персонала нѣсколько отличался отъ нихъ занавѣсками на окнахъ, большимъ палисадникомъ, гдѣ теперь играли двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка,—а немолодая полная няня сидѣла невдалекѣ, акуратно разложивъ на колѣняхъ свои красныя полныя руки,—и еще тѣмъ, что къ задней сторонѣ дома не примыкалъ высокій, досчатый заборъ, какъ въ больничныхъ строеніяхъ.

Изъ-за этого забора у мужского отдѣленія несся сложный и странный гулъ, похожій на гулъ потревоженнаго улья. Въ заборѣ не было ни воротъ, ни калитки, и нельзя было разсмотрѣть, что тамъ дѣлается. Только отойдя дальше, Лена поняла, что тамъ гуляютъ, должно быть, буйные больные.

Некого было спросить, какъ найти доктора,—и дѣвушка остановилась возлѣ дороги, оглядываясь вокругъ. Опять мимо прошелъ человѣкъ безъ шапки и въ сѣромъ армякѣ, посмотрѣлъ на нее, поклонился и слегка пріостановился.

— Ищете кого, барышня?—спросилъ онъ, взглядывая на нее свѣтлыми, голубыми глазами.

— Мнѣ доктора нужно, Крынина Платона Васильевича...— нерѣшительно отвѣтила Лена.

— А вотъ въ томъ корпусѣ, парадная налѣво, вотъ сюда пожалуйте...—охотно указалъ больной,—вотъ сейчасъ на крыльцо, тамъ звонокъ есть... Вы и позвоните...

Онъ довелъ ее до крыльца и опять поклонился.

— А вдругъ бросится и сдѣлаетъ что-нибудь?—подумала Лена и тотчасъ же ей стыдно стало за трусливую мысль.

Больной дождался, пока она позвонила, и, взглянувъ еще разъ на нее водянистыми, свѣтлыми глазами, пошелъ своей дорогой. Лена видѣла, какъ онъ медленно шелъ, какъ человѣкъ, которому некуда спѣшить и некуда дѣвать свободное время, остановился около молодца въ фартукѣ, несшаго дрова, и что-то спросилъ его. Служитель засмѣялся и отвѣтилъ такъ громко, что голосъ его покрылъ сложный шумъ, несшійся изъ-за забора:

— А да вѣдь и поработаешь, Тиша, не откажешься... Это, братъ, не въ палатѣ сидѣть да спать...

„Онъ совсѣмъ здоровъ! Зачѣмъ его держатъ здѣсь?"— думала Лена, нажимая второй разъ кнопку звонка.

Не отворяли ей долго. Должно быть, рѣдко кто ходилъ параднымъ ходомъ, и она подумала было уже обойти кругомъ, какъ гдѣ-то вверху за дверью скрипнула другая дверь и послышались шаги.

Шедшій долго возился съ ключомъ, вертя его и въ ту, и въ другую сторону, что-то бормоталъ, и по этому бормотанью Лена догадалась, что это не Крынинъ.

— Должно быть, на пріемѣ или осмотрѣ, какъ тамъ у нихъ?..—подумала она и отступила въ сторону, такъ какъ дверь неожиданно распахнулась.

Передъ ней стояла невысокая, очень крѣпко сложенная женщина, черноволосая и черноглазая, съ кирпичнымъ румянцемъ на твердыхъ, скуластыхъ щекахъ и широкимъ, краснымъ ртомъ.

— Здравствуйте вамъ,—весело проговорила она, улыбаясь плотными, какъ-будто припеченными жаромъ губами,— вы къ Платону Васильичу? Нѣтъ его—онъ въ городъ уѣхалъ, предсѣдатель его вызвалъ третьяго дня, нужно тамъ ему объясненія дать,—больной одинъ сбѣжалъ...—охотно объясняла она, по прежнему улыбаясь увѣренной, широкой улыбкой,—не застали его, очень жаль... Вы съ Панютина?— назвала она поселокъ, гдѣ жила Лена,—барышня Коневская? Какъ же, какъ же, знаю, мнѣ Платонъ Васильичъ говорилъ... Можетъ быть, зайдете, записку написать или такъ?..

— Я не знаю... Я пойду тогда... Жаль, что не застала...—

растерянно говорила Лена, пятясь назадъ—ее чѣмъ-то невыносимо смущала эта смѣлая, увѣренная въ себѣ женщина,—я пойду тогда...

— Можетъ быть, передать что-нибудь—я скажу!.. Онъ вчера утромъ уѣхалъ, хотѣлъ нынче быть, да, вѣрно, предсѣдатель задержалъ... Онъ такъ рѣдко ѣздитъ, и потомъ покупки разныя, здѣсь вѣдь, какъ въ деревнѣ,—ничего не достать, хорошо, что еще мясо возятъ каждый день для больныхъ изъ города...

— Я пойду, прощайте...—почти робко произнесла Лена, спускаясь со ступеней крыльца,—до свиданія!..

Она сошла внизъ и пошла прочь.

Это было похоже на бѣгство; не глядя, сжавшись, какъ будто ожидая удара, она почти бѣжала мимо больничныхъ зданій, по-прежнему прижимая смѣшной узелокъ съ грибами къ груди.

Въ растерянности она ошиблась и бѣжала не аллеей молодыхъ липокъ, а возлѣ зданій, мимо больничнаго корпуса, и когда добѣжала до высокаго досчатаго забора, крикъ и гиканье оглушили ее.

Она пріостановилась и съ ужасомъ оглянулась на заборъ—въ широкія щели разошедшихся досокъ смотрѣли сѣрые, черные, и зеленые глаза, и отвратительная брань, самыя ужасныя слова неслись оттуда...

Она поняла, что ее увидѣли запертые за заборомъ буйные,—и это ее ругаютъ отвратительной бранью, ей кричатъ невозможныя слова, предлагая какія-то ужасныя вещи... И какъ будто подгоняемая ударами бича этими криками, рванулась и побѣжала дальше...

Опомнилась она только въ лѣсу, когда поворотъ дороги скрылъ красныя стѣны корпусовъ, и отъ этого стало какъ-будто легче.

Она опять пошла впередъ по твердой, убитой тропинкѣ возлѣ дороги, и, сама не замѣчая того, безсознательно копируя и въ этомъ черпая какую-то жгучесть униженія, растягивала ротъ въ такую же широкую, вульгарную улыбку, какую видѣла на лицѣ встрѣтившей ее женщины, и повторяла ея слова, съ мучительной гримасой стыда и обиды вспоминая интонацію веселаго, увѣреннаго голоса:

— Вы съ Панютина? Барышня Коневская? Какъ же какъ же, очень хорошо знаю,—Платонъ Васильичъ много разсказывалъ...

Не замѣчая сама того, Лена шептала эти слова напряженно растянутыми губами, улыбаясь и скаля зубы,—и въ этомъ навязчивомъ представленіи тоже было униженіе, граничащее съ оскорбленіемъ.

— Какая гадость! какая гадость!..—вдругъ вскрикнула она, опомнившись и сгоняя съ лица это вульгарное, неестественное выраженіе,—какой развратъ, распущенность!.. И это онъ, лучшій, болѣе скромный!..

Не умомъ, даже не чувствомъ, а внутреннимъ, безошибочнымъ женскимъ инстинктомъ она угадала истинную роль бабы съ кирпичными щеками при Крынинѣ. И то, что это была именно баба, какая-нибудь сидѣлка, служительница, что она такъ хорошо освѣдомлена о томъ, куда, зачѣмъ и когда поѣхалъ Крынинъ, и очевидно не скрывала, а даже какъ-будто хвасталась своей близостью съ докторомъ и гордилась этимъ, заставляло теперь Лену корчиться отъ стыда. Это было похоже на крушеніе, когда все рушится, падаетъ, стремительно летитъ внизъ — и не за что ухватиться, удержаться, и въ страстномъ послѣднемъ порывѣ стонетъ душа, внезапно осиротѣвшая.

И въ то же время говоритъ, жметъ руки, хочетъ сказать что-то большое и важное ей, Ленѣ, когда его никто не проситъ! Зачѣмъ, зачѣмъ все это? Какая мерзость... Откровенность съ вульгарной, гадкой бабой, грязной и нахальной, болтаетъ про все, разсказываетъ... „Какъ же, какъ же, Платонъ Васильичъ разсказывалъ, съ Панютина, барышня Коневская“... Когда-нибудь ночью, во время этой мерзости, передаетъ ей все, и про нее... Фи, какая грязь, какъ больно!

Какъ всегда, когда она волновалась, Лена все прибавляла и прибавляла шагу, и эта стремительность движенія, когда платье вилось и свистѣло у ногъ, и дыханія не хватало въ груди, не успокаивала, а еще больше волновала ее. Такъ пробѣжавъ версты двѣ, когда попалась опять полянка, она постаралась взять себя въ руки и пошла тише.

Солнце уже подвинулось книзу и играло гдѣ-то на вершинахъ сосенъ, чирикали тамъ какія-то маленькія, юркія птички, и дятелъ, какъ телеграфистъ, выстукивалъ свою безконечную депешу, а внизу ползали медленныя золотыя пятна, и теплая, смолистая тишина, такая же густая, какъ этотъ зеленовато-золотистый сумракъ, стояла неподвижно, и было въ ней серьезное и важное, и благостное, чего никогда не можетъ быть въ человѣческой жизни.

— И за что это ей, именно ей, всегда скромной, строгой, такъ сдержанной? За то, что она была скромнѣе другихъ, что она не позволяла себѣ никогда кокетничать какъ Лиза, улыбаться, щурить глаза? За то, что она истинная женщина — не актриса, не самка, за то, что она хочетъ только справедливости и уваженія къ себѣ?..

Это обида, незаслуженное оскорбленіе, на которое можно отвѣтить только презрѣніемъ...

— И одѣта какъ нелѣпо,—вспомнила она опять женщину, отворившую двери,—песочная юбка и кофта бордо... Какая пошлость!..

Домой она пришла съ головною болью и такою усталостью, какъ будто она цѣлый день ворочала какіе-то огромные тяжелые камни.

Домъ былъ пустъ—должно быть, всѣ ушли въ театръ и только въ Лизиной комнатѣ сухо и быстро щелкала пишущая машинка. Это Мюллеръ привезъ изъ города свою машину и теперь, по приказанію Лизы, переписывалъ ей роль, такъ какъ книга, по которой она учила пьесу, на спектаклѣ должна была перейти къ суфлировавшему Шведэ.

Стараясь продѣлать это неслышно, Лена прошла въ свою комнату и прилегла на кровать.

У нея было такое чувство, какъ-будто съ ней случилось огромное, непоправимое несчастье. Въ сущности, ничего не случилось,—мало ли кто съ кѣмъ занимается гадостями? Но ощущеніе заброшенности, одиночества, какъ-будто во всей жизни она осталась одна, и жгучаго, нестерпимаго стыда назойливо сосало сердце, и никакъ нельзя было забыться отъ него.

Медленно и неторопливо ползли холодныя, здравыя мысли. И отъ того, что онѣ были такъ холодны и спокойны, ощущеніе не уменьшалось, а усиливалось.

— Это оттого,—думала Лена, морщась отъ головной боли и оттого, что за стѣной коротко и рѣзко выщелкивала какую-то безконечную нить машинка, и черезъ каждую минуту слышался тоненькій звонокъ, оповѣщавшій конецъ строки, послѣ котораго въ машинѣ что-то торопливо хрипѣло, — это оттого, что женщина всегда связываетъ свою жизнь съ мужчиной... что она не привыкла думать о себѣ совершенно самостоятельно, отдѣльно... Какъ бы ни была умна, развита и вооружена знаніемъ, образованіемъ женщина, она всегда думаетъ о себѣ не какъ о самостоятельной величинѣ, а какъ о какой-то половинѣ существованія мужчины... Отъ матеріальной необезпеченности, оттого, что самой трудолюбивой, самой умной и толковой женщинѣ платятъ какихъ-нибудь тридцать рублей за то же, за что пьяный и неакуратный мужчина, манкирующій, дѣлающій коекакъ, получаетъ сто, оттого, что мужчина знаетъ, какъ сказываются на женщинѣ бракъ, дѣти, и этимъ пользуется, женщина привыкла думать такъ... Надо мной смѣются, что я спорю и придираюсь ко всѣмъ, но онѣ не знаютъ мужчинъ, смотрятъ на нихъ какъ на водителей и довѣряются слѣпо... А если узнаютъ,—онѣ должны стать враждебными и мстительными такъ же, какъ они, ихъ учителя, мужчины...

Боль все усиливалась, и моментами казалось, что всѣ эти мысли не она думаетъ, а кто-то шепчетъ ей сухимъ щелкающимъ голосомъ старыя, давно продуманныя и извѣстныя слова.

Прошла по коридорчику, соединявшему комнаты сестеръ съ другими, Нюша, что-то напѣвая, постукивая высокими, какъ у Лизы, каблуками туфель. Она отворила дверь въ Лизину комнату, и машинка тотчасъ замолкла.

— Ахъ, я думала тутъ нѣтъ никого,—вскрикнула Нюша, хотя не могла такъ думать, потому что машинка все время щелкала.

— Изволили ошибиться, прекраснѣйшая,—отвѣчалъ Мюллеръ и, должно быть, всталъ со стула, такъ какъ по полу застучало,—чего же вы боитесь, не входите? Я не кусаюсь!..

Нюша хихикнула и что-то сказала, чего нельзя было разобрать.

— И всегда буду,—отвѣтилъ Мюллеръ громко, очевидно, увѣренный, что въ домѣ никого нѣтъ,—потому что не могу пройти мимо такой красоты, чтобъ не чувствовать угнетенія чувствъ...

— Все смѣетесь, все смѣетесь,—съ задыхающимся смѣхомъ говорила Нюша, — а сами-то все къ барышнѣ Лизѣ такъ и лѣзете...

— Ну, какое можетъ быть сравненіе — барышня Лиза и такой цвѣтокъ, какъ вы, Нюша!.. Какъ же можно такъ говорить, — развѣ у меня глазъ нѣтъ? Вы посмотрите сами на себя и увидите... Барышня Лиза костлявая, у нея лопатки торчатъ, длинная талія... Дѣйствительно оглобля, какъ ее называетъ Володя, а вы посмотрите на себя—одна прелесть!.. Если бы васъ такъ одѣть, какъ барышню Лизу,—развѣ кто-нибудь смотрѣлъ бы на нее?..

Онъ, должно быть, что-нибудь дѣлалъ съ Нюшей, потому что та смѣялась все тѣмъ же задыхающимся смѣхомъ и отрывочно бросала:

— Оставьте, что вы! войдетъ кто-нибудь... Ахъ, какой вы!.. Ну, оставьте же!

Ленѣ стало невыносимо противно. Почти физическая тошнота толкнула ее, и, чтобы не закричать, не заплакать, не надѣлать чего-нибудь, отъ чего потомъ будетъ стыдно и неловко, она зарылась головой въ подушки, заткнула уши и громко, боясь замолчать, чтобы опять чего-нибудь не услышать, забормотала прямо въ подушку, плотную, пахнущую свѣжимъ бѣльемъ и фіалкой, которую бабушка клала въ комоды:

— Гадость, гадость, гадость, вездѣ, вездѣ, гадость!..

IX.

Лиза всегда нервничала, когда ей приходилось играть, раздражалась, порой плакала, и ей казалось, что всѣ хотятъ, чтобы она „провалила роль“. Отъ этого она ссорилась во время репетицій, сбивала патнеровъ, говорила грубости, на которыя ей отвѣчали иногда грубостями же и, бросивъ книжку, по которой читала роль, уходила куда-нибудь въ уголъ и тамъ рыдала низкимъ, мужскимъ голосомъ. И когда плакала, крупный носъ у нея краснѣлъ, завитые волосы обвисали, и на щекахъ появлялись багровыя пятна.

Борисъ Заводчиковъ въ такія минуты совершенно терялся, бѣгалъ за нею, потомъ домой за валерьяновыми каплями, ломалъ свои пальцы и пытался уговаривать робкимъ, просящимъ голосомъ:

— Ну, перестаньте! ну что вы! ну стоитъ, въ самомъ дѣлѣ? Успокойтесь, еслибъ вы знали только!..

А она, сознавая, какъ неинтересна была въ эти моменты, гнала его отъ отъ себя и, когда онъ не уходилъ, топала ногой и отворачивалась.

На послѣдней репетиціи въ день спектакля была та же исторія. Она не выучила, какъ слѣдуетъ, роль, путала партнеровъ, потому что книжка была занята Мюллеромъ, и Володя кричалъ на нее, говорилъ, что это она нарочно, потому что воображаетъ, будто она большая артистка, и увѣрялъ, что она все провалитъ.

— Вотъ ужъ оглобля, настоящая оглобля...—закончилъ онъ, сердито отходя въ сторону.

Лиза оглянулась вокругъ, и лицо у нея пошло пятнами. Шведэ не выдержалъ и фыркнулъ при словѣ „оглобля“, и Лиза, вмѣсто того, чтобы заплакать, какъ дѣлала это обыкновенно, разозлилась.

— Я не виновата,—это все Шведэ... Онъ путаетъ и мѣшаетъ мнѣ!.. На прежнихъ репетиціяхъ мизансцена была иная, а теперь онъ перемѣнилъ... Онъ хочетъ, чтобы я спуталась, противный тевтонъ...—говорила она злымъ, возбужденнымъ тономъ,—нечего и играть, если представляешь изъ себя полную бездарность!—добавила она, отворачиваясь.

Шведэ вдругъ покраснѣлъ, и глаза у него стали круглыми и свѣтлыми. Похоже было, что онъ собирается ударить Лизу, но онъ только положилъ тетрадку съ ролью на суфлерскій столъ и выпятилъ свою широкую грудь борца.

— Я не знаю, можетъ быть я бездарность,—проговорилъ онъ по внѣшности спокойнымъ, ровнымъ голосомъ,—если дарованіе заключается въ томъ, чтобы держать себя кокот-

кой и показывать кружева на своихъ панталонахъ, то я, разумѣется, не могу этого...

— Шведэ, какъ вы смѣете!..—вскрикнула Лиза, вся вспыхнувъ,—это гадость, вы не имѣете права...

— Я не имѣю, но господа Столбухины и Тынчи прекрасно освѣдомлены, какого фасона у васъ бѣлье, и, повѣрьте, не считаютъ долгомъ скрывать этого, какъ великую тайну...

Репетиція разстроилась.

Лиза убѣжала красная и возмущенная, не будучи въ силахъ даже заплакать отъ такого оскорбленія, и за ней ушелъ Заводчиковъ. Остальные бранились между собой, и Володя хватался за голову и кричалъ, что все пропало, и спектакль провалился, когда афиши уже расклеены и половина билетовъ продана.

Лиза пришла домой, если не успокоившаяся, то все же не плачущая. По дорогѣ у нея произошла сцена съ женихомъ, когда Борисъ Заводчиковъ скромно и тихо, какъ говорилъ онъ всегда, сталъ выговаривать ей, какъ виновной въ происшедшей только что безобразной сценѣ.

— Вы сами виноваты въ этомъ, простите меня,—говорилъ онъ, хмуря свои брови и крутя пальцами, какъ будто не онъ, а его обвиняли,—я-то понимаю, что вы все это дѣлаете такъ,—ну, шутя, что ли, а они—Шведэ всѣ эти, или Столбухины—они, конечно, принимаютъ это иначе... Вы сами виноваты, что допускали съ ними вольности...

— Вы, кажется, думаете, что я дѣйствительно кокотка...—злобно именно потому, что она была неправа, бросала Лиза.

— Я этого не думаю, и вы знаете это, но такъ могутъ думать Тынча, Мюллеръ и кто тамъ еще... Это нехорошо—и я не обвиняю васъ, но все же долженъ сказать, что вы виноваты...

Они не разсорились только потому, что съ Борисомъ, кажется, невозможно было разсориться никому.

Лиза вбѣжала къ сестрѣ все съ тѣми же красными пятнами на щекахъ и блестящими, злыми глазами. Елена еще лежала, и головная боль попрежнему дергала високъ, но она стала равнодушнѣе, какъ будто все потеряло для нея настоящій смыслъ и куда-то опустилось.

— Леночка, представь, какая гадость!—возмущенно заговорила Лиза, вбѣгая въ комнату,—мнѣ этотъ толстый противный нѣмецъ Шведэ сказалъ ужасную вещь... Онъ не смѣлъ, не имѣлъ никакого права—и вдругъ бухнулъ при всѣхъ, что я кокотка и еще...—Она запнулась и еще больше покраснѣла,—такъ было ей стыдно передавать, что сказалъ еще Шведэ

Лена поднялась и, морщась отъ назойливой боли въ правомъ вискѣ, покачала головой:

— Ну, вотъ видишь, доигралась!—проговорила она укоризненно, не безъ раздраженія,—я говорила тебѣ!.. Ты думаешь, этимъ привлечешь ихъ, всѣхъ этихъ Шведэ и другихъ подлецовъ, а видишь, они же и оскорбляютъ тебя...

— Но, помилуй, онъ не имѣлъ никакого права... Вѣдь это подлость—я съ нимъ никогда ничего... Я ничего никогда не позволила ему, это онъ выдумалъ...

— Не съ нимъ, такъ съ Мюллеромъ или Столбухинымъ...

— Ну, да... Но это же пустяки, ну, когда у меня темпераментъ... Не могу же я...

— Ахъ, темпераментъ...—опять поморщилась Лена—если-бъ ты понимала, какую гадость ты говоришь, ты не сказала бы этого... Весь твой темпераментъ сводится къ этому нелѣпому флирту, нужному не тебѣ, какъ дѣвушкѣ, я знаю, что ты еще дѣвушка, а имъ, мужчинамъ... Ты даже не понимаешь, что они съ тобой дѣлаютъ—сознательно воспитываютъ въ тебѣ какую-то полу-дѣву.

— Но какъ онъ смѣлъ, какъ онъ смѣлъ!..—почти стонала Лиза, хватаясь за голову и мечась по комнатѣ,—это гадость, онъ не смѣлъ!..

— Ахъ, смѣлъ не смѣлъ!.. Ты не знаешь ихъ—очень они считаются съ тѣмъ, что смѣютъ и чего не смѣютъ... Вонъ я слышала только-что, какъ Мюллеръ цѣловался съ нашей Нюшей и говорилъ ей, что она въ тысячу разъ интереснѣе тебя, что ты костлявая, у тебя лопатки...

— Что такое, что?..—вытянулась къ ней Лиза, и лицо у нея приняло растерянное, жалкое выраженіе,—что такое Мюллеръ?..

— Да что,—цѣловался съ Нюшей и разбиралъ, какъ лошадь, тебя... Извѣстная исторія!

Лиза не выдержала. Она вдругъ повалилась на кровать и, уткнувшись лицомъ въ подушку, зарыдала громкимъ мужскимъ голосомъ, содрогаясь плечами отъ рыданій.

— Лиза, Лиза, что съ тобой? ну, можно ли такъ!..—кинулась къ ней Лена; но она вся дергалась, сбивая одѣяло, и что-то выкрикивала, чего нельзя было разобрать.

Лена поняла, что съ сестрой истерика, и бросилась за водой. И все это время, пока ухаживала и успокаивала ее, давала ей пить и, приподнявъ за плечи, морщась отъ усилившейся головной боли, говорила ей ласковыя слова, съ удивленіемъ чувствовала странную нѣжность къ этой большой и глупой дѣвочкѣ, которую такъ больно и несправедливо обидѣли.

— Перестань, что за малодушіе!—говорила она, насильно

вливая воду въ ляскающій зубами ротъ Лизы,—надо было думать прежде, чѣмъ вести себя такъ. Ты сама не понимала, къ чему это могло повести... Въ сущности, ты даже не виновата, потому что дѣлала все это не сама, а подъ вліяніемъ ихъ же... Ты думаешь, имъ что-нибудь нужно—твоя душа, талантъ, если онъ у тебя есть, твой умъ? Ничего подобнаго,—имъ нужно развратить, пробудить въ тебѣ женщину, самая наивность твоя имъ смѣшна, и они только смѣются надъ тѣмъ и говорятъ—вотъ погоди, я покажу тебѣ твою невинность!.. Это мерзавцы, подлецы, которымъ ничего, кромѣ грубаго физическаго наслажденія, не нужно... Они говорятъ комплименты, и вы, дѣвушки, вѣрите имъ, потому что вамъ они кажутся правдой, а они двадцать разъ двадцати женщинамъ говорятъ одно и то же и смѣются надъ вами... Это враги, понимаешь—враги, забравшіе силу, власть, сговорившіеся между собою для того, чтобъ обманывать женщину, и всѣ, поголовно всѣ, обманывающіе...

— Ахъ, если бы ты знала, если бы ты поняла такъ, какъ я, такъ горько поняла всю правду... Они грязны, распущены, лучшіе изъ нихъ не брезгаютъ проститутками—и сами же презираютъ этихъ несчастныхъ, насмѣхаются, издѣваются надъ ними, хотя они же ихъ сообщники и только... Они оправдываются тѣмъ, что это велѣніе природы,—и ходятъ, даже женатые, которые физически должны быть удовлетворены... Ахъ, какая грязь, какая гадость!.. И только ты повѣришь имъ, только начнешь думать—ну, вотъ, этотъ не такой, какъ всѣ,—какъ тотчасъ же вылѣзетъ какая-нибудь гадость, и тебѣ станетъ еще больнѣе, еще хуже...

Она задумалась, трогая рукою больной високъ, и улыбнулась слабой и даже какъ будто жалкой улыбкой. Лиза немного успокоилась, перестала плакать и слушала ее, глядя передъ собой широко открытыми, еще влажными отъ слезъ глазами.

— Ты думаешь—ты одна?—усмѣхнулась Лена,—оставь, это всѣ женщины такъ,—повѣрятъ, а потомъ мучаются... Я тоже...—она подняла глаза вверхъ, и лицо ея стало грустнымъ и спокойнымъ, какъ лицо человѣка, говорящаго о давно прошедшемъ,—я тоже вотъ... Теперь тебѣ можно сказать... Крынинъ вотъ этотъ... Ну, я думала,—онъ такой хорошій, уже пожившій, сидитъ у себя одинъ и потомъ онъ говорилъ такъ, что я ждала чего-то... И тоже—пришла къ нему, а тамъ какая-то баба, говоритъ о немъ, все знаетъ... И про меня знаетъ, должно быть, онъ разсказываетъ...

— Я знаю,—кивнула головой Лиза,—Авдотья...

— Какая Авдотья?

— Ну, вотъ эта, что съ нимъ живетъ... Сидѣлка или фельдшерица—что-то въ этомъ родѣ... Ее зовутъ Авдотьей...

— Ну, Авдотья... Вотъ видишь?.. А былъ моментъ,—она прикрыла глаза, и въ воображеніи ея ясно до иллюзіи встала милая лѣсная полянка, красныя, наивныя шапочки маленькихъ грибовъ и золотое, тихое солнце..

— ...А былъ моментъ,—сдвигая брови, какъ отъ физической боли и усиліемъ прогоняя видѣніе, продолжала Лена,—былъ моментъ, когда я повѣрила, размечталась...

Она отошла къ окну и думая уже не о сестрѣ, не утѣшая ее, а говоря свои мысли вслухъ, сказала:

— Мы оставлены, покинуты, предоставлены только самимъ себѣ... Безсильныя, обманутыя, довѣрчивыя женщины страдаютъ, мучаются, умираютъ—и падаютъ, одна за другой, устилая своими страданіями и своими трупами побѣдоносное шествіе мужчинъ... Съ этимъ надо бороться, надо воевать,—а онѣ вѣрятъ, поддаются—и падаютъ, падаютъ... Вся наша жизнь сплошная нелѣпость,—посмотри—молодежь занята въ лучшемъ случаѣ спортомъ—мускулы, мускулы, мускулы, или развратничаетъ и развращаетъ. Самый лучшій изъ нихъ—твой женихъ Борисъ Заводчиковъ—прячется въ свою химію и не знаетъ толкомъ, что онъ будетъ дѣлать въ жизни. Старики сидятъ у себя въ кабинетѣ и читаютъ какія-то семипудовыя статьи и прячутся отъ жизни, не хуже твоего Бориса... Это у насъ, а мы считаемся лучшей, наиболѣе интеллигентной семьей...

— Надо воевать, объявить войну такую же безпощадную, какъ безпощадны съ нами, надо мстить—мстить всѣмъ мужчинамъ, всему старому, всей жизни.

Она говорила еще долго. И по мѣрѣ того, какъ говорила, въ ней росло неясное рѣшеніе, котораго она сама не могла охватить и понять во всей полнотѣ.

— Такъ нельзя, такъ нельзя!—повторяла она, прохаживаясь по комнатѣ изъ угла въ уголъ,—такъ нельзя!..

И какъ Заводчиковъ, ломала тонкіе пальцы, чувствуя, какъ нервное настроеніе все подымается въ ней.

— Такъ нельзя!..

И, когда ушла Лиза, достала большую корзину, привезенную изъ-за границы, и долго разбиралась въ ней, доставая платья, осматривая каждое изъ нихъ критическимъ взглядомъ. Потомъ пошла искать Бориса Заводчикова. Проходя мимо комнаты Лизы, она зашла къ ней и сказала строго и коротко:

— Ты должна играть... Спектакль долженъ состояться, во что бы то ни стало. Нельзя давать повода болтать Богъ знаетъ что,—слышишь,—ты должна играть!..

Сестра посмотрѣла на нее еще не просохшими отъ слезъ глазами и покорно согласилась:

— Хорошо, я буду...

Отыскивая Заводчикова, который непремѣнно долженъ былъ быть гдѣ-нибудь здѣсь же, Лена заглянула въ кабинетъ дѣдушки. Старикъ сидѣлъ въ креслѣ и неторопливымъ, размѣреннымъ голосомъ, сильно шевеля мертвенными синими губами читалъ, а бабушка мотала шерсть, накинувъ ее на спинку стула.

Казалось, что эти двое стариковъ окружены стѣнами темноватаго кабинета отъ всего міра, кругомъ могли страдать, плакать, можетъ быть, погибать, любимый человѣкъ могъ извиваться отъ боли,—они сидѣли бы такъ же въ этомъ кабинетѣ, читали книгу и были бы покойны, радостны и тихи, совершенно не подозрѣвая, что дѣлается тутъ же за стѣною.

— ...нравственная красота жизни неутомимаго богемы-труженика, которую велъ Жао-де-Деушъ, производила на современниковъ не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ дѣйствительный идеализмъ или оптимизмъ его гармоничной индивидуальности...—читалъ дѣдушка, ведя своимъ козырькомъ по строкамъ.

Лена сжала губы и прошла дальше.

Заводчикова она нашла въ саду, возлѣ теннисной площадки. Химикъ сидѣлъ, втянувъ голову въ плечи, отчего его слабая, тонкая фигура чѣмъ-то напоминала озябшую птицу, и при приближеніи Лены поднялъ голову.

— Вотъ что, Борисъ Илларіоновичъ, спектакль, конечно, будетъ, это глупости... Не надо обращать вниманія на пустяки... Мало ли, что въ сердцахъ можетъ сказать человѣкъ,—не надо давать повода къ сплетнямъ... Такъ что спектакль будетъ. Вы, вѣроятно, поднесете Лизѣ цвѣты?

— Я думалъ это...

— И отлично, такъ и сдѣлайте... И потомъ вотъ что: вы достанете мнѣ двѣ, нѣтъ—три розы!.. Ярко-красныя розы—и хорошія, слышите?

— Слушаю-съ...

— Принесете передъ спектаклемъ, понимаете? Да не говорите никому, принесите и прямо мнѣ передайте, сдѣлаете?

— Разумѣется, если вы говорите.

— Ну, вотъ и отлично, только не опоздайте, какъ вы обыкновенно это дѣлаете!..

X.

Спектакль, дѣйствительно, состоялся и былъ удаченъ. Готовая разъѣхаться дачная публика воспользовалась послѣд-

нимъ случаемъ собраться вмѣстѣ и наполнила гумно Захара Никитьева въ такомъ количествѣ, что не хватало мѣстъ. Еще за три часа до спектакля всѣ билеты были проданы, о чемъ Володя оповѣстилъ публику, вывѣсивъ у воротъ гумна огромный плакатъ.

Исполнителей много вызывали, особенно Лизу,—у нея было много поклонниковъ среди дачной молодежи,—ей поднесли даже не одинъ, а два букета. Она кланялась, сильно присѣдая и улыбаясь исподлобья, и, кажется, совершенно забыла утреннія непріятности.

Лена сидѣла у нея въ уборной и слушала дивертисементъ: Мюллеръ пѣлъ, Лиза мелодекламировала, Столбухинъ и Шведэ играли дуэтъ—Столбухинъ на рояли, перетащенномъ изъ дачи, Шведэ на флейтѣ.

Мюллеръ, кончивъ свой номеръ и не обращая вниманія на аплодисменты, пришелъ въ дамскую уборную, гдѣ сидѣла Лена, и, увидѣвъ ее, только слегка свиснулъ.

— Вотъ это я понимаю, Елена Петровна, это дѣйствительно...—проговорилъ онъ, раскланиваясь съ ней, какъ-будто еще не видѣлъ ее,—это дѣйствительно...

Противъ своего обыкновенія, Лена явилась на спектакль нарядной и оживленной. Она долго одѣвалась у себя, запершись въ комнатѣ и не пуская даже Лизу, и когда вышла въ своемъ сѣромъ платьѣ, сшитомъ за границей хорошимъ портнымъ, съ чуть державшимися двумя пламенными розами въ волосахъ, просто и эффектно причесанныхъ,— Лиза скорчила презрительную гримасу и бросила:

— Скажите, пожалуйста, тоже вырядилась, старбень!.. Кому это нужно—и цвѣты даже... Отдала бы мнѣ лучше розы, ну, куда тебѣ?..

Лена любила это сѣрое, газовое платье, легкое, какъ облако, на сѣромъ чехлѣ, гладкое и интересное. Оно особенно оттѣняло цвѣтъ ея волосъ, и красныя яркія розы при немъ подчеркивали стильность костюма. Въ этомъ платьѣ она когда-то была счастлива; и теперь, почувствовавъ на себѣ его,— она, какъ боевой, давно отвыкшій конь, ощутивъ на себѣ привычное нѣкогда сѣдло, вся подобралась и насторожилась.

У нея по-прежнему болѣла голова, и нервный подъемъ не проходилъ, а повышался, и отъ этого глаза блестѣли ярко и вызывающе, а похудѣвшее лицо горѣло лихорадочнымъ румянцемъ.

— Милое платьице...—шептала она, оглядывая себя въ зеркало передъ тѣмъ, какъ выйти изъ своей комнаты,—милое платье!..

На минуту ее охватило такое же чувство, какъ при воспоминанiи о солнечной лужайкѣ, гдѣ она утромъ собирала красненькiе грибки,—и острая боль пронизала сердце. И спокойная, какъ-будто немного дерзкая, властная и сознающая свою власть, она вышла въ гостинную, гдѣ ее ждали Заводчиковъ и дѣдушка.

Во время спектакля она много говорила съ молодежью, съ знакомымъ драгунскимъ офицеромъ, который внезапно прилѣпился къ ней и подходилъ въ каждомъ антрактѣ, смѣялась манящимъ негромкимъ смѣхомъ и была оживлена. Свои всѣ, кромѣ Бориса Заводчикова, участвовали въ спектаклѣ и увидѣли ее только тогда, когда она послѣ пьесы пришла въ уборную.

— Однако...—пробормоталъ Володя, разглядывая ее, какъ будто видѣлъ впервые:—вотъ что значитъ заграница-то... Это не Лизкины локоны...

Драгунскiй офицеръ увязался за ней и въ уборную и, слегка позвякивая шпорами, тяжело опираясь на блестящую бѣлыми ножнами шашку, говорилъ ей всякiй вздоръ, на который она отвѣчала тѣмъ же загадочнымъ, негромкимъ смѣхомъ, блестя глазами и откидывая голову назадъ, такъ что трудно было понять, какъ держались у нея въ волосахъ двѣ свободно брошенныя розы.

— Н-да, и эти розы!..—разглядывая ее, говорилъ Мюллеръ,—этто номеръ... Смѣю васъ увѣрить—вы царица, если не бала, то дворца Захара Никитьева.

— Вы мнѣ очень льстите—гумно не такъ заманчиво, чтобъ быть въ немъ царицей,—отвѣчала Лена, освѣщая его своей улыбкой, отъ которой зрачки у него сузились, и лицо стало чуткимъ и безпокойнымъ.

— Но гдѣ вы были, гдѣ вы пропадали, что я васъ не видѣлъ?..—бормоталъ офицеръ, позванивая шпорами,—я живу здѣсь уже двѣ недѣли...

— Я не виновата, что вы ничего не видите,—смѣялась Лена,—я была все здѣсь же...

— Какъ странно, какъ странно,—урчалъ офицеръ, какъ медвѣдь, всунувшiйся въ полный медомъ улей,—если бы я зналъ, если-бъ я только могъ предполагать!..

— Ну,это положимъ-съ,—опредѣленно заявилъ Мюллеръ,—это вы ужъ извините пожалуста, милостивый государь, это ужъ вы оставьте...

— Въ чемъ дѣло, что вы, Мюллеръ?—приподымая брови спрашивала Лена,—о чемъ вы такъ волнуетесь?

— Ужъ это вы извольте оставить, ваше высокоблагородiе,—продолжалъ Мюллеръ, приставляя вплотную стулъ къ

Ленѣ и плотно опускаясь на него, — этакихъ васъ много — явятся вдругъ и начнутъ ухаживать... Извините, пожалуйста, мы первые, это наше...

— Да, но я пораженъ... Вы можете быть первыми, но вы не видѣли и не замѣчали...—урчалъ офицеръ, тоже придвигаясь ближе.

— Первые да будутъ послѣдними... — склоняя голову на бокъ и лукаво играя глазами, такъ что тонъ и это движеніе какъ - разъ противорѣчили ея словамъ, говорила Лена, подхватывая брошенный двумя молодыми людьми шаръ вольнаго и игриваго разговора.

— Господи Боже мой, Никола Угодникъ и Сергій Радонежскій,—молился Мюллеръ,—я могу только повторить слова почтеннаго сына Марса: если бъ я только зналъ, если-бъ могъ только предполагать!..

— Но послушайте, Елена Петровна, — продолжалъ онъ мѣняя тонъ и говоря съ нарочито повышеннымъ увлеченіемъ,—я не могу не привѣтствовать эту перемѣну... Это прекрасно и великолѣпно — и да здравствуетъ женщина!.. Я пишу съ большой буквы женщина... Всѣ эти милые разговоры о равноправіи, угнетеніи женщины... Предоставимъ это вычитывать дѣдушкѣ съ бабушкой во вторыхъ отдѣлахъ журналовъ. На самомъ дѣлѣ ключи отъ счастья женскаго заброшены-затеряны на морѣ-окіянѣ,—такъ кажется? И даже чуть ли не какой-то рыбой сглонуты (это „сглонуты" всегда приводило меня въ умиленіе), а въ какихъ моряхъ та рыбина гуляетъ—Богъ забылъ... Въ сущности такъ гораздо лучше, смѣю васъ увѣрить...

— Къ тому же, власть женщины въ данномъ... данномъ... какъ это сказать... данномъ образѣ что ли—власть абсолютная, и мы, жалкіе мужчины, только можемъ благоговѣть передъ ней и преклоняться...—бормоталъ драгунъ, щурясь и кланяясь.

— Да, вы думаете?—тянула Лена,—вотъ какъ?

Въ дверь просунулся Володя—онъ былъ сценаріусомъ и зашикалъ.

— Тамъ дивертесиментъ идетъ, тише вы... Лиза читаетъ!..

Дѣйствительно, издали доносился полный и звучный голосъ, читавшій какое-то стихотвореніе, и осторожно, заглушенные педалью аккорды рояля.

Ла-та-ніи гру-стятъ о сол-неч-номъ теп-лѣ,
Ск-возь кра-сный аба-журъ стру-ится дым-ка свѣ-та...

читала Лиза и отсюда, изъ уборной, когда не видно было самой читающей, казалось. что нѣжные стихи читаетъ сла-

бая, грустящая дѣвушка, хрупкая и надломленная, съ большими печальными глазами и тонкой, одинокой душой.

— Я совершенно искренно говорю, — переходя на свистящій шопотъ продолжалъ Мюллеръ,—вы такая—одинъ восторгъ, и сынъ Марса сказалъ правду, я могу только преклониться и повиноваться...

— Да-а? Въ самомъ дѣлѣ?

— Клянусь вамъ первымъ днемъ творенья...

Они болтали до конца исполненія. Торопливый плескъ аплодисментовъ заставилъ ихъ прекратить эту болтовню. Въ уборную вбѣжала Лиза, задѣвая тяжелымъ платьемъ разбросанныя на стульяхъ вещи и въ дверяхъ еще закричала:

— Ну что, ну какъ — хорошо? Я чуть не спуталась, вдругъ забыла!.. Ничего? И этотъ Столбухинъ, онъ такъ тянетъ, что просто невозможно...

Она увидала Лену, по выраженію лицъ мужчинъ поняла что-то и презрительно сложила губы:

— Скажите, пожалуйста!..

Изъ уборной всѣ ушли, потому что Лиза должна была разгримировываться. Въ зрительной залѣ два мужика разставляли по стѣнамъ стулья, и маленькій, толстенькій гимназистъ, котораго всѣ почему-то называли Поплавкомъ, бѣгалъ, продавая секретки для почты и карандаши. За нимъ ходилъ Шведэ и предлагалъ номера для игры въ почту.

Лена тоже взяла номеръ и приколола его на груди.

— Какъ всегда, тринадцатый... — усмѣхнулась она, посмотрѣвъ на картонный билетикъ,—она родилась тринадцатаго мая и была убѣждена, что ее преслѣдуетъ это число.

Залъ скоро привели въ порядокъ, и толстая, приглашенная на вечеръ таперша заиграла со сцены вальсъ.

Сразу всѣ задвигались, засуетились, и по некрашенному полу, гдѣ для танцевъ Володя разсыпалъ крошеный стеаринъ, изрѣзавъ для этого фунтъ свѣчей, замелькали свѣтлыя туфли, лакированныя ботинки мужчинъ и мелькающія шпоры военныхъ.

Порою откуда-нибудь изъ угла длинной извивающейся змѣей вылетала бумажная лента, опутывала танцующихъ, и они смѣялись, разрывая непрочныя путы, и отвѣчали горстями конфетти, наполняя воздухъ роемъ быстрыхъ, мерцающихъ разными цвѣтами бабочекъ.

Гулъ голосовъ, громкіе звуки рояля, шарканье ногъ—все это сливалось въ странный шумъ, отъ котораго голова у Лены кружилась и нервы натягивались, какъ струны.

Онъ нея не отходили и Мюллеръ, и офицеръ, и съ двухъ сторонъ жужжали ей въ уши, пользуясь тѣмъ, что за му-

зыкой и шумомъ никто посторонній не могъ ихъ слышать, всякія глупости. И того и другого то и дѣло отзывали знакомые,—и они уходили, но тотчасъ же возвращались и опять болтали всякій вздоръ, злословя о присутствующихъ и сплетничая.

Уже дѣйствовала почта—и „Поплавокъ“ неуловимо мелькалъ между танцующими, разнося крохотныя еще не высохшія отъ склейки секретки, на которыхъ торопливымъ крупнымъ почеркомъ были написаны номера адресатовъ.

Ленѣ тоже прислали два или три письма—и всѣ они были полны какихъ-то намековъ, пошлостей и глупостей.

Откуда-то вывернулся Тынча—въ потертомъ смокингѣ и желтыхъ башмакахъ и—какъ всѣ въ этотъ вечеръ—прилѣпился къ Ленѣ.

— Вы божественны и очаровательны, вы вся въ... тонахъ Петрова-Водкина—поль-веронезъ и индиго...

— И краплакъ,—усмѣхнулась Лена.

— Совершенно вѣрно,—и краплакъ,—согласился Тынча—здѣсь и здѣсь,—указалъ онъ на розы и на губы, и такъ близко, что Лена отшатнулась.

— Я не знаю, въ какихъ вы тонахъ, но тонъ у васъ очень скверный,—проговорила она, отворачиваясь отъ него.

Подошла Лиза, задыхающаяся отъ танцевъ, и крикнула Мюллеру:

— Идемте вальсъ,—ну, скорѣе...

— Извините, телефонъ занятъ,—отвѣчалъ ей Мюллеръ,—трубка снята!..

Лиза посмотрѣла на него, потомъ на сестру и дернула плечомъ.

— Тоже подумаешь, кому-то нужно...

— Это не она, не она,—думала Лена въ то время, какъ губы ея улыбались чему-то, что бормоталъ близко приникшій къ уху драгунъ,—это все отъ нихъ, отъ всѣхъ нихъ...

Ей надоѣли и офицеръ, и Мюллеръ, и было такое чувство, отъ котораго хотѣлось имъ сказать грубость, прогнать вонъ, но она улыбалась, отвѣчала и небрежнымъ движеніемъ вскрывала сунутую въ руку Поплавкомъ секретку.

— Когда сраженіе проиграно, тогда выпускаютъ старую гвардію...—прочитала она измѣненный, стоячій почеркъ и бросила бумажку.

Поплавокъ опять вынырнулъ и сунулъ двѣ секретки.

— Шла бы ты, бабушка, къ заутрени...—было написано на одной, а на другой тѣмъ же измѣненнымъ почеркомъ, что и на первой:

— Сѣдина въ волосы, если не въ бороду, а бѣсъ въ ребро...

— Какъ глупо и скучно!—усмѣхнулась она и вдругъ вздохнула странно-глубоко, до боли; кругомъ шумѣли, пары двигались мимо, гремѣлъ рояль, и лица были веселы и оживлены—и всѣ были, казалось, веселы и довольны. И только у нея гдѣ-то глубоко въ сердцѣ стояло неподвижно ощущеніе одиночества, какъ-будто она была одна въ этомъ залѣ и не было ни одного близкаго, милаго человѣка.

— А Крынина нѣтъ—подумала она—или ей казалось, что подумала и, вдругъ обернувшись къ Мюллеру, проговорила:

— Ну, что же вы? Васъ только и хватило на часъ? Гдѣ же ваша преданность и поклоненіе? Извольте ухаживать за мной!..

И засмѣялась нервнымъ, срывающимся смѣхомъ, пожимая плечами, какъ-будто ей внезапно сдѣлалось холодно.

Мюллеръ заговорилъ что-то, чему-то засмѣялся—и она засмѣялась, хотя совсѣмъ не слышала его словъ, и голосъ его отдавался въ ушахъ, какъ-будто бубнилъ въ пустую бочку: бу-буббу-бу-бу...

Должно быть, у нея была лихорадка, потому что звуки всѣ то вдругъ странно приближались, были круглыми и отчетливыми, какъ-будто несвязанными другъ съ другомъ, то вдругъ потухали внезапно и куда-то падали, и тогда въ головѣ вдругъ выросталъ глухой и далекій шумъ, похожій на шумъ замершихъ въ солнечномъ покоѣ сосенъ.

Опять принесли письмо—на этотъ разъ съ рисункомъ. Нарисована была Лена—и очень похоже, хотя карикатурно, и противъ нея толстая баба съ широкими губами и темными пятнами на щекахъ. А посерединѣ полная фигура Крынина, до пояса разорванная пополамъ, причемъ одна рука тянулась къ Ленѣ, а другая къ бабѣ. И подписано было: Буридановъ оселъ.

Какая пошлость!..—почти равнодушно вздрогнула Лена и только секунду спустя поняла оскорбленіе,—какая гадость!.. Это Лиза разсказала—мститъ за Мюллера...

Она возмутилась было, но тотчасъ же потухла и, какъ прежде, плохо соображая, что вокругъ творится, повторила:

— Но это не она, не она... Это все они, они, они!.. Она имъ въ угоду старается такой быть, это они!..

Ей вдругъ захотѣлось плакать—и спазма сжала горло, такъ что она задохнулась. Противное, пошлое лицо Мюллера, наклонившееся къ ней, его низкій шопотъ, говорящій пошлости, самый запахъ крѣпкихъ англійскихъ духовъ, шедшій отъ его одежды,—все это было мучительно и, казалось, отъ всего этого и подымался истерическій комокъ въ горлѣ.

— Что это, я—какъ Лиза? Какая глупость!—опомнилась

она и, чтобы кругомъ не замѣтили, что съ ней, быстро пошла къ уборнымъ.

— Божественная, вы куда, позвольте, такъ нельзя...—догналъ ее Мюллеръ,—это бѣгство съ поля сраженія...

— Я хочу воды, тамъ, должно быть, есть...

— Позвольте я прине...—началъ было Мюллеръ и вдругъ, точно сообразивъ что-то, остановился,—пойдемте, должно быть, есть,—докончилъ онъ и пошелъ впереди, расчищая въ толпѣ дорогу.

Лена едва могла добѣжать до узенькаго коридорчика, ведущаго къ уборнымъ. Кругомъ пахло клеемъ, краской и еще чѣмъ-то противнымъ и гадкимъ, чѣмъ почти всегда пахнетъ за кулисами театровъ, висѣли какія-то огромныя тряпки, а между ними въ длинномъ почти до пятъ сюртукѣ, въ картузѣ, въ сапогахъ съ блестящими голенищами, сопровождаемый толстой бабой въ ковровомъ платкѣ и двумя дѣвицами въ ситцевыхъ топорщившихся платьяхъ, расхаживалъ Захаръ Никитьевъ.

— А энто вотъ небо изображаетъ—сверху такъ вотъ спущается,—объяснялъ онъ, показывая полотно,—а энто занавѣска, эвонъ вверху-то на жердинку накручена... Художникъ писалъ, знакомаго контрольнаго сынъ—чисто итальянскій живописецъ... Какъ же—не хотѣли пущать, а я и говорю, какимъ такимъ манеромъ—свое, можно сказать, собсвенное!..

Въ корридорчикѣ было темно и пыльно, и Лена пріостановилась, чувствуя, что вотъ-вотъ она зарыдаетъ.

— За что, за что?—хотѣла она крикнуть, но голоса не было, и клубокъ сталъ въ горлѣ и дышать было невозможно.

Мюллеръ говорилъ что-то, совсѣмъ наклонившись къ ней, заглядывалъ въ глаза—и она пыталась улыбнуться ему—и должно быть, улыбалась. Тогда онъ обнялъ ее и крѣпко, обдавая ее запахомъ духовъ и фиксатуара, прижался губами къ ея губамъ, такъ что чувствовались твердые зубы и было больно. Онъ откинулся, хотѣлъ еще разъ поцѣловать—какъ Лена вдругъ вскрикнула и съ чувствомъ человѣка, бросающагося съ высоты внизъ, уже не имѣя силы удержать подхватившую ее волну истерики, икая и захлебываясь, взмахнула рукой и звонко, до боли въ ладони, ударила наклонившееся надъ ней лицо.

— Вотъ такъ здорово съѣздила!..—съ радостнымъ удивленіемъ крикнулъ Захаръ Никитьевъ, въ то время, какъ она уже падала, и чьи-то руки—чуть ли не того же самого Мюллера—подхватили ее.

Она не помнила, какъ попала въ уборную, на крохотный диванчикъ, гдѣ сидѣла во время исполненія, болтая съ офи-

церомъ,—не помнила, кто около нея суетится, кто протягиваетъ въ стаканѣ воду,—видѣла только выплывшее какъ во снѣ лицо дѣдушки, новое и странное отъ того, что не было обычнаго козырька, чувствовала какъ кто-то рвалъ корсажъ сѣраго платья и лилъ ей въ ротъ, разжимая сцѣпленные зубы, воду—и все кричала, кричала, кричала...

Она кричала: „подлецъ, подлецъ, подлецъ", мстя Мюллеру за себя, за Лизу, за глупую Нюшу, за все больное и горькое, что случилось съ ней, а выходило „конецъ, конецъ", и окружающіе не могли понять—почему конецъ, что конецъ...

И, все усиливаясь выговорить, отталкивая пролившуюся ей на грудь воду, какимъ-то другимъ существомъ своимъ, неизмѣримо спокойнымъ, холоднымъ и трезвымъ, въ то время, какъ она металась въ истерикѣ по крохотному диванчику, съ ужасомъ слышала это слово—и ей казалось, что наступилъ, дѣйствительно, всему своему, близкому, личному холодный и безрадостный конецъ...

XI.

Крынинъ не былъ на дачѣ три дня, и все это время, толкуя съ предсѣдателемъ управы о колоніи, обѣдая у знакомаго городского врача, играя вечеромъ въ винтъ въ клубѣ,—онъ непрестанно думалъ о Еленѣ Коневской и все пытался что-то рѣшить—и не могъ.

Для того, чтобы рѣшить это что-то, надо было проявить силу воли, надо было просто и коротко объясниться съ Авдотьей, надо было откровенно разсказать обо всемъ Ленѣ, а это было трудно, хлопотно и мучительно. Къ тому же, изъ всего этого могло ничего не выйти и—самое главное,—если все это предпринимать, то надо было предпринимать теперь же.

Но все же онъ не могъ оставаться совершенно спокойнымъ и едва только пріѣхалъ и узналъ, что въ его отсутствіе приходила Лена, онъ заволновался, засопѣлъ носомъ и почувствовалъ, что именно теперь необходимо что-то предпринять.

Онъ пріѣхалъ въ день спектакля, но не пошелъ на него, отговариваясь самъ передъ собою, что не любитъ большихъ собраній, и что въ сущности ему надо переговорить съ Леной наединѣ, а тамъ будетъ много народу.

На дачу онъ пошелъ на слѣдующій день утромъ, какъ всегда послѣ обѣда, разсчитывая такимъ образомъ, чтобы попасть къ чаю и не встрѣтиться въ первую минуту съ Леной лицомъ къ лицу.

— Надо это рѣшить, надо обязательно выяснить,—бормоталъ онъ, тяжело шагая по лѣсной дорогѣ, слегка размокшей отъ небольшого дождя, сѣявшаго съ утра,—она чуткій, милый человѣкъ, она пойметъ, не можетъ не понять... И потомъ—что же въ сущности такое? Я человѣкъ какъ и всѣ люди, не старъ, не уродъ... Не въ томъ дѣло!..

Онъ шелъ, а дождикъ—мелкій и теплый, тотъ особенный дождикъ, послѣ котораго такъ хорошо идутъ грибы, сѣялъ и сѣялъ, и сосны, мокрыя отъ него, стояли молчаливо и сосредоточенно.

У полянки, той самой, на которой вчера Лена собирала грибы, онъ остановился и отеръ потъ съ шеи. Было жарко, а онъ, еще испугавшись дождя, надѣлъ драповое пальто, теперь давившее плечи. Полянка эта ему всегда нравилась, а теперь въ нѣжной дымкѣ едва примѣтныхъ дождевыхъ капель, медленно собиравшихся на тронутыхъ уже осенней желтизной листьяхъ тоненькихъ березъ въ тяжелыя, звучно падавшія капли, она показалась ему особенно трогательной и милой.

Можно было подумать, что здѣсь еще звучитъ чей-то наивный радостный стѣхъ, робкимъ весельемъ оживлявшій эти насупившіяся теперь сосны, нѣжныя березки и густую поросль ольховыхъ кустовъ.

Крынинъ вспомнилъ, что Елена должна была проходить здѣсь, и вздохнулъ.

„Нѣтъ, это невозможно, — подумалъ онъ, отправляясь дальше,—она никогда не помирится съ этимъ и ничего не выйдетъ... Въ сущности—что я такое? Старѣющій, отжившій почти человѣкъ, которому смѣшно начинать новую жизнь... И даже не въ томъ дѣло“.

„Ахъ, опять это „не въ томъ дѣло“,—поймалъ онъ себя и засопѣлъ носомъ,—ты всегда говоришь—не въ томъ дѣло да не въ томъ дѣло,—говорилъ онъ обращаясь къ себѣ, какъ къ кому-то постороннему,—а на самомъ дѣлѣ самъ не знаешь, въ чемъ именно дѣло... Ты отсталъ, облѣнился, опустился, давно пересталъ интересоваться дѣломъ, которымъ занимаешься, ничего не читаешь и когда при тебѣ говорятъ и спорятъ, ты морщишься и повторяешь какъ попугай, затвердившій одну фразу:—не въ томъ дѣло...

„И во всей твоей жизни теперь нѣтъ ничего, про что ты могъ бы сказать: вотъ въ чемъ дѣло... Ты служишь въ колоніи—и два раза въ день по обязанности обходишь палаты и никогда не даешь себѣ труда даже заняться, какъ слѣдуетъ, больными, и когда какой-нибудь сумасшедшій проситъ тебя хоть успокоить зубную боль, отъ которой онъ не спитъ по ночамъ и безпокоитъ остальныхъ больныхъ,—

ты отмахиваешься, какъ отъ назойливой мухи и говоришь: не въ томъ дѣло...

„Когда тебѣ говорятъ, просятъ обратить вниманіе на хозяйство,—ты говоришь тоже самое, и прячешься за Авдотьину юбку и просишь не принимать никого... Ты какъ-будто занятъ чѣмъ-то большимъ и важнымъ, сидишь дома, нигдѣ почти не показываешься, кромѣ палатъ, и когда больные жалуются на служителей, на ихъ грубое обращеніе,—ты опять твердишь излюбленныя слова,—не въ томъ дѣло. А въ это время надзиратель воруетъ, сидѣлки бьютъ больныхъ по зубамъ, больные голодаютъ и въ сущности сидятъ не въ лечебницѣ, а въ тюрьмѣ, ибо ихъ не лечатъ, на нихъ не смотрятъ, а ихъ только изолируютъ... Какая гадость,—и куда же ты собственно гожъ со всѣмъ твоимъ чувствомъ и рѣшеніями?“.

Онъ снялъ шляпу, помахалъ ею себѣ въ лицо и опять надѣлъ. Вдали уже мелькнули бѣлые столбы переѣзда, до котораго его обычно провожали отъ Коневскихъ.

— Д-да, плохо, плохо,—бормоталъ онъ, съ трудомъ размѣшивая песокъ дороги, обутыми въ калоши ногами—никогда она не согласится, а если согласится, то съ твоей стороны это будетъ такая же ложь, какъ съ Авдотьей... Нѣтъ, нельзя говорить...

Но черезъ нѣсколько минутъ онъ вообразилъ, закрывъ глаза, Лену, ея строгіе, умные глаза, постарался услышать звукъ голоса и прошепталъ, прижимая руки къ груди:

— Но я же не виноватъ, то есть виноватъ, конечно, но вы поймете, я вамъ все разскажу... И потомъ—вѣдь, въ сущности я могу возродиться, вы поможете мнѣ... Нѣтъ, не говорите, я чувствую, что это возможно—я стану работать, пойду рядомъ съ вами, только... только не отталкивайте меня...

Онъ опять открылъ глаза, пошелъ дальше и говорилъ, жестикулируя руками такъ, какъ будто бы воображаемая Лена ему противорѣчила, и онъ старался убѣдить ее.

— Нѣтъ, не говорите—я чувствую, что это возможно... Конечно, мы, мужчины, грязны и низменны по своимъ инстинктамъ, и не думайте, пожалуйста, что я хочу, чтобъ вы только были спутницей моею,—вы должны жить самостоятельно, мы только будемъ вмѣстѣ... Вѣдь, поймите—дѣло не въ равноправіи тамъ какомъ-то, не въ томъ, чтобы и мужчина и женщина одинаково зарабатывали и выступали въ представительномъ собраніи, а въ томъ, чтобы чувствовать такое же уваженіе къ жизни, психикѣ и труду женщины, какъ и мужчины... А это я чувствую, я очень чувствую...

Когда онъ такъ говорилъ, ему все представлялось такимъ

простымъ и яснымъ, что предположеніе о томъ, что ничего не выйдетъ, никакъ не уживалось съ этими мыслями. Но въ слѣдующій моментъ онъ начиналъ опять сомнѣваться, безпомощно разводить руками и шептать виновато:

— Но что же подѣлать, вѣдь, въ сущности?—что же произошло? Вѣдь, я-то точно тотъ же...

И ему представлялось совершенно невозможнымъ, чтобы Лена согласилась быть его женой, и хотѣлось вернуться обратно въ колонію, не доходя до дачи.

Уже въ саду, проходя по дорожкѣ отъ калитки къ верандѣ, онъ опять остановился и чуть было не вернулся назадъ. Его рѣшеніе просить руки Лены показалось ему вдругъ такой нелѣпостью, что онъ пришелъ въ ужасъ. Онъ постоялъ, подумалъ, успокоился, и страхъ исчезъ.

— Нѣтъ, она должна понять, я скажу ей, я все скажу и она пойметъ...—рѣшилъ онъ и пошелъ къ балкону.

Чай пили въ комнатахъ, и балконъ былъ пустъ, и странно-непривычно, съ какимъ-то голымъ сиротливымъ выраженіемъ стоялъ большой столъ, на которомъ обычно пили чай, покрытый вмѣсто скатерти одной желтоватой клеенкой. На ступеняхъ крыльца были выставлены горшки съ цвѣтами—должно быть, бабушка пользовалась дождемъ и выставила большой въ широкой кадкѣ фикусъ, флоксіи и еще какой-то цвѣтокъ, названія котораго Крынинъ не зналъ.

Гдѣ-то внутри дома брякали посудой, тонкимъ звукомъ звенѣли чайныя ложки, и слышался говоръ.

Крынинъ остановился, какъ-будто пораженный этой пустотой и, склонивъ голову внизъ, послушалъ. Крупная бѣлая кошка—бабушкина Мурка—какъ большинство бѣлыхъ кошекъ, глухая и голубоглазая, пробиралась черезъ сырую дорожку, осторожно выбирая мѣста посуше и аккуратно подбирая лапки.

Не думая совершенно о ней, Крынинъ внимательно слѣдилъ глазами за движеніями кошки и ждалъ, какъ она перейдетъ большую лужу около крыльца.

— Я ни въ чемъ не обвиняю, оставьте, пожалуйста,—доносился изъ дома строгій, суховатый голосъ Лены, очевидно спорившій съ кѣмъ-то,—вы можете жить, какъ хотите, можете развратничать, позволять себѣ, что угодно, но не воруйте чувства у насъ... Вѣдь, это же воровство—то, что вы дѣлаете, вы воруете у женъ, у невѣстъ принадлежащее имъ... Женщина помирится съ тѣмъ, что ее могутъ не любить, что ей могутъ измѣнить, наконецъ, но не надо обманывать, не надо говорить одно, а дѣлать другое, не надо воровать чувства женщины, чувства, въ которое она, можетъ быть, вложила всю себя, а вамъ совершенно ненужное, потому что

вы нисколько его не цѣните... Я считаю это воровствомъ, настоящимъ воровствомъ...

Глухая Мурка примѣрилась къ лужѣ, присѣла на заднія лапки и легкимъ граціознымъ прыжкомъ перескочила лужу.

Крынинъ вздохнулъ, посопѣлъ и, стараясь не хрустѣть пескомъ дорожки, осторожно, словно онъ что-то укралъ, пошелъ назадъ.

Въ лѣсу попрежнему шелестѣлъ смутнымъ шопотомъ мелкій дождь, тяжелыя капли собирались на березовыхъ листикахъ и звучно падали внизъ, гдѣ въ травѣ, между кореньями уже собирались свѣтлыя лужицы.

В. Муйжель.

Изъ окна вагона.

(Картинка сѣвера).

День миновалъ; люди устали,
Птицы замолкли, грезитъ рѣка,
Чудится—вонъ огоньки замелькали.
Лодка скользитъ въ тѣни тростника...

Въ дымкѣ вечерней степь засыпаетъ,
Стихли поля и солнце зашло.
Въ розовомъ небѣ облачко таетъ
Тихо и нѣжно, странно - свѣтло.

Кроткою грустью вѣютъ долины;
Ивы темнѣютъ, склонясь надъ водой;
Красныя кисти спѣлой рябины
Тѣнью закрыли домикъ простой.

Кто тамъ живетъ?—Не видно,—туманы...
Ночь надвигается, осень близка!..
Поѣздъ мелькнулъ—и скрылись поляны,
Снова безлюдье, глушь и тоска...

Н. К.

Соціализмъ и крестьянство во Франціи.

I.

За послѣдніе годы въ рядахъ французской соціалистической партіи вопросъ объ отношеніи соціалистовъ къ крестьянству подвергался усиленному обсужденію, служа предметомъ горячихъ преній на партійныхъ конгрессахъ и въ литературѣ. Въ результатѣ французскимъ соціалистамъ удалось выработать опредѣленное рѣшеніе и подвести, такимъ образомъ, нѣкоторый итогъ мнѣніямъ и взглядамъ въ области аграрной теоріи и политики различныхъ направленій французскаго соціализма за три съ лишнимъ десятилѣтія.

Въ теченіе прошлаго столѣтія крестьянство не разъ рѣшало судьбы Франціи, то отбрасывая ее въ сторону реакціи, то толкая на путь прогресса. Естественно, поэтому, что политическія группировки, ставящія себѣ цѣли общественнаго переворота и не отодвигающія ихъ осуществленіе въ туманную даль грядущихъ вѣковъ, всегда должны стремиться во Франціи привлечь въ свои ряды крестьянъ.

Марксистъ Поль Луи, разсматривая въ своей „Исторіи французскаго соціализма“ причины, приводившія въ прошломъ къ пораженіямъ пролетаріата, находитъ, что, „какъ бы ни была трудна проблема о привлеченіи крестьянства въ соціалистическую партію, рѣшеніе ея тѣмъ болѣе необходимо, что крестьянство являлось и является въ настоящее время самой солидной опорой, можно сказать, даже фундаментомъ нашихъ политическихъ учрежденій... Соціалисты ничего не добьются до тѣхъ поръ, пока не создадутъ серьезныхъ точекъ опоры среди земельныхъ тружениковъ... Крестьянство смело абсолютную монархію, затѣмъ вторую республику— оно раздавило мартовское возстаніе. Слишкомъ много примѣровъ, чтобы можно было пройти мимо нихъ, не обративъ вниманія“ [1]).

Французскія соціалистическія организаціи, отличавшіяся всегда оптимистической вѣрой въ близость побѣды труда, понятно, не

[1]) Paul Louis. „Histoire du Socialisme Français“, p. 306. Paris, 1901.

могли не выдвинуть, съ самаго своего возникновенія, вопроса о наиболѣе цѣлесообразныхъ путяхъ и средствахъ для привлеченія крестьянъ къ соціализму.

Уже на Марсельскомъ рабочемъ конгрессѣ 1879 года, положившемъ начало французской соціалистической партіи, на которомъ присутствовало также нѣсколько интеллигентовъ, представлявшихъ группу Гэда „L'Egalité", конгрессисты настаиваютъ на необходимости пропаганды въ деревнѣ. Делегаты рабочіе особенно подчеркивали, что такая необходимость диктуется трудовой солидарностью, связывающей крестьянъ съ пролетаріатомъ, а конгрессисты-интеллигенты безусловно присоединились къ этому мнѣнію. Но въ ихъ рѣчахъ, носившихъ болѣе теоретическій характеръ, звучали уже тогда нотки ортодоксальнаго марксизма. Они доказывали, что развитіе капиталистическаго строя ведетъ фатально къ уничтоженію мелкаго крестьянскаго хозяйства. Кромѣ цѣлаго ряда другихъ причинъ, это будетъ слѣдствіемъ введенія машинъ въ земледѣліе. „Мелкій крестьянинъ, не имѣя возможности, подобно крупному землевладѣльцу, пріобрѣтать машины, подвергнется судьбѣ мелкаго производителя въ индустріи. Онъ не будетъ въ состояніи бороться, и эволюція земельной собственности пойдетъ по тому же пути, что и собственность индустріальная" [1]).

Но авторы такихъ рѣчей, подобно теоретикамъ стараго интернаціонала, видѣли въ побѣдоносной конкуренціи крупнаго хозяйства могучій импульсъ, который будетъ толкать крестьянъ къ соціализму прежде, чѣмъ они перейдутъ окончательно въ пролетаріатъ. Участники Марсельскаго конгресса были такъ глубоко убѣждены въ потенціальной соціалистической воспріимчивости крестьянина, что считали возможнымъ привлечь его въ свои ряды требованіемъ полнаго перехода всѣхъ земель въ коллективную собственность и безъ всякой аграрной программы-минимумъ. Въ такомъ духѣ и была составлена единогласно принятая резолюція.

Гэдъ въ своей газетѣ „Egalité" съ первыхъ же номеровъ приступилъ къ обсужденію крестьянскаго вопроса. Въ его статьяхъ мы встрѣчаемъ, конечно, рѣзко марксистскій взглядъ на направленіе эволюціи земельной собственности,—эволюціи, которая, какъ утверждалъ онъ, стихійнымъ путемъ приведетъ человѣчество къ коллективному владѣнію землей. Но, описывая жалкое состояніе мелкаго крестьянскаго хозяйства и перечисляя всѣ невыгоды, которыя проистекаютъ отъ него для самихъ крестьянъ и для всей коллективности, Гэдъ тутъ же прибавляетъ: „Мы не можемъ, однако, предположить, чтобы нашелся хотя одинъ соціалистъ, который желалъ бы концентраціи въ рукахъ кучки землевладѣльцевъ всей раздробленной земли, ибо если въ земледѣліи и будутъ введены

---

[1]) „Séances du congrès ouvrier socialiste de France". Troisième session. P. 645.

тогда научные методы обработки, которые увеличатъ его производительность, то вѣдь всѣ доходы отъ него будутъ стекаться въ карманы нѣсколькихъ капиталистовъ, вмѣсто того, чтобы идти къ непосредственнымъ производителямъ" [1]). Остается поэтому одно только средство: перевести, какъ можно скорѣе, всю землю,—въ томъ числѣ и крестьянскую,—въ коллективное владѣніе націи.

Гэдъ вѣрилъ, что такое требованіе встрѣтитъ полное сочувствіе крестьянства, но уже черезъ четыре года онъ отказывается отъ такой прямолинейной тактики. Онъ попрежнему вѣритъ въ неизбѣжность пролетаризаціи деревни и еще болѣе категорически утверждаетъ, что мелкая собственность осуждена безповоротно; всѣ героическія усилія крестьянъ могутъ лишь продлить ея агонію. Но Гэдъ обладалъ темпераментомъ революціонера, а не кабинетнаго ученаго. „Да,—говоритъ онъ,—мелкая собственность осуждена безповоротно на исчезновеніе, но мы не намѣрены ждать, пока осуществится этотъ экономическій фактъ,—мы намѣрены внести въ общественную эволюцію элементъ революціи, т. е. обобществить землю прежде, чѣмъ къ этому приведетъ стихійное развитіе общества" [2]).

Гэдъ, такимъ образомъ, провозгласилъ очень важный тактическій принципъ, рѣзко отличающійся отъ принциповъ, легшихъ въ основу аграрной политики позднѣйшихъ германскихъ и русскихъ марксистовъ. Несмотря на свою марксистскую ортодоксальность въ области другихъ вопросовъ, Гэдъ остается вѣренъ этому принципу и понынѣ. Требуя обобществленія земли, теоретикъ возрождавшагося французскаго соціализма дѣлалъ исключеніе по отношенію къ крестьянскимъ землямъ, и въ этомъ заключалось важное измѣненіе въ его тактикѣ. Онъ уже принимаетъ въ разсчетъ индивидуализмъ крестьянина и боится отпугнуть его отъ соціализма требованіемъ націонализаціи его земельнаго имущества. „Было бы безуміемъ, писалъ онъ, экспропріировать Жака-Простачка, склоненнаго вѣчно надъ своимъ жалкимъ клочкомъ, который онъ обрабатываетъ собственными руками". Въ этомъ, по мнѣнію Гэда, нѣтъ и необходимости. Можно косвеннымъ путемъ вынудить крестьянина, захваченнаго мистической „властью земли", придти къ коллективизму. Надо только экспропріировать раньше всего земли крупныхъ владѣльцевъ. Онѣ составляютъ болѣе $^3/_5$ всей французской земледѣльческой площади. Подвергнутыя обработкѣ по большому масштабу и при помощи научныхъ методовъ, эти земли, перейдя во владѣніе націи, наводнятъ рынокъ своими продуктами въ такомъ количествѣ и по такимъ цѣнамъ, что мелкіе самостоятельные производители въ земледѣліи не въ состояніи будутъ выдержать ихъ конкуренцію. Они очутятся тогда въ необходимости обмѣнять раззоряющее ихъ

---

[1]) „Egalité № отъ 23-го декабря 1877 года.

[2]) „Egalité" № отъ 11-го августа 1881 года.

частное владѣніе землей на благополучіе и богатство, которыя доставитъ каждому земледѣльцу участіе въ націонализированныхъ земельной собственности и производствѣ [1]).

Точка зрѣнія Гэда встрѣтила сочувствіе въ рядахъ его сторонниковъ, и, когда въ 1882 году гэдисты вышли изъ рабочей партіи и основали самостоятельную организацію, эта точка зрѣнія нашла выраженіе въ программѣ, принятой ихъ первымъ національнымъ конгрессомъ. „Одни лишь крупные землевладѣльцы будутъ экспропріированы послѣ революціи",—читаемъ мы уже въ этой программѣ. Находя, однако, что такого заявленія еще недостаточно для привлеченія крестьянъ въ свои ряды, конгрессъ выработалъ рядъ аграрныхъ мѣръ, которыя партія обязывалась выполнить „на другой день послѣ захвата власти организованнымъ рабочимъ классомъ".

Въ части программы, озаглавленной „Pendant la Révolution" (во время революціи), значилось, между прочимъ: „Что касается крестьянъ, то имъ немедленно будетъ объявлено объ уничтоженіи всѣхъ ипотечныхъ долговъ и земельнаго налога, о предоставленіи права уплачивать натурою ту долю участія въ общественныхъ расходахъ, которая будетъ съ нихъ причитаться и размѣры которой будутъ позже опредѣлены, наконецъ, о безплатной раздачѣ удобренія [2]). Однако, всѣ эти обѣщанія относились лишь къ программѣ-максимумъ. Вопросъ о необходимости аграрной программы-минимумъ тогда еще не выдвигается французскимъ соціализмомъ, и только по мѣрѣ того, какъ жизнь разсѣивала наивныя иллюзіи соціалистовъ о возможности въ ближайшемъ будущемъ революціоннаго переворота, стала становиться ясной необходимость программы непосредственныхъ реформъ, подлежащихъ осуществленію еще въ современномъ обществѣ.

Выработкой программы такихъ реформъ въ аграрной области занялся Марсельскій конгрессъ Французской рабочей партіи, состоявшійся въ 1892 году.

II.

На Марсельскомъ конгрессѣ центромъ преній по крестьянскому вопросу послужилъ обстоятельный докладъ, написанный Полемъ Лафаргомъ.

Лафаргъ, вѣрный ортодоксальнымъ традиціямъ своего времени, начинаетъ, конечно, съ догмы о „концентраціи и пролетаризаціи". „Но,—заявлялъ онъ,—соціалистическая партія еще до завоеванія власти можетъ заставить капиталистическое правительство осуществить реформы, которыя смягчатъ гибельныя послѣдствія совершающагося въ сельскомъ хозяйствѣ процесса концентраціи собствен-

---

[1]) Ibidem.

[2]) „Septième Congrès national tenu à Roubaix en 1884", стр. 18.

ности и принесутъ облегченіе труженикамъ земледѣлія всѣхъ категорій: поденщикамъ, крестьянамъ-собственникамъ, половникамъ и фермерамъ“ [1]).

Лафаргъ доказывалъ, что партія обязана взять на себя защиту интересовъ крестьянина, ибо крестьянинъ, по своему соціальному положенію, можетъ быть приравненъ къ пролетарію. „Правда, писалъ онъ въ своемъ докладѣ, крестьянинъ — собственникъ участка земли, но этотъ участокъ является для него лишь орудіемъ труда, какъ рубанокъ для столяра или ланцетъ для хирурга, которые никого не эксплуатируютъ своими рабочими инструментами“. Отсюда Лафаргъ дѣлалъ также другой выводъ, подкрѣплявшій приведенный выше взглядъ Гэда на желательныя отношенія соціалистовъ къ крестьянскому землевладѣлію. Разъ крестьянинъ, владѣя участкомъ земли, фактомъ своего владѣнія никого не эксплуатируетъ, то соціалистическая партія, миссія которой экспропріировать лишь экспропріаторовъ, присвоившихъ землю земледѣльца и машину рабочаго, не можетъ отнимать насильно у крестьянства его земельное имущество. „Соціалистическая партія, овладѣвъ властью, не только не будетъ посягать на участокъ крестьянина, который онъ поливаетъ своимъ потомъ, но избавитъ его отъ налоговъ, отъ ростовщиковъ, поможетъ ему въ его хозяйствѣ путемъ доставленія кредита, машинъ, сѣмянъ и т. п.“.

Что касается причинъ, которыя побудятъ крестьянъ присоединиться къ соціалистическому производству, то Лафаргъ въ этомъ отношеніи нѣсколько расходится съ Гэдомъ. У него больше вѣры въ соціалистическую воспріимчивость земельныхъ тружениковъ. Онъ не утверждаетъ, подобно Гэду, что крестьяне должны будутъ, въ силу экономической конъюнктуры, которая создастся обобществленіемъ крупно-владѣльческихъ земель, перейти къ коллективизму. По его мнѣнію, послѣ побѣды соціализма появится новое крестьянское поколѣніе, „поколѣніе, родившееся уже при соціальной республикѣ, основанной на развалинахъ капиталистическаго общества, и воспитанное въ духѣ коммунистическихъ идей,—и оно-то добровольно переведетъ въ собственность націи свои парцеллы“ [2]).

Конгрессъ согласился съ общими положеніями доклада Лафарга и призналъ необходимость аграрной программы-минимумъ.

Такая программа была принята конгрессомъ единогласно, „какъ средство привлеченія къ соціализму работниковъ полей“. Главнѣйшіе ея пункты гласили: 1) запрещеніе коммунамъ отчуждать коммунальныя земли; передача государствомъ коммунѣ излишковъ ея бюджета для расширенія коммунальной собственности; 2) передача коммунами земель, полученныхъ отъ государства, купленныхъ ими

[1]) P. Lafargue. „La propriété paysanne“. Rapport présenté au Congrès de Marseille. „Ere Nouvelle“. Novembre 1894, стр. 292.

[2]) Тамъ же. стр. 299.

и вообще находящихся въ ихъ владѣніи, ассоцірованнымъ семьямъ безземельныхъ крестьянъ съ запрещеніемъ прибѣгать къ наемному труду и съ обязательствомъ уплачивать опредѣленный налогъ въ пользу бюджета коммунальнаго призрѣнія; 3) кассы пенсій на случай инвалидности и старости, питаемыя специальнымъ обложеніемъ доходовъ крупной собственности; 4) покупка коммунами собственныхъ машинъ для отдачи ихъ въ наемъ земледѣльцамъ по своей цѣнѣ; образованіе товариществъ для покупки сѣмянъ, удобренія, растеній и пр. и для совмѣстной продажи продуктовъ.

Марсельская аграрная программа вызвала, какъ извѣстно, рѣзкую критику со стороны Энгельса, упрекавшаго своихъ французскихъ учениковъ за ихъ намѣреніе защищать мелкую крестьянскую собственность. Это, однако, не смутило гэдистовъ. Черезъ два года, на своемъ Нантскомъ конгрессѣ, они снова обсуждаютъ аграрный вопросъ и принимаютъ резолюцію, еще рельефнѣе подчеркивающую точку зрѣнія Марсельскаго конгресса. Въ ней ярко, сильно и выпукло формулированы главнѣйшія изъ тѣхъ положеній, которыя защищаются гэдистами и въ настоящее время и которыя находятся въ полномъ противорѣчіи съ воззрѣніями нѣмецкихъ и русскихъ марксистовъ.

Мы считаемъ нужнымъ привести почти полностью въ своемъ родѣ замѣчательную резолюцію Нантскаго конгресса. Вотъ ея содержаніе.

„Единогласно. Принимая во вниманіе, что, согласно утвержденіямъ общей партійной программы, производители могутъ быть свободными лишь постольку, поскольку они владѣютъ своими орудіями труда. Принимая во вниманіе, что, если въ индустріи средства производства достигли такой степени капиталистической централизаціи, что могутъ быть возвращены производителямъ лишь въ формѣ коллективной и соціальной, то въ земледѣліи, по крайней мѣрѣ во Франціи, дѣло обстоитъ иначе, такъ какъ орудіе труда, каковымъ является земля, находится еще во многихъ мѣстахъ въ индивидуальномъ владѣніи самихъ производителей.

„Принимая во вниманіе, что, хотя такое положеніе вещей, характерное для крестьянской собственности, фатально обречено на исчезновеніе, но, тѣмъ не менѣе, соціализмъ не долженъ этого исчезновенія ускорять, ибо его роль заключается не въ отрываніи собственности отъ труда, а наоборотъ—въ стремленіи къ ихъ соединенію; что если, поэтому, долгъ соціализма заключается въ переводѣ въ общественную собственность крупныхъ земельныхъ помѣстій, то вмѣстѣ съ этимъ не менѣе настоятельнымъ образомъ диктуется ему необходимость поддерживать въ ихъ владѣніи клочкомъ земли собственниковъ производителей, — поддерживать противъ фиска ростовщиковъ и новыхъ нашествій земельныхъ феодаловъ (т. е. земледѣльческаго капитализма *Е. С.*).

„Принимая во вниманіе, что партіи необходимо распространять свою защиту и на тѣхъ тружениковъ, которые подъ именемъ фермеровъ и половниковъ обрабатываютъ чужую землю и которые, если и эксплуатируютъ поденщиковъ, то оказываются въ нѣкоторомъ родѣ вынужденными къ этому эксплуатаціей, которой они сами являются жертвами,—

„Рабочая партія, которая, въ противоположность анархизму, не ожидаетъ преобразованія общественнаго порядка отъ развитія и усиленія нужды, а видитъ залогъ успѣшной борьбы соціализма лишь въ организаціи и комбинированіи усилій работниковъ городовъ и деревень, захватывающихъ правительственную власть и диктующихъ законы,—принимаетъ слѣдующую аграрную программу, предназначенную для объединенія (въ общей борьбѣ противъ общаго врага — земледѣльческаго феодализма) всѣхъ элементовъ агрикультурнаго производства, всѣхъ тѣхъ, которые подъ тѣмъ или другимъ названіемъ обрабатываютъ землю націи“ [1]).

Нантскій конгрессъ въ дѣйствительности не принялъ новой аграрной программы-минимумъ, — онъ лишь добавилъ къ марсельской программѣ нѣсколько новыхъ пунктовъ, крайне характерныхъ для крестьянской политики гэдистовъ. Эти новые пункты сводились къ слѣдующему:

1) Покупка коммунами, при помощи государства, земледѣльческихъ машинъ и предоставленіе этихъ машинъ въ безплатное пользованіе мелкимъ землевладѣльцамъ.

2) Уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ и преобразованіе прямого обложенія въ прогрессивный подоходный налогъ, падающій на доходы, превышающіе 3.000 франковъ. Въ ожиданіи такого преобразованія,—уничтоженіе земельнаго налога для собственниковъ, лично обрабатывающихъ свой участокъ.

3) Сокращеніе законодательнымъ путемъ легальной нормы процента.

4) Пониженіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ для перевозки земледѣльческихъ машинъ, удобренія и продуктовъ сельскаго хозяйства.

5) Немедленная выработка плана общественныхъ работъ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе земли и развитіе земледѣлія.

III.

Послѣ Нантскаго конгресса гэдисты не обсуждали болѣе крестьянскаго вопроса на съѣздахъ своей партіи, но въ печати и въ парла-

---

[1]) „Deuxième congrès national du Parti ouvrier Francais tenu à Nantes en 1894“, стр. 18—19.

ментѣ они часто возвращались къ нему, полемизируя съ представителями буржуазныхъ направленій и защищая съ необычайнымъ рвеніемъ свою позицію.

Буржуазные теоретики прежде всего ссылались на отсутствіе концентраціи и пролетаризаціи въ деревнѣ. А разъ это такъ,—утверждали они,—то, слѣдовательно, крестьянамъ живется не такъ ужъ плохо, собственности ихъ ничто не угрожаетъ, и у нихъ нѣтъ никакихъ причинъ идти за соціалистами.

Гэдисты, въ отвѣтъ на это утверждали, что, наоборотъ, крупное землевладѣніе, хотя медленно, но все-таки развивается насчетъ мелкаго. Тѣмъ самымъ,—говорили они,—крестьяне толкаются въ сторону соціализма. Ибо, видя, какъ расшатывается ихъ положеніе въ капиталистическомъ обществѣ,—они неизбѣжно присоединятся къ тѣмъ, кто борется противъ этого общества.

Такимъ образомъ, какъ и во времена стараго Интернаціонала, въ пользу необходимости работы соціалистовъ въ крестьянствѣ выдвигался какъ-разъ тотъ аргументъ—неизбѣжность пролетаризаціи,—который въ Германіи и въ Россіи выдвигаютъ противъ такой необходимости. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что какъ участники стараго Интернаціонала, такъ и гэдисты, оцѣнивая по-марксистки направленіе общественной эволюціи, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отличіе отъ современныхъ германскихъ и русскихъ ортодоксовъ, ставили высоко личность и признавали за нею способность къ самостоятельному соціальному творчеству. Поэтому-то они и не возлагали всѣхъ своихъ надеждъ на стихійный ходъ вещей...

Но самымъ главнымъ аргументомъ буржуазныхъ теоретиковъ противъ позиціи гэдистовъ въ аграрномъ вопросѣ было указаніе на противорѣчивость этой позиціи.

— Какъ,—восклицали буржуазные теоретики,—вы исповѣдуете принципы соціализма, требующаго обобществленія, перевода въ собственность націи всѣхъ орудій производства, всѣхъ капиталовъ, въ томъ числѣ и земли и, въ то же время, вы обѣщаете крестьянамъ не отнимать у нихъ земельнаго имущества! Гдѣ же тутъ логика? Или у васъ два соціализма: одинъ для рабочихъ, другой для крестьянъ? Но тогда зачѣмъ же вы хвалитесь своею принципіальностью?

— Никакого противорѣчія нѣтъ,—отвѣчалъ на это Гэдъ въ партійномъ органѣ „Le Socialiste“.—Это якобы противорѣчіе разрѣшилъ Нантскій конгрессъ: производитель только тогда будетъ свободенъ, когда онъ будетъ владѣть своими орудіями производства. „При свѣтѣ этой основной идеи все становится яснымъ, и то, что нашимъ противникамъ кажется противорѣчіемъ, является, наоборотъ, полнымъ соотвѣтствіемъ между нашей теоріей и нашей тактикой“.

Далѣе Гэдъ еще обостряетъ положенія Нантскаго конгресса. Въ

резолюціи этого конгресса говорилось лишь о томъ, что соціалисты не могутъ отнять у крестьянъ ихъ земельное имущество. Гэдъ категорически заявляетъ, что партія должна защищать и отстаивать въ аграрной области индивидуально-трудовую форму владѣнія землей.

„Тамъ,—писалъ онъ,—гдѣ, вслѣдствіе развитія машинизма и пара, средства производства оторваны отъ производителя и получили развитіе, исключающее возможность индивидуально трудового владѣнія ими,—тамъ необходимо вернуть ихъ производителямъ въ той формѣ, въ какой это является возможнымъ, т. е. формѣ коллективной, соціальной. Тамъ же, гдѣ на нѣкоторое время средства производства находятся еще во владѣніи производителя, какъ, напримѣръ, земля у крестьянина,—необходимо защищать эту форму индивидуальнаго владѣнія (курсивы мои, Е. С.), чтобы предохранить Жака-Простачка отъ опасности превращенія въ пролетарія или наемнаго рабочаго“ [1]).

Другой теоретическій лидеръ французскаго марксизма, Габріель Девилль, слѣдующимъ образомъ защищалъ въ парламентской рѣчи позиціи партіи въ аграрномъ вопросѣ:

„То, что мы предсказываемъ исчезновеніе мелкаго крестьянскаго владѣнія и въ то же время требуемъ мѣръ для его защиты,—сказалъ онъ,—вовсе не является противорѣчіемъ. Мы предсказываемъ опредѣленное направленіе экономической эволюціи; мы предвидимъ, что эволюція эта не только не остановится, но будетъ развиваться въ ту же сторону еще болѣе быстрымъ темпомъ. Тѣмъ не менѣе, мы не должны вовсе содѣйствовать развитію тѣхъ преобразованій, которыя ею вызываются. Можно признать больного осужденнымъ на смерть, можно опасаться, что онъ долго не проживетъ,—но это еще не является достаточнымъ мотивомъ, чтобы ускорить его кончину. Усилія, прилагаемыя для спасенія такого больного, являются вполнѣ допустимыми и вовсе не противорѣчатъ опасенію относительно исхода болѣзни. Но этого мало. Раззоренный, лишенный собственности, отброшенный въ пролетаріатъ, мелкій земельный собственникъ увеличиваетъ предложеніе труда на рабочемъ рынкѣ, увеличиваетъ число безработныхъ, число тѣхъ мужчинъ и женщинъ, которые готовы работать за какую угодно плату, а тѣмъ самымъ облегчается капиталистамъ возможность диктовать условія продавцамъ своей рабочей силы. Во имя интересовъ соціализма, во имя интересовъ рабочаго класса, мы должны защищать тѣхъ, которые въ случаѣ своего разоренія неизбѣжно явятся конкурентами городскихъ пролетаріевъ на рабочемъ рынкѣ“ [2]).

Такъ говорилъ одинъ изъ корифеевъ французскаго ортодоксаль-

---

[1]) „Le Socialiste“, № отъ 29-го сентября 1894 года.

[2]) Цитир. у Klein'a „Les Théories agraires du Collectivisme“, стр. 111. Paris 1907.

наго марксизма, предвосхищая нѣкоторымъ образомъ одинъ изъ важнѣйшихъ тезисовъ теоретиковъ русскаго народническаго лагеря.

Нельзя, однако, не признать, что и въ критикѣ буржуазныхъ теоретиковъ заключалась значительная доля истины. Утвержденіе Гэда о томъ, что соціализмъ не долженъ обобществлять земли, находящіяся въ индивидуально-трудовомъ владѣніи, и что соціалисты, наоборотъ, обязаны защищать эту форму владѣнія, является въ сущности блестящимъ парадоксомъ. Владѣніе землей есть монопольное владѣніе: земля является такимъ орудіемъ производства, которое не можетъ быть увеличено путемъ воспроизведенія, какъ, напримѣръ, машины, инструменты, фабричныя и заводскія зданія и т. п. Это именно и служитъ важнѣйшею причиною образованія земельной ренты. Истина эта извѣстна еще до временъ Рикардо.

Правда, въ настоящее время мелкіе собственники-крестьяне, подвергаясь эксплуатаціи буржуазнаго государства и капитала, ренты почти или вовсе не получаютъ. Но если указанная эксплуатація будетъ уничтожена или доведена до минимума, то положеніе можетъ измѣниться. Ибо, какъ - никакъ, а значительная часть земли, являющейся основой всего производства и необходимой для всего общества, будетъ находиться въ монопольномъ владѣніи одного лишь общественнаго класса и вдобавокъ на индивидуальныхъ началахъ.

Утвержденіе гэдистовъ, что крестьяне въ концѣ концовъ сами добровольно переведутъ свои парцеллы въ коллективную собственность, является не болѣе, какъ простымъ оптимистическимъ предположеніемъ, которое можетъ и не оправдаться. На такихъ гаданіяхъ нельзя основывать тактику партій. Но гэдисты обладали органическимъ недостаткомъ, который мѣшалъ имъ разрѣшить противорѣчія своей позиціи. Они утверждали, что въ современномъ буржуазномъ обществѣ нельзя создавать элементовъ соціализма, что соціализмъ можетъ быть осуществленъ не постепенно, а только сразу, лишь послѣ того, какъ цитадель капитализма будетъ окончательно разрушена, и на ея развалинахъ побѣдоносно взовьется красный флагъ соціальной революціи. Гэдисты провозглашали такую теорію не потому, что не вѣрили въ способность массъ къ самостоятельному соціальному творчеству. Наоборотъ, они категорически отказывались возлагать всѣ надежды на стихійный ходъ вещей, заявляя о своемъ намѣреніи внести въ общественную эволюцію элементъ революціи. Но *они считали нужнымъ* доказывать массамъ, что при капитализмѣ нельзя добиться чего-либо дѣйствительно положительнаго, для того, чтобы усилить ненависть къ капиталистическому строю. Всякое отступленіе отъ такой тактики они считали въ высшей степени вреднымъ для соціализма, какъ могущее

создать иллюзіи насчетъ способности буржуазнаго общества къ реформированію въ смыслѣ дѣйствительнаго соціальнаго прогресса. Это гэдистовъ и привело къ противорѣчію, когда они подошли вплотную къ аграрному вопросу: не признавая принципа общественной эволюціи, направляемой сознательными усиліями людей, они вынуждены были выдвинуть вмѣсто защиты крестьянства, какъ класса производителей, защиту современной формы крестьянскаго землевладѣнія. Несмотря на всѣ парадоксы Гэда и его сторонниковъ, это противорѣчіе съ соціалистическимъ идеаломъ било въ глаза. Правда, гэдисты вписали въ свою программу требованіе о расширеніи коммунальной собственности, въ которомъ можно на первый взглядъ видѣть нѣкоторое стремленіе къ созданію элементовъ коллективизма въ деревнѣ. Но, принимая во вниманіе сравнительную незначительность этой собственности и слабые шансы на ея развитіе въ будущемъ, нельзя придавать этому требованію большого значенія, и сами гэдисты, выдвигая его, имѣли въ виду лишь улучшеніе экономическаго положенія крестьянства.

Изъ другихъ фракцій французскаго соціализма, послѣ раскола, происшедшаго въ его рядахъ, разсмотрѣніемъ и дебатированіемъ крестьянскаго вопроса занимались также алльманисты, организація которыхъ носила названіе „Рабочей соціально-революціонной партіи". Въ своей оцѣнкѣ соціальной сущности крестьянина алльманисты вполнѣ сходились съ гэдистами, но они не считали возможнымъ и нужнымъ обѣщать крестьянству, что его земельная собственность не будетъ переведена въ коллективное владѣніе вслѣдъ за побѣдоноснымъ исходомъ революціи.

„Въ интересахъ чистоты и ясности соціалистическихъ принциповъ,—утверждали алльманисты,—мы должны проповѣдывать нашъ идеалъ безъ всякихъ урѣзокъ, безъ всякихъ компромиссовъ. Тѣмъ болѣе, что въ этомъ нѣтъ и необходимости, ибо крестьяне, если заняться энергичной пропагандой въ деревнѣ, и такъ пойдутъ за соціалистами".

Напрасно на Сэнъ-Кэнтанскомъ (1892) и Парижскомъ (1893) конгрессахъ рабочей соціально-революціонной партіи нѣкоторые конгрессисты настаивали на измѣненіи партійной точки зрѣнія въ этомъ вопросѣ и предлагали соотвѣтствующія резолюціи. Большинство алльманистовъ оставалось непреклоннымъ. Тѣмъ не менѣе, аграрную программу-минимумъ они все-таки сочли нужнымъ выработать, и въ этой программѣ нѣсколько болѣе, чѣмъ у гэдистовъ, замѣтно стремленіе создать въ сельскомъ хозяйствѣ нѣкоторые элементы коллективизма. Они считали нужнымъ осуществить въ аграрной области слѣдующія непосредственныя реформы:

1) Запрещеніе коммунамъ отчуждать коммунальную собствен-

ность и вмѣненіе имъ въ обязанность стремиться всѣми способами къ ея расширенію.

2) Передача общинныхъ земель для обработки земледѣльческимъ рабочимъ синдикатамъ.

3) Покупка муниципалитетомъ удобренія, сѣмянъ, сельско-хозяйственныхъ машинъ для продажи по своей цѣнѣ сельско-хозяйственнымъ синдикатамъ, обрабатывающимъ общинныя земли.

До 900-хъ годовъ крестьянскій вопросъ не обсуждался на конгрессахъ соціалистовъ, но въ палатѣ, кромѣ Гэда и Девилля, Жорэсъ произноситъ нѣсколько теоретическихъ рѣчей о крестьянствѣ, потрясавшихъ силой могучаго лиризма и необычайной яркостью образовъ.

Жорэсъ нѣсколько послѣдовательнѣе Гэда. Признавая, что, по своему соціальному положенію, крестьянинъ можетъ быть приравненъ къ пролетарію, и что соціалисты должны защищать его, онъ вмѣстѣ съ этимъ признаетъ необходимымъ принимать мѣры, могущія содѣйствовать эволюціи сельскаго хозяйства въ сторону коллективизма.

„Въ области земледѣлія, — писалъ Жорэсъ въ „Dépêche de Toulouse“,—нація должна защищать мелкую крестьянскую собственность противъ тяжести налоговъ, ипотеки, ростовщичества, помогать крестьянамъ пріобрѣтать земли и подготовлять созданіе среди нихъ ассоціаціи, чтобы сдѣлать возможнымъ такимъ образомъ примѣненіе методовъ крупной культуры при наличности мелкаго крестьянскаго владѣнія“ [1]).

Жорэсъ имѣлъ въ виду, слѣдовательно, развитіе лишь коллективнаго производства въ земледѣліи, не касаясь вопроса о собственности, но, въ сравненіи съ гэдистами,—это уже былъ большой шагъ впередъ.

IV.

Когда жорэсистское направленіе окончательно оформилось во Франціи, на Турскомъ конгрессѣ 1902 года, положившемъ начало партіи жорэсистовъ („Французской соціалистической партіи“), дебаты при обсужденіи проекта партійной программы коснулись и крестьянскаго вопроса.

Взгляды на этотъ вопросъ успѣли къ тому времени нѣсколько измѣниться у французскихъ соціалистовъ. Дѣло въ томъ, что надежды ихъ на быстрые успѣхи въ странѣ, конечно, не сбылись. Правда, ихъ организованныя силы возросли, число ихъ сторонниковъ значительно увеличилось, окрѣпло, и парламентское представительство соціалистовъ превратилось въ важный факторъ политической жизни. Но все это далеко не въ такой степени, какъ пред-

---

[1]) Цитирую изъ Klein'a „Les Théories agraires du collectivisme“.

полагали сторонники соціалистической идеи въ эпоху своего перваго организаціоннаго выступленія.

Не только крестьянство, но и рабочій классъ въ большей части своей продолжалъ еще оказывать поддержку буржуазнымъ партіямъ, и въ этой области соціалистамъ предстояло еще немало усилій. При такихъ условіяхъ и при сравнительной слабости соціалистическихъ организацій, явившейся результатомъ главнымъ образомъ постоянныхъ фракціонныхъ раздоровъ, вѣра соціалистовъ въ близкое торжество своихъ идей значительно остыла, и, вслѣдствіе этого, необходимость привлечь какъ можно скорѣе крестьянъ въ свои ряды перестала казаться такой настоятельной и неотложной, какъ прежде.

Вдобавокъ, и статистическія данныя аграрной анкеты, за десятилѣтіе 1882—1892 гг., опубликованныя въ концѣ 90-хъ годовъ, свидѣтельствовали о значительномъ увеличеніи крупныхъ хозяйствъ въ земледѣліи на счетъ мелкихъ и, тѣмъ самымъ, какъ бы подтверждали предсказанія ортодоксовъ-марксистовъ о быстрой пролетаризаціи деревни.

Правда, детальныя цифры той же анкеты показывали, что концентрація земледѣльческаго производства наблюдалась лишь въ одной части Франціи, преимущественно на югѣ, гдѣ имѣлъ мѣсто серьезный сельско-хозяйственный кризисъ, вызванный нашествіемъ филоксеры на виноградники, кризисъ, разорившій множество мелкихъ производителей. Но для соціалистовъ, жаждавшихъ отыскать въ статистическомъ матеріалѣ подтвержденіе своего взгляда на эволюцію земледѣлія, эти детальныя данныя не могли ослабить значеніе основного факта—роста крупнаго производства.

Всѣ эти причины объясняютъ характеръ резолюціи, принятой Турскимъ конгрессомъ по аграрному вопросу:

„Путемъ расширенія мірового рынка,—гласила эта резолюція,—путемъ развитія транспорта, путемъ раздѣленія труда, путемъ все увеличивающагося примѣненія машинъ, путемъ концентраціи капиталовъ, огромное централизованное производство разоряетъ мало-по-малу или подчиняетъ себѣ мелкихъ и среднихъ производителей.

„Даже тамъ, гдѣ число мелкихъ фабрикантовъ, мелкихъ торговцевъ, мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ не уменьшается, ихъ относительное значеніе въ производствѣ постоянно падаетъ.

„Крестьяне-собственники, которые какъ будто сохранили еще нѣкоторую независимость, все болѣе и болѣе подпадаютъ подъ давленіе мірового рынка, которымъ управляетъ безъ нихъ и противъ нихъ капитализмъ“.

Но, несмотря на категорическія утвержденія о неизбѣжномъ господствѣ крупнаго капитала, турскіе конгрессисты все-таки не считаютъ возможнымъ предоставить крестьянъ своей судьбѣ и спокойно ждать ихъ гибели.

„Партія,—гласила дальше резолюція,—постарается ускорить часъ, когда крестьянство, разоряемое ипотекой и находясь вѣчно подъ угрозой экспропріаціи, пойметъ наконецъ выгоды всеобщей систематизированной ассоціаціи и само будетъ требовать, какъ благодѣянія, перевода своихъ участковъ въ соціальную собственность“ [1]). Въ аграрной части своей программы жорэсисты предлагали:

1) Расширеніе земельной собственности государства, департаментовъ и коммунъ.

2) Субсидіи коммунамъ для коллективной покупки земледѣльческихъ машинъ и для пріобрѣтенія земельныхъ участковъ, обрабатываемыхъ синдикатами сельскихъ работниковъ подъ контролемъ общинъ.

Но заявленія о томъ, что крестьянство по своему соціальному положенію можетъ быть приравнено къ пролетаріату и что соціалисты обязаны всѣми силами защищать его интересы, мы въ турской резолюціи уже не находимъ. Ничего не говорилось въ ней также объ отношеніи соціалистовъ къ мелко-крестьянской земельной собственности въ случаѣ побѣды соціализма.

Еще въ болѣе сильной степени „охладившееся“ отношеніе соціалистовъ къ крестьянству проявилось въ рядахъ „Соціалистической партіи Франціи“ (Parti Socialiste de France), объединившей гэдистовъ и бланкистовъ новаго типа, шедшихъ за Вальяномъ.

Въ программѣ этой партіи, выработанной ея первымъ конгрессомъ, совсѣмъ почти отсутствуютъ непосредственныя аграрныя требованія, за исключеніемъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью защиту сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. „Партія заявляетъ, что необходимо вести активную пропаганду въ деревнѣ въ пользу ограниченія рабочаго дня, въ пользу мѣръ для сокращенія безработицы и введенія минимума заработной платы, пока экономическая организація пролетарскихъ силъ не дастъ возможности объединенному классу экспропріировать крупную собственность и земледѣльческія орудія труда и организовать коллективное производство въ земледѣліи для всеобщей пользы“ [2]).

Не выдвигая непосредственныхъ требованій въ интересахъ крестьянъ-собственниковъ, программа умалчиваетъ и о томъ, какъ будетъ относиться партія къ крестьянскимъ участкамъ, находящимся въ индивидуальномъ владѣніи, хотя въ ней говорится опредѣленно лишь объ экспропріаціи крупной земельной собственности. Такое умолчаніе являлось тѣмъ болѣе характернымъ, что въ выработкѣ цитированной программы принимали видное участіе ли-

---

[1]) „Quatrième congrès général du Parti Socialiste Français tenu a Tours en 1902“, стр. 251.

[2]) „Deuxième congrès national du Parti Socialiste de France, tenu á Reims en 1901, стр. 40.

деры гэдистовъ, какъ мы видѣли, выступавшихъ ранѣе въ качествѣ самыхъ убѣжденныхъ крестьянофиловъ.

V.

Когда въ 1905 году всѣ фракціи французскаго соціализма объединились и образовали единую соціалистическую партію, ими не было выработано никакой партійной программы-минимумъ. Въ общей деклараціи партіи была лишь формулирована ея конечная цѣль—обобществленіе средствъ производства и обмѣна.

Вмѣсто программы-минимумъ, объединившіеся соціалисты рѣшили ограничиться избирательными платформами, съ перечисленіемъ наиболѣе назрѣвшихъ непосредственныхъ реформъ, вырабатываемыхъ наканунѣ каждой предвыборной кампаніи. При этомъ крестьянскій вопросъ былъ ими совершенно почти обойденъ; въ первыхъ партійныхъ платформахъ подъ аграрной рубрикой фигурировали преимущественно требованія, имѣющія цѣлью защиту сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Однако, жизнь не преминула снова выдвинуть передъ партіей необходимость выясненія своего отношенія къ крестьянству. Съ одной стороны, обостряющаяся соціальная борьба во Франціи заставляетъ партіи, отстаивающія противоположные идеалы, все чаще аппеллировать къ крестьянскому классу. Съ другой стороны, и само крестьянство, подъ вліяніемъ роста своихъ потребностей, обусловливаемаго общимъ развитіемъ культуры въ странѣ, а также и усиливающагося въ деревнѣ чисто торговаго и ростовщическаго капиталовъ, стало замѣтно проникаться оппозиціоннымъ настроеніемъ противъ современнаго строя, что проявилось въ значительномъ увеличеніи числа крестьянскихъ голосовъ, подаваемыхъ за соціалистическихъ кандидатовъ.

Изъ милліона голосовъ, собранныхъ соціалистами на законодательныхъ выборахъ 1906 года, по вычисленію партійныхъ дѣятелей, около (если не болѣе) половины приходилось на долю крестьянина. Кромѣ этого, и организованныя силы соціализма, благодаря объединенію, возросли почти втрое, и пропаганда ихъ получила болѣе правильный и систематическій характеръ. На дополнительныхъ выборахъ 1908 года партія также одержала нѣсколько крупныхъ побѣдъ въ деревнѣ, завоевавъ шесть чисто сельскихъ округовъ. Наконецъ, предположенія соціалистовъ объ идущемъ crescendo процессѣ пролетаризаціи,—предположенія, которыя особенно усилились послѣ опубликованія аграрной статистики 1892 г., не оправдались жизнью. Спеціальная анкета министерства финансовъ, охватившая шестнадцатилѣтній періодъ между 1892 и 1908 гг., какъ разъ показала огромное сокращеніе земельной площади, занимаемой крупнымъ хозяйствомъ, и расширеніе въ такихъ же раз-

мѣрахъ площади средняго и мелкаго хозяйства. Согласно даннымъ этой анкеты, мелкое хозяйство (отъ 5 до 10 гектаровъ) увеличило свою площадь на 1 милліонъ 176 тысячъ гектаровъ—среднее (отъ 10 до 40 гект.) 1 на милліонъ 876 тысячъ гектаровъ, а площадь крупнаго хозяйства сократилась на 2 милліона 300 тысячъ гектаровъ. Совокупность указанныхъ причинъ и заставила снова французскихъ соціалистовъ серьезно обсудить крестьскій вопросъ и начертить основныя линіи своей тактики въ области аграрныхъ отношеній.

И на этотъ разъ гэдисты оказались наиболѣе рьяными крестьянофилами: именно по ихъ требованію крестьянскій вопросъ былъ вписанъ въ порядокъ дня Нансійскаго конгресса, состоявшагося въ 1909 году. На этомъ конгрессѣ названному вопросу были посвящены трехдневные дебаты, выяснившіе рельефно точки зрѣнія борющихся въ партіи направленій.

Раньше всего необходимо отмѣтить, что, за исключеніемъ одного Вальяна, всѣ конгрессисты, начиная отъ правыхъ реформистовъ и кончая лѣвыми крайними синдикалистами и антимилитаристами, сошлись на старой оцѣнкѣ французскимъ соціализмомъ соціальной сущности крестьянина. Эта точка зрѣнія особенно категорически была формулирована въ рѣчахъ ораторовъ гэдистскаго направленія.

„Мелкій земельный собственникъ,—доказывалъ главный аграрный теоретикъ гэдистовъ, Компѳръ-Морель,—является для насъ такимъ же пролетаріемъ, какъ и работники заводовъ и фабрикъ. Конечно, соціалистическая партія классовая, она опирается на пролетаріатъ и вышла изъ пролетаріата. Если мы это забудемъ, то мы перестанемъ быть соціалистическою партіею. Но... крестьянинъ, владѣющій парцеллой земли, ничѣмъ не отличается отъ пролетарія, ибо онъ владѣетъ лишь своимъ орудіемъ труда. И въ тотъ день, когда соціалисты объявятъ, что они не интересуются крестьяниномъ, потому что онъ собственникъ,—они совершатъ самую грубую, самую непростительную ошибку. **Впрочемъ, приравниваніе мелкаго крестьянина къ капиталисту есть тезисъ абсолютно антисоціалистическій.** Для насъ собственникъ, обрабатывающій свой участокъ собственными руками, есть рабочій въ полномъ смыслѣ этого слова“ [1]).

Затѣмъ Компѳръ-Морель подробно обрисовалъ условія труда и жизни крестьянина, утверждая, что во многихъ мѣстахъ крестьянамъ живется гораздо хуже, чѣмъ городскимъ пролетаріямъ.

То же самое со свойственной ему рѣзкостью формулировки повторилъ и самъ Гэдъ.

„Можемъ ли мы,—спрашивалъ онъ,—приравнять мелкаго зе-

[1]) Parti Socialiste. „Congrès national de Nancy“. Compte rendu sténographique. Стр. 197.

мельнаго собственника къ крупному землевладѣльцу, заставляющему другихъ обрабатывать свои земли? Я утверждаю безъ колебанія: нѣтъ. Я утверждаю, что невозможно дѣлать такое смѣшеніе“ [1]).

Другой корифей марксизма, ближайшій ученикъ Маркса, Поль Лафаргъ пропѣлъ настоящій дифирамбъ революціонному духу французскаго крестьянства.

„Земельные труженики,—говорилъ Лафаргъ,— составляютъ 50% населенія страны; необходимо ихъ привлечь въ ряды соціалистической партіи, ибо крестьянскій классъ есть классъ могучій, классъ истинно-революціонный (vraiment révolutionnaire).

„Вспомнимъ, развѣ въ 1789 году не крестьяне начали революцію раньше городовъ?

„Крестьяне сожгли дворянскія граматы и уничтожили феодальную зависимость гораздо раньше знаменитой ночи 4-го августа.

„Когда этотъ красивый жестъ былъ сдѣланъ національнымъ собраніемъ, онъ былъ уже безполезенъ, благодаря революціонной дѣятельности крестьянъ...

„Подъ вліяніемъ ряда причинъ крестьянство стало реакціоннымъ, но это было явленіе временное. Реакціонеры надѣялись, что крестьянство вѣчно будетъ поддерживать существующій режимъ изъ страха передъ соціалистами, стремящимися будто бы отнять у нихъ ихъ участки земли, и что соціалистическое повѣтріе, свирѣпствующее въ городахъ, разобьется о неподатливость крестьянства.

„Эти ожиданія, однако, не сбылись. Въ настоящее время крестьянскій классъ переживаетъ процессъ измѣненій своей идеологіи, подъ вліяніемъ трансформаціи въ земледѣліи. Теперь крестьяне приходятъ къ соціализму“.

Къ приведеннымъ мнѣніямъ присоединился вполнѣ и Жорэсъ. Онъ указывалъ, что соціализмъ съ самаго своего возникновенія носилъ печать крестьянскихъ требованій, что уже въ первой соціалистической программѣ, формулированной Бабёфомъ, значился цѣлый рядъ мѣръ аграрнаго характера.

„Что касается меня,—говорилъ Жорэсъ,—то я вѣрю, что можно рядомъ съ рабочими сгруппировать милліоны мелкихъ земельныхъ собственниковъ въ одну великую армію для общей битвы и во имя общей цѣли. И именно, исходя изъ этой точки зрѣнія, мы должны приступить къ выработкѣ содержанія нашей пропаганды въ деревнѣ... Повторяю, пламя крестьянскихъ требованій смѣшается съ огнемъ требованій пролетаріата, и только тогда расплавится желѣзный блокъ стараго міра“.

О революціонности крестьянъ говорилъ также Эрвэ, объявивъ себя революціоннымъ коммивояжеромъ отъ крестьянства“ (Іоннская

---

[1]) Ibid. Стр. 209.

федерація, къ которой принадлежитъ Эрвэ, преимущественно состоитъ изъ крестьянъ).

Нѣкоторый диссонансъ въ этотъ дружный хоръ согласныхъ мнѣній внесъ одинъ только Вальянъ, который настаивалъ на томъ, что, какъ классъ, крестьянство все-таки отличается отъ пролетаріата, и что, поэтому, партія можетъ разсчитывать лишь на присоединеніе крестьянъ, покинувшихъ точку зрѣнія своего класса. Вальянъ признавалъ, что число такихъ крестьянъ все увеличивается и, несомнѣнно, будетъ увеличиваться и въ дальнѣйшемъ.

На конгрессѣ точка зрѣнія Вальяна не встрѣтила никакого сочувствія: въ пользу ея не высказался ни одинъ конгрессистъ.

Какія же причины толкаютъ и могутъ толкать крестьянъ въ сторону соціализма? Ораторы-гэдисты перечислили цѣлый рядъ такихъ причинъ: все усиливающійся въ деревнѣ гнетъ торговаго и ростовщическаго капиталовъ; ухудшеніе положенія земельныхъ тружениковъ, вызываемое развитіемъ капиталистическихъ синдикатовъ и трёстовъ; невыносимая эксплуатація посредниковъ; ростъ тяжести налоговаго времени, обусловленный милитаристическимъ „безуміемъ“, свойственнымъ современному строю, и выясняющаяся для крестьянина въ результатѣ всѣхъ этихъ причинъ очевидность невозможности улучшить условія своей жизни и труда, не измѣняя существующихъ общественныхъ отношеній.

„Но главная причина, это все-таки, — утверждали гэдисты, — концентрація въ земледѣліи, показывающая крестьянамъ наглядно судьбу, которую готовитъ мелкимъ собственникамъ капитализмъ“.

Въ этомъ вопросѣ гэдисты продолжаютъ занимать свою старую позицію, сходную съ позиціей теоретиковъ стараго Интернаціонала, которую мнѣ приходилось уже характеризовать въ другомъ мѣстѣ [1]).

Доказывать, однако, наличность процесса концентраціи въ земледѣліи въ то время, какъ послѣднія статистическія данныя свидѣтельствуютъ о ростѣ мелкаго и средняго хозяйства насчетъ крупнаго, для гэдистовъ было, конечно, не совсѣмъ легко. Ихъ аграрный теоретикъ Комперъ-Морель попытался было опровергнуть точность упомянутыхъ данныхъ ссылкой на то, что показываемое анкетой министерства финансовъ расширеніе площади мелкаго хозяйства объясняется внесеніемъ въ опросные листки многихъ хозяйствъ этой категоріи, которыя были пропущены въ 1892 году. Но если бы даже это утвержденіе соотвѣтствовало дѣйствительности, то оно все-таки не объясняетъ сокращенія площади крупнаго хозяйства, о чемъ свидѣтельствуетъ та же анкета.

Впрочемъ, Комперъ-Морель и его единомышленники, выступавшіе на конгрессѣ, поспѣшили внести нѣсколько поправокъ къ

1) См. мою статью „Аграрный вопросъ въ соціалистическомъ интернаціоналѣ“ въ январьской и февральской книжкахъ „Русскаго Богатства“ за 1910 годъ.

своимъ положеніямъ, сводившихся къ тому, что если въ земледѣліи процессъ концентраціи наблюдается съ очевидностью, то темпъ его здѣсь гораздо медленнѣе, чѣмъ въ городской индустріи, и что, вообще, процесъ этотъ имѣетъ мѣсто не столько въ области производства, сколько въ области обмѣна...

Что касается вопроса объ отношеніи партіи къ крестьянству, то по этому вопросу блестящую по формѣ и логической стройности аргументовъ рѣчь произнесъ Гэдъ. Прежде всего онъ попытался обосновать свой прежній взглядъ на необходимость для соціализма, въ случаѣ побѣды, оставить крестьянъ-собственниковъ въ свободномъ владѣніи ихъ земельными участками,—не экспропріировать ихъ.

„Мы не имѣемъ на это никакого права,—повторялъ Гэдъ свой старый аргументъ.—Тамъ, гдѣ собственность и трудъ объединены въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, нѣтъ мѣста для соціальнаго вмѣшательства, нѣтъ мѣста для экспропріаціи. Мы придадимъ партіи физіономію вора, если будемъ претендовать на отобраніе, хотя бы во имя коллективности, хотя бы во имя человѣчности, участковъ земли у крестьянъ, которые сами обрабатываютъ ихъ, никого не эксплуатируя.

„Мало этого. Занявъ такую позицію по отношенію къ крестьянству, мы окажемъ самое сильное содѣйствіе дѣлу консерватизма и соціальной реакціи. Мы сами создадимъ на пути организованнаго пролетаріата непреоборимое препятствіе, сами выдвинемъ противъ себя, за рядами покорныхъ власти ружей, милліоны крестьянскихъ вилъ [1]).

„Соціалисты не могутъ, конечно, создавать иллюзіи у крестьянства относительно судьбы, которая ожидаетъ его въ современномъ обществѣ, но они должны выяснить ему истинную сущность своего идеала и разсѣять клевету буржуазной прессы о соціалистическихъ планахъ насильственнаго характера противъ Жака-Простачка.

„Нужно сказать крестьянину: не пролетаріатъ, овладѣвшій политической властью, не торжествующая соціальная революція отнимутъ у тебя твой клочекъ земли.—У тебя отниметъ его... конкурренція крупной земельной собственности, отнимутъ силы всепожирающаго капитализма, которыя все болѣе тебя опутываютъ и сжимаютъ со всѣхъ сторонъ.

„А мы, когда станемъ хозяевами положенія, явимся не въ качествѣ грабителей, а въ качествѣ освободителей. Мы освободимъ тебя отъ всѣхъ тяготъ, которыя лежатъ теперь на твоихъ плечахъ...

„И, тѣмъ не менѣе, въ обществѣ будущаго наступитъ моментъ, когда ты самъ, просвѣщенный опытомъ, увидѣвъ, какой суммой свободы и благополучія пользуются твои братья въ соціализированномъ земледѣліи, — ты самъ добровольно предложишь свою

---

[1]) Тамъ же, стр. 381.

парцеллу для присоединенія къ великой соціальной землѣ, къ великой коллективной землѣ, къ великой землѣ человѣчества“ [1]).

Эти же аргументы повторили въ общихъ чертахъ сторонники Комперъ-Морель, Лафаргъ и другіе.

Однимъ словомъ, гэдисты продолжали отстаивать свою старую позицію, попрежнему соединяя ортодоксальный взглядъ на направленіе общественной эволюціи съ принципомъ революціоннаго вмѣшательства въ эту эволюцію, но вмѣшательства не для постепеннаго подготовленія элементовъ соціализма, а съ цѣлью его немедленнаго осуществленія. Но что касается утвержденія гэдистовъ о необходимости оставить мелкіе земельные участки во владѣніи ихъ собственниковъ крестьянъ, то съ этимъ согласились и жорэсисты, и синдикалисты, и представители прочихъ направленій въ партіи, за исключеніемъ, какъ мы уже сказали, одного только Вальяна, который доказывалъ, наоборотъ, необходимость пропагандировать среди крестьянства идеалъ обобществленія земельной собственности. Вальянъ не встрѣтилъ, однако, сочувствія на конгрессѣ.

Гораздо больше разногласій вызвалъ среди конгрессистовъ вопросъ о содержаніи аграрной программы-минимумъ. Здѣсь рѣзко столкнулись два противоположныхъ направленія историко-философской мысли: катастрофическое и эволюціонистское. Гэдисты, сторонники перваго направленія, разсматривающаго исторію, какъ рядъ скачковъ изъ одного соціальнаго состоянія въ другое, ни о какомъ постепенномъ подготовленіи соціализма въ деревнѣ не хотѣли и слышать. Они предлагали включить въ аграрную программу лишь такія требованія, которыя, защищая крестьянъ противъ земледѣльческаго и прочихъ видовъ капитала, противъ эксплуатаціи буржуазнаго государства и т. п., не могли бы, однако, вызвать у крестьянъ иллюзію о возможности начать въ настоящемъ частичную реализацію будущаго строя.

Гэдисты признали, правда, огромное значеніе земледѣльческой кооперації во всѣхъ ея формахъ. Соціалистическая партія,—говорилъ Комперъ-Морель,—должна сдѣлать все возможное для образованія земледѣльческихъ синдикатовъ, кооперативовъ и обществъ взаимопомощи. Толкать крестьянина къ группировкѣ, къ ассоціаціи, къ объединенію своихъ усилій, это значитъ направить его энергію въ такую область дѣйствій, которая явится для него самой лучшей революціонной гимнастикой. Но революціонной гимнастикой—не болѣе, ибо,—утверждалъ Комперъ-Морель,—если кооперація, синдикатъ и прочія формы крестьянскаго объединенія въ деревнѣ могутъ подготовить крестьянина къ будущему строю, вытравливая изъ его сознанія буржуазно-индивидуалистическія понятія, пріучая его къ коллективной дѣятельности, то они не могутъ все-таки создать кадры соціалистическаго порядка“.

---

[1]) Тамъ же, стр. 382.

Точка зрѣнія жорэсистовъ была иная.

Самъ Жорэсъ сформулировалъ нѣсколько вопросовъ, на которые онъ требовалъ, чтобы слѣдующій партійный конгрессъ далъ точные отвѣты. Они сводятся къ слѣдующему:

1) Должны ли соціалисты вписывать требованіе экспропріаціи крупно-владѣльческихъ земель въ свою программу-максимумъ, или же добиваться осуществленія этой мѣры еще въ современномъ обществѣ, ранѣе полнаго соціалистическаго переворота? 2) Въ случаѣ, если будетъ принято второе рѣшеніе,—въ чье распоряженіе партія признаетъ болѣе цѣлесообразнымъ передать экспропріированныя земли: въ распоряженіе ли націи, ассоціаціи мелкихъ собственниковъ или синдикатовъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ?

Жорэсъ не ограничился этими вопросами: онъ указалъ и нѣкоторыя конкретныя мѣры, осуществленіе которыхъ можетъ постепенно создать матеріальныя и моральныя основы лучшаго будущаго въ деревнѣ. Мѣры эти сводятся къ національзаціи ипотечныхъ долговъ и нѣкоторыхъ видовъ производства, перерабатывающихъ продукты сельскаго хозяйства, которые, будучи въ настоящее время въ безконтрольномъ распоряженіи магнатовъ капитала, вмѣсто того, чтобы приносить облегченіе крестьянину, еще увеличиваютъ его закабаленность.

Жорэсъ и нѣкоторые изъ его единомышленниковъ, принимавшихъ участіе въ дебатахъ, указывали, что необходимо національзировать главнымъ образомъ ввозъ хлѣбнаго зерна, а также сахарное и алкогольное производство, причемъ поставить необходимымъ условіемъ національзацію, передачу управленія этими производствами въ руки синдикатовъ крестьянъ, рабочихъ и служащихъ, подъ общимъ контролемъ государства.

„Должны ли мы сказать, напримѣръ, крестьянину, занимающемуся свекловодствомъ,—спрашивалъ Жорэсъ,—должны ли мы сказать ему только: „Вотъ крупный сахарозаводчикъ, онъ—твой господинъ и твой врагъ“, и этимъ ограничиться,—или же наоборотъ: „Вотъ сахарные заводы и рафинадные заводы,—мы будемъ добиваться ихъ немедленнаго перехода въ національную собственность, будемъ добиваться, чтобы къ управленію ими были допущены работники-крестьяне?“ [1]).

Вмѣстѣ съ этимъ созданію элементовъ грядущаго въ рамкахъ настоящаго будетъ содѣйствовать развитіе коопераціи, развитіе земледѣльческой техники, развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя заставятъ крестьянина подчинять общественному духу и общественному распоряженію все большую и большую часть своихъ правъ собственника.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Жорэса, крестьянская собственность постепенно будетъ ассимилироваться или, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 392.

ее можно будетъ ассимилировать съ конечною организаціей соціализма, съ организаціей коллективной собственности.

Вальянъ поддержалъ Жорэса въ вопросѣ объ общемъ принципѣ, который долженъ быть положенъ въ основу аграрной программы партіи, но Гэдъ съ жаромъ возражалъ противъ внесенія въ программу мѣръ, предложенныхъ жорэсистами.

— Во-первыхъ,—заявлялъ онъ,—эти мѣры неосуществимы въ современномъ строѣ,—онѣ являются „послѣднимъ словомъ утопіи" Во-вторыхъ, если бы даже ихъ можно было реализовать, то это отодвинуло бы только часъ наступленія соціализма, ибо, съ одной стороны, улучшилось бы въ значительной степени положеніе земельныхъ тружениковъ, и ихъ растущее отрицательное отношеніе къ современному соціальному строю ослабло бы,—съ другой же стороны, у нихъ создались бы иллюзіи о возможности добиться экономическаго освобожденія безъ рѣзкой и коренной ломки зданія капитализма.

Гэдъ занялъ тутъ такимъ образомъ ту позицію, которую составленная имъ же самимъ нантская аграрная программа рабочей партіи охарактеризовала, какъ позицію чисто анархическую. Какъ помнитъ читатель, въ теоретической части этой программы значилось, что „соціализмъ, въ противоположность анархизму, не ожидаетъ соціальнаго преобразованія отъ увеличенія и расширенія нужды". Но этого мало. Оставаясь послѣдовательнымъ, Гэдъ долженъ былъ бы содѣйствовать всему тому, что ухудшаетъ положеніе крестьянина, а онъ, какъ мы видѣли, настаивалъ на внесеніи въ аграрную программу ряда реформъ, которыя могли бы защитить крестьянство отъ разнаго рода эксплуатаціи и тѣмъ самымъ поднять его экономическое благосостояніе.

Въ общемъ пренія нансійскаго конгресса выяснили раньше всего, что жорэсисты и ихъ союзники въ партіи продѣлали въ крестьянскомъ вопросѣ значительную эволюцію. Признавъ необходимымъ защищать крестьянство и привлекать его къ соціализму, они стали на ту точку зрѣнія, что для соціалистовъ такая защита должна имѣть цѣлью не отстаиваніе ф о р м ы мелкаго владѣнія, а, наоборотъ, содѣйствіе развитію крестьянскаго труда и собственности въ сторону коллективизма. Гэдисты же остались на той позиціи, которую они занимали еще въ началѣ 90-хъ годовъ и крайнюю непослѣдовательность которой я уже охарактеризовалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Но, такъ или иначе, въ виду того, что точки зрѣнія жорэсистовъ и гэдистовъ оказались противоположными,—конгрессисты остановились на слѣдующемъ рѣшеніи: они выбрали спеціальную аграрную комиссію, куда вошли представители отъ всѣхъ партійныхъ направленій, и поручили подготовить къ слѣдующему конгрессу проектъ аграрной программы.

Конгрессисты надѣялись, что въ комиссіи, гдѣ можно будетъ дебатировать вопросъ болѣе подробно, жорэсисты и гэдисты скорѣе придутъ къ соглашенію, тѣмъ болѣе, что у нихъ оказались слѣдующія весьма существенныя точки соприкосновенія: 1) оцѣнка крестьянина, какъ занимающаго одинаковое соціальное положеніе съ пролетаріатомъ городовъ; 2) провозглашеніе необходимости объединить крестьянство съ рабочими для общей борьбы во имя соціализма; 3) стремленіе не ждать осуществленія результатовъ стихійной эволюціи, а воздѣйствовать активно на историческій процессъ (разногласіе между жорэсистами и гэдистами касается лишь характера этого воздѣйствія), 4) выдвиганіе коопераціи, какъ могучаго средства для соціалистическаго воспитанія и подготовленія массъ.

VI.

Когда собралась аграрная комиссія, то оказалось, что гэдистамъ и жорэсистамъ, при взаимной готовности пойти на нѣкоторыя уступки, не такъ ужъ трудно столковаться. Въ большинствѣ случаевъ разногласія свелись лишь къ словамъ. Самый важный и основной принципъ для гэдистовъ, какъ я уже указывалъ,—это не создавать иллюзій о возможности частичнаго осуществленія въ настоящемъ общества будущаго. Какъ только такое опасеніе устраняется, гэдисты ничего не имѣютъ противъ самыхъ радикальныхъ реформъ, хотя бы онѣ наносили сильнѣйшіе удары капитализму.

Значительную трудность представляла выработка формулы отношенія соціалистовъ къ мелкой крестьянской собственности. Прежнія категорическія формулировки гэдистовъ не нашли сочувствія среди большинства членовъ коммиссіи. Нужно было, съ одной стороны, дать крестьянамъ понять, что партія не намѣрена отнимать у нихъ земельной собственности, съ другой стороны, не оставлять сомнѣній относительно того, что конечный идеалъ соціализма требуетъ обобществленія всей земли.

Комиссія сочла возможнымъ выйти изъ затрудненія, составивъ слѣдующій текстъ:

„Партія борется противъ капитализированной земельной собственности, т. е. противъ такой собственности, которую владѣлецъ не обрабатываетъ лично, обработкой которой онъ не управляетъ, а ограничивается лишь полученіемъ земельной ренты. Эту капиталистическую земельную собственность партія стремится соціализировать, какъ только власть перейдетъ въ ея руки".

Можно сдѣлать выводъ, что партія намѣревается экспропріировать лишь крупные земельные участки,—крестьянская земля, слѣдовательно, исключается. Но дальше мы читаемъ слѣдующее:

„Партія не формулируетъ спеціальнаго соціализма для крестьянства, но примѣняетъ къ земельной собственности и сельско-хозяйственному производству общіе принципы соціализма. Земля, какъ

земледѣльческій капиталъ, точно такъ же, какъ и капиталъ коммерческій, должна перейдти въ общественную собственность, ибо эта форма собственности одна только даетъ возможность извлекать изъ земли максимумъ продуктовъ при минимумѣ усилій“ [1]).

Нельзя сказать, чтобы формулировка отличалась большой ясностью, особенно для крестьянской публики. Соціалистическій писатель Этьенъ Бюиссонъ въ „Revue Socialiste“, назвалъ формулировку аграрной комиссіи „слишкомъ теоретической, абстрактной и неопредѣленной, требующей пространныхъ комментаріевъ отъ нашихъ крестьянскихъ пропагандистовъ“.

Что касается реформъ въ аграрной области, то комиссія, по свидѣтельству ея докладчика Эрнеста Тарбуріеша, руководилась при выработкѣ ихъ слѣдующими двумя требованіями: во-первыхъ, чтобы онѣ могли принести дѣйствительное облегченіе крестьянству, во-вторыхъ, чтобы онѣ не создавали препятствій на пути организованнаго пролетаріата, затрудняя его организацію, его борьбу противъ капитализма, или вызывая вздорожаніе продуктовъ первой необходимости.

Въ программѣ, выработанной аграрной коммиссіей, особенно интересна ея теоретическая часть, показывающая наглядно, какіе итоги подвела коллективная мысль партіи мнѣніямъ и взглядамъ французскаго соціализма въ области аграрнаго вопроса. Я говорю, „коллективная мысль партіи“—не только потому, что въ аграрной коммиссіи были представлены всѣ партійныя направленія, но, главнымъ образомъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что въ основу работъ этой комиссіи были положены подробныя резолюціи, присланныя почти всѣми федераціями партіи.

Въ теоретической части программы раньше всего указывается, какія именно категоріи земледѣльческаго населенія партія находитъ нужнымъ защищать и призывать къ соціализму. Таковы сельскохозяйственные рабочіе, фермеры, половники и мелкіе собственники-крестьяне.

Фермеры и половники—говоритъ программа—не могутъ быть приравнены къ капиталистическимъ предпринимателямъ, потому что они не получаютъ никакой предпринимательской прибыли. Ихъ доходы представляютъ собою не болѣе, какъ заработную плату земледѣльческаго рабочаго, а иногда даже бываютъ ниже этой платы. Въ такомъ же приблизительно положеніи находится и мелкій крестьянскій собственникъ, обрабатывающій своими руками принадлежащій ему участокъ земли. Онъ также часто зарабатываетъ меньше рабочаго, отчасти потому, что земля его недостаточно плодородна, отчасти вслѣдствіе тяготѣющихъ надъ нимъ ипотечныхъ и прочихъ долговъ, главнымъ же образомъ вслѣдствіе эксплуатаціи

---

[1]) Цитирую по „Revue Socialiste“. Mars 1910.

торговаго и индустріальнаго капиталовъ, высасывающихъ изъ него всѣ соки.

„Мелкій собственникъ,—повторяетъ программа старыя положенія гэдистовъ,—является не болѣе, какъ рабочимъ, сохранившимъ свое орудіе труда. Эта форма собственности отличается отъ собственности капиталистической не только количественно, но и качественно. Она не является орудіемъ порабощенія...

„Мелкіе фермеры, мелкіе половники, мелкіе собственники, тоже могутъ быть приравнены къ пролетаріату, ибо они не эксплуатируютъ наемныхъ рабочихъ, а только самихъ себя и свою семью и, во всякомъ случаѣ, не получаютъ полностью продуктовъ своего труда.

„Крестьяне—такія же жертвы капитализма, какъ и рабочіе, ибо капитализмъ эксплуатируетъ ихъ то какъ покупателей, то какъ продавцовъ продуктовъ,—они поэтому должны присоединиться къ пролетаріату.

„Втянутые въ процессъ капиталистическаго производства,—крестьяне не могутъ оставаться внѣ классовой борьбы. Они должны отказаться отъ солидарности съ господствующимъ классомъ, который ихъ угнетаетъ, и добиваться освобожденія путемъ созданія собственныхъ независимыхъ учрежденій, что можетъ быть ими достигнуто лишь въ союзѣ съ индустріальнымъ пролетаріатомъ“.

Когда-то, какъ помнятъ читатели, гэдисты доказывали, что классовая борьба крестьянства совпадаетъ съ интересами пролетаріата, ибо чѣмъ меньше крестьяне будутъ пролетаризоваться, тѣмъ слабѣе будетъ ростъ безработныхъ и предложенія труда на рабочемъ рынкѣ. Теперь въ аграрной программѣ соціалистическая партія доказываетъ, что, въ свою очередь, крестьяне имѣютъ непосредственный интересъ въ поддержаніи требованій городскихъ рабочихъ. Всякое повышеніе заработной платы, всякое сокращеніе числа безработныхъ увеличиваетъ потребительно-покупательную способность пролетаріата, и тѣмъ самымъ создается расширеніе сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства.

Особенно интересно то мѣсто въ теоретической части программы, гдѣ говорится о національзаціи и муниципализаціи разныхъ отраслей производства, соприкасающихся съ сельскимъ хозяйствомъ. Переводъ въ собственность націи или муниципалитетовъ такихъ отраслей производства тѣмъ болѣе возможенъ,—утверждали авторы программы,—что эти отрасли достигли высшей степени концентраціи;—онъ тѣмъ болѣе необходимъ, что капиталисты, держащіе ихъ въ своихъ рукахъ, подвергаютъ настоящей тиранніи какъ производителя, такъ и потребителя. Могутъ ли соціалисты ждать, пока объединенные крестьяне и рабочіе завоюютъ политическую власть и тогда соціализируютъ все производство, во всемъ его объемѣ? Нѣтъ, отвѣчаютъ они,—не могутъ.

„Партія потеряетъ всякое вліяніе на общественное мнѣніе,

которое все больше и больше начинаетъ смотрѣть на нее, какъ на двигатель прогресса, если она посвятитъ себя исключительно общей пропагандѣ противъ капитализма и не будетъ требовать никакихъ мѣръ, никакихъ средствъ, которыя могли бы еще до наступленія соціальной революціи смягчить эксплуатацію трудящихся. А такъ какъ при существующемъ режимѣ нельзя найти никакого средства для борьбы съ трёстами, за исключеніемъ ихъ національзаціи или муниципализаціи,—то долгъ партіи пропагандировать это средство. И это тѣмъ болѣе, что партія должна пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы вырвать у капитализма значительную часть экономической организаціи страны и конфисковать, сколько возможно, прибавочной стоимости".

Въ видѣ уступки гэдистамъ, декларація поясняетъ, что эти мѣры нельзя разсматривать, какъ частичную реализацію коллективизма, ибо коллективизмъ предполагаетъ соціализацію всего производства и распредѣленія, которое не можетъ быть осуществлено частями. „Но,—читаемъ мы, однако, дальше,—стремясь къ вытѣсненію капиталистической анархіи рабочей организаціей, мы тѣмъ самымъ облегчаемъ эволюцію общества въ сторону коллективизма". Такая эволюція можетъ быть также облегчена національзаціей гипотеки, что облегчитъ въ значительной степени положеніе мелкихъ крестьянъ-собственниковъ и въ свою очередь ослабитъ экономическую мощь капитализма.

Эту реформу, которую проповѣдывали еще Марксъ и его ближайшій ученикъ Либкнехтъ и которая является значительнымъ приближеніемъ къ національзаціи земли, французскіе соціалисты вписали такимъ образомъ впервые въ свою аграрную программу.

Что касается коопераціи, то въ этомъ вопросѣ точка зрѣнія жорэсистовъ получила серьезное преобладаніе. „Соціалистическая партія,—гласитъ декларація,—будетъ содѣйствовать развитію въ деревнѣ коопераціи во всѣхъ ея формахъ и видахъ, т. е., коопераціи потребленія, коопераціи для совмѣстной обработки и продажи продуктовъ, для совмѣстной покупки машинъ, сѣмянъ, удобренія и т. п. Партія питаетъ твердую надежду, что кооперація приведетъ въ концѣ-концовъ къ совмѣстной обработкѣ земли, что дастъ возможность мелкому хозяйству сравниться въ техническомъ отношеніи съ крупнымъ. Кромѣ непосредственныхъ улучшеній, кооперація приведетъ, быть можетъ, крестьянъ къ коллективизму, избавивъ ихъ отъ физическихъ и моральныхъ страданій, сопряженныхъ съ пролетаризаціей. Можно видѣть въ ней эмбріонъ будущей коллективистической организаціи".

Въ выработанной аграрной коммиссіей программѣ реформъ значились слѣдующія требованія: развитіе рабочаго законодательства въ деревнѣ, сокращеніе рабочаго дня, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, отъ безработицы, инвалидности и смерти; рядъ спеціальныхъ мѣръ, касающихся фермеровъ и половниковъ; націо-

нализація ипотеки, а затѣмъ переводъ въ собственность націи слѣдующихъ отраслей производства и торговли: изготовленія и продажи минеральныхъ удобреній, фабрикаціи и оптовой продажи алкоголя, сахарно-заводскаго дѣла, мукомольнаго дѣла, ввоза хлѣбнаго зерна и хлѣбной торговли; лѣсовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, водяной силы. Кромѣ этого, мунипализація хлѣбопекаренъ, боенъ, оптовой продажи скота, мяса, фруктовъ и овощей.

Какъ видите, эта программа-минимумъ заключаетъ въ себѣ значительную часть требованій изъ программы-максимумъ. Но требованія эти, несмотря на свой радикализмъ, могутъ встрѣтить сочувствіе въ крестьянской массѣ, такъ какъ касаются такихъ отраслей производства и торговли, гдѣ крестьяне болѣе всего чувствуютъ эксплуатацію капитала.

Наконецъ, программа требуетъ также сохраненія и расширенія остатковъ общиннаго строя, сохранившихся во Франціи, но съ тѣмъ, чтобы коммунальныя земли обрабатывались синдикатами работниковъ, связанными съ потребительными кооперативами и съ муниципальными хозяйственными предпріятіями...

Программа, выработанная аграрной комиссіей, не могла быть разсмотрѣна на послѣднемъ конгрессѣ партіи, такъ какъ въ порядкѣ дня значились неотложные жгучіе вопросы злободневной политики, и у конгрессистовъ не хватило времени. Конгрессъ, однако, постановилъ, что партія можетъ временно пользоваться выработанной программой для своей пропаганды въ крестьянствѣ. То, что въ аграрной комиссіи участвовали лидеры-теоретики изъ всѣхъ фракцій, и что программа этой комиссіей была принята единогласно, являлось достаточной гарантіей. Тѣмъ не менѣе, на одномъ изъ слѣдующихъ конгрессовъ аграрная программа подвергнется всестороннему обсужденію.

Итакъ, въ силу особенностей соціально-экономическихъ условій Франціи, французскіе соціалисты оказались вынужденными отказаться отъ узко-ортодоксальнаго марксистскаго взгляда въ оцѣнкѣ соціальной сущности крестьянина и принять программу, которая ведетъ уже не къ защитѣ формы мелкой земельной собственности, а къ защитѣ земледѣльческаго производителя, путемъ направленія сельско-хозяйственной эволюціи на путь коллективизма, на путь аграрнаго соціализма. Въ противномъ случаѣ, они рисковали запутаться въ противорѣчіяхъ, выступать въ деревнѣ защитниками того, что они осуждали въ городѣ, и дать обильный матеріалъ своимъ критикамъ изъ буржуазнаго лагеря.

Въ этомъ заключается основной интересъ эволюціи, совершенной французскимъ соціализмомъ въ области аграрнаго вопроса, и примѣръ французскаго соціализма является въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучительнымъ.

Е. Сталинскій.

Въ нижнемъ теченіи.

I. Обслѣдованіе.

Въ концѣ іюля, возвращаясь послѣ своихъ скитаній по югу Россіи въ свой родной уголъ, я сидѣлъ на вокзалѣ въ Царицынѣ, ждалъ поѣзда. Когда приходится ждать съ шести утра до двухъ пополудни, при температурѣ въ 28 градусовъ по Реомюру, среди груды узловъ, чемодановъ, картонокъ и мѣшковъ, сваленныхъ на диваны, стулья и на полъ, когда сквозь мутную дремоту слушаешь непрерывный грохотъ ломовыхъ телѣгъ по мощеному двору вокзала, вдыхаешь смѣшанный, густой запахъ дезинфекціонныхъ жидкостей—дегтю, карболки,—и ароматъ конскихъ стойлъ, плывущій въ открытыя окна станціонной залы, видишь лишь вереницы буро-малиновыхъ вагоновъ и цистернъ, медленно проползающихъ передъ глазами,—невольно заражаешься отрицаніемъ и враждой къ существующему строю...

Я замѣтилъ это не на одномъ себѣ. Томится - томится проѣзжій человѣкъ,—просто дѣловой человѣкъ, чуждый политики, всецѣло погруженный въ разсчеты касательно какого-нибудь „подтоварника" или цѣнъ на быковъ. Встанетъ, походитъ... Сядетъ, посидитъ... Спроситъ пива. Выпьетъ... А время какъ-будто остановило свое теченіе... И начинаетъ такой человѣкъ съ раздраженіемъ размышлять: будь наша „великая и обильная" страна не столь дика, будь она упорядочена по примѣру культурныхъ странъ, развѣ она такъ пренебрегала бы столь драгоцѣнной вещью, какъ время? развѣ мыслимы были бы эти безконечныя и безсмысленныя желѣзнодорожныя паузы, эти безропотно-покорныя, распаренныя, лоснящіяся, клюющія носами физіономіи, склоненныя надъ пустыми пивными бутылками, это мучительное напряженіе мысли надъ вопросомъ: чего бы еще съѣсть или выпить, чтобы убить остающіеся до поѣзда четыре часа?..

Въ десятый разъ я развернулъ газетный листъ, просмотрѣлъ его съ начала до конца и съ конца до начала. Еще разъ порадовался тому, что, по свѣдѣніямъ министерства торговли, нынѣшній урожай по Россіи—выше средняго, что на моей родинѣ—въ Донской об-

ласти—онъ просто удовлетворительный (и то хлѣбъ!), но—главное—для русскаго хлѣбнаго рынка особенно благопріятно складывается международная конъюнктура... Вздумалъ было прикинуть, что попадетъ изъ благопріятной конъюнктуры на долю россійскаго мужичка, но мнѣ помѣшалъ сидѣвшій неподалеку отъ меня за столомъ казачій офицеръ, съ которымъ мы обмѣнялись нѣсколько разъ испытующе вопросительными взглядами. Бываетъ такъ, что, очевидно, незнакомъ человѣкъ, а все кажется, гдѣ-то видѣлъ его, но не можешь лишь вспомнить.

Офицеръ всталъ и неожиданно для меня подошелъ ко мнѣ.

— А вѣдь это ты, Ѳедоръ?

Съ минуту мы, улыбаясь, молча стояли другъ передъ другомъ, всматриваясь, припоминая и соображая.

— Не узнаешь?.. Или я... вклепался?—сказалъ офицеръ.

Слышалось что-то какъ будто очень знакомое въ интонаціяхъ голоса, но затерявшееся гдѣ-то далеко-далеко въ памяти,—можетъ быть, среди звуковъ и лицъ дѣтства или первой юности. Иной разъ подойдетъ близко, вотъ-вотъ ухватишь, но... то, что дѣйствительно близко: короткая, шарообразная фигурка безъ шеи, сѣрая, съ просѣдью, густая щетина на головѣ, нафабренные усы, эспаньолка, штабъ-офицерскіе погоны—сбиваютъ съ толку...

— Нѣтъ, не угадаю.

— Васильевъ... Такъ называемый „Кашалотъ"...

Такъ оно и есть: эпоха еще восьмидесятыхъ годовъ, времена гимназическихъ мытарствъ всплыли вмѣстѣ съ этимъ милымъ дружескимъ прозвищемъ. Не только товарищъ, но и какой-то отдаленный родственникъ или свойственникъ...

— Ну... ты какимъ родомъ здѣсь? Какъ живешь? Уже войсковой старшина? Молодецъ! И потолстѣлъ же ты, братъ!

— Да оно и ты ничего... Куда ѣдешь?...

Выяснилось, что мой прежній „Кашалотъ", а нынѣ войсковой старшина Васильевъ 4-й командуетъ какимъ-то второочереднымъ „звеномъ" и въ данный моментъ состоитъ льготнымъ штабъ-офицеромъ въ распоряженіи окружного атамана N—скаго отдѣла. А я катался по Руси безъ опредѣленной цѣли, просто такъ... Узнавъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, мой неожиданный собесѣдникъ радостно воскликнулъ:

— Въ такомъ случаѣ—поѣдемъ со мной!

— Куда?

— На обслѣдованіе. Да вѣдь это, ей-богу, само небо мнѣ тебя посылаетъ!.. Бывалъ когда въ Н—скомъ округѣ?

— Не приходилось.

Моя родная станица принадлежитъ къ другому округу. Земля же наша и велика, и первобытна,—пути сообщенія въ ней таковы, что навѣстить родство, живущее въ трехстахъ верстъ разстоянія,

въ другомъ округѣ, труднѣе, чѣмъ побывать въ Петербургѣ или даже въ Берлинѣ.

— А тоже писатель!—воскликнулъ мой старый товарищъ и тотчасъ же прибавилъ:—но ей-богу, само небо тебя посылаетъ! Разъ ты—человѣкъ любопытствующій, то для тебя это будетъ интересно, а для меня—громадное облегченіе!.. Видишь, въ чемъ дѣло...

Онъ извлекъ изъ бокового кармана записную книжку почтенныхъ размѣровъ и, перебирая заложенныя въ ней бумаги, досталъ свернутый вчетверо листъ, унизанный строками, отбитыми на пишущей машинѣ.

— Дѣло въ томъ, что... Для меня ты, прямо сказать, кладъ,—продолжалъ онъ торопливымъ, дѣловымъ тономъ, пробѣгая глазами широкія строчки, пестрившія листъ:—вотъ я сейчасъ объясню тебѣ, почему... Ты, конечно, знаешь, что такое льготный офицеръ?

— Знаю,—сказалъ я.

„Льготные" офицеры,—имѣются они лишь въ казачьихъ войскахъ,—на мой взглядъ,—взглядъ штатскаго человѣка, чуждаго иныхъ государственныхъ соображеній,—люди очень пріятной синекуры, лежащіе напраснымъ бременемъ на злосчастномъ казачьемъ бюджетѣ. Какъ извѣстно, казаки отбываютъ воинскую повинность въ теченіе трехъ сроковъ, или очередей. Въ мирное время подъ ружьемъ находится лишь первая очередь, а вторая и третья живутъ дома. Второочередные казаки становятся обыкновенными землеробами, плодятся, наполняютъ и поливаютъ потомъ родную землю, надъ ихъ же готовностью на случай мобилизаціи, надъ сохранностью и неущербленностью ихъ воинскаго духа бдитъ военное начальство. Комплектъ этого многочисленнаго и чрезвычайно развѣтвленнаго воинскаго начальства постоянно пополняется приливомъ льготныхъ офицеровъ. Количество казачьихъ офицеровъ, нормальное въ военное время, при трехъ очередяхъ, въ мирное время, когда подъ ружьемъ лишь первая очередь, втрое превышаетъ надобность въ командномъ составѣ, и потому между наличнымъ офицерскимъ составомъ устанавливается очередь: три года службы въ первоочередныхъ полкахъ и три года въ запасѣ, или на льготѣ, съ сохраненіемъ содержанія, получаемаго не изъ общегосударственныхъ, а изъ мѣстныхъ—казачьихъ—средствъ.

Праздное, хоть и вынужденное, состояніе на льготѣ, съ сохраненіемъ полностью жалованья, не можетъ почитаться особенно обременительнымъ. Но льготные офицеры, наравнѣ съ прочимъ собратьями, все-таки жалуются на офицерскую свою судьбу. Таково ужъ требованіе приличнаго тона...

— Ты думаешь: льготный офицеръ это—архіерей на покоѣ? хочу—хожу, хочу—сижу?—говорилъ войсковой старшина Васильевъ 4-й:—ошибаешься, братъ! Нами теперь всякую дыру затыкаютъ... всякую!—Два рубля суточныхъ, прогоны на пару лошадей... получай и мчись, куда укажутъ! Холера проявилась—изволь на холеру!

Сусликъ—гоняй за сусликомъ! Саранча—истреби саранчу! Теперь вотъ неурожай, хлѣбъ у насъ зажгло,—катай по голодающимъ, обслѣдуй, опредѣляй, вычисляй и—немедленно дай подробныя свѣдѣнія... Вынь да положь! Вотъ!.. Ты думаешь: передъ тобой—офицеръ русской арміи? Ошибаешься: передъ тобой—человѣкъ на всѣ руки, энциклопедистъ, такъ сказать, статистикъ, земская ярыжка истребитель сусликовъ и прочее, и тому подобное...

Онъ подалъ мнѣ свой листъ.

— Вотъ прочти да разжуй эту штуку...

Я бѣгло просмотрѣлъ написанное. Это была инструкція областного правленія для обслѣдованія неурожайныхъ районовъ. Несмотря на увѣреніе министерства торговли и промышленности, оказалось, что по крайней мѣрѣ половина моего родного края была поражена недородомъ. Для выясненія нужды на мѣстахъ войсковой наказный атаманъ распорядился командировать льготныхъ офицеровъ, а въ руководство имъ была составлена бывшая у меня въ рукахъ инструкція. Моему войсковому старшинѣ назначены были для обслѣдованія одна станица съ причисленными къ ней хуторами и двѣ волости,—въ общемъ около двадцати поселеній. Предписывалось лично посѣтить всѣ эти поселенія, „осмотрѣть хлѣбныя поля, а равно травы и вообще полевую растительность“...

— Замѣть: травы!..—сказалъ Васильевъ обличительнымъ тономъ:—журналъ областного правленія отъ 13-го іюля, до меня дошелъ лишь 24-го, а я долженъ осмотрѣть... травы!.. Какъ будто это гдѣ-нибудь въ Вологодской или... вообще на сѣверѣ...

Инструкція и кромѣ этого требованія осмотра уже не существовавшихъ въ нашихъ степяхъ травъ заключала въ себѣ неодолимыя трудности. Она предписывала осмотромъ полей установить предполагаемый сборъ хлѣбовъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности. При этомъ указанъ былъ и методъ для такого опредѣленія: скосить опредѣленную—небольшую—площадь, тутъ же обмолотить, взвѣсить и уже по пропорціи, въ которой три члена извѣстны: скошенная небольшая площадь, умолотъ съ нея и общая площадь, засѣянная хлѣбами,—вычислить предполагаемый для всего района сборъ хлѣбовъ.

На случай, если бы ко времени обслѣдованія какой-нибудь хлѣбъ былъ уже скошенъ,—что и оказалось въ дѣйствительности—инструкція приказывала собрать точныя свѣдѣнія осмотромъ его на гумнахъ.

Въ главной части руководства отъ обслѣдователя требовалось выяснить, совмѣстно съ станичной и сельской администраціей, семейное положеніе нуждающихся въ ссудѣ, количество имѣющагося у нихъ крупнаго и мелкаго скота, лошадей, верблюдовъ, овецъ, свиней, птицы. Точно дознать, не имѣется ли у кого-либо изъ претендующихъ на ссуду торгово-промышленнаго заведенія, ремесла, оплачиваемой службы? Нельзя ли продать что-либо изъ домашняго инвен-

таря? Не окажется ли лишняго скота или птицы? Не извернутся ли сами нуждающіеся заработкомъ на сторонѣ, позаимствованіемъ изъ сельскаго общественнаго магазина?...

Можно сказать, что инструкція почти все предусмотрѣла, дабы голодающій не впалъ въ грѣхъ объяденія при посредствѣ будущей ссуды,—обслѣдовался онъ со всѣхъ сторонъ и даже слегка выворачивалось и нутро его. На плечи обслѣдователя изъ льготныхъ офицеровъ возлагалось бремя, дѣйствительно, тяжкое и неудобоносимое. Кромѣ всего прочаго, очевидно, предполагалось, что такому обслѣдователю непремѣнно свойственны суворовскіе навыки: глазомѣръ, быстрота и натискъ,—почему и срокъ для представленія свѣдѣній о недородѣ данъ былъ очень короткій—полторы недѣли.

— Что скажешь? а?—спросилъ войсковой старшина, съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидавшій, когда я просмотрю инструкцію. Я могъ только пожать плечами и сказать, что дѣло не легкое.

— А это какъ тебѣ показалось?

Онъ ткнулъ пальцемъ въ заключительную часть инструкціи, гдѣ говорилось: „Помимо сего, обслѣдователь въ особой докладной запискѣ долженъ нарисовать общую картину положенія населенія, каково настроеніе его: замѣчается ли упадокъ духа или же спокойно относится къ неурожаю и т. п.“...

— Дай имъ, кромѣ того, настроеніе! Чорта лысаго!..—негодующимъ голосомъ говорилъ мой старый однокашникъ: — я не писатель... гоняться за настроеніемъ. Я знаю, что такое ихъ настроеніе: куплю четверть водки — будутъ пѣсни играть. Соберу сходъ:— „какъ, станичники, дѣла?“—всѣ до единаго будутъ просить ссуду... Въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ, въ какой-то станицѣ станичный атаманъ при 900 рубляхъ жалованья бралъ ссуду, а его жена тутъ же продавала ее въ другія руки... чуть ли не этой самой комиссіи, которая для голодныхъ покупала зерно... А они: настроеніе...

Онъ сердито свернулъ листъ и сунулъ его въ записную книжку. Я понималъ затруднительность его положенія: задача, возложенная на него, совсѣмъ не соотвѣтствовала ни его подготовкѣ, ни наклонностямъ, а самые размѣры и подробности ея положительно были неодолимы, при маломъ срокѣ, для одного человѣка.

Мы помолчали. Потомъ мой войсковой старшина сказалъ:

— Самъ Господь, видно, оглянулся на меня: ты, вѣроятно, эти дѣла знаешь?

— Нѣтъ, не знаю.

— Да ты же человѣкъ писучій?

— Не очень. Да и въ другой области...

— Но все-таки поѣдемъ, пожалуйста! Уважь! Братъ ты мой милый... Сколько лѣтъ не видались... хоть поговорили бы о томъ, о семъ... Пьешь что-нибудь? Ну, нарзанцу!.. Я не показалъ: у меня тутъ и формочка есть...

Онъ опять порылся въ записной книжкѣ и нашелъ еще листъ

съ печатными графами и рубриками. Изъ него явствовало, что заполненію подлежатъ графы о числѣ домохозяевъ, числѣ „паевыхъ“, т. е. получающихъ надѣлъ въ каждомъ семействѣ, число душъ, не достигшихъ 5-лѣтняго возраста, на которыхъ выдавался половинный размѣръ ссуды. Была рубрика уходящихъ на заработки. Затѣмъ надо было установить число засѣянныхъ десятинъ, причемъ имѣлась графа для каждаго хлѣба въ отдѣльности, также для картофеля и „разныхъ фруктовъ“. Потомъ требовались свѣдѣнія о сѣнѣ и соломѣ въ пудахъ. При переписи скота надлежало выдѣлить все, что не является необходимымъ для обработки полей и можетъ быть продано...

— Неужели все это можно заполнить въ недѣлю? — спрашиваю я.

Васильевъ пожалъ плечами.

— Я и самъ говорю: немыслимо,—укоризненно-грустнымъ тономъ сказалъ онъ;—но что подѣлаешь? Мы,—люди военные. Разсуждать намъ не полагается: наше дѣло — исполнять. И... исполнимъ!..

II.

На другой день ѣхали мы—войсковой старшина Васильевъ 4-й и я—на парѣ земскихъ лошадей въ станицу, подлежащую нашему обслѣдованію.

Глинистая степь, бурая, истрескавшаяся по всѣмъ направленіямъ отъ засухи, истомленная долгой жаждой, встрѣтила насъ у самой станціи и провожала до станицы. И всегда въ іюлѣ мѣсяцѣ она обыкновенно выгораетъ, теряетъ краски и звуки, наводитъ уныніе. Но въ хорошіе, урожайные годы ее оживляютъ въ это время разбросанныя стада копенъ и скирдъ, непрерывный скрипъ возовъ, далекая мягкая трель молотильнаго камня - катка, дремотно-задумчивая пѣсня, запахъ новой соломы и мякины,—картина бодраго, радостнаго труда, завершающаго рабочую кампанію года, вѣнчающаго думы и заботы степного человѣка. И среди этихъ веселящихъ звуковъ и запаховъ труда нагота и тусклыя краски утомленной земли не огорчаютъ взора, не удручаютъ сердца, не погружаютъ душу въ безрадостныя мысли... „Утомилась, кормилица наша“... Но есть вѣра, что оживетъ она и снова расцвѣтетъ, одѣнется въ яркій нарядъ, огласится трелями, свистами, радостными голосами жизни.

Нынѣ же не то...

Тощіе жнивья тянулись по бокамъ дороги. Маленькія, приникщія къ землѣ копешки изрѣдка золотились на солнцѣ, но не оживляли пейзажа. Зноенъ былъ воздухъ, зноемъ дышала твердая, какъ желѣзо, земля. Жгло лицо, руки, плечи, кожу тарантаса. Марево переливалось вдали, и казалось, дымится степь серебристымъ, про-

зрачнымъ дымомъ, дрожатъ и качаются въ немъ кусты молоканки, странно выростающіе вдали, похожіе на далекія деревья...

Молчитъ пустынный просторъ, охваченный тоской безсилія, истомой жажды предсмертной... Плоскій курганъ, жалкія жнивья бурая трава, бѣлый полынокъ, символъ доли горькой... Сухая балка съ понурымъ стадомъ. Чашкой опрокинулось безбрежное небо, голубое-голубое выше бѣлыхъ облаковъ... Широко, далеко, пусто, нѣмо... Тоска умиранія...

Такой просторъ, и странная тѣснота и нужда среди него... И ясное до отчаянія сознаніе безсилія человѣка въ этой пустынѣ. Не только того темнаго и безпомощнаго, который доѣдаетъ послѣднія крохи прежде обильной, а нынѣ скудной трапезы, но даже и вооруженнаго знаніемъ: гигантскія сила и средства нужны, чтобы бороться здѣсь съ безводьемъ и знойнымъ дыханіемъ пустыни, съѣдающимъ все живое... И знаніе сюда не заглядываетъ. Копошится здѣсь кое-какъ человѣкъ слѣпой, фатально-покорный ниспосылаемымъ бѣдствіямъ, живущій странной увѣренностью: дастъ Богъ день, дастъ Богъ и пищу...

Живетъ...

Передъ нимъ вдали косматo всползаетъ темно-сѣдой вихрь... Качается, кружится, издѣвается надъ жалкой судьбой его. Убѣгаетъ вдаль, таинственный и загадочный... И, медленно тая, стоитъ долго-долго, и печальное изумленіе чудится въ этой неподвижности... Глядитъ темный человѣкъ и долго, безильно, тревожно напрягаетъ мысль, стараясь угадать, что хочетъ сказать ему ограбленная кормилица-земля этимъ знаменіемъ?.. Не ту ли годину лютую предвѣщаетъ, о которой въ книгѣ „Цвѣтникъ" говорится: „Много посѣютъ, а мало пожнутъ, земля не дастъ плода своего... И грады многіе погибнутъ, села лядиною заростутъ и запустѣютъ... И возстанетъ господинъ на раба, рабъ на господина своего, старецъ на старца и сосѣдъ на сосѣда. И не будетъ тогда, кто бы добро творилъ"...

III.

Въ станицу пріѣхали мы часа въ три пополудни. Войсковой старшина потребовалъ станичнаго атамана. Атамана не оказалось дома: былъ вызванъ въ окружное управленіе вмѣстѣ съ двумя стариками и четырьмя подростками, наряженными къ командированію на предстоявшія тогда торжества въ память Бородинскаго боя. Этотъ вопросъ о командированіи считался посерьезнѣе вопроса о недородѣ, и съ стариками, которыхъ почему-то нашли нужнымъ обучать джигитовкѣ и прочимъ основательно забытымъ ими воинскимъ познаніямъ, было не мало хлопотъ мѣстнымъ властямъ. Вмѣсто атамана, явился на „взъѣзжую" его помощникъ, высокій, бородатый урядникъ въ голубой фуражкѣ. Переступивъ порогъ,

онъ сдѣлалъ ту щеголеватую военную стойку, которой до конца жизни не забываютъ люди, служившіе въ гвардейскихъ частяхъ, и браво отвѣтилъ на привѣтствіе офицера:

— Здравія желаю, вашескобродіе! Изъ чего изволили требовать?

— Да вотъ, братецъ, не знаю, какъ мы съ тобой теперь это дѣло обварганимъ... Хлѣбъ-то вѣдь скосили у васъ весь? — съ оттѣнкомъ упрека сказалъ войсковой старшина.

— Такъ точно.

— То-то вотъ! Какъ же я теперь долженъ опредѣлять урожайность? Тутъ вотъ, видишь,— офицеръ помахалъ передъ собой инструкціей,—указано, какъ это дѣлать, вотъ въ предписаніи областного правленія... Надо, чтобы хлѣбъ на корню былъ... Выкосивъ извѣстную площадь, тутъ же обмолотить и согласно этому провесть по всѣмъ статьямъ... т. е. на всю площадь хлѣбовъ...

Войсковой старшина запнулся, помахалъ листомъ передъ своимъ ухомъ и остановился. Бравый помощникъ, вышколенный въ смыслѣ исполнительности и отгадыванія начальнической мысли, тотчасъ же сказалъ:

— Слушаю, вашескобродіе...

— Чего тамъ слушаю!—разсердился вдругъ офицеръ:—слушаю... Ни чорта не понимаешь, а—слушаю! Вѣдь хлѣба-то на корнѣ не осталось?

Помощникъ еще тщательнѣе взялъ стойку и, чуть шевеля пальцами правой руки, прижатой къ шву, — ему трудно было разсуждать вслухъ безъ жестикуляціи,—почтительно и резонно доложилъ:

— Проса есть позднія, вашескобродіе... Загончиковъ нѣсколько можно найтить... А прочіе хлѣба, дѣйствительно, свезли... Возка нонѣ легкая была, вашескобродіе... такъ что почесть что порожнякомъ катались...

Войсковой старшина, втянувъ подбородокъ въ воротникъ кителя, стоялъ минуты двѣ молча, въ позѣ напряженно соображающаго человѣка. Помощникъ атамана не моргая глядѣлъ на него, застывши въ почтительной стойкѣ подчиненнаго человѣка, искушеннаго въ правилахъ фронта: шапка „на молитву“, у лѣвой стороны груди, правая рука—по шву широкихъ синихъ шароваръ. И было тихо въ чистенькой горенкѣ, пахнущей мятой и новыми сапогами. Лишь большая, безпокойная муха билась отчаянно на окнѣ, металась по стеклу, жужжала, стучала, порываясь на волю, гдѣ висѣлъ еще неподвижный зной.

Я принялся разсматривать фотографіи въ черныхъ, тоненькихъ рамочкахъ, висѣвшія надъ столомъ, покрытымъ вязаною скатертью, кохвальные листы и выпускное свидѣтельство, выданное изъ приходскаго училища Ефросиніи Чумаковой. На фотографіяхъ были все больше группы бравыхъ воиновъ въ фуражкахъ набекрень, съ чубами, взбитыми кверху. Позы были то очень воинственныя и лихія—обнаженныя шашки. угрожающее выраженіе въ лицѣ,—то

очень трогательныя, до умилительности: сохраняя грозящее выраженіе въ лицахъ, участники группы пожимали другъ другу руки, что, очевидно, должно было намекать на тѣсную товарищескую связь и братскій союзъ „по гробъ жизни"...

Было прохладно и уютно въ полутемной горенкѣ, — отъ жары ставни были закрыты, и лишь одно окно открыли по случаю нашего пріѣзда. Тянуло полежать и отдохнуть отъ дороги на жесткомъ диванчикѣ, обитомъ краснымъ ситцемъ. Но нерѣшенный способъ обслѣдованія безпокоилъ все-таки и меня,—не одного моего оффиціальнаго обслѣдователя.

— Что будемъ дѣлать?—спросилъ войсковой старшина, выходя изъ созерцательнаго настроенія.

Я тоже не зналъ, что дѣлать, и сказалъ просто:

— Обслѣдовать.

— Но какъ? какъ? — голосомъ отчаянія воскликнулъ мой старый товарищъ: — вѣдь они все скосили, черти полосатые! А тутъ опредѣленно указано: скосить, обмолотить, взвѣсить и вычислить... Нарушить инструкцію? Чортъ ихъ знаетъ, какъ тамъ посмотрятъ на это дѣло! Мы, люди военные, разсуждать не имѣемъ права. Повиноваться, а не разсуждать—вотъ наша альфа и омега...

Я и самъ немножко зналъ, что повиновеніе и исполнительность безъ разсужденія стоятъ во главѣ воинскихъ добродѣтелей. Но намъ предстояло дѣло въ значительной степени мирное. Кромѣ того, и инструкція, хотя и требовала точныхъ свѣдѣній, но допускала нѣкоторымъ образомъ и глазомѣръ, давала выходъ изъ нашего затруднительнаго положенія. Просмотрѣли ее еще разъ. Зацѣпка нашлась.

„Въ случаѣ, если бы ко времени обслѣдованія,—гласила она,—какой-нибудь хлѣбъ уже былъ скошенъ, о таковомъ хлѣбѣ должны быть собраны *точныя свѣдѣнія* осмотромъ свезеннаго хлѣба на гумнахъ, а также на основаніи имѣющагося или пробнаго умолота"...

— Осмотримъ, значитъ?—помолчавъ и взвѣсивъ прочитанное, сказалъ мой обслѣдователь.

— Конечно. Сказано ясно.

— Какъ думаешь, урядникъ,—обратился войсковой старшина къ помощнику атамана: сумѣемъ мы осмотромъ опредѣлить, сколько чего есть?

Помощникъ осторожно кашлянулъ и, будучи увѣренъ, что самый пріятный отвѣтъ для начальника есть и самый правильный, сказалъ, нимало не сомнѣваясь:

— Очень слободно, вашескобродіе... Такъ что онъ—весь на виду. Откель ни зайди,—вотъ онъ весь...

— Да намъ не одинъ видъ, намъ цифры нужны...

— Можно и цыфру, вашескобродь... Словомъ сказать, количество совсѣмъ малое хлѣбовъ нынче...

— Ну, такъ сведешь насъ на гумна... Надо бы понятыхъ, но это и послѣ можно... чтобы не отрывать отъ работы народъ.

— Слушаю, вашескобродь.

— А сейчасъ будь свободенъ пока. Вотъ чайку попьемъ, тогда пришлю за тобой.

— Пріятнаго апетиту, вашескобродь,—почтительно сказалъ помощникъ и сдѣлалъ „налѣво кругомъ“.

IV.

Мы распредѣлили между собой роли: войсковой старшина взялъ на себя устное обслѣдованіе, я—долженъ былъ записывать и приводить въ систему добытыя свѣдѣнія.

Черезъ часъ мы вышли за станицу въ сопровожденіи помощника станичнаго атамана, миновали огороды, кладбище, пустую вѣтряную мельницу и свернули съ дороги, усыпанной навозомъ и золой, къ гумнамъ.

По внѣшнему виду станицы почти нельзя было судить о пережитой и снова угрожающей ей нуждѣ, — неурожай посѣщалъ ее уже третій годъ. Домики съ бѣлыми, оштукатуренными глиной стѣнами, крытые желѣзомъ, имѣли щеголеватый, веселый видъ. Новыя постройки всѣ были подъ желѣзной крышей,—старый кровельный матеріалъ—солома—сталъ рѣдокъ и дорогъ. Съ внѣшней стороны деревенскія поселенія нынче стали вообще наряднѣе и ближе къ городскому типу, чѣмъ въ прежнее время. Деревенскій человѣкъ въ нашихъ мѣстахъ, принявшись строиться въ хорошій годъ, увлекается, какъ и въ одеждѣ, тщеславнымъ желаніемъ не отстать отъ людей,—„чѣмъ мы хуже другихъ?..“ И иногда на постройку уходятъ цѣликомъ какія-нибудь стариковскія сбереженія прежнихъ лѣтъ. Расплатой за увлеченіе бываетъ тогда серьезное потрясеніе всего хозяйственнаго бюджета.

— Залѣзъ подъ желѣзо, а самъ въ долгахъ какъ въ орѣпьяхъ,— то и дѣло говорилъ помощникъ атамана, дававшій намъ объясненія о новыхъ домахъ.

И выходило, что за этой щеголеватостью жилищъ, какъ и за модной одеждой, кроется безразсчетность, совершенное забвеніе о черномъ днѣ, отсутствіе сбереженій и безпомощность въ голодную годину. Встарину, говорятъ, деревенскіе люди жили покрѣпче, были предусмотрительнѣе. А, можетъ быть, это и поклепъ на старину: нужды, темноты, безпомощности было и тогда достаточно...

На первомъ гумнѣ, куда мы зашли, гонялъ на току пару тощихъ лошадокъ небольшой казакъ отощалаго вида съ запыленнымъ лицомъ, заросшимъ мѣдно-красной бородой, въ шароварахъ съ красными лампасами, забранныхъ въ спустившіеся шерстяные, пожелтѣвшіе отъ старости, чулки. Шаровары были испещрены заплатами и все-таки сзади сверкала живописная прорѣха.

Казакъ испугано сдернулъ съ головы форменную фуражку, съ замусленнымъ, почернѣвшимъ снизу отъ сала околышемъ, и остановилъ свою пару остроспинныхъ, съ побитыми плечами, лошадокъ,— буланую кобылу и гнѣдого, тонконогаго двухлѣтка,—таскавшихъ молотильный камень по посаду.

— Здорово, братецъ! — тѣмъ ласково-отечественнымъ тономъ, которымъ думаютъ осчастливить подчиненнаго добрые начальники, сказалъ войсковой старшина.

— Здравія желаю, вашескобродіе!—старательно-лихимъ голосомъ отвѣчалъ казакъ.

Два мальчика въ старыхъ, продранныхъ на локтяхъ, розовыхъ рубашкахъ, груди которыхъ были накрахмалены сладкимъ арбузнымъ сокомъ и заватланы пылью, съ граблями въ рукахъ, придвинулись къ намъ. Въ ихъ перепачканныхъ лицахъ, въ живыхъ, лукаво-веселыхъ глазахъ было удивленіе и любопытство. На одномъ штанишки съ лампасами были разорваны по шву снизу и имѣли видъ модныхъ теперь брюкъ фасона *cloche*. Около арбы, въ сторонѣ отъ тока, стояла на колѣняхъ баба, наклонившись надъ люлькой.

Небольшое гумно съ старымъ, похилившимся и почернѣвшимъ прясломъ казалось слишкомъ просторнымъ для наличнаго количества хлѣба. Въ одномъ углу была складена побурѣвшая копна крупнаго, „овечьяго" сѣна—съ татарникомъ и бурьяномъ. Около тока стоялъ начатый приметокъ ржи и рядомъ съ нимъ низенькій прикладокъ пшеницы. Все краснорѣчиво, безъ словъ, говорило, что дѣло плохо.

— Ну что, братецъ, какъ?—ласково и—мнѣ показалось—нѣсколько смущенно началъ войсковой старшина и остановился.

— Ничего, слава Богу, вашескобродіе!—бодрымъ, какимъ полагается по-военному, голосомъ отвѣтилъ казакъ, не надѣвая фуражки.

— Накройся, пожалуйста... Д-да... Это и весь хлѣбъ твой? Все скосилъ?

— Такъ точно, вашескобродіе. Просца еще будетъ съ возокъ... на бахчѣ. Скосилъ все... покосъ не чижолый...

— Мм... да... жаль... Намъ бы вотъ, если бы не кошенъ, удобнѣе... Опредѣлить урожайность... А то вотъ какъ же ее тутъ, на току, опредѣлишь точно?..

— Не могу знать, вашескобродіе... Какъ же ее опредѣлишь, ежели ей нѣтъ?.. Званіе одно, что хлѣбъ, а чего тутъ?.. И сѣмена, и ѣмена—все тутъ...

Казакъ накрылся, т. е. надѣлъ фуражку и отстранилъ рукой мальчугановъ, которые, погромыхивая косами, съ безцеремоннымъ любопытствомъ обозрѣвали насъ. Войсковой старшина досталъ инструкцію и бланкъ, который предстояло заполнить мнѣ, посмотрѣлъ въ нихъ, помычалъ слегка и вздохнулъ.

— Опредѣлить урожайность осмотромъ... А какъ ее тутъ опредѣлишь?—пробормоталъ онъ сердито.

— Не могу знать, вашескобродіе,—сочувственно отозвался на это казакъ.

— Я, братецъ, и самъ не могу знать. Если бы на корню, это такъ! Тамъ скосилъ сажень, сейчасъ обмолотилъ ее, взвѣсилъ, помножилъ и—вся недолга... А тутъ вотъ—на глазъ... Вѣдь, за день ты его не обмолотишь?

— Ды-ть, ваше высокоблагородіе, обмолотить бы ни штука, кабы лошади... А то вотъ извольте видѣть, какія звѣрья! Кобыла стара, а стрыжакъ—чего съ него спросишь?.. Въ Англіи, говорятъ, мыши и то больше ростомъ, чѣмъ мои шкапы,—прибавилъ казакъ, пренебрежительно ткнувъ кнутовищемъ въ своихъ лошадокъ, понуро стоявшихъ въ своей потрепанной сбруѣ.

Въ этомъ упоминаніи о необычайномъ ростѣ англійскихъ мышей чувствовалось глубокое убѣжденіе въ культурномъ превосходствѣ Запада и сознаніе собственной отсталости и убожества. Мы всѣ трое окинули лошадокъ внимательнымъ взглядомъ: „звѣрья“ были заморены и вымотаны до послѣдней степени, буквально—кожа да кости. Войсковой старшина опытнымъ взглядомъ кавалериста осмотрѣлъ двухлѣтка съ подстриженной гривой и сказалъ:

— Д-да... Мыши больше или нѣтъ, а собаки въ Англіи есть навѣрняка больше этихъ шкапъ...

— Собаки-то есть и у насъ агромадныя,—уныло возразилъ казакъ, и въ этомъ возраженіи прозвучала не нота національной гордости, а сожалѣніе, что для собакъ условія процвѣтанія у насъ слишкомъ благопріятны.

Помощникъ атамана почтительнымъ тономъ добавилъ:

— Вотъ сейчасъ у цыгана кобель... не шутейно, вашескобродіе, съ этого стрыжака ростомъ будетъ!

Повидимому, это уклоненіе отъ нашей непосредственной, чисто практической задачи въ сторону академическихъ вопросовъ было предлогомъ, за который не прочь былъ зацѣпиться и войсковой старшина, лишь бы на время оттянуть вдаль предстоящую досадную работу обслѣдованія. Онъ какъ-то особенно охотно вступилъ въ обмѣнъ мыслей о ростѣ и размѣрахъ собакъ, даже—на мой взглядъ—собачьимъ вопросомъ занялся болѣе серьезно, чѣмъ человѣческимъ.

— Бываютъ и больше!—сказалъ онъ:—я въ Петербургѣ на собачьей выставкѣ одного сенбернара видѣлъ... Безъ преувеличенія—лошадь! Не то что вотъ этакая,—офицеръ качнулъ головой на чалую кобылу,—а форменная лошадь, хоть кавалергарду подъ строй!..

— Неужли кобель такой, вашескобродіе? — почтительно изумился казакъ.

— Да. Сенбернаръ называется. Породы такой. Золотую медаль получилъ.

— Кобель?!

— Да.

— За какія же заслуги?

— А вотъ за породу...

— За этотъ самый гвардейскій ростъ?

— За породу. Понимаешь—кровь цѣнится, порода. Даже иной щенокъ получаетъ медаль или похвальный отзывъ.

Недовѣрчиво переглянулись не только казакъ и помощникъ атамана, но даже мальцы, торчавшіе тутъ же. Тотъ, который поменьше, не выдержалъ общаго напряженнаго состоянія и фыркнулъ въ плечо. Помощникъ атамана,—можетъ быть, желая замять это невѣжество,—подавленно вздохнулъ и сказалъ:

— Боже мой! Что дѣлаетъ образованность!.. Въ городѣ всякій щенокъ опредѣленъ къ своему мѣсту, а у насъ какой-нибудь кобель брешетъ-брешетъ и никто объ немъ не понимаетъ...

Войсковой старшина проговорилъ въ раздумьи:

— Д-да!

Помолчали. Словно въ недоумѣніе и грустное раздумье повергла всѣхъ брошенная помощникомъ атамана мысль о странномъ распредѣленіи соціальнаго порядка, при которомъ на одномъ полюсѣ даже всякій щенокъ имѣетъ право разсчитывать на признаніе своихъ заслугъ въ сей еще жизни, а не въ будущей, на другомъ—безнадежная обреченность на непониманіе и заброшенность...

И печально молчала сѣрая степь, обступившая станицу и голые лиловые холмы съ зіяющими сухими оврагами, нѣмое кладбище и тощія гумна. Низкое солнце бросило на нихъ красную позолоту, длинныя тѣни потянули отъ вѣтряковъ и стожковъ, родились новые цвѣта и краски, переплелись въ загадочный узоръ, но и въ этомъ новомъ нарядѣ печаль полей, сожженныхъ и голодныхъ, звучала въ душѣ, какъ дальній похоронный звонъ...

И словно всѣ прислушались: молчали долго и печально...

V.

Но передъ нами все-таки оставалась неотвязная задача—обслѣдованіе неурожая и заполненіе точнѣйшими свѣдѣніями многочисленныхъ рубрикъ...

Я рѣшился первый напомнить объ этомъ всѣмъ и прежде всего своему старому другу, официальному обслѣдователю.

— Да... дѣло дѣлать все-таки надо!—стряхивая раздумье, сказалъ войсковой старшина:—разъ назначены обслѣдовать, будемъ обслѣдовать. Заполняй опись... Ты чей, братецъ? — сухимъ, дѣловымъ тономъ бросилъ онъ казаку.

— Рябоконевъ, вашескобродіе. Сигней Филипповъ Рябоконевъ.

— Число паевъ въ семействѣ?

— Чего изволите?

— Сколько паевъ имѣешь?

— На одномъ паю, вашескобродіе... Какъ кобель на обрывкѣ верчусь... Рабочихъ рукъ—вотъ она пара собственныхъ, только... А ѣдаковъ, вашескобродіе, жена съ дитемъ малымъ да вотъ этихъ варваровъ пара. Одной одежи на нихъ, на сукиныхъ дѣтей, не наготовишься: такъ и горитъ... Ежели не дерутся, то лазіють... не лазіють, такъ джигитують... Словомъ сказать, казачество... Какъ—царство небесное!—Ермакъ Тимоѳеевичъ жилъ, разбой держалъ, такъ и они по той же стежкѣ...

— Постой-постой-постой!—замахалъ рукой войсковой старшина:—ты, братъ, слишкомъ много говоришь... Этого намъ не требуется. Требуется вписать: сколько у тебя душъ, не достигшихъ пяти лѣтъ? сколько свыше пяти?.. Число лицъ, уходящихъ на заработокъ... вотъ что требуется. А варваровъ ты прибереги для себя...

— Куда же отъ нихъ дѣнешься, вашескобродье...

Заполнить рубрики о количествѣ засѣянной земли и о видахъ хлѣбовъ не представило большого затрудненія. Сигней Рябоконевъ толково и подробно разсказалъ, какъ онъ распорядился съ собственными четырьмя съ половиной десятинами и съ тремя, арендованными у дьякона. Но опредѣлить на глазъ количество собраннаго хлѣба было уже много труднѣй. Мы ходили около этихъ тощихъ кучекъ по току, по посаду, вокругъ жалкаго, еще не вѣяннаго вороха, думали, гадали... Войсковой старшина болѣе всего боялся исчислить неурожай преувеличенно,—на этотъ счетъ имѣлись строгія предупрежденія,—я же возражалъ противъ излишняго оптимизма въ глазомѣрѣ. Помощникъ атамана и Сигней, повидимому, относились съ полнымъ безразличіемъ къ нашимъ спорамъ и охотно соглашались съ любымъ предположеніемъ. Если войсковой старшина говорилъ, что мѣръ по восьми съ десятины будетъ, то оба они въ одинъ голосъ отвѣчали:

— А кто-жъ ее знаетъ... Надо бы быть... По восемь надо бы... Все-таки за ней труда было сколько,—обидно, ежели по восемь не будетъ...

А когда я возражалъ, что восемь мѣръ—это десять пудовъ, а едва ли изъ этой кучки можно набрать сорокъ пудовъ совсѣмъ съ мякиной,—обслѣдуемый Сигней Рябоконевъ съ покорной грустью говорилъ:

— Идѣ-жъ тутъ! Тутъ всего—ничего...

— Да, можетъ, у тебя не кошенный гдѣ найдется?—спрашивалъ не разъ въ отчаяніи войсковой старшина.

— Нѣтъ, вашескобродіе, все тутъ.

— Эхъ, братецъ ты мой!.. Вотъ и изволь тутъ опредѣлять.—По

какому методу,—неизвѣстно... Ну, если мы—грѣхъ пополамъ? По семи мѣръ? Какъ? довольно будетъ?..

— Воля ваша, вашескобродье,—покорно отвѣчалъ Сигней.

Расчислили по семи мѣръ, иначе—по девяти пудовъ съ десятины пшеницы. Въ такомъ же приблизительно размѣрѣ опредѣлили урожай и другихъ хлѣбовъ. Вычислили потребность продовольственную и сѣменную. Получился итогъ, испугавшій войскового старшину. Взялись за графы, назначеніе которыхъ клонилось къ выясненію возможности замѣны хлѣба другими продуктами питанія. На первомъ планѣ стоялъ картофель. Въ инструкціи касательно него было особо подчеркнутое указаніе: „Наряду съ обслѣдованіемъ состоянія хлѣбныхъ посѣвовъ должно быть обращено серьезное вниманіе на площадь посѣва картофеля и на предполагаемый урожай его. При исчисленіи недостатка хлѣба предполагаемый сборъ картофеля обязательно слѣдуетъ учитывать“...

— Ну какъ, братецъ, картофель? какую площадь сѣялъ?—спросилъ войсковой старшина, и голосъ его звучалъ той тревожной, шатающейся надеждой, которая овладѣваетъ игрокомъ, извлекающимъ изъ кармана послѣдніе ресурсы.

Сигней не сразу понялъ и сказалъ:

— Такъ точно, картофь садили...

— А какъ, много-ли?

— Да такъ сажня два... на огородѣ. Извѣстно, вашескобродье, для ради своего оправданья. Все-таки—кусокъ... Въ забранномъ краѣ [1]) одной картошкой и дуются... хлѣбъ лишь по праздникамъ. Да оно и у насъ скоро дойдетъ до этой точки...

Опредѣлили опять-таки по вдохновенію количество предполагаемаго сбора картофеля, потомъ „разныхъ фруктовъ“, къ числу которыхъ отнесли огурцы, капусту, калину и арбузы.

— Арбузенки есть... ѣдимъ,—простодушно докладывалъ Рябоконевъ:—ну только прихватило ихъ нонѣ... не сахарные...

А войсковой старшина уже отмѣтилъ ихъ количество—полторы сотни пудовъ. Заполнили графу живого инвентаря: двѣ лошади, корова съ теленкомъ, поросенокъ, восемь куръ.

— Не густо, братъ,—сказалъ офицеръ.

— Чего-жъ подѣлаешь, вашескобродье! И то ужъ нынче на Петровъ день мясцомъ не разговлялись. Никакъ никакой кровинки не пущали... Яичко какое заведется—норовишь продать: на шило—на мыло, все требуется...

— А вотъ тутъ графа: количество рабочаго скота, крайне необходимаго для обработки полей. Какъ мы съ ней будемъ?

— Не могу знать, вашескобродіе.

— Такъ-таки нечего продать?

— Да, можетъ, и все придется крынуть... Вѣдь этого не уга-

---

[1]) Въ Польшѣ.

даешь... Долгу на мнѣ есть сотни полторы, какъ не болѣ... Разъ въ касцыю, второе за ссуду... Опять въ лавку Пихаеву... За поминъ души по родительницѣ попамъ, тоже проходу не даютъ... Стрыжака и продалъ бы, да чего за него дадутъ? Базаръ лишь страмотить...

— А изъ гулевого скота?

— Изъ гулевого?..

Сигней Рябоконевъ вдругъ фыркнулъ въ рукавъ, но тотчасъ же смущенно принялся сморкаться и оправляться.

— Какой у меня гулевой скотъ, вашескобродье! Кромѣ какъ, извините за выраженіе, паръ нѣсколько матерыхъ таракановъ...

— Ну, значитъ, сѣно лишнее должно быть. Сѣно можешь продать?..

— Сѣно я уже отдалъ за долгъ. А этотъ вотъ острамокъ остался,—Рябоконевъ махнулъ кнутовищемъ на копну въ углу гумна,—ну это кому же навяжешь? Для овецъ существуетъ этотъ кормъ, а больше никакая скотина его не тронетъ...

Такъ и остался неуязвимъ Сигней Рябоконевъ съ этой стороны, со стороны „излишковъ", которые можно было бы пустить въ оборотъ и освободить казну отъ излишняго бремени и заботъ кормить Сигнееву семью до новаго урожая. Продать было нечего: все, что можно было избыть безъ коренного потрясенія хозяйства, давно уже было вынесено на рынокъ и прожито. По простодушному и казавшемуся беззаботнымъ тону, по явно выражаемому желанію доставить удовольствіе начальству, видно было, что Сигней готовъ все нутро вывернуть передъ нами. И мы, обслѣдователи, ни минуты не сомнѣвались въ отсутствіи укрывательства. Нутро напичкано одними долгами станичной ссудной кассѣ, войсковой казнѣ, частнымъ лицамъ, духовенству—это сразу было видно. Но, съ другой стороны, необходимо было что-нибудь сдѣлать и съ указаніемъ начальства—обезпечить Сигнея отъ голодной зимы его же собственными потрохами. Инструкція предусматривала, напримѣръ, „замѣну одного хлѣба другимъ". Какъ ни наивна была заботливость, направленная въ эту сторону, войсковой старшина, крякая и морщась отъ досады, говорилъ Сигнею:

— Тутъ вотъ, видишь ли, сказано: „имѣть въ виду возможность пополненія одного рода хлѣба путемъ реализаціи другого, ибо возможно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при плохомъ озимомъ хлѣбѣ яровой можетъ быть хорошимъ и наоборотъ". У тебя какъ? Можетъ быть, изъ озимаго зачерпнуть можно?

Сигней лишь рукой махалъ на это.

— Съ нашимъ бы удовольствіемъ, ежели бы было...

Войсковой старшина извлекъ изъ записной книжки еще какую-то бумажку—спеціальное предписаніе какого-то начальника „пополнить недоборъ хлѣба заработкомъ, лѣнивыхъ и нерадивыхъ пону-

дить къ тому строгими мѣрами". Прочиталъ ее Сигнею и многозначительно спросилъ:

— Понялъ?

— Такъ точно, вашескобродіе,—спокойно, почти апатично отвѣчалъ Сигней.

— Такъ вотъ... надо постараться, братецъ... Нѣтъ излишковъ— поискать работу. Заработкомъ пополнить...

— Слушаю, вашескобродіе...

Помолчали. Надвигался вечеръ. Выросли тѣни, слились. Ниже стало небо, шире и печальнѣй степь. Бѣлымъ куревомъ закурилась дорога,—стада возвращались съ попаса. Жалобно мычали телята, звенѣли зовущіе ихъ женскіе голоса, громыхалъ гдѣ-то бубенчикъ. И тонкую, протяжную и мечтательную пѣсню завели уже цикады и медвѣдки...

— Вашескобродіе,—откашлявшись, робко заговорилъ Сигней Рябоконевъ, подвигаясь къ войсковому старшинѣ:—позвольте васъ спросить, правда, нѣтъ ли,—гуторятъ тутъ у насъ...

Сигней запнулся на одно мгновеніе. И, понизивъ голосъ до таинственности, продолжалъ:

— Будто мериканскій царь прислалъ въ Рассею письмо... Желаетъ у себя казаковъ завесть... Слыхалъ я,—говоритъ,—этотъ самый предметъ: русскій царь не кормитъ своихъ казаковъ. Пущай ѣдутъ въ Америкъ, у меня голодными не будутъ...

Войсковой старшина нѣсколько мгновеній глядѣлъ на Сигнея въ бокъ съ сердитымъ изумленіемъ, словно замѣтилъ вдругъ какое-то непростительное уклоненіе отъ правилъ стойки или обмундированія. Потомъ поглядѣлъ на меня молча и вопросительно. Сердитое выраженіе сбѣжало, глаза налились смѣхомъ. Прыснулъ. Но тотчасъ же остановился и, нахмурившись, закричалъ на Сигнея:

— И чортъ ихъ знаетъ, какую ерунду собираютъ! Откуда это ты?

Рябоконевъ, уже понявшій, что далъ промахъ и разсердилъ начальника, смущенно и виновато пожалъ плечами:

— Болтаютъ тутъ, вашескобродіе... Больше бабьи брехни...

— Плюнь ты въ глаза этимъ смутьянамъ! Твоя родина вотъ!..— войсковой старшина широкимъ жестомъ указалъ на голую степь:— степь привольная Дона Тихаго!..—съ театральнымъп аѳосомъ проскандировалъ онъ.

— Самой нашъ корень...—уныло поддакнулъ Рябоконевъ.

— И нигдѣ ты лучше мѣста не найдешь... нигдѣ въ свѣтѣ!..

— Такъ точно, вашескобродіе...

VI.

Послѣ Сигнея Рябоконева мы такимъ же порядкомъ обслѣдовали еще три гумна, пока не стало темно и еще болѣе гадательно

дѣйствовать на глазомѣръ. Помощникъ атамана незамѣтно ушелъ куда-то, потомъ опять вернулся и, выждавъ благопріятный моментъ, когда мы и сами стали уже чувствовать необходимость въ отдыхѣ, съ почтительной таинственностью доложилъ войсковому старшинѣ:

— Вашескобродіе, тамъ я велѣлъ курочку зарѣзать... Пожалуйте... похлебочки горячей... А это самое дѣло, опись мы и въ правленіи могемъ...

— Съ потолка?—возразилъ войсковой старшина, не сразу сдаваясь.

— Никакъ нѣтъ. По спискамъ. У насъ же зимой на ссуду записывались. И нынче тымъ же порядкомъ, не иначе... Посемейные списки есть. У кого что родилось, намъ извѣстно... То самое, что на гумнѣ, и тамъ я вамъ скажу по памяти... А то вызовемъ самихъ хозяевъ...

Это предложеніе было настолько резонно, а главное, удобно, что возражать противъ него не было никакой охоты. Мы сдались.

За ужиномъ,—очень вкуснымъ, кстати сказать,—которымъ попотчевалъ насъ помощникъ атамана,—мы убѣдились, что этотъ же пріятный человѣкъ хранитъ въ себѣ одномъ рѣшительно весь тотъ багажъ точныхъ свѣдѣній, которыя требовала инструкція отъ обслѣдованія. Разставляя на жестяномъ, разрисованномъ цвѣтами подносѣ толстыя, на короткихъ ножкахъ, рюмки, онъ говорилъ не спѣша и вразумительно:

— Взять сейчасъ жита... Жита съ весны взялись добрыя. Въ концѣ мая хватилъ жаръ, поварило. Мѣръ по пятнадцать съ десятины взяли... Пшеницы ранніе отъ зажигу, точно, ушли, но росту не было имъ. Иной колосокъ и изъ трубки не показался. А гдѣ колосокъ вышелъ, тамъ зерно, какъ горохъ. Да мало его... Поздніе пшеницы съ дожжа пошли было, радовали... Ну, округъ Казанской опять жара, вѣтеръ, мгла... Высушило на прахъ! И по пяти мѣръ не возьмутъ,—пустая...

Войсковой старшина все интересовался „излишками". Огромный продовольственный долгъ, уже лежавшій на населеніи, пугалъ начальство, и оно требовало изысканія источниковъ для сокращенія ссуды до послѣднихъ предѣловъ.

— Ты бы намъ разыскалъ предметы подсобнаго хозяйства,—говорилъ дружескимъ тономъ мой обслѣдователь:—вотъ былъ бы молодецъ!.. Кормить-то васъ казнѣ, вѣдь, ужъ надоѣло!..

— Да насъ и не укормишь, вашескобродіе... Съ роду не наѣдимся!..

— То-то... Вотъ было бы хорошо какой-нибудь подсобный источникъ... Ну, что, напримѣръ, у васъ можно бы продать?..

— Да мало ли, вашескобродіе... Самовары теперь въ кажнемъ дворѣ... а на что ихъ?

— Нѣтъ, изъ продуктовъ... Изъ птицы бы, напримѣръ...

— Яйца продаютъ. Яйца сейчасъ даже въ хорошей цѣнѣ: двугривенный десятокъ. Всѣ въ продажу поступаютъ. Въ старину, бывало, сами лупили, а нынче въ лавочку... Старинные люди по ведру яицъ, бывало, съѣдали, а нынче ужъ не разъѣшься...

— Ну, по ведру не съѣдятъ,—скептически замѣтилъ войсковой старшина.

— Слопаютъ, вашескобродіе! У насъ былъ дьячокъ Иванъ Матвѣичъ,—онъ подъ заспоръ семьдесятъ яицъ слопалъ, полость новую выспорилъ... За ваше здоровье, вашескобродіе...

На другой день, подъ руководствомъ помощника атамана, мы произвели самое точное обслѣдованіе неурожайности въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ-пяти часовъ, заполнили цифрами всѣ графы и рубрики, написали отчетъ даже о настроеніи населенія—настроеніе нашли добрымъ и исполненнымъ надеждъ,—и затѣмъ двинулись дальше, по волостямъ...

II. На Волгѣ.

Нѣкоторое время меня мучила таки совѣсть за кавалерійскій способъ нашего обслѣдованія. Въ душѣ-то я не сомнѣвался, что цифры, которыми мы заполнили утвержденнаго образца опись изслѣдованія неурожайнаго района, взятыя нами, если не съ потолка, то изъ всевѣдущей головы помощника станичнаго атамана,—все-таки близки въ дѣйствительности. Но, тѣмъ не менѣе, онѣ—продуктъ вѣры, мы же выдали ихъ чуть ли не за результатъ научнаго изслѣдованія. Нехорошо.

Но когда, недѣли черезъ двѣ-три послѣ этого мнѣ пришлось ѣхать по такимъ же, если не болѣе, голоднымъ мѣстамъ, какъ обслѣдованныя войсковымъ старшиной Васильевымъ 4-мъ и мною, когда случай доставилъ мнѣ удовольствіе быть свидѣтелемъ другого обслѣдованія—голодный районъ объѣзжали нѣкій спеціально командированный изъ Петербурга тайный совѣтникъ и губернаторъ,—я успокоился: тріумфальный перелетъ тайнаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтниковъ, окруженныхъ почетнымъ конвоемъ полиціи, для выясненія размѣровъ будущаго голода далъ свѣдѣнія несравненно болѣе легковѣсныя, чѣмъ тѣ, которыя были продиктованы намъ помощникомъ станичнаго атамана. Генералы поступали еще проще, чѣмъ мы: брали готовыя цифры земскаго обслѣдованія, измѣняли ихъ соотвѣтственно высшимъ соображеніямъ о способностяхъ мужичка изворачиваться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и довольствоваться малыми раціонами, затѣмъ устремлялись дальше. Не говоря уже о томъ, что командированіе льготнаго офицера, при прогонахъ на пару лошадей и двухъ рубляхъ суточныхъ, стоило несравненно дешевле, чѣмъ прогулка тайнаго совѣт-

ника изъ Петербурга,—оно было несомнѣнно плодотворнѣе и въ смыслѣ ознакомленія съ настроеніемъ закаленныхъ въ недоѣданіи людей, что, повидимому, входило въ программу и тайнаго совѣтника.

Меня, случайнаго наблюдателя, это настроеніе интересовало больше, чѣмъ цифры. И въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно было доступно поверхностному наблюденію посторонняго человѣка, оно представлялось такимъ обыденно-спокойнымъ и равнодушнымъ, что для оптимизма тайныхъ совѣтниковъ не было недостатка въ основательности: молчатъ, значитъ—благоденствуютъ...

Была вторая половина августа. Но признать, что это былъ августъ, а не зябкая осень, можно было лишь, когда мелькнетъ гдѣ-нибудь въ голой степи единственнымъ живымъ оазисомъ бахча съ разсыпанными по ней зелеными и бѣлыми ядрами—арбузами и тыквами, съ метелками еще не высохшей кукурузы и зелеными рядами турецкаго проса. Возлѣ нея шалашъ бахчевника и тесовая будка на колесахъ, а за ней на высохшемъ жнивьѣ двѣ-три тощихъ коровы. Бахча убѣгаетъ изъ глазъ, будка все еще тянется и заглядываетъ въ окно вагона. На горизонтѣ она выростаетъ на одно мгновеніе въ цѣлый домъ и затѣмъ ныряетъ за край земли... Остается лишь низкое сѣрое небо и плоская сѣрая равнина...

Ни деревца, ни кустика: голая степь, печальная, нѣмая, какъ трупъ. Порой объ дорогу тянется рѣдкій досчатый заборъ—загражденіе отъ снѣжныхъ заносовъ. Порой промелькнутъ кучки деревянныхъ щитовъ. И опять сѣрая, сухая пустыня подъ низкимъ небомъ. Рѣдкими пучками сидитъ на сухой, буланой глинѣ объѣденный сѣрый полынокъ, торчатъ черные стебли бурьяна-чернобыла. Пробѣжитъ сухая балка съ желтыми глинистыми берегами, и въ ней тощее стадо понурыхъ коровъ, пять-шесть овечекъ, а дальше—снова степь, сѣрое небо, сѣрыя дали, вѣтеръ и сѣрое курево пыли.

Широко, отъ края до края земли, легло здѣсь уныніе и тоска полнаго оскудѣнія...

Пріѣхали къ Волгѣ. Съ удовольствіемъ оставляю вагонъ и, не взирая на посыпавшій дождикъ, переѣзжаю на пароходъ. Не очень весело и тутъ. Сѣрая зыбь рябитъ Волгу. Низко виситъ сѣрое небо. Моросить дождь. Съ лугового берега хмуро и зябко глядятъ мокрыя, потемнѣвшія, нахохлившіяся вербы, мутно отсвѣчиваетъ песчаная коса, тяжелыми глыбами лежатъ около нея баржи и черными длинными иглами впиваются въ свинцовое небо ихъ мачты. Надъ землей проносится первое дыханіе недалекой уже осени, но еще не пугаетъ легкая свѣжесть, воздухъ чутокъ и звонокъ, улеглась пыль, все лѣто висѣвшая надъ городомъ, и истомленная долгой жаждой земля рада этимъ скупымъ слезамъ низкихъ, осеннихъ облаковъ, закутавшихъ солнце...

Заревѣлъ свистокъ, оглушилъ и испугалъ своею неожиданностью. Густой звукъ покатился внизъ по Волгѣ. Тамъ, за мысомъ, ото-

звался ему такой же широкій и могучій, но болѣе мягкій ревъ: у-у... ту-ту-ту-у-у... Перебросился на луговую сторону и пропалъ за потускнѣвшею зеленью вербъ и тополей.

Пароходъ отгудѣлъ и по-прежнему продолжалъ стоять. Внутри его что-то шипѣло, клокотало, гулко бурлило и глухо гудѣло долгимъ, недовольнымъ, угрюмо жалующимся звукомъ. Суетились люди на пристани, спѣшили, толкались узлами, мѣшками, сундуками, кричали, плакали, прощаясь. Висѣла крѣпкая ругань, ни къ кому не адресованная, просто—на воздухъ...

Пьяными слезами плакалъ мужичокъ безъ картуза, въ жилеткѣ, въ рубахѣ цвѣта „бордо" и въ рваныхъ опоркахъ. Съ кѣмъ-то онъ прощался,—съ палубы мнѣ не было видно,—вѣроятно, дорогого и близкаго человѣка провожалъ: красноносое, нездоровое лицо его, носившее слѣды хроническаго запоя, морщили и перекашивали гримасы горькой горечи. Онъ утиралъ кулакомъ слезы, а стоявшій рядомъ съ нимъ малый въ ватномъ пиджакѣ и въ сапогахъ гармоникой утѣшалъ его ослабшимъ, спотыкающимся, любовно-негодующимъ голосомъ:

— Вась!.. бу-дя!.. Кому говорю?. У-у...... Ради Бога, не дерзай ты свово сердца! Вась!..

И каждое слово приправлялъ протяжной, звучной матершиной. Человѣкъ въ матросской формѣ, съ свѣтлыми пуговицами, проходя мимо, оттолкнулъ малаго въ сторону и грозно предупреждающимъ голосомъ проговорилъ:

— А вы тутъ не выражайтесь!..

Малый затанцовалъ назадъ, зацѣпился и увлекъ съ собой плачущаго друга, стукнулся объ уголъ конторы. Оправился и, поднимая свалившійся съ головы картузъ, сказалъ протестующимъ голосомъ въ спину человѣка въ матросской формѣ:

— А ты будь повѣжливѣй! Не выставляй себя губернаторомъ...

— Поговори у меня тутъ!—не оборачиваясь, отвѣчалъ матросъ.

— А что же, молчать буду,—думаешь,—такой сволочи?.. Ну отсижу за тебя три дня... только и всего! Хозяйскіе харчи...

Стала отодвигаться пристань,—пошелъ пароходъ. Замахали платками, шляпами, картузами. Человѣкъ въ жилетѣ и малиновой рубахѣ утиралъ кулаками глаза и кивалъ головой. Малаго въ пиджакѣ выпирали съ пристани матросы. Онъ упирался ногами, отбивался и, втянувъ шею, что-то кричалъ,—мнѣ казалось, тѣ самыя хвастающія равнодушіемъ и неуязвимостью со стороны кутузки слова:

— Ну, что-жъ... Отсижу три дня... Хозяйскіе харчи...

Рядомъ съ горечью и озлобленіемъ отчаянія въ нихъ звучало гордое сознаніе закаленности и малой уязвимости вслѣдствіе долговременной привычки къ толчкамъ судьбы. Нѣтъ на свѣтѣ такого сквернаго состоянія, которое могло бы устрашить лишеніями и безъ

того всячески огорченную душу и удрученное долготерпѣніемъ тѣло.

Это равнодушіе привычки къ бѣдствіямъ чувствовалось мнѣ потомъ и всюду, среди тѣхъ скудныхъ, унылыхъ, отощалыхъ мѣстъ, по которымъ я проѣхалъ,—Астраханская и южные уѣзды Саратовской и Самарской губерній,—въ третій разъ пораженныхъ неурожаемъ. Казалось бы, тутъ-то и мѣсто, если не трагическимъ воплямъ, то неутѣшной печали и тяжкому воздыханію, ропоту, слезамъ. Но не видно было ни слезъ, ни удрученныхъ лицъ, не слышно воплей, рыданій, ропота. Обыкновенно сѣрыя, смирныя, то—правда—поношенныя, заплатанныя, а то и достаточно чисто одѣтыя мужицкія фигуры, словоохотливыя, спокойныя, какъ будто даже довольныя сознаніемъ яснаго, безнадежнаго итога:

— Народъ окончательно подбился... На дворѣ ни скота, ни живота... Въ избѣ—ни куска...

Мой собесѣдникъ—сѣдой мужикъ степеннаго, разсудительнаго вида, съ широкой темно-сѣрой бородой, въ короткой сермяжной поддевкѣ и тяжелыхъ сапогахъ, смахивающій на „крѣпкаго“ мужичка,—говоритъ это спокойно, почти безмятежно и задумчиво смотритъ на вывѣтренные, отвѣсные мѣловые обрывы, закутанные сѣрой сѣткой дождя.

Трагедія несомнѣнная, но она ушла куда-то внутрь, спряталась отъ посторонняго взора, какъ древоточецъ за старой, почернѣлой, изборожденной корой и, какъ онъ, тихо, безустанно и неуклонно точитъ самыя жизненныя части хирѣющаго народнаго организма. Листья дерева все еще какъ будто зелены, по вѣтвямъ съ беззаботнымъ свистомъ попрыгиваютъ птицы, а подыми черную, изъязвленную кору, и—картина разрушенія предстанетъ во всемъ неудержимомъ развитіи...

Ѣдемъ мы на „купцѣ“. Хорошій пароходъ, но все-таки не дойдетъ до роскошныхъ пассажирскихъ пароходовъ, курсирующихъ по Волгѣ. Останавливаемся на всѣхъ пристаняхъ, стоимъ подолгу. Поэтому публика ѣдетъ по преимуществу сѣрая, дѣловая и въ силу этой самой дѣловитости, уплативъ по тарифу третьяго или даже четвертаго класса, норовящая использовать второй. Это, впрочемъ, никого не стѣсняетъ. Праздныхъ пассажировъ—второклассныхъ—немного: кромѣ меня, подвыпившій и очень общительный чиновникъ, служащій по землеустройству, молчаливый педагогъ чахоточнаго вида и молодой человѣкъ съ вдавленнымъ носомъ, потерявшій мѣсто по акцизу.

Всѣ остальные, временами показывающіеся на верхней палубѣ русскіе картузы, пиджаки, высокіе сапоги,—все люди торговой или мелко-должностной складки, другъ друга коротко знающіе, разговаривающіе отрывисто, броскомъ, дѣловито, съ полуслова понимающіе другъ друга.

Моросить мелкій дождикъ. Плещутъ желтыя волны, порой пе-

реплетаются черными лентами какой-то жидкости, похожей на деготь,—можетъ быть, нефти,—проходитъ мимо въ молочной водянистой пеленѣ высокій правый берегъ,—голые степные курганы, размытые яры, обрывистые овраги, сѣрые камни, сорвавшіеся сверху и сгрудившіеся у воды, черныя, бѣлыя, сѣрыя, желтыя борозды, словно слѣды обильныхъ слезъ... Чернѣютъ вдали силуэты парусныхъ лодокъ, пароходовъ, плотовъ. Изъ-за коричневаго выступа выглядываютъ зеленыя главки церковки. Подходимъ ближе—село. Въ дождевой дымкѣ сѣры его домики, темны и неподвижны раскрылившіеся, намокшіе вѣтрячки на рыжемъ, выжженномъ фонѣ. Подъ сѣрымъ, съ темными пятнами, низкимъ небомъ уныло все это—село безъ зелени, безъ садиковъ, рыжая гора, глинистые скаты, черные, застывшіе вѣтряки...

— Что это за селеніе будетъ, г. губернаторъ?

Урядникъ съ красными эксельбантами, къ которому въ этой нѣсколько иронической формѣ—вѣроятно, по праву короткаго знакомства—обращается нѣкто въ нѣмецкомъ картузѣ и въ сапогахъ бутылками,—смотритъ долгимъ, соображающимъ взглядомъ на коричневый гребень и на церковь съ зелеными главками.

— Невѣроятно, чтобы это была Балаклея,—говоритъ онъ сомнѣвающимся тономъ:—такъ что рано... А можетъ, и она...

— Часа на два стоянки?

— Обязательно! Четыреста кулей выгрузки. Способіе на обсѣмененіе. Ржица...

Урядникъ правъ въ своихъ сомнѣніяхъ: село оказалось не Балаклеей. Проходимъ мимо. Молча сидитъ и смотритъ эта компанія дѣловыхъ людей—съ урядникомъ ихъ человѣкъ десять—на разсыпанные по скату домики съ тесовыми и желѣзными крышами, на голый выгонъ за селомъ и качающіеся у берега баркасы,—видъ, знакомый имъ коротко, до малѣйшихъ подробностей.

— Очень плохъ урожай здѣсь?—спрашиваю я урядника.

— Можно сказать, совсѣмъ тихій. Тутъ, на низу, по пристанямъ нигдѣ ни мѣшка нѣтъ. Пуда нѣтъ!.. Фунта не продадутъ! — прибавилъ онъ, какъ бы упиваясь безнадежной ясностью положенія.

— Да... дожили, что ножки съежили, — мрачно бросаетъ одинъ изъ русскихъ картузовъ, вертя папиросу.

— Дожили,—соглашается урядникъ.—Бывало всѣ эти села какъ гремѣли! А сейчасъ на каждомъ домѣ только и видишь: *сей домъ продается...*

Очевидно, для всѣхъ сидящихъ на палубѣ пиджаковъ и картузовъ все то, о чемъ говоритъ урядникъ, извѣстно до послѣдней черты,—поэтому ни у кого нѣтъ охоты поддерживать разговоръ на эту тему. Но уряднику хочется выложить весь запасъ своихъ наблюденій и выводовъ.

— Полуховъ вамъ извѣстенъ? — обращается онъ къ господину въ нѣмецкомъ картузѣ.

— Яковъ Нефедичъ?

— Да.

— Пожалуйста!.. Какъ свой пальчикъ, знаю его.

— Пролетѣлъ!..—радостно говоритъ урядникъ: — просвистался весь, окончательно...

— Порядочныя дѣла дѣлалъ... кредитъ имѣлъ...

— А теперь, какъ говорится: семь коровъ, любую подой, а на столѣ чашка съ водой...

— Да,—послѣ длинной паузы, въ раздумьи говоритъ нѣмецкій картузъ:—мужичокъ отощалъ и—купцу матъ...

— О мужикахъ говорить не остается! — довольнымъ голосомъ подхватываетъ урядникъ:—вотъ ежели способіе къ сѣву запоздало бы—и земля осталась бы незасѣянной. Правда, что и сейчасъ ее работать не на чемъ...

— У насъ въ Чистополѣ такой предметъ былъ съ этимъ самымъ способіемъ,—говоритъ новый картузъ:—какъ только выдадутъ способіе, такъ на базарѣ хлѣбъ...

Урядникъ радостно подхватываетъ и это:

— Сдѣлайте ваше одолженіе — и здѣсь этого сколько угодно. Половинная часть не довезетъ до дома: по дорогѣ распродаетъ и рѣшку дадутъ...

— Это сверхъестественно... Зачѣмъ такимъ даютъ?

Вопросъ долго остается безъ отвѣта. Ни возражать, ни соглашаться у собесѣдниковъ, очевидно, нѣтъ охоты. Картузъ говоритъ съ горькимъ презрѣніемъ:

— Заблудящій народъ!..

— Звѣрь кавказскій!..—прибавляетъ сочувственно урядникъ.

Къ вечеру подходимъ къ Балаклеѣ. Дождь пересталъ. Прояснилось небо, засеребрилось по-вечернему. Широкимъ зеркаломъ протянулась успокоенная Волга,—лишь кое-гдѣ, маленькими косицами, шевелится серебристая зыбь. Пароходъ уменьшаетъ ходъ, сдерживаетъ свое гулкое пыхтѣніе, прислушивается. Плещетъ, шепчетъ валъ, разрѣзаемый носомъ, длинными жгутами расходится врозь позади кормы. Вдали синяя гора, а надъ ней, склоняясь къ горизонту, синяя тучка и бѣлое вечернее небо. Вблизи—невысокіе, покатые песчаные холмы, къ которымъ мы пристаемъ. Села не видно за ними.

Пароходъ причаливаетъ не къ самой пристани, а къ баржѣ съ хлѣбомъ, на которой уже идетъ оживленная работа по выгрузкѣ, взвѣшиванію и распредѣленію ссудной ржи. Въ первыхъ сумеркахъ вечера не ярко, но все еще пестро и причудливо переплетаются цвѣта мужичьихъ рубахъ — лиловыхъ, бѣлыхъ, малиновыхъ, голубыхъ, пестрыхъ. И кажется веселою и бодрою суета около этого *чужого* хлѣба, новымъ бременемъ сѣдлающаго мужицкія спины. Толчется говоръ, выплескиваютъ крики. Чувалы навалены высокими ѳортами. А изъ огромной внутренности баржи безостановочной

лентой выползаютъ на мужицкихъ спинахъ все новые и новые мѣшки.

Люди съ мѣшками на спинахъ вереницей подходятъ къ вѣсамъ, съ размаху спускаютъ свою ношу въ желѣзную четверть, выдергиваютъ порожній мѣшокъ. Вѣсовщикъ съ ковшомъ въ рукѣ быстро, однимъ-двумя взмахами своего ковша, приводитъ коромысло въ равновѣсіе, сразу зачерпнувъ, сколько надо, чтобы отсыпать или досыпать, небрежно выбрасываетъ остатки зерна въ стоящую возлѣ кадку—и съ сухимъ шелестомъ рожь снова ссыпается въ мѣшокъ.

На берегу — сотня пустыхъ и нагруженныхъ телѣгъ. Быки, верблюды, лошади... Пятна соломы и сѣна на пескѣ. Крики, понуканіе... Тяжело нагруженные воза съ трудомъ выползаютъ на изволокъ. Копошатся, кричатъ, бѣгаютъ люди... Сплетаются и расплетаются цвѣта рубахъ, пиджаковъ, поддевокъ, картузовъ и фуражекъ съ желтыми околышами, — тутъ много астраханскихъ казаковъ. Среди высокихъ баррикадъ изъ мѣшковъ, въ узкихъ проходахъ, бѣгаютъ, гоняясь другъ за другомъ, бѣлоголовые ребята, барахтаются, визжатъ, хохочутъ... И, если забыть на минутку, около чего совершаются эта суета и оживленіе, то весь этотъ шумный, кипящій работой станъ, оживленный радостью общественнаго, артельнаго труда, можетъ поднять духъ, возвеселить сердце своей бодрой, подмывающей музыкой дружнаго труда...

Матросы съ нашего парохода бѣгомъ, на рысяхъ, выносятъ и складываютъ на берегу новыя горы мѣшковъ.

— Живо—живо—живо—живо!—весело покрикиваетъ какое-то начальствующее пароходное лицо.

Но нѣтъ надобности въ этомъ понуканіи. Налаженный ритмъ работы таковъ, что некогда зѣвать, надо, не отставая отъ впереди идущаго, рысить по жидкимъ, колеблющимся сходнямъ. И потные, разстегнутые, въ грубыхъ холщевыхъ курткахъ, они какъ будто неуклюже, но легко рысятъ съ пятипудовою тяжестью по сходнямъ на баржу вверхъ, съ баржи—внизъ, на берегъ.

— Веселѣй!—звучитъ шутливо-грозный, поощряющій крикъ.

— Ну-ну-ну!.. упрѣли!..

Красныя, взмокшія лица напряженно серьезны. Полуоткрытые рты застыли въ странной гримасѣ усилія, похожей на улыбку. Мѣшокъ, подхваченный четырьмя руками, мягко падаетъ на покорно подставленную спину. Вздрагиваетъ голова отъ толчка, а ноги въ однихъ чулкахъ или босыя уже изогнулись, готовыя зашлепать по упругимъ сходнямъ.

— Играй, ребята, играй-играй!

— Играемъ!—бросаетъ на ходу стриженный, бѣлобрысый матросъ, сверкая голымъ тѣломъ, виднымъ въ огромную, разорванную прорѣху холщевой куртки.

— Танцуй-танцуй! Живѣя!

— Ротъ не разѣвай, мѣшокъ не забывай!..

И все бѣгутъ они рысью, двумя непрерывающимися параллельными потоками, навстрѣчу одинъ другому, но нигдѣ не сталкиваясь. Кипитъ работа. Весело толкутся голоса въ чуткомъ вечернемъ воздухѣ.

Въ молочной пеленѣ притаились, задумались дали, словно тонкая, легчайшая пыль поднялась и застыла въ воздухѣ. Потемнѣли на фонѣ умирающей зари отлогіе песчаные холмы, провожающіе правый берегъ. Понурыя лошадки словно прислушались къ ровному шелесту Волги, перестали жевать солому, брошенную на дно телѣгъ. Зажглись огоньки по рѣкѣ, среди зелено-сѣрой, съ стальнымъ отливомъ зыби, и на берегу между оглоблей и колесъ. И въ широкомъ, безбрежномъ молчаніи рѣки и темнѣющаго берега легкой тѣнью прошла вечерняя печаль...

— Совсѣмъ подбился народъ...—медленно, въ тихомъ раздумьѣ глядя на суету выгрузки, говоритъ старикъ въ короткой сермягѣ.

— Подбился,—поддакиваетъ черный астраханскій казакъ въ тужуркѣ цвѣта хаки и въ шароварахъ съ желтыми лампасами:—теперь, ежели на весну сѣмянъ не дадутъ, то и земля останется безъ послѣдствія...

— У васъ нынче давали?

— А какъ же! Весной въ ярахъ тонули, ѣздили получать. У насъ—войсковое...

— А мы вотъ имперскіе какіе-то... Возили-возили, ажъ животъ заболѣлъ...

Зажглись огни на пароходѣ. Свѣтло и нарядно стало даже внизу, у трюма, откуда непрерывающейся вереницей выбѣгали съ мѣшками матросы. Потемнѣлъ берегъ съ телѣгами, лошадьми, верблюдами и копошащимися людьми. Шире и таинственнѣе стало зыбкое зеркало Волги.

— Крестьянинъ до того выбился, что не знай, какъ и жить...—помолчавъ, снова роняетъ въ раздумьѣ старикъ въ сермяжной поддевкѣ.

— Не одни крестьяне... И казаки тоже...—говоритъ астраханецъ:—словомъ сказать—всѣ подъ одинъ итогъ!..

— Ничего своего нѣтъ, все въ долгу... Земству—разъ, въ ко́зну—два... своимъ... богатымъ мужикамъ—три... Да банки эти еще пошли...

— Банки—бѣда!.. Строгая вещь...

— Какъ не бѣда,—ничего своего не остается... Возьмешь,—подойдетъ время: отдай,—нечѣмъ отдать! Послѣднюю животину продашь да взнесешь...

Горятъ огни на пароходѣ, сіяютъ и манятъ своимъ блескомъ зеркальныя стекла залъ, и съ берега, усѣяннаго объѣдками и пометомъ, съ тѣсной и темной пристани, заваленной грязными чувалами, этотъ нарядный пловучій бѣлый домъ кажется пріютомъ необычайной красоты и роскоши. Онъ неотразимо манитъ къ себѣ,

къ своимъ сверкающимъ огнями заламъ толпящуюся на пристани молодежь—дѣвчатъ, деревенскихъ парней, подростковъ. Проворными, пугливыми маленькими стайками они незамѣтно пробираются наверхъ, заглядываютъ въ окна, ахаютъ, шушукаются... Слышится смѣхъ дѣвичій, порой пугливый топотъ по лѣстницѣ десятка проворныхъ ногъ...

Чиновникъ-землеустроитель и его собутыльникъ съ вдавленнымъ носомъ производятъ рекогносцировку. Опытнымъ глазомъ они намѣтили группу дѣвицъ, одѣтыхъ по городскому—въ платьяхъ съ короткими рукавами, обшитыми кружевомъ. Вступили въ переговоры. И слышится бойкая, острая, двусмысленная рѣчь съ веселыми намеками и смѣхомъ.

— Дѣвчаты, сѣмячки не продаете?

— Не торгуемъ...

— А орѣховъ не покупаете?..

— Объ нихъ зубы поломаешь...

И всѣмъ весело — смѣются даже пробѣгающіе мимо усталые, взмокшіе матросы. Какъ будто спряталась, ушла въ даль трагедія оскудѣнія, нищеты, голода, ничего нѣтъ пугающаго, удручающаго уныніемъ и сознаніемъ непоправимости.

— У насъ, проще сказать, на *нѣтъ* сошло яровое...

— Арбузами будемъ пока дуться...

— Арбузенки есть, а хлѣба ничего нѣтъ... Проса еще мѣстами, говорятъ, вышли, а пошаницы ничего нѣтъ... Арбузы — вѣрно... арбузы у насъ случаются...

— Съ скотиной вотъ плохо: кормовъ—никакъ... А арбузы есть. Если продашь за полусотку,—и ее взять негдѣ... Податя оправдать можно...

— Мы все оправдывали, а вотъ... урожаи рѣдки стали, подбились совсѣмъ...

Смѣхъ дѣвичій перебѣгаетъ по верхней палубѣ, веселый топотъ легкихъ ногъ перекатывается по лѣстницамъ. Съ ликующимъ видомъ промчался мимо меня землеустроитель. Потомъ вернулся и на ухо шепнулъ, весь сіяющій, дыша ароматомъ пива:

— Дѣвочку одну приспособилъ... Казачка... Въ каютѣ у меня сейчасъ,—хотите взглянуть? Шикъ!..

И помчался дальше. Стоявшій со мной рядомъ астраханецъ проводилъ его долгимъ, почтительнымъ взглядомъ. Было, очевидно, что-то для него особенно обаятельное въ двухъ кокардахъ и свѣтлыхъ пуговицахъ этого молодого, жизнерадостнаго господина...

На баржѣ закончили работу по раздачѣ, запечатали люки. Матросы нашего парохода все еще продолжали рысить съ мѣшками. Чуть алѣла заря въ зеленоватомъ небѣ и четкой изломанной линіей очерчены были на ней черные холмы. Огоньки зажглись на берегу, между телѣгами, и живыми язычками дрожало ихъ красно-

ватое пламя. Скрипѣли возы, не видимые въ сгустившихся сумеркахъ, переплетался говоръ, издали мягкій, оживленный, веселый, слышались понуканія, свистъ...

Кончилась выгрузка. Далъ свистокъ пароходъ. Съ тревожнымъ, веселымъ визгомъ и смѣхомъ пробѣжали по сходнямъ съ парохода ребятишки, дѣвчата. Отодвинулась баржа и темный берегъ съ дрожащими огоньками и скрипомъ возовъ. Опять—водная гладь и зелено-черная зыбь на ней и свѣжій ночной вѣтерокъ. Плещетъ потрепанный національный флагъ на носу. По палубѣ проходятъ подъ руку землеустроитель и молодой человѣкъ съ вдавленнымъ носомъ.

— Я люблю бабочку, чтобы она была а-ля-натюрель!—прочувствованнымъ тономъ говоритъ землеустроитель:—раздѣть ее этакъ... по-арцыбашевски...

Уходитъ темный берегъ. Монотоннымъ, равнодушнымъ, безстрастнымъ шелестомъ встрѣчаетъ и провожаетъ насъ темная Волга...

Ѳ. Крюковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кризисъ бельгійскаго либерализма.

20-го мая т. г. въ Бельгіи происходили выборы въ палату депутатовъ и сенатъ. Они имѣли ту особенность, что слѣдовали за роспускомъ, что въ этой странѣ наблюдается довольно рѣдко, и были поэтому общими, а не половинными, какъ должно было бы быть. Затѣмъ на этотъ разъ и число подлежавшихъ избранію депутатовъ и сенаторовъ было больше прежняго, такъ какъ предыдущими палатами, незадолго до ихъ роспуска, былъ проведенъ законъ, увеличившій число депутатовъ на 20—съ 166 до 186, а сенаторовъ на 10—съ 110 до 120.

Результаты этихъ выборовъ въ отношеніи палаты депутатовъ были слѣдующіе. Получили голосовъ:

Правящая католическая партія		1.350.076
Оппозиція:		
Блокъ либераловъ съ соціалистами	794.238	
Отдѣльно либералы	206.742	
„ соціалисты	241.895	
„ христіанскіе демократы	21.960	
Разные	3.188	
вся оппозиція		1.268.023

Католическая партія получила т. о. абсолютное большинство въ 82.000 голосовъ.

При идеальномъ пропорціональномъ представительствѣ такое распредѣленіе голосовъ должно было бы дать католикамъ 96 мѣстъ, а оппозиціи—90. При дѣйствующей же въ Бельгіи системѣ такого представительства исходъ выборовъ былъ еще болѣе благопріятенъ первымъ. А именно: католикамъ досталось 101 мѣсто, а оппозиціи всего лишь 85.

Самый фактъ новой побѣды клерикальной партіи не представляетъ ничего особеннаго. Начиная съ 1884, она неизмѣнно выходила изъ выборовъ побѣдительницей. Не измѣнило ей счастье и на этотъ разъ, хотя оппозиція и была увѣрена въ противномъ.

Но если побѣда католиковъ является фактомъ обычнымъ, то ростъ числа поданныхъ за нихъ при послѣднихъ выборахъ голосовъ и число полученныхъ ими мѣстъ явились неожиданностью, поразившей всѣхъ, не исключая и ихъ самихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ предыдущихъ выборовъ кончался для католической партіи не вполнѣ благопріятно. Хотя количество собираемыхъ ею голосовъ и росло, но росло медленнѣе, чѣмъ у оппозиціи. Такъ что на двухъ послѣднихъ половинныхъ выборахъ—въ 1908 и 1910 г.—католики получили въ сложности столько же голосовъ, что и оппозиція.

Соотвѣтственно этому число ихъ мѣстъ въ палатѣ также послѣдніе годы падало, и въ предыдущую сессію они располагали уже незначительнымъ большинствомъ всего въ 6 мѣстъ.

На протяженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ католическая партія не совершила, кажется, ничего такого, что могло бы вернуть ей былыя симпатіи избирателя и, тѣмъ не менѣе, число собранныхъ ею голосовъ даетъ большой скачокъ кверху. А ея большинство съ 6 разомъ достигаетъ 16.

За чей же счетъ одержана эта побѣда и кто пострадалъ отъ послѣднихъ выборовъ?

Отвѣтъ на эти вопросы станетъ понятнымъ, если обратиться къ распредѣленію мѣстъ въ распущенной и въ только что избранной палатахъ.

Въ первой изъ 166 полномочій католикамъ принадлежало—86, либераламъ—44, соціалистамъ — 35 и христіанскимъ демократамъ—1. Теперь же палата состоитъ изъ 101 католическаго депутата, 44 либеральныхъ, 39 соціалистическихъ и 2 христіанъ-демократовъ. Изъ 20 новыхъ полномочій католическая партія получила слѣдовательно—15, соціалисты—4 и христіанскіе демократы—1. Такимъ образомъ одни либералы не получили никакой прибавки: они, какъ были, такъ и остались при прежнемъ числѣ мѣстъ.

Побѣда католиковъ состоялась, слѣдовательно, за счетъ либераловъ. Она равносильна ихъ пораженію.

Если при этомъ мы примемъ во вниманіе, что увеличеніе числа

депутатскихъ полномочій до позволяемаго закономъ максимума (1 депутатъ на каждые 40.000 населенія) было проведено главнымъ образомъ по настоянію либераловъ, а также, что ими было сдѣлано для обезпеченія себѣ побѣды все, что было въ ихъ силахъ, то фактъ пораженія либераловъ станетъ еще болѣе очевиднымъ, еще болѣе краснорѣчивымъ.

Такъ это и есть въ дѣйствительности, такъ это и было понято всѣми въ Бельгіи, въ томъ числѣ и побѣдившими католиками.

Но, констатировавъ вполнѣ правильно фактъ, общественное мнѣніе не дало ему надлежащаго объясненія. По мнѣнію, напр., бельгійской католической прессы, а также большинства иностранной, пораженіе либераловъ явилось слѣдствіемъ ихъ неправильной тактики, ихъ блока съ соціалистами, напугавшаго часть—наиболѣе робкую—буржуазіи.

Такое объясненіе представляется не вполнѣ вѣрнымъ. Оно слишкомъ поверхностно и совершенно недостаточно для объясненія самаго явленія. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же предполагать, что либералы одержали бы побѣду, еслибъ не вступили въ соглашеніе съ соціалистами. Вѣрнѣе будетъ думать какъ-разъ обратное. Т. е. если ихъ пораженіе не особенно велико, то только благодаря ихъ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, какъ во время предвыборной кампаніи, такъ и при выборахъ, съ соціалистической партіей.

Нѣтъ, дѣйствительныя причины пораженія либераловъ заложены много глубже, и самое послѣднее пораженіе является фактомъ не случайнымъ, зависимымъ отъ той или иной тактики, а вполнѣ естественнымъ. Оно является лишь однимъ изъ моментовъ того болѣзненнаго процесса, который можно назвать *кризисомъ бельгійскаго либерализма* и который длится уже не одинъ десятокъ лѣтъ.

II.

Со времени отдѣленія, въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, отъ Голландіи, въ первые годы своего самостоятельнаго существованія Бельгія на политической аренѣ имѣла двѣ партіи: либеральную и католическую. Строгаго дѣленія между этими партіями тогда собственно не было. Обѣ онѣ были въ достаточной степени аморфными. Долгое время онѣ и дѣйствовали совмѣстно, въ союзѣ. Такъ что, напр., министерства всегда почти составлялись частью изъ либераловъ, частью изъ католиковъ. Если что еще и раздѣляло эти партіи, то это главнымъ образомъ школьный вопросъ.

Такая аморфность была вполнѣ понятна, такъ какъ, благодаря весьма несовершенной избирательной системѣ, политическіе дѣятели рекрутировались въ то время изъ ограниченной тѣсными предѣлами привилегированной среды, которая одна лишь и имѣла доступъ къ политической жизни.

Моментъ тогда Бельгія тоже переживала особенный. Ей приходилось строиться, упрочивать самостоятельное существованіе. Взаимные споры были тогда, слѣдовательно, неумѣстны.

Къ концу 40-хъ годовъ дифференціація политическихъ партій въ Бельгіи сдѣлала, однако, замѣтные шаги.

Еще предъ этимъ либералы стали мало-по-малу образовывать во всѣхъ важныхъ центрахъ страны свои собственные избирательные комитеты и политическія ассоціаціи. Пресса, бывшая почти всецѣло въ ихъ рукахъ, поддерживала это движеніе. А при посредствѣ прессы они завоевали и общественныя симпатіи. Въ 1846 г. либералы устроили въ Брюсселѣ конгрессъ, который ясно показалъ всю ихъ силу. На этомъ же конгрессѣ была выработана вполнѣ самостоятельная либеральная программа.

На ближайшихъ послѣ этого конгресса выборахъ либералы одержали блестящую побѣду. Предъ ихъ большинствомъ уніонистское министерство принуждено было подать въ отставку, и на смѣну ему впервые въ Бельгіи былъ образованъ чисто либеральный кабинетъ Роневе—Фреръ Орбана.

Слѣдующіе затѣмъ выборы, слѣдовавшіе за роспускомъ палаты въ 1848 г., принесли либераламъ еще большее торжество. Эта новая палата насчитывала 85 либераловъ и лишь 23 консерватора католика. Положеніе было таково, что даже во Фландріи — этой твердынѣ бельгійскаго католицизма—у католиковъ не всегда находились подходящіе кандидаты или забаллотировывались выставляемые.

Успѣхъ либераловъ былъ, однако, недолговѣченъ. Уніонистскія идеи были еще живы въ Бельгіи, и на выборахъ 1850 и 1852 г.г. либералы потеряли часть своего большинства, а въ 1854 г. были принуждены даже уступить власть консервативно - уніонистскому большинству.

Но дни уніонизма были уже сочтены. Продержавшись у власти до 1857 г., онъ въ этомъ году снова принужденъ былъ уступить первенство либераламъ, и отнынѣ мы уже не встрѣчаемъ въ Бельгіи смѣшанныхъ кабинетовъ, такъ какъ въ слѣдующемъ же 1858 году организовалась самостоятельно и католическая партія.

Наступившій затѣмъ періодъ, продолжавшійся до средины 80-хъ годовъ, можно назвать золотымъ вѣкомъ бельгійскаго либерализма. Дѣля поочередно власть съ католиками, либералы на протяженіи прожутка времени съ 1857 до 1884 г. являлись, несомнѣнно, главною политическою силою. Въ это-то время въ 1879 г. ими былъ проведенъ извѣстный школьный законъ, прозванный католиками „закономъ несчастія“.

Какъ мы уже упомянули, школьный вопросъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые болѣе или менѣе строго отдѣляли либераловъ отъ католиковъ. Либералы стремились къ свѣтской школѣ, къ нейтральной, безъ преподаванія религіи. Они находили опаснымъ предоста-

влять каждому, кто бы ни пожелалъ, устраивать воспитательныя заведенія и управлять ими, какъ вздумается, безъ государственнаго контроля.

Поэтому они вотировали въ 1879 г. законъ, согласно которому коммуны лишались права имѣть школы, не подчиненныя правительственной инспекціи. Число самыхъ школъ и классовъ въ нихъ опредѣлялось для каждой коммуны высшею властью. На коммуны возлагалась обязанность возведенія школьныхъ зданій, съ государственною, впрочемъ, субсидіей. Доступъ въ школы священникамъ былъ воспрещенъ во время часовъ занятій, и вообще священники лишались возможности вліять на учащій персоналъ. Правительство устанавливало программу образованія, и самимъ закономъ опредѣлялись обязательные въ ней предметы. Въ числѣ такихъ обязательныхъ предметовъ была мораль, но катихизисъ сюда включенъ не былъ. Нормальныя школы, въ которыхъ получаетъ образованіе учительскій персоналъ, могли быть лишь правительственными. Преподаваніе религіи въ школахъ для дѣтей тѣхъ родителей, которые того пожелаютъ, разрѣшалось обыкновеннымъ учителямъ.

Благодаря этому закону, школа дѣйствительно становилась свѣтскою и вполнѣ подчиненною государственной опекѣ.

Католики не могли, конечно, помириться съ такими нововведеніями. По ихъ воззрѣніямъ, всякая школа должна быть конфессіональною. Въ ихъ глазахъ лишь религіозное образованіе имѣло цѣну и могло предохранить подростающія поколѣнія отъ всевозможныхъ пороковъ, и въ томъ числѣ на первомъ планѣ отъ невѣрія, и сдѣлать изъ нихъ полезныхъ гражданъ. Школа же безъ религіи представлялась имъ величайшимъ зломъ, разсадникомъ не просвѣщенія, а безнравственности.

Поэтому въ законѣ 1879 г. католики увидѣли нападеніе на нихъ, на ихъ авторитетъ. Проведеніе его въ жизнь грозило, какъ они были убѣждены, вырвать у нихъ и вліяніе, и всякую власть надъ населеніемъ.

И они объявили новому закону безпощадную войну, которая въ концѣ концовъ увѣнчалась такимъ успѣхомъ, что привела либераловъ къ потерѣ господствующаго положенія. Еще со времени внесенія въ палаты школьнаго проекта католическая партія образовала комитетъ сопротивленія. Когда же законъ былъ вотированъ, такіе школьные комитеты образовались повсюду, по всей странѣ.

Главное сопротивленіе закону оказало чрезвычайно заинтересованное въ дѣлѣ духовенство. Оно пустило въ ходъ всѣ средства, какія только были въ его распоряженіи, чтобы помѣшать осуществленію плана либераловъ. Оно не остановилось даже предъ отлученіемъ, какъ учителей новыхъ школъ, такъ и родителей, осмѣливавшихся посылать въ нихъ своихъ дѣтей.

Министръ Фреръ Орбанъ, имѣвшій предъ тѣмъ намѣреніе

уничтожить дипломатическое представительство предъ Ватиканомъ, рѣшилъ сохранить его, надѣясь, что Римская Курія умѣритъ необузданную оппозицію клира. Изъ этого ничего, однако, не вышло. Преподавая совѣты миролюбія оффиціально, Папа Левъ XIII негласно поощрялъ кампанію духовенства. Такъ что Фреръ Орбанъ принужденъ былъ прервать съ Куріей дипломатическія сношенія.

Многія коммуны также были настроены противъ школьнаго закона. Помимо всего прочаго, онѣ были недовольны возложенною на нихъ этимъ закономъ обязанностью строить школы. Это заставило ихъ увеличивать обложеніе, производить займы и отчуждать нѣкоторыя имущества.

Результаты оппозиціи закону стали скоро же сказываться. Несмотря на запрещеніе, свободныя школы стали возникать во множествѣ. Къ концу напр. 1880 г. такія школы имѣлись въ 1936 коммунахъ изъ 2515 тогда существовавшихъ, и притомъ нерѣдко эти школы располагались противъ школъ оффиціальныхъ.

До 190.000 учениковъ въ первые же мѣсяцы перешли въ эти свободныя школы изъ школъ коммунальныхъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ число учащихся въ первыхъ достигло 580.000 противъ 333.000 въ послѣднихъ.

Въ то же время началось бѣгство учителей и учительницъ изъ оффиціальныхъ школъ. Такъ, къ концу уже третьяго мѣсяца до 1700 учителей покинули эти школы и перешли въ школы свободныя, католическія.

Интересно отмѣтить, что въ этой борьбѣ за школу католики доходили до того, что протестовали противъ новаго закона именемъ принциповъ французской революціи 1789 г., именемъ свободы, и звали населеніе къ возврату къ этимъ принципамъ и свободѣ.

Прошло еще двое выборовъ, на которыхъ верхъ оставался за либералами. Кампанія противъ школьнаго закона, нанесшаго ударъ старымъ вольностямъ коммунъ и духовенству, усиливалась. Въ концѣ концовъ католикамъ удалось такъ возбудить общественное мнѣніе противъ либераловъ, что при выборахъ 1884 г. либералы потеряли большинство, а съ нимъ и власть, которой они не могутъ вернуть къ себѣ и до сихъ поръ.

Въ 1885 г. у либераловъ, въ довершеніе бѣды, появился новый соперникъ—соціалистическая рабочая партія. При дѣйствовавшей въ то время избирательной системѣ, основанной на высокихъ цензовыхъ началахъ, соціалисты не могли имѣть своихъ представителей въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Но внѣ парламента ихъ вліяніе быстро росло, и притомъ росло какъ-разъ за счетъ главнымъ образомъ либераловъ, у которыхъ соціалисты отбили немало сторонниковъ. Подъ вліяніемъ же соціалистовъ католическое правительство провело въ 1892—93 гг. реформу избирательнаго права, которое отнынѣ было распространено на всѣхъ гражданъ. По проекту это право предполагалось даже равнымъ и лишь вслѣд-

ствіе главнымъ образомъ оппозиціи либераловъ, заставлявшей одно время опасаться за судьбу всего закона, въ него былъ введенъ множественный вотумъ для нѣкоторыхъ категорій избирателей.

Измѣненіе избирательнаго закона имѣло большія и разнообразныя послѣдствія. Главное изъ нихъ состояло въ томъ, что теперь рѣшающая роль при выборахъ перешла отъ ничтожной кучки привилегированнаго меньшинства къ массамъ. Отнынѣ уже эти послѣднія стали рѣшать, какой партіи должна принадлежать власть.

Для католиковъ новый законъ былъ очень выгоденъ. Обладая дивною, вѣками налаженною организаціею, пользуясь чрезъ свое духовенство и монашество огромнымъ вліяніемъ на массы, особенно деревенскія, они стали проводить выборы съ большимъ для себя успѣхомъ.

Благодаря этому же закону, въ бельгійскомъ парламентѣ впервые появились соціалистическіе депутаты, число которыхъ стало съ тѣхъ поръ непрерывно возрастать.

Что касается либераловъ, то они отъ расширенія избирательнаго права получили такой ударъ, отъ котораго не могутъ до сихъ поръ оправиться. Съ этихъ поръ они потеряли всякую надежду оказаться у власти безъ посторонней поддержки. Мало того. Новый законъ еще болѣе обострилъ разногласія, бывшія и раньше среди либераловъ, и дѣло въ концѣ концовъ завершилось почти полнымъ расколомъ и потерею партійнаго единства.

III.

Какъ въ описанную нами эпоху, такъ и нынѣ въ бельгійскомъ либерализмѣ наблюдаются два главныхъ теченія. Одно изъ нихъ представляется такъ называемыми прогрессистами. Это болѣе радикальное крыло либераловъ. Видные вожди прогрессистовъ, напримѣръ, открыто выражаютъ свои республиканскія чувства. Они давно уже стоятъ за демократизацію избирательной системы, за отмѣну множественнаго вотума, за пониженіе возрастного ценза какъ въ палату, такъ и сенатъ. Не чуждаются прогрессисты и широкихъ соціальныхъ реформъ, какъ, напр., ограниченія рабочаго дня, введенія минимума заработной платы, разныхъ видовъ обязательнаго страхованія, государственныхъ пенсій для рабочихъ и т. д. Отношеніе прогрессистовъ къ соціалистамъ вполнѣ доброжелательное.

Тонъ въ партіи задаетъ, однако, не это радикальное крыло, а другое, называемое доктринерами и въ значительной степени консервативное.

Доктринеры—искренніе монархисты и даже нѣсколько съ шовинистическимъ оттѣнкомъ. Придерживаясь строго принципа „laissez faire, laissez passer“, они въ области соціальнаго законодатель-

ства являлись, подобно правому крылу католиковъ, наиболѣе рѣшительными противниками всякаго вмѣшательства законодателя и государства въ отношенія между капиталомъ и трудомъ. Не особенно вѣрили они и въ демократію. Вотъ, напр., какимъ образомъ выражался о всеобщемъ избирательномъ правѣ наиболѣе видный изъ вождей этой части либерализма, уже упоминавшійся нами Фреръ Орбанъ, тѣнь котораго и понынѣ еще витаетъ надъ доктринерами: „Здѣсь дѣло идетъ объ организаціи при посредствѣ всеобщаго избирательнаго права антагонизма тѣхъ, кто ничѣмъ не владѣетъ, противъ тѣхъ, кто владѣетъ. Это война классовъ. Она объявлена и провозглашена—рѣчь была сказана при обсужденіи закона о введеніи всеобщаго избирательнаго права, о которомъ мы говорили выше — и вотъ съ этимъ-то оружіемъ ее и хотятъ вести. Дѣло заключается въ томъ, чтобы при посредствѣ всеобщаго избирательнаго права надѣлить тѣхъ, кто не платитъ прямого налога и желаетъ быть освобожденнымъ отъ налоговъ на потребленіе, правомъ вотировать налогъ, иначе говоря, хотятъ отдать судьбу собственности, индустріи, торговли на произволъ труда. Вотъ всеобщее избирательное право“.

Еще рѣзче было отношеніе умѣренныхъ либераловъ къ соціалистамъ. Тотъ же Фреръ Орбанъ въ своемъ политическомъ завѣщаніи уже на склонѣ лѣтъ и блестящей политической карьеры писалъ: „Повелительною обязанностью либераловъ является: бороться съ соціалистической партіей и мѣшать проникновенію ея адептовъ въ наши выборныя учрежденія. Либеральная партія не можетъ безъ отказа отъ своего собственнаго принципа принять иное положеніе. Если она позволитъ увлечь себя туда въ цѣляхъ удовлетворенія обманчивымъ выборнымъ разсчетомъ, она достигнетъ лишь того, что внесетъ смятеніе, смущеніе и скептицизмъ въ умы“.

Или вотъ отрывокъ изъ документа болѣе близкой намъ эпохи— изъ избирательнаго бюллетеня 1905 г. двухъ видныхъ умѣренныхъ либераловъ—Нежана и Дюпона:

„Соціалистическая партія,—говорится тутъ,—является общественной опасностью; она проповѣдуетъ войну классовъ, труда и капитала, рабочаго и хозяина; она представляетъ собою тираннію руководителей, порабощеніе и разрушеніе индивидуальной собственности, уничтоженіе торговли и промышленности. Она относится сочувственно къ Парижской Коммунѣ, которая избіеніемъ заложниковъ и пожаромъ главныхъ монументовъ великаго города распространила повсюду страхъ и ужасъ. Всѣ добрые граждане должны соединиться съ нами, чтобы отбросить этихъ новыхъ варваровъ, которые угрожаютъ свободѣ и даже самой цивилизаціи“.

При такой разницѣ взглядовъ и симпатій нѣтъ ничего удивительнаго, что оба направленія вели между собою войну, войну братоубійственную, самую вредную. Непріятель же въ это время

не плошалъ, а старался использовать раздоры либераловъ въ свою пользу. Въ концѣ концовъ послѣдніе оказались въ какомъ-то, казалось, безвыходномъ тупикѣ. Извнѣ — справа на нихъ наступали католики, слѣва—соціалисты. Внутри—полная неурядица, разруха, развалъ.

Оставаться далѣе въ такомъ положеніи—было невозможно. Это значило обречь себя на медленную, но неизбѣжную смерть. Двинуться? Но куда, въ какую сторону? Гдѣ искать себѣ сторонниковъ и союзниковъ?

Пока Бельгія управлялась законами, предоставлявшими политическія права лишь небольшой горсти населенія, всѣ такіе вопросы разрѣшались относительно легко. Эта горсть сегодня посылала въ законодательныя учрежденія либераловъ, а завтра давала большинство католикамъ. Но въ общемъ она знала, что ни тѣ, ни другіе ея интересовъ не нарушатъ. Теперь къ участію въ политической жизни получили доступъ массы, городскія и деревенскія, у которыхъ были свои, строго опредѣленные интересы.

Другія партія учли это обстоятельство. Соціалисты сразу направились въ сторону промышленнаго пролетаріата, формулировали программу его требованій и стали защищать ихъ. Католики направили свои силы и въ деревню, и въ городъ, и къ крестьянамъ, и къ крупной и мелкой буржуазіи, и къ промышленнымъ рабочимъ одновременно. Одни либералы не знали точно, куда направиться. Мѣшали выбору направленія и старые предразсудки, боязнь демократіи и т. д.

Но времена шли, и нравы измѣнялись. Всеобщее избирательное право дѣлало свое дѣло, и доктринерское крыло либераловъ постепенно стало демократизироваться. Къ тому же, и старые вожди стали одинъ за другимъ сходить съ политической арены и уступать мѣсто новымъ. Новыя же птицы, говорятъ, поютъ и новыя пѣсни.

Первымъ слѣдствіемъ всѣхъ этихъ перемѣнъ явилось бо̀льшее сближеніе доктринеровъ съ прогрессистами. Между этими братьями-врагами стали налаживаться болѣе тѣсныя отношенія. Вмѣсто вражды они теперь стали часто дѣйствовать совмѣстно, въ томъ числѣ и при выборахъ.

А сблизившись съ прогрессистами, доктринеры принуждены были измѣнить свое отношеніе къ соціалистамъ. Иначе было и невозможно. Вѣдь соціалисты—единственная партія, которая можетъ быть союзницей въ борьбѣ съ клерикализмомъ. Въ союзникахъ же либералы нуждались, такъ какъ знали, что собственныя ихъ силы не позволяютъ имъ выйти изъ роли оппозиціи.

Къ тому же, доктринеры увидѣли, что несмотря на свое крайнее ученіе, которому они, какъ либералы, ни въ коемъ случаѣ не могли сочувствовать, въ жизни-то, въ дѣйствительности соціалисты оказались далеко не столь страшными, какъ они ихъ себѣ рисовали. Во главѣ ихъ, кромѣ того, часто стояли лица, вышедшія изъ

одной среды съ доктринерами, съ которыми они были связаны многими тонкими нитями: родствомъ, знакомствомъ, образованіемъ, общностью многихъ интересовъ, наконецъ, дѣятельностью въ судѣ, клиникахъ, лабораторіяхъ, на педагогическомъ поприщѣ и т. д., и т. д.

Когда же былая непріязнь начала проходить и стираться, стала возможною если не совмѣстная, то во многомъ параллельная дѣятельность. Быстро же нашлась и почва для этого: антиклерикализмъ, исповѣдывавшійся соціалистами, быть можетъ, еще болѣе горячо, нежели либералами.

Въ свою очередь не раздавалось особыхъ протестовъ противъ сближенія и со стороны соціалистовъ. Этими руководило то соображеніе, что, идя въ нѣкоторыхъ случаяхъ параллельно съ либералами, они все же будутъ сильнѣе, чѣмъ одни.

Вначалѣ такое сближеніе либераловъ съ соціалистами носило болѣе или менѣе случайный характеръ. Затѣмъ стала образовываться уже своего рода привычка. Между ними стали устраиваться соглашенія по разнымъ поводамъ, то по молчаливому соглашенію, то оффиціально. Постепенно дѣло дошло до того, что во многихъ мѣстахъ они стали при выборахъ оказывать взаимную поддержку.

Сближеніе скоро принесло нѣкоторые плоды: клерикальное большинство въ палатѣ стало подъ совмѣстнымъ воздѣйствіемъ либераловъ и соціалистовъ падать съ каждыми выборами. Такъ что при выборахъ 1910 г. ихъ перевѣсъ надъ соединенной оппозиціей упалъ, какъ уже было нами указано, до 6 голосовъ.

IV.

Теперь мы подошли къ послѣднимъ двумъ годамъ, которые въ исторіи бельгійскаго либерализма играютъ очень важную роль.

За это время то двухстороннее развитіе руководящаго среди либераловъ теченія, которое мы отмѣтили выше, пошло далѣе и опредѣлилось яснѣе. Сближеніе его съ лѣвымъ крыломъ подвинулось настолько, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стала стираться даже разница. Такъ, напр., доктринеры прониклись къ этому времени такимъ демократизмомъ, что признали, наконецъ, не только всеобщее, но и равное право голоса для всѣхъ гражданъ (въ 25 лѣтъ). Основной принципъ ихъ соціальнаго міровоззрѣнія — laissez faire, laissez passer — также утратилъ былую чистоту. Теперь они уже признавали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудъ нуждается въ защитѣ государства.

Въ свою очередь, благодаря указанной эволюціи, у либераловъ все болѣе налаживались отношенія съ соціалистами.

Два факта заслуживаютъ тутъ быть отмѣченными особо.

Когда клерикалы достигли власти, они не преминули отмѣнить

ненавистный имъ школьный законъ. Но аппетитъ, говорятъ, растетъ по мѣрѣ ѣды. Такъ и тутъ. По мѣрѣ своего усиленія они старались все болѣе и болѣе клерикализировать оффиціальную школу. Въ то же время они стремились обезпечить государственными средствами и свою собственную, чисто конфессіональную. Дѣлалось это ими помаленьку да полегоньку. Въ перспективѣ же имъ мерещилась возможность полнаго переложенія школьныхъ расходовъ на плечи плательщика. Тогда освободившіяся въ ихъ кассахъ средства они могли бы употребить для другихъ назначеній, для новыхъ способовъ уловленія себѣ сторонниковъ.

Сдѣлать они это не рѣшались, однако, долго, до тѣхъ поръ, когда не убѣдились, что судьба перестаетъ имъ благопріятствовать, и когда ждать было уже опасно. Можно было упустить моментъ навсегда.

Иниціативу проведенія школьнаго проекта взяло на себя министерство Сколларта. Выработанный имъ планъ былъ задуманъ довольно умно и хитро. Внѣшней своей формой его законопроектъ производитъ благопріятное впечатлѣніе, въ особенности при поверхностномъ съ нимъ знакомствѣ. Имъ, напр., вводилось нѣчто вродѣ обязательности первоначальнаго образованія, до сихъ поръ не существующаго въ Бельгіи. Воспрещался наемъ на службу и на работу подростковъ моложе 14 лѣтъ. Вводился высшій типъ школы. Словомъ, давалось все то, чего давно уже требовала оппозиція. Но за этою приличною внѣшностью законопроектъ Сколларта скрывалъ такую сущность, что его принятіе явилось бы еще большимъ закабаленіемъ бельгійской школы клерикаламъ.

Оппозиція вскрыла эту подоплеку и подняла около новаго покушенія клерикаловъ такой шумъ, что министерство Сколларта принуждено было подать въ отставку.

Этотъ успѣхъ сильно окрылилъ оппозицію. Она рѣшила его отпраздновать даже особой манифестаціей 2—15 августа 1911 г.

Идея манифестаціи принадлежала собственно однимъ соціалистамъ. Возникла она у нихъ еще на конгрессѣ 1910 г. Девизомъ ея сначала предполагалось выставить всеобщее и равное избирательное право въ 21 годъ. Направлена манифестація была такимъ образомъ, какъ противъ католиковъ, такъ и противъ умѣренныхъ либераловъ, бывшихъ въ то время еще противниками требованія соціалистовъ. Когда же во время схватокъ съ правительствомъ оппозиція сплотилась тѣснѣе, и когда умѣренные либералы признали принципъ равенства политическихъ правъ, манифестація изъ соціалистической превратилась въ оппозиціонную.

Эта манифестація удалась чрезвычайно. На ней участвовало отъ 150 до 200.000 народа. Здѣсь впервые синіе либеральные флаги развѣвались во множествѣ рядомъ съ красными соціалистическими. Здѣсь же либералы впервые афишировали свой новый шагъ къ демократизаціи.

Низверженіе министерства Сколларта съ его хитро задуманнымъ школьнымъ планомъ, а затѣмъ манифестація 2—15 августа содѣйствовали въ огромной степени сближенію различныхъ элементовъ оппозиціи. Съ другой стороны, эти событія поселили въ нихъ почти полную увѣренность въ побѣдѣ, если только они выступятъ при выборахъ сомкнутыми рядами.

Вотъ та почва, на которой былъ построенъ послѣдній блокъ. Программа, съ которой онъ выступилъ, или та платформа, на которой велась избирательная кампанія, была также ему продиктована обстоятельствами. Тамъ значилось: всеобщее и равное избирательное право въ 21 годъ (соціалисты) или въ 25 лѣтъ (либералы), защита свѣтской школы, рабочія реформы. Если посмотрѣть на эту формулу съ точки зрѣнія стараго, прежняго доктринерства, потерявшаго свое вліятельное положеніе въ бельгійскомъ либерализмѣ, но окончательно далеко еще не исчезнувшаго, то нельзя въ ней не увидѣть полнаго отказа отъ былыхъ устоевъ, отъ всѣхъ традицій.

Уже самое соглашеніе съ соціалистами, поддержка ихъ кандидатовъ должны казаться преступными людямъ, для которыхъ завѣты Фреръ Орбана составляютъ святыню. А тутъ еще полная отмѣна всякихъ привилегій и полное политическое равненіе, а въ заключеніе самое явное нарушеніе основныхъ началъ либерализма и расширеніе компетенціи государственной власти на область частно правовыхъ отношеній.

При такихъ условіяхъ передвиженіе при выборахъ с. г. части умѣреннаго либерализма въ сторону консервативнаго клерикализма не является чѣмъ-то непонятнымъ, неестественнымъ. Не нужно забывать, что вѣдь не такъ давно, на памяти еще болѣе стараго живущаго поколѣнія между либералами и клерикалами далеко не было такого антагонизма, какой наблюдается сейчасъ. Вѣдь было время, когда они сотрудничали, и уніонистскія тенденціи не потеряли еще для нѣкоторыхъ своей притягательной силы. Традиціи, вѣдь, живучи. При такихъ условіяхъ это передвиженіе было не измѣной, а возвратомъ къ прошлому. Клерикалы постарались, конечно, использовать въ своихъ выгодахъ эту измѣну консервативной части либерализма своему знамени. И въ цѣляхъ усугубить свою побѣду, они даже преувеличили размѣры самой измѣны. Въ дѣйствительности же размѣры эти довольно скромны. Мы уже имѣли случай указать, что на выборахъ 1908 и 1910 г.г. число полученныхъ католиками голосовъ равнялось почти числу голосовъ оппозиціи. А на майскихъ выборахъ абсолютное большинство первыхъ достигло 82.000. Слѣдовательно, достаточно было, чтобъ 40—50.000 либеральныхъ голосовъ были поданы за католиковъ,—и данный эффектъ получался. Переводя же число голосовъ на число лицъ и принимая во вниманіе, что именно среди либераловъ имѣется всего болѣе избирателей съ двойнымъ и тройнымъ голосомъ, мы указанную цифру должны будемъ уменьшить, по крайней мѣрѣ,

вдвое. Итакъ, при общемъ числѣ избирателей въ 2 милліона, отъ 20 до 25.000 человѣкъ перешли при выборахъ изъ рядовъ оппозиціи въ ряды сторонниковъ правительства. Явленіе возможное вездѣ и всегда.

Сведя такимъ образомъ фактъ къ его истиннымъ размѣрамъ, мы ничуть не думаемъ умалять его показательнаго значенія, смыслъ котораго состоитъ въ томъ, что наиболѣе консервативная часть либерализма, слабая своею численностью и потому лишенная возможности вступить въ открытый бой съ болѣе сильными демократическими его элементами, попробовала устроить нѣчто въ родѣ государственнаго переворота путемъ измѣны своему знамени.

Маневръ удался. Консервативныя начала еще разъ восторжествовали, а прогрессивный блокъ пораженъ. Но надолго ли?

„Мы побѣждены,—сказалъ въ новой палатѣ вождь либеральной части оппозиціи Поль Гимансъ:—Да. Но мы выходимъ изъ битвы съ высоко поднятой головой и съ чистой совѣстью. Либеральная партія побита, но не разбита. Ея существованіе необходимо для національнаго равновѣсія, и она сохранитъ свою программу. Я также побѣжденъ, но болѣе чѣмъ когда бы то ни было, я полонъ энергіи и увѣренности въ высшую логику вещей“.

Эти гордыя слова, встрѣченныя громомъ аплодисментовъ всей оппозиціи, являются не бравадой въ устахъ лидера либераловъ, а искреннимъ отвѣтомъ на ту отходную, которую поспѣшили пропѣть надъ либералами католики.

V.

Періодъ времени съ 1857 по 1884 г. мы назвали золотымъ вѣкомъ бельгійскаго либерализма. Эпоху же послѣдующую вплоть до начала нынѣшняго вѣка можно назвать періодомъ упадка. Наконецъ, послѣдній десятокъ лѣтъ является въ жизни либераловъ эпохой возрожденія, которая продолжается и понынѣ.

Старые устои, покоившіеся на привилегіяхъ незначительнаго меньшинства, на высокихъ цензовыхъ началахъ, были подточены. Жизнь повелительно, властно предъявила новыя требованія и добилась своего. Бельгійскій либерализмъ не имѣлъ сперва силъ приспособиться къ этому новому укладу и оріентироваться въ немъ, а долго продолжалъ придерживаться старины, съ которой его связывало славное прошлое. За этотъ грѣхъ, за эту ошибку не замедлило воспослѣдовать возмездіе. Либерализмъ лишился прежняго обаянія и сталъ растеривать своихъ сторонниковъ.

Но бѣды и несчастія не пропали даромъ. Они послужили хорошимъ урокомъ. Отказавшись отъ стараго и примирившись съ новымъ, либерализмъ постепенно началъ собирать свои силы и приспособляться къ новымъ условіямъ. Наступаетъ періодъ окон-

чательнаго разрушенія ветхаго, тѣснаго зданія и сооруженія новаго, по послѣднимъ правиламъ зодчества, съ современными архитектурными мотивами.

Этотъ процессъ еще не законченъ. Кой-гдѣ отъ стараго зданія торчатъ еще развалины. Иныя изъ нихъ, не выдерживая напора стихій, рушатся сами собой и при паденіи производятъ много шума и густыя облака пыли. Такъ это было, напр., при послѣднихъ выборахъ. Для разрушенія другихъ придется употребить искусство и силы человѣка.

Новое зданіе такимъ образомъ еще не начато. Но общій планъ его, его главныя очертанія уже намѣтились. Въ основаніе его будетъ положена болѣе или менѣе строго выработанная программа, которая можетъ удовлетворить разныя теченія бельгійскаго либерализма и тѣмъ объединить его.

Отсутствіе какой бы то ни было программы, а равнымъ образомъ единства либераловъ до сихъ поръ сказывалось чрезвычайно ощутительно. И надо собственно удивляться, какъ они не пришли къ сознанію этого раньше. Вѣдь у нихъ предъ глазами живой примѣръ другихъ партій. Взять, напр., католиковъ. Они знаютъ, чего хотятъ, какими путями этого достигнуть, и имѣютъ удивительно мощную организацію. Или соціалистовъ. Эти въ 20—30 лѣтъ своего существованія совершили колоссальную работу по эмансипаціи трудящихся классовъ. У нихъ есть и точная программа, и очень недурная организація.

Одни либералы оставались до сихъ поръ безъ того и безъ другого. Вмѣсто правильной организаціи у нихъ дѣйствовали самозванныя группы. Программа у нихъ замѣнялась манифестами такихъ самозванныхъ, хотя и вліятельныхъ, группъ.

Теперь, однако, замѣчается ясно выраженный поворотъ, какъ къ большему сплоченію либеральной партіи и ея объединенію, такъ и къ выработкѣ программы. Такъ, напр., совсѣмъ на дняхъ по этому поводу было интересное заявленіе либеральной молодежи. Она потребовала созыва партійнаго конгресса, гдѣ бы всѣ эти вопросы были разрѣшены не кучкою руководителей, а дѣйствительными партійными представителями, избранными отъ мѣстныхъ группъ. Мало того. Эта молодежь устраиваетъ свой конгрессъ, въ программу котораго внесенъ пунктъ о выработкѣ партійныхъ статутовъ.

Правда, это требованіе молодежи не встрѣтило общаго сочувствія въ либеральныхъ кругахъ. Напр., одна изъ наиболѣе вліятельныхъ газетъ умѣреннаго оттѣнка „Etoile Belge" въ особой передовой статьѣ старалась доказать ненужность затѣи. Аргументы этой газеты чрезвычайно характерны, и мы приведемъ ихъ въ выдержкахъ.

„Мы не находимъ, — говорится въ газетѣ, — идею созвать конгрессъ счастливою. Конгрессъ могъ бы быть полезнымъ, если бы либеральная партія искала программу. Но это не такъ. Соединенные

либералы имѣютъ программу, которая получила одобреніе всѣхъ группъ и которая—увы!—далека отъ осуществленія. Этой программы вполнѣ достаточно для нашей дѣятельности въ оппозиціи; ея было бы достаточно также и для нашей дѣятельности у власти. Ни объ убавленіи, ни о прибавленіи къ ней чего-нибудь нѣтъ и вопроса.

Такъ говоритъ газета о конгрессѣ. А вотъ что она думаетъ объ организаціи партіи:

„Что касается идеи созданія генеральнаго Совѣта партіи, она не болѣе счастлива. Заставить двигаться, какъ полкъ, партію, которая кладетъ въ свою основу свободное изслѣдованіе, это мечта кабинетнаго политика. Что касается стремленія превратить въ такой полкъ печать, это также—мечта и еще болѣе жалкая. Эти мечты не осуществятся никогда. Онѣ могутъ родиться лишь въ больныхъ умахъ".

Еслибъ почтенная газета выражала въ данномъ случаѣ мнѣніе большинства либераловъ, то приведенный отзывъ являлся бы въ сущности такимъ свидѣтельствомъ либеральной немощности, послѣ котораго надъ всей партіей нужно было бы поставить крестъ. Очевидно, послѣднія двадцать лѣтъ прошли бы для нея даромъ и она ничему не научилась.

Однако, изъ заявленія видныхъ либеральныхъ дѣятелей, а также многихъ мѣстныхъ группъ и другихъ органовъ печати и, наконецъ, личныхъ своихъ наблюденій и изученія эволюціи бельгійскаго либерализма, мы можемъ видѣть, что дѣло обстоитъ не такъ плохо. Проявленная газетою боязнь по отношенію къ конгрессу и партійному выборному центру, за которыми скрывается прежнее недовѣріе къ демократіи, является однимъ изъ тѣхъ обломковъ стараго зданія, которые еще безобразно торчатъ и понынѣ и которые подлежатъ уничтоженію.

Неправа газета и относительно программы, которая будто бы имѣется у объединенныхъ либераловъ. Такой программы не существуетъ, если разумѣть подъ программой не тѣ нѣсколько обрывковъ, которыя были выставлены либералами при послѣднихъ выборахъ, а нѣчто большее, что осмысливало бы дѣятельность партіи не только въ парламентѣ, а и внѣ его. А о такой-то программѣ какъ-разъ и поднятъ теперь вопросъ въ нѣкоторыхъ либеральныхъ кругахъ.

Если такимъ образомъ въ основу новаго либеральнаго зданія должны быть поставлены программа и болѣе правильно организованное руководительство, то стѣны его могутъ быть сооружены лишь той положительной работой въ парламентѣ и—еще болѣе того—внѣ его, которую предстоитъ совершить либераламъ по примѣру другихъ бельгійскихъ партій. Это также одно изъ условій существованія либераловъ, какъ серьезной общественной силы.

Въ то время, какъ соціалисты и клерикалы, т. е. соперники либераловъ, съ каждымъ годомъ расширяютъ поле своего вліянія

путемъ разнообразной дѣятельности въ сочувствующихъ имъ классахъ и группахъ населенія, либералы до сихъ поръ ограничивались лишь краснорѣчіемъ. И результаты этого налицо. За соціалистами и клерикалами стоитъ дѣйствительная сила, организованная политически, синдикально, кооперативно. У либераловъ—одна разрушенная храмина.

Наиболѣе дальновидные изъ послѣднихъ сознали это и дѣлаютъ теперь попытки вывести партію на надлежащій путь. Ими уже создано нѣчто вродѣ центральнаго органа, который руководилъ бы соціальною дѣятельностью сочувствующихъ организацій.

Что предприметъ этотъ органъ, куда, въ какую сторону онъ направитъ свои усилія?

Тутъ путь для бельгійскаго либерализма, собственно, предначертанъ. Конечно, какъ и у другихъ партій, у него сторонники имѣются во всѣхъ классахъ общества. Но обосноваться прочно либерализмъ можетъ далеко не вездѣ.

Въ деревню, въ крестьянство ему проникнуть, напримѣръ, не легко. Тамъ, прежде всего, прочно засѣли и обосновались католики, выбить которыхъ оттуда чрезвычайно трудно. Да въ бельгійской деревнѣ не мѣсто либерализму и потому, что интересы ея не вполнѣ совпадаютъ, а иногда и противорѣчатъ интересамъ тѣхъ классовъ, которые должны составлять его опору. Взять хотя бы вопросъ о протекціонизмѣ, за который бельгійское земледѣліе пока что держится крѣпко обѣими руками.

Врядъ ли можетъ привиться либерализмъ также среди промышленнаго пролетаріата. По примѣру католиковъ либералы пробовали было и до сихъ поръ пробуютъ дѣлать тутъ кое-что, но изъ всѣхъ ихъ попытокъ получилось нѣчто жалкое и несуразное.

Остаются городскіе, нефабричные слои населенія, столь многочисленные въ Бельгіи: это крупные, средніе и мелкіе представители торговли, кредита, ремесла, а также разнообразныхъ либеральныхъ профессій: учителя, доктора, адвокаты и служащіе разныхъ учрежденій. Вотъ сюда-то либерализмъ и призванъ направить свою энергію. Интересы этихъ-то слоевъ или классовъ населенія онъ призванъ обслуживать и долженъ защищать. И можно положительно утверждать, что пока эти группы городского населенія будутъ играть ту роль, какая имъ сейчасъ принадлежитъ, за либерализмомъ въ Бельгіи обезпечены и вліяніе, и сила, и небезславное существованіе.

Но все это придетъ къ нему лишь тогда, когда онъ окончательно порветъ съ своимъ прошлымъ и приспособится къ современнымъ требованіямъ. Доктринерство, которому онъ отдалъ столь большую дань, теперь неумѣстно должна быть забыта боязнь демократіи, съ которою такъ долго жилъ, а отчасти продолжаетъ проживать и сейчасъ бельгійскій либерализмъ

Есть всѣ основанія думать, что предстоящая парламентская сессія сыграетъ большую роль въ эволюціи либерализма. Во время нея соціалистическіе депутаты рѣшили внести проектъ о пересмотрѣ конституціи въ цѣляхъ отмѣны чудовищнаго пережитка прошлаго—множественности вотума для нѣкоторыхъ категорій избирателей. Въ случаѣ отказа правительства и господствующей католической партіи въ такомъ пересмотрѣ, въ Бельгіи должна начаться всеобщая политическая стачка. На этотъ счетъ соціалисты солидарны и дѣйствуютъ дружно. Они энергично готовятся къ забастовкѣ, чтобы обезпечить за нею успѣхъ, и сдѣлаютъ все, что могутъ. Но либералы, которые съ небольшимъ годъ тому торжественно, публично клялись добиваться вмѣстѣ съ соціалистами отмѣны указаннаго пережитка,—сдержатъ-ли они теперь свою клятву?

Въ ихъ рядахъ сейчасъ, по крайней мѣрѣ, замѣчается сильная разноголосица. Молодежь, напр., а также немногочисленные рабочіе-либералы высказываются за активное участіе въ этой борьбѣ. Многіе либералы торговцы думаютъ оказать стачечникамъ матеріальную поддержку и шлютъ въ законодательныя учрежденія петицію за петиціей, чтобы они уничтожили, наконецъ, безобразіе множественнаго вотума. Нѣкоторые либералы-богачи обѣщали дать рабочимъ на проведеніе стачки довольно крупныя, многотысячныя суммы. Часть либеральной прессы также на сторонѣ соціалистовъ. Но, съ другой стороны, такіе органы ихъ, какъ уже цитированная нами „Etoile Belge“, высказываются самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ подобной „попытки устрашенія и шантажа въ отношеніи общественныхъ властей, или, если угодно, попытки управленія при посредствѣ безработицы“.

Конечно, положеніе многихъ либераловъ въ стачкѣ окажется двусмысленнымъ. Какъ промышленники торговцы, они пострадаютъ отъ нея, конечно, въ первую голову. Это несомнѣнно. Съ другой стороны, они послѣ послѣднихъ выборовъ убѣдились, что другого способа добиться равнаго избирательнаго права и получить надежду на низверженіе католиковъ не существуетъ.

Дилемма, слѣдовательно, для нихъ такая: или оставить всякую надежду на власть, или понести жертвы, которыя въ сущности все же меньше тѣхъ, на какія обрекаетъ себя съ такимъ самоотверженіемъ и готовностью пролетаріатъ.

Что часть либераловъ не пойдетъ въ данномъ случаѣ за соціалистами, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но также врядъ ли можно сомнѣваться, что наиболѣе демократически настроенные слои либераловъ окажутъ нѣкоторую поддержку движенію,—иные матеріально или простымъ сочувствіемъ, иные — же, какъ напр., либеральные рабочіе, даже активно. Во всякомъ случаѣ, то направленіе, которое приметъ въ предстоящей борьбѣ либеральное большинство, будетъ имѣть огромное значеніе для будущихъ судебъ всей либеральной партіи. **В. Ш.**

На родинѣ и на чужбинѣ.

(Иллюстраціи на тему о свободѣ совѣсти).

I.

Письмо изъ Америки... Отъ кого бы это? Узнать по почерку невозможно, такъ какъ адресъ на конвертѣ написанъ на пишущей машинѣ.

Вскрываю. Бросаются въ глаза слова, стоящія въ началѣ письма: „Дорогой другъ!“ Письмо написано на печатномъ бланкѣ, какія обыкновенно употребляются дѣловыми людьми. Въ уголкѣ слѣва стоитъ имя, фамилія и дата — все это напечатано по-англійски. Но имя и фамилія—чисто русскія, хотя мнѣ совершенно незнакомыя.

Письмо отъ читателя,—догадываюсь я, и, пробѣжавъ первыя строчки письма, убѣждаюсь въ этомъ. Неизвѣстный корреспондентъ говоритъ о моихъ литературныхъ работахъ по сектантству, предлагаетъ разные вопросы относительно нѣкоторыхъ моихъ книгъ, а затѣмъ пишетъ: „Кромѣ того, я желаю знать, случалось ли Вамъ посѣщать сектантовъ Кіевской губерніи? Нѣтъ ли у васъ книги о нихъ? Это для меня интересно, такъ какъ самъ я—сектантъ Кіевской губерніи. Насъ здѣсь въ Америкѣ, въ колоніи около городка Кіева, живетъ около тысячи семействъ сектантовъ - штундистовъ Кіевской губерніи. Тѣснимые русской администраціей, мы выселились сюда“.

Я не замедлилъ отозваться на это письмо, и такимъ образомъ между мной и моимъ американскимъ корреспондентомъ завязалась оживленная переписка, въ результатѣ которой въ моихъ рукахъ оказался обширный матеріалъ, подробно выясняющій причины, вызвавшія эмиграцію штундистовъ, а также знакомящій съ условіями ихъ теперешней жизни въ Америкѣ.

Прежде всего я поставилъ своему корреспонденту вопросы: давно-ли они отпали отъ православія и что именно заставило ихъ уйти въ сектантство? Почему бѣжали изъ Россіи?

Вотъ что онъ сообщилъ мнѣ по этому поводу.

— До 1875 года мы были православными. Усердно посѣщали храмы, ставили свѣчи, клали земные поклоны предъ иконами, ходили по монастырямъ, прикладывались къ мощамъ, жертвовали послѣднія деньги православному духовенству, монаховъ и монахинь считали чуть не святыми людьми. Съ особеннымъ благоговѣніемъ

относились мы къ святынямъ стараго Кіева. Томимые „духовной жаждой“, желая услышать слово утѣшенія, мы часто посѣщали кіевскіе монастыри. Но эти посѣщенія обыкновенно приносили намъ только горе и разочарованіе...

Корысть и жадность обуяла монаховъ. На каждомъ шагу требовалось давать деньги. Кто давалъ мало копѣекъ и семитокъ, тотъ получалъ толчки и въ грудь, и въ спину, и въ лицо. Монахи, занимавшіеся продажей иконъ, откровенно переругивались между собой, причемъ каждый изъ нихъ старался выставить недостатки иконъ своего конкурента, прибѣгая при этомъ къ грубымъ и циничнымъ выходкамъ, которыя коробили и возмущали до глубины души вѣрующихъ людей.

Однажды нашъ отецъ, одѣвши сумку на плечи, отправился въ Кіевъ, вмѣстѣ съ другими богомольцами. Не доходя до города, въ лѣсу, они увидѣли, что какіе-то монахи построили часовенку, поставили иконы, зажгли свѣчи и начали заманивать къ себѣ прохожихъ богомольцевъ.

— Люди добрые!—говорили монахи,—если вы желаете что-нибудь пожертвовать для Бога, то не носите въ Кіевъ, а положите здѣсь, ибо это все равно: ваши пожертвованія пойдутъ въ одно мѣсто...

Набожные паломники не заставили себя просить и отдали монахамъ все, что захватили съ собой. Затѣмъ они приходятъ въ Кіевъ гдѣ ихъ встрѣчаютъ монахи съ тарелочками. Видя, что пришедшіе почти ничего не даютъ, или же даютъ очень мало, они требуютъ объясненій. Узнавши, въ чемъ дѣло, монахи разсердились.

— „А, вы отдали свои деньги тѣмъ мошенникамъ въ лѣсу, а сюда пришли только испражняться“!... И полилась грубая ругань, посыпались толчки и зуботычины. Въ одномъ мѣстѣ отецъ хотѣлъ поцѣловать икону, но монахъ, который тутъ стоялъ, замѣтивъ, что отецъ слишкомъ мало положилъ на тарелку,.. толкнулъ его въ грудь...

По селамъ и деревнямъ ѣздили какіе-то монахи съ Аѳона и изъ Іерусалима и продавали за недорогую цѣну разные „Пути спасенія“. Однажды они привезли „плащеницы“, которыя и навязывали наиболѣе зажиточнымъ крестьянамъ, по 10, 15 и 20 рублей за штуку. Они увѣряли, что въ эту „плащеницу“ непремѣнно нужно завернуть тѣло послѣ смерти, иначе душу умершаго не примутъ въ рай. Нашъ отецъ, какъ человѣкъ религіозно настроенный, купилъ двѣ плащеницы: для себя и для своей жены, заплативъ за нихъ 30 рублей.

Не прошло послѣ этого двухъ мѣсяцевъ, какъ тѣ же монахи снова явились въ деревню и начали убѣждать отца дать имъ еще денегъ на свѣчи, которыя бы день и ночь горѣли за него и его жену въ теченіе всей ихъ жизни. Безъ этого же — говорили монахи—и

плащеницы мало принесутъ пользы. Отецъ, не долго думая, еще уплатилъ монахамъ 25 рублей.

Затѣмъ онъ повелъ ихъ по деревнѣ ко всѣмъ тѣмъ людямъ, которые, какъ и онъ, жаждали спасенія и часто ходили по монастырямъ. И эти люди также давали монахамъ деньги, кто сколько могъ, въ надеждѣ чрезъ это спасти души и обезпечить себѣ мѣсто въ раю... Монахи уѣхали очень довольные.

Узнавъ объ этомъ, мѣстный священникъ вознегодовалъ на своихъ прихожанъ, отъ которыхъ такъ много успѣли поживиться пріѣзжіе монахи. По адресу этихъ послѣднихъ батюшка расточалъ всевозможныя ругательства, называя монаховъ „цыганами", „пройдохами" „мошенниками" и т. д.—„Лучше бы вы мнѣ заплатили тѣ деньги, которыя отдали этимъ обманщикамъ. Я постоянно бы молился за васъ и вы, навѣрное, спаслись бы".

Но мы, крестьяне, слишкомъ хорошо знали своего батюшку, чтобы придать значеніе его словамъ и обѣщаніямъ. Для болѣе полной характеристики этого батюшки я приведу здѣсь цѣликомъ разсказъ о немъ одного его прихожанина, который вскорѣ послѣ этого случая перешелъ въ штунду.

Однажды лѣтомъ была засуха. Крестьяне позвали священника посвятить воду и отслужить молебенъ о ниспосланіи дождя. Сговорились за три рубля. Началъ онъ служить молебенъ. И вдругъ изъза горы послышались раскаты грома и пошелъ сильный, крупный градъ. Народъ въ страхѣ началъ кричать: „Батюшка, помолите Бога, чтобы градъ прекратился"!

Священикъ посмотрѣлъ на крестьянъ и спрашиваетъ:

— А будетъ еще три рубля?

— Да вѣдь мы уже заплатили вамъ, батюшка, три рубля,—говорятъ крестьяне.

— Вона!—говоритъ батюшка,—да вѣдь тѣ были за дождь, а эти—отъ града... Коли заплатите еще три рубля—буду молиться Богу, чтобы спасъ отъ градобитія поля ваши...

Что было дѣлать? Заплатили мужички еще три рубля...

Въ 1875 году въ нашихъ мѣстахъ начинаетъ распространяться новое религіозное ученіе, которое отрицало церковь, духовную іерархію, монастыри, иконы, мощи, поклоненіе святымъ, и которое всецѣло основывалось на одномъ Евангеліи. Первымъ проповѣдникомъ этого ученія въ нашихъ мѣстахъ былъ крестьянинъ села Чаплинки, Таращанскаго уѣзда, Кіевской губерніи, Герасимъ Балабанъ, который передъ тѣмъ долгое время жилъ въ Херсонской губерніи, гдѣ и воспринялъ новое ученіе. Онъ собиралъ людей, читалъ Евангеліе и разъяснялъ его народу. И народъ все болѣе и болѣе начиналъ утверждаться въ мысли, что „попы скрывали отъ него истину".

Подъ вліяніемъ этого сознанія, люди, проникшись идеями новаго ученія, начинали тотчасъ же „исправлять свою жизнь": отрѣ-

шались отъ обрядовъ, отказывались отъ иконъ, переставали пить вино, помогали другъ другу, старались любовно относиться ко всѣмъ людямъ и т. д. Число сторонниковъ новаго ученія быстро возрастало. Священники и миссіонеры обезпокоились. Посыпались доносы. Почти всѣ наиболѣе активные проповѣдники „новой вѣры" были схвачены и отправлены на три года „на увѣщаніе" въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей. Здѣсь ихъ держали въ какихъ-то темныхъ ямахъ. Но это дѣлу не помогло..

II.

Видя, что новое ученіе быстро распространяется въ народѣ, духовенство стало вооружать православныхъ противъ сектантовъ. Начались погромы. Мужики кѣмъ-то обильно угощались водкой, затѣмъ вооружались кольями и шли громить штундистовъ. Большею частью для этого избирались тѣ дни, когда у сектантовъ происходили молитвенныя собранія, на которыя нерѣдко съѣзжались многіе изъ „братьевъ" и „сестеръ" сосѣднихъ селъ и деревень. Озвѣрѣлые отъ водки мужики врывались въ избы штундистовъ и производили безпощадныя избіенія.

Всякія собранія были строжайше запрещены.

— Намъ (сектантамъ) не дозволялось даже посѣщать другъ друга по хозяйственнымъ дѣламъ. За нарушеніе этихъ правилъ сейчасъ-же тащили въ судъ, а затѣмъ и въ тюрьму. То и дѣло облагали насъ штрафами, которые взыскивались съ необыкновенной жестокостью. Часто сажали въ холодную. Не разъ окна въ избахъ били. Вязали цѣлыми партіями и затѣмъ гоняли по этапу изъ волости въ волость, чтобы наводить страхъ на прочихъ людей, чтобы никто не рѣшался прислушиваться къ новому ученію. Розгами сѣкли по голому тѣлу...

Всѣ эти жестокости съ теченіемъ времени не только не ослабѣвали, а, наоборотъ, постепенно все болѣе усиливались. Вотъ, напримѣръ, что произошло въ 1894 году.

Нѣсколько десятковъ крестьянскихъ семействъ жили на удѣльной землѣ близъ села Погибляка, Звенигородскаго уѣзда. Земля эта была предоставлена имъ въ аренду, причемъ со стороны начальства имъ было объявлено: платите аренду и стройтесь, какъ слѣдуетъ, разводите сады и огороды, такъ какъ земля эта будетъ вашей собственностью послѣ выкупа,—т. е. съ 1908 года. Вынужденные крайней тѣснотой, крестьяне съ радостью поселились на арендной землѣ. Сначала все шло хорошо, но какъ только сдѣлалось извѣстно, что крестьяне эти отпали отъ церкви, сдѣлались „сектантами", такъ тотчасъ же начались всевозможныя преслѣдованія. Наконецъ, земскій начальникъ объявилъ имъ, чтобы они немедленно убирались съ удѣльной земли. Крестьяне взмолились, такъ какъ

исполненіе этого требованія неизбѣжно влекло для нихъ полное разореніе. Они просили оставить ихъ на арендуемой ими землѣ въ виду того, что имъ идти некуда, такъ какъ они уже лишились своихъ мѣстъ въ деревнѣ. Никакіе доводы не дѣйствовали: земскій начальникъ былъ непреклоненъ. Тогда крестьяне начали писать и подавать прошенія „въ губернію", въ министерство, на Высочайшее Имя. Но и прошенія не помогли. Въ одинъ прекрасный день къ нимъ въ поселокъ явилась большая толпа крестьянъ съ топорами и съ значками на груди. Это были полицейскіе изъ 23 деревень. Вмѣстѣ съ ними пріѣхали земскій начальникъ и приставъ. Сектанты опустились на колѣни и умоляли не разэорять ихъ, пощадить ихъ труды, не разбивать ихъ жилищъ. Но земскій крикнулъ полиціи, и работа закипѣла—топоры были пущены въ ходъ. Къ вечеру всѣ избы и постройки были раззорены,—словно ураганъ прошелъ по поселку.

Многіе изъ сектантовъ въ это время были въ отлучкѣ на заработкахъ; дома же оставались однѣ женщины съ дѣтьми. Не трудно представить себѣ ихъ ужасъ и горе при видѣ разгрома родного гнѣзда. Нѣкоторыя изъ женщинъ — больныя, и дряхлыя старухи— не перенесли страшнаго потрясенія и тутъ же умерли „отъ страха и перепуга".

Раззоренные сектанты разбрелись въ разныя стороны: одни изъ нихъ вернулись въ деревню и тамъ начали строиться на старыхъ пепелищахъ, другіе поселились прямо въ полѣ, а третьи, доведенные до отчаянія, рѣшили бѣжать изъ Россіи, такъ какъ чувствовали, что дальше они уже не въ силахъ сносить притѣсненій, которымъ не видѣлось конца.

„Если бы описать все то, что творилось,... всѣ тѣ стѣсненія, преслѣдованія... которымъ мы подвергались... то нужно было бы написать цѣлые томы книгъ",—такъ пишетъ мой корреспондентъ.

III.

Вопросъ о томъ, куда бѣжать, въ послѣднее время обыкновенно рѣшается въ пользу Америки, которая особенно привлекаетъ русскихъ сектантовъ съ одной стороны широкой религіозной свободой, а съ другой—обиліемъ свободныхъ земель, аграрнымъ богатствомъ. Въ свою очередь американцы начинаютъ все болѣе и болѣе цѣнить русскихъ сектантовъ за ихъ выносливость, трезвость и трудолюбіе—качества, благодаря которымъ они являются прекрасными колонизаторами.

Въ русской печати много писалось о переселеніи въ Америку кавказскихъ духоборовъ, происходившемъ въ концѣ 90-хъ годовъ подъ руководствомъ покойнаго Л. Н. Толстого. Но, сколько намъ извѣстно, въ нашей печати совсѣмъ не появлялось свѣдѣній о дру-

гихъ русскихъ сектантахъ, которые приблизительно въ то же время принуждены были эмигрировать въ Америку, спасаясь отъ побѣдоносцевскихъ гоненій. Между тѣмъ, такихъ эмигрантовъ было немало. Въ большомъ количествѣ, напримѣръ, переселялись изъ южныхъ губерній сектанты, извѣстные подъ именемъ штундистовъ. Многіе изъ нихъ обосновались въ Америкѣ очень прочно, организовавъ особые поселки и даже цѣлые городки, въ которыхъ они живутъ и до сихъ поръ, наслаждаясь полной религіозной свободой. Среди этихъ эмигрантовъ особенно много встрѣчается выходцевъ изъ Кіевской губерніи.

Первые сектанты изъ Кіевской губерніи уѣхали въ Америку въ 1895 г. До тѣхъ поръ кіевскіе штундисты, по ихъ собственнымъ словамъ, не имѣли ни малѣйшаго представленія объ Америкѣ. „Узнавши, что сосѣдніе евреи куда-то ѣдутъ, въ какую-то Америку, мы стали собираться вмѣстѣ съ ними, такъ какъ узнали отъ евреевъ, что тамъ не гонятъ людей за вѣру".

Первые переселенцы (вѣроятно, по указанію тѣхъ же евреевъ-сосѣдей) направились въ штатъ Виргинію, въ городъ Норфолкъ, гдѣ и начали работать на фабрикахъ. „Тяжело было истымъ земледѣльцамъ опролетариться", но выбора не было, приходилось въ силу необходимости мириться съ работой на фабрикахъ. Устроившись здѣсь, сектанты написали къ оставшимся на родинѣ „братьямъ", что нашли въ Америкѣ полную религіозную свободу. А такъ какъ гоненія и преслѣдованія продолжались, то многіе изъ „братьевъ" поспѣшили бросить родину и бѣжать въ Америку. Такимъ образомъ въ штатѣ Виргинія вскорѣ образовалась цѣлая русская колонія.

Особенно усилилась эмиграція въ 1900 году, когда изъ Кіевской губ. сразу переселилась въ Америку тысяча семействъ „штундистовъ". Одинъ изъ участниковъ этого переселенія, живущій теперь въ Америкѣ, слѣдующимъ образомъ описываетъ это переселеніе и ближайшія причины, вынудившія сектантовъ покинуть Россію:

„Наша семья, живя въ Россіи, постоянно подвергалась всевозможнымъ преслѣдованіямъ за свои религіозныя убѣжденія... Особенно много гоненій пришлось испытать моему родителю: въ теченіе 20-ти лѣтъ онъ переносилъ... мытарства... Въ концѣ-концовъ онъ сосланъ былъ въ Закавказскій край, куда былъ отправленъ закованнымъ въ кандалы. Въ августѣ 1895 года онъ былъ водворенъ въ одномъ армянскомъ селеніи Эриванской губерніи. Здѣсь онъ прожилъ пять лѣтъ, послѣ чего ему разрѣшено было вернуться на родину.

„Въ 1900 году онъ пришелъ въ родное село. Но, едва онъ успѣлъ войти въ свой домъ, какъ явился полицейскій, который объявилъ ему, что его требуетъ къ себѣ приставъ. Отецъ сталъ просить, чтобы явку къ приставу отложить до слѣдующаго дня, такъ какъ онъ сильно натомился, идя отъ вокзала. Полицейскій согласился на

это. На другой день они явились къ приставу, который... опять напалъ на родителя и объявилъ ему:

— „Если въ твоей деревнѣ явится хотя одинъ штундистъ, то отвѣчать за него будешь ты, хотя бы ты его совсѣмъ и не зналъ... И тогда ты пойдешь въ ссылку уже не на Кавказъ, а въ Сибирь... Такъ и знай это!"

„Отецъ мой, конечно, зналъ, что не сегодня, такъ завтра кто-нибудь изъ крестьянъ непремѣнно откажется отъ иконъ, откажется отъ сношеній съ попомъ, такъ какъ въ то время среди крестьянъ нашей мѣстности происходило сильное религіозное движеніе, направленное противъ иконъ и поповъ. Такимъ образомъ, отецъ ясно видѣлъ, что ему не избѣжать новой ссылки на этотъ разъ въ далекую, холодную Сибирь. Въ отчаяніи онъ рѣшаетъ бросить Россію и ѣхать въ чужую страну за далекій океанъ...

— Не корысти искать,—говорилъ родитель,—ѣдемъ въ чужую страну, а чтобы спастись"...

IV.

„Впереди насъ поѣхали въ Америку наши родственники-сектанты. По примѣру первыхъ эмигрантовъ, они направлялись въ Виргинію, въ г. Норфолкъ. Но на пароходѣ они встрѣтились съ какимъ-то нѣмцемъ, который ѣхалъ въ Америку изъ Херсонской губерніи. Онъ сообщилъ имъ, что давно уже живетъ въ Америкѣ, въ Южной Дакотѣ, откуда ѣздилъ въ Россію въ гости"...

Онъ не совѣтовалъ сектантамъ ѣхать въ г. Норфолкъ, чтобы работать на тамошнихъ фабрикахъ, а совѣтовалъ отправиться въ Сѣверную Дакоту, гдѣ переселенцамъ даютъ землю „даромъ" по 160 акровъ на человѣка.

Нѣмецъ внушилъ довѣріе сектантамъ, они повѣрили его разсказамъ и направились вмѣстѣ съ нимъ въ Южную Дакоту. Здѣсь они убѣдились, что разсказы нѣмца объ условіяхъ жизни въ Сѣверной Дакотѣ вполнѣ справедливы. Тогда они тотчасъ же написали въ Виргинію къ своимъ землякамъ (которые въ теченіе пяти лѣтъ томились на фабрикахъ города Норфолка), приглашая ихъ пріѣхать къ нимъ, чтобы вмѣстѣ поселиться въ Сѣверной Дакотѣ. Земляки-сектанты немедленно же явились на ихъ призывъ въ Южную Дакоту. Здѣсь переселенцы закупили лошадей и повозки и двинулись на Сѣверъ отыскивать „обѣтованную землю", которую, дѣйствительно, вскорѣ и нашли.

„По прибытіи въ Сѣверную Дакоту, — пишутъ сектанты,—мы сразу получили по 160 акровъ хорошей черноземной земли на каждаго взрослаго человѣка отъ 21-го года, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола (это послѣднее обстоятельство особенно восхищаетъ русскихъ переселенцевъ).

„На первыхъ порахъ построились кое-какъ, на-спѣхъ: все по-

стройки дѣлали изъ дерна, прямо наломали дѣвственной цѣлины и давай изъ того строить. Только потолки и крыши дѣлали изъ досокъ. А какъ пожили и немного разжились, то вмѣсто землянокъ построили дома изъ досокъ, въ американскомъ вкусѣ.

„Сначала сѣяли ленъ, одинъ акръ далъ 25 бушлей. Потомъ стали сѣять пшеницу, овесъ и прочее, и все хорошо родилось. Хотя сторона холодная, но поспѣваютъ даже арбузы и дыни. Нѣкоторые изъ насъ обрабатываютъ очень много земли. Есть такіе, которые засѣваютъ по 1,000 акровъ. Но такихъ немного,—кажется, всего только трое. Большинство же засѣваетъ по 500, по 200 и по 100 акровъ. Я обрабатываю 130 акровъ. Лошадей держимъ не меньше 4-хъ, но у многихъ имѣется по 10, 15 и даже по 20-ти.

„Построились мы не деревней или селеніемъ, а каждый на своемъ участкѣ. Пастбища здѣсь обыкновенно всѣ городятъ колючей проволокой. Землю обрабатываемъ машинами, косимъ жнеями-снопoвязалками и т. д.“.

Колонія русскихъ сектантовъ въ Сѣверной Дакотѣ имѣетъ въ длину,—съ востока на западъ,—40 англійскихъ миль, въ ширину—около 18 миль. Вдоль этой колоніи провели вѣтвь желѣзной дороги. Въ центрѣ колоніи построили четыре городка: сперва городокъ Кіевъ,—въ память Кіева на родинѣ,—затѣмъ—Догденъ, Руссо и Максъ, одинъ отъ другого на разстояніи 8-ми миль, всѣ по желѣзнодорожной вѣтви. Въ колоніи этой живетъ болѣе 1,000 семействъ русскихъ сектантовъ, исключительно изъ трехъ уѣздовъ Кіевской губерніи: Звенигородскаго, Таращанскаго и Каневскаго.

„Когда мы пріѣхали сюда, мы всѣ были духовные христіане или, какъ называли насъ, штундисты. Но здѣсь, подъ вліяніемъ американскихъ проповѣдниковъ, нѣкоторые изъ насъ сдѣлались баптистами, другіе—менонитами, третьи—адвентистами и независимыми субботниками. Но многіе и до сихъ поръ остаются духовными христіанами. Переходы же отъ одного ученія къ другому объясняются тѣмъ, что всѣ неустанно ищутъ лучшаго, ищутъ болѣе истиннаго...

„Дѣтей своихъ мы посылаемъ въ англійскія школы, но и русской азбуки мы не оставляемъ, и всѣ обучаемъ своихъ дѣтей читать и писать по-русски.

„Въ матеріальномъ отношеніи мы живемъ хорошо, только послѣдніе три года подъ-рядъ была засуха, и мы не получили урожая,—возвратили только однѣ сѣмена; нынѣшній 1912 годъ показываетъ хорошо, но не знаемъ, какъ дальше будетъ.

„Мы прожили здѣсь 11 лѣтъ, но до послѣдняго времени не имѣли никакой общественной организаціи, и только прошлой зимой начали хлопотать объ этомъ. Наконецъ, въ февралѣ мѣсяцѣ всѣ русскіе сектанты, безъ различія вѣроисповѣданія, соединились въ одну организацію, которая поставила себѣ цѣлью: имѣть общій элеваторъ для ссыпки хлѣба, имѣть общій магазинъ всѣхъ товаровъ, завести

общественную кассу для оказанія помощи отдѣльнымъ членамъ и учредить особое вѣче для разбора всѣхъ спорныхъ дѣлъ, чтобы не обращаться къ властямъ. Выбрали комитетъ для завѣдыванія всѣми дѣлами: предсѣдателя, секретаря, кассира, писаря и т. д. Какова будетъ дѣятельность этой организаціи и какую пользу принесетъ комитетъ, я сообщу вамъ послѣ".

Переходъ отъ русскихъ порядковъ къ американскимъ оказался, разумѣется, слишкомъ рѣзкимъ. По этому поводу одинъ изъ русскихъ переселенцевъ пишетъ мнѣ изъ американскаго Кіева: „Сначала чудно было: сходимся на собраніе и удивляемся, что никто не препятствуетъ, и такъ проходитъ цѣлый день, а полиціи все нѣтъ. Но современемъ обвыкли... Наши женщины были такъ напуганы, что на первыхъ порахъ бывало, какъ только завидятъ, что какой-нибудь американецъ ѣдетъ бричкой, то начинали кричать въ собраніи: „Урядникъ! Урядникъ ѣдетъ!" Но современемъ и онѣ успокоились".

V.

Но что-же это за люди, которымъ у насъ въ Россіи не находится мѣста, которые подвергаются такимъ ожесточеннымъ преслѣдованіямъ со стороны русскихъ властей? Быть можетъ, это какіе-нибудь дикіе изувѣры, изступленные фанатики, которыхъ невозможно терпѣть въ культурной средѣ?

Въ отвѣтъ на это я приведу выдержку изъ письма ко мнѣ одного изъ наиболѣе типичныхъ представителей кіевскихъ штундистовъ, ушедшихъ въ Америку. Вотъ что онъ пишетъ о своемъ настроеніи и о своемъ религіозномъ credo.

„Если вы поинтересуетесь узнать, — пишетъ онъ, — къ какой сектѣ я себя причисляю, то я долженъ сказать вамъ по правдѣ, что я не придерживаюсь какой-нибудь опредѣленной секты, но стараюсь жить этической жизнью, по Евангелію, всѣхъ любить, прощать обиды, не платить зломъ за зло, стараюсь стремиться къ совершенству. Кромѣ того, я—вегетаріанецъ".

И этихъ людей у насъ еще такъ недавно безпощадно гнали, систематически тѣснили и преслѣдовали! Къ сожалѣнію, и теперь, сейчасъ дѣло обстоитъ не лучше. Судите сами.

На мой вопросъ, обращенный къ эмигрантамъ, не скучаютъ ли они по родинѣ, сектанты пишутъ мнѣ: „У насъ есть страстное желаніе посѣтить Россію, но мы опасаемся... Позапрошлый годъ ѣздилъ отъ насъ въ Россію Марко Ковлинъ, который передъ тѣмъ прожилъ въ Америкѣ около 15-ти лѣтъ. Но, какъ только онъ пріѣхалъ на русскую границу, его тутъ же арестовали и отправили въ Варшаву, а оттуда погнали по этапу до Кіева. Цѣлыхъ два мѣсяца его мыкали по тюрьмамъ и этапамъ, да и дома долго мучили, такъ что ему едва удалось убѣжать назадъ въ Америку. Потомъ поѣхалъ въ

Россію еще Дмитрій Галамаго; когда онъ пріѣхалъ въ свое прежнее село и тамъ узнали, что онъ получилъ американское гражданство, то тотчасъ же арестовали его и посадили на три года въ кіевскую тюрьму"...

Конечно, дѣйствуя такимъ путемъ, не трудно отучить эмигрантовъ отъ попытокъ вернуться въ Россію. И все это происходило какъ-разъ въ то самое время, когда лидеръ октябристовъ гордо заявлялъ о своемъ твердомъ рѣшеніи „сосчитаться" съ тѣми, кто тормозитъ проведеніе въ жизнь главныхъ началъ манифестовъ 1905 г.

Цѣлыхъ пять лѣтъ русскіе сектанты ждали того момента, когда Государственная Дума сумѣетъ, наконецъ, провести въ жизнь тѣ начала свободы вѣроисповѣданія, свободы совѣсти, которыя столь громко и рѣшительно были провозглашены Высочайшими Манифестами 1905 г. Увы!—этимъ ожиданіямъ такъ и не суждено было сбыться. Дума, управляемая октябристами при участіи націоналистовъ, оказалась совершенно безсильной, чтобы осуществить хотя бы самыя элементарныя условія религіозной свободы.

Въ результатѣ получилось то, что во главѣ церковнаго вѣдомства снова всталъ главный сподвижникъ и „правая рука" Побѣдоносцева В. К. Саблеръ, а рѣшителями судебъ многомилліонной массы нашихъ религіозныхъ отщепенцевъ попрежнему являются все тѣ же господа Скворцовы и отцы Восторговы.

Естественно поэтому, что условія жизни русскихъ сектантовъ очень мало измѣнились къ лучшему: по-прежнему имъ приходится испытывать тѣ же стѣсненія, придирки, преслѣдованія и издѣвательства всякого рода [1]), которыя отравляли ихъ существованіе въ до-конституціонное время. Недавнія избіенія „трезвенниковъ", послѣдователей „братца Іоанна Чурикова", имѣвшія мѣсто не гдѣ-нибудь въ далекой глуши, а въ самомъ Петербургѣ, наглядно показали, какъ въ сущности мало мы сдвинулись съ прежней мертвой точки, на которую попали во время господства К. П. Побѣдоносцева, — котораго даже редакторъ „Гражданина" князь Мещерскій назвалъ „Аракчеевымъ русской церкви".

Можно ли удивляться послѣ этого, что терпѣніе сектантовъ начинаетъ истощаться, что они доходятъ до полнаго отчаянія, до готовности бросить родину, оставить навсегда Россію и бѣжать за тридевять земель, чтобы уйти отъ власти черной рати Скворцовыхъ, Айвазовыхъ, Восторговыхъ и tutti quanti. Среди послѣдователей секты Новаго Израиля, быстро разрастающейся на югѣ Россіи, все болѣе и болѣе укрѣпляется мысль о неизбѣжности эмиграціи, о необходимости оставленія Россіи.

Мнѣ пишутъ съ Кавказа, что стоящій во главѣ Новаго Израиля

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. нашу статью „Религіозныя гоненія при обновленномъ строѣ", „Вѣстникъ Европы", 1911 г. № 8.

„вождь“ этой секты В. С. Лубковъ уѣхалъ въ Америку съ цѣлью подыскать тамъ подходящія мѣста для массового переселенія, задуманнаго этими сектантами. Если переселеніе это состоится, то Россія можетъ сразу потерять нѣсколько десятковъ тысячъ людей, которые даже ихъ врагами аттестуются какъ трудолюбивые, выносливые, безусловно трезвые и честные люди...

Кому это нужно, и для кого это можетъ быть полезно?

А. Пругавинъ.

Обезоруженная нація или вооруженная?

Въ іюньской книжкѣ „Русской Мысли“ появилась любопытная статья г. А. Витмера „Объ обязательной воинской повинности“. Хотя въ подзаголовкѣ значится: „еретическія мысли фантазера“, но то обстоятельство, что „фантазія“ эта принадлежитъ перу такого авторитетнаго человѣка, какъ бывшій профессоръ академіи генеральнаго штаба и генералъ-отъ-инфантеріи, что появилась она въ прогрессивномъ журналѣ и вызвала привлеченіе редактора къ суду по статьѣ, грозящей тюрьмой, показываетъ, что „фантазіи“ автора весьма близки къ самой непосредственной реальной жизни.

Приступая къ отвѣту на статью г. Витмера, я долженъ съ самаго начала отмѣтить свою полную солидарность съ авторомъ въ вопросѣ о сокращеніи армейскаго контингента. Всецѣло присоединяюсь къ его мнѣнію, что на Дальнемъ Востокѣ Россія должна достигать своихъ цѣлей умѣлой мирной политикой, а не безконечнымъ увеличеніемъ арміи и вторженіями въ чужія области. Можно, конечно, добавить, что подобный способъ устроенія международныхъ отношеній можетъ быть рекомендованъ на всѣхъ вообще границахъ, но отрадно отмѣтить, что раздается военный голосъ не въ пользу бронированнаго кулака, хотя бы только и въ Восточной Азіи... Точно также врядъ ли можно что-нибудь возразить противъ указаній автора на необходимость сокращенія конницы, уничтоженія денщиковъ, ординарцевъ, улучшенія обоза и т. д.

Но на этомъ наше согласіе кончается, и наши мысли расходятся другъ отъ друга далеко, въ стороны совершенно противоположныя.

Г. Витмеръ пришелъ къ убѣжденію, что современный способъ комплектованія арміи вообще и русской въ частности, отжилъ свой вѣкъ. Настала пора возврата къ наемнымъ войскамъ, къ арміямъ ландскнехтовъ... Мотивируетъ онъ эту идею соображеніями: историческими, техническими, экономическими и моральными.

Историческія. Воинская повинность не есть необходимость. Въ

XVIII столѣтіи войны велись наемными войсками, и только когда арміи ландскнехтовъ западно-европейскихъ монархій ринулись въ предѣлы республиканской Франціи для возстановленія и въ ней монархіи, „единственнымъ средствомъ противодѣйствовать нашествію иностранцевъ являлась конскрипція, и тогда-то, *въ виду крайней опасности*, угрожавшей отечеству, былъ объявленъ законъ, по которому всякій французъ извѣстнаго возраста могъ быть призванъ подъ знамена". И вотъ послѣдствіе новаго закона: „Пруссія, въ 1806 году, въ три недѣли была завоевана, уничтожена, низведена на степень второстепеннаго государства" и т. д., и т. д. Что же дальше? „*Необходимость* заставила прибѣгнуть къ всеобщей воинской повинности" и Пруссію. Но какъ во Франціи, такъ и въ Пруссіи мѣра, вызванная необходимостью и сама по себѣ разумная, превратилась въ источникъ бѣдствій. Солдаты стали дешевы, арміи колоссальны „и началась военная оргія". Выводъ изъ всего этого: „итакъ, всеобщая воинская повинность, вызванная необходимостью, отжила по моему убѣжденію свой вѣкъ".

Техническія. Во времена фридриховской линейной тактики и тактики колоннъ отъ солдата не требовалось ничего, кромѣ покорности начальству. Теперешніе методы веденія войны требуютъ отъ солдата индивидуальнаго развитія, индивидуальной рѣшимости, тщательной подготовки. Но теперешнія арміи, пополняемыя запасными, отвыкшими отъ военнаго ремесла и горюющими по оставленнымъ семьямъ, этими качествами обладать не могутъ. Кромѣ того, и срокъ службы слишкомъ коротокъ для выработки настоящаго солдата, а потому армія добровольцевъ при 10—15-лѣтнемъ срокѣ службы будетъ лучше обучена, чѣмъ современная. И для такой арміи, выигрывающей качествомъ, численный составъ можетъ быть сильно уменьшенъ, въ Россіи, напримѣръ, до 500,000 человѣкъ. Понятно, что на такую армію можетъ быть подобранъ болѣе совершенный офицерскій составъ.

Экономическія. Веденіе войны съ арміей наемниковъ, меньшей числомъ, но лучшей по качеству, обойдется гораздо дешевле странѣ. Хотя въ мирное время такая армія будетъ стоить немного дороже современной, зато получится громадная экономія въ общемъ хозяйствѣ странъ. При теперешнемъ способѣ комплектованія войскъ у семей отрываются рабочія руки, вносится разстройство въ дѣла. И не только семьи страдаютъ отъ такого порядка вещей, но иногда даже и товарищи призываемаго. Тутъ авторъ, бывшій профессоръ и бывшій страстный кавалеристъ, внезапно выступаетъ въ роли заводчика и разсказываетъ такое: „мнѣ лично пришлось однажды пріостановить работы своего завода, а слѣдовательно лишить заработка десятки людей на два мѣсяца", потому что хорошій машинистъ былъ призванъ, а худшаго авторъ не хотѣлъ принять...

Моральныя. „У отца, у матери отрываютъ ихъ родного сына, у жены—мужа, у ребятъ—отца" и т. д. Кромѣ того, служба портитъ мо-

лодежь, которая послѣ „казарменнаго бездѣлья и легкихъ хлѣбовъ съ чаркой водки“ бѣжитъ отъ настоящей работы.

Совокупность этихъ четырехъ группъ соображеній привела автора къ мысли о необходимости замѣны нынѣшней арміи арміей наемниковъ. Особыхъ затрудненій для осуществленія своей „фантазіи“ онъ не видитъ. Бюджетныя соображенія его не останавливаютъ: сокращеніе теперешняго состава дастъ громадный остатокъ для покрытія расходовъ по наемной арміи. За добровольцами-ландскнехтами дѣло не станетъ. Стоитъ только предложить 100 (!)—150 рублей въ годъ на всемъ готовомъ, и при „красивой формѣ“, которою молодой человѣкъ могъ бы „уходя на службу, привлечь на себя благосклонные взгляды сельскихъ красавицъ“, — нужное количество наемниковъ, а именно 500,000 человѣкъ, явится и законтрактуется на цѣлыхъ 10—15 лѣтъ... „Одни воинственныя племена Кавказа дадутъ для этого прекрасный контингентъ“.

Вотъ вкратцѣ содержаніе статьи г. Витмера. Обратимся же къ разбору его доводовъ и выводовъ.

Указывая и подчеркивая необходимость введенія всеобщей воинской повинности во Франціи, г. Витмеръ не вскрываетъ, почему мѣра такой колоссальной важности для гражданъ, такая неожиданная и обременительная, могла быть предложена и такъ быстро принята. А, вѣдь, въ этомъ примѣрѣ ярче, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, съ отчетливостью вырисовывался важный принципъ всеобщей воинской повинности. Это принципъ привлеченія въ армію широкихъ народныхъ массъ, одушевленныхъ стремленіемъ отразить угрожающаго ихъ благу врага, это принципъ непосредственнаго въ дѣлѣ войны обращенія къ народу. Война угрожала непосредственно благу массъ, и не армія наемниковъ, чуждая всякой гражданственности, а самъ народъ французскій огнемъ, мечемъ и кровью только что завоевавшій себѣ свободу, могъ отбиться отъ враговъ. Это было не завоеваніе провинцій, не смѣна династій, не война изъ-за рынковъ, или изъ-за раздоровъ королей, не военная авантюра съ 30—40 тысячами безшабашныхъ ландскнехтовъ; нѣтъ, передъ каждымъ французомъ во весь ростъ всталъ вопросъ о возвратѣ къ старому порядку. Французскимъ массамъ грозило покушеніе на ихъ блага, и явилась всеобщая воинская повинность.

Пусть въ молодой, неопытной республикѣ, осѣненной славой Бонапарта, это могучее средство дало въ руки генія возможность навязать свою волю всей Европѣ. Пусть, вызвавъ въ свою очередь всеобщую воинскую повинность въ другихъ государствахъ, оно усилило временный разгулъ „военной оргіи“, не прекращавшейся съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество помнитъ себя. Но почему же въ своихъ историческихъ изысканіяхъ г. Витмеръ остановился на первой половинѣ 19-го вѣка? Почему онъ не оглянулся вокругъ, чтобы увидѣть, съ какимъ невѣроятнымъ трудомъ защищаютъ свои позиціи дипломаты, вообще, столь охочіе до войны, и какъ годъ отъ

году международныя столкновенія заканчиваются не разговоромъ пушекъ и пулеметовъ, а полюбовными соглашеніями? И нѣтъ ли здѣсь въ ряду другихъ причинъ вліянія всеобщей воинской повинности, при которой въ „военныя оргіи“ приходится бросать не безшабашныхъ, живущихъ войной и на войнѣ грабежами ландскнехтовъ, а самый доподлинный народъ, относящійся къ войнѣ не оборонительной отрицательно? Почему г. Витмеръ не видитъ, что если съ внезапно распухшими въ началѣ прошлаго столѣтія арміями стало легко воевать, то теперь съ ними весьма трудно пускаться въ военныя авантюры? Народы, обзаведшіеся какими ни на есть законодательными учрежденіями и при короткихъ срокахъ службы формирующіе близкія себѣ по духу арміи, не такъ-то просто вывесть въ поле... И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что „военныя оргіи“, въ буквальномъ смыслѣ слова, теперь не носятъ того безшабашнаго и постояннаго характера, которымъ онѣ отличались встарину.

Зато передъ нами развертываются оргіи бюджетныя, съ увеличеніемъ армій дошедшія до невѣроятныхъ размѣровъ. Однако, эта сторона мало интересуетъ г. Витмера. Онъ даже прямо говоритъ, что армія наемниковъ въ 500,000 человѣкъ будетъ стоить дороже нынѣшней. Экономія получится, по его словамъ, при веденіи войны или, иначе говоря, *надо воевать, чтобы наемная армія обошлась дешевле*. Дешевизна оригинальная и сомнительная...

Но что мѣшаетъ сократить для дешевизны дѣйствительную армію? Что мѣшаетъ оставить ее въ небольшой численности хотя бы тѣхъ временъ, о которыхъ съ грустью вспоминаетъ авторъ? Двѣ причины, по мнѣнію г. Витмера. Во-первыхъ,—армія, пополняемая отвыкшими отъ военнаго ремесла запасными, не такъ надежна (въ техническомъ смыслѣ), какъ наемная, а, во-вторыхъ, теперешній срокъ службы недостаточенъ для выдѣлки солдата.

Въ первомъ случаѣ авторъ впадаетъ въ какое-то недоразумѣніе. Одно изъ двухъ: или 500,000 модернизированныхъ наемниковъ должны быть безсмертны, или при теперешнихъ войнахъ черезъ мѣсяцъ въ ихъ рядахъ ощутится нехватка, и армію ландскнехтовъ придется... пополнять. Но кѣмъ? — вотъ вопросъ. Новыми охотниками добровольцами? Если запасные, прошедшіе тяжелую школу военной службы, не удовлетворяютъ г. Витмера, то гдѣ же та среда, изъ которой будутъ вербоваться резервы? Новыхъ ландскнехтовъ въ мѣсяцъ не выучишь! Во всякомъ случаѣ, они въ смыслѣ боеспособности будутъ ниже теперешнихъ запасныхъ. И не роковое ли поистинѣ противорѣчіе заключается въ утвержденіи, что меньше, какъ въ 10—15 лѣтъ, солдата не сдѣлаешь, и въ необходимости пополнять, да и какъ еще пополнять, подобную вышколенную армію совершенно чуждымъ ей элементомъ?

Но, быть можетъ, предполагается такіе резервы имѣть уже въ мирное время? Тогда это будетъ фактически армія не въ 500,000, а значительно больше. Или же авторъ по примѣру Жореса думаетъ,

что юношество, въ школѣ подготовленное къ военному дѣлу, сможетъ составить эти резервы, но тогда къ чему всѣ разговоры о ландскнехтахъ и пятнадцати годахъ службы?

Г. Витмеръ ссылается на примѣръ русско-японской войны, на то, что во главѣ войскъ въ Маньчжурію были отправлены запасные. Было бы курьезомъ, конечно, утверждать, что подобное обстоятельство послужило причиной проигрыша войны, но не менѣе курьезно винить за посылку запасныхъ вначалѣ кампаніи всеобщую воинскую повинность. Она-то тутъ причемъ? Вѣдь въ моментъ объявленія войны у насъ подъ ружьемъ стояло не 500,000 тысячъ витмеровскихъ наемниковъ, а милліонная съ лишкомъ армія. Возможностей послать дѣйствительныя войска у правительства было хоть отбавляй, но оно предпочло послать по стратегическимъ и политическимъ соображеніямъ на театръ войны сколоченные изъ разныхъ частей войскъ и запасныхъ корпуса, а настоящія войска оставило на предполагающихся театрахъ войнъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Правда, приходившіе на укомплектованіе войскъ запасные были не на высотѣ техническаго обученія, но большой бѣды въ томъ не было, ибо во-первыхъ, они очень быстро нагоняли дѣйствительныхъ солдатъ, а во-вторыхъ,—неужели же это секретъ для г. Витмера?—и дѣйствительнымъ войскамъ пришлось на войнѣ начисто переучиваться. Весь багажъ военныхъ знаній, принесенный нами на войну, въ значительной своей части оказался ни къ чему. Ни парадная выправка, ни маршировка, ни чистота пріемовъ, ни даже знаменитая „словесность“, словомъ, почти все, на что убивалось солдатское время, не пригодилось на войнѣ съ японцами. И помню какъ я, имѣвшій въ училищѣ высокій баллъ по тактикѣ, собирался послѣ первыхъ боевъ писать письмо, полное упрековъ, преподавателю тактики. Его тактика была уничтожена уроками дѣйствительности и стараго фельдфебеля изъ запасныхъ, ранѣе меня прибывшаго на театръ военныхъ дѣйствій. Да, у насъ плохо были обучены и запасные, и дѣйствительные солдаты, но вина лежитъ не на способѣ комплектованія.

Кромѣ того, не слѣдовало бы забывать авторитетному автору, что у Японіи въ моментъ объявленія войны было подъ знаменами всего 200,000 человѣкъ, и что тѣ сотни тысячъ войскъ, которыя были ею переброшены въ Маньчжурію, въ большей своей части состояли изъ запасныхъ и молодыхъ призывныхъ. А такъ какъ Японія одержала побѣду, то и приходится, слѣдовательно, признать, что тутъ не запасные виноваты, а порядки, при которыхъ одни запасные боеспособны, а другія *якобы* нѣтъ.

Я говорю *якобы*, и вотъ почему. Пока г. Витмеръ оставался въ области теоретическихъ соображеній и непосредственныхъ наблюденій надъ мобилизаціями на сѣверѣ и югѣ, можно было съ нимъ соглашаться или не соглашаться; но вотъ, когда онъ для того, чтобы

опорочить всеобщую воинскую повинность, приступаетъ къ психологическимъ изысканіямъ, то вмѣстѣ съ чѣмъ-то давно знакомымъ воскресаетъ и поднимается старое негодованіе.

Я тоже многое знаю по личнымъ наблюденіямъ и свои наблюденія смѣло могу противопоставить таковымъ г. Витмера и росказнямъ барона Зеделера, на которыя онъ опирается. Я имѣлъ честь служить во время войны въ части войска, составленной исключительно изъ запасныхъ бородачей. Выйдя изъ военнаго училища на войну по собственному желанію, а по необходимости (не было иныхъ вакансій) въ 215 Бузулукскій полкъ, я ѣхалъ въ Маньчжурію съ тяжелымъ чувствомъ. Идти въ бой съ командой изъ запасныхъ мнѣ казалось ужаснымъ. И, представьте себѣ мое отчаяніе, когда, по мѣрѣ приближенія къ арміи, я отовсюду слышалъ разсказы одинъ безобразнѣе другого о невѣроятной трусости, проявленной моимъ полкомъ во время Ляоянскаго боя; о его бѣгствѣ, погубившемъ дѣло нашей арміи; о томъ, какъ позорно вели себя запасные, предпочитавшіе, какъ то „фантазируетъ" и г. Витмеръ, „залечь въ какой-нибудь ямкѣ и для отвода глазъ прикинуться, пожалуй, убитымъ или при ранѣ товарища выказать порывъ своего добраго сердца и, вмѣсто того, чтобы драться, въ числѣ четырехъ понести раненаго товарища и отвести себя въ безопасное мѣсто". Даже анекдоты о проституткахъ, издѣвающихся надъ „бузулуками", о лакеяхъ, не желавшихъ прислуживать въ тыловыхъ кабакахъ „орловскимъ рысакамъ", глубоко волновали меня.

И я далъ себѣ слово избѣгнуть служенія въ полку, съ которымъ даже главнокомандующій не желалъ здороваться. На главной ставкѣ метался отъ генерала къ генералу, умоляя взять меня въ свою часть. Все было напрасно. Спасибо подполковнику Святицкому, назначенному въ мой полкъ. Онъ утѣшилъ меня, посовѣтовавъ не вѣрить всѣмъ баснямъ, роспускаемымъ досужими любителями. Итакъ я вошелъ въ полкъ противникомъ запасныхъ солдатъ. Я вынесъ въ его рядахъ всю кампанію, за исключеніемъ двухъ мѣмѣсяцевъ, проведенныхъ въ отрядѣ Мищенко; при мнѣ перемѣнился три раза составъ полка, и въ замѣну выбывшимъ приходили запасные, какъ мы ихъ называли, „дяди". Такъ что полкъ всю кампанію состоялъ исключительно изъ запасныхъ. И съ первыхъ же дней я съ гордостью сталъ произносить имя моего полка. Всѣ эти сплетни, разсказы, анекдоты, всѣ эти нелѣпыя психологическія наблюденія и построенія разсѣялись, какъ дымъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣйствительностью. И я, сейчасъ принципіальный противникъ войны, могу съ полной откровенностью сказать, что если что и смягчало цинизмъ человѣкоистребленія, такъ это серьезное, вдумчивое самопожертвованіе, съ которымъ бородатые отцы семействъ, брошенныхъ въ далекой Россіи, исполняли то, что они считали своимъ долгомъ. Здѣсь не было безшабашной храбрости и

дерзости веселыхъ ландскнехтовъ, съ легкимъ сердцемъ всаживающихъ штыкъ врагу, „къ которому они не питаютъ ни малѣйшей злобы“, здѣсь не было страсти наемника-спортсмена, какого-то новѣйшаго охотника за черепами, здѣсь не было соревнованія безусыхъ юнцовъ; и отсутствіе всѣхъ этихъ качествъ (которыя, увы, наблюдались мною плюсъ еще нѣкоторыя худшія у нашихъ сосѣдей — кавалеристовъ изъ тѣхъ самыхъ „воинственныхъ племенъ Кавказа“, которыя, по мнѣнію г. Витмера, „одни дадутъ прекрасный контигентъ“ для наемной арміи) лишало войну присущаго ей цинизма.

И врядъ-ли я погрѣшу противъ истины, если скажу, что этотъ непризнанный во время войны полкъ былъ одной изъ лучшихъ воинскихъ частей нашей арміи. Судите сами. И г. Витмеръ признаетъ, да это стало общимъ мѣстомъ, что въ современной войнѣ „дойти безостановочно до встрѣчи съ непріятелемъ нѣтъ ни малѣйшей возможности“, что теперь мало героизма, а нужно необычайно умѣлое приспособленіе къ мѣстности, по мнѣнію г. Витмера совершенно недоступное для запасныхъ. Однако, въ исторіи моего полка, состоявшаго исключительно изъ запасныхъ, имѣется нѣсколько героическихъ атакъ. Я былъ самымъ непосредственнымъ ихъ свидѣтелемъ. И я бы попросилъ г. Витмера указать болѣе совершенныя полковыя атаки ландскнехтовъ, чѣмъ двѣ атаки запасныхъ солдатъ Бузулукскаго полка, легенды о трусости которыхъ порождали „фантазіи“, подобныя витмеровскимъ.

Чтобы не заслужить упрека въ голословности я вкратцѣ разскажу объ обѣихъ.

Въ ночь на 12 января полку было приказано взять большую деревню Мамыкай, занятую нѣсколькими батальонами японцевъ и сильно укрѣпленную. Выславъ впередъ охотничью команду подъ начальствомъ унтеръ-офицера изъ запасныхъ Щетинина полкъ подъ начальствомъ полковника князя Амилахори (послѣ войны вынужденнаго выйти въ отставку) пошелъ *безъ выстрѣла* въ атаку. Попавъ въ освѣщенную полосу пожара, произведеннаго охотничьей командой въ Мамыкаѣ, полкъ подвергся страшному обстрѣлу. Черезъ засѣки, проволочныя загражденія онъ кинулся на валы. Овладѣвъ валомъ, полкъ атаковалъ самую деревню, причемъ пришлось съ боя брать каждый домъ. Въ результатѣ масса трофеевъ, и въ 1 ч. 45 мин. ночи деревня была взята. Вотъ выдержка изъ письма ген. Мищенко начальнику 54 пѣх. дивизіи ген. Артамонову. Объясняя, что взятіе Мамыкая позволило его отряду перейти на лѣвый берегъ Хуньхе и облегчило атаку во флангъ японскихъ войскъ, Мищенко пишетъ [1]):

[1]) П. Ѳ. Чесскій. „215 пѣх. Бузулукскій полкъ въ войнѣ съ Японіей 1904—5 г.г.“ Очеркъ.

„Слѣдуя затѣмъ мимо Мамыкая, я лично видѣлъ сильную позицію деревни, укрѣпленную окопами и искусственными препятствіями (волчьи ямы, засѣки и проволочныя загражденія). Здѣсь же для меня выяснилась доблестная атака бузулукцевъ, рѣшительно, безъ выстрѣла, бросившихся на эти укрѣпленія, чѣмъ и обезпечился успѣхъ атаки съ небольшими потерями для полка и съ тяжкимъ урономъ для японцевъ, трупы которыхъ я видѣлъ сложенными рядами вдоль укрѣпленій. Объ этой заслугѣ полковника князя Амилахори и его доблестнаго полка считаю долгомъ свидѣтельствовать передъ вашимъ превосходительствомъ“...

Это ночная, а вотъ дневная атака: „Въ пять часовъ вечера полкъ развернулся въ боевой готовности и стройными густыми цѣпями со знаменемъ въ центрѣ началъ наступленіе... Быстрымъ, твердымъ шагомъ, держа равненіе и даже дистанціи, точно парадируя, безостановочно двигались со своими офицерами во главѣ, *по открытому полю* на виднѣвшуюся впереди на разстояніи 2-хъ верстъ, непріятельскую деревню... Съ 2.000 шаговъ противникъ обдалъ насъ лавой свинца изъ *8 пулеметовъ, 24 скорострѣльныхъ орудій и ружей* нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты, расположившихся на окраинахъ деревни Чаничанъ, справа, слѣва и впереди нея, за буграми. Въ первыя минуты не вѣрилось, что полкъ выдержитъ этотъ адскій стихійный огонь, охватившій все пространство между нами и атакуемой деревней, но батальоны шли такъ же твердо съ ружьями на *плечо*, и только ряды судорожно падавшихъ, какъ скошенная трава, солдатъ рѣдѣли и укорачивали цѣпи. Дальнѣйшее наступленіе шагомъ было немыслимо и офицеры взмахнули шашками и вскрикнули: „Впередъ, бѣгомъ“. Цѣпи перебѣжали рѣченку и очутились въ 300 шагахъ отъ противника. „Ложись“! — раздалась команда. Батальоны остановились, упали на землю и открыли пачки. Однако наша стрѣльба была мало дѣйствительна, между тѣмъ японцы въ этомъ мѣстѣ наносили намъ жестокія потери. Представлялось два исхода: бѣжать впередъ или же поворачивать назадъ. Въ одно мгновеніе поднялись 1-й, 2-й и 4-й батальоны, люди сплотились по-ротно и съ крикомъ „ура“ устремились на деревню. Тутъ ничего не могло сдержать бѣшеной аттаки разъяреннаго полка“.

Результаты: деревня (очень большая) Чаничанъ, она же Цаенза взята, 7 пулеметовъ отбиты у японцевъ, пришлось брать нѣсколько валовъ и атаковывать буквально каждый домъ. Когда это было сдѣлано? Тогда, когда армія отступала подъ Мукденомъ!..

И вотъ свидѣтельство очевидцевъ. Письмо полковника Зубова, командира Миннаго полка командующему Бузулукскимъ полкомъ подполковнику Святицкому:

„Сердечно поздравляю героя сегодняшняго дня. Атака бузулукцевъ неописуема. Это былъ ураганъ, передъ которымъ никто не могъ устоять“... Другой полковникъ гордится, „что такому храброму

полку оказалъ услугу. Всѣ въ восторгѣ отъ вашей блестящей атаки".

Извиняюсь за длинную выдержку, но я почелъ долгомъ въ отвѣтъ на „фантазіи" г. Витмера и росказни барона Зеделера, „человѣка вполнѣ достовѣрнаго" представить не менѣе достовѣрныя *личныя* впечатлѣнія. Могу еще прибавить, что одинъ изъ самыхъ доблестныхъ полковъ, Барнаульскій, тоже состоялъ, главнымъ образомъ, изъ запасныхъ, что даже честь имѣть официальнаго героя войны, Василія Рябова, выпала на долю Чембарскому полку, однородному по составу съ Бузулукскимъ... У меня лично въ конноохотничьей командѣ было всего 2 солдата дѣйствительной службы, что не помѣшало $60^0/_0$ команды имѣть знаки отличія военнаго ордена!..

Если же захотите узнать, почему такъ заплеванъ былъ вначалѣ Бузулукскій полкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ было *положено начало* оплевыванію запасныхъ вообще на русско-японской войнѣ, совѣтую прочесть нехитрую исторію Янтайскаго боя въ цитированной мною книжкѣ. Тамъ передъ вами развернутся картины печальной эпопеи, неудачный исходъ которой былъ приписанъ исполнившимъ свой долгъ запаснымъ солдатамъ, тогда какъ непосредственные и главные виновники остались въ тѣни. Какъ видите, дѣйствительность рисуетъ немного иныя картины, чѣмъ „фантазія" г. Витмера. Дѣло въ томъ, что ни онъ, ни Зеделеръ не съумѣли за слезами серьезныхъ мужественныхъ людей разсмотрѣть ничего кромѣ... трусости! Тѣмъ хуже для нихъ.

Срокъ службы недостаточенъ для выработки солдата? Да, говоритъ г. Витмеръ, теперешняя военная техника требуетъ индивидуальнаго развитія, индивидуальной рѣшимости, и для воспитанія этихъ качествъ въ солдатѣ нуженъ большій чѣмъ теперь срокъ, лѣтъ въ 10—15 примѣрно. Можно, однако, пожалѣть, что авторъ не далъ болѣе подробной критики обученія солдатъ въ современной арміи. Эта критика, можетъ быть, привела бы его къ заключенію, что не срокъ службы въ 3 года съ лишнимъ, а программа обученія дѣлаетъ изъ призывного неважнаго солдата. Я уже выше говорилъ, что багажъ знаній, принесенный на войну нашимъ солдатомъ, въ значительнѣйшей своей части долженъ былъ быть выброшенъ за бортъ, а между тѣмъ на его пріобрѣтеніе было затрачено въ свое время цѣлыхъ 4 года... Что больше всего нужно на войнѣ? Стрѣльба и примѣненіе къ мѣстности... Чѣмъ меньше всего занимались у насъ? Стрѣльбой и примѣненіемъ къ мѣстности! Зима, осень и весна уходятъ на усвоеніе пріемовъ, маршировки, пріобрѣтенія лоска, изученія многочисленныхъ титуловъ, „словесности", ротного и взводнаго ученья, а часть лѣта на стрѣльбу, если можно только эту печальную процедуру назвать стрѣльбой. За годъ солдатъ, до службы не державшій въ рукахъ ружья, выпускаетъ 40 пуль, но и эти 40 пуль врядъ ли

приносятъ большую пользу его познаніямъ. Вѣдь, выпуская ихъ, онъ не учится, а конкурируетъ съ товарищами. Вѣдь отъ результатовъ зависитъ отношеніе къ нему начальства. Вѣдь въ это время его разсматриваютъ, какъ готоваго стрѣлка... А до подобнаго превращенія въ стрѣлка онъ не держитъ въ своихъ рукахъ боевого патрона!

Отъ нынѣшняго воина требуется индивидуальное развитіе, индивидуальная рѣшимость... Золотыя слова! Но неужели г. Витмеръ не видитъ, что 3-лѣтній срокъ, имъ считаемый недостаточнымъ, что даже онъ начисто вытравляетъ изъ призывного при теперешней „дисциплинѣ“ всякую индивидуальную рѣшимость? Неужели онъ не знаетъ, что индивидуальному развитію поставленъ программой военнаго обученія непреодолимый барьеръ? Что тутъ поможетъ простая замѣна призывного наемнымъ и трехлѣтняго срока десятилѣтнимъ? Или г. Витмеръ думаетъ, что при наемной арміи будутъ введены иныя программы, иные методы? Но тогда причемъ тутъ всеобщая воинская повинность? Развѣ она мѣшаетъ освобожденію военнаго обученія отъ излишняго балласта? И не мѣшало бы припомнить примѣръ Швейцаріи, гдѣ гражданинъ въ 67 дней вырабатывается, по единодушному утвержденію всѣхъ военныхъ агентовъ, въ солдата, не уступающаго по своимъ качествамъ солдату любой великой военной державы. Въ чемъ секретъ? Да въ томъ, что проще принести индивидуальное развитіе и рѣшимость съ собой изъ дому, чѣмъ пріобрѣсть эти почетныя качества въ мертвящей, искусственной обстановкѣ казармы. А тщательная подготовка? Развѣ не знаменіе времени, что на послѣднихъ олимпійскихъ играхъ въ Стокгольмѣ *военныя русскія команды* заняли по стрѣльбѣ послѣднее мѣсто, а высшіе призы были разобраны *вольными стрѣлковыми обществами* западно-европейскихъ государствъ... Стало теперь аксіомой, что военное развитіе, подготовка къ бою приносятся съ собой, а казарма пріучаетъ къ массовымъ дѣйствіямъ, заканчиваетъ то, что принесено изъ дому, изъ школы. Такихъ принциповъ держалась Японія, такія положенія въ ходу на Западѣ. Конечно, желаемыхъ результатовъ тамъ достигаютъ не при помощи „потѣшныхъ“.

Если же теперь наблюдается всеобщая тенденція къ сокращенію сроковъ службы, то толкаетъ на это законодателей, зачастую помимо ихъ воли, сама дѣйствительность, убѣдительно доказывающая, что нападеніе врага можетъ отразить только народъ, вооруженная нація. А кромѣ того техника, военное искусство настолько ушли впередъ, современная жизнь стала настолько сложна, и такое большое мѣсто занимаетъ въ ея устроеніи вліяніе народныхъ массъ, что немыслимо себѣ представить былыя арміи, сражающіяся въ полной изоляціи отъ народа. Нѣтъ, теперь и сраженія, и всѣ условія жизни требуютъ вывода въ поле *милліонныхъ* армій, разъ только война начата. И короткіе сроки службы, вполнѣ

достаточные, по мнѣнію такихъ авторитетовъ, какъ генералъ Ланглуа, для усвоенія военной премудрости, давая возможность пропускать сквозь армейскіе ряды большую часть молодежи (78 изъ 100 во Франціи), болѣе или менѣе приближаютъ современное государство къ понятію „вооруженной націи“, а это, надо ли пояснять, значительно уменьшаетъ рискъ войны.

Получается экономія, говоритъ г. Витмеръ: при содержаніи наемной арміи путемъ сбереженія рабочихъ рукъ! Да, сбереженіе достигается, но не измѣненіемъ воинской повинности, а уменьшеніемъ арміи. Для страны же въ цѣломъ совершенно безразлично, будетъ ли 50,000 паръ рабочихъ рукъ оторвано отъ ея хозяйства по вольному найму, или по призыву. Для семей, для отдѣльныхъ индивидуальностей, да, это тяжело. Но сведите эту тяжесть матеріальную къ минимуму. У государства для этого есть средства.

Остаются доводы моральнаго характера. Нужно ли говорить, что мобилизація, подобная видѣнной авторомъ въ 1904 г. на сѣверѣ, гдѣ „бородатые сѣверяне шли безъ протеста, покорно, но при этомъ плакали горькими мужицкими слезами“, въ моральномъ отношеніи гораздо выше, чѣмъ обратное явленіе—веселье, азартъ и страсти, предполагаемыя у наемниковъ. Я понимаю гнѣвъ народныхъ массъ при чужестранномъ вторженіи, сдерживающій отчаяніе передъ перспективой человѣкоубійства и смерти, но сѣтованія по поводу слезъ запасныхъ, гонимыхъ на войну съ врагомъ, „къ которому они не питаютъ ни малѣйшей вражды“, въ устахъ моралиста звучатъ очень странно. Нужно ли прибавлять, что передъ наемными войсками, за деньги убивающими чуждыхъ имъ людей, никакія моральныя проблемы не встанутъ. Убивать—ихъ ремесло. Напрасно г. Витмеръ ссылками на „наемничество“ офицеровъ старается затушевать истинный отвратительный характеръ проектируемой имъ арміи. Чѣмъ является въ сущности (не всегда, конечно, на практикѣ) офицерскій корпусъ? Во-первыхъ, и это главное, это воспитатели массъ, довѣренныхъ имъ націей. За послѣднее время все больше и больше укрѣпляется тотъ взглядъ, что казарма есть народная, военная школа, а офицеръ въ ней учитель. И когда этотъ учитель во главѣ ввѣренныхъ ему народомъ сыновей, братьевъ, мужей и отцовъ кидается впередъ, чтобы отразить нападающаго врага, не можетъ быть и рѣчи о наемничествѣ. Тогда это высокое, почетное званіе... Но отнимите у войскъ ихъ народный характеръ, замѣните ихъ безшабашными, на все готовыми ландскнехтами,—и вы получите дѣйствительно „наемную“, сверху до низу разбойничью организацію среднихъ вѣковъ.

И, конечно, у 500.000 наемниковъ, если это будутъ не бродяги безъ роду и племени, всегда найдется достаточное количество отцовъ и матерей, оплакивающихъ не только возможную смерть сво-

ихъ дѣтей, но и моральное паденіе, доведшее ихъ дѣтей до готовности за 100—150 рублей стать ландскнехтомъ.

И еще говоритъ г. Витмеръ про „казарменное бездѣлье и легкіе хлѣба“ и „порчу“, отсюда вытекающую.

Ну, а тѣ 500.000, которыхъ хочетъ г. Витмеръ закабалить на 10—15 лѣтъ, что же они не подвергнутся порчѣ? Или на нихъ рукой надо махнуть, такъ сказать, откупиться отъ суроваго Марса единовременной на 10 лѣтъ подачкой? Въ чемъ тутъ дѣло? Что казарма портитъ, я спорить не стану, здѣсь г. Витмеру и книги въ руки. Но вотъ что. Не знаю, откуда у г. Витмера его заключенія, по моимъ же личнымъ впечатлѣніямъ,—а я несъ самую настоящую солдатскую лямку въ одномъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ,—ни „бездѣлья“, ни „легкихъ хлѣбовъ“ не существуетъ. Время все съ ранняго утра и до поздняго вечера, иногда же по службѣ и ночью, занято, и хлѣба, такимъ образомъ, получаютс весьма не легкіе.

Г. Витмеръ ссылается на примѣръ Англіи... Далеко Англія. Иныя у нея условія. Особый о ней нуженъ и разговоръ. Въ примѣненіи же къ нашимъ, отечественнымъ условіямъ, „наемная армія“, проектируемая г. Витмеромъ, получитъ характеръ, который не трудно предугадать. 500.000 наемныхъ людей преимущественно изъ ингушей, черкесовъ и другихъ „воинственныхъ племенъ Кавказа“, пока что окарауливающихъ усадьбы помѣщиковъ. „Красивая форма“, 100—150 рублей въ годъ, выдаваемыхъ вкладами на сберегательную книжку, хорошая пища, контрактъ на 10—15 лѣтъ— и вся эта масса вооруженныхъ людей, не задающихся проклятыми вопросами, безсемейныхъ, веселыхъ, ринется по знаку какого-нибудь новаго Александра Македонскаго на вселенную. Вотъ картина встающая передъ глазами при чтеніи статьи.

Пуришкевичи, Марковы! Да вѣдь это ваша армія. Какъ это вы не додумались до такихъ простыхъ вещей?

В. Лебедевъ

ИЗЪ АНГЛІИ.

Звѣриная философія

I.

Въ іюлѣ этого года въ Лондонѣ состоялся первый международный конгрессъ „евгенистовъ“, или „добророжденцевъ“. „Евгеника это — изученіе факторовъ, находящихся подъ общественнымъ контролемъ и могущихъ повести къ улучшенію или къ ухудшенію умственныхъ и физическихъ качествъ будущихъ поколѣній. По мнѣнію „евгенистовъ“ каждая нація является созида-

тельницей собственной судьбы, если только не помѣшаетъ вмѣшательство сосѣдей. Вслѣдствіе этого каждая нація обязана, между прочимъ, поддерживать свое мужество, „дабы встрѣтиться съ соперниками при равныхъ условіяхъ“ [1]). „Въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ много энергіи было затрачено во всѣхъ странахъ на улучшеніе человѣческой расы путемъ измѣненія окружающихъ условій, — говоритъ д-ръ Хауксъ [2]).—Къ несчастью, вся энергія была направлена въ ложную сторону. Заботясь объ облегченіи страданій въ настоящій моментъ, мы совершенно забыли про то, какое вліяніе на будущія поколѣнія будетъ имѣть соціальное законодательство. Мы теперь только начинаемъ приходить къ заключенію, что важны не столько окружающія условія, сколько тѣ люди, для которыхъ мы желаемъ измѣнить эти условія... Прежде всего надо заботиться объ улучшеніи *расы*. Апостоломъ изученія условій, ведущихъ къ подобному улучшенію, явился сэръ Фредерикъ Гальтонъ, который и придумалъ слово *евгеника*. Названіе происходитъ отъ греческаго слова „eugenes“, означающее „хорошорожденный“. *Евгеника*—наука о созданіи здоровой расы путемъ, прежде всего, подбора производителей, а потомъ, отчасти, и при помощи измѣненія внѣшнихъ условій“. Авторъ предвидитъ вопросъ: „развѣ нынѣшнія поколѣнія хуже предшествовавшихъ?“ и отвѣчаетъ на него утвердительно. „Мы хуже нашихъ предковъ, потому чтс въ общемъ достоинства націи понизились. Причины этого явленія не трудно найти. Это: 1) пониженіе процента рождаемости приспособленныхъ; 2) повышеніе процента рождаемости неприспособленныхъ и 3) пагубные методы современной филантропіи. Число дѣтей, рождающихся у высшихъ классовъ (superior classes), падаетъ. Сидней Веббъ констатируетъ, напр., что, въ среднемъ, на англійскую культурную семью приходится теперь 1,5 дѣтей. Даже поверхностный наблюдатель сразу пойметъ, что такой процентъ рождаемости грозитъ намъ гибелью, такъ какъ изъ культурныхъ классовъ выходятъ наши правители, мыслители, ученые, великіе организаторы промышленности и т. д... Явленіе станетъ особенно серьезнымъ, если мы обратимъ вниманіе на увеличивающійся процентъ рождаемости у неприспособленныхъ. Семьи ихъ въ среднемъ состоятъ изъ шести дѣтей“. Послѣдствіемъ возрастанія числа неприспособленныхъ и уменьшенія приспособленныхъ можетъ быть лишь гибель имперіи. Какъ жаль,—говоритъ сэръ Джемсъ Барръ,—что современное человѣчество не перенимаетъ у... зулусовъ методовъ, имѣющихъ цѣлью оздоровленіе расы.

„Прежніе короли зулусовъ заботились о томъ, чтобы ихъ народъ состоялъ только изъ сильныхъ, воинственныхъ людей. Такимъ образомъ возникла одна изъ наиболѣе красивыхъ, мужественныхъ

---

[1]) Sir James Barr, „The Aim and Scope of Eugenics“, p. 3.
[2]) What is Eugenics“, p. 1—3.

и безстрашныхъ націй въ мірѣ. Мы не предлагаемъ такихъ рѣшительныхъ мѣръ, какія примѣнялись въ Африкѣ (т. е. убійство всѣхъ слабыхъ дѣтей); мы хотимъ, чтобы о всѣхъ неприспособленныхъ и непригодныхъ заботились, но чтобы они не оказали своего вліянія на будущія поколѣнія. Мы хотимъ всячески содѣйствовать тому, чтобы пригодные оставили потомство и чтобы непригодные остались бездѣтными. Сенека сказалъ: „Нѣтъ генія безъ примѣси душевной болѣзни“. Вотъ почему есть люди, не желающіе препятствовать размноженію душевнобольныхъ въ надеждѣ, что эти произведутъ когда-нибудь генія. Но мы лучше обойдемся безъ него“ [1]).

Сэръ Джемсъ Барръ (извѣстный лондонскій врачъ) возвращается къ зулусамъ, когда заводитъ рѣчь о физическихъ качествахъ горожанъ. „Среди такой красивой расы, какъ зулусы, нѣтъ близорукихъ. Слабые зрѣніемъ тамъ должны гибнуть, такъ какъ не могутъ охотиться. Въ цивилизованномъ обществѣ очки сразу уравниваютъ шансы приспособленныхъ и неприспособленныхъ. Затѣмъ,—остритъ сэръ Джемсъ,—очки даютъ даже извѣстныя преимущества неприспособленнымъ: отпѣтый дуракъ съ очками на носу сходитъ за умнаго и ученаго. Близорукіе часто соединяются съ близорукими же и оказываются очень плодовитыми. Вы всѣ хорошо знаете, какимъ прекраснымъ зрѣніемъ обладаютъ птицы. Можно себѣ представить судьбу, напр., чайки, которой потребовались бы очки“ [2]).

Итакъ, человѣческая раса ухудшается, а измѣненіе окружающихъ условій не содѣйствуетъ улучшенію „породы“. Необходимо заботиться о возрожденіи расы. Въ особенности это важно теперь. „Не было никогда момента, когда борьба за существованіе не только между отдѣльными индивидуумами, но и между націями носила бы такой острый характеръ, какъ теперь. Эта борьба будетъ продолжаться, и побѣдителемъ выйдетъ наиболѣе сильный и здоровый народъ. До сихъ поръ главенство какого-нибудь народа обусловливаетъ только приспособленностью къ войнѣ. По мѣрѣ того, какъ цивилизація подвигается впередъ, превосходство какого-нибудь народа будетъ находиться въ зависимости отъ умственнаго и физическаго развитія индивидуумовъ... Великобританія должна стремиться обогнать всѣхъ, а для этого ей необходимо отдѣлаться отъ національнаго вырожденія“ [3]).

II.

„Евгеника“ создана англичаниномъ, но основывается на „законѣ“, найденномъ нѣмецкимъ аббатомъ Менделемъ. Теперь въ Англіи мы имѣемъ три общества, имѣющія цѣлью изученіе вопрос

---

1) The Aim and Scope of Eugenics“, p. 7.
2) „The Aim“, etc., p. 23.
3) ib., p. 4.

объ улучшеніи человѣческой породы. (Евгенисты примѣняютъ когда говорятъ о человѣчествѣ, термины, принесенные изъ конскихъ заводовъ и случныхъ пунктовъ: „breed“, „stock“, и т. д.). Передъ нами, прежде всего, „Менделевская школа“, съ кэмбриджскимъ профессоромъ Бэтсономъ во главѣ, затѣмъ „Біометрическая школа“, при лондонскомъ университетѣ, основанная и вдохновляемая проф. Карломъ Пирсономъ и, наконецъ, „Общество евгенистовъ-практиковъ“. Въ основѣ ученія всѣхъ трехъ школъ лежатъ законъ Менделя и работы Гальтона.

„Въ то время, какъ Дарвинъ, Уоллэсъ, Гексли и другіе изслѣдователи работали въ Англіи надъ происхожденіемъ видовъ, великій умъ, прославившійся только долго послѣ смерти, сѣялъ въ Кенигсклостерѣ сѣмена новаго развитія человѣческой мысли“,—нѣсколько вычурно говоритъ Уитхэмъ въ своей книгѣ „An introduction to Eugenics“. Грегоръ Іоаннъ Мендель родился въ 1822 году и умеръ въ 1884 году прелатомъ августинскаго монастыря въ Брюннѣ (въ Австріи). „Мендель не совсѣмъ сходился съ Дарвиномъ во взглядѣ на происхожденіе видовъ, такъ какъ чувствовалъ, что знаменитый ученый упустилъ такой важный факторъ, какъ наслѣдственность [1]). Съ цѣлью изслѣдовать предметъ, Мендель началъ производить цѣлый рядъ опытовъ надъ горохомъ, продолжавшихся восемь лѣтъ. О достигнутыхъ результатахъ сдѣланъ былъ въ 1865 году въ Брюннѣ докладъ, прошедшій совершенно незамѣченнымъ. Мендель изучалъ также вліяніе наслѣдственности у пчелъ, для чего держалъ на пасѣкѣ въ монастырскомъ саду пятьдесятъ колодъ. Такъ какъ первыя работы Менделя прошли незамѣченными, то онъ уничтожилъ результаты своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Исчезли даже записныя книжки, куда аббатъ вносилъ свои наблюденія“ [2]). Предупреждая, что „не такъ легко дать въ сжатой формулѣ результаты научныхъ трудовъ брюннскаго аббата“, Уитхэмъ говоритъ: „Въ общемъ Мендель показалъ, что можно выбрать индивидуумовъ одного и того же вида, но отличающихся другъ отъ друга ростомъ, цвѣтомъ, формой и т. д. Скрещивая эти особи, можно точно прослѣдить наслѣдственную передачу этихъ отличительныхъ чертъ, подчиненную опредѣленному закону. Отдѣльныя черты передаются по наслѣдству, какъ отдѣльные факторы, внѣ зависимости другъ отъ друга“. Мендель производилъ опыты надъ съѣдобнымъ горохомъ, а именно надъ карликовой и высокой разновидностями его. Когда карликовая разновидность предоставлена себѣ,

---

[1]) О наслѣдственности Дарвинъ говоритъ уже въ первой главѣ „Происхожденія видовъ“. Передачу извѣстныхъ чертъ по наслѣдству Дарвинъ считаетъ“, правиломъ, а исключеніемъ, когда черты эти не передаются. Знаменитый ученый прибавляетъ только, что „законы наслѣдственности большею частью совершенно неизвѣстны“. (Ch. Darwin, „The Origin of Species“, изд. 1901 стр. 15).

[2]) „An introduction to Eugenics“, p. 10.

она производитъ горошины, изъ которыхъ выростаетъ только карликовый горохъ. Такимъ же образомъ и высокая разновидность даетъ только себѣ подобный горохъ. Мендель скрещивалъ обѣ разновидности и получалъ только высокую, все равно, была ли взята цвѣточная пыль отъ карликовой или высокой особи. Горошины же отъ скрещеннаго растенія, предоставленныя себѣ и росшія свободно, дали 0,25% карликовой разновидности, а 0,75% высокой. Горошины отъ послѣдней, посѣянныя и предоставленныя себѣ (т. е. не скрещенныя искусственно) дали растенія двоякаго типа: 1/3 (т. е. 1/4 первоначальнаго количества) высокихъ стеблей чистаго типа и 2/3 смѣшаннаго. Дальнѣйшіе опыты дали тѣ же результаты: чистые типы и смѣшанные находились въ пропорціи 1:4. Такимъ образомъ,— говоритъ Уитхэмъ,—нѣкоторые наружные признаки, какъ, напр., большіе стебли гороха, сразу замѣтны въ потомствѣ, тогда какъ другіе признаки, какъ, напр., карликовый ростъ, *могутъ* быть переданы потомству и проявлятся только при извѣстныхъ условіяхъ, а именно тогда, когда оба родителя носятъ въ себѣ въ скрытой формѣ этотъ отличительный признакъ. Въ такомъ случаѣ совершенно опредѣленный процентъ потомства проявитъ отличительную черту. До тѣхъ поръ, покуда потомки будутъ спариваться между собою или соединяться съ другими, таящими въ себѣ такіе же отличительные признаки, родители станутъ передавать дѣтямъ опредѣленныя черты и создадутъ такимъ образомъ новый видъ. Англійскіе послѣдователи Менделя, т. е. евгенисты, установили два термина, которые надо запомнить, такъ-какъ они будутъ часто встрѣчаться. Качества, замѣтныя сразу у особи и маскирующія часто существованіе скрытыхъ качествъ противоположнаго характера, которыя проявятся только у потомства, называются *господствующими* (dominant). Что же касается этихъ скрытыхъ качествъ, которыя проявятся только въ опредѣленной пропорціи у дѣтей, то они называются *ресесивными* (recessive, т. е. затаенныя). Чтобы предупредить возможность передачи *ресесивныхъ* качествъ нежелательнаго характера,—говоритъ Уитхэмъ,—необходимо изслѣдовать всю генеалогію родителей [1]).

„Мендель произвелъ свои первые опыты надъ съѣдобнымъ горохомъ (Pisum sativum),—говоритъ сэръ Джемсъ Барръ.—Затѣмъ аббатъ и его послѣдователи изучили нѣкоторые отличительные признаки другихъ растеній, напр., вѣтвистость и волосатость стебля, гладкость или колючесть плодовъ, мохнатость колоса и т. д., кромѣ того, подверженность пшеницы болѣзнямъ и пр. Всѣ произведенныя наблюденія подтвердили законъ Менделя.

... Этотъ законъ разрушилъ,—увѣряетъ сэръ Джемсъ Барръ,— дарвиновское понятіе объ эволюціи, явившейся результатомъ постепеннаго преобразованія вслѣдствіе приспособленія индивидуума

---

1) „Introduction to Eugenics", p. 11—12.

къ окружающимъ условіямъ. Великое преимущество менделевской системы состоитъ въ томъ, что она аналитическая и экспериментальная. Такимъ образомъ, примѣнивъ ее, мы можемъ создать какоеу годно качество. Надо только опредѣлить, какія именно свойства содѣйствуютъ улучшенію расы. Мы уже и теперь доподлинно знаемъ, какія именно черты нежелательны. Вслѣдствіе этого раньше всего надо устранить изъ общества всѣхъ непригодныхъ членовъ: идіотовъ, слабоумныхъ, безумныхъ, профессіональныхъ нищихъ, пьяницъ, преступниковъ и вообще безполезныхъ“ [2]).

Кромѣ Менделя, евгенисты чтутъ еще сэра Фрэнсиса Гальтона, знаменитаго ученаго (двоюроднаго брата Дарвина), скончавшагося недавно въ преклонномъ возрастѣ. Гальтонъ пришелъ къ заключенію, что наслѣдственность неизмѣримо важнѣе окружающихъ условій. Уже лѣтъ пятьдесятъ назадъ онъ занялся изслѣдованіемъ наслѣдственности умственныхъ способностей. Потомъ, не имѣя достаточныхъ матеріаловъ, онъ занялся изученіемъ родословной породистыхъ собакъ королевской псарни. (Въ собачью родословную книгу, составленную сэромъ Д. Милэ, внесено болѣе 1.000 животныхъ). Въ результатѣ Гальтонъ попробовалъ формулировать свой „законъ предковъ“ (Ancestral Law), сводящійся къ слѣдующему: въ характерѣ индивидуума мы находимъ $^1/_4$ характера отца, $^1/_4$ характера матери, $^1/_8$—дѣда, $^1/_{16}$—прадѣда и т. д. Наука не признала „законъ предковъ“ и, повидимому, самъ Гальтонъ впослѣдствіи не особенно настаивалъ на немъ; но зато воспользовались этимъ „закономъ“ евгенисты. Въ 1869 году Гальтонъ выпустилъ самую замѣчательную свою работу «Hereditary genius, an nquiry into its Laws and Consequences» (эта книга переведена порусски подъ названіемъ „Наслѣдственность таланта“). „Я хочу показать,—говоритъ Гальтонъ, что способности человѣка пріобрѣтены по наслѣдству, что передача ихъ подчинена тѣмъ же самымъ законамъ, какъ передача формы и физическихъ чертъ вообще въ органическомъ мірѣ. Я хочу показать, какъ факторы, вліяніе которыхъ мало подозрѣвается, содѣйствуютъ вырожденію и возрожденію человѣчества. Я прихожу къ заключенію, что каждое поколѣніе имѣетъ громадную власть надъ своими преемниками. Нашъ долгъ по отношенію къ человѣчеству заставляетъ насъ изслѣдовать объемъ этой власти и использовать ее такъ, чтобы она принесла наибольшую выгоду будущимъ поколѣніямъ“.

„Въ природѣ затаена скрытая жизнь,—говоритъ Гальтонъ,—которую человѣкъ въ силахъ пробудить и развить. Каждая человѣческая особь не есть нѣчто самостоятельное, отдѣльное, чудеснымъ образомъ присоединенное къ обществу. Передъ нами повтореніе существовавшаго уже ранѣе характера“.

Послѣдствіемъ работъ Гальтона было возникновеніе „біометри-

---

[2]) „The Aim and Scope of Eugenics“, p. 6.

ческой школы". „Еще въ 1845 году Кэтлэ доказалъ, что математическая теорія вѣроятностей примѣнима также для разрѣшенія біологическихъ проблемъ,—говоритъ Уитхэмъ.—Если мы много разъ будетъ подбрасывать десять *монетъ*, то найдемъ, что пять упадутъ всегда орломъ, а пять рѣшеткой.

Такая же самая послѣдовательность есть и въ области біологіи. Съ опредѣленной правильностью повторяются такія явленія, какъ, напр., ростъ нарождающихся индивидуумовъ. Сосчитавъ число дѣтей высокаго роста и карликовъ, мы увидимъ, что оно подчинено закону вѣроятности. Такимъ образомъ у насъ является возможность вычислить возможность появленія той или другой наслѣдственной черты. Измѣривъ, напр., ростъ сыновей, отцы которыхъ очень высокаго роста, и сравнивъ со среднимъ ростомъ населенія, мы найдемъ опредѣленный и постоянный коеффиціентъ (0,5) уклоненія отъ средняго роста.

Проф. Карлъ Пирсонъ и ученики его въ лондонскомъ University College заняты вычисленіемъ подобныхъ коеффиціентовъ наслѣдственности. Изучивъ, напр., списки, опредѣляющія мѣста, которыя занимали въ англійскихъ университетахъ по успѣхамъ нѣсколько поколѣній студентовъ, біометрическая школа вычислила коеффиціентъ передачи умственныхъ способностей [1]).

И изъ всѣхъ этихъ работъ Менделя и Гальтона возникла „евгеника", т. е. наука о возрожденіи человѣчества путемъ превращенія его въ громадный конскій заводъ. Выводъ изъ законовъ Менделя и Гальтона дѣлается такой. Человѣчество состоитъ изъ приспособленныхъ и неприспособленныхъ къ жизни, изъ пригодныхъ и непригодныхъ. Право на жизнь имѣютъ только приспособленные, такъ какъ они по наслѣдству передаютъ свои достоинства и содѣйствуютъ улучшенію расы. Есть, прежде всего, цѣлыя народности, имѣющія большее право на жизнь, чѣмъ другія, такъ какъ лучше приспособлены къ ней. Передъ нами обновленное ученіе о господствующей націи, которое было выставлено Гегелемъ и приняло впослѣдствіи у проповѣдниковъ государственнаго націонализма звѣриный характеръ. Всѣ тѣ будто бы научныя данныя, на которыхъ основывается ученіе о высшихъ и низшихъ расахъ, не выдерживаютъ критики по той простой причинѣ, что антропологія не знаетъ чистыхъ расъ. Круглые и удлиненные черепа встрѣчаются у особей того же народа. Терминъ „аріецъ" ничего не обозначаетъ, ибо Максъ Мюллеръ, введшій этотъ терминъ, дѣлаетъ подробную оговорку, что имѣетъ въ виду только племена, говорящія на языкѣ арійскаго происхожденія, внѣ зависимости отъ ихъ происхожденія. И такъ какъ народы мѣняли языкъ, то мы имѣемъ семитовъ, говорящихъ на языкахъ арійскаго корня (евреи). Націи разнаго

---

[1]) „Introduction to Eugenics", p. p. 9—10.

происхожденія, попадая въ одни и тѣ же географическія условія, при *нормальныхъ* условіяхъ, сливаются въ одинъ народъ, дѣлящійся на классы, имѣющіе. лишь *до извѣстной* степени, общіе идеалы. Но если очень трудно найти общую формулу для людей одного класса, то гдѣ ее взять для *цѣлаго народа*, состоящаго изъ элементовъ, смотрящихъ на одинъ и тотъ же предметъ съ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія? (Напомню читателямъ прекрасную статью С. Я. Елпатьевскаго „Люди нашего круга"). Для евгенистовъ всѣ эти сомнѣнія не существуютъ. Вотъ, напримѣръ, докладъ, „О значеніи расы въ исторіи", прочитанный на первомъ международномъ конгрессѣ Уитхэмомъ. Докладчикъ смѣло утверждаетъ, что физическія свойства, какъ „ростъ, цвѣтъ лица, форма волосъ и черепа являются наиболѣе вѣрными руководителями при опредѣленіи расы". Изученіе физическаго характера населенія Европы,—продолжаетъ Уитхэмъ,—показываетъ намъ присутствіе трехъ главныхъ расъ. (Ученіе о трехъ европейскихъ расахъ теперь весьма распространено среди антропилоговъ). Мы видимъ, прежде всего, расу, которую по мѣсту жительства можно назвать средиземной. Представители ея малы ростомъ, лицомъ смуглы, волосомъ черны, имѣютъ удлиненный черепъ, отличаются живымъ характеромъ и стадными инстинктами (gregarious), суетливы и легкомысленны. Таковы типичные итальянскіе, провансальскіе и испанскіе крестьяне. Таковы они въ исторіи и въ романахъ. Средиземная раса распространилась на сѣверъ, слѣдуя вдоль берега Атлантическаго океана въ направленіи влажнаго морского вѣтра. Черезъ Испанію и Францію она попала въ Великобританію и Ирландію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь она почти не измѣнилась и ее поэтому сразу можно узнать. То будутъ „иберійцы", живущіе въ Ирландіи, Валисѣ, Корнвалисѣ и въ западной части Шотландіи. Безъ сомнѣнія, средиземная раса представляетъ собою наиболѣе древній пластъ населенія Европы, хотя опредѣленіе его далеко не всегда легко,—прибавляетъ докладчикъ.

Вторая раса это—альпійская, или *арменоиды*. Она съ незапамятныхъ временъ заняла всѣ горныя области средней Европы. Изъ Севенскихъ и Овернскихъ горъ она перебралась потомъ черезъ Швейцарію и Австрію на Балканскій полуостровъ, а оттуда въ Малую Азію и въ горную область, окружающую истоки Тигра и Ефрата. Альпіецъ — средняго роста, цвѣтъ кожи его средній между смуглымъ и розовымъ. Черепъ альпійца — круглый. Эта раса носитъ слѣды восточнаго происхожденія и, по всей вѣроятности, представляетъ собою остатки какого-то народа, просочившагося изъ Центральной Азіи. До сихъ поръ,—говоритъ Уитхэмъ, — еще не выяснена роль альпійской расы въ европейской цивилизаціи.

Третья раса—сѣверная. Она давно поселилась въ Европѣ, занявъ территоріи на югъ и на западъ отъ Балтійскаго моря. Черезъ травяныя степи она распространилась на юго-востокъ, и предста-

вителей ея мы находимъ въ господствующихъ классахъ Персіи и Индіи. Представители сѣверной расы отличаются высокимъ ростомъ,—длиннымъ черепомъ, голубыми глазами и свѣтлыми волосами (если въ ихъ крови нѣтъ примѣси). Въ наиболѣе чистомъ видѣ мы находимъ эту расу на Скандинавскомъ полуостровѣ, на датскомъ и англійскомъ берегахъ Сѣвернаго моря. Въ пѣсняхъ Гомера и въ сѣверныхъ сагахъ мы легко различаемъ наиболѣе выдающіяся черты характера этой расы, ея мужество, лояльность, рѣшительность, настойчивость и любовь къ приключеніямъ. Эта раса колонизировала Сѣверную Америку, создала Соединенные Штаты и Канаду, спустилась въ Южную Америку и насадила свою типичную цивилизацію въ Австраліи и Новой Зеландіи. Средиземная раса въ то же время создала себѣ вторую родину въ республикахъ Южной Америки. Цивилизація Европы создана взаимодѣйствіемъ трехъ расъ, т. е. средиземной, альпійской и сѣверной. Остальныя расы, какъ напр., семитическая, имѣли только поверхностное вліяніе,—говоритъ Уитхэмъ. Средиземная раса, предки которой жили въ пещерахъ, облюбовала города. Сѣверная раса всегда стремилась къ полямъ и лѣсамъ. Города и виноградники влекли ее только какъ добыча. Туда загоняли ее также холодъ, засухи и натискъ инородцевъ. Сѣверная раса, смѣшиваясь порой съ альпійской, перебралась черезъ горы и достигла береговъ Средиземнаго моря, какъ хищники, завоеватели, повелители и обновители. Затѣмъ она растворилась среди побѣжденныхъ, болѣе приспособленныхъ къ южнымъ условіямъ, и утратила много изъ своихъ отличительныхъ признаковъ [1]). Не всѣ эти расы равноцѣнны въ исторіи цивилизаціи Европы, — говоритъ Уитхэмъ. Одна раса имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы господствовать. Другія сдѣлаютъ лучше, если уступятъ ей первое мѣсто. Господствующая раса это, конечно, сѣверная, та самая, къ которой принадлежитъ докладчикъ. Періоды возрожденія Европы совпадаютъ съ тѣми моментами, когда сѣверяне становились командующимъ классомъ, а средиземная раса подчинялась. Что же касается альпійской расы, то „точная роль ея въ исторіи цивилизаціи Европы еще не выяснена“. Культуру создали завоеватели. „Эпоха возрожденія въ Италіи, напр., обусловливается тѣмъ, что завоеватели спустились съ горъ въ Италію и подѣйствовали, такимъ образомъ, какъ бродило на горожанъ“. „Въ Испаніи возрожденіе явилось изъ горъ, куда удалились подъ напоромъ мавровъ послѣдніе остатки сѣверной расы, т. е. вестготы, покорившіе въ свое время Иберійскій полуостровъ“. Для прогресса необходимо, чтобы наиболѣе одаренная раса, т. е. сѣверная, взяла бы верхъ надъ средиземной. Между тѣмъ, къ несчастью,—печалятся евгенисты,—низшая раса, т. е. средиземная, обладающая

[1]) Problems in Eugenics. Papers comminicated to the First International Eugenics Congress. London. 1912 г. P. p. 237—246

стадными инстинктами и жившая поэтому въ доисторическія времена въ пещерахъ, облюбовала большіе города и вытѣсняетъ отсюда высшую расу, т. е. сѣверную.

III.

„Высшая“ сѣверная раса не можетъ заставить низшую средиземную расу признать господство ея, такъ какъ теперь „высшій аргументъ“, т. е. пушки и дрэдноты отлично усвоены не только европейцами, но и азіатами. Евгенистамъ остается проповѣдывать „обновленіе“ общества.

Въ началѣ XIX вѣка Робертъ Оуэнъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на умы проповѣдью, что окружающія условія это — все. Если мы имѣемъ такія явленія, какъ преступленіе, нищенство и проституція, то въ этомъ виноваты ненормальныя внѣшнія условія. Измѣните ихъ, и человѣческій характеръ совершенно измѣнится. Робертъ Оуэнъ, какъ извѣстно, дошелъ до этихъ выводовъ экспериментальнымъ путемъ: всѣ знаютъ исторію фабрики въ Нью-Лэнаркѣ. Съ тѣхъ поръ соціологи и общественные дѣятели въ культурныхъ государствахъ вырабатываютъ реформы, имѣющія цѣлью измѣненіе среды, чтобы такимъ образомъ достигнуть измѣненія къ лучшему характера населенія.

„Среда не имѣетъ никакого значенія, — говорятъ евгенисты— такъ какъ извѣстные люди, по закону Менделя, рождаются уже съ опредѣленными пороками, которые совершенно нельзя устранить воспитаніемъ“. Мы имѣемъ передъ собою новую разновидность „первороднаго грѣха“. Люди, получившіе его по наслѣдству отъ родителей, будутъ „неприспособленными“, „непригодными“ для жизни, въ какія бы благопріятныя условія мы ни ставили ихъ. Улучшайте какъ хотите внѣшнія условія,—говорятъ евгенисты,—стройте образцовыя жилища, заводите школы и введите пенсію для престарѣлыхъ, но всѣмъ этимъ вы не добьетесь того, чтобы у чахоточныхъ, пьяницъ, лѣнтяевъ, профессіональныхъ преступниковъ и сифилитиковъ рождались бы здоровыя дѣти. Для улучшенія человѣческой „породы“ необходимо нѣчто иное, чѣмъ измѣненіе окружающихъ условій. „Чѣмъ обусловливаются печальныя явленія, занимающія теперь государственныхъ дѣятелей и соціологовъ?— спрашиваетъ Карлъ Пирсонъ.—Имѣемъ ли мы передъ собою результаты воспитанія (nurture) или *природы* (nature)? Является ли безуміе послѣдствіемъ крайне интенсивной современной жизни или это наслѣдственная болѣзнь, результатъ слабости и неприспособленности? Создаютъ ли притоны дегенератовъ или дегенераты создаютъ притоны? Является ли безработица послѣдствіемъ ненормальныхъ экономическихъ условій или же она доказываетъ, что въ об-

ществѣ накопилось слишкомъ много человѣческаго непригоднаго матеріала (wastage)? Зависитъ ли здоровье дѣтей болѣе отъ жилищъ или отъ физическаго состоянія родителей?.. Какимъ образомъ можно выработать планъ оздоровленія общества, если мы не знаемъ 1 ли процентъ или 90% изъ намѣченныхъ золъ обусловливается воспитаніемъ ? Если бы скотоводу сказать, что недостатки его коровъ и быковъ частью обусловливаются кормомъ и состояніемъ хлѣвовъ, а частью—болѣзнями производителей, — онъ не удовлетворился бы неопредѣленнымъ отвѣтомъ, но потребовалъ бы точнаго указанія на вліяніе каждаго изъ намѣченныхъ факторовъ. Мы не даемъ въ сущности никакого отвѣта, когда говоримъ, что одни отрицательныя соціальныя явленія обусловливаются воспитаніемъ, а другія—природой людей. За послѣднія семьдесятъ — восемьдесятъ лѣтъ всѣ соціальныя реформы въ Англіи основывались на предположеніи, что стоитъ только улучшить окружающія условія, чтобы нація прогрессировала до безконечности. Все наше фабричное законодательство, законы о дешевыхъ жилищахъ, о народномъ образованіи и множество другихъ биллей построены на предположеніи, что главнымъ факторомъ національнаго прогресса является воспитаніе, а не человѣческая природа. Изъ того же предположенія исходятъ филантропы и врачи. Въ сущности говоря, мы сковали этимъ предположеніемъ Природу, такъ какъ помѣшали дѣйствовать естественному отбору. Мы возложимъ на приспособленныхъ и на пригодныхъ къ жизни необходимость созданія такихъ благопріятныхъ окружающихъ условій, въ которыхъ непригодные къ жизни, осужденные природой на гибель, могли бы безпрепятственно размножаться“ [1]) Предположимъ,—говоритъ Карлъ Пирсонъ, — плотникъ нашелъ, что долото его не беретъ дерево. Онъ закаляетъ инструментъ, отпускаетъ, точитъ сперва на точильномъ камнѣ, а потомъ на брускѣ. Затѣмъ плотникъ снова пробуетъ долото и черезъ десять минутъ убѣждается, что оно опять никуда не годится. Онъ опять закаляетъ инструментъ, отпускаетъ и старательно точитъ, но долото, какъ и раньше, не беретъ дерево. Тогда плотникъ замѣняетъ простой брусокъ американскимъ, но все напрасно: долото не работаетъ. И вотъ, когда плотникъ выбросилъ свой точильный камень, намѣреваясь купить новый германскій оселокъ, другой плотникъ сказалъ товарищу: „*Послушай, быть можетъ, долото твое изъ плохой стали?*“ Но вмѣсто того, чтобы узнать свойство стали или запастись другимъ долотомъ, плотникъ разсердился на товарища и сталъ доказывать, что тотъ не знаетъ ни технологіи, ни открытій другихъ прикладныхъ наукъ. Если безполезно закалять долота, точить и править ихъ, то ужъ лучше отречься отъ механическаго прогресса и снова возвратиться

---

[1]) Karl Pearson. „Nature and Nurture. The Problems of the Future“. London. 1910 г. P. p. 11—12.

къ кремневымъ орудіямъ. Смыслъ притчи тотъ, что измѣненіе окружающихъ условій это закаливаніе и точеніе непригоднаго долота. „Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ въ Англіи существуютъ техническія школы, доступныя для всѣхъ,—продолжаетъ Карлъ Пирсонъ. — Населеніе тоже увеличилось, но новая система, тѣмъ не менѣе, не создала ни одного Аркрайта, Уатта или Стефенсона. Этимъ людямъ, конечно, сильно помогло бы техническое образованіе. Но можетъ ли одно воспитаніе создать ихъ? Если да, то почему же не англичане изобрѣли автомобиль, подводную лодку или аэропланъ?“ [1]) Соціальное законодательство, имѣющее цѣлью измѣненіе въ благопріятномъ смыслѣ среды не только не улучшаетъ человѣческую породу (stock), — утверждаетъ Пирсонъ, но даже ухудшаетъ ее, такъ какъ „непригодные“, получаютъ большую возможность размножаться. Въ первобытномъ обществѣ суровыя и неблагопріятныя окружающія условія не даютъ возможности выживать всѣмъ, обладающимъ умственными или физическими недостатками. Соціальное законодательство, ставящее слабыхъ и неприспособленныхъ въ лучшія условія на счетъ сильныхъ и приспособленныхъ, *вредно*, если оно 1) не сопровождается какими-нибудь мѣрами, задерживающими размноженіе непригодныхъ и 2) если мы не можемъ доказать, что воспитаніе улучшаетъ породу, — говоритъ Пирсонъ. Первый тезисъ не нуждается даже въ доказательствѣ. Каждый законъ, улучшившій условія, при которыхъ живутъ массы, понизилъ процентъ смертности и увеличилъ коэффиціэнтъ рождаемости неприспособленныхъ. Параллельно съ этимъ и, вѣроятно, въ извѣстной зависимости отъ этого, уменьшился коэффиціэнтъ рождаемости сильныхъ, способныхъ и приспособленныхъ“ [2]). Соціальныя реформы, — продолжаетъ Карлъ Пирсонъ, — могутъ быть оправданы только въ такомъ случаѣ, если въ защиту ихъ можно выставить *существенные*, а не реторическіе аргументы, т.-е. лишь тогда, если возможно доказать, что улучшеніе окружающихъ условій благопріятно отразится на будущихъ поколѣніяхъ. Соціальное законодательство, какъ оно практикуется теперь въ Англіи, т.-е. пенсіи для престарѣлыхъ, улучшеніе жилищъ, санаторіи для чахоточныхъ и т. д., *вредно* для предстоящихъ поколѣній,—доказываетъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ евгенистовъ Хавелокъ Эллисъ. „Правда, въ извѣстномъ отношеніи, соціальное законодательство нѣсколько облегчаетъ путь приспособленнымъ, но въ неизмѣримо большей степени оно содѣйствуетъ непригоднымъ и неприспособленнымъ бороться съ приспособленными. Соціальное законодательство поощряетъ непригодныхъ къ размноженію. При менѣе благопріятныхъ условіяхъ неприспособленные погибли бы, не передавъ потомству

1) „Nature and Nurture“, p. 14.
2) ib. p. 20.

своихъ недостатковъ" [1]). „Авторъ для примѣра беретъ чахоточныхъ, для спасенія которыхъ теперь въ Англіи на основаніи закона объ обязательномъ страхованіи будутъ строить санаторіи". Въ настоящее время, безъ сомнѣнія, чахотка связана съ цѣлымъ рядомъ другихъ болѣзней и является бичемъ общества, — говоритъ Хавелокъ Эллисъ.—Безъ всякаго сомнѣнія, желательно, чтобы о больныхъ заботились и лѣчили ихъ насколько возможно. Но каковы будутъ результаты? Нѣкоторые полагаютъ, что выпущенный изъ санаторія чахоточный будетъ совершенно здоровъ. Такое мнѣніе совершенно ошибочно. Болѣзнь быть можетъ *задержана*, но не больше. Паціентъ останется хилымъ. Здоровье его будетъ ниже средняго, и катастрофа всегда возможна. Затѣмъ, что въ особенности важно въ интересахъ расы, наслѣдственная хилость и слабое развитіе организма соханятся и будутъ переданы дѣтямъ. (Этими наслѣдственными качествами обусловливалось заболѣваніе чахоткой). Такимъ образомъ, появятся на свѣтъ еще будущіе носители и распространители чахотки и другихъ болѣзней. Можно, конечно, оспаривать наслѣдственность чахотки въ *буквальномъ* смыслѣ, — продолжаетъ Хавелокъ Эллисъ. — Но никто не станетъ отрицать наслѣдственность слабаго и хилаго организма. У чахоточныхъ часто бываютъ слабоумныя и душевнобольныя дѣти. За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ процентъ смертности отъ чахотки постепенно падаетъ въ Англіи и въ Шотландіи, но съ другой стороны процентъ душевнобольныхъ возрастаетъ. Слабоумны и душевнобольны легче всего становятся жертвами чахотки. Такимъ образомъ невольно возникаетъ вопросъ: не проигрываетъ ли скорѣе общество, борясь съ чахоткой и оставляя все остальное по прежнему? Насъ не должно удивлять появленіе людей, утверждающихъ, что чахотка служитъ грубымъ, но въ общемъ полезнымъ контрольнымъ аппаратомъ, при помощи котораго природа желаетъ остановить размноженіе непригодныхъ и неприспособленныхъ. И, если бы удалось совершенно истребить чахоточную бациллу, то это было бы національнымъ бѣдствіемъ. Человѣчество еще не подготовлено къ исчезновенію этой бациллы [2]).

Неприспособленные и непригодные къ жизни плодятся неизмѣримо больше, чѣмъ приспособленные. „Слабоуміе не только передается по наслѣдству и даже въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ принято думать, но дураки и идіоты имѣютъ гораздо больше дѣтей, чѣмъ нормальные люди,—говоритъ Хавелокъ Эллисъ.—Именно этого можно было ждать, даже внѣ зависимости отъ врожденной плодовитости. Слабоумные и дураки не думаютъ о будущемъ, не могутъ обуздать своихъ страстей, слѣдуютъ импульсамъ и не понимаютъ

---

[1]) Havelock Ellis, „The Problem of Race — Regeneration". London. 1911, p. 27.

[2]) The Problems of To—day, p. 29.

даже соображеній, съ которыми считаются нормальные люди". По мнѣнію Хавелока Эллиса, незаконныя дѣти рождаются, по преимуществу, у слабоумныхъ или у слабовольныхъ дѣвушекъ, не могущихъ въ силу этого устоять противъ искушенія. „Значительный процентъ именно такихъ женщинъ является постоянно въ рабочіе дома [1]). Здѣсь рождаются незаконныя дѣти, которыхъ матери не въ состояніи воспитывать. Очень часто эти дѣти выростаютъ слабоумными и идіотами, не могущими заботиться о себѣ. Съ теченіемъ времени они, въ свою очередь, производятъ на свѣтъ новое слабоумное поколѣніе. Въ особенности это обусловливается тѣмъ, что по закону подобія дураки ищутъ дуръ и слабоумные сближаются съ идіотками. Такимъ образомъ, является на свѣтъ потомство, не только ложащееся бременемъ на плательщиковъ налоговъ, но представляющее постоянную опасность для общества, такъ какъ понижаетъ свойства расы" [2]). „Приспособленные", должны еще потому страшиться неприспособленныхъ, что послѣдніе „представляютъ собою въ значительной степени кадры, изъ которыхъ вербуются хищные классы (predatory classes) — говоритъ Хавелокъ Эллисъ. — Въ особенности это вѣрно относительно проститутокъ. Слабоумныя дѣвушки, иногда даже довольно высоко развитыя, предоставленныя себѣ, становятся проститутками, не потому что онѣ порочны по натурѣ, а потому что слабы и не обладаютъ достаточно сильной волей для сопротивленія. Онѣ не въ состояніи вполнѣ взвѣсить свои поступки и предвидѣть послѣдствія". Во всемъ вина дѣвушекъ: „Если онѣ даже послѣ паденія желаютъ работать, то утрата респектабельности, какъ результатъ появленія незаконнаго ребенка, мѣшаетъ найти занятіе. Онѣ идутъ тогда въ проститутки. Изъ 15,000 женщинъ, попадающихъ ежегодно въ убѣжища св. Магдалины въ Англіи, 2,500 женщинъ или 16% — слабоумныя. Онѣ увеличиваютъ ежегодно населеніе Англіи на 1,000 слабоумныхъ. Въ Германіи, по изслѣдованіи Бонеффера, изъ 190 проститутокъ, попавшихъ въ тюрьму, 102 были дегенератки, а 53—слабоумныя... Между проституціей и слабоуміемъ, — продолжаетъ Хавелокъ Эллисъ,—существуетъ, такимъ образомъ, тѣсная связь" [3]). Такая же зависимость существуетъ, — по утвержденію того же автора,— между слабоуміемъ и преступностью. Авторъ, повидимому, забываетъ про мошенниковъ и преступниковъ высшей категоріи, принадлежащихъ, покуда не сорвутся, къ „приспособленнымъ" классамъ. Онъ не говоритъ совершенно про тѣхъ, которые затѣваютъ опасныя международныя авантюры, создаютъ войны и сталкиваютъ цѣлыя націи. Хавелокъ Эллисъ, какъ и остальные евгенисты, знаетъ только преступниковъ, не умѣющихъ справляться съ уложеніемъ о наказа-

1) Въ Англіи нѣтъ другихъ родильныхъ пріютовъ для бѣдныхъ.
2) Havelock Ellis, „The Problems of To-day", p. 39.
3) ib., p. 40.

ніяхъ. По мнѣнію того же автора, и безработица въ значительной степени обусловливается наличностью „непригодныхъ“ къ жизни. „Къ этимъ классамъ, отличающимся слабоуміемъ, прирожденной лѣнью, недостаткомъ жизненной энергіи и непригодностью къ организованной дѣятельности, принадлежатъ люди, постоянно жалующіеся на то, что умираютъ отъ голода вслѣдствія отсутствія работы; но если имъ дать ее, то они никогда не справятся съ нею... Эти люди ищутъ сочувствія, какъ безработные (unemployed). Въ дѣйствительности же они не годятся для работы (unemployable) [1]).

„Неприспособленные“ выдѣляютъ большой процентъ слабоумныхъ и душевно-больныхъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ могутъ выздоровѣть. Другіе неприспособленные остаются только кандидатами въ безумные. Хавелокъ Эллисъ допускаетъ, что такіе „вѣчные кандидаты“ могутъ быть прекрасными людьми и что ихъ эксцентричности „вносятъ извѣстный красочный элементъ въ сѣрые житейскіе будни“; но съ этимъ совершенно не согласенъ другой видный „евгенистъ“—сэръ Джемсъ Барръ. „Конечно, есть нѣкоторые преступники, проявляющіе значительныя дарованія,—говоритъ онъ.— Если нашей задачей будетъ полученіе только способной расы, то мы не должны исключить этихъ преступниковъ. Многіе изъ нихъ— своего рода геніи, проявляющіе большую честность, чѣмъ грюндеры. Изъ такихъ преступниковъ могъ бы выйти отличный канцлеръ казначейства“ [2]). Эти строки направлены противъ нынѣшняго канцлера казначейства (Ллойдъ-Джорджа), которому сэръ Джемсъ не можетъ простить не столько законъ объ обязательномъ страхованіи, сколько увеличеніе подоходнаго налога и обложеніе незаработаннаго приращенія.

IV.

Итакъ, человѣчество должно стремиться къ улучшенію „породы“. „Евгенисты не только желаютъ препятствовать размноженію непригодныхъ, но хотятъ также всячески поощрять приспособленные классы къ тому, чтобы они оставили возможно большее потомство. Если человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божьему, то евгенисты хотятъ сдѣлать его достойнымъ этого подобія“. „Мы хотимъ облагородить человѣка, уничтожить невѣжество и бестіальность. Величайшая и благороднѣйшая функція человѣческаго тѣла должна служить къ возвышенію, а не къ униженію человѣчества. Улучшеніе расы въ значительной степени зависитъ отъ женщины, а потому ее раньше всего слѣдуетъ воспитать. И будь женщина хоть нѣсколько разборчива въ выборѣ отца будущихъ дѣтей своихъ, евгеника сдѣлала бы стремительный прогрессъ. Нѣкоторыя дѣвушки,

---

1) „The Problems of To-day“, p. 44.
2) „The Aim and Scope of Eugenics“, p. 6.

надѣленныя большимъ запасомъ сантиментальности, выходятъ замужъ, чтобы „исправить“ своихъ мужей. Имѣй онѣ хоть нѣкоторое представленiе о законѣ Менделя, — продолжаетъ сэръ Джемсъ Барръ,—то знали бы заранѣ, что „исправленiе“ безпутныхъ совершенно безполезно. Выходя замужъ за кутилъ и за развратниковъ, дѣвушки подвергаютъ опасности будущее поколѣнiе и общество“ [1]).

„Природа обрекла на гибель всѣхъ непригодныхъ и неприспособленныхъ,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ“,— но, вслѣдствiе нашей чувствительности и разныхъ благотворительныхъ учрежденiй, слабосильные и слабоумные имѣютъ теперь больше шансовъ выжить въ борьбѣ за существованiе, чѣмъ сильные и приспособленные. Дегенератъ, осужденный природой на гибель, не только выживаетъ, но оставляетъ еще болѣе многочисленное потомство, чѣмъ вполнѣ нормальный человѣкъ. Дегенераты не считаются ни съ какимъ экономическимъ закономъ и производятъ на свѣтъ поколѣнiе, еще болѣе выродившееся, чѣмъ родители. Евгенисты хотятъ поднять расу на возможную высоту, тогда какъ нынѣшнiй порядокъ поведетъ къ несомнѣнной гибели ея“. Сильные и приспособленные, по словамъ сэра Джемса, молятъ у правительства только объ одномъ: „Бога ради, остановите ваше соцiальное законодательство, поощряющее непригодныхъ и неприспособленныхъ плодиться!“ Сильные и пригодные не нуждаются въ помощи государства и говорятъ ему: „Если ты помѣшаешь непригоднымъ и неприспособленнымъ размножаться, то мы сами добьемся всего. Въ такомъ случаѣ прогрессъ нацiи будетъ идти стремительно впередъ. Въ настоящее время, своей соцiальной политикой, государство мѣшаетъ свободному дѣйствiю закона объ естественномъ отборѣ. Трудолюбивые, независимые, способные люди вынуждены теперь работать гораздо больше, чѣмъ раньше, потому что надо обезпечить государственной пенсiей старость дегенератовъ и лѣнтяевъ. По преимуществу они доживаютъ до глубокой старости, такъ какъ государство печется о нихъ отъ колыбели до могилы“ [2]). Евгенисты полагаютъ, что въ нынѣшнемъ вырожденiи человѣчества, въ значительной степени виноваты врачи. Медицина усиленно заботится о сохраненiи жизни такихъ дегенератовъ и слабосильныхъ, которые самой природой обречены на гибель. Каждый годъ наука находитъ какое-нибудь средство бороться съ смертоносными бациллами, которыя, въ сущности, являются своего рода санитарами природы. Вѣроятно, этими взглядами объясняется, почему сэръ Джемсъ Барръ организовалъ теперь англiйскихъ врачей съ цѣлью бойкота закона о государственномъ страхованiи. Постороннему наблюдателю можетъ показаться, что тутъ мотивы совершенно примитивные: законъ предоставляетъ врачу за каждаго застрахованнаго больного—6 шиллинговъ, тогда какъ доктора хотятъ 8 шилл. 6 пенсовъ. Кромѣ того,

---

[1]) ib. p. 9.
[2]) ib. p. 10.

врачи, боясь, что иной застрахованный больной, могущій платить больше, чѣмъ шесть шиллинговъ за визитъ, отдѣлается „казенной" платой,—ставятъ такое условіе: „больные, зарабатывающіе болѣе 2 ф. ст. въ недѣлю, должны, даже если застрахованы, сговариваться, такъ сказать, сдѣльно съ докторомъ".

Итакъ, постороннему наблюдателю можетъ показаться, что бойкотъ, устроенный теперь англійскими врачами, обусловливается лишь жадностью. Книжка сэра Джемса Барра подсказываетъ другое объясненіе. „Неприспособленные", больные, т.-е. бѣдные, намѣчены самой природой. Помогать имъ, т.-е. удержать ихъ на этомъ свѣтѣ, тогда какъ имъ мѣсто на томъ,—значитъ содѣйствовать вырожденію расы. Лѣчить надо только „сильныхъ", „пригодныхъ", „приспособленныхъ", т.-е. богатыхъ, могущихъ платить хорошо.

Естественный отборъ работаетъ хорошо, но медленно. Евгенисты должны явиться на помощь природѣ и ускорить ея дѣйствія при помощи искусственнаго подбора. „Если бы при подборѣ родителей проявлялась такая же забота, какую проявляютъ скотоводы, Англія была бы очищена въ одинъ вѣкъ",—говоритъ сэръ Джемсъ Барръ.

Что же надо дѣлать? Отвѣтъ намѣченъ уже въ выдержкахъ изъ трудовъ отцовъ „евгеники". Надо помочь сильнымъ и приспособленнымъ. Надо отнять у „непригодныхъ" возможность размножаться. Прежде всего, не надо никакихъ подоходныхъ налоговъ, потому что такимъ образомъ отнимаютъ у „пригодныхъ" и „приспособленныхъ" средства, дабы дать возможность „неприспособленнымъ" и „непригоднымъ" выжить въ борьбѣ за существованіе. Затѣмъ необходимо измѣнить процентное отношеніе между способными и неспособными. „Оглядываясь съ холодныхъ высотъ антропологіи, — говоритъ Карлъ Пирсонъ, — я съ тревогой убѣждаюсь, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ *дѣйствительныхъ* вождей ни въ области политики, ни въ искусствѣ, наукѣ и въ промышленности. Меня поражаетъ отсутствіе направляющихъ умовъ среди британскихъ торговцевъ, представителей ученыхъ профессій и рабочихъ. У насъ, во всякомъ случаѣ, очень мало вождей, за которыми могла бы слѣдовать посредственность. Единственнымъ объясненіемъ является то, что англійскія женщины не рождаютъ больше талантливыхъ людей, какъ 100 или 50 лѣтъ назадъ. Сократился также процентъ рождаемости просто способныхъ людей. Зато менѣе способные и менѣе энергичные стали болѣе плодовиты. Есть только одинъ способъ спасти націю: надо сократить процентъ рождаемости неспособныхъ и увеличить процентъ рождаемости способныхъ" [1]).

Съ этою цѣлью надо, прежде всего, „принудительно агрегиро-

---

[1]) **Karl Pearson**, The Influence of Parental Alcoholism on the Physique and Intelligence of the Offspring", p. 28.

вать" всѣхъ неприспособленныхъ, а именно: „1) Всѣхъ слабоумныхъ дѣтей, обучающихся теперь въ спеціальныхъ школахъ; 2) всѣхъ душевно-больныхъ, какъ хрониковъ, такъ и временныхъ; 3) всѣхъ отказывающихся работать; 4) всѣхъ совершеннолѣтнихъ преступниковъ, осужденныхъ болѣе двухъ разъ; 5) всѣхъ привычныхъ пьяницъ; 6) всѣхъ дѣвушекъ, побывавшихъ болѣе двухъ разъ въ убѣжищахъ для падшихъ". Подъ „агрегаціей" подразумѣвается пожизненное заключеніе въ промышленныхъ школахъ или въ спеціальныхъ колоніяхъ, гдѣ „неприспособленные" могли бы вести скромную, трудовую жизнь и тихо умереть въ старости, не передавъ унаслѣдованныхъ ими несчастій своимъ дѣтямъ. И если бы такая „агрегація" осуществилась,—говоритъ авторъ,—то черезъ восемьдесятъ лѣтъ (непригодные живутъ долго, если о нихъ заботятся) нація возродилась бы. Къ концу этого періода мы могли бы уничтожить большинство нашихъ убѣжищъ для умалишенныхъ, тюремъ и рабочихъ домовъ, а также сократить число судей. Суммы, расходуемыя на общественную благотворительность, сократились бы до ничтожныхъ размѣровъ. И всѣ тѣ деньги которыя въ теченіе восьмидесяти лѣтъ будутъ тратиться на „предупредительную евгенику", можно будетъ расходовать затѣмъ на евгенику созидательную [1]). Итакъ, если „евгенисты" возьмутъ верхъ, то Гаршина и Ницше запрутъ на всю жизнь и отдадутъ ихъ на общественныя работы. Авторъ рекомендуетъ запереть „всѣхъ отказывающихся работать". Онъ подразумѣваетъ, конечно, только бродягъ и хроническихъ безработныхъ, а не тѣ обезпеченные классы, которые всю жизнь ничего не дѣлаютъ.

V.

Одна „агрегація" недостаточна. „Есть еще классъ неприспособленныхъ, которые могутъ быть полезными членами общества, чѣмъ отличаются отъ вышеупомянутыхъ непригодныхъ, но, также какъ и они, не должны быть отцами",—говоритъ только-что цитированный авторъ.—Ихъ нѣтъ надобности „агрегировать", разъ они могутъ быть полезны; но зато имъ надо помѣшать стать отцами и матерьми... Къ этому классу относятся: 1) больные, страдающіе легкой формой эпилепсіи, 2) принадлежащіе къ семьямъ, представители которыхъ умерли отъ чахотки, 3) лица, страдавшія когда-либо легкой формой душевной болѣзни [2]). Такимъ образомъ подъ эту категорію подошли бы сотни великихъ людей, въ томъ числѣ Достоевскій, Леопарди, Л. Н. Толстой (братья умерли отъ чахотки). Какъ же помѣшать имъ всѣмъ производить потомство и, такимъ образомъ, подвергать опасности то общество, высшимъ представи-

---

[1]) R. Hawkes, „What is Eugenics?", p. 10.
[2]) „What is Eugenics?", p. 11.

телемъ котораго стоитъ сэръ Джемсъ Барръ? Отвѣтъ, который дали на этотъ вопросъ нѣкоторые прямолинейные евгенисты на первомъ конгрессѣ, до такой степени примитивенъ, что я рѣшаюсь привести его только по стенографическимъ отчетямъ. Иначе читатели усомнились бы въ вѣрности передачи. „Общество имѣетъ право контроля надъ тѣмъ, какъ спариваются индивидуумы",—говоритъ американскій евгенистъ Девенпортъ.—„Въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверо-Американской республики уже и теперь пауперы могутъ вступать въ бракъ только при соблюденіи извѣстныхъ условій. Нельзя заключать брака, если мужъ абсолютно не можетъ зарабатывать средствъ къ существованію". Но всѣ эти ограниченія останутся пустымъ звукомъ, если общество не приметъ *серьезныхъ* мѣръ",—говоритъ Девенпортъ.—„Единственнымъ вѣрнымъ средствомъ, при помощи котораго можно помѣшать слабоумнымъ оставить потомство,—является *стерилизація ихъ*" [1]). Гораздо обстоятельнѣе развиваетъ ту же мысль предсѣдатель общества американскихъ евгенистовъ Блеекеръ ванъ-Вагененъ. Общество носитъ названіе (American B r e e d e r s Association), отъ котораго вѣетъ конскимъ заводомъ и случнымъ пунктомъ. Возникло оно въ 1903 году „дабы объединить изслѣдователей, экспериментаторовъ и преподавателей, интересующихся евгеникой и научной постановкой вопроса о спариваніи". „Въ послѣднее время общество обратило вниманіе на тотъ фактъ, что число неприспособленныхъ быстро возрастаетъ, какъ абсолютно, такъ и въ пропорціи къ остальному населенію. Суммы, расходуемыя на благотворительность, растутъ. Нормальные члены общества все больше и больше подвергаются зараженію со стороны неприспособленныхъ". Вагененъ требуетъ, чтобы слѣдующія классы были признаны „неприспособленными въ соціальномъ отношеніи и естественный приростъ ихъ по возможности сокращенъ: 1) слабоумные, 2) пауперы, 3) преступники, 4) эпилептики, 5) душевнобольные, 6) вообще слабые здоровьемъ, или астеники, 7) предрасположенные къ извѣстнымъ болѣзнямъ, или діатетики, 8) калѣки, 9) слѣпые и глухіе или „какаэстетики" [2]).

Отчеты показываютъ,—продолжаетъ Вагененъ,—что въ Соединенныхъ Штатахъ около 750.000 такихъ людей, о которыхъ государство должно постоянно заботиться. Трудно даже вычислить сумму вреда, приносимую этими индивидуумами промышленности и соціальной жизни страны. И точно такъ же, какъ талантливые люди приносятъ пользу неизмѣримо большую, чѣмъ ихъ численность, неприспособленные причиняютъ въ такой же пропорціи вредъ". Необходимо остановить притокъ неприспособленныхъ, т. е. помѣшать имъ плодиться. Съ этою цѣлью авторъ намѣчаетъ рядъ предупредительныхъ мѣръ:

---

[1]) „Problems in Eugenics", p. 154.

[2]) „Papers Communicated to the first International Eugenics Congress". London. 1912, p. 462.

1) Пожизненное агрегированіе (или, во всякомъ случаѣ, агрегированіе до тѣхъ поръ, покуда продолжается половая жизнь).

2) Стерилизація.

3) Ограничительные законы относительно брака.

4) Пропаганда евгеники и введеніе подходящаго спариванія.

5) Спариваніе, имѣющее цѣлью нейтрализацію наслѣдственныхъ дефектовъ.

6) Полигамія (?!).

7) Евтаназія (т. е., попросту, безболѣзненное удушеніе или утопленіе).

9) Нео-мальтузіанство, или искусственное предупрежденіе зачатія [1]).

У читателя возникнетъ цѣлый рядъ вопросовъ: каковы тѣ *точные* признаки, на основаніи которыхъ можно опредѣлить „неприспособленнаго", достойнаго „агрегированія", „стерилизаціи" или „евтаназіи"? Что значитъ „слабоумный", „пауперъ" и „астеникъ"? Основываясь на томъ, что Шелли относился совершенно безразлично къ деньгамъ и цѣлые часы могъ стоять у ручья, пуская бумажные кораблики, на родинѣ его провозгласили слабоумнымъ. Кантъ и Вольтеръ были „астеники", Леопарди—калѣка, а Гомеръ—„какаэстетикъ", т. е. слѣпой.

Наконецъ, возникаетъ самый главный вопросъ: *кто* будетъ опредѣлять, надобно ли „агрегировать" или подвергнуть „евтаназіи" того или другаго члена общества? Всѣ эти вопросы не смущаютъ Вагенена. Онъ только старается доказать цифрами, что рѣшительныя мѣры необходимы. „Перепись 1890 года отмѣчаетъ 95.609 слабоумныхъ, находящихся на свободѣ, а не въ пріютахъ. Въ послѣднемъ находилось только 5.254 слабоумныхъ. По переписи 1904 года въ благотворительныхъ учрежденіяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ находилось 15.150 слѣпыхъ и глухихъ; а на свободѣ, по вычисленію Александра Граама Белля, было 64.760 слѣпыхъ и 89.287 глухихъ. Перепись 1910 года отмѣчаетъ 61.420 глухо-нѣмыхъ, 44.312 слѣпыхъ и 584—слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ. По всей вѣроятности, около 3% всего населенія Соединенныхъ Штатовъ нуждается въ общественномъ призрѣніи. Около 10% едва умѣетъ заботиться о себѣ, такъ какъ „въ жилахъ этихъ людей течетъ кровь низкаго достоинства (inferior blood) и они находятся въ родствѣ съ людьми, совершенно непригодными для общества". Эти люди съ кровью плохаго достоинства совершенно не должны стать отцами и матерьми. Такъ какъ „ложный сантиментализмъ" нашего общества — противъ „евтаназіи"; такъ какъ „пожизненное агрегированіе" обходится очень дорого и такъ какъ неприспособленные не обратятъ вниманія ни на евгенику ни на нео-мальтузіанство,—то Вагененъ видитъ только одно дѣйствительное средство—„стерилизацію".

---

[1]) Ib. 464.

„Въ восьми штатахъ Сѣверо-Американской республики принятъ законъ, дозволяющій въ извѣстныхъ случаяхъ стерилизацію нѣкоторыхъ дегенератовъ и преступниковъ,—говоритъ Вагененъ.—Первый законъ подобнаго рода прошелъ въ 1907 году въ Индіанѣ, а послѣдній—въ 1912 году въ штатѣ Нью-Іоркъ. Въ слѣдующихъ штатахъ существуетъ законъ о стерилизаціи: въ Коннектикутѣ, Калифорніи, Айовѣ, Невадѣ, Нью-Джерсей и Вашингтонѣ. За исключеніемъ Индіаны и Калифорніи, остальные штаты ничего не сдѣлали для приведенія въ исполненіе принятаго закона, — скорбитъ Вагененъ. — Больше того: поднятъ даже вопросъ о совмѣстимости такого закона съ конституціей отдѣльныхъ штатовъ. Генералъ-атторнеи штатовъ не защищаютъ закона и не настаиваютъ на примѣненіи его. Наиболѣе усердно примѣнялся законъ въ Индіанѣ. Въ 1907 году тамъ были произведены по суду „васектоміи“, но съ 1909 года не было ни одной операціи, —жалуется докладчикъ. Въ штатѣ Нью-Джерсей верховный судъ теперь рѣшаетъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли право общество вводить законъ о стерилизаціи нѣкоторыхъ отмѣнныхъ преступниковъ, душевно-больныхъ, эпилептиковъ и слабоумныхъ“. Дѣйствіе закона тамъ пріостановлено, а общественное мнѣніе не настаиваетъ на примѣненіи его. Вагененъ одобрительно цитируетъ виднаго нью-іоркскаго юриста, Люиса Маршаля, допускающаго законность „стерилизаціи“. Конечно, въ нашъ вѣкъ пытки и истязанія недопустимы,—говоритъ законникъ, — но, главнымъ образомъ, потому что противъ нихъ общественное мнѣніе.

„Отсѣченіе руки клептоману, клеймленіе каленымъ желѣзомъ за кражу со взломомъ или кастрація прелюбодѣя было бы въ наше время, безъ сомнѣнія, сочтено чрезмѣрно жестокимъ наказаніемъ“, но это не относится къ „стерилизаціи“,—говоритъ Люисъ Маршаль.

„Я слышалъ, что операція васектоміи [1]) безболѣзненна, легка и не подвергаетъ опасности лицо,надъ которымъ произведена. Оно теряетъ только возможность производить потомство. И если бы операціи подвергались только отмѣнные преступники, то въ интересахъ общественнаго благосостоянія ее можно было бы отстаивать. Опасность заключается однако, въ томъ, что „стерилизаціи“ будутъ подвергаться не только привычные преступники, но и жертва окружающихъ условій, способная на исправленіе. Лишеніе такихъ индивидуумовъ всякой надежды стать отцами—очень жестоко. Извѣстны случаи, когда преступники становились впослѣдствіи примѣрными гражданами. Конечно, такіе случаи не часты, но одна возможность ихъ заставляетъ дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Во всякомъ случаѣ, такое наказаніе, какъ стерилизація, должно явиться результатомъ судебнаго приговора“. [2]). Даже человѣкъ, теоретически признающій стерилизацію, абсолютно не допускаетъ, чтобы ей можно было под-

---

1) Перерѣзываніе канала, выводящаго сперму.

2) „Problems in Eugenics“, p. 467.

бергать индивидуума по рѣшенію коммисіи (какъ хотятъ евгенисты). Въ концѣ концовъ Люисъ Маршаль, цитируемый Вагененомъ, замѣчаетъ, что „общественное мнѣніе еще не подготовлено къ рѣшенію подобныхъ проблемъ".

Не такимъ преждевременнымъ кажется проектъ самому Вагенену. „Калифорнскій законъ, разрѣшающій „асексуализацію", ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названъ совершеннымъ, но и при помощи его удалось убѣдить часть публики въ полезности операціи",—говоритъ Вагененъ [1]).

Вагененъ жалуется на то, что общество никакъ не можетъ и не хочетъ стать на точку зрѣнія евгенистовъ. „Римско-католическая церковь, пользующаяся громаднымъ вліяніемъ у ирландскаго населенія Соединенныхъ Штатовъ, абсолютно противъ стерилизаціи",—скорбитъ докладчикъ. Католическіе священники въ Соединенныхъ Штатахъ говорятъ, что государство не должно и не уполномочено отнимать у индивидуума Богомъ дарованное право. Когда въ Пенсильваніи былъ внесенъ законопроектъ о стерилизаціи, онъ былъ отвергнутъ только вслѣдствіе рѣзкой оппозиціи со стороны депутатовъ-католиковъ, считающихъ „васектомію" несправедливымъ и противнымъ Богу калѣченьемъ человѣка. Вагененъ выражаетъ надежду, что, по мѣрѣ того, какъ евгеника будетъ находить больше сторонниковъ, человѣчество приметъ выводы, которые авторъ услужливо формулируетъ:

„Стерилизація мужчинъ при помощи васектоміи, не препятсвуя половымъ функціямъ, является простымъ и практичнымъ средствомъ, предупреждающимъ возможность оплодотворенія. Къ сожалѣнію, средство только *временное*. Лишь кастрація является абсолютно вѣрнымъ средствомъ.

„Стерилизація женщинъ при помощи сальпингектоміи, оваріо-

---

1) „Надъ осужденными мужчинами производится васектомія. Примѣняется мѣстная анестезія. Затѣмъ перерѣзывается канатикъ такъ, что сперматоза извергается въ мошонку и потомъ всасывается. Надъ женщинами обычно производится сальпингектомія. Былъ одинъ случай смерти: послѣ операціи развился острый нефритъ. Въ общемъ, въ Калифорніи съ ноября 1910 г. произведено 220 операцій асексуализаціи. Изъ подвергшихся операціи тридцати четыремъ—меньше девятнадцати лѣтъ, сорока пяти было отъ 20—24 лѣтъ; пятидесяти четыремъ—отъ 25—29 лѣтъ; тридцати семи—отъ 30—34 лѣтъ. Изъ женщинъ 47 были замужнія, а 38—одинокія. Изъ мужчинъ подвергшихся операціи, большинство—холостые. Пятьдесятъ процентовъ оперированныхъ мужчинъ—душевнобольные или наслѣдственные алкоголики. Многіе изъ подвергшихся операціи отпущены и съ удобствомъ (in comfort) живутъ дома. Въ общемъ, большинству операція пошла на пользу. Операція не дѣлаетъ половыя сношенія невозможными: она препятствуетъ лишь оплодотворенію. Широкое пользованіе операціей стерилизаціи принесетъ несомнѣнную пользу всему человѣчеству... Для блага человѣчества необходимо стерилизовать привычныхъ преступниковъ, пьяницъ, морфинистовъ, эпилептиковъ и страдающихъ половыми извращеніями".

(„Problems in Eugenics". Appendix, p. 470).

томіи, гистеректоміи, или при помощи всѣхъ трехъ средствъ вмѣстѣ, всегда сопровождена съ извѣстной опасностью для организма и даже для жизни.

„Стерилизація при помощи одного изъ упомянутыхъ процессовъ, повидимому, не измѣняетъ сильно прежнихъ привычекъ и сексуальнаго характера. У женщинъ половое чувство послѣ операціи усиливается, а у мужчинъ ослабляется.

„Очень мало шансовъ за то, чтобы результатомъ стерилизаціи тѣхъ, которые явно непригодны быть родителями, явилось усиленіе половой безнравственности. Наши наблюденія показали, что непригодные индивидуумы никогда не считаются ни съ какими соображеніями, когда находятся подъ вліяніемъ страсти. Стерилизація сдѣлаетъ безвредными для общества эти взрывы страсти.

„Наши знанія покуда еще такъ ограничены, что мы теперь можемъ намѣтить только нѣсколько типовъ, которые можно безопасно выбрать для принудительной стерилизаціи. Эти индивидуумы, по всей вѣроятности, находились бы всю жизнь подъ тою или иною формою надзора. Стерилизація ихъ имѣетъ евгеническую цѣнность, такъ какъ представляетъ гарантію противъ появленія на свѣтъ малоцѣннаго въ общественномъ смыслѣ потомства.

„Васектомія можетъ превратиться въ евгеническую мѣру большой цѣнности, если будетъ находиться подъ покровительствомъ закона и если врачамъ дозволено будетъ вообще убѣждать неприспособленныхъ согласиться на операцію. (Если неприспособленный не въ состояніи оцѣнивать своихъ поступковъ, то согласіе должны дать родители или опекуны).

„Въ виду того, что законы, предписывающіе стерилизацію, подобные тѣмъ, которые дѣйствуютъ теперь въ восьми штатахъ,— подвергнутся сильному нападенію и будутъ оспариваться въ верховномъ судѣ, евгенисты должны быть приготовлены къ энергичной защитѣ ихъ“ [1]).

VI.

„Приспособленные“ классы—это богатые; „непригодные“, обреченные природой на гибель, это—бѣдные. Одни богаты потому, что родились отъ хорошихъ „производителей“ и здоровы, сильны, умны, энергичны. Другіе бѣдны, потому что имѣютъ „кровь низшаго качества“, слабы, глупы, и безвольны. Улучшеніе окружающихъ условій только ухудшаетъ расу, такъ какъ содѣйствуетъ выживанію неприспособленныхъ. Вотъ почему евгенисты должны возставать противъ такихъ реформъ, какъ государственная пенсія для стариковъ и обязательное страхованіе. Такъ говоритъ сэръ Джемсъ Барръ. Итальянскіе

[1]) „Problems in Eugenics“, стр. 479.

евгенисты на конгрессѣ были, пожалуй, еще болѣе прямолинейны, чѣмъ англо-саксонскіе. Проф. неаполитанскаго университета Альфредо Ничефоро раздѣляетъ въ своемъ докладѣ все человѣчество на классы въ зависимости отъ экономическаго благосостоянія, придавая каждому классу особую психологію и особую физіологію. Въ большихъ городахъ,—говоритъ докладчикъ,—мы имѣемъ населеніе богатыхъ кварталовъ (classes supérieures) и населеніе кварталовъ бѣдныхъ (classes pauvres, classes inférieures).

„Индивидуумы, принадлежащіе къ низшимъ классамъ, отличаются въ сравненіи съ индивидуумами, принадлежащими къ высшимъ классамъ, болѣе слабымъ организмомъ, меньшимъ черепомъ, меньшимъ сопротивленіемъ умственной усталости, медленностью развитія и бо́льшимъ числомъ разныхъ аномалій. Вообще говоря, въ бѣдныхъ кварталахъ мы имѣемъ индивидуумовъ низшаго типа. Бѣдные классы, кромѣ того, отличаются демократическими чертами, хорошо извѣстными статистикамъ: большею смертностью и повышеннымъ коеффиціентомъ рождаемости, преобладаніемъ случаевъ смерти отъ извѣстныхъ болѣзней, слабо развитымъ стремленіемъ къ передвиженіямъ изъ одной страны въ другую, ранними браками, и т. д.

Не „евгенистъ“ объяснилъ бы всѣ эти черты вліяніемъ среды и экономическими условіями. „Евгенистъ“ видитъ тутъ „законъ Менделя“ и наслѣдственность. „Возникаетъ вопросъ, — говоритъ проф. Ничефоро, — какія причины создаютъ соціальныя группы низшаго типа, характерныя черты которыхъ мы только что намѣчали?—Нѣтъ сомнѣнія, что мезологическія условія являются въ извѣстномъ смыслѣ одною изъ причинъ вырожденія; но существуетъ также другая, болѣе важная категорія причинъ. Мы имѣемъ передъ собою *индивидуальный характеръ*, приносимый каждымъ при рожденіи. Этотъ характеръ—*наслѣдственное владѣніе*, отъ котораго индивидуумъ не можетъ отдѣлаться до самой смерти... Люди, появившіеся на свѣтъ съ физическими и умственными чертами низшаго порядка, обречены на то, чтобы опуститься въ низшіе слои общества или чтобы остаться тамъ, если ихъ родители принадлежатъ къ этимъ слоямъ. Съ другой стороны, люди выдающихся способностей (les hommes qui naissent porteurs de caractères supérieurs) стремятся подняться вверхъ или удержать то высокое экономическое, соціальное и интеллектуальное положеніе, которое уже заняли ихъ родители“. Въ докладѣ проф. Ничефоро всѣ эти строки набраны курсивомъ. Итальянскій ученый, повидимому, убѣжденъ, что открылъ новый, важный соціальный законъ.

Вслѣдствіе этого постояннаго процесса подниманія приспособленныхъ вверхъ и опусканія неприспособленныхъ внизъ, мы имѣемъ, по словамъ проф. Ничефоро возможность наблюдать индивидуумовъ высшаго типа среди богатыхъ классовъ, а низшаго—среди бѣдныхъ. По мнѣнію докладчика, надо создать новую науку:

„Anthropologie des classes pauvres“ (Антропологію бѣдныхъ классовъ) [1]). И когда я слушалъ докладъ проф. Ничефоро, предо мною всталъ князь Ипполитъ Курагинъ („Война и Миръ“), съ лицомъ „затуманеннымъ идіотизмомъ“. Тѣломъ князь хилъ и тщедушенъ. Передъ нами типичный „неприспособленный“, „обреченный природой на гибель“. Но такъ какъ Курагинъ князь и сынъ министра, то вмѣсто того, чтобы „по закону Альфредо Ничефоро“ (евгенисты знаютъ не гипотезы, а только законы, незыблемые, какъ законъ Ньютона), опуститься внизъ къ неприспособленнымъ, — Ипполитъ получаетъ какой-то важный дипломатическій постъ при вѣнскомъ дворѣ. Мое воображеніе забѣжало впередъ. Я представилъ себѣ общество, въ которомъ берутъ верхъ евгенисты. Назначается комитетъ оздоровленія расы для отбора всѣхъ неприспособленныхъ Въ комитетъ входятъ: сэръ Джемсъ Барръ, находящій, что только идіоты и дегенераты могутъ восторгаться геніемъ, проявляющимъ признаки безумія (напр., Бетховеномъ); генералъ, прославившійся сожженіемъ ста деревень; другой генералъ, ничего не сжегшій, но потерявшій въ первомъ же сраженіи всѣ пушки и весь обозъ; торговецъ, нажившій милліоны доставкой въ армію испорченныхъ консервовъ, отъ которыхъ солдаты гибли больше, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль; финансистъ, придумавшій геніальную комбинацію, пустившую по міру сотни людей и ученый типа Альфредо Ничефоро. Предсѣдателемъ Комитета Оздоровленія расы единодушно избранъ князь Ипполитъ Курагинъ. И въ засѣданіе этого комитета приводятъ Леопарди, Вольтера, Достоевскаго, Бетховена, Ницше и многихъ другихъ. И Комитетъ Оздоровленія расы признаетъ существованіе всѣхъ ихъ опаснымъ для будущихъ поколѣній. Однихъ осуждаютъ, какъ слабоумныхъ, другихъ, какъ безумцевъ, эпилептиковъ или калѣкъ. Князь Ипполитъ Курагинъ, заплетаясь языкомъ, произноситъ термины „агрегація“, „васектомія“, „евтаназія“, какъ нѣкогда въ кабинетѣ Билибина въ Брюннѣ, такимъ же образомъ путаясь языкомъ, говорилъ: „Le cabinet de Berlin“, «notre dépêche», «la dernière note». И если въ жизни возможно, что глупымъ, невѣжественнымъ и жестокимъ людямъ отдается во власть счастье и даже жизнь десятковъ тысячъ гражданъ; что развратники и растлители становятся опорой церкви; что безчестные люди, ошельмованные судомъ, какъ взяточники, воры и хищники становятся единственными охранителями общества, — если все это возможно, то почему князю Ипполиту Курагину не стать предсѣдателемъ Комитета Оздоровленія расы?

На конгрессѣ выступили многіе критики ученія евгенистовъ. Тутъ были люди діаметрально противоположныхъ взглядовъ, какъ

---

1) Prof. Alfredo Niceforo, La Cause de l'infériorité des caractères psycho-physiologiques des classes inférieures" (Докладъ, прочитанный на первомъ конгрессѣ евгенистовъ въ Лондонѣ).

напр. Бальфуръ и П. А. Кропоткинъ. Они указывали, что „евгеника“ не наука, а только родъ отдѣльныхъ наблюденій, нуждающихся еще въ провѣркѣ; что „законы“, которымъ придается такое универсальное значеніе, относятся лишь къ очень ограничительной сферѣ явленій. П. А. Кропоткинъ выставлялъ кромѣ того, еще этическія возраженія. Съ крайне серьезными аргументами противъ „евгеники“ выступилъ извѣстный итальянскій экономистъ Лорія, явившійся на конгрессъ, какъ евгенистъ. Предо мною теперь его докладъ, прочитанный на конгрессѣ «Elite fisio-psichica ed elite economica». Извѣстный экономистъ не находитъ словъ для восхваленія заботъ евгенистовъ о томъ, чтобы будущія поколѣнія являлись болѣе совершенными, чѣмъ современное человѣчество; но, по мнѣнію докладчика, цѣль эта не будетъ достигнута до тѣхъ поръ, покуда сфера дѣйствій евгенистовъ не будетъ точно опредѣлена. „Насколько я понимаю ученіе евгенистовъ, человѣчество надо раздѣлить на группы въ зависимости отъ его умственныхъ и физическихъ качествъ. Затѣмъ необходимо всячески поощрять размноженіе однѣхъ группъ и всѣми силами препятствовать тому, чтобы индивидуумы другихъ группъ оставляли потомство. Но выполненіе этого плана на практикѣ въ высшей степени трудно, такъ какъ не легко распредѣлить людей по степени ихъ талантливости. Физическія свойства еще подаются извѣстному учету и оцѣнкѣ; но совсѣмъ другое мы имѣемъ, когда переходимъ къ моральнымъ и умственнымъ качествамъ, такъ какъ динамометръ интеллектуальности еще не изобрѣтенъ (un dinamometro dell' intelletto non é stato ancora scoperto). Правда, сдѣланы, были евгенистами попытки группировки людей на основаніи того, какъ они сдавали экзамены въ школѣ, а Гальтонъ вывелъ даже законы изъ изученія экзаменаціонныхъ списковъ Кэмбриджскаго университета; но методъ этотъ очень не точенъ и пользующійся имъ могъ легко сдѣлать большія погрѣшности“. Студенты, отличившіеся на экзаменахъ, очень часто оказываются въ научной или общественной дѣятельности посредственностями или дураками. Мѣриломъ умственныхъ способностей не могутъ быть и литературныя произведенія, такъ какъ, во-первыхъ, многіе выдающіеся по уму люди ничего не пишутъ, а во-вторыхъ, оцѣнка чужого произведенія всегда крайне субъективна. „Въ виду всѣхъ этихъ страшныхъ затрудненій“, возникающихъ при попыткѣ раздѣлить людей по степени ихъ умственныхъ способностей,—говоритъ Лорія,—естественнымъ образомъ явилось желаніе опредѣлить способности индивидуума на основаніи его общественнаго или имущественнаго положенія. Явилось стремленіе поставить калибръ умственныхъ способностей въ зависимость отъ размѣра дохода, легко подающагося учету. Многіе предлагаютъ намъ смотрѣть на преуспѣяніе матеріальное, какъ на результатъ психофизическаго отбора. Евгенисты совѣтуютъ намъ взять возможно

большее количество мужчинъ и женщинъ и группировать ихъ по размѣру ихъ дохода. Такимъ образомъ, будто-бы,—говорятъ намъ,— мы получимъ скалу умственныхъ способностей и масштабъ для опредѣленія приспособленности. Затѣмъ останется, съ одной стороны, поощрять людей, имѣющихъ хорошій доходъ, вступать въ бракъ и производить на свѣтъ возможно больше дѣтей, а людей бѣдныхъ удерживать отъ этого. И все это, по мнѣнію евгенистовъ, общество возродитъ". Лоріа отмѣчаетъ, что эта теорія, по существу совпадаетъ съ ученіемъ Мальтуса, который тоже желалъ, чтобы въ бракъ вступали люди высшихъ классовъ, а бѣдняки чтобы воздерживались отъ обзаведенія семьей.

Евгенисты строятъ свои выводы на предположеніи, что отборъ экономически независимыхъ людей и отборъ психо-физическій— одно и то же, и что одно понятіе можно свободно замѣнить другимъ. „Ora è cio precisamente che io nego",—энергично восклицаетъ Лоріа (но именно это я рѣшительно отрицаю). Экономическій отборъ отнюдь не является результатомъ обладанія высшихъ умственныхъ способностей. Передъ нами лишь простое слѣдствіе слѣпой борьбы доходовъ [1]), выносящей на поверхность тѣхъ, которые съ перваго начала обладали бóльшимъ состояніемъ. Передъ нами процессъ, совершенно не зависящій отъ выдающихся умственныхъ способностей.

„Экономическій высшій классъ,—говоритъ Лорія въ своей книгѣ „Sinteso economica"—не является высшимъ въ психо-физическомъ отношеніи и поэтому можетъ произвести малоцѣнное и худосочное потомство. Результатомъ браковъ очень богатыхъ людей являются дегенераты. Все это, конечно, разрушаетъ утвержденіе евгенистовъ, что отборъ экономическій и психо-физическій одно и тоже".

Евгеника указала на нѣкоторыя явленія, на которыя несомнѣнно слѣдуетъ обратить вниманіе. Она выяснила, въ извѣстной степени, при помощи цифръ, какъ отражаются на потомствѣ алкоголизмъ родителей или венерическія болѣзни (сифилисъ и гонорея). Евгеника дала намъ нѣсколько важныхъ изслѣдованій о наслѣдственности слабоумія [2]). Она собрала интересныя *факты*; но оказалась совершенно несостоятельной, когда захотѣла дѣлать обобщенія. Евгеника не могла доказать, что примѣненіе окружающихъ условій *не отражается* на возрожденіи расы. Напротивъ, всѣ факты, накопленные до сихъ поръ, доказываютъ обратное. Знаменитый тезисъ: „наши дѣды были здоровѣе",—противорѣчитъ фактамъ. Въ Англіи, напримѣръ, отошли въ область преданій такія эпидеміи, которыя четыреста лѣтъ назадъ содѣйствовали вырожденію цѣлыхъ областей (напр. „потная эпидемія"). Теперь чаще чѣмъ раньше люди доживаютъ въ Англіи до глубокой старости.

---

1) „Il risultato della cieca lotta fra i redditi".
2) Henry H. Goddard, „Heredity of Feeble-Mindedness", London.

Физически теперь англичане здоровѣе, чѣмъ раньше. Это вообще относится ко всѣмъ культурнымъ народамъ, живущимъ при *нормальныхъ* условіяхъ. Blonde Bestie, сильная, здоровая и вольная— только фантазія. Люди каменнаго вѣка напоминали не жизнерадостныхъ „кентавровъ“, а скорѣе современныхъ остяковъ, изъѣденныхъ болѣзнями и вшами.

„Звѣриная философія“, изложенная въ этомъ письмѣ, очень часто порождена примитивнымъ нежеланіемъ платить подоходные налоги. Каждый „евгенистъ“ исходитъ изъ положенія, что онъ „приспособленный“, а потому имѣетъ право производить надъ своими ближними самые дикіе, самые жестокіе и совершенно безцѣльные эксперименты. Во всякомъ случаѣ, „приспособленный“ считаетъ себя вправѣ подавать совѣты. Въ лучшемъ случаѣ, „евгеника“ представляетъ собою классическій примѣръ того, какъ люди сковываютъ свой умъ ими же придуманной доктриной.

По поводу пуганья вырожденіемъ мнѣ припоминаются строки, написанныя великимъ русскимъ публицистомъ и экономистомъ, разбиравшимъ законъ Мальтуса. „Не бойтесь... Неужели вы думаете мѣрить далекое будущее вашими обычаями, понятіями, средствами производства? Неужели вы полагаете, что ваши праправнуки будутъ такими же, какъ вы? Не бойтесь, они будутъ умнѣе васъ. Думайте о томъ, какъ вамъ устроить вашу жизнь, а заботу о судьбѣ праправнуковъ оставьте праправнукимъ. Вы можете видѣть, что не только вы можете, что и ваши дѣти и внуки могутъ уже обезпечить себя отъ нищеты,—ну, пусть этого и будетъ довольно съ васъ: черезъ 200 лѣтъ люди будутъ смѣяться надъ вашими надеждами на будущее, какъ надеждами слишкомъ мелкими, надъ вашими опасеніями за будущее, какъ опасеніями, проистекавшими только изъ вашей дикости“ [1]).

Діонео.

ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

1. Желательныя кандидатуры. Путь отъ опубликованія избирательныхъ списковъ до подачи голоса.—2. „Равнодушіе“ и активность избирателей. Изъ выборныхъ итоговъ. Помѣщики и духовенство на выборахъ.—3. Новое въ соотношеніи общественныхъ силъ.—4. О Балканской войнѣ.

Съ 10 сентября—офиціально и согласно Высочайшему указу—начались собственно выборы. Къ этому моменту составъ избирателей былъ въ основныхъ чертахъ опредѣленъ,—какъ именно, я уже

[1]) Н. Г. Чернышевскій, „Основанія политической экономіи Д. С. Милля“. Полное собраніе сочиненій. Томъ VII, стр. 280.

говорилъ въ сентябрьской хроникѣ при обзорѣ мѣропріятій, направленныхъ къ надлежащимъ разъясненіямъ въ области активнаго избирательнаго права. Есть еще пассивное право... Безъ заботъ о томъ, чтобы и оно было надлежаще разъяснено и понято, кампанія не могла обойтись. А къ моменту выборовъ вопросъ о желательныхъ и нежелательныхъ кандидатахъ и вовсе сталъ остро.

Надо сказать, что его надлежащей постановкѣ не мало посодѣйствовала третья Дума. Наиболѣе вліятельныя группы ея большинства, пользуясь особою близостью къ „сферамъ", естественно стремились къ максимальному расширенію своей власти на мѣстахъ,—между прочимъ, въ городскихъ и земскихъ общественныхъ управленіяхъ. Претензіи, положимъ, г. Шульгина, г. Маркова или г. Пуришкевича на хозяйскую роль въ мѣстныхъ общественныхъ учрежденіяхъ далеко не всегда согласовались съ волей городскихъ и земскихъ избирателей. Приходилось, слѣдовательно, воевать. Какъ велись войны по поводу городскихъ и земскихъ выборовъ, болѣе или менѣе извѣстно. Чтобы не углубляться въ эту тему, напомню лишь одинъ эпизодъ, — изъ исторіи выборовъ въ „столыпинское" „западное" земство.

Группа предпріимчивыхъ людей, называющихъ себя „націоналистами", пожелала взять въ свои руки земское хозяйство Волынской губерніи. У избирателей оказались иныя желанія. Возникла война, жаркая, страстная. Однако, предпріимчивые люди почти во всѣхъ уѣздахъ потерпѣли пораженіе.

Получился большой конфузъ, но націоналисты не растерялись и перенесли арену борьбы въ петербургскіе салоны, гдѣ провалъ на земскихъ выборахъ былъ освѣщенъ, какъ подрывъ престижа власти. Началась расправа... Неблагопріятный для націоналистовъ исходъ земской кампаніи былъ поставленъ въ вину губернатору гр. Кутайсову, и ему пришлось покинуть свой постъ. Гр. Кутайсовъ... передъ отъѣздомъ прямо заявилъ, что уходитъ вслѣдствіе интригъ націоналистовъ... Затѣмъ принялись за земцевъ... Далѣе послѣдовали требованія объ устраненіи земскихъ служащихъ... [1])

Главное—свалить при помощи петербургскихъ салоновъ губернатора. А затѣмъ и новый губернаторъ, и всякіе прочіе чины почувствуютъ надлежащій страхъ, поймутъ, какъ съ ними будетъ поступлено въ случаѣ неоказанія должнаго содѣйствія. Оказывать же содѣйствіе значитъ поступать, примѣрно, такимъ способомъ:

Въ Городнѣ, Черниговской губ., еще въ апрѣлѣ произведены были выборы въ мѣстную городскую думу. Результаты выборовъ не понравились, и выборы были кассированы. Передъ новыми выборами исправникъ... вызвалъ къ себѣ человѣкъ 40 избирателей... и предложилъ имъ воспользоваться спискомъ кандидатовъ, который и роздалъ имъ... Тѣмъ, кто осмѣлился бы ослушаться, исправникъ напомнилъ что-то такое о возможности выселенія.. Какъ извѣстно, за малолѣтнихъ правомъ голоса пользуются ихъ опекуны. И тутъ исправникъ проявилъ изобрѣтательность, такъ что составъ опеку-

[1]) „Рѣчь", 26 сентября.

новъ къ выборамъ нѣсколько измѣнился... 14 іюня на выборахъ одинъ изъ горожанъ публично демонстрировалъ списокъ кандидатовъ, раздававшійся исправникомъ [1]).

5 лѣтъ думской работы, въ теченіе которыхъ особенно удобно было систематически давить на мѣстную администрацію при посредствѣ петербургскихъ салоновъ,—срокъ солидный. За это время администрація получила много уроковъ. Самый составъ ея обновился въ соотвѣтствующемъ направленіи. Потребная предпріимчивымъ людямъ прямолинейность глубже вошла въ нравы. Когда возникла думская избирательная кампанія, къ ней оставалось лишь примѣнить методы, ставшіе привычными на городскихъ и земскихъ выборахъ. И, вотъ, напр., изъ той Городни, Черниговской губ., имѣемъ такое сообщеніе:

Городнянскій исправникъ, требуя отъ евреевъ избранія праваго депутата, настаиваетъ на предоставленіи ему для заполненія избирательныхъ бюллетеней [2]).

Напомню кое-какія аналогичныя газетныя извѣстія.

Нижегородская губернія:

Въ уѣздахъ ходячей фразой сдѣлалось выраженіе: „губернаторскій кандидатъ", т. е. лицо, которое администрація намѣрена проводить въ выборщики. Лицъ, являющихся конкурентами губернаторскимъ кандидатамъ, разъясняютъ всевозможными способами. Напримѣръ, въ одномъ изъ уѣздовъ намѣчаемый въ кандидаты земскій врачъ былъ уволенъ со службы, но тотчасъ же принятъ снова, какъ только онъ далъ обѣщаніе не выставлять своей кандидатуры. Организуя выборы по всѣмъ куріямъ, не забываютъ и крестьянъ. Волостные старшины и писаря съ ногъ сбились: то ихъ вызываютъ исправники, то земскіе, то иные начальники. Всѣ съ соотвѣтствующими угрозами предлагаютъ старшинамъ и писарямъ проводить на волостныхъ сходахъ заранѣе намѣченныхъ администраціей кандидатовъ. Старшинамъ заявляютъ буквально слѣдующее: „если на вашихъ сходахъ будутъ выбраны лѣвые крестьяне, то вамъ житья въ губерніи не будетъ" [3]).

Казанская губернія:

Лѣтомъ во время объѣзда губерніи губернаторомъ волостные писаря собранные въ уѣздныхъ городахъ, выслушали предложеніе заготовить списки желательныхъ кандидатовъ въ уполномоченные отъ крестьянъ. И списки эти представить земскимъ начальникамъ. Мѣсяца черезъ два губернаторомъ предпринятъ вторичный объѣздъ губерніи. На этотъ разъ для внушенія были вызваны уже не писаря, а волостные старшины... Со спискомъ въ рукахъ губернаторъ внушалъ волостнымъ старшинамъ употребить весь ихъ авторитетъ на то, чтобы были избраны намѣченные въ офиціальномъ спискѣ кандидаты.

— Если моя бесѣда появится въ печати, — закончилъ свое обращеніе губернаторъ къ старшинамъ въ Чистополѣ — знайте, вы служите послѣдній разъ.

---

1) „Современное Слово", 26 августа.
2) „Рѣчь", 19 сентября.
3) „Рѣчь", 26 сентября.

...Начавъ предвыборными инструкціями для писарей и старшинъ, господа дѣлатели выборовъ принялись за земскихъ начальниковъ.

...— Мнѣ извѣстно,—заявилъ губернаторъ,—что на прошлыхъ выборахъ нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ голосовали за кандидатовъ противоправительственныхъ партій и не препятствовали крестьянамъ выбирать лицъ, которыя потомъ открыто примыкали къ врагамъ порядка. Этого впредь не должно быть. Уклоняющіеся отъ преподанныхъ инструкцій должны заблаговременно подумать объ отставкѣ [1]).

Продолжать погубернскій перечень мѣропріятій для насъ нѣтъ надобности. Вопросъ о томъ, кто долженъ быть избранъ, рѣшался и на прежнихъ трехъ выборахъ. Но тогда его рѣшали по преимуществу отрицательнымъ методомъ—при помощи „законнаго разъясненія" тѣхъ кандидатовъ, избраніе коихъ нежелательно. Теперь наряду съ отрицательнымъ методомъ получилъ небывало огромное значеніе и методъ положительный: точное, поименное опредѣленіе кандидатовъ, избраніе коихъ желательно. Само собою понятно, что для правильнаго рѣшенія этой послѣдней задачи понадобилась большая предварительная работа. Еще въ началѣ нынѣшняго года о Нижегородской, напр., губерніи газеты сообщали, что тамъ земскимъ начальникамъ предложено

возможно скорѣе выяснить, кто въ ихъ участкахъ неблагонадежнаго лѣваго направленія... Во время выборовъ всячески добиваться, чтобы были выбраны люди, безусловно соотвѣтствующіе видамъ правительства [2]), и т. д.

Такую же работу продѣлали предпріимчивые люди, называющіе себя союзниками, монархистами и пр. Къ ней привлечено было въ обширныхъ размѣрахъ и духовенство,—по крайней мѣрѣ, нѣтъ недостатка въ извѣстіяхъ, примѣрно, такого характера:

Циркуляръ по волынской епархіи предлагаетъ настоятелямъ церквей „незамедлительно прислать списокъ надежныхъ крестьянъ вашего прихода, которыхъ въ полной увѣренности можно было бы рекомендовать для выбора по волости" [3]).

За отсутствіемъ надлежащаго контингента желательныхъ кандидатовъ, кое-гдѣ понадобились пришлые люди, снабженные такъ называемыми „казенными цензами".

Словомъ, методъ положительнаго рѣшенія вопроса „о допустимыхъ субъектахъ пассивнаго избирательнаго права" на сей разъ примѣненъ съ небывалой энергіей. „Новое Время" не такъ давно высказало, что это только въ Россіи не бывало, а на просвѣщенномъ Западѣ случалось и прямое заполненіе представительныхъ учрежденій „*назначенными*" депутатами... Бенъ-Акибы Эртелева переулка отчасти правы: „всяко бывало"; но они хорошо бы сдѣлали, если бы въ интересахъ исторической справедливости доба-

---

1) „Русское Слово", 12 сентября.
2) „Современное Слово", 21 января.
3) „Кіевская Мысль", 14 августа.

вили: и оканчивалось очень непріятными для авторовъ приключеніями.

Желательныя кандидатуры были опредѣлены заранѣе. Кѣмъ именно? При злоупотребленіи схематизмомъ и съ высоты птичьяго полета можетъ представиться такая картина. Какъ и „на просвѣщенномъ Западѣ", у насъ есть „правительственная партія", именуемая „чернымъ блокомъ" и состоящая изъ октябристовъ, націоналистовъ, монархистовъ и прочихъ наименованій. Сложность состава указываетъ на пестроту условій и настроеній: въ Курской губерніи преобладаютъ монархисты, въ Кіевской—націоналисты, въ Рязанской—октябристы... Правительство, въ качествѣ центральной силы, ведетъ среднюю линію, объединяетъ дружественныя ему политическія организаціи, примиряетъ ихъ внутреннія противорѣчія, приспособляетъ ихъ общую, основную тенденцію къ мѣстнымъ особенностямъ и условіямъ, выдвигая въ Рязанской губерніи октябризмъ, въ Кіевской — націонализмъ, въ Курской — монархизмъ... Гдѣ что нравится, тамъ то и продаютъ. Какъ и на просвѣщенномъ Западѣ, „правительственная партія" у насъ на выборахъ выставляетъ своихъ кандидатовъ. Какъ и на Западѣ, они называются въ просторѣчіи правительственными кандидатами... А когда ихъ проводятъ, то—могутъ добавить Бенъ-Акибы изъ „Новаго Времени" — всяко бываетъ: при Стамбуловѣ въ Болгаріи не жалѣли палокъ, въ гораздо болѣе близкіе къ намъ дни австрійское начальство не пожалѣло даже патроновъ. Мало ли примѣровъ? Ну, и у насъ не хуже, чѣмъ въ другихъ хорошихъ домахъ...

Такъ можетъ казаться съ высоты птичьяго полета. Въ дѣйствительности уже на примѣрѣ столкновенія волынскихъ „націоналистовъ" съ гр. Кутайсовымъ легко замѣтить черты самобытности. Вмѣсто партіи, маленькая группа чуждыхъ губерніи предпріимчивыхъ людей. Они выставляютъ свои кандидатуры. Во время выборовъ въ „западное земство" ихъ считали и называли *правительственными* кандидатами. Но фактически офиціальные и отвѣтственные представители правительства относились къ нимъ сдержанно, если не совсѣмъ холодно. Однако, у насъ есть еще какіе-то петербургскіе, по преимуществу дамскіе, салоны. Они оказались посильнѣе офиціальнаго, отвѣтственнаго правительства. И гр. Кутайсовъ „слетѣлъ". Другими словами, — для офиціальныхъ представителей правительства крайне опасно вступать въ пререканія съ предпріимчивыми людьми. И не менѣе, если не болѣе, опасно брать на себя иниціативу, свести воедино разнородныя теченія внутри „чернаго блока", составить списокъ кандидатовъ и пр. На чей вкусъ должны быть кандидаты? Пока рѣчь идетъ о земскихъ или городскихъ гласныхъ,—этотъ вопросъ о вкусахъ не такъ ужъ важенъ. Но депутатъ—судно большое, снаряжаемое для всероссійскаго плаванія. Если онъ не понравится какому-либо дамскому салону (а ихъ вѣдь не мало),—скверно. Если онъ подойдетъ подъ

вкусъ дамскихъ салоновъ, но не понравится официальному и прямому начальству,—тожъ пріятнаго не много... При этихъ условіяхъ официальному и отвѣтственному правительству мудрено овладѣть своими естественными правами на гегемонію въ правительственномъ блокѣ, на руководящую роль во время избирательной кампаніи. Правда, въ Курской (для примѣра) губерніи на сценѣ, на виду у публики дѣйствуютъ официальные представители правительства. Но въ суфлерской будкѣ сидитъ г. Марковъ II, но пьеса написана „Земщиной" подъ диктовку какого-либо „салона" графини N, гдѣ роль вдохновителя, быть можетъ, принадлежитъ графининой приживалкѣ, или 40-лѣтнему „старцу" изъ Сибири.

Разъ правительство до такой степени дезорганизовано, а власть распылена, гегемонія, казалось бы, должна была перейти къ „сильнымъ" столыпинской ставки,—къ тѣмъ настоящимъ сильнымъ, каковыми являются „первенствующее сословіе" и „господствующій классъ". Въ дѣйствительности уже во времена третьей Думы преобладаніе получили не столько сила родовитости, знатности, капитала, сколько такія личныя качества. какъ юркость, умѣнье приспособляться ко вкусамъ салоновъ графини N, баронессы Y, вдовы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Z. Не столбовой представитель сословія Хомяковъ, а новый дворянинъ изъ духовнаго званія Пуришкевичъ; одинъ изъ самыхъ крупныхъ екатеринославскихъ капиталистовъ Копыловъ попадаетъ подъ градъ доносовъ, а мелкій содержатель екатеринославскаго „истинно-русскаго" кіоска покрикиваетъ на высшихъ представителей губернской администраціи. Еще недавно могло казаться, что г. Пуришкевичъ—крайняя грань въ этомъ направленіи. Но выборы въ четвертую Думу выдвинули на смѣну старымъ юркимъ и предпріимчивымъ людямъ новыхъ людей, еще болѣе юркихъ и предпріимчивыхъ. Г. Пуришкевичъ на ущербѣ. Звѣзда нижегородскаго г. Барача восходитъ. Кто этотъ г. Барачъ? Чей онъ кандидатъ въ члены Государственной Думы? Дворянства? — Нѣтъ. Буржуазіи? — Нѣтъ. Не менѣе ярки „официальныя" кандидатуры, положимъ, Волынской губерніи. Но опять-таки за ними не стоитъ мѣстное дворянство,—наоборотъ, въ подавляющемъ большинствѣ оно противъ нихъ. Противъ нихъ и подавляющее большинство мѣстныхъ торгово-промышленныхъ круговъ. Такія же кандидатуры въ Виленской губерніи... Пусть въ послѣдней мѣстное дворянство и мѣстная буржуазія въ значительной степени состоитъ изъ „инородцевъ". Но вотъ „русскіе", и притомъ чиновники, — и не обыкновенные чиновники, а стоящіе во главѣ виленскаго отдѣла національнаго союза. Даже эти чиновники „возстали" противъ кандидатуръ, называемыхъ „правительственными". Однако,—писалъ по этому поводу корреспондентъ „Новаго Времени" —

существовали директивы, по которымъ эти кандидатуры должны быть во что бы то ни стало проведены. Въ Вильнѣ это всѣ знали и ни отъ кого не

скрывали. Но такъ какъ національный союзъ противился, то кандидатурамъ... представлялась серьезная опасность... Рѣшили нажать...

Возникъ было проектъ—совсѣмъ закрыть національный союзъ.

Но закрыть все-таки не рѣшились, а распустили лишь комитетъ. Комитетъ, состоящій изъ мѣстныхъ служилыхъ людей, получилъ отъ своего начальства приказъ самоупраздниться... И самоупразднился... Теперь кандидатуры... пройдутъ въ Государственную Думу безъ помѣхи“ [1]).

Гегемонія, очевидно, не въ рукахъ дворянства и буржуазіи. Не „сильными“ составлены списки „офиціальныхъ“ кандидатовъ. Эти кандидаты называются „правительственными“. Но мы уже видѣли, что этотъ терминъ можетъ не обозначать заинтересованность представителей офиціальнаго правительства. О нѣкоторыхъ кандидатахъ—какъ, напр., о виленскомъ г. Замысловскомъ—писалось, что они проводятся въ Думу „согласно непремѣнному желанію Петербурга“. Но въ Петербургѣ есть и совѣтъ министровъ, и салонъ баронессы X, и многое множество другихъ „инстанцій“. Каждая изъ нихъ можетъ желать г-на Замысловскаго или г-на Барача. И желаніе каждой будетъ приниматься въ Нижегородской или Виленской губ., какъ „желаніе Петербурга“. И на вопросъ, кому именно принадлежитъ гегемонія, приходится отвѣтить общимъ опредѣленіемъ: гегемонія принадлежитъ въ значительной мѣрѣ неотвѣтственнымъ вліяніямъ, которыя вообще стали играть у насъ ужъ слишкомъ большую роль. Реализуютъ же и воплощаютъ эту силу въ конкретныя формы предпріимчивые люди, наиболѣе приспособленные пользоваться ею. Среди нихъ есть лица, занимающія офиціальное положеніе. Но есть и приватныя персоны, даже такія, какъ ассенизаторы, булочники, сапожники, пристанодержатели, скупщики краденаго. Главнымъ образомъ отсюда, изъ этого коллективнаго источника, и произошли списки желательныхъ кандидатовъ. Отсюда же и характеръ кандидатуръ, именуемыхъ „правительственными“, но до такой степени эффектныхъ и яркихъ, что въ однихъ мѣстахъ пришлось раскассировать націоналистовъ, въ другихъ—наложить опалу даже на союзниковъ; октябристовъ и подавно пришлось подвергнуть не только индивидуальнымъ разъясненіямъ, но и нѣкоторымъ общимъ мѣропріятіямъ:

Екатеринославскій губернаторъ Якунинъ разослалъ приказъ арестовывать въ волостныхъ правленіяхъ всѣ воззванія союза 17 октября [2]).

Въ Лебединскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., отъ земскихъ начальниковъ волостями получены предписанія немедленно уничтожать брошюры, получаемыя отъ имени парламентской фракціи союза 17 октября [3]).

Не только гг. Гучковъ и А. Столыпинъ заговорили „на оппозиціонный ладъ“,—„заговорилъ“ кн. Мещерскій, „заговорилъ“ г. Мень-

---

[1]) Цит. по „Современному Слову“, 11 сентября.

[2]) „Современное Слово“, 7 сентября.

[3]) „Утро“, 11 сентября.

шиковъ, „заговорилъ“ даже Пуришкевичъ... Дрогнули сердца испытанныхъ бойцовъ. Легко представить, что же заговорилъ рядовой избиратель. Тѣмъ не менѣе, желательныхъ кандидатовъ надо было проводить. Задача героическая. Но это лишь значитъ, что для ея рѣшенія нужны героическія средства.

Кандидатъ эффектный, яркій... И его, судя по всему, не желаетъ подавляющее большинство избирателей, даже подвергнутыхъ той радикальной очисткѣ, о которой я говорилъ въ сентябрьской хроникѣ. Но если большинство не желаетъ выбирать предпріимчиваго человѣка, то и предпріимчивому человѣку нѣтъ основанія желать, чтобы большинство присутствовало на выборахъ. Чѣмъ меньше избирателей, тѣмъ лучше. Правда, списки уже составлены, поступили въ коммиссіи по выборамъ. Для индивидуальныхъ исправленій осталось еще много мѣста. Но дополнительная массовая очистка мало удобна. Однако, къ удовольствію предпріимчивыхъ людей, учрежденія, на обязанности которыхъ лежало составить списки избирателей, справились съ работою весьма неважно. Точнѣе, пожалуй, вовсе не справились:

Курскъ. Списки составлялись крайне небрежно и отпечатаны безъ всякой корректуры, поэтому получилась страшная путаница въ именахъ и фамиліяхъ избирателей [1]).

Двинскъ. Списки избирателей составлены поразительно небрежно. Встрѣчаются ошибки въ именахъ, отчествахъ, фамиліяхъ, вѣроисповѣданіяхъ. Пропущено нѣсколько тысячъ избирателей [2]).

Аналогичныя свѣдѣнія имѣемъ изъ Ковны, Брестъ-Литовска, Ростова-на-Дону, Кременчуга, Минска, Тифлиса и т. д., и т. д. Мѣстами при болѣе внимательномъ изученіи списковъ обнаружена не только „поразительная“, но и цѣлесообразная „небрежность“. Например, одесскіе корреспонденты газетъ утверждали, что въ мѣстныхъ спискахъ „правые“ избиратели занесены въ общемъ аккуратно и вѣрно, но лицъ, извѣстныхъ прогрессивнымъ настроеніемъ, и евреевъ фатально поражала небрежность корректоровъ, невнимательность переписчиковъ, и получались искаженныя имена и фамиліи, пропущенныя отчества, перепутанные адреса [3]). Тѣмъ больше основаній было очистить списки отъ неправильностей. Посыпались газетныя извѣстія: тамъ исключили всѣхъ, у кого пропущены отчества, здѣсь всѣхъ, у кого искажены имена. Уже эта дополнительная очистка и безъ того очищенныхъ избирателей привела къ восхитительнымъ результатамъ. Ихъ достаточно характеризуетъ остроумное предложеніе одесскихъ предпріимчивыхъ людей:

возбудить передъ правительствомъ ходатайство о сліяніи обѣихъ курій въ одну, въ томъ разсчетѣ, что избиратели второй куріи, гдѣ большинство

---

[1]) „Русское Слово“, 18 августа.

[2]) „Русское Слово“, 30 августа.

[3]) „Русское Слово“, 12 сентября.

принадлежитъ союзникамъ, численно подавитъ прогрессивныхъ избирателей первой куріи [1]).

Первая городская курія — крупные цензовики, вторая — мелкіе избиратели. По естественному порядку вещей, первая консервативнѣе и правѣе, чѣмъ вторая. Но крупные цензовики не такъ легко поддаются ошибкамъ, пропускамъ, ограниченіямъ и другимъ механическимъ дѣйствіямъ. Мелкіе избиратели, наоборотъ, чрезвычайно удобны для всевозможныхъ экспериментовъ. Въ результатѣ крупные цензовики оказались лѣвѣе, чѣмъ уцѣлѣвшіе избиратели второй куріи.

По минованіи должныхъ сроковъ исправленные и дополненные списки избирателей получили законную силу. На основаніи ихъ началась разсылка избирательныхъ повѣстокъ и бланковъ. Эта операція оказалась новымъ фильтромъ:

Пятигорскъ. Многимъ извѣстнымъ въ городѣ избирателямъ не вручены повѣстки [2]).

Кременчугъ. Полиція вернула въ городскую управу свыше 2.000 именныхъ избирательныхъ бюллетеней, не сумѣвъ доставить ихъ адресатамъ, за неразысканіемъ послѣднихъ. Большинство неразысканныхъ евреи; имѣются домовладѣльцы. Эта неосвѣдомленность полиціи лишаетъ 2.000 избирателей ихъ правъ [3]).

Смоленскъ. Изъ 2.800 бюллетеней возвращено неврученными 1.040 [4]).

Ярославль. Полиціей возвращена управѣ третья часть именныхъ объявленій по первому съѣзду за ненахожденіемъ адресатовъ [5]).

Чѣмъ же виновата полиція, если, вслѣдствіе „небрежнаго" составленія списковъ, адреса невѣрны?

Избирателя, который просочился и черезъ этотъ фильтръ, надлежало допустить всетаки къ выборамъ. На основаніи избирательнаго закона 3 іюня властью, предоставленной министру внутреннихъ дѣлъ, стали дробить избирательную массу на куріи. Раздробили по признаку экономическому, а слѣдовательно, и по степенямъ демократической опасности:

Такъ, въ Вытегорскомъ уѣздѣ всего 56 мелкихъ землевладѣльцевъ, вошедшихъ въ списки. Ихъ раздѣлили на три самостоятельныхъ съѣзда: къ первому отнесены настоятели церквей, ко второму лица, владѣющіе землей въ размѣрѣ не менѣе $^1/_5$ полнаго ценза, къ третьему всѣ остальные мелкіе землевладѣльцы. Послѣднихъ оказалось 10 человѣкъ, они всѣ имѣютъ въ общей сложности только $245^1/_2$ десятинъ, т. е. значительно меньше полнаго ценза (425 дес.); вслѣдствіе этого съѣздъ, на который они созываются, не можетъ состояться, если бы даже явились поголовно всѣ приписанные къ нему избиратели...

---

1) „Русское Слово", 14 сентября.
2) „Рѣчь", 2 октября.
3) „Русское Слово", 21 сентября.
4) „Рѣчь", 26 сентября.
5) „Русскія Вѣдомости", 29 сентября.

Въ Орскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, выдѣлены въ особый съѣздъ настоятели церквей, у которыхъ не набирается и одного полнаго ценза. Ихъ съѣздъ, назначенный на 18 сентября, тоже завѣдомо фиктивный [1]).

Выдѣленіе такихъ курій, которыя не имѣютъ ни одного полнаго ценза и, слѣдовательно, лишены возможности воспользоваться избирательными правами,—конечно, крайняя степень увлеченія. Но оно характеризуетъ прямолинейность, съ какою дробили массу избирателей по имущественному признаку. Ее раздробили, кромѣ того, по національному признаку,—выдѣляя поляковъ, евреевъ, татаръ и прочихъ неблагонадежныхъ инородцевъ, которые могли бы усилить значеніе неблагонадежныхъ „русскихъ" избирателей. Раздробили по религіозному признаку. Раздробили по сословному признаку (духовенство отдѣлили отъ свѣтскихъ лицъ). Сверхъ того, ее частью раздробили, частью перетасовали по инымъ стратегическимъ и тактическимъ соображеніямъ:

Стонъ стоитъ по всей Россіи—писалъ г. А. Столыпинъ въ „Новомъ Времени"—и еще хуже, смѣхъ... Въ такой-то губерніи во всѣхъ уѣздахъ нѣмцы голосуютъ со всѣми, но ради одного депутата лишь въ одномъ уѣздѣ они выдѣлены въ особую курію, въ другой губерніи то же самое дѣлаютъ съ духовенствомъ...

Это вообще. А частности, примѣрно, таковы. Мы уже знаемъ мнѣніе „Новаго Времени", что вслѣдствіе раскассированія виленскаго „національнаго союза" избраніе намѣченныхъ кандидатовъ, а въ числѣ ихъ и г. Замысловскаго, считалось обезпеченнымъ. Болѣе детальнымъ подсчетомъ силъ, однако, эта увѣренность была поколеблена. Возникло опасеніе, что г. Замысловскаго по мѣсту его ценза (въ Виленскомъ уѣздѣ) „ждетъ провалъ". Зато въ другомъ, Трокскомъ, уѣздѣ удалось набрать избирателей, готовыхъ поддержать эту кандидатуру. Но въ Трокскомъ уѣздѣ у г. Замысловскаго нѣтъ ценза. И возникаетъ соломоново рѣшеніе, о которомъ читаемъ въ газетахъ:

Предварительные съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ Виленскаго и Трокскаго уѣздовъ соединены въ одинъ. Сдѣлано это съ цѣлью провести Замысловскаго [2]).

Конечно, о цѣляхъ можно бы лишь догадываться. Но выборы нельзя сдѣлать совсѣмъ конфиденціально. Предпріимчивые люди обзавелись собственною прессою. Каждую мѣру, необходимую, по ихъ мнѣнію, для успѣха, они обсуждаютъ въ своихъ органахъ, въ своихъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ. И когда удается достигнуть желаемаго, они не отказываютъ себѣ въ удовольствіи злорадно подчеркнуть значеніе одержанной побѣды. Такъ въ Вильнѣ, такъ въ Одессѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Положимъ, газеты сообщаютъ:

---

1) „Смоленскій Вѣстникъ", 13 сентября.

2) Тамъ же.

Избиратели второй куріи Өеодосіи и Стараго Крыма причислены къ избирательному съѣзду города Керчи, куда, за сто слишкомъ верстъ, и должны явиться для подачи голоса.

Вслѣдъ затѣмъ появляется телеграфная замѣтка:

Өеодосія. Мѣстный офиціозъ „Южное Слово" съ циничною откровенностью разъясняетъ причины перенесенія въ Керчь съѣзда городскихъ избирателей Өеодосіи и Стараго Крыма. По словамъ этого органа, шансы правыхъ признаны безнадежными въ Өеодосіи: у нихъ здѣсь нѣтъ даже кандидата. Въ Керчи же выдвигаются кандидатуры... Въ виду этого признано полезнымъ [1])...

Напомню еще нѣсколько аналогичныхъ газетныхъ сообщеній:

Второй съѣздъ избирателей города Севастополя назначенъ въ Симферополѣ. Этимъ устранено отъ выборовъ около 3.000 избирателей [2]).

Предварительный съѣздъ мелкихъ землевладѣльцевъ русской національности перенесенъ изъ города Рѣчицы въ мѣстечко Юревичи... Этимъ (по мѣстнымъ условіямъ) ослабляется вліяніе на выборы прогрессивныхъ русскихъ помѣщиковъ [3]).

Помимо удаленія мѣста выборовъ отъ того естественнаго центра, гдѣ живутъ избиратели, получило большое значеніе вообще назначеніе выборовъ въ такихъ мѣстахъ, которыя отъ избирателя далеко, и куда ему трудно добраться. Напримѣръ:

Для избирателей евреевъ Херсонскаго уѣзда назначенъ одинъ съѣздъ лишь въ Херсонѣ, куда они и должны будутъ пріѣзжать изъ отдаленныхъ мѣстностей [4]).

Тамъ, гдѣ трудно было призвать на помощь географію, даже при готовности севастопольскіе выборы назначать въ Симферополѣ, удалось найти болѣе тонкіе методы изоляціи. Въ числѣ избирателей, положимъ, несмотря на фильтрацію, оказалось немало приказчиковъ. Элементъ опасный. И вотъ читаемъ:

Тамбовъ. Приказчики выдѣлены въ особую курію вмѣстѣ съ чиновниками, пенсіонерами [5]).

Рязань. Изъ второго избирательнаго съѣзда городскихъ избирателей выдѣлена особая курія, куда отнесены приказчики и чиновники [6]).

Своего рода алгебра: соединеніе въ одну курію такихъ элементовъ, которые взаимно нейтрализуются, — плюсъ, минусъ и въ итогѣ нуль.

Вторая курія Новочеркасска избираетъ двухъ выборщиковъ. Таковые и намѣчаются. Оба кадеты, члены 3 Думы—гг. Харламовъ

[1]) „Русское Слово", 13 сентября.
[2]) „Русское Слово", 14 сентября.
[3]) „Русское Слово", 8 сентября.
[4]) „Русское Слово", 2 сентября.
[5]) „Русское Слово", 8 сентября.
[6]) „Русское Слово", 6 сентября.

и Воронковъ. У обоихъ квартиронанимательскій цензъ. Ихъ шансы считались обезпеченными. Но мѣстные люди раскинули умомъ, и...

> изъ Петербурга пришло распоряженіе: раздѣлить вторую курію на 2 разряда; въ первый вошли домовладѣльцы и лица, имѣющія торгово-промышленныя свидѣтельства. Во второй разрядъ, избирающій тоже одного выборщика, отнесены служащіе учрежденій и квартиронаниматели [1]).

Такимъ образомъ, первый разрядъ оказался безъ намѣченныхъ кандидатовъ, кандидаты—безъ тѣхъ голосовъ, которые отнесены въ первый разрядъ, а сверхъ того, гг. Харламовъ и Воронковъ стали соперниками, претендующими на одно и то же мѣсто.

Въ Архангельскѣ по второму городскому съѣзду намѣчается кандидатура к.-д. Меѳодіева (члена 3 Думы). Шансы считались твердыми... Опасность своевременно замѣчена, силы учтены,—и вторую городскую раздѣлили на два разряда; и такъ раздѣлили, что г. Меѳодіевъ „попалъ въ среду мелкихъ лавочниковъ-домовладѣльцевъ", въ которой не могъ имѣть шансовъ [2]).

Въ концѣ концовъ избирательная масса оказалась раздробленной въ всевозможныхъ направленіяхъ, по чрезвычайно многообразнымъ и прихотливымъ признакамъ. Каждое дробленіе рѣшало узкую задачу, усиливая шансы желательныхъ кандидатовъ и ослабляя—нежелательныхъ. А въ цѣломъ получилась система, чрезвычайно удобная для всѣхъ тѣхъ, кому желательно, чтобы избирателей было возможно меньше. Нѣсколько разрядовъ въ городахъ, 5—6 или даже 7 разрядовъ въ уѣздахъ. И каждый въ отдѣльности взятый избиратель обязанъ знать, къ какому именно разряду онъ отнесенъ, гдѣ то мѣсто, куда онъ долженъ явиться для подачи голоса, и кто тѣ люди, вмѣстѣ съ которыми ему предоставлено осуществить свои избирательныя права. Обо всемъ этомъ можно освѣдомиться по преимуществу изъ губернскихъ вѣдомостей, гдѣ такія свѣдѣнія излагаются малопонятнымъ рядовому избирателю юридическимъ языкомъ. Сверхъ того, губернскія вѣдомости не принадлежатъ къ числу читаемыхъ изданій. А въ добавленіе ко всему, дробленіе избирателей совершалось нерѣдко въ самый послѣдній моментъ передъ выборами; оно являлось вдругъ, какъ неожиданный, обезоруживающій противника ходъ въ игрѣ. Распоряженіе состоялось и даже опубликовано. Но въ теченіе той недѣли, которая, по русскимъ почтовымъ условіямъ многихъ губерній, нужна, чтобы номеръ губернскихъ вѣдомостей послѣ напечатанія дошелъ до всѣхъ подписчиковъ, состоялись выборы. Другими словами, получился новый фильтръ сквозь который могли просочиться далеко не всѣ избиратели, уцѣлѣвшіе отъ предварительныхъ очистокъ. Газеты увѣряютъ, что мѣстами сама администрація запуталась въ слишкомъ ужъ капризной системѣ дробленія. Тѣмъ болѣе извинительно было запутаться

[1]) „Русское Слово", 13 сентября.
[2]) „Современное Слово", 30 сентября.

обывателю. Во всякомъ случаѣ, воспользоваться избирательными правами могли лишь тѣ, кто не запутался, своевременно узналъ или могъ узнать, въ какомъ онъ состоитъ разрядѣ, и гдѣ ему предоставлено голосовать.

Этимъ уцѣлѣвшимъ и освѣдомленнымъ обывателямъ надо было, однако, слѣдить за сроками. Освѣдомиться объ этомъ опять-таки предоставлялось по преимуществу изъ губернскихъ вѣдомостей, мало читаемыхъ, не легко понимаемыхъ, а, сверхъ того, и опаздывающихъ. Уже этого общаго условія было достаточно, чтобы значительная часть избирателей оказалась неосвѣдомленной относительно сроковъ, или узнавшей о нихъ слишкомъ поздно. А на подмогу общимъ условіямъ были выдвинуты и нѣкоторыя спеціальныя заботы. Въ „Новомъ Времени“ читаемъ:

Дмитровскій, Орловской губер., исправникъ вечеромъ 9 сентября прислалъ въ мѣстную земскую управу нѣсколько штукъ объявленій, въ которыхъ говорится, что производство выборовъ на предварительныхъ съѣздахъ по первому и второму съѣздамъ мелкихъ землевладѣльцевъ и настоятелей православныхъ церквей имѣетъ быть 11 сентября... Получивъ такія объявленія, земская управа руками развела: черезъ день выборы, а нѣкоторые изъ участниковъ живутъ за 30—40 верстъ [1]).

Беру нѣсколько аналогичныхъ сообщеній.

Кромы. По второму отдѣлу съѣзда мелкихъ землевладѣльцевъ никто не явился, потому что извѣщеніе о днѣ выборовъ было получено лишь за день до выборовъ [2]).

Болховъ. Извѣщеніе о выборахъ было такъ поздно разослано, что нѣкоторые землевладѣльцы не получили его въ самый день выборовъ [3]).

Кишиневъ. Многіе не явились вслѣдствіе поздняго полученія повѣстокъ [4]).

Бѣжецкъ. Объявленія о днѣ съѣзда мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ менѣе 1/5 ценза, не были разосланы, вслѣдствіе чего никто не явился [5]).

Оргѣевъ. Не состоялся предварительный съѣздъ мелкихъ землевладѣльцевъ,—избиратели слишкомъ поздно были оповѣщены о времени созыва съѣзда [6]).

Волынская губ. Выяснена основная причина почти полнаго отсутствія мелкихъ землевладѣльцевъ на избирательныхъ съѣздахъ. Оказывается, въ объявленіяхъ губернатора относительно предварительныхъ съѣздовъ не былъ указанъ день созыва этихъ съѣздовъ [7]).

Мѣстами этотъ порядокъ создавалъ особо характерные эпизоды. Вотъ, напр., что случилось въ Ельцѣ со съѣздомъ мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ менѣе 25 десятинъ:

---

[1]) „Новое Время“, 16 сентября.
[2]) „Русское Слово“, 16 сентября.
[3]) Тамъ-же.
[4]) „Русское Слово“, 13 сентября.
[5]) „Русское Слово“, 21 сентября.
[6]) „Русское Слово“, 14 сентября.
[7]) „Русское Слово“, 25 сентября.

Объ этомъ съѣздѣ не было разослано повѣстокъ, и земской управой не было произведено публикацій въ мѣстныхъ газетахъ.

Время съѣзда, словомъ, было сохранено въ секретѣ отъ избирателей. И, тѣмъ не менѣе, кое-кто изъ нихъ провѣдалъ, что съѣздъ назначенъ. Явилось 10 человѣкъ. Но такъ какъ они не составили полнаго ценза, то выборы все-таки не могли состояться [1]). Уже одинъ этотъ эпизодъ (а онъ не единиченъ) обязываетъ не принимать безъ существенныхъ оговорокъ трафаретныя разсужденія о „равнодушіи избирателя". Не всѣ были „равнодушны". И, будь возможность организованнаго состоянія, „неравнодушные", навѣрное, сумѣли бы прослѣдить за сроками и за всѣмъ вообще порядкомъ выборовъ, сумѣли бы и своевременно освѣдомить массу избирателей. Но благами организованнаго состоянія пользовались только, вопервыхъ, тѣ предпріимчивые люди, которые входили въ число желательныхъ кандидатовъ, а, во-вторыхъ, духовенство,—отчасти благодаря иниціативѣ синода. Даже націоналисты, какъ мы уже видѣли, лишались права на организованное существованіе при попыткахъ противодѣйствовать предпріимчивымъ людямъ.

Простая, казалось бы, вещь: освѣдомленіе о срокѣ выборовъ. Но и она превратилась въ фильтръ, въ которомъ застряло много тысячъ избирателей. Много тысячъ, однако, проскочило и черезъ это препятствіе. Многіе все-таки разузнали и развѣдали, куда и когда нужно являться. Но, преодолѣвъ это вовсе не шуточное препятствіе, встрѣтили новое:

Съѣзды городскихъ избирателей по всей Донской области перенесены съ воскресенья 30 сентября на вторникъ 2 октября. Объ этомъ усиленно хлопотали союзники [2]).

Съѣзды городскихъ избирателей Кіевской губерніи назначены на субботу 29 сентября. Въ этомъ выборѣ дня вполнѣ опредѣленно выражается отношеніе къ евреямъ избирателямъ, которые въ субботу не явятся къ избирательнымъ урнамъ [3]).

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ предварительные съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ назначены въ будни, что, несомнѣнно, уменьшитъ число свѣтскихъ избирателей, зато свободнѣе будетъ священникамъ [4]).

Предпріимчивые люди, словомъ, приложили стараніе и въ этомъ пунктѣ,—использовали свое вліяніе, чтобы добиться назначенія выборовъ въ дни, удобные для друзей и невыгодные для враговъ. А для проскользнувшихъ и сквозь это препятствіе предстояли еще разныя дальнѣйшія испытанія. До какого героизма они были доводимы, можно судить по слѣдующему сообщенію изъ Городни, Черниговской губерніи:

---

1) „Русское Слово", 12 сентября.
2) „Русское Слово", 13 сентября.
3) Тамъ же.
4) „Современное Слово", 14 сентября.

18 сентября, въ день съѣзда неполноцензовыхъ избирателей, стражники на дорогахъ не пропускали въ Городню ѣдущихъ избирателей. Свыше 30 избирателей по неполному земельному цензу со станціи Сосновскъ не были пропущены въ Городню, и только два-три избирателя пріѣхали по желѣзной дорогѣ разсказать объ этомъ. Съѣздъ не состоялся [1]).

Конечно,—это крайняя мѣра, умѣстная лишь въ исключительныхъ случаяхъ; она показательна, какъ симптомъ. Наконецъ, если избиратель добрался до самой урны и даже подалъ голосъ, —это еще не значитъ, что онъ уцѣлѣлъ. По городскимъ куріямъ выборъ производится бюллетенями. Чтобы заполнить бюллетень, надо знать въ точности имя, отчество, фамилію кандидата, его номеръ по избирательному списку... Необходимо, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, бюро для справокъ. Но попытки учредить такія бюро во многихъ мѣстахъ пресѣкались; опубликовать имена прогрессивныхъ кандидатовъ въ газетахъ разрѣшалось далеко не вездѣ; попытки заготовить и раздавать печатные бюллетени имѣли не больше успѣха. И одновременно съ этимъ читаемъ:

Въ Н.-Новгородѣ по 2-ой городской куріи шла ожесточенная борьба между губернаторскимъ ставленникомъ, сыномъ архіерея, инспекторомъ по дѣламъ печати Левитскимъ и прогрессистомъ д-ромъ Граціановымъ. При опредѣленіи бюллетеней негодными признавались, напр., бюллетени, гдѣ, вмѣсто „Граціановъ", написано „Гроціановъ", „Грціановъ", „Граціяновъ"... [2]).

Справиться негдѣ. Печатный бюллетень получить трудно. Но, если сдѣлаешь хоть одну буквенную ошибку—пусть даже по малограмотности,—голосъ не дѣйствителенъ, участіе въ выборахъ безполезно.

II.

Слишкомъ густая и слишкомъ сложная система фильтровъ дѣйствовала, разумѣется, не только механически. И безъ того въ массѣ избирателей общими условіями было создано двойственное, а порою отрицательное или даже прямо-таки раздраженное отношеніе къ выборамъ и къ самой Думѣ. Вотъ одна изъ типичныхъ иллюстрацій „предвыборнаго настроенія":

Николаевскъ, Самарской губ. Въ Малобыковской волости на выборы уполномоченныхъ еле-еле собралось нѣсколько человѣкъ. Старшина, человѣкъ старательный, съ ногъ сбился, зазывая избирателей. Наконецъ, оставивъ собравшихся подъ охраной урядника, чтобы не разбѣжались, разослалъ старостъ по волости, а самъ отправился по селу Малой Быковкѣ сгонять десятидворниковъ. На приглашеніе идти на сходъ крестьяне отвѣчали:

— Не пойдемъ.. Пользы отъ Думы не видимъ. Выбирали ужъ въ три Думы, а что получили? Ничего.

---

1) „Рѣчь", 6 октября.

2) „Рѣчь", 30 сентября.

Старшина и урядникъ ждали до 10 часовъ вечера, но болѣе никто на выборы не явился. Выборы не состоялись [1]).

Крестьяне „пользы не видятъ“. Да и никто изъ стоящихъ „на мужицкой сторонѣ“ не видитъ. И не только потому, что отъ третьей Думы „ничего не получили“. При одномъ составѣ ничего хорошаго не вышло. При другомъ составѣ, можетъ быть, многое сложилось бы иначе. Но ни у кого нѣтъ точнаго, дѣлового отвѣта: для чего идти въ Думу? Вмѣсто опредѣленной избирательной платформы, вмѣсто опредѣленныхъ тактическихъ предложеній, партіями, и лѣвыми, и либеральными, предъявлены лишь нѣкоторыя общія разсужденія,—„взглядъ и нѣчто“. И это не по винѣ партій. Для дѣловыхъ платформъ и дѣловыхъ тактическихъ предложеній нуженъ учетъ силъ, освѣдомленность о настроеніяхъ,—нужны съѣзды, собранія, организаціи, нуженъ цѣлый рядъ правовыхъ условій, безъ которыхъ невозможно собрать и свести воедино и провѣрить хотя бы только разрозненныя личныя наблюденія. Ничего этого нѣтъ и не было. Удалось устроить нѣсколько маленькихъ конспиративныхъ конференцій. На основаніи того, что онѣ дали, невозможно ни учесть силы, ни оцѣнить настроенія. Когда г. Меньшиковъ—даже онъ!—высказалъ, что не выборы происходятъ у насъ, а производится нѣкоторая историческая фальшь,—ни у кого не нашлось аргументовъ для возраженія. И никакими доводами нельзя заглушить элементарное чувство человѣческаго достоинства, которому не совсѣмъ пріятно участвовалось въ подобныхъ „историческихъ дѣйствахъ“.

Столь же мало пріятно для человѣческаго достоинстна подвергаться всѣмъ тѣмъ экспериментамъ, которые заблагоразсудятъ произвести предпріимчивые люди,—проскакивать черезъ всѣ сооружаемые ими фильтры. И, надо думать, немало было такихъ избирателей, которые, проскочивъ черезъ цѣлый рядъ фильтровъ, почувствовали, что они пресыщены всѣми этими удовольствіями:

— А Богъ съ вами и съ вашими выборами. И смотрѣть-то тошно, а не только участвовать въ нихъ.

Тошно, да и небезопасно. Офиціозная „Нижегородская Торгово-Промышленная Газета“, руководимая „правительственнымъ кандидатомъ“ г. Барачемъ, высказалась (въ № 452 отъ 7 сентября) за свободу предвыборныхъ собраній и вотъ по какимъ соображеніямъ:

Не мѣшать надо этимъ собраніямъ, а наборотъ, всячески облегчать ихъ устройство... Только прослѣдивъ за этими собраніями, можно будетъ составить достаточно точный списокъ тѣхъ лицъ, чье пребываніе въ Нижегородской губерніи на время юбилейныхъ торжествъ будущаго года явится неудобнымъ... и въ то-же время оскорбляющимъ память Минина и Пожарскаго.

Расправу все-таки рекомендуется отложить на будущій годъ. Въ дѣйствительности же не всегда откладывали:

---

[1]) „Русское Слово“, 19 сентября.

Челябинскъ. Состоялось предвыборное собраніе избирателей второго съѣзда. На собраніи выступало пять ораторовъ лѣвыхъ партій. Въ ту же ночь послѣ собранія всѣ они были арестованы [1]).

Уфа. У ораторовъ лѣвыхъ партій, выступавшихъ на предвыборныхъ собраніяхъ, произведены обыски [2]).

Такого рода фактическими справками можно бы заполнить не мало мѣста. Но разъ офиціозная печать открыто рекомендовала использовать выборы съ провокаціонною цѣлью, доказывать, что эта цѣль кой-гдѣ ставилась, нѣтъ нужды. И у каждаго человѣка на мѣстѣ избирателя невольно должна возникнуть мысль:

— Съ какой стати, для чего идти на эту удочку?

Общая цѣль туманна,—ибо выборы слѣпые, безъ лозунговъ. Есть только близкая, узенькая цѣль: избрать въ уполномоченные или въ выборщики своего человѣка. Но для того, чтобы поставить себѣ даже эту цѣль, надо прежде всего знать, съ кѣмъ именно придется выбирать. Между тѣмъ, едва-ли кто сомнѣвался, что статьи закона, разрѣшающія дробить избирателей, будутъ использованы съ чрезвычайной откровенностью. И жизнь не только оправдала, но и превзошла существовавшія на этотъ счетъ опасенія. Чтобы выбрать желательнаго человѣка, необходимо, далѣе, сговориться, условиться,—но во многихъ мѣстахъ ни для кого не было секретомъ, что предвыборныхъ собраній не будетъ разрѣшено. И во многихъ мѣстахъ условія складывались такъ, что участіе въ выборахъ просто не имѣло практическаго смысла. Въ лучшемъ случаѣ—какая-нибудь партія потихоньку предлагаетъ намѣченнаго ею кандидата. Пусть даже она сумѣла довести объ этомъ до моего свѣдѣнія, но я все-таки выдвигаемаго ею кандидата не знаю и голосовать за него по совѣсти не могу, а вѣрить на слово не имѣю основаній.

Во многихъ мѣстахъ условія складывались болѣе счастливо. Потихоньку, конспиративно все-таки можно было сговориться, намѣтить кандидатовъ. И газеты не уставали сообщать: тамъ-то и тамъ-то кандидаты намѣчены, но имена ихъ, страха ради, держатся въ секретѣ... Секретъ, который должны знать сотни или даже тысячи людей, разумѣется, похожъ на наивность. И тѣ же газеты, не уставая, сообщали: тамъ-то и тамъ-то секреты раскрыты, намѣченные кандидаты подвергнуты такимъ-то и такимъ-то мѣропріятіямъ. Иначе говоря, избиратель долженъ былъ заранѣе примириться съ мыслью, что онъ обрекаетъ уважаемаго имъ, солиднаго, почтеннаго человѣка (иныхъ, вѣдь, и не намѣчаютъ въ кандидаты) на весьма тяжкія непріятности. Не мудрено, если у многихъ содрогалось сердце, и они отходили въ сторону:

---

[1]) «Русское Слово», 11 сентября.

[2]) «Русское Слово» 30 сентября

— Опасная игра, тяжелая отвѣтственность.

И ради чего брать на себя такую тяжесть?

Пусть мы намѣтимъ желательнаго человѣка, рискуя причинить ему этимъ тяжкія увѣчья. Пусть даже намъ удастся его выбрать. Но станьте на точку зрѣнія избирателя, положимъ, крестьянской куріи. Мы въ своей волости выберемъ желательныхъ намъ людей. Но если хоть въ одномъ уѣздѣ въ выборщики проскочитъ „кандидатъ земскаго начальника“, то заранѣе можно сказать, что на губернскихъ выборахъ въ депутаты пройдетъ именно этотъ кандидатъ. Это въ сущности предрѣшено. Если бы октябристы послѣ выборовъ въ третью Думу и не разсказывали, какъ это дѣлается, то всетаки для массы населенія секрета тутъ нѣтъ. Исходъ выборовъ не отъ нея зависитъ, не въ ея рукахъ. И другое не секретъ:

Бѣжецкъ. Волостной старшина Рыбинской волости представилъ въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ комиссію цѣлыхъ два списка избранныхъ уполномоченныхъ. Вторые выборы онъ назначилъ своею властью; избранные въ первый разъ, по его словамъ, оказались, слишкомъ лѣваго направленія [1]).

Вильна. Нѣкоторые изъ уполномоченныхъ лишены были возможности участвовать въ выборахъ, въ виду ареста по распоряженію охраны [2]).

Воронежъ. Для избранія выборщиковъ по Воронежскому уѣзду явилось 26 уполномоченныхъ отъ волостей,—изъ нихъ шестеро отстранены отъ выборовъ [3]).

Тамбовъ. Уполномоченный типографіи Бердоносова Доронинъ. о политическихъ убѣжденіяхъ котораго справлялась полиція послѣ его избранія въ уполномоченные, не былъ допущенъ на выборы [4]).

Бѣлостокъ. Всѣ уполномоченные отъ рабочихъ арестованы [5]).

Конечно, охрана можетъ арестовать на законномъ основаніи; и отстранить избраннаго въ уполномоченные бываетъ необходимо уже хотя бы по одной той причинѣ, что за послѣдніе 2—1½ мѣсяца возникло эпидемическое раскрытіе политическихъ преступленій, совершенныхъ въ 1905 году,—газетные фельетонисты по этому случаю предложили даже пополнить дѣйствующаго часть Уголовнаго Уложенія новою статьею: „виновные въ участіи въ 1905 году приговариваются“. Не совсѣмъ закономѣренъ лишь тотъ упрощенный порядокъ, къ какому прибѣгъ волостной старшина Бѣжецкаго уѣзда: своей властью онъ не могъ отмѣнить выборы уполномоченныхъ, а долженъ былъ сообщить основанія для кассаціи подлежащему начальству. Но по поводу этого маленькаго формальнаго прегрѣшенія позвольте напомнить остроумную мысль, возникшую

---

1) „Русское Слово“, 22 сентября.

2) „Рѣчь“, 1 октября.

3) „Рѣчь“, 28 сентября.

4) „Русское Слово“, 27 сентября.

5) „Русскія Вѣдомости, 29 сентября.

среди нижегородской администраціи чуть не за годъ до выборовъ въ четвертую Думу. Полезно, видите-ли, устроить такъ, чтобы

въ помѣщеніе, гдѣ будутъ происходить выборы крестьянъ, всегда могъ входить волостной писарь, и если пройдутъ люди благонамѣренные, то на входъ писаря вниманія обращать не будетъ надобности. Но если, вопреки всѣмъ мѣрамъ, пройдутъ неблагонадежные, то немедленно слѣдуетъ запротоколить входъ писаря и на этомъ основаніи признать выборы подлежащими отмѣнѣ [1]).

Годъ назадъ все-таки шла рѣчь о кассаціонномъ присутствіи только писарей, да и то какъ бы случайномъ. Съ тѣхъ поръ законность сдѣлала большіе успѣхи, и, напр., одинъ изъ земскихъ начальниковъ Тульской губ. издаетъ слѣдующее постановленіе:

1912 года сентября 16 дня я, земскій начальникъ 2 участка Ефремовскаго уѣзда, прибывъ сего числа въ Каменское волостное управленіе для присутствованія на волостномъ сходѣ въ Каменской волости для избранія уполномоченныхъ по выборамъ въ Государственную Думу и принимая во вниманіе, что, согласно предписанія моего отъ 11 сего сентября мѣсяца за № 2470, собраніе схода назначено въ 10 часовъ утра, и что къ назначенному времени изъ 123 членовъ волостного схода на таковое прибыло всего лишь 24 человѣка, остальные же члены схода собирались до часу дня, несмотря на своевременно объявленное всѣмъ сельскимъ старостамъ волости предписаніе мое о своевременномъ собраніи схода и о моемъ присутствованіи на немъ,—нашелъ, что такая неисполнительность данныхъ лицъ является слѣдствіемъ нерадиваго отношенія къ своимъ обязанностямъ прежде всего волостного старшины, а затѣмъ сельскихъ старостъ, не примѣнившихъ въ этомъ случаѣ закономъ предоставленной имъ власти, почему и постановилъ

волостного старшину оштрафовать на 5 р., а 17 сельскихъ старостъ посадить подъ арестъ на 7 сутокъ каждаго [2])... Заранѣе объявлено, что выборы будутъ въ присутствіи земскаго начальника. Если выбирать угодныхъ ему—зачѣмъ идти? А если выбирать неугодныхъ—большія непріятности, и при томъ явно безплодныя; кассаціонный поводъ очевиденъ, ибо присутствіе земскаго начальника на выборахъ уполномоченныхъ отъ волостей—вопіющее нарушеніе закона. Это съ мужиками, въ глуши Ефремовскаго уѣзда. А вотъ съ господами, съ мелкими землевладѣльцами на выборахъ уполномоченныхъ въ самомъ Петербургѣ:

Одновременно съ избирателями въ залы засѣданія прошли и представители полиціи,—приставъ 3 участка Московской части и его помощники. Предсѣдатели, предсѣдатель петербургскаго уѣзднаго мирового съѣзда Л. Ф. фонъ-Мейснеръ и почетный мировой судья Н. И. Григорьевъ попросили чиновъ полиціи удалиться. Приставъ возразилъ, что онъ получилъ предписаніе присутствовать. Фонъ-Мейснеръ обратился по телефону въ канцелярію градоначальства. Оттуда послѣдовалъ отвѣтъ, что приказъ приставу присутствовать отданъ вполнѣ правильно. Фонъ-Мейснеръ сообщилъ по телефону ми-

---

[1]) „Современное Слово", 21 января.
[2]) „Русское Слово", 21 сентября.

нистру внутреннихъ дѣлъ. Министръ призналъ, что полицiя не имѣетъ права присутствовать; ей было предложено удалиться [1]).

Въ Петербургѣ можно по телефону обезпокоить министра. Въ провинцiи до министровъ далеко, да и не всякiй рѣшится вступить въ пререканiя съ полицiей... А если гдѣ и рѣшились прекословить, то мѣстами не полиции приходилось удаляться изъ избирательнаго собранiя, а самимъ избирателямъ:

Казань. На Алафузовскомъ заводѣ рабочiе отказались выбирать уполномоченнаго въ присутствiи полиции. Выборы не состоялись [2]).

Отсюда не слѣдуетъ, конечно, что на выборахъ не присутствовали, какъ предполагалось нижегородскими остроумцами, и другiя постороннiя лица:

Казань. Въ Ильинской волости при выборахъ уполномоченныхъ присутствовали члены волостного суда и волостные писаря; это—нарушенiе закона, и выборы, вѣроятно, будутъ кассированы [3]).

Гомель. Выборами уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ руководилъ помѣщикъ Купаховичъ; не будучи избирателемъ, онъ присутствовалъ при началѣ выборовъ. Это—поводъ кассировать выборы [4]).

При столь высокомъ уваженiи къ законамъ, вовсе, однако, не удивительномъ и отнюдь не неожиданномъ, какiе сколько-нибудь прочные разсчеты могли возникнуть у избирателя? Въ чемъ собственно онъ могъ быть гарантированъ? Добавьте къ этому современные методы внушенiя должнаго страха обывателю, заподозрѣваемому въ нежелательномъ умонастроенiи:

Екатеринодаръ. За послѣднiе дни произведены массовые обыски и аресты среди интеллигенцiи и рабочихъ... Обыски и аресты находятся въ связи съ выборами въ Думу. Въ городѣ ходятъ слухи о предстоящихъ новыхъ арестахъ, обыскахъ и высылкахъ [5]).

Вологда. Въ ночь передъ выборами произведены массовые обыски. Арестовано шесть торговыхъ служащихъ [6]).

При такихъ условiяхъ до избирательныхъ урнъ могли бы собственно добраться лишь предпрiимчивые люди со своими клевретами да духовныя лица. Первые—потому, что они заинтересованы, вторыя—отчасти, если не главнымъ образомъ, по особой причинѣ, которая достаточно характеризуется слѣдующимъ газетнымъ сообщенiемъ:

Тверь. При подсчетѣ записокъ по второй городской курiи обнаруженъ бюллетень, на которомъ, вмѣсто имени кандидата, значилось: „явился по приказанiю благочиннаго“ [7])

---

1) „Рѣчь“, 17 сентября.
2) „Русское Слово“, 20 сентября.
3) „Русское Слово“, 19 сентября.
4) „Русское Слово“, 13 сентября.
5) „Современное Слово“, 11 сентября.
6) „Русское Слово“, 28 сентября.
7) „Русское Слово“, 28 сентября.

Независимые, „вольные“ избиратели, пожалуй, просто не дошли бы до подачи бюллетеней, если бы въ странѣ не было большой, но неудовлетворенной потребности общественнаго, политическаго дѣла. Жажда дѣланія велика. И быть можетъ, она наростаетъ. Но на вопросъ, что же именно дѣлать, нѣтъ отвѣта. Страна не вышла изъ полосы политической безработицы. Въ ней накопились кадры политически-безработныхъ. Не видя чего-либо болѣе плодотворнаго, они шли въ выборы. Вѣроятно, сыграла роль и пестрота мѣстныхъ условій, — гдѣ жажда дѣланія больше, гдѣ меньше; въ однихъ мѣстахъ безработица полная, въ другихъ—относительная; въ однихъ участіе въ выборахъ — дѣло явно безнадежное, въ другихъ — есть нѣкоторые шансы хотя бы на маленькій успѣхъ. И вотъ даже въ такихъ безнадежныхъ (въ смыслѣ общаго вліянія на исходъ выборовъ) куріяхъ, какъ крестьянская и рабочая, рядомъ съ равнодушіемъ, нерѣдко переходящимъ въ мотивированный бойкотъ, мы видимъ значительный интересъ къ выборамъ, дѣятельное участіе въ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изумительное упорство. На крестьянскихъ сходахъ, лично руководимыхъ земскими начальниками и окруженными цѣлыми отрядами стражниковъ, всетаки выбирали прогрессивныхъ уполномоченныхъ, не только не угодныхъ начальству, но, порою, уже пострадавшихъ за свое вольнодумство. Такъ было, напр., въ Вятской губерніи [1]). То же и по городскимъ куріямъ. Съ одной стороны, всѣ виды „равнодушія“, вплоть до бойкота или, по крайней мѣрѣ, мотивированнаго отказа отъ участія въ выборахъ. Отказывались порою даже принципіальные противники бойкотной тактики:

Черкассы. Совѣщаніе прогрессистовъ, признавъ, что обстановка выборовъ является удручающей, постановило уклониться отъ выборовъ [2]).

А одновременно съ этимъ изумительное упорство и настойчивость. Я упомянулъ выше о распоряженіи, обязавшемъ избирателей Керчи и Стараго Крыма явиться для подачи голоса въ Ѳедосію. Казалось бы, послѣ столь откровеннаго жеста остается лишь отойти въ сторону. И значительная часть уцѣлѣвшихъ избирателей отошла. Но остальные не сдались: рѣшили законтрактовать пароходъ. Это не удалось, — въ послѣднюю минуту пароходная администрація вдругъ отказалась отъ заключеннаго было соглашенія [3]). Избирателей и это не обекуражило:

На выборы изъ Керчи за 100 верстъ на поѣздахъ и пароходахъ въ Ѳеодосію пріѣхало 350 избирателей; изъ Стараго Крыма на автомобиляхъ—сто.

Все-таки пріѣхали и провели въ выборщики соціалъ-демократа... [4]).

---

[1]) „Русское Слово“, 18 сентября.

[2]) „Русское Слово“, 29 сентября.

[3]) „Рѣчь“, 1 октября.

[4]) „Русское Слово“, 2 октября; прибыло, такимъ образомъ, на выборы 450 человѣкъ изъ общаго числа (по газетнымъ свѣдѣніямъ) 3500

Куріи мелкихъ землевладѣльцевъ уже по причинамъ территоріальной разобщенности было труднѣе проскакивать черезъ фильтры, слѣдить за списками, за ходомъ кампаніи, дѣйствовать сообща, проявлять активность. И она оказалась, быть можетъ, наименѣе активной. „Фактически — писали „Русскія Вѣдомости“ — съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ можно считать повсемѣстно несостоявшимися“. Однако, выводъ этотъ съ формальной стороны чрезмѣренъ, а по существу способенъ дать поводъ для недоразумѣній. Можно говорить лишь объ огромномъ числѣ несостоявшихся съѣздовъ по этой куріи. А затѣмъ, часто самая обстановка, при которой съѣзды не состоялись, характерно вскрывала и подчеркивала внѣшнюю невозможность и безполезность участвовать въ выборахъ наряду съ внутренней потребностью принять въ нихъ участіе. Мѣстами общая увѣренность, что съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ не могутъ состояться, доходила до того, что на выборы не считали нужнымъ являться даже предсѣдатели съѣздовъ. Но вотъ, напр., сообщеніе изъ Ростова-на-Дону:

На съѣздъ мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 20 десятинъ, не явился предсѣдатель, но прибыло двое избирателей.

Выше мною отмѣчено и другое характерное явленіе: извѣщенія о днѣ выборовъ просто не были разосланы, и, тѣмъ не менѣе, избиратели провѣдывали о секретномъ назначеніи выборовъ и являлись, хотя и въ недостаточномъ числѣ. Еще любопытнѣе порою выходило тамъ, гдѣ извѣщенія о выборахъ сильно запаздывали. Я указывалъ уже на примѣръ выборовъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи: выборы назначены были на 11 сентября, а извѣщеніе объ этомъ прислано земской управѣ только 9 сентября, да и то вечеромъ. Извѣстить всѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ уѣзда управа физически не могла. Всетаки она разослала нарочныхъ. И къ 11 сентября въ Дмитровскъ прибыло столько мелкихъ избирателей, что составилось 5 полныхъ цензовъ. Но тутъ эти „вольные“ избиратели увидѣли, что они — меньшинство, такъ какъ духовенство и предпріимчивые люди были освѣдомлены о днѣ выборовъ заранѣе и мобилизованы полностью. „Невольные“ избиратели-священники прямо заявили избирателямъ „вольнымъ“:

— Мы выберемъ всѣхъ своихъ, чтобы на съѣздѣ крупныхъ землевладѣльцевъ своими голосами имѣть перевѣсъ при выборѣ выборщиковъ...

Видя, что своимъ участіемъ они могутъ служить лишь на руку духовенству, землевладѣльцы ушли до открытія съѣзда.

И выборы были произведены исключительно духовенствомъ при участіи „оффиціальнаго“ кандидата г. Вишневскаго, члена губернскаго присутствія,—конечно, онъ оказался избраннымъ въ уполномоченные... [1]) Беру аналогичное сообщеніе о съѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ Ровенскаго уѣзда.

---

[1]) „Русское Слово“, 16 сентября.

На съѣздъ явилось 96 священниковъ и 50 землевладѣльцевъ. Послѣдніе заявили: „здѣсь намъ все чужіе", и, какъ одинъ, покинули съѣздъ, а оставшіеся священники избрали изъ своей среды 23 уполномоченныхъ [1]).

Въ громадномъ большинствѣ уѣздовъ мелкіе землевладѣльцы или совсѣмъ не дошли до выборовъ, или дошли въ очень незначительномъ числѣ, причемъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ мелкіе землевладѣльцы проявили выдающуюся активность, дѣло порою заканчивалось сознательнымъ мотивированнымъ отказомъ отъ участія въ выборахъ. Фактически представительство отъ мелкаго землевладѣнія уцѣлѣло лишь въ очень немногихъ губерніяхъ (Петербургской, Донской области, Курляндской, Бессарабской). Въ нѣсколькихъ губерніяхъ (напр., Астраханской, Ставропольской, Симбирской) оно полностью замѣнено духовенствомъ: всѣ уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ — священники. Почти въ 30 губерніяхъ мелкое землевладѣніе оказалось лишь не имѣющимъ реальнаго значенія придаткомъ при духовенствѣ,—меньше 15% общаго числа уполномоченныхъ. По всей Россіи духовенство заняло 4/5 мѣстъ, предоставленныхъ на первой стадіи выборовъ мелкимъ землевладѣльцамъ. Другими словами, одинъ изъ наиболѣе умѣренныхъ слоевъ среди избирателей 3 іюня разбитъ на голову. Слои болѣе радикальные и демократическіе—рабочіе, крестьяне, горожане—на первой стадіи выборовъ одержали цѣлый рядъ побѣдъ, порою блестящихъ. Рабочая курія дала почти сплошь лѣвыхъ. Крестьяне во многихъ мѣстахъ выбрали нежелательныхъ уполномоченныхъ. Вторая, наиболѣе демократическая, городская курія, по приблизительнымъ подсчетамъ, болѣе 75% предоставленныхъ ей мѣстъ заполнила „неблагонадежными" выборщиками (57% прогрессистовъ, 12% к.-д., 7% лѣвѣе к.-д.). Характерно, что и первая городская курія на сей разъ тоже предпочла перейти въ разрядъ неблагонадежныхъ: среди избранныхъ ею выборщиковъ насчитывается свыше 50% прогрессистовъ, 12—13% к.-д. и 1—2% лѣвѣе к.-д.

Побѣдой, одержанной надъ мелкими землевладѣльцами, въ значительной мѣрѣ предрѣшалась роль „помѣстнаго сословія". Порядокъ выборовъ, какъ извѣстно, такой: на предварительныхъ съѣздахъ мелкіе землевладѣльцы выбираютъ уполномоченныхъ по числу полныхъ цензовъ; эти уполномоченные совмѣстно съ крупными помѣщиками избираютъ выборщиковъ отъ землевладѣнія. Вслѣдствіе замѣны мелкаго землевладѣнія священниками „первое" служилое сословіе, дворянство, имѣющее грамоту о вольностяхъ, оказалось передъ опасностью быть раздавленнымъ другимъ служилымъ сословіемъ, духовнымъ, грамоты о вольностяхъ не имѣющимъ. Выборщики отъ землевладѣнія составляютъ большинство въ подавляющемъ числѣ губернскихъ избирательныхъ собраній. Отъ нихъ зависитъ исходъ кампаніи. Это—господствующая по-

---

[1]) „Русское Слово", 30 сентября.

зиція. Изъ-за обладанія ею и пришли во враждебное столкновеніе дворянство и духовенство. Занять ее стремился также и нѣкто третій,—предпріимчивые люди, знающіе тайну вліянія на петербургскіе салоны и вслѣдствіе этого внушившіе должное почтеніе къ себѣ со стороны мѣстнаго свѣтскаго и духовнаго начальства.

Первоначально предпріимчивые люди разсчитывали, что духовенство будетъ все время только послушной арміей голосователей. По особымъ причинамъ, о которыхъ мнѣ пришлось говорить въ прошломъ мѣсяцѣ, этотъ разсчетъ далеко не вполнѣ оправдался. Батюшки мѣстами „взбунтовались“ противъ навязываемыхъ имъ кандидатуръ. И на первой стадіи выборовъ во многихъ уѣздахъ провели „своихъ“, хотя и духовныхъ, но прогрессивныхъ уполномоченныхъ. И возникло опасеніе, что батюшки „задавятъ помѣщиковъ“, займутъ рѣшающую позицію отнюдь не для того, чтобы содѣйствовать „правымъ выборамъ“. Отсюда у предпріимчивыхъ людей возникла необходимость—сохраняя армію голосователей, открыть войну одновременно и противъ духовенства, и противъ дворянства. Противъ духовенства,—поскольку оно обнаруживаетъ претензію на самостоятельную роль; противъ дворянства,—поскольку оно не признаетъ такъ называемыхъ „правительственныхъ“ кандидатовъ своими кандидатами.

Началась „переборка“ только что избранныхъ уполномоченныхъ:

Казань. Изъ 90 священниковъ, избранныхъ въ губерніи въ уполномоченные, 26 начальствомъ предложено не являться на съѣздъ землевладѣльцевъ. Духовное начальство опасается ихъ прогрессивнаго образа мыслей [1]).

Орелъ. Изъ 45 уполномоченныхъ, избранныхъ духовенствомъ по Елецкому уѣзду, 15 находятся подъ подозрѣніемъ, что они настроены либерально; епископъ пригласилъ ихъ къ себѣ и объявилъ имъ, что не благословляетъ ихъ идти на выборы. Послѣ этого всѣ 15 священниковъ сочли себя не въ правѣ явиться на выборы [2]).

Въ нѣсколькихъ губерніяхъ избранные батюшками уполномоченные, видимо, возбудили весьма важное сомнѣніе. Ихъ выдѣлили въ особую курію и предоставили избрать только по одному уполномоченному отъ уѣзда. Это, разумѣется, не замедлило соотвѣтственно отразиться на настроеніи батюшекъ:

Тамбовъ. Духовенство нѣсколькихъ уѣздовъ высказываетъ неудовольствіе по поводу распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ о выдѣленіи его (духовенства) въ особыя куріи [3]).

Харьковъ. Передъ началомъ выборовъ священниками составленъ былъ протестъ противъ распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ о выдѣ-

---

1) „Русское Слово“, 3 октября.
2) „Рѣчь“, 29 сентября.
3) „Русское Слово“, 3 октября.

леніи духовенства въ особую курію съ предоставленіемъ выбирать только по одному выборщику [1]).

Напомню, что частичной демобилизаціи духовенство подверглось передъ самыми выборами. Демобилизація по окончаніи первой стадіи выборовъ явилась вторичной и дополнительной. Кромѣ того, были подняты на чрезвычайную высоту мѣры строгости и бдительнаго надзора:

Елецъ. Городъ наводненъ полчищами сельскаго духовенства, пріѣхавшаго на выборы. Всѣ священники по пріѣздѣ идутъ къ благочинному и получаютъ отъ него готовый избирательный бюллетень [2]).

Мценскъ. Избиратели духовные въ невиданномъ еще у насъ количествѣ понаѣхали на выборы. Утромъ рано всѣ они отправились въ отдѣленіе училишнаго совѣта и здѣсь получили готовыя напечатанныя записки съ именемъ кандидата.. Нѣкоторымъ давались прямо запечатанные конверты, другимъ же самимъ предоставлялось вложить въ конвертъ данную записку.. Предусмотрительно распущены слухи, что будутъ ставиться какія-то мѣтки на запискахъ (въ предупрежденіе замѣны розданныхъ бюллетеней другими) [3]).

Столь единообразный образъ дѣйствій находитъ объясненіе въ извѣстіяхъ объ особыхъ предвыборныхъ циркулярахъ по духовному вѣдомству.

Кролевецъ (Черниговской губ.). Благочинный Имшенецкій разослалъ дьяконамъ, псаломщикамъ и учителямъ церковныхъ школъ слѣдующій циркуляръ: „согласно волѣ епархіальнаго начальства и по совѣту руководителей выборами, прошу васъ 4 октября прибыть въ Кролевецъ.. и голосовать за намѣченнаго кандидата Зерова“ [4])...

„По совѣту руководителей выборами“... Въ другихъ аналогичныхъ документахъ адресъ „руководителей“ указанъ болѣе точно. Такъ, въ циркулярѣ благочиннаго II благочинія Туринскаго уѣзда, Тобольской губ., читаемъ:

Вслѣдствіе отношенія туринскаго уѣзднаго комитета по выборамъ въ Государственную Думу отъ 14 сего сентября за № 782, причтъ обязуется непремѣнно прибыть къ 28 сентября с. г. въ г. Туринскъ.. при этомъ предупреждаю причтъ, что къ баллотировкѣ комитетомъ назначенъ священникъ Василій Богословскій, за котораго только и нужно подавать свой голосъ—шаръ направо, избираю—безъ всякихъ уклоненій въ этомъ случаѣ [5])...

Надо, однако, сказать, что, какъ ни рѣшительны эти мѣры, полной гарантіи онѣ не даютъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда выборы производятся подачей записокъ, можно, разумѣется, заранѣе раздать записки и даже перемѣтить ихъ. Если—какъ обыкновенно на земле-

---

1) „Русское Слово“, 29 сентября.
2) Тамъ же.
3) „Рѣчь“, 2 октября.
4) „Русское Слово“, 2 октября.
5) „Рѣчь“, 5 октября.

владѣльческихъ съѣздахъ—баллотировка шарами, то можно поставить возлѣ баллотировочныхъ ящиковъ зоркихъ людей, способныхъ слѣдить, куда каждый духовный пастырь опускаетъ свой шаръ,—направо или налѣво. Но нѣтъ все-таки увѣренности, что наблюдаемые не перехитрятъ наблюдающихъ. А затѣмъ возможно, вѣдь, и прямое неповиновеніе. И не только возможно, но и не такъ ужъ страшно.

Поясню на примѣрѣ. Вотъ что пишетъ, напр., „Новое Время" о землевладѣльческихъ выборахъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ. Крупные землевладѣльцы дворяне выдвинули своихъ кандидатовъ въ выборщики. Имена ихъ: предводитель дворянства Глѣбовъ (Ю. Н.), предсѣдатель земской управы Высоцкій, гр. Мусинъ-Пушкинъ, членъ Государственнаго Совѣта отъ земства Воиновъ. „Руководители выборовъ", предпріимчивые люди, заранѣе составившіе „патріотическій" избирательный комитетъ, выдвигаютъ своихъ кандидатовъ: „земскаго начальника Черевко, поселившагося въ уѣздѣ всего два года, и переметнувшагося помѣщика Коровко"... „Переметнувшійся помѣщикъ"—это тотъ, кто соединился съ предпріимчивыми людьми и идетъ противъ рѣшеній своего сословія. Переметнувшихся въ Нѣжинскомъ уѣздѣ немного. Однако, безъ нихъ помѣщики не составили большинства на съѣздѣ. Большинство могло составиться въ зависимости отъ того, съ кѣмъ соединится духовенство—съ переметнувшимися или съ непереметнувшимися. Исходъ зависѣлъ отъ батюшекъ. И положеніе послѣднихъ вовсе не такъ ужъ просто. Голосовать за Черевку и Коровку—значитъ провалить и вооружить противъ себя людей, которые, хотя и не прямое начальство, но могутъ заплатить коемуждо по дѣломъ его. И для батюшекъ былъ, пожалуй, прямой резонъ подойти къ тому же предводителю дворянства, къ тому же гр. Мусину Пушкину, члену Государственнаго Совѣта Воинову и сказать „по чистой совѣсти":

— Защитите насъ, а мы, вопреки приказанію, отдадимъ вамъ свои голоса...

Вѣдь, защитили бы... И еще неизвѣстно, что для батюшекъ страшнѣе: совокупный гнѣвъ дворянства или неудовольствіе благочиннаго, который пишетъ циркуляры, согласно указаніямъ „руководителей выборами", надворныхъ и статскихъ совѣтниковъ, ставшихъ калифами на часъ.

Беру другой примѣръ:

Орелъ. „Дѣятель выборовъ" непремѣнный членъ губернскаго присутствія Петровъ принимаетъ участіе на выборахъ по Сѣвскому уѣзду. О томъ, какъ г. Петровымъ пріобрѣтенъ цензъ, подробно разсказывалъ около года назадъ А. А. Стаховичъ. Къ большому неудовольствію дворянъ-землевладѣльцевъ, Петрова будутъ проводить по съѣзду землевладѣльцевъ голосами священниковъ. Послѣднимъ заблаговременно уже отданъ приказъ [1]).

---

[1]) „Русское Слово", 29 сентября.

Да хоть сто приказовъ... Если батюшки соединятся съ дворянствомъ,—не токмо благочинный, но и самъ епископъ для нихъ не больно-то страшенъ. Духовенство, однако, избрало другой путь. Въ томъ же хотя бы Нѣжинскомъ уѣздѣ оно соединилось съ „переметнувшимися помѣщиками", избрало гг. Черевку и Коровку и провело двухъ своихъ, духовныхъ, выборщиковъ. Причины такого средняго рѣшенія отчасти очевидны: дворянство желало занять всѣ четыре мѣста, предпріимчивые люди, каковы бы они ни были, согласились раздѣлить права на избраніе выборщиковъ пополамъ. А затѣмъ не могли не оказать вліянія межсословные нелады и счеты. Изстари, вѣдь, наше духовенство не питаетъ къ „первому сословію" особо нѣжныхъ чувствъ. И на то имѣются не шуточные резоны. А за послѣдніе 6 лѣтъ къ старому счету прибавилось много новаго. „Первое сословіе" исключительными выгодами своего положенія во времена 3 Думы воспользовалось ужъ очень самобытно. Государственнаго смысла не проявлено. Сознаніе, что надо всетаки не раздражать противъ себя всѣ слои населенія, отсутствовало. Зато исключительно много ничѣмъ не оправдываемыхъ узко-сословныхъ претензій. И у буржуазіи, и у духовенства, не говоря уже о болѣе „радикальныхъ" группахъ, есть таки жажда воздать первому сословію по заслугамъ его. Быть можетъ, при другихъ условіяхъ батюшки затаили бы это естественное чувство. Но на сей разъ ужъ очень соблазнъ великъ:

— Можно нанести немалую непріятность на основаніи прямого приказанія отцовъ благочинныхъ...

Быть можетъ, сыграло при этомъ нѣкоторую роль и еще одно соображеніе. На одномъ изъ предвыборныхъ собраній въ Саратовѣ гр. А. А. Уваровъ, называя себя умѣреннымъ либераломъ и сторонникомъ конституціи, пожаловался „на опасность грозящую со стороны духовенства". Слѣдующій же ораторъ на это отвѣтилъ:

— Опасность со стороны духовенства заставляетъ дворянъ искать сближенія съ нами, съ горожанами. Но для насъ-то не все ли равно, кто будетъ издавать скверные законы — землевладѣлецъ или духовное лицо? Можно съ увѣренностью сказать, что сельское духовенство стоитъ къ намъ, во всякомъ случаѣ, ближе, чѣмъ помѣщики [1]).

Для обывателя это въ концѣ концовъ „анекдотъ": „батюшки бьютъ пановъ". А съ точки зрѣнія батюшки, и особенно сельскаго, не такъ ужъ просто рѣшить, кто лучше: земскій начальникъ Черевко или предводитель дворянства Глѣбовъ, чиновникъ Петровъ или кн. Тенишевъ? Можетъ быть, оба лучше. Но возможно, что на сторонѣ „земскаго"—на мѣстную-то оцѣнку—есть даже нѣкоторыя преимущества предъ „предводителемъ"? Разъ сельскому батюшкѣ поставлена альтернатива: либо за г. Коровко, либо за гр. Мусина-

---

[1]) „Саратовскій Листокъ", 18 сентября.

Пушкина, то почему собственно батюшка долженъ избрать гр. Мусина-Пушкина? Что хорошаго ему, батюшкѣ, сдѣлалъ гр. Мусинъ-Пушкинъ? Какія, наконецъ, радости сулитъ странѣ избраніе именно гр. Мусина-Пушкина, а не г-на Коровко?

А затѣмъ—не всюду предпріимчивые люди, дѣлатели выборовъ, и мѣстное дворянство столкнулись, какъ два враждебныхъ лагеря. Почти вездѣ къ предпріимчивымъ людямъ примкнули „переметнувнувшіеся помѣщики“. Мѣстами переметнулись лишь единицы. Но кое-гдѣ, (напр., въ Полтавской, въ Харьковской, въ Курской губерніяхъ) „переметнулось“, такъ много „пановъ“, что на сторонѣ предпріимчивыхъ людей оказывается едва ли не большинство помѣщиковъ. И тамъ, гдѣ это случилось, съ батюшками поступаютъ достаточно опредѣленнымъ образомъ—ихъ разсматриваютъ, какъ возможныхъ и вѣроятныхъ помощниковъ прогрессивнаго дворянскаго меньшинства; ихъ устраняютъ, выдѣляютъ, обособляютъ... И не можетъ быть сомнѣній, что такова была бы общая, всероссійская, участь батюшекъ, если бы не явились „предпріимчивые люди“,—этотъ ферментъ разложенія, въ данномъ случаѣ разъѣдающій остатки бытовой власти дворянства надъ духовенствомъ. Что у духовенства давно есть стремленіе сбросить съ себя это „иго“,—ни для кого не секретъ. Теперь явился неожиданный помощникъ. И батюшки, пользуясь случаемъ, направляясь—какъ вообще бываетъ въ жизни—по линіи наименьшаго сопротивленія, торопятся нанести старому противнику какой ни на есть, но ударъ.

И таки нанесли... Кое-гдѣ сложилось такъ, что для дворянства, просто не имѣло смысла принимать участіе въ выборахъ.

Кролевецкій, Черниговской губ., уѣздный предводитель дворянства Соломко послалъ министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму съ просьбою выдѣлить священниковъ въ особую курію. Въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ (?) бойкотомъ выборовъ со стороны дворянъ. До выборовъ отъ А. А. Макарова отвѣта получено не было, и потому дворяне отказались принять участіе въ съѣздѣ. Остались одни священники, избравшіе изъ своей среды трехъ выборщиковъ [1]).

Чаще помѣщики всетаки являлись на выборы, и уже на самыхъ съѣздахъ приходили къ бойкотистскому рѣшенію.

Ровно. На съѣздъ явились 20 помѣщиковъ и 22 священника. Первымъ былъ поставленъ на баллотировку крупнѣйшій изъ помѣщичьихъ кандидатовъ. Онъ получилъ 19 избирательныхъ и 22 неизбирательныхъ. Послѣ этого всѣ помѣщики, какъ одинъ, покинули собраніе [2]).

Красноуфимскъ. Свѣтскіе землевладѣльцы, въ виду преобладанія духовенства на съѣздѣ, покинули собраніе [3]).

Торжокъ. Свѣтскіе землевладѣльцы, за исключеніемъ четырехъ, отказались отъ всякаго участія въ выборахъ и подали предсѣдателю съѣзда мо-

---

1) „Русское Слово“, 3 октября.
2) „Русское Слово“, 30 сентября
3) „Русское Слово“, 5 октября

тивированное заявленіе объ этомъ... Предсѣдательствующій на съѣздѣ предводитель дворянства Мошкинъ заявилъ, что по долгу службы онъ обязанъ руководить выборами, но отъ активнаго участія въ нихъ тоже отказывается [1]).

Кашира. Явились 22 священника и 17 свѣтскихъ лицъ; среди послѣднихъ оберъ-прокуроръ синода В. К. Саблеръ. Передъ выборами землевладѣльцы сдѣлали попытку сговориться съ духовенствомъ, предлагая распредѣлить мѣста такъ: 2 землевладѣльцамъ, одно духовенству. Священники рѣшительно отказались отъ такого предложенія. Тогда землевладѣльцы демонстративно оставили помѣщеніе выборовъ. Осталось 22 священника и одинъ В. К. Саблеръ [2]).

Послѣдній „инцидентъ" „Новое Время" сочло особо характернымъ:

— „Вѣдь, Каширскій уѣздъ—одинъ изъ консервативнѣйшихъ нашихъ уѣздовъ" [3]).

Каширское дворянство—консервативнѣйшее на оцѣнку даже „Новаго Времени". Въ „уѣздахъ" болѣе прогрессивныхъ тактика „бойкота" сказывалась замѣтнѣе. Относительно же „недворянской", Вятской губерніи читаемъ:

На многихъ съѣздахъ землевладѣльцы покидали собраніе, видя безполезность усилій... Всѣ 53 выборщика отъ землевладѣльческой куріи, за ничтожными исключеніями, будутъ принадлежать духовенству [4]).

Но, разумѣется, чаще крупные землевладѣльцы не уходили съ выборовъ, и получалось то, что читаемъ, напр., о Маріупольскомъ уѣздѣ.

На выборы явилось 7 землевладѣльцевъ и 33 священника. Священники не пропустили ни одного землевладѣльца и выбрали всѣхъ четырехъ выборщиковъ изъ своей среды [5]).

Пожалуй, еще чаще было то, что мы уже видѣли на примѣрѣ выборовъ по Нѣжинскому уѣзду: священники въ союзѣ съ „переметнувшимися помѣщиками" выбирали частью „своихъ", частью указанныхъ кандидатовъ. Если „переметнувшіеся" составляли болѣе внушительную численно массу, они выбирали въ союзѣ со священниками противъ той части помѣщиковъ, которая выдвигала независимыхъ кандидатовъ. И лишь въ отдѣльныхъ уѣздахъ, какъ, напр., въ Сычевскомъ, удалось провести въ жизнь дворянскій лозунгъ нынѣшней избирательной кампаніи, формулированный, какъ говорятъ, Н. А. Хомяковымъ:

— „Стриженыхъ, а не длинноволосыхъ".

Но и тамъ, гдѣ это удалось, гдѣ крупное землевладѣніе опрокинуло разсчеты предпріимчивыхъ людей, „дѣлающихъ выборы", оно не

---

1) „Новое Время", 6 октября.
2) Тамъ же.
3) „Русское Слово", 3 октября.
4) „Новое Время", 6 октября.
5) „Русскія Вѣдомости" 30 сентября.

всегда побѣдило. Предпріимчивые люди обладаютъ средствами сопротивленія. Выборы, давшіе нежелательный результатъ, легко могутъ быть кассированы. Мѣстами (какъ, напр., въ Бугульминскомъ уѣздѣ, Самарской губ.) на вторичныхъ выборахъ помѣщики также одерживали побѣду, но и вторичные выборы подвергались кассаціи... [1]) Въ общемъ счетѣ крупному землевладѣнію нанесено на выборахъ крупное пораженіе, хотя и не столь основательное, какъ землевладѣнію мелкому.

III.

— ...„Разбиты октябристы“... „Страна отвернулась отъ октябристовъ“...

— ...„У избирателей имѣется стремленіе размежеваться на два строго обособленныхъ лагеря—сторонниковъ обновленія Россіи и защитниковъ стараго приказнаго строя; и естественно, что октябристы, не рѣшающіеся перейти на ту или другую сторону, встрѣчаютъ меньше всѣхъ сочувствія среди избирателей“...

Таковы наиболѣе популярные выводы независимой прессы по поводу нынѣшней избирательной кампаніи. Трудно признать ихъ вполнѣ обоснованными. На основаніи выборовъ по нынѣшнему избирательному закону и вообще-то мудрено судить о настроеніи страны. А теперь условія таковы, что нельзя судить даже о настроеніи „избирателей 3 іюня“,—ибо большинство ихъ фактически не принимало участія въ выборахъ. Каковъ былъ бы вотумъ этого большинства,—мы просто не знаемъ. Можно, однако, предполагать, что шансы октябристовъ стояли не столь ужъ низко. Что октябризмъ за 5 лѣтъ думской дѣятельности доканалъ себя во мнѣніи страны,—объ этомъ нечего спорить. И для подтвержденія этой истины нѣтъ нужды искать доказательствъ въ обстоятельствахъ избирательной кампаніи. Но одно дѣло страна, а другое дѣло фундаментальный избиратель 3 іюня. Среди землевладѣльцевъ, несомнѣнно, накопилось недовольство. Дворянская масса „полѣвѣла“, по сравненію съ 1907 г. Но лѣвѣть дальше октябризма ей некуда, ибо за этой гранью начинается уже отрицательное отношеніе къ весьма многимъ жизненнымъ привилегіямъ сословія. Октябристовъ или близкихъ къ октябризму сословіе часто и выдвигало на выборахъ въ кандидаты. И если бы не вмѣшательство постороннихъ причинъ, то вполнѣ возможно, что четвертая Дума имѣла бы болѣе сильный октябристскій центръ, нежели третья.

„Новое Время“ жалуется:

— Четвертая Дума, вѣроятно, будетъ „антиподомъ второй“. Во второй большинство принадлежало лѣвому крылу, въ четвертой

[1]) „Русское Слово“ 5 октября.

оно будетъ принадлежать правому, а вмѣсто центра окажется лишь тонкая прослойка...

Въ дѣйствительности четвертая Дума—пока незнакомка. Частныя свѣдѣнія о партійномъ составѣ выборщиковъ крайне отрывочны, а официальныя, сообщаемыя корреспондентами С.Петербургскаго Телеграфнаго Агентства, не отличаются достовѣрностью. Тамъ, гдѣ ихъ удалось провѣрить, они оказались какъ бы разсчитанными на то, чтобы успокоить высшее начальство: число правыхъ сильно преувеличено, число „лѣвыхъ“ не менѣе энергически преуменьшено. Кромѣ дипломатическаго искусства корреспондентовъ, много значитъ и дипломатическое искусство уполномоченныхъ и выборщиковъ. Собираніе свѣдѣній объ ихъ партійности во многихъ губерніяхъ возложено циркулярами на чиновъ полиціи. Полиція дѣйствуетъ по-суворовски: приходитъ къ избранному и предлагаетъ отвѣтить, къ какой онъ партіи принадлежитъ... Ну, конечно, къ правой; не всякій храбрецъ рѣшится причислить себя къ безпартійнымъ, а чтобы назваться „прогрессистомъ“, нужна бываетъ и прямо-таки отчаянность. Сверхъ того, правымъ благоразумнѣе быть въ виду опасности разъясненій и устраненій. Большая поэтому загадка, напр., выборщики по крестьянской куріи: есть среди нихъ не мало волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, иныхъ должностныхъ лицъ, но что за этимъ внѣшнимъ признакомъ скрывается,—не угадаешь. Еще большая, пожалуй, загадка выборщики-батюшки. Нѣкоторые изъ нихъ не скрываютъ, что они „прогрессисты“. Но въ подавляющемъ большинствѣ они, конечно, объявляютъ себя „правыми“, хотя можно думать, что въ ихъ правизнѣ не мало скрыто „сеничкина яда“. Такъ какъ значительная часть землевладѣльческой куріи захвачена предпріимчивыми людьми, то, вѣроятно, они займутъ и значительное мѣсто въ Таврическомъ дворцѣ. Пойти въ предсказаніяхъ дальше этого общаго и апріорнаго соображенія не позволяетъ скудость и сомнительность свѣдѣній. Яснѣе станетъ лишь послѣ губернскихъ избирательныхъ собраній. А подлинный обликъ четвертая Дума обнаружитъ, когда соберется,—да и то, быть можетъ, не сразу.

О характерѣ будущаго „парламента“ рѣчь, во всякомъ случаѣ, впереди. Сейчасъ важнѣе учесть—разумѣется, въ самыхъ общихъ чертахъ—то положеніе вещей, какое возникло вслѣдствіе самаго процесса выборовъ. Кампанія дала больше, чѣмъ можно было ожидать. Начать хотя бы съ того, что она своеобразно освѣтила одинъ изъ самыхъ основныхъ вопросовъ современнаго намъ россійскаго государственнаго бытія, — о роли и значеніи дворянства. Быть или не быть равноправію? Если быть, то нѣтъ соціальныхъ препятствій къ водворенію возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября свободъ, Россія спокойно можетъ перейти къ благамъ правового строя, но при этомъ дворянство

утратитъ не только привилегіи; отъ всего, что въ немъ оскудѣло, быстро уйдетъ и земля; оно станетъ терять не сотни тысячъ десятинъ ежегодно, какъ теперь, а милліоны; процессъ обезземеленія дворянства, задерживаемый цѣною огромныхъ жертвъ государства, закончится въ нѣсколько лѣтъ, и само дворянство, вѣроятно, найдетъ для себя болѣе выгоднымъ, чтобы этотъ процессъ завершился планомѣрно порядкомъ законодательнымъ, а не стихійной экономической борьбою классовъ. Это—если быть равноправію. Если же равноправіе, недопустимо, то оскудѣлыхъ и гибнущихъ надо спасать отъ ихъ соціальныхъ противниковъ, а для этого нужны и охраны, и все прочее, чѣмъ красна современная намъ дѣйствительность. Покойный Столыпинъ достаточно опредѣленно поставилъ эту дилему въ памятной рѣчи о 130000 помѣщиковъ. А затѣмъ мало-по-малу вопросъ о спасеніи 130000 сталъ подмѣняться вопросомъ о „возрожденіи сословія“, о снабженіи его землей за счетъ крестьянскаго банка, путемъ раздачи „сибирскаго земельнаго фонда, объ усиленіи бытовой власти, власти земской, руководящей роли въ законодательствѣ и управленіи, и т. д. За время третьей Думы „сословная идея“ пережила какъ бы вторую молодость. На съѣздѣ объединеннаго дворянства на дворянскихъ губернскихъ собраніяхъ обсуждались чрезвычайно смѣлые проекты возрожденія, усиленія сословія и ослабленія его естественныхъ соціально-политическихъ противниковъ. Въ этомъ пунктѣ сошлись главнѣйшіе корни и нити того, что называютъ реакціей. И, казалось, сошлись не на короткое время. Всѣ тѣ способы дѣланія выборовъ, какими ознаменована нынѣшняя кампанія, были въ особенности доступны для первенствующаго сословія. Казалось, ему всего легче сдѣлать Думу, превратить ее въ свою цитадель. Но пришли предпріимчивые люди, благочинные, каѳедральные протоіереи, совѣтники правленій, секретари и непремѣнные члены присутствій, иныхъ званій случайные люди и даже людишки. И возродили они „дворянскую идею“ по-своему, расправились съ первенствующимъ сословіемъ, какъ вообще расправляется жизнь со всѣми, кто чрезмѣрно впадаетъ въ эксцессы „второй молодости“. И какъ быстро расправились. Любопытно при этомъ: безправные, не имѣющіе никакой поддержки въ верхахъ слои населенія сумѣли дать отпоръ, отбросили случайныхъ людишекъ; изъ всѣхъ классовъ только частнымъ землевладѣніемъ обнаружено болѣе или менѣе полное слабосиліе. Изъ всѣхъ сословій именно дворянство не смогло оказать достаточно серьезное сопротивленіе, — несмотря на всѣ свои привилегіи и на тѣснѣйшія, кровныя связи съ верхами.

„Дворянской идеѣ“ выборы нанесли новый ударъ. Поколеблено и одно изъ важныхъ условій, помогавшихъ проводить её въ жизнь. Покойный Столыпинъ собралъ нѣкоторые обломки былого „единенія власти съ народомъ“, собралъ „перепуганныхъ революціей“, и получилось видимое единеніе бюрократіи съ обществомъ,—„съ бла-

горазумною частью общества". Третья Дума явилась нагляднымъ выраженіемъ этого единенія; въ ней находили поддержку стремленія возрождать анахронизмы; „благоразумная часть общества" одобряла руководящія начала соціальной политики... Дѣло Столыпина по наслѣдству перешло къ г. Коковцову. И, поскольку можно было растратить наслѣдство во время избирательной кампаніи, оно растрачено. Ни признака единенія. Бюрократія въ полномъ одиночествѣ. Она въ ссорѣ со всѣми слоями населенія, со всѣми классами, со всѣми сословіями, — мы видѣли, что протестуетъ даже духовенство. Разссорилась бюрократія и съ тѣми группами, безъ поддержки которыхъ не можетъ существовать вся система 3 іюня. Дѣлатели выборовъ похоронили что-то старое, столыпинское. И поставили страну передъ неизбѣжностью чего-то новаго, — не того, что водворилось послѣ Цусимы, но, повидимому, и не того, что было до Цусимы,—не возврата на прежнія квартиры, гдѣ по штату не полагалось никакихъ Думъ и самое слово „конституція" было строжайше запрещено. Бюрократія наново освободилась отъ всего, что маскировало ея одиночество. Ей не привыкать къ дворянскому фрондированію и купеческому фырканью. Но у нея—въ отличіе отъ того, что было до Цусимы,—нѣтъ больше вѣры въ „благонадежность" основныхъ, а вмѣстѣ и темныхъ массъ населенія. „Надежда на мужика" похоронена въ перводумскія времена, и 3 іюня 1907 г. на ея могилѣ воздвигнутъ монументъ. Нѣтъ надежды. Нѣтъ и обаянія. При Плеве бюрократія производила впечатлѣніе грозно-вооруженнаго могущества. Столыпинъ старался загипнотизировать противниковъ громоподобной и молніеносной „полнотой власти". Нынѣшніе дѣлатели выборовъ заставили бюрократію выступить въ качествѣ вооруженной игрушки случайныхъ людишекъ и случайныхъ вліяйін, въ качествѣ вооруженнаго безсилія, которое вызываетъ одновременно и страхъ, и сарказмъ, и протесты, и хохотъ. Нѣтъ Наполеоновъ. Нѣтъ даже Стамбулова, но суетятся пономари, исполняющіе его роль. Что ужъ говорить о Бисмаркахъ—нѣтъ даже Эренталей, но есть рамоли въ доспѣхахъ Ильи Муромца и при его богатырскомъ оружіи. Дѣлатели выборовъ не только ввергли бюрократію въ полное одиночество, но и демонстративно обнажили ея разслабленность. Произошелъ не только организаціонный, но и моральный подрывъ системы 3 іюня. Какова бы ни была дальнѣйшая исторія этой трещины, она нарушаетъ равновѣсіе общественныхъ силъ, и безъ того неустойчивое,—и нарушаетъ не въ пользу бюрократіи и ея третьеіюньской опоры.

Какіе-то, во всякомъ случаѣ, не маловажные, а быть можетъ, и роковые шаги сдѣлала и бюрократія, и опора. Возвращусь къ термину: „переметнувшіеся дворяне", — изгои, отщепенцы, отъ которыхъ отшатнулось сословіе. Въ дворянствѣ особенно высокъ процентъ „переметнувшихся", — надо полагать, отчасти по этой при-

чинѣ сословіе и оказалось безсильнымъ одержать побѣду надъ дѣлателями выборовъ. Но, разумѣется, есть это добро и среди другихъ сословій: есть и переметнувшіеся купцы, и переметнувшіеся ремесленники, и мѣщане, и крестьяне... Называютъ себя „переметчики" „націоналистами", „союзниками", „патріотами". А какія интеллектуальныя и моральныя достоинства прикрываются этими модными кличками,—говорить нѣтъ нужды: это извѣстно. Извѣстно и отношеніе демократическихъ слоевъ къ „переметчикамъ". Оставалось неопредѣленнымъ лишь отношеніе къ нимъ дворянства. Нынѣшняя кампанія побудила высказаться болѣе или менѣе опредѣленно, и дворянская среда—правда, не вездѣ, а лишь мѣстами—начала съ небывалою донынѣ у нея прямотою вытѣснять и отбрасывать переметнувшихся. Это немаловажно. Хуже всего, если продукты распада разбрасываются по всему организму, — можетъ послѣдовать общее зараженіе. Но если организмъ достаточно крѣпокъ,то они скопляются въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, и болѣзнь разрѣшается нарывомъ. Нѣчто подобное происходитъ нынѣ на нашихъ глазахъ. Переметнувшіеся вытѣсняются изъ тѣхъ слоевъ, къ которымъ они принадлежатъ, и ходомъ событій отталкиваются въ одно мѣсто,—къ бюрократіи. Одряхлѣвшая, разслабленная, пережившая свою историческую задачу, она одинока, но густо окружена „переметнувшимся" людьми. Этотъ своеобразный процессъ концентраціи нельзя признать оконченнымъ,—дворянство, въ сущности, лишь начинаетъ вносить сюда свою долю участія. Но на достигнутыхъ успѣхахъ дѣло не можетъ остановиться. Герои современности—народъ извѣстный. Они достаточно проявили свое отличительное свойство — всесторонній нигилизмъ, замаскированный реакціонной фразеологіей; безпринципность, прикрытую готовностью доносить и кричать о потрясеніи основъ. Мы видѣли, до какого заостренія они довели по случаю выборовъ нигилизмъ государственный—нежеланіе считаться съ какими бы то ни было законами и правовыми нормами. Мы видѣли, до какой откровенности они довели и нигилизмъ моральный—способность ни передъ чѣмъ не останавливаться. Эти качества, проявленныя по случаю избирательныхъ надобностей, нашли себѣ и общее примѣненіе. Какъ надо было поступать съ избирателемъ, такъ захотѣлось поступать и со всякимъ вообще обывателемъ. Какъ поступаютъ во время выборовъ, такъ будутъ поступать и послѣ нихъ, — пожалуй, даже еще острѣе и откровеннѣе, ибо, во-первыхъ, все „совершенствуется" въ природѣ и доходитъ до своего логическаго конца, а, во-вторыхъ, чѣмъ больше недовольныхъ и протестующихъ, тѣмъ энергичнѣе должна быть распорядительность. Предпріимчивые люди еще потрудятся, и охулки на руку они не положатъ. И на ихъ труды нельзя не реагировать. Примириться съ ними трудно. А дальнѣйшее вытѣсненіе ихъ можетъ имѣть легко предугадываемый исходъ. Шесть лѣтъ назадъ, когда покойный Столыпинъ еще только начиналъ собирать вокругъ

себя „благоразумную часть общества“, я писалъ объ „отлученныхъ и озлобленныхъ“. Какъ мнѣ представлялось тогда, именно они, „отлученные и озлобленные“, продукты разложенія стараго до-цусимскаго порядка, соберутся на кличъ, скопятся къ одному мѣсту, и общее зараженіе ими государственнаго организма разрѣшится нарывомъ. Нынѣшніе выборы позволяютъ болѣе увѣренно думать, что болѣзнь приняла именно это сравнительно благопріятное теченіе,— идетъ къ концу, предрѣшаемому врачебнымъ геніемъ исторіи. Для бюрократіи избирательная кампанія—новый и, повидимому, энергичный толчокъ въ эту сторону. А каковы же судьбы опоры?

Я все время сознательно не касаюсь буржуазіи: эта опора сомнительная, временная, и ея пути особые, пока недостаточно опредѣлившіеся. Съ дворянствомъ яснѣе. Оно вступило въ конфликтъ съ своими переметчиками. Одновременно ему приходится ликвидировать или продолжать неожиданное для него столкновеніе съ духовенствомъ. Приходится вообще занимать неожиданныя и сложныя позиціи. Избирательная кампанія еще не окончилась, а дворянство, вступившее на путь демонстративныхъ протестовъ противъ давленія на выборахъ, оказывается вынужденнымъ опредѣлить свое отношеніе къ тому движенію въ странѣ, которое вызвано или обострено тѣмъ же самымъ давленіемъ. Чтобы не далеко ходить за примѣрами, укажу хотя бы на забастовки рабочихъ въ знакъ протеста противъ устраненія избранныхъ ими уполномоченныхъ для выбора выборщиковъ. Какими глазами смотрѣло первенствующее сословіе на забастовки вообще, — мы знаемъ. Но какъ оно будетъ смотрѣть теперь на забастовки, возникшія по такому, надѣюсь, вполнѣ понятному для него поводу? А разъ хотя бы только этотъ вопросъ поставленъ,—не трудно предвидѣть, какое множество другихъ запутанныхъ и трудныхъ вопросовъ сами собою выдвигаются на сцену? И, Богъ вѣсть, достаточно ли подготовлено дворянство къ диктуемой событіями и непривычнымъ для него положеніемъ переоцѣнкѣ цѣнностей? Оно очутилось на поворотѣ, при которомъ неизбѣжны и замѣшательство и разбродъ. Для страны въ этомъ источникъ новаго колебанія въ поколебленномъ соотношеніи общественныхъ силъ.

IV.

Особенныхъ, по-истинѣ героическихъ, масштабовъ стала требовать русская жизнь. Читаешь въ газетѣ:

Екатеринодаръ. Запасные нижніе чины произвели серьезные безпорядки въ станицахъ Армавиръ и Кавказская. Въ послѣдней запасные ворвались въ тюрьму и, освободивъ арестантовъ, взяли ихъ съ собою [1]).

[1]) „Рѣчь“, 5 октября.

Читаешь, а мысль бѣжитъ мимо:

— Теперь это, дескать, у насъ дѣло обыкновенное... Ничего тутъ неожиданнаго и поразительнаго нѣтъ.

Студенческое броженіе; забастовки вообще и забастовки изъ-за выборовъ, въ частности; извѣстія о броженіи въ деревнѣ; новый неурожай въ цѣломъ рядѣ губерній; извѣстія о чемъ-то неладномъ въ отдѣльныхъ частяхъ арміи и флота... Изъ такихъ и подобныхъ эпизодовъ складывается теперь повседневная общественная жизнь. Каждый изъ нихъ въ сущности — цѣлое событіе. И еще недавно каждая, хотя бы, напр., студенческая, вспышка была предметомъ напряженнаго вниманія и обширныхъ разговоровъ. Теперь объ этомъ просто некогда говорить:

— Ну, что тамъ студенты... Извѣстно, Кассо...

Все—„извѣстно". Все—„такъ и надо было ожидать". Крупныя ассигнаціи мелькаютъ, какъ гроши. Многотысячные чеки стали ходячей, размѣнной, обыкновенной монетой: признакъ „большихъ дѣлъ". Если въ игрѣ, какую ведутъ историческія силы, это—обыкновенныя карты, то каковы же будутъ козыри, и какова ставка?

Въ концѣ сентября и началѣ октября исторія ввела новую, можно думать, козырную карту: вспыхнула Балканская война. Собственно это—внѣшнее, иностранное событіе: дерутся заключившія союзъ Болгарія, Сербія, Греція и Черногорія противъ Турціи; Россія пока что въ сторонѣ, — среди „державъ, стремящихся локализировать пожаръ". И все таки война эта имѣетъ близкое отношеніе и къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ. Имѣетъ близкое отношеніе не только, какъ всякая вообще война при нынѣшнихъ условіяхъ международной жизни, и не только потому, что судьбы Балканскаго полуострова исторія въ теченіе почти двухъ послѣднихъ столѣтій до того тѣсно сплетала и сплела съ судьбами Россіи, что самое слово Балканы стало русскимъ словомъ. Есть иныя, иныя отношенія,—быть можетъ, болѣе глубокія.

Прежде всего нынѣшняя война стоитъ въ нѣкоторой причинной связи съ извѣстными событіями 1905 года: ударъ по старому порядку извнѣ и землетрясеніе внутри. Старое дрогнуло и не устояло. Но Россія пока не осилила своихъ очередныхъ государственныхъ задачъ. По разнымъ причинамъ не осилила, а между прочимъ и потому, что наше соціально-политическое творчество встрѣчено было по существу такимъ же *внѣшнимъ* недоброжелательствомъ и отпоромъ, съ какимъ нѣкогда, въ концѣ XVIII вѣка, столкнулось и соціально-политическое творчество Франціи. Различіе лишь въ организаціи отпора. Въ концѣ XVIII вѣка составлялись коалиціи, высылавшія солдатъ. Теперь составляются консорціумы, высылающіе милліарды франковъ. Франкъ, по сравненію съ солдатомъ, величина незамѣтная, но именно поэтому и неотразимая. Легче оказать сопротивленіе стотысячной иноземной арміи, чѣмъ милліарду франковъ. И Россія осталась съ разрушеніемъ, но безъ государственнаго творчества;

старое превратилось въ груды обломковъ, новое не можетъ создаться. И вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе вопросы не только идеологически, но и матеріально стали міровыми вопросами. Въ томъ, чтобы не допустить ихъ рѣшенія, диктуемаго нашей государственной необходимостью, заинтересованы реакціонныя силы не одной Россіи и даже не одной Европы. Въ томъ, чтобы они получили должное рѣшеніе, заинтересованы прогрессивныя силы опять-таки не одной Россіи и не одной Европы. И это столкновеніе реакціи и прогресса на русскомъ вопросѣ не могло оставаться только, такъ сказать, платоническимъ столкновеніемъ мнѣній и интересовъ. Россія — огромное мѣсто въ міровомъ обиходѣ. Обреченная на состояніе, при которомъ невозможно государственное творчество, она тѣмъ самымъ обречена и на худосочіе, истощеніе, обезсилѣніе. А разъ такая мощная величина ослабѣла и не способна оправиться, то и status quo не могъ быть сохраненъ, общее международное равновѣсіе не могло не поколебаться. Кромѣ того, соціальное землетрясеніе въ Россіи не могло не вызвать цѣлаго ряда сложныхъ детонацій въ другихъ государствахъ. Детонаціи оказались до того значительными, что вслѣдъ за русскимъ землетрясеніемъ вовсе рухнуло внутреннее равновѣсіе Персіи, Турціи, Китая... А это въ свою очередь колеблетъ международное равновѣсіе, дѣлаетъ неизбѣжными международные сдвиги и перетасовки.

Само собою понятно, что все это прежде всего должно было сказаться по близости отъ ослабѣвшей Россіи и въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ равновѣсіе наиболѣе неустойчиво. Такими пунктами въ данный историческій моментъ являются Ближній и Дальній Востокъ. Съ нихъ и началось,—началось аннексіями: Кореи на Дальнемъ Востокѣ, Босніи и Герцеговины на Ближнемъ. На Дальнемъ Востокѣ этимъ сдвигомъ пока дѣло ограничилось, хотя положеніе тамъ все время остается неспокойнымъ. На Ближнемъ Востокѣ — пунктѣ болѣе напряженномъ и сложномъ — къ аннексіи присоединилось превращеніе княжествъ Болгарскаго и Черногорскаго въ царство и королевство. За этимъ моральнымъ ударомъ по Константнноподю послѣдовалъ матеріальный ударъ по тому же Константинополю черезъ Триполи. Теперь полное землетрясеніе на Балканахъ, и въ немъ несомнѣнно—что бы тамъ ни сдѣлала дипломатія въ смыслѣ локализаціи и отсрочки счетовъ — начало новыхъ детонацій и новыхъ сдвиговъ. Повторяю, исторія ведетъ большую игру, не безъ азарта вдвигаетъ въ нее большія величины. И трудно не видѣть, что конечной, главной ставкой является соціально-политическое переустройство не только Россіи. И не только внѣшнее это переустройство, не только перемѣщеніе государственныхъ границъ и международныхъ центровъ тяжести.

Въ Балканскомъ сегодня есть отраженіе нашего россійскаго вчера. И характерное, знаменательное отраженіе. Въ нынѣшней войнѣ—какъ и во всякой вообще войнѣ—много узкой корысти, куцаго

политиканства, крокодиловыхъ слезъ и шуллерскаго благородства. Но много въ ней и настоящаго благородства, настоящихъ и горькихъ слезъ. А затѣмъ, это одна изъ тѣхъ войнъ, гдѣ трудно не видѣть „идею“. Не въ томъ, конечно, „идея“, чтобы „вытурить турокъ изъ Европы“. Рѣчь идетъ не о туркахъ, а о турецкой государственности. Она измѣнила свои старыя, абдулъ-гамидовскія, формы. Но не оказалась способной существенно измѣнить свою націоналистическую и религіозную политику; она не обнаружила умѣнья относиться культурно къ правамъ населяющихъ страну народностей; она плодила безконечный рядъ возстаній и кровопролитій, и этимъ заранѣе подписала себѣ приговоръ. Съ такою государственностью — будетъ ли она называться деспотической или конституціонной — современное намъ европейское правосознаніе примириться не можетъ. И, каковы бы ни были разсчеты отдѣльныхъ министровъ и правительствъ, война имѣетъ освободительный характеръ, преслѣдуетъ эгалитарныя цѣпи. Мечъ обнаженъ во имя права и культуры. И турецкое правительство хорошо понимаетъ это. Въ его воззваніи къ арміи, отправленной и отправляемой на театръ военныхъ дѣйствій, читаемъ:

— „Не забывайте, что вы должны слѣдовать заповѣдямъ человѣколюбія.. Не проливайте крови напрасно. Не будьте жестоки съ невинными дѣтьми, женщинами, плѣнниками, защищайте жизнь и имущество населенія, уважайте. религію, проявляйте милость къ несчастнымъ, которые сражаются, повинуясь своимъ начальникамъ, докажите цивилизованному міру, что оттоманы стоятъ на томъ же самомъ уровнѣ, что и самые культурные народы“ [1]).

О, конечно, — это словесное состязаніе на призъ человѣколюбія и культурности все время будетъ въ жестокомъ разладѣ съ дѣйствительностью. Конечно, въ дѣйствительности будутъ патроновъ не жалѣть, холостыхъ залповъ не давать. И все-таки такимъ языкомъ, безъ крайней въ томъ необходимости, не пишутъ приказовъ арміямъ, отправляемымъ противъ внѣшняго врага; такія инструкціи не вездѣ даются солдатамъ даже при отправкѣ ихъ противъ внутреннихъ враговъ. И если есть тутъ подмѣсь дипломатическаго забѣганія впередъ, на случай возбужденія вопроса о „своеволіи баши-бузуковъ“, то есть и другое: эгалитарная идея войны обязываетъ и къ соотвѣтствующей фразеологіи. Если нападаютъ во имя права и культуры, то и защищаться надо во имя не менѣе значительныхъ соображеній. И для вмѣшательства въ распрю нужны такія же — по крайней мѣрѣ, офиціальныя — соображенія. А вмѣшаться есть кому.

Между прочимъ и главнымъ образомъ Австрія... Не только хищническій разсчетъ можетъ ее побудить, хотя и хищничество принадлежитъ къ числу слишкомъ обыкновенныхъ побудителей въ

---

[1]) Телеграмма „С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства“ отъ 6 октября.

международной политикѣ. Австрія увязла въ Балканахъ. Стратегическіе, торговые и разные другіе интересы не при всякомъ оборотѣ балканскихъ событій позволятъ ей оставаться въ нейтралитетѣ. Но за Австрію намъ безпокоиться нечего. Если она выйдетъ изъ нейтралитета, то сумѣетъ выдвинуть соображенія не ниже тѣхъ, какія выдвигаются сербскимъ королемъ и турецкимъ султаномъ. Ей это не трудно.

Въ особомъ положеніи Россія. Затронуты и ея стратегическіе, торговые и другіе интересы. Въ ближайшемъ будущемъ они могутъ быть затронуты очень больно, очень жизненно. Сверхъ того, Россія не бѣдна психическими побудителями,—интимной и расовой связью съ братушками, памятью о прошломъ участіи въ ихъ судьбѣ. Изъ Россіи уже двинулись—какъ въ 1877 г.—добровольцы Въ славянофильскихъ кружкахъ опять вспомнили о Царьградѣ, святой Софіи и тому подобныхъ шумныхъ словахъ. Г-нъ А. Столыпинъ въ „Новомъ Времени“, неизвѣстно, на какомъ основаніи, даже срокъ опредѣлилъ: 5 мѣсяцевъ. Именно, видите ли, черезъ 5 мѣсяцевъ, мы двинемъ наши полки противъ турокъ, а за это время должны подготовиться... Мы, какъ полагаетъ г. Столыпинъ, двинемъ... Но во имя какихъ мотивовъ? Увы—вмѣсто мотивовъ, г. А. Столыпинъ и его присные предъявляютъ нѣчто вродѣ грамофонной пластинки, на которой напѣто: „братья-славяне“, „единовѣрцы“, „бодливый полумѣсяцъ“... Когда-то въ 1877 г. эти цвѣтистыя фразы производили впечатлѣніе. Но исторія давно вскрыла ихъ внутреннее содержаніе. И теперь это—пустыя слова; повторять ихъ и только ихъ, не дѣлая попытки заговорить болѣе опредѣленнымъ и точнымъ языкомъ, по-просту неумно и смѣшно, какъ всякое повтореніе заѣзженныхъ метафоръ и опошленныхъ остротъ. Газетные фельетонисты острятъ: г. А. Столыпинъ двинетъ полки, чтобы для спасенія братьевъ-славянъ учредить на балканскомъ полуостровѣ черту осѣдлости... Разумѣется, бляга. Но я нимало не удивлюсь, если завтра кто-либо изъ глубокомысленныхъ философовъ „Земщины“ или „Колокола“ догадается, что „все это масонскія штучки“:

— Масоны злоумышленно устроили возлѣ самой границы Россіи подъ видомъ войны революціонную пропаганду, а подъ видомъ приказовъ воюющимъ арміямъ печатаніе революціонныхъ прокламацій...

Россія перестала играть въ былыхъ размѣрахъ активную роль въ судьбахъ Балканскаго полуострова. Отчасти это произошло, разумѣется, потому, что она ослабѣла гораздо больше, чѣмъ позволяютъ ея масштабы и ея всемірно-историческое значеніе. Но она не только ослабѣла. Она отстала. Балканы переросли ее. На Балканахъ выдвинулись задачи, активно участвуя въ разрѣшеніи которыхъ офиціальная Россія вступила бы въ вопіющее внутреннее противорѣчіе съ самой собою. Противорѣчіе началось давно,—еще до

Александра II. Въ 1878 г. оно достигло такихъ размѣровъ, что русскіе подданные стали—не безъ сарказма—просить о дарованіи имъ благъ, дарованныхъ Болгаріи. Постепенно наростая и проясняясь, оно стало, наконецъ, самоочевидной несообразностью, политическимъ абсурдомъ.

Отстала, страшно отстала... И что всего хуже: оставаясь въ нѣнѣшнемъ внутреннемъ состояніи, при разрушеніи, не компенсированномъ соціально-политическимъ творчествомъ—не можетъ догнать, не можетъ подняться до уровня необходимаго для активнаго безконфузнаго участія въ рѣшеніи тѣхъ споровъ, какіе идутъ на Балканахъ, — традиціонномъ, вѣковомъ центрѣ россійской офиціальной внѣшней политики. Добровольцы ѣдутъ. Народная Россія въ цѣляхъ войны, въ ея фразеологіи слышитъ „митинговые звуки“,— очень свои, очень близкіе, чрезвычайно родные, крайне важные въ домашнемъ обиходѣ. Россія офиціальная скована собственной идеологіей, парализована собственными соціально - политическими стремленіями и увлеченіями.

Между тѣмъ, такое состояніе можетъ стать физически невозможнымъ; выходъ изъ него можетъ стать дѣломъ неотразимой необходимости. Суть, разумѣется, не только въ биржевыхъ паникахъ, разстройствѣ торговыхъ оборотовъ, дезорганизаціи южнаго—черноморскаго—экспорта, неизбѣжномъ отраженіи на разсчетномъ балансѣ и всякихъ другихъ обычныхъ, такъ сказать, „коммерческихъ“ послѣдствіяхъ драки по сосѣдству. Однако, и эти обычныя послѣдствія дойдутъ до необычныхъ размѣровъ. Будь Россія не въ безпорядкѣ, не въ состояніи призадушеннаго, но ожесточеннаго междоусобія, она, быть можетъ, не допустила-бы войны,—„не позволила-бы братушкамъ драться“. А если-бы и позволила, то сумѣла бы свести вредъ отъ войны къ возможному минимуму, а выгоды довести до возможнаго максимума. При нынѣшнемъ положеніи намъ въ смыслѣ коммерческомъ „улыбаются“ минимальныя выгоды и грозятъ максимальныя—въ предѣлахъ вѣроятности—потери. Такъ, повторяю, обстоятъ дѣла не только въ смыслѣ коммерческомъ. И во всѣхъ другихъ смыслахъ и отношеніяхъ сторона, наиболѣе парализованная внутренними противорѣчіями, обречена на максимумъ потерь и минимумъ выгодъ. И весь вопросъ въ томъ, перейдетъ или не перейдетъ общая совокупность матеріальныхъ и моральныхъ потерь за тѣ предѣлы, которые страна физически способна вынести. Если перейдетъ, то неминуемо сдвинется съ нынѣшней точки либо Россія народная, либо Россія офиціальная,—и послѣдней, въ такомъ случаѣ, нужно будетъ, по крайней мѣрѣ, отъ нѣкоторыхъ занимаемыхъ ею позицій отказаться, и кое-какія новыя занять. А если и не развернутся событія, если наши потери не выйдутъ изъ предѣловъ физически выносимаго, то всетаки нынѣшняя балканская война-„пропаганда“ съ ея „революціонными“, на оцѣнку „истинно-русскихъ“ охранителей, манифестами и фра-

зеологіями, не можетъ быть дѣломъ, безразличнымъ для нашего внутренняго равновѣсія. Въ раскаленную атмосферу Россіи все таки летятъ новыя искры. Въ бореніе силъ реакціи и силъ прогресса, въ хаосъ лихорадочныхъ напряженій и конфликтовъ всетаки вносятся новые импульсы и новыя возможности.

И думается, въ большой историческій день мы вступаемъ,—въ большой и вмѣстѣ трудный и отвѣтственныя день нашей вулканической эпохи.

А. Петрищевъ.

Николай Ѳедоровичъ Анненскій.

Воспоминанія.

Мнѣ хочется говорить спокойно о немъ. Спокойно, чтобы слезы не туманили глаза, чтобы личная пріязнь и печаль объ утратѣ не мѣшали думать о немъ, хотя бы приблизительно также справедливо и нелицепріятно, какъ всегда думалъ покойный.

Это всегда трудно, и тѣмъ труднѣй, тѣмъ ближе, роднѣе ушедшій человѣкъ, чѣмъ больше связана была съ нимъ твоя собственная жизнь. И особенно трудно говорить спокойно, безъ волненія о немъ, Анненскомъ, котораго такъ горячо любили всѣ близкіе знавшіе его, о немъ, вѣчно волновавшемся и вѣчно волновавшемъ другихъ... А это нужно, нужно для памяти его, чтобы понять его, чтобы справедливо отвѣтить на вопросъ, кто онъ былъ?

И прежде всего объяснить поразительный фактъ, рѣдко случавшійся съ русскими писателями,—огромный взрывъ печали, какой-то особенной, искренней, любовной печали, который вызвала его смерть.

И единодушной печали... Въ поминальномъ хорѣ, такъ горестно прозвучавшемъ надъ его могилой, слились голоса разнообразныхъ общественныхъ группъ, начиная съ верховъ интеллигенціи и кончая рабочими слоями, голоса людей далеко отстоявшихъ отъ покойнаго по общему міросозерцанію и политическому настроенію, случалось, значительно расходившихся съ нимъ, при жизни его, въ оцѣнкѣ фактовъ и манеръ дѣйствованія. Быть можетъ, еще удивительнѣе тотъ фактъ, что не раздалось враждебныхъ, злобныхъ голосовъ съ другого берега, съ противоположной стороны оврага, глубоко раздѣлившаго Россію. Получалось впечатлѣніе, что у Анненскаго и не было враговъ.

Это не всегда говоритъ въ пользу человѣка. Не имѣютъ враговъ люди тихошествующіе, осторожно обходящіе камешки и рытвины, рѣдко наступающіе и часто и охотно уступающіе и отступающіе, люди съ тихой рѣчью, съ скромными жестами... А, вѣдь, Аннен-

скій крупно шагалъ, всегда шелъ противъ вѣтра, не только не боялся камней и рытвинъ, но и пралъ противъ главнаго рожна русской жизни и не уступалъ и не отступалъ. Онъ былъ большой, мускулистый, ширококостый, съ рѣзкими чертами лица, съ широкимъ размашистымъ жестомъ, съ порывистыми движеніями, съ громкимъ голосомъ, въ которомъ смѣнялись гнѣвъ и горесть, иронія и призывъ,—человѣкъ опредѣленнаго направленія,—народникъ, народный соціалистъ... А плакали надъ нимъ разные люди, и не ворвалась въ общій хоръ бранная, злая нота.

Онъ былъ прежде всего русскій и интеллигентный человѣкъ, и его сложная переплетенная жизнь покрыта была тѣми узорами, которыми покрывала Россія за послѣднія 40 лѣтъ судьбу многихъ своихъ интеллигентныхъ дѣтей. Онъ окончилъ два факультета, юридическій и историко-филологическій, но не сдѣлался ни юристомъ, ни профессоромъ исторіи, о чемъ онъ долго мечталъ. Онъ служилъ въ двухъ министерствахъ, по двумъ разнымъ областямъ государственнаго дѣла и быстро выдвинулся настолько, что два раза являлся оффиціальнымъ представителемъ Россіи на международныхъ съѣздахъ. Но его административная карьера скоро оборвалась, и для него закрытъ былъ доступъ въ какое бы то ни было министерство. Онъ былъ писателемъ еще въ половинѣ 70-хъ годовъ и его журнальныя статьи. „Катедеръ-соціалисты въ Германіи“ привлекли общее вниманіе, а потомъ онъ очутился въ городѣ Тарѣ въ качествѣ человѣка, стремившагося „въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ“ разрушить существующій строй. Потомъ онъ объявился въ Казани въ качествѣ статистика, въ Н.-Новгородѣ въ томъ же видѣ, въ Петербургѣ завѣдующимъ статистическимъ бюро при городской управѣ вмѣсто проф. Янсона. А потомъ—редакторомъ „Русскаго Богатства“, жителемъ Петропавловской крѣпости, невольнымъ гражданиномъ гор. Ревеля,—потомъ снова сидѣлъ въ тѣсной квартиркѣ редакціи „Русскаго Богатства“ и снова сидѣлъ въ тюрьмѣ,—и наконецъ, предсѣдателемъ Литературнаго Фонда, безчисленныхъ банкетовъ, засѣданій, союзовъ, обществъ...

Это, конечно, за исключеніемъ послѣдней стадіи, въ общемъ со многими случалось, но у Анненскаго все это выходило какъ-то легко, свободно и красиво. Благосклонно, улыбаясь, шелъ онъ въ ссылку, въ Петропавловку и въ Ревель, какъ-то легко, безъ всякихъ усилій изъ министерства переходилъ въ сравнительно тогда еще новое дѣло, въ земскую статистику, а оттуда въ редакцію „Русскаго Богатства“, и вездѣ, какъ-то естественно и просто, безъ всякихъ усилій занималъ выдающееся положеніе, какъ-то тоже естественно и просто сдѣлался предсѣдателемъ обществъ, банкетовъ.

У Н. Ѳ. Анненскаго были рѣдкія способности, предопредѣлявшія эту исключительную роль его. Эта не фраза изъ хвалебнаго

поминальнаго слова. У него была необыкновенная, исключительная память, какой мнѣ, по крайней мѣрѣ, не приходилось встрѣчать въ своей жизни,—вѣрнѣе, рѣдкостное сочетаніе разныхъ памятей.

Я помню, съ какимъ изумленіемъ говорили мнѣ статистики на Московскомъ статистическомъ съѣздѣ о рѣчи Николая Федоровича, гдѣ онъ въ продолженія двухъ часовъ, безъ записки говорилъ о методѣ и практикѣ статистическаго дѣла въ Россіи съ приведеніемъ наизустъ громаднаго цифроваго матерьяла,—и я не встрѣчалъ другого человѣка, который бы такъ помнилъ оперные мотивы и даже манеры знаменитыхъ пѣвцовъ,—съ того времени, какъ онъ, великій любитель пѣнія и музыки, въ началѣ 60-хъ годовъ началъ бывать въ оперѣ, кто бы могъ цитировать цѣлыя стихотворенія давно забытыхъ писателей, помнилъ тирады старыхъ мыслителей и ораторовъ, цитировалъ наизусть большіе отрывки изъ рѣчи „Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra, приводилъ по-гречески цѣлыя тирады изъ „Иліады“...

И не только удивительная комбинація памяти, но и способности пониманія,—пониманія цифры, государственныхъ, политическихъ и экономическихъ теченій, совершаюхся въ Россіи и Западной Европѣ и пониманія красоты, поэзіи и беллетристики, скульптуры и живописи, старыхъ традицій въ искусствѣ и новыхъ художественныхъ вѣяній, смѣнявшихся за его долгую жизнь. И я не забуду короткаго разговора, когда я, перегруженный живописными впечатлѣніями отъ первой поѣздки за-границу, передавалъ ему эти ошеломившія меня впечатлѣнія и нѣкоторыя недоумѣнія и говорилъ, что я понялъ Дюрера и не понялъ Рембрандта,—какъ онъ коротко и сжато и удивительно тонко характеризовалъ мнѣ эволюцію отъ Дюрера до Рембрандта, и не только въ общемъ смыслѣ, который можно почерпнуть изъ учебниковъ и обозрѣній, но иллюстраціей и сопоставленіемъ отдѣльныхъ картинъ того и другого художника, которыя, очевидно, остались въ душѣ его какъ цѣльныя и самостоятельныя впечатлѣнія.

У него былъ большой, свѣтлый, ясный, неувлекающійся, скорѣе скептическій умъ, какъ-то способный охватывать общее, цѣлое и въ то же время тонко разбираться въ деталяхъ, въ подробностяхъ, и была тоже рѣдкая комбинація строго-логическаго ума съ горячей вѣрой, которую онъ донесъ отъ юности до могилы.

Онъ былъ не просто способный и талантливый человѣкъ дилетантскаго типа, какихъ много въ Россіи, и что привычно и удобопонимаемо, а онъ былъ то, что рѣдко встрѣчается вообще въ жизни и потому трудно понимаемо,—въ немъ была полнота большой человѣческой личности, какая-то особая гармонія человѣческаго духа, соединеніе рѣдко соединяющихся человѣческихъ способностей, притомъ выраженныхъ въ широкомъ масштабѣ,—сильной, стро-

гой мысли и горячаго чувства, гнѣва и прощенія, рѣдкой жалостливости и отсутствія сентементальности.

Это все такъ, но онъ не оставилъ послѣ себя крупнаго литературнаго имени, кромѣ статистики, онъ не связалъ себя съ опредѣленной отраслью знаній, не бросилъ въ міръ новой философской или моральной идеи и не сдѣлался государственнымъ дѣятелемъ въ общепринятомъ смыслѣ слова. И я понимаю, что широкая публика, не видавшая, не знавшая Анненскаго лично, и не вполнѣ освѣдомленная въ томъ, что онъ сдѣлалъ въ жизни, можетъ останавливаться съ недоумѣніемъ и вопросомъ, почему столько шума надъ могилой пусть хорошаго, талантливаго человѣка, но оставившаго такое малое наслѣдство, и почему такъ много и столь различныхъ людей оплакиваютъ его какъ крупную потерю въ русской жизни.

Была одна нота, общая, наиболѣе громко звучавшая въ поминальныхъ словахъ, выдвигавшая главенствующую черту Анненскаго и объяснявшая значеніе его личности въ жизни,—обаяніе его личности.

Да, онъ былъ обаятельный человѣкъ, и объ немъ, какъ о человѣкѣ, труднѣе всего говорить спокойно тѣмъ, кто долго и близко зналъ Николая Ѳедоровича. Онъ былъ тонкій, деликатный и внутренне-изящный человѣкъ. Онъ былъ джентльменъ, онъ былъ истинно-благородный человѣкъ, онъ былъ справедливъ особой справедливостью, которою онъ никогда не жертвовалъ и не могъ жертвовать ни личнымъ, ни политическимъ, ни партійнымъ соображеніямъ... Онъ былъ добръ особой добротой... Можно еще много сказать объ немъ хорошихъ словъ: мужественный гражданинъ, вѣрный, неизмѣнный другъ, безсребренникъ, терпимый и ласковый, но всѣ слова эти тусклыя и скучныя, когда прилагаются къ Н. Ѳ. Анненскому. И потомъ, столько было сказано надъ могилой его и несется по сіе время со всѣхъ концовъ Россіи не скучныхъ и тусклыхъ, а яркихъ, горячихъ словъ, что я не буду пытаться дать сколько-нибудь полную характеристику его какъ человѣка, и только прибавлю нѣсколько штриховъ, которые, быть можетъ, приблизятъ его къ читателямъ и сдѣлаютъ его понятнѣе.

Я говорилъ уже, что онъ былъ врагъ сентиментальности и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ глубоко жалостливъ. Онъ былъ нѣженъ, нѣкоторымъ можетъ показаться, немножко смѣшно нѣженъ... Былъ у него песикъ, рыженькій, маленькій и, какъ часто бываетъ съ маленькими собачёнками, необыкновенно воинственный, производившій невѣроятный шумъ въ квартирѣ, и часто мѣшавшій разговорамъ, песикъ сомнительнаго происхожденія, „дворянинъ“, какъ называлъ его Николай Ѳедоровичъ. Привязанность Н. Ѳ. къ песику была удивительная, съ нимъ онъ гулялъ, съ нимъ и въ гости хо-

дилъ. Нужно было видѣть веселье Николая Ѳедоровича, когда въ Нижнемъ, на Полевой улицѣ, гдѣ жилъ онъ, появился сынъ его песика, такой же рыженькій песикъ, въ еще болѣе умаленномъ видѣ, но такой же озорной и воинственный! Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Николай Ѳедоровичъ жилъ уже въ Петербургѣ, я остановился у него, и, помню, въ первую же ночь, часа въ четыре, меня разбудили шаги Николая Ѳедоровича. Онъ былъ въ шапкѣ и въ зимнемъ пальто.

— Куда вы?—спрашиваю его.

— Да вотъ, песика проводить. Ему прогуляться надо...

И пошелъ въ студеную зимнюю ночь,—былъ онъ уже съ сѣдыми волосами—прогуливать своего, уже постарѣвшаго и смирившагося песика по Лиговкѣ. А еще черезъ годъ или черезъ два, тоже въ мой пріѣздъ, хоронилъ онъ своего песика и что-то вродѣ гробика соорудилъ ему и куда-то въ укромную и удобную ямочку положилъ...

И у Н. Ѳ. были предметы, возбуждавшіе въ немъ не то что ненависть, а какое-то неодолимое отвращеніе, какую-то, даже мало понятную, гадливость. Какъ-то дѣло было у него въ кабинетѣ,—читалъ онъ корректуру моей статьи, нужно было спѣшить, и мы вмѣстѣ исправляли ее,—и вдругъ онъ бросилъ перо и съ волненіемъ выговорилъ:

— Что это у васъ, С. Я., за приверженность къ слову „гнусный“?

Я сталъ было защищаться и доказывать, что слово это яркое и въ нѣкоторыхъ случаяхъ незамѣнимое, а онъ все волновался, ходилъ по кабинету и говорилъ:

— Понимаете,—самый звукъ скверный, подлый, гнусный, гадкій.

Тогда я понялъ, потому что вспомнилъ, какъ однажды шли мы съ нимъ по лѣсу, въ дачномъ поселкѣ подъ Н. Новгородомъ, и змѣя выползла изъ-подъ листьевъ и какъ Николай Ѳедоровичъ поблѣднѣлъ и затрясся и схватилъ меня за руку. Я тогда былъ также удивленъ, и только Александра Никитична, супруга Николая Ѳедоровича, объяснила мнѣ тогда, что для него и въ молодости было непереносно видѣть все ползучее, не только ядовитыхъ змѣй, но безвреднаго ужа, только потому что онъ ползучій. Очевидно, непереносно было даже „гнусное“ слово. Это такъ ярко осталось у меня въ памяти, что я выбросилъ слово „гнусный“ изъ своего лексикона и, кажется, сейчасъ въ первый разъ употребляю его съ того времени.

Н. Ѳ. былъ чрезвычайно терпимый человѣкъ и не только признавалъ, но и уважалъ всякія мнѣнія, лишь бы они были искреннія, открытыя, но онъ ненавидѣлъ все низменное, ползучее, лицемѣрное, лгущее, что стелется по землѣ, по потаеннымъ мѣстамъ, что не осмѣливается поднять голову, выступать открыто. У него былъ рѣдкій музыкальный, но еще болѣе рѣдкій духовный слухъ. Онъ былъ необыкновенно чутокъ и необыкновенно тонко различалъ всѣ

фальшивыя ноты, какими-бы благородными словами ни прикрывались онѣ; и при всей его снисходительности, деликатности и терпимости, Н. Ѳ. былъ непримиримъ по отношенію къ лгущимъ, ползающимъ людямъ,—были-ли то люди общественной или политической дѣятельности, или люди литературы, уловляющіе рынокъ и только соотвѣтственно рынку направляющіе свою литературную эволюцію.

У меня нѣтъ другаго болѣе подходящаго слова, которое лучше-бы опредѣляло Н.Ѳ. Анненскаго,—онъ былъ *великодушный* человѣкъ.

Великодушный и въ обычномъ, ходячемъ смыслѣ слова. Никогда его личные интересы не направляли его жизнь, и личныя отношенія къ нему не опредѣляли его отношенія къ другимъ людямъ. За долгую совмѣстную жизнь я не помню случая, чтобы Н. Ѳ. волновался изъ за нападокъ на него, но стоило раздаться преднамѣренно-злостнымъ или легкомысленнымъ выпадамъ противъ людей, по отношенію къ которымъ, по его мнѣнію, были непозволительны такіе выпады или противъ того, что было святыней для Н. Ѳ.,—и онъ дѣлался гнѣвный и безпощадный, и исчезали его мягкость и снисходительность.

Великодушный и въ болѣе широкомъ, настоящемъ смыслѣ слова. Его душа была большая, чуткая и отзывчивая на все возвышенное и благородное, и его душѣ чуждо было все мелкое и низменное. И не маленькія дѣла и не личныя переживанія опредѣляли его жизнь. Великія движенія человѣчества, основныя судьбы родины, великіе вопросы человѣческаго духа и, въ особенности, великія нужды русскаго народа несъ онъ въ своей душѣ отъ юности до могилы. Онѣ наполняли его душу, онѣ неотступно звали его къ себѣ...

Неотступно и напряженно. Н. Ѳ. никогда не былъ равнодушнымъ человѣкомъ, и какъ-то странно даже прилагать это слово къ Н. Ѳ.: страстность и напряженность чувства, которыя онъ вносилъ во всю свою дѣятельность, были всегда характерной чертой натуры его.

Да, онъ былъ обаятеленъ, и. можетъ быть, этимъ личнымъ обаяніемъ, его высокой справедливостью, особымъ благородствомъ, великодушіемъ, которое вѣяло отъ него, можно объяснить то рѣдкое явленіе, что Анненскій, съ его страстностью, съ его идейной непреклонностью и въ этомъ смыслѣ отгороженностью, не имѣлъ личныхъ враговъ, можетъ быть, изъ этого можно понять и единодушней взрывъ печали очень разныхъ людей, вызванный его смертью, и то, что не раздалось злобныхъ, враждебныхъ голосовъ надъ его могилой.

Можетъ быть, но всего этого мало,—и его большой жизни и рѣдкихъ способностей, и обаянія личности для того, чтобы понять Анненскаго въ цѣломъ, понять мѣсто, которое онъ занялъ въ рус-

ской жизни. И понять, почему онъ не занялъ другихъ мѣстъ, которыхъ, казалось, такъ много приготовлено было ему въ русской жизни.

Предъ Н. Ө. Анненскимъ, предъ его способностями были широко открыты двери въ русскую жизнь,—почему онъ занялъ большого и яркаго положенія, которое-бы соотвѣтствовало размѣрамъ его личности, яркости и разносторонности его дарованій?

Есть общій отвѣтъ,—условія русской дѣйствительности. Тѣ условія, которыя помѣшали многимъ русскимъ людямъ развернуться въ размѣрѣ ихъ дарованій, которыя такъ часто и свирѣпо обрывали поэтическія, беллетристическія и всяческія художническія и ученыя карьеры... Да, онѣ сдѣлали свое дѣло и съ Анненскимъ. Вó-время была оборвана его государственная карьера, вó-время, онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь, и вернулся оттуда безъ права въѣзда въ столицы. Прерывались, какъ извѣстно, его работы и потомъ заключеніями и ссылками.

Онъ не соотвѣтствовалъ русской дѣйствительности. Онъ былъ неспокойный, волнующійся, страстный, непокорный и гордый и необыкновенно жалостливый человѣкъ, съ напряженнымъ чувствомъ, съ широкими жестами... А не было мѣста въ русской жизни для широкихъ жестовъ, для свободныхъ, гордыхъ и жалостливыхъ душъ, жизнь была связанная, жизнь была тѣсная, опутанная, гдѣ нельзя было размахиваться. Вѣковая, государственная жизнь, всеисчерпывавшая, требовала, использовала и терпѣла только людей опредѣленнаго строя души, такъ сказать, технически пригодныхъ для правительства сторонъ человѣческой личности. И прежде всего требовала покорности,—покорности ума, покорности чувства, покорности воли, и только предусмотрѣнной, легализованной жалости.

Мнѣ могутъ сказать, что общія условія русской дѣйствительности не помѣшали явиться въ Россіи великимъ ученымъ,—и историкамъ, и математикамъ, и химикамъ, и великимъ художникамъ и великимъ писателямъ, вставшимъ изъ тѣхъ же 60-хъ годовъ, изъ которыхъ поднялся Н. Ө. Анненскій. Дѣло, очевидно, не въ однихъ внѣшнихъ условіяхъ, а и въ чемъ-то, что лежало внутри самого Анненскаго. Въ особенностяхъ его натуры, непокорности, гордости, жалостливости... Какъ-никакъ, чтобы быть ученымъ, профессоромъ, художникомъ, какъ, можетъ быть, это ни странно, нужно у насъ въ Россіи закрыть окна на улицу, и не только окна, но и форточки, чтобы не доносились вопли и стоны съ улицы.

Не въ судъ и осужденіе... Ученый можетъ искренне вѣровать, что именно его научная работа, художникъ можетъ думать, что красота и возвышенное, что онъ внесетъ въ жизнь, что именно онѣ прекратятъ шумъ и безпорядокъ улицы и въ концѣ концовъ поту-

шать и вопли, и стоны,—но для этого нужно было быть сдѣланнымъ изъ другого тѣста, чѣмъ Анненскій. У него всю жизнь былъ чуткій, напряженный слухъ и были широко открыты окна на улицу, и всякое насиліе, которое совершалось на улицѣ, которымъ была полна и полна есть русская улица, всякій вопль оттуда о помощи захватывали его всего, отрывали отъ спокойной умственной работы и неотступно звали его къ помощи, къ протесту, къ собиранію русскихъ гражданъ на помощь и на протестъ.

И профессоромъ исторіи, къ чему онъ готовился, онъ не сдѣлался не подъ давленіемъ внѣшнихъ условій, а потому, что позвала его улица, что онъ ушелъ на борьбу со зломъ и насиліемъ...

Повторяю,—однихъ внѣшнихъ условій мало для пониманія Анненскаго и его жизни. Можно съ полнымъ основаніемъ поставить вопросъ, почему же онъ не сдѣлался крупной величиной въ той области, которая все-таки менѣе другихъ сферъ человѣческой дѣятельности зависима отъ общихъ условій русской дѣйствительности,—въ литературѣ? И здѣсь мы подходимъ къ пониманію основной черты его личности, основы его психологическаго „я“.

Онъ былъ прирожденный общественный, политическій дѣятель, въ той же мѣрѣ, какъ бываютъ прирожденные математики, прирожденные, предуказанные властители красокъ и звуковъ. И притомъ онъ былъ то, что опредѣляется новымъ словомъ „лидеръ“, человѣкъ, собирающій около себя людей, человѣкъ, выражающій ихъ мысли и чувства, зовущій ихъ къ дѣятельности и направляющій эту дѣятельность. И тоже—прирожденный лидеръ;—это была единственная позиція въ жизни, которая могла бы использовать всего Анненскаго и которая заполнила бы всю большую душу Анненскаго. Только съ этой точки зрѣнія и понятенъ онъ весь полностью. У него было все, что необходимо для лидерства: государственный умъ, огромная и разносторонняя эрудиція, память и пониманіе, свѣтлый и трезвый умъ въ соединеніи съ горячимъ сердцемъ, но въ немъ было еще большее, самое главное, опредѣляющее прирожденнаго лидера,—онъ былъ нуженъ толпѣ и толпа нужна была ему.

Н. Ѳ. развертывался весь полностью, настоящій Анненскій, только на людяхъ, на собраніяхъ,—какихъ-бы то ни было,—дѣловыхъ или дружескихъ. Онъ былъ ораторъ, блестящій ораторъ,—изъ тѣхъ, которые родятся, а не дѣлаются ораторами. Его рѣчи не блестѣли закругленными обточенными фразами, заранѣе придуманными экспромтами, онѣ были всегда страстными, — иронически уничтожающими или зовущими, почти всегда были импровизаціями, но для того, чтобы сказать рѣчь, ему нужно было проникнуться настроеніемъ окружавшихъ его людей. Я помню много случаевъ, когда Н. Ѳ. начиналъ говорить не *настроеннымъ*. И мнѣ бывало обидно, когда онъ путался, повторялся, подыскивалъ выраженія и волновался, что не находитъ ихъ. И я всегда чувствовалъ, когда къ нему *приходило*. Приходило изъ чужихъ лицъ и душъ собравшихъ-

ся около него людей, изъ настроенія толпы, когда онъ чувствовалъ, что сливается съ ней. Тогда онъ дѣлался неузнаваемъ,—лилась блестящая рѣчь, его голосъ крѣпъ и появлялся характерный широкій жестъ его большихъ мускулистыхъ рукъ,—словно устранявшій препятствія и разчищавшій путь,—и лицо его измѣнялось, и выростала его крупная скульптурная фигура.

И тянуло къ нему людей. Гдѣ бы то ни было,—на дружескихъ собраніяхъ или въ дѣловыхъ засѣданіяхъ, безъ всякихъ усилій съ его стороны, онъ дѣлался центромъ. Вокругъ него разгоралась бѣсѣда, вспыхивали споры. Предо мной яркая картина многолюднаго передъ-революціоннаго банкета, когда настроеніе еще только складывалось, куда собралась пестрая, разнокалиберная публика. И всѣ глаза смотрѣли въ ту сторону, гдѣ виднѣлась сѣдая голова Анненскаго и чувствовалось, что люди ждутъ, что Анненскій соберетъ ихъ, собравшихся, но еще не собранныхъ, выразитъ ихъ смутныя, еще не опредѣлившіяся чувства и еще не выразившуюся волю, что онъ развернетъ предъ ними путь и своимъ широкимъ жестомъ укажетъ имъ этотъ путь...

Онъ былъ всегда лидеромъ,—на всѣхъ собраніяхъ, были-ли это статистическія засѣданія, или нижегородскія литературныя собранія, или ужины въ петербургской кухмистерской, банкеты, или засѣданія „союзовъ", или редакціонные понедѣльники „Русскаго Богатства", въ которомъ онъ сдѣлался лидеромъ со смерти Н. К. Михайловскаго. И онъ былъ выразителемъ всѣхъ настроеній,—кромѣ равнодушнаго,—которыя владѣли окружающими людьми,—и протеста, и гнѣва, и веселья, когда люди хотѣли радости и веселья.

У Н. Ө. было рѣдкое остроуміе, быть можетъ, столь-же рѣдкое, какъ и его необыкновенная память. И онъ всегда былъ остроуменъ: Случалось, серьезнѣйшіе, строго дѣловые редакціонные понедѣльники вдругъ прерывались заразительными блестками остроумія Анненскаго, и озабоченныя редакторскія лица загорались весельемъ и смѣхомъ. Но настоящее остроуміе Н. Ө Анненскаго проявлялось опять-таки на толпѣ, когда она собиралась для веселья,—на былыхъ редакціонныхъ ужинахъ „Русскаго Богатства", на вечерахъ тѣхъ 2—3 петербургскихъ домовъ, гдѣ собирался весь литературный Петербургъ.

Всегда лидеромъ веселья былъ Анненскій, около него чаще всего раздавались взрывы смѣха, онъ вносилъ особо-радостное настроеніе въ среду людей. Его остроуміе было особенное, принадлежавшее только одному Анненскому, — какое-то внезапное, для всѣхъ неожиданное, яркое и блестящее. Его остроты не переходили въ сарказмъ, и не было обижающаго и язвящаго въ его остроуміи. Какъ-то на одномъ изъ такихъ вечеровъ былъ объявленъ конкурсъ на самыя несуразныя остроты съ предусмотрѣннымъ штрафомъ именно за удачныя остроты,—тамъ было много остроумныхъ людей,

но, конечно, побѣдителемъ остался Анненскій. Его остроты, съ соблюденіемъ условія несуразности, были особенно ярки и неожиданны и, конечно, при несуразности, были самыя умныя остроты.

Кажется, тогда же я спросилъ Н. К. Михайловскаго, встрѣчалъ-ли онъ такого остроумнаго человѣка, какъ Анненскій, прибавивши, что я такого не встрѣчалъ.

— Я встрѣчалъ очень остроумныхъ людей,—отвѣтилъ мнѣ Михайловскій,—но развѣ встрѣтишь другого Анненскаго?

. . . .

И такъ случилось, такъ сложилась судьба, что человѣкъ, ненаходившій всю жизнь свою настоящаго мѣста въ русской дѣйствительности, наперекоръ условіямъ русской дѣйствительности, сталъ подъ конецъ своей жизни тѣмъ, къ чему предопредѣляли его особенности его натуры, занялъ мѣсто, которое использовало его всего,—сдѣлался лидеромъ поднявшагося общественнаго движенія. Если вспомнить роль Анненскаго въ Петербургѣ въ предреволюціонный періодъ на собраніяхъ и банкетахъ, въ союзахъ и на засѣданіяхъ различныхъ обществъ, то трудно представить себѣ этотъ періодъ безъ Анненскаго,—такъ онъ былъ видѣнъ, такъ онъ чувствовался, такъ вездѣ онъ былъ нуженъ.

Онъ не попалъ въ Государственную Думу и не сдѣлался тамъ тѣмъ лидеромъ, который такъ нуженъ былъ въ Думѣ, но и то, что онъ сдѣлалъ по организаціи общественнаго мнѣнія, по „собиранію“ людей, было большимъ дѣломъ, которое отмѣчали многіе изъ писавшихъ о немъ.

Да, подъ конецъ жизни... Онъ былъ уже старый, сѣдой, съ больнымъ сердцемъ, но и старый и немощный онъ словно поднялся и помолодѣлъ и проявилъ изумительную энергію и напряженную лихорадочную дѣятельность. И чувствовалось, что онъ попалъ въ свою сферу, что онъ *нашелъ себя*. Бывали случаи, когда у него не клеилась очередная литературная работа для „Русскаго Богатства“ и перо валилось изъ рукъ, и казнилъ онъ себя, что не клеится и не налаживается,—никакихъ такихъ случаевъ временной усталости небывало съ нимъ за періодъ его участія въ общественной дѣятельности за послѣдніе годы. Съ одышкой, съ мучительными спазмами въ груди, онъ находилъ время и силы, чтобы посѣщать многочисленныя собранія всегда съ отвѣтственной ролью предсѣдателя или оратора или, такъ сказать, согласителя. И семьѣ его, и врачамъ, и намъ—друзьямъ его—стоило великихъ усилій уговорить его, больного не идти на очередной редакціонный четвергъ, въ Комитетъ Литературнаго Фонда, на засѣданіе Вольно-Эконом. Общества, или въ какое-нибудь другое изъ безчисленныхъ засѣданій, которыя неотступно звали его къ себѣ. И если онъ уступалъ, то всегда страдалъ, какъ-будто онъ сдѣлалъ нѣчто нехорошее, не исполнилъ какого-то долга.

———————

Въ русской литературѣ долго раздавались жалобы на отсутствіе положительныхъ типовъ въ русскихъ романахъ и повѣстяхъ. Долго беллетристика была полна типами людей большихъ словъ и малаго дѣланія, тоски и мечты и отсутствія воли, чтобы осуществлять эти мечты, утолить тоску, людьми раздумья и отрицанія, пессимистами и нытиками. И если выводились сильные типы, то непремѣнно свирѣпые,—хищниковъ, грабителей. И я помню,—лѣтъ 30—35 назадъ некрологи объ умершихъ общественныхъ дѣятеляхъ сводились къ *не*, къ тому, что онъ умершій былъ добродѣтеленъ старой русской добродѣтелью—„уйти отъ зла" и если не успѣлъ „сотворить благо", то по крайней мѣрѣ „удалялся отъ зла", не былъ воромъ, грабителемъ, измѣнникомъ и предателемъ.

Давно уже, если не въ литературѣ, то въ русской жизни появились положительные типы, и мы читали много некрологовъ о людяхъ—*да*, о людяхъ, не удалявшихся, а подходившихъ вплотную къ самому злу, чтобы удалить зло, стремившихся всей своей жизнью, а иногда и смертью, сотворить, внести благо въ русскую жизнь. Такимъ положительнымъ типомъ явился въ русской жизни и Н. Ѳ. Анненскій, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ и свѣтлыхъ положительныхъ типовъ въ русской жизни за послѣднія 50 лѣтъ. Уже по тому одному, что онъ былъ цѣлостный человѣкъ, законченный, удивительно гармоничный, съ юныхъ лѣтъ и до могилы, до 69 лѣтъ боровшійся съ основнымъ зломъ русской жизни, насиліемъ и произволомъ и соціальной неправдой жизни, стремившійся внести и вносившій благо въ русскую жизнь.

Его вскормили 60-е года,—и можетъ быть, отъ нихъ онъ получилъ высокій подъемъ души, широту кругозора, свой широкій жестъ,—много влили въ его душу 70-е года, онъ прошелъ черезъ послѣднія десятилѣтія, никогда не равнодушный, всегда чутко прислушивавшійся и присматривавшійся къ новымъ вѣяніямъ и новымъ типамъ, прошелъ цѣлостнымъ, и самимъ собой, Анненскимъ. Онъ никогда не былъ ни Рудинымъ, ни Базаровымъ, ни героемъ „Труднаго времени", не сдѣлался ни надломленнымъ гаршинскимъ типомъ, ни чеховскимъ ноющимъ персонажемъ, мечтающимъ только о разведеніи лѣсовъ и утѣшающимъ себя мыслью, что чрезъ 300 лѣтъ будетъ очень хорошо жить на свѣтѣ... Онъ прошелъ свою жизнь, гордый и жалостливый, сильный и нѣжный, никогда не отрывавшій глазъ отъ далекихъ перспективъ и никогда не отворачивавшійся отъ сегодняшняго дня, мужественный человѣкъ съ кипучей дѣятельностью, такъ легко переходившій изъ министерства въ изгнаніе и изъ редакціи въ тюрьму и опять въ тюрьму,—этотъ дѣлатель жизни изъ новаго русскаго романа.

Онъ былъ интересенъ и знаменателенъ и какъ русскій типъ.

Не одной своей талантливостью и рѣдкими способностями. Онъ былъ интересенъ именно полнотой человѣческой личности, гармо-

ніей, какая въ немъ была, и въ особенности страстностью и напряженностью мысли и чувства, не умалившихся и не потускнѣвшихъ до дня смерти. Онъ встаетъ ярко и выпукло именно на фонѣ русскихъ людей, такъ быстро утомляющихся на своемъ пути, такъ легко отцвѣтающихъ, не успѣвши расцвѣсть, и такъ склонныхъ къ большимъ мечтамъ и малому дѣланію.

Въ немъ было что-то давнее, отъ временъ минувшихъ и, когда я видѣлъ эту напряженную во всѣхъ проявленіяхъ духа жизнь, его страстныя рѣчи, его веселость и радость жизни, слышалъ остроты и эпиграммы, сыпавшіяся какъ блестящія искры, я невольно вспоминалъ, что бабушка его была Ганнибалъ и мнѣ казалось, что въ немъ бурлитъ пѣнящаяся горячая пушкинская кровь.

Было сказано, что отъ Анненскаго исходилъ особый внутренній свѣтъ, который грѣлъ и свѣтилъ людямъ,—отъ него исходили и сила, и бодрость которыя поднимали людей и—да будетъ мнѣ позволено это слово—оздоровляли людей, въ особенности въ періоды общественнаго нездоровья.

Было много сказано прекрасныхъ, горячихъ и нѣжно-любовныхъ словъ объ ушедшемъ отъ насъ лидерѣ-другѣ, встрѣчались необыкновенно тонкія опредѣленія:

— „Характерной чертой Николая Өедоровича была его способность изъ любви къ дальнему не приносить въ жертву ближнее“...

Но самое характерное и трогательное были, очевидно, невольно вырывавшіяся изъ сердца вспоминавшихъ объ немъ людей, выраженія:

— „Никогда не изгладится свѣтлая память о немъ въ сердцахъ тѣхъ кто имѣлъ *счастье* его знать“...

— „*Счастливъ* тотъ, кто имѣлъ такихъ друзей...

— „Благословляю судьбу и за то, что она дала мнѣ *счастье* хотя нѣкоторое время быть около него“... и т. д. и т. д.—Все говорятъ люди о радости, что видѣли его, о счастьи, хотя бы и короткомъ, знать его.

Такъ онъ и останется въ памяти людей свѣтомъ и радостью. И останется силой и бодростью,—останется отъ него то поднимающее и оздоровляющее, что всегда нужно людямъ и, быть можетъ, наиболѣе нужно въ переживаемый нами настоящій моментъ.

II.

Послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ въ Ниццѣ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Ниццу нынѣшней ранней весной послѣ перенесеннаго имъ въ январѣ въ Петербургѣ страшнаго сердечнаго припадка. Я устроилъ его въ сосѣднемъ со мной домѣ и всякое утро мы здоровались съ нимъ съ нашихъ смежныхъ балконовъ. И всякій день я бывалъ у него.

Онъ пріѣхалъ тяжелый, трудный, какъ бываетъ съ людьми вдругъ заболѣвшими и какъ-то внезапно сдѣлавшимися тяжелыми, потерявшими-то, что дѣлало ихъ легкими и подвижными. Трудно поднимался онъ по лѣстницѣ, небольшой отлогой лѣстницѣ только въ бельэтажъ, просыпался ночью отъ того, что не хватало ему воздуха, и, случалось, когда мы ходили по ровной какъ полъ Promenade des Anglais, онъ останавливался, какъ будто посмотрѣть на море—я всегда зналъ, что его „схватило за сердце“.

Мы выработали конституцію и скрѣпили ее договоромъ,—спускаться ему въ столовую въ нижнемъ этажѣ только разъ въ день, чтобы не трудить его сердце, и опредѣлили, до какой скамейки на Promenade des Anglais онъ можетъ ходить, и сколько сидѣть и когда возвращаться назадъ. И только духъ Анненскаго оставался все тотъ же, менѣе всего думалъ онъ о себѣ и полонъ былъ, какъ всегда, вопросами русской жизни, редакціонными дѣлами. И всегда нарушалъ нашу конституцію и стремился выйти изъ установленныхъ ему нормъ. Когда я встрѣчалъ его на скамейкѣ, значительно отстоявшей отъ предусмотрѣнной договоромъ,—онъ въ оправданіе говорилъ:

— Но вѣдь я себя превосходно чувствую... И посмотрите—какая красота кругомъ!

Красота ниццскихъ дней нынѣшней весной была рѣдкая даже для Ниццы. Было еще нежарко, но стояли теплые сіяющіе дни, было тихо, ласково плескалось море у берега, гонялисъ предъ нами безконечной лентой яхты, какъ птицы съ бѣлыми крыльями, летали предъ нами надъ моремъ и надъ нашими головами ежедневно аэропланы, мимо насъ шла Ниццская феерія, люди въ цвѣтахъ, экипажи, увитые цвѣтами,—и чувствовалось, какъ Н. Ѳ. упивался всей этой яркой красотой, тишиной и лаской южнаго моря, яркостью и блескомъ разноплеменной толпы... Онъ превосходно себя чувствовалъ въ тотъ день, несмотря на то, что только что собирался умирать. Въ первые же дни по пріѣздѣ въ Ниццу у Н. Ѳ. сдѣлалась легкая инфлуэнца, но и этой маленькой инфлуэнцы было достаточно для того, чтобы больное сердце сразу ослабѣло, и чтобы появилисъ отечные хрипы въ легкихъ. И пришлось намъ съ Александрой Никитишкой пережить два страшныхъ дня, когда онъ почти не спалъ, ему не хватало воздуху, когда приходилось вспрыскивать камфору и стрихнинъ, ставить безчисленныя банки...

Онъ благосклонно и философически относился къ банкамъ и впрыскиваніямъ и ко всему, что мы надъ нимъ продѣлывали, и, какъ только немножко отдышался, такъ снова проснулся въ немъ прежній Н. Ѳ. Анненскій. Заволновался редакціонными дѣлами, и по утрамъ я видѣлъ его на балконѣ погруженнымъ въ чтеніе большой книги, которую ему нужно было прочесть, или заставалъ его за чтеніемъ рукописей. А когда приходили къ балкону его отеля

маленькій итальянскій оркестръ и пѣвцы со своимъ репертуаромъ старыхъ, милыхъ, не умирающихъ итальянскихъ мелодій, которыя онъ, кажется, всѣ зналъ, или старикъ-одиночка со своей разбитой хриплой шарманкой, — Н. Ѳ. подпѣвалъ и становился въ позу, приличествующую артисту, который долженъ исполнять данную арію и продѣлывалъ должные жесты.

Она зналъ, что умираетъ. Давно въ Нижнемъ былъ у насъ разговоръ на тему, какъ хорошо умереть во-время, пока силы не потеряны и жизнь не потускнѣла, и не сдѣлался ты полутрупомъ, бременемъ для родныхъ и близкихъ. Нѣсколько лѣтъ спустя было прдолженіе разговора, не помню, по какому случаю, кажется, послѣ моего медицинскаго визита, когда я ему дѣлалъ строгія внушенія. Смыслъ его отвѣта на мое внушеніе былъ приблизительно такой:

— Ну, С. Я., развѣ не все равно? Такъ, сразу, бултыхъ и кончено. Умереть, пока живъ.

А третій разговоръ былъ въ Ниццѣ, въ одну изъ нашихъ совмѣстныхъ прогулокъ по Promenade, послѣ того, какъ его сердце нѣсколько окрѣпло, и я разрѣшилъ ему болѣе длинныя прогулки. Онъ шелъ сравнительно легко, безъ одышки и, видимо, наслаждался яркимъ солнцемъ, и синимъ моремъ, и голубымъ небомъ, и вдругъ заговорилъ о своемъ январьскомъ петербургскомъ сердечномъ припадкѣ.

— Знаете, С. Я, до такого позора дошелъ, что смерти испугался. И даже спросилъ у доктора, доживу-ли до утра.

Онъ смѣялся и какъ будто бы извинялся за свою петербургскую слабость...

Подошли другіе тревожные дни. Готовилось чествованіе Герцена и мѣстный комитетъ усиленно звалъ Н. Ѳ. къ участію въ торжествѣ. И онъ самъ желалъ непремѣнно участвовать, и трудно, жестоко, почти невозможно было воспретить ему это участіе. Нужно помнить, что юность Н. Ѳ. прошла подъ огромнымъ вліяніемъ Герцена, о чемъ, какъ и о значеніи Герцена для Россіи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, онъ много разъ говорилъ мнѣ раньше. Быть можетъ, нужно признать, кромѣ того, что изъ русскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей никто не былъ такъ близокъ къ Герцену, какъ Н. Ѳ. Анненскій,—по блеску и разносторонности натуры, по комбинаціи ума и художественнаго чувства, по яркости, страстности и напряженности духа.—И Анненскій не могъ отказаться отъ участія въ чествованіи памяти его Герцена. А, между тѣмъ, нельзя было позволить ему принять участіе въ этомъ празднествѣ въ той мѣрѣ, въ какой Анненскій обычно принималъ участіе въ подобныхъ торжествахъ. Онъ сердился на насиліе, которое я употреблялъ надъ нимъ, и намъ съ Александрой Никитичной стоило большого труда уговорить его, чтобы онъ не ѣздилъ на кладбище къ

памятнику, гдѣ должно было происходить главное торжество, и чтобы онъ только побылъ на площади, гдѣ должна была собраться процессія и посмотрѣлъ, какъ она двинется съ пѣніемъ и флагами на Ниццское кладбище. Отказать ему въ участіи въ вечернемъ засѣданіи, посвященномъ памяти Герцена, и послѣдовавшемъ банкетѣ невозможно было уже по тому одному, что это происходило въ томъ же отелѣ, носившемъ русское названіе „Родной Уголъ", въ залахъ нижняго этажа, подъ его комнатой,—невозможно потому, что онъ гораздо больше волновался бы, если бы оставался въ своей комнатѣ. Я разрѣшилъ ему участвовать, взявши только съ него слово, что онъ не будетъ принимать дѣятельнаго участія и выступать съ рѣчью.

И онъ участвовалъ и, кажется, это былъ послѣдній банкетъ въ его жизни, послѣднее участіе его въ собраніи, на людяхъ, на толпѣ.

На другой же день я уѣхалъ изъ Ниццы и больше не видалъ Николая Ѳедоровича. Такъ онъ и остался въ моей памяти на предсѣдательскомъ мѣстѣ среди русскихъ изгнанниковъ и иностранныхъ лицъ, обращенныхъ къ нему, ждавшихъ отъ него слова,—весь бѣлый, какъ снѣгъ, и какой-то особенно свѣтлый. И, конечно, нарушилъ конституцію и сказалъ слово, короткое и горячее слово Анненскаго о русскихъ изгнанникахъ за границей и объ изгнанникахъ у себя дома въ Россіи. Я плохо помню, что онъ говорилъ, такъ какъ занялъ наблюдательный постъ противъ него и все смотрѣлъ, *какъ* онъ говоритъ; но онъ сказалъ свое слово, думаю—послѣднее свое публичное слово. И послѣдній разъ видѣлъ я жестъ его, и остался онъ въ моей душѣ за этимъ послѣднимъ предсѣдательскимъ столомъ, и какъ лопнувшая, но все еще звенящая струна, звучитъ въ моихъ ушахъ его благородный, милый, волнующій голосъ.

С. Елпатьевскій.

Отзывы по поводу смерти Н. Ѳ. Анненскаго.

Письма, полученныя редакціей «Русскаго Богатства».

(Продолженіе).

Изъ **Вудбриджа** (Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты), отъ *Л. Дейча* и *Э. Зиновьевой.*

Съ глубокимъ прискорбіемъ узнали мы изъ русскихъ газетъ о постигшей васъ тяжелой утратѣ.

Шлемъ вамъ, а также семьѣ Н. Ѳ. Анненскаго наше искреннее и горячее сочувствіе и соболѣзнованіе.

Въ лицѣ Николая Ѳедоровича не только его близкіе, его друзья

и сотрудники, но вся мыслящая Россія потеряла цѣннаго и незамѣнимаго борца за ея освобожденіе.

Изъ **Геленджика**, Черноморской губ. отъ *Ѳ. А. Щербины.*

...Безъ различія партій и направленій, для всѣхъ, кто жилъ интересами общественнаго блага и лучшихъ человѣческихъ отношеній, Анненскій былъ „нашимъ". Прямой, открытый, безконечно гуманный и всегда бодрый и веселый, этотъ человѣкъ увлекающе дѣйствовалъ на людей, къ какому бы лагерю они ни принадлежали, и умѣлъ вносить живую струю вѣры и любви въ ближайшія жизненныя задачи. Въ этомъ крылась его нравственная сила и чарующее вліяніе.

Какъ я ни напрягаю память, но не могу припомнить, когда, гдѣ, при какой обстановкѣ и обстоятельствахъ я познакомился съ Н. Ѳ. Кажется, что я всегда былъ знакомъ съ нимъ, и всегда существовали между нами тѣ близкія и теплыя отношенія, которыя особенно дороги были мнѣ. Помнится лишь, что въ первый разъ я услышалъ объ Анненскомъ, какъ о статистикѣ. Меня живо интересовала личность человѣка, сумѣвшаго привлечь къ себѣ лучшія статистическія силы и обширный кругъ мыслящей интеллигенціи.

Но напрасно я искалъ указаній на этотъ счетъ въ статическихъ трудахъ Казанскаго и Нижегородскаго земствъ. По этимъ матеріаламъ я не могъ выяснить характера личности руководителя. Чувствовалось лишь, что руководитель представлялъ собой крупную силу, авторитетную для всѣхъ остальныхъ, далеко не заурядныхъ работниковъ. Въ каждой строкѣ работъ этихъ послѣднихъ сказывалось вліяніе ихъ вдохновителя и организатора.

Когда я ближе ознакомился съ интересовавшимъ меня представителемъ земской статистики, то сразу же понялъ, что Н. Ѳ. былъ столько же статистикомъ, сколько выдающимся публицистомъ, превосходнымъ ораторомъ, незауряднымъ общественнымъ дѣятелемъ и вообще человѣкомъ широкихъ прогрессивныхъ взглядовъ и неотразимаго гуманнаго вліянія на людей. Н. Ѳ. никогда не рисовался, никогда преднамѣренно не билъ на эффектъ. Все въ немъ было просто, естественно, искренно и правдиво, и это еще ярче оттѣняло его талантъ оратора и незаурядныя способности общественнаго дѣятеля.

...Къ личнымъ невзгодамъ Н. Ѳ. относился съ неподражаемымъ юморомъ и добродушіемъ. Мнѣ и сейчасъ живо представляется сцена въ моментъ первой моей встрѣчи съ Н. Ѳ. послѣ случая съ нимъ у Казанскаго собора. Н. Ѳ. вышелъ ко мнѣ съ огромнымъ, синебагровымъ пятномъ на лицѣ и на вопросъ, какъ случилось съ нимъ это несчастье, оживленно заговорилъ: „Очень просто. Протестующіе элементы, въ лицѣ крѣпкихъ на руку черноротцевъ, поставили мнѣ, какъ порицателю общественнаго дебоша, видимый знакъ своей сокрушительной силы. Это было сдѣлано такъ, между прочимъ, но, несомнѣнно, во имя принципа—не наводи обыватель-

скаго ока на общественныя безобразія"... И, вслѣдъ за этимъ вступленіемъ, полилась живая рѣчь, освѣщавшая происшествіе, какъ одинъ изъ симптомовъ провала власти.

Провала власти въ то время ждала вся интеллигенція; многіе вѣрили въ скорую перемѣну общественнаго строя. Когда, въ 1900 г., произошелъ въ Воронежѣ казусъ, выразившійся въ разгромѣ сельско-хозяйственной комиссіи, потребовавшей конституціи, — Анненскій привѣтствовалъ это происшествіе, какъ первый поступательный шагъ въ освободительномъ движеніи. Лично меня, какъ автора доклада о конституціи, онъ, шутя, благословлялъ въ ссылку. И, оставляя квартиру Анненскаго, я живо чувствовалъ, что хозяинъ ея былъ полонъ несокрушимой вѣры въ лучшее будущее и ясно сознавалъ необходимость разумной и гуманной борьбы за это будущее...

Изъ **Оренбурга** отъ статистика *Н. Трегубова.*

Изъ **Петербурга** отъ группы друзей-читателей.

Раздѣляя скорбь редакціи „Русскаго Богатства", теряющей одного за другимъ членовъ своей дружной семьи, мы тѣмъ сильнѣе чувствуемъ горечь этихъ утратъ, что великіе покойники были нашими учителями, нашими вожаками... Они были свѣточами нашей жизни. Такимъ свѣточемъ былъ и покойный Николай Ѳедоровичъ Анненскій, и къ нему по справедливости можно отнести слова поэта:

Какое сердце биться перестало,
Какой свѣтильникъ разума угасъ.

Н. Ѳ. словомъ и дѣломъ всей своей жизни осуществлялъ свою горячую вѣру въ конечное торжество великихъ идеаловъ русской земли и народной воли, которымъ онъ оставался вѣренъ съ юныхъ лѣтъ до глубокой старости, до гроба... Н. Ѳ. немало пострадалъ за свои идеалы и готовъ былъ положить жизнь свою „за други своя", за благо народа. Его непоколебимо радостная увѣренность въ томъ, что рано или поздно разсѣется тьма и воцарится свѣтъ, не покидала его въ самыя мрачныя эпохи нашей кошмарной дѣйствительности... Николай Ѳедоровичъ умеръ, какъ жилъ: съ вѣрой въ людей и добро, съ ясной душой и чистымъ сердцемъ „на славномъ посту"—писателя-гражданина. Интеллигенція наша потеряла въ лицѣ дорогого Николая Ѳедоровича одного изъ наиболѣе славныхъ своихъ представителей, народъ—защитника своихъ интересовъ, Россія—гражданина, а человѣчество—человѣка.

„Природа-мать, когда-бъ такихъ сыновъ ты иногда не посылала міру, заглохла бъ нива жизни".

П. Корецкій, П. Лебедевъ, Г. Заземанъ, М. Шуклинъ. М. Эрдманъ, Э. Кегеръ, А. Никитскій, Ю. Николаева, А. Сиговъ, Н. Иванченко, Ив. Иконниковъ, Н. Платоновъ, В. Барыбинъ, Ж. Штейнъ, И. Воробьевъ, Р. Корецкая, Ив. Сиговъ, В. Лекаревъ.

Изъ **Петербурга** отъ *П. Корецкаго.*

Свѣтлый образъ Николая Ѳедоровича Анненскаго никогда неизгладится изъ памяти имѣвшихъ счастье знать его... Ниже приводимый фактъ, съ виду незначительный, ярко рисуетъ безконечную доброту, живую отзывчивость и благожелательность по отношенію къ ближнему этой обаятельной кристалически чистой души...

Въ октябрѣ *1905 года*, уѣзжая изъ Петербурга, куда я попалъ „не по своей волѣ", я въ присутствіи Николая Ѳедоровича и другихъ лицъ высказалъ пожеланіе поселиться въ Петербургѣ, если найдется подходящая работа.

Всѣ присутствовавшіе, безъ сомнѣнія, основательно забыли объ этомъ, какъ только я скрылся изъ дверей. Но не забылъ объ этомъ Николай Ѳедоровичъ. Спустя почти 2 года, я получилъ отъ него милое, теплое письмо, въ которомъ онъ мнѣ сообщаетъ, что для меня открываются перспективы получить работу въ Петербургѣ.

Слѣдуетъ прибавить, что, не зная тогдашняго моего адреса, онъ вспомнилъ, что я имѣю сношенія съ одной провинціальной газетой, куда и обратился для доставленія мнѣ даннаго письма.

Сколько требовалось въ данномъ случаѣ *памяти* въ стремленіи помочь своему ближнему...

Изъ **Усть-Кута**, Киренскаго уѣзда, Иркутской губ.

Группа политическихъ ссыльныхъ... выражаетъ свое сердечное соболѣзнованіе редакціи „Русскаго Богатства" по случаю новой потери послѣднею одного изъ своихъ сочленовъ глубокоуважаемаго Н. Ѳ. Анненскаго. *(39 подписей).*

Отзывы печати.

„Вѣстникъ Европы". Сентябрь. Статья *К. К. Арсеньева.*

...Анненскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, въ жизни которыхъ важно не столько то, что они сдѣлали, сколько то, чѣмъ они были. Прототипомъ ихъ въ нашей литературѣ является Покорскій (въ Тургеневскомъ „Рудинѣ"), въ нашей дѣйствительности—Н. В. Станкевичъ; но вліяніе Станкевича, по условіямъ тогдашняго времени испытывалъ непосредственно только небольшой кружокъ, а вліяніе Анненскаго, благодаря ускоренному темпу общественной жизни, чувствовалось въ кругахъ несравненно болѣе широкихъ. Велико оно было, прежде всего, между земскими статистиками, которыхъ сближала съ Анненскимъ общность работы, а высокую цѣнность этой работы, скромной, мало замѣтной для поверхностнаго взгляда, установитъ, со временемъ, историкъ русскаго общества. Велико было значеніе Анненскаго въ провинціальныхъ городахъ, куда заносило его мановеніе властной руки, и гдѣ онъ становился средоточіемъ для всѣхъ тяготившихся тусклостью безконечныхъ будней. Велико оно было въ средѣ ближайшихъ товарищей его по журналу и по партійной дѣятельности; только они и могутъ дать пол-

ную и яркую характеристику почившаго. Пишущему эти строки приходилось встрѣчаться съ нимъ сравнительно рѣдко, но и этихъ встрѣчъ было достаточно, чтобы замѣтить и понять нѣкоторыя черты изумительно богатой натуры. Анненскій былъ настоящимъ мастеромъ слова. Его рѣчь, живая, остроумная, часто страстная, увлекала, убѣждала—и заставляла любить оратора. Въ его словахъ не слышалось ни заранѣе подготовленныхъ красивыхъ фразъ, ни стремленія къ эффектамъ; онъ говорилъ просто, задушевно, и волновалъ другихъ, потому что волновался самъ. Даже въ юбилейныя привѣтствія, гдѣ такъ легко впасть въ преувеличенія или банальность, онъ вносилъ искренность и горячность, подкупавшія слушателей; памятной, напримѣръ, осталось намъ—и, конечно, не намъ однимъ—рѣчь, произнесенная имъ (въ 1896 г.) по поводу чествованія К. М. Станюковича. Года два или три спустя кн. С. И. Шаховской, только что пріѣхавшій изъ Уфимской губерніи, говорилъ, въ частномъ домѣ, объ ужасномъ положеніи голодающихъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ—и едва ли кто-нибудь изъ присутствовавшихъ при этомъ забылъ о впечатлѣніи, которое произвела рѣчь, вслѣдъ за тѣмъ сказанная Анненскимъ. Въ 1900 г. было устроено небольшое собраніе въ память Герцена, со времени смерти котораго исполнилось тогда тридцать лѣтъ. Произнесено было нѣсколько рѣчей, торжественно и сознательно-краснорѣчивыхъ,—но ни одна изъ нихъ не произвела такого дѣйствія, какъ безыскусственныя воспоминанія Анненскаго о томъ, чѣмъ былъ Герценъ для молодежи на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ... Въ лицѣ Анненскаго осталась неиспользованною громадная ораторская сила. Его настоящимъ призваніемъ было политическое краснорѣчіе,—и при иныхъ условіяхъ онъ несомнѣнно выдвинулся бы на первый планъ среди вождей Государственной Думы.

Другую сторону Анненскаго намъ привелось узнать, благодаря участію, вмѣстѣ съ нимъ, въ судѣ чести, существовавшемъ въ 1897—1901 г.г. при союзѣ писателей и возстановленномъ, въ 1909 г. съѣздомъ писателей. Безпристрастіе обязательно для судьи, и соблюденія его, даже когда оно давалось не совсѣмъ легко, мы не вмѣнили бы въ особую заслугу Николаю Ѳедоровичу; но насъ плѣняло его доброе, примирительное настроеніе, его способность если не все простить, то все понять, его готовность изъ двухъ предположеній выбирать наиболѣе благопріятное для обвиняемаго, конечно—безъ нарушенія требованій литературной этики. Намъ думается, что многія изъ этихъ качествъ Николай Ѳедоровичъ вносилъ бы въ активное руководство политической партіей, въ столкновенія политической борьбы. Ничѣмъ существеннымъ не поступаясь, онъ сумѣлъ бы избѣгать личной вражды, длительнаго раздраженія, ненужнаго упорства. Ему не дано было дожить до наступленія условій, при которыхъ могла бы развернуться во всю ширь его на-

тура,—но память о немъ переживетъ смутное время и останется дорогой для болѣе счастливыхъ поколѣній.

„**Завѣты**", № 5 Статья *С. Мстиславскаго.*

Есть въ исторіи такія лица, біографіи которыхъ нельзя написать. Даже самымъ близкимъ людямъ, тѣмъ, что знали жизнь этого человѣка день за днемъ, за шагомъ шагъ,—полный счетъ прожитыхъ имъ часовъ.

Не потому, чтобы жизнь эта была блѣдна красками. Но потому, что вся совокупность тѣхъ фактовъ, которые мы можемъ захватить въ слова, не передаетъ, чѣмъ человѣкъ этотъ былъ въ дѣйствительности. Потому, что то самое главное, что составляетъ сущность жизни этого человѣка, не застыло въ фактахъ, не запечатлѣлось въ документахъ, но осталось въ жизни, неуловимымъ...

Такова жизнь Николая Федоровича Анненскаго. Онъ былъ экономистомъ, литераторомъ, статистикомъ: въ каждой изъ этихъ областей онъ оставилъ свой слѣдъ—слѣдъ замѣтный, особенно въ области земской статистики, въ которой Николай Федоровичъ создалъ цѣлую школу. Но все это: и статьи, и экономическія изслѣдованія, и результаты работъ его въ статистическихъ учрежденіяхъ Казани, Нижняго-Новгорода, Петербурга—все это „фактическое", „осязаемое"—наименѣе характерно, меньше всего можетъ ввести въ пониманіе личности Николая Федоровича. Такъ же, какъ и внѣшніе факты его, столь напряженной, общественной дѣятельности.

Это потому, что трудъ его въ жизни, если позволено будетъ воспользоваться „журнальнымъ" сравненіемъ, былъ трудъ не сотрудника, но редактора, трудъ слишкомъ мало замѣтный для непосвященныхъ.

Я не подберу другого выраженія для характеристики того, чѣмъ былъ въ нашей общественной жизни Николай Федоровичъ, потому что въ его дѣятельности на первомъ, на рѣшающемъ мѣстѣ, я вижу именно эти — „редакторскія" черты: работу надъ цѣлымъ, организующую, направляющую, „дающую тему", сглаживающую тренія, приводящую къ единству все богатство индивидуальныхъ особенностей сотрудниковъ.

И эта работа, огромная по трудности, въ условіяхъ того общественнаго дѣла, которому такъ беззавѣтно служилъ Николай Ѳедоровичъ, спорилась у него особенно, какъ ни у кого другого, потому что личныя, душевныя его качества какъ, нельзя ближе, соотвѣтствовали требованіямъ ея.

Обаяніе его воистину неугасимаго внутренняго „свѣта" испыталъ каждый, чей жизненный путь хотя бы случайно, мимоходомъ пересѣкъ путь Николая Федоровича...

„**Земское Дѣло**", №№ 15—16. Статья *В. Юрьева.*

...Его любили даже лица противоположныхъ убѣжденій, и та-

кого чувства нельзя было не питать къ этой кипучей натурѣ, беззавѣтно отзывавшейся на всякое благородное дѣло и горячо преданной идеѣ развитія широкой общественности и культуры. Опредѣленное соціальное міровоззрѣніе Н. Ѳ. Анненскаго отнюдь не замыкалось въ форму какой-либо доктрины, мѣшающей глубоко и объективно относиться къ явленіямъ окружающей жизни. Какъ экономистъ и статистикъ по преимуществу, Н. Ѳ. умѣлъ входить въ детальный анализъ явленій и событій и съ необыкновенной чуткостью и безпристрастіемъ ставилъ свой рѣшающій діагнозъ. Это и давало ему возможность какъ бы аподиктически разрубать самыя сложныя проблемы общественной жизни и являться въ собраніяхъ тѣмъ центромъ, откуда невольно ожидались рѣшенія мучительныхъ вопросовъ и мнѣнія котораго непремѣнно хочется выслушать. И въ этомъ отношеніи Н. Ѳ. не заставлялъ себя ждать. Онъ не только высказывался по всѣмъ животрепещущимъ вопросамъ, но съ пыломъ молодости, въ увлекательныхъ образахъ съ характернымъ жестомъ руки излагалъ свои взгляды, нерѣдко поражая аудиторію свѣжестью мысли и чуткимъ, впечатлительнымъ отношеніемъ къ дѣлу... Это былъ энтузіастъ чистѣйшей воды, и душа его, какъ тонкая струна, отзывалась на все, издавая въ отвѣтъ на ожиданія слушателей всегда чистый, звучный и вѣрный аккордъ... Поэтому присутствіе Н. Ѳ. Анненскаго на собраніяхъ всегда вносило въ нихъ какую-то особенную полноту, дѣлало ихъ заранѣе интересными и содержательными.

„Наша Заря“, № 7—8. Статья *А. П.*

...Онъ шелъ дорогой, отличной отъ нашей, онъ былъ во многомъ иной по своему душевному складу, по своимъ идейнымъ симпатіямъ. Но онъ больше, чѣмъ кто-либо, принадлежалъ къ числу тѣхъ „иныхъ“—инакомыслящихъ, про которыхъ мы—марксисты—можемъ съ чистымъ сердцемъ сказать: дай Богъ, чтобы ихъ было побольше, чтобы больше было такихъ гражданъ въ Россіи. Не въ томъ дѣло, Н. Ѳ. Анненскій былъ замѣчательнымъ статистикомъ; также и не въ томъ, что онъ связалъ свое имя съ органомъ Н. К. Михайловскаго и занялъ прочное положеніе въ русской журнальной литературѣ... Нѣтъ, въ Н. Ѳ. Анненскомъ характерно и важно другое. Характерно и важно то, что черезъ всю свою жизнь и всю свою дѣятельность онъ пронесъ во всей ея свѣжести демократическую общественность. Она обвѣяла его—„на зарѣ туманой юности“—въ 60-ые годы. Онъ впиталъ ее вмѣстѣ съ идеями Чернышевскаго и Добролюбова, и она стала его второю натурой...

...Я лично не зналъ его близко. Но на протяженіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій не разъ съ нимъ встрѣчался. Я помню его еще въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ, земскимъ статистикомъ въ Нижнемъ: начинающимъ юношей я обратился къ нему—отправляясь

знакомиться съ кустарнымъ райономъ села Павлова—за нужными мнѣ указаніями. И тогда же я ощутилъ въ себѣ обаяніе его личности... Что-то привлекало къ нему, что-то въ немъ возбуждало къ себѣ особый интересъ, вниманіе, симпатію. Мнѣ думается, что это было гармоничное сочетаніе яснаго и трезваго ума съ ярко выраженнымъ общественнымъ складомъ характера, съ чистотою моральнаго облака. Такимъ Ник. Ѳед. Анненскій запечатлѣлся въ моей памяти съ самаго начала, и такимъ остался на всю жизнь до конца.

За первою встрѣчей шли другія—въ различные моменты нашей общественной исторіи, въ различныхъ положеніяхъ. При этомъ моя память дѣлаетъ невольно скачекъ отъ доисторическаго—если можно такъ выразиться — періода, когда Н. Ѳ. Анненскій былъ рѣдкимъ, но желаннымъ гостемъ того пет. дискуссіоннаго кружка маркистовъ и народниковъ, на одномъ полюсѣ котораго помѣщался тогдашній марксистъ П. Струве, а на другомъ—небезызвѣстный В. В. (В. П. Воронцовъ)—къ уже переволюціонному времени, съ его оформленными партіями и измѣнившейся политической конъюнктурой. И изъ этого послѣдняго времени особенно вспоминается Ник. Ѳ., безуспѣшно старающійся найти формулу для соглашенія (на выборахъ во II Государственную Думу) между кадетами и представителями болѣе лѣвыхъ группировокъ.

А затѣмъ, встаютъ въ памяти уже самые послѣдніе годы, когда мнѣ чаще приходилось видаться и больше говорить съ Николаемъ Ѳедоровичемъ — въ Совѣтѣ и на засѣданіяхъ Петербургскаго Литературнаго Общества. Это было время расцвѣта реакціи и соотвѣтственнаго интеллигентскаго развала, особенно сильно отразившагося на писательской братіи. Тѣмъ рѣзче, на фонѣ всякихъ пестрыхъ людей, выдѣлялась его ясная въ своей опредѣленности, такая чистая и цѣльная фигура. Взоръ отдыхалъ, обращаясь къ нему, и на душѣ становилось какъ-то отраднѣе...

„Новая Жизнь“, августъ. Статья. *П. Б.*

Жизнь Н. Ѳ. Анненскаго—это обычная жизнь крупнаго радикальнаго русскаго писателя. Конечно же, тутъ были и ссылки въ мѣста столь и не столь отдаленныя, были аресты, были обыски, неутвержденія, разъясненія и даже казацкія избіенія (во время извѣстной демонстраціи на Казанской площади).

Но сквозь строй всѣхъ этихъ мытарствъ Н. Ѳ. Анненскій прошелъ не только ни на шагъ не отступивъ, ничего не уступивъ въ своихъ убѣжденіяхъ, но, что особенно для покойнаго характерно, что безконечно въ немъ было обаятельно, ни на гранъ не очерствѣвъ душою, не ставъ суше, эгоистичнѣе, недовѣрчивѣе.

Неисчерпаемый горячій инстинктъ вѣры, не знающая годовъ и сроковъ отзывчивость ко всему доброму и прекрасному, неизбывная любовь и ко всему человѣчеству и къ каждому человѣку, позво-

лили Н. Ѳ. Анненскому пройти всю тяжелую жизнь русскаго писателя, не озлобившись и не очерствѣвъ ни душою ни умомъ, не разочаровавшись въ своихъ идеалахъ молодости.

Безграничная любовь къ живой человѣческой личности свѣтилась и въ его прекрасныхъ, добрыхъ глазахъ, когда онъ говорилъ съ какимъ-либо изъ множества лицъ, обращавшихся къ нему по тысяча и одному дѣлу, и въ его немногочисленныхъ публицистическихъ статьяхъ, и въ его всегда нервныхъ, горячихъ ораторскихъ выступленіяхъ.

Прирожденный ораторъ, всегда экспромтомъ находившій такія прекрасныя, отъ сердца къ сердцу идущія, слова, никогда изъ-за словъ и пустяковъ не обострявшій разногласій, Н. Ѳ. Анненскій былъ бы украшеніемъ Госуд. Думы, и онъ имѣлъ всѣ шансы быть въ Думѣ представителемъ лѣваго Петербурга. Но его, конечно, поспѣшили „разъяснить“, лишивъ избирательныхъ правъ.

...Какъ бы про Н. Ѳ. Анненскаго были сказаны Н. Шелгуновымъ слова;—„Матеріалисты неба и идеалисты земли“.

Матеріалистомъ неба и идеалистомъ земли началъ и кончилъ онъ свою долгую и славную литературно-общественную дѣятельность.

Человѣкъ горячихъ и страстныхъ убѣжденій, легко воспламеняющійся, онъ, однако, за формулами и идеями никогда не забывалъ живыхъ людей, всегда умѣлъ политическую страстность соединять съ партійнымъ и личнымъ безпристрастіемъ. И характерно, что на всѣхъ крупныхъ литературныхъ и общественныхъ собраніяхъ послѣднихъ лѣтъ постоянно въ роли предсѣдателя мелькала импозантная и вмѣстѣ съ тѣмъ такая милая, вся свѣтящаяся какою-то лучистою добротою фигура Н. Ѳ. Анненскаго.

Газета **„Правда“**, 27 іюля. Статья *Ильи Колосова.*

...Мы, марксисты, идейные противники субъективно-соціологической школы, къ которой принадлежалъ покойный, чтимъ память Н. Ѳ. Анненскаго, такъ искренно, всей душой служившаго демократіи.

„Право“, № 30. Статья *Г.*

... Воспитанный въ творческой атмосферѣ 60-хъ годовъ, испытавъ на себѣ вліяніе идейныхъ вождей народничества 70-хъ, пройдя богатую жизненную школу въ провинціальной земской Россіи, Н. Ѳ. создалъ изъ этихъ разнообразныхъ элементовъ единое міровоззрѣніе, сливъ его гармонически со своей личностью, со своей душевной индивидуальностью.

Н. Ѳ. примыкалъ къ народническому лагерю; но въ области соціальныхъ и политическихъ идеаловъ онъ никогда не былъ ни сектантомъ, ни фанатикомъ; программа, партійность никогда не

закрывала предъ удивительно проницательнымъ политическимъ умомъ Н. Ѳ. тѣхъ общихъ цѣлей, къ которымъ различными путями шли разныя группы русскаго общества.

Чуждый партійности и кружковщины, стремясь всегда къ объединенію, а не разъединенію, соединяя громадный политическій и житейскій тактъ съ чисто юношескимъ идейнымъ энтузіазмомъ и бодрящей жизнерадостностью, Н. Ѳ. вездѣ безъ всякихъ усилій со своей стороны, никогда не выдвигая на первый планъ своей личности, оказывался центральной фигурой, организующимъ и связующимъ центромъ.

Вездѣ и повсюду Н. Ѳ. быстро пріобрѣталъ высокій моральный авторитетъ, который признавался всѣми, и друзьями и противниками...

... Н. Ѳ. не былъ чуждъ и редакціонной коллегіи „Права". Когда редакція предприняла, вмѣстѣ съ Н. Н. Львовымъ и А. А. Стаховичемъ, обработку трудовъ мѣстныхъ комитетовъ, то Н. Ѳ. горячо откликнулся на это общее дѣло; онъ принималъ участіе въ выработкѣ программы сборника „Нужды деревни" и самъ написалъ для этого сборника статью „Общія теченія финансовой политики".

„Русская Мысль", августъ. Статья *П. Струве.*

Этотъ замѣчательный и замѣчательно славный (не въ смыслѣ знаменитости, а въ интимномъ русскомъ смыслѣ нѣкой особенной душевной привлекательности) человѣкъ былъ дорогъ представителямъ всѣхъ поколѣній и всѣхъ направленій, имѣвшимъ счастье встрѣчаться съ нимъ. То было дѣйствительно счастье: въ этомъ выраженіи нѣтъ никакой реторики и условности въ примѣненіи къ почившему. Однажды, поминая А. И. Чупрова, мнѣ пришлось о немъ сказать то же самое. Но Чупровъ былъ, въ отличіе отъ Анненскаго, какой-то ужъ слишкомъ, незащитимо добрый человѣкъ. У Анненскаго къ добротѣ присоединялась необыкновенная живость, почти кипучесть темперамента—эта сила и активность собственной личности не позволяли ему быть слишкомъ добрымъ. Иногда, когда нужно, онъ могъ быть суровымъ и рѣзкимъ. И, когда онъ становился такимъ (я никогда не забуду одного политическаго собранія 1905 года, въ которомъ Н. Ѳ. съ необыкновенной силой выступилъ противъ ослѣпленія партійной враждой),—рѣзкое слово покойнаго производило огромное впечатлѣніе и дѣйствовало поистинѣ оздоровляюще.

Доброта и большой умъ—эти два рѣдко соединимыя, а въ покойномъ гармонически сосуществовавшія свойства—дѣлали изъ него истиннаго мудреца. Внутреннему облику мудреца соотвѣтствовало и внѣшнее обличіе, та наружность умнаго „мужика", которая, по моимъ наблюденіямъ, тоже производила сильнѣйшее впечатлѣніе.

Николай Ѳедоровичъ оставитъ свой слѣдъ въ русской литературѣ и наукѣ, какъ публицистъ, экономистъ и земскій статистикъ, но по своей натурѣ онъ не былъ вовсе „человѣкомъ пера“. Онъ былъ дѣятель, и однимъ изъ самыхъ яркихъ выраженій внѣшней неустроенности и недостроенности русской жизни въ эпохи, которыхъ современниками пришлось быть ему и намъ, является невозможность для этой жизни использовать такихъ людей, какъ покойный. Въ эту жизнь они не могутъ цѣликомъ входить; въ извѣстномъ смыслѣ они остаются за флагомъ именно потому, что они самые лучшіе, самые цѣльные люди своего времени. Можно много написать о томъ, чѣмъ могъ бы быть и что могъ бы дать Анненскій при другихъ условіяхъ,—во всякомъ случаѣ онъ былъ бы не въ современной Россіи активнымъ дѣятелемъ въ первыхъ рядахъ.

Въ ряду публицистовъ и земскихъ статистиковъ, воспитавшихся на идеяхъ 60-хъ гг. и близкихъ къ политическимъ движеніямъ этого и послѣдующаго десятилѣтія, Анненскій занималъ своеобразное мѣсто. У него была складка настоящаго ученаго и экономическое образованіе, превосходящее обычный уровень, характерный для большинства земскихъ статистиковъ „классической“ эпохи. По своей образованности, общей и спеціальной, и научной одаренности покойной могъ бы дать гораздо больше, чѣмъ онъ далъ.

Теперь врядъ ли многіе помнятъ и даже знаютъ, что лучшую, наиболѣе острую въ русской литературѣ характеристику и оцѣнку нѣмецкаго такъ называемаго катедеръ-соціализма далъ въ свое время Анненскій въ замѣчательныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналѣ „Дѣло“ за 1882 г. подъ заглавіемъ: „Очерки новыхъ направленій въ экономической наукѣ“.

Широта кругозора и экономическая образованность не позволяли Анненскому быть народникомъ въ специфическомъ смыслѣ слова. Хотя и членъ редакціи „Русскаго Богатства“, онъ даже въ разгаръ споровъ между народниками и марксистами, по существу, былъ ближе къ марксистамъ, чѣмъ къ народникамъ. Врядъ ли онъ когда-нибудь вѣрилъ въ народническую схему экономическаго развитія Россіи, а нѣкоторыя основныя идеи экономическаго или историческаго матеріализма онъ могъ воспринять еще подъ вліяніемъ П. Н. Ткачева,—вѣдь Ткачевъ былъ еще въ 60-хъ гг. ярымъ приверженцемъ экономическаго матеріализма.

Въ общемъ и цѣломъ покойный былъ тѣмъ, что теперь на Западѣ называютъ соціалистомъ-реформистомъ или ревизіонистомъ, съ широкимъ историческимъ взглядомъ, свободнымъ и отъ ослѣпляющаго фанатизма, и отъ разъѣдающаго скептицизма. На его примѣрѣ видно, какъ исторія идей не укладывается въ рамки исторіи литературныхъ „кружковъ“ или „редакцій“.

... Для меня... Н. Ѳ. Анненскій былъ съ тѣхъ поръ, что я уви-

дѣлъ его, не отвлеченной величиной, а живымъ, совершенно индивидуальнымъ образомъ. И мы всѣ, кто пережилъ очарованіе его личности, близкіе и далекіе, были привязаны къ этому славному старцу, ощущали тягу къ нему и какое-то чувство родственности.

„Современникъ“, августъ. Статья *Е. Кусковой.*

... Интересамъ крестьянъ, голоднымъ и вымирающимъ деревнямъ — Животиннымъ и Маховаткамъ — посвящалъ онъ все свое вниманіе, всѣ свои силы. Этотъ основной интересъ, красной нитью проходящій черезъ всю его жизнь, не сдѣлалъ, однако, изъ него узкаго, сантиментальнаго народника. Онъ хорошо понималъ, что крестьянскій вопросъ рѣшится не въ Животинныхъ и Маховаткахъ, а на болѣе широкой аренѣ народной борьбы за свое соціальное и политическое освобожденіе, за право свое на культурное развитіе и самоопредѣленіе. Не случайно поэтому въ своихъ внутреннихъ обозрѣніяхъ посвящалъ онъ такъ много мѣста не только голодной деревнѣ, или самоуправленію „десяти тысячъ крестьянскихъ республикъ“, но и бюджету, налогамъ, рабочему законодательству, торгово-промышленнымъ съѣздамъ, земскому дѣлу и земскому движенію. Понималъ онъ прекрасно, что „крестьянскій вопросъ“ стоитъ въ тѣснѣйшей связи со всѣмъ строемъ и укладомъ государственной и хозяйственной жизни, что нельзя ни подвинуть его впередъ, ни тѣмъ болѣе рѣшить безъ соотвѣтственной перестановки всѣхъ частей механизма. Во всѣхъ этихъ работахъ его поражаетъ широта кругозора рядомъ съ тщательной, детальной обработкой мелочей. Всегда живой, страстный, экспансивный въ общеніи, онъ неузнаваемъ въ статьяхъ своихъ; рядомъ съ блестящими и играющими публицистическими фейерверками Михайловскаго, — статьи Н. Ѳ. кажутся тяжелой артиллеріей: сухой тонъ, масса цифръ, детальный и кропотливый разборъ всѣхъ концовъ и началъ, а надъ всѣмъ этимъ — научные пріемы логичной, убѣждающей и покоряющей мысли. И какъ умѣлъ онъ демонстрировать передъ читателемъ все новые и новые факты и матеріалы, какъ умѣло оперировалъ ими въ свѣтѣ опредѣленныхъ теоретическихъ предпосылокъ! Какъ мило извиняется онъ передъ лѣнивымъ читателемъ, „не любящимъ языка цифръ“, и все-таки надвигаетъ на него свои цифровыя батареи... Какъ ораторъ, на общественныхъ собраніяхъ, онъ снова преображается: это уже не сухой ученый-статистикъ, подъ своеобразнымъ микроскопомъ разсматривающій суть общественныхъ явленій, — нѣтъ, это поэтъ, человѣкъ горячаго чувства, необычайной, увлекающей страстности; онъ блещетъ вдохновеніемъ, заставляетъ жить аудиторію, создаетъ настроеніе и самъ живетъ имъ...

...Упорно проводя... двѣ линіи — работу въ демократіи и поддержку всякаго общественнаго начинанія и движенія, поскольку воплощались въ нихъ „высокіе идеалы“, — шелъ Н. Ѳ. своей дорогой.

Онъ встрѣтилъ и пережилъ вторую зарю освобожденія и,—такъ же, какъ и тогда, въ 60-хъ годахъ, — ея потуханіе, страшную и еще не изжитую реакцію, всѣ страданія, съ ней сопряженныя... Второй разъ видѣть высочайшій подъемъ и стремительное паденіе... На его глазахъ стерлись краски движенія шестидесятниковъ, на его глазахъ былъ парализованъ самый крупный вождь демократіи первой освободительной эпохи, Чернышевскій. Но самъ Н. Ө. былъ тогда молодъ, передъ нимъ разстилалась вся жизнь, широкая, полная надеждъ и упованій..- А потомъ? Что думалъ онъ, уже старикъ, на другой день послѣ 17 октября, когда появились зловѣщіе признаки разложенія внутри и натиска снаружи?... Его дальнѣйшая позиція извѣстна. Членъ народно-соціалистической партіи, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ редакторовъ „Русскаго Богатства", членъ цѣлаго ряда научныхъ обществъ, онъ ни на одну минуту, до самой своей смерти не сходилъ съ общественной арены, не тушилъ безпечно своего огня, не опускалъ устало знамени, поднятаго имъ съ юныхъ лѣтъ и стойко пронесеннаго черезъ всю жизнь. Реакція пробѣгаетъ мимо такихъ людей кристальной принципіальной чистоты и твердости: она можетъ только наносить имъ чисто физическіе удары, еще болѣе подчеркивая ихъ моральную высоту. Терпѣливый къ инакомыслящимъ, мягкій и человѣчный, Ник. Өед. становился рѣзкимъ и нетерпѣливымъ, когда шла рѣчь о реакціонныхъ актахъ и теченіяхъ, въ какихъ бы лагеряхъ ни свивали они свои гнѣзда. Теперь онъ ушелъ. Надъ гробомъ его, въ сочувствіи семьѣ его, снова сплотились всѣ направленія демократической и либеральной интеллигенціи. И мертвый онъ соединилъ ихъ всѣхъ въ одномъ чувствѣ, онъ снова указалъ, что рядомъ съ рознью есть что-то общее, безконечно дорогое, связующее и умитворяющее...

„Современный Міръ", августъ. Статья *Вл. Кранихфельда.*

... Я имѣлъ счастье близко знать Николая Өеодоровича и часто встрѣчаться съ нимъ въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ. Въ частности, въ нѣсколькихъ литературныхъ организаціяхъ, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ, мнѣ приходилось нести обязанности секретаря. Я видѣлъ его въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, въ самые разнообразные моменты его кипучей общественной дѣятельности, видѣлъ его больнымъ, видѣлъ его съ распухшимъ лицомъ отъ полицейскаго удара на Казанской площади, гдѣ онъ вступился за избиваемую молодежь, видѣлъ въ изгнаніи... Когда онъ не волновался, не кипѣлъ, не заражалъ своимъ искреннимъ паөосомъ слушателей, онъ сверкалъ остроуміемъ, увлекая собесѣдниковъ оригинальностью и глубиною своей мысли. Но тоскующимъ или даже просто апатичнымъ мнѣ видѣть его ни разу не привелось.

Онъ поражалъ своей несокрушимой энергіей и бодростью даже въ послѣдніе годы, когда врачи съ тревогой слѣдили за прогрессирующей болѣзнью его переутомленнаго сердца и настойчиво реко-

мендовали ему воздерживаться отъ общественной дѣятельности вообще и отъ публичныхъ выступленій въ особенности. Но ни требованія врачей, ни уговоры родныхъ и близкихъ не въ силахъ были удержать Анненскаго.

Кажется, не было въ Петербургѣ ни одной безпартійной общественной организаціи, которая не старалась бы привлечь его къ себѣ, высоко цѣня въ немъ его выдающіяся организаторскія способности, крупную интеллектуальную силу и первостепенный ораторскій талантъ. Его приглашали всюду, потому что всюду и всѣмъ онъ былъ нуженъ. И онъ охотно шелъ на эти зовы и втягивался въ волнующую общественную дѣятельность, которая вполнѣ отвѣчала его темпераменту и склонностямъ. Отдавая свою душу дѣлу, онъ самъ становился душою послѣдняго, нимало не тяготясь въ то же время и ролью чернорабочаго въ немъ.

Статистикъ, создавшій себѣ въ этой области крупное имя; экономистъ съ солидной подготовкой; журналистъ съ большимъ опытомъ, темпераментомъ и талантомъ,—онъ постепенно весь ушелъ въ общественную дѣятельность, забросивъ ради нея всякую иную, кромѣ редакціонной, работу. И кажется, что именно здѣсь, въ захватывающей, волнующей, требующей постояннаго нервнаго напряженія общественной дѣятельности, онъ и нашелъ, наконецъ, свое истинное призваніе. Это она отравила его больное сердце и ускорила его смерть, но въ ней же зато онъ сумѣлъ развернуть все богатство своихъ недюжинныхъ силъ и обнаружить всю красоту своей обаятельной личности.

Какъ дѣятельному члену президіума и часто предсѣдателю разныхъ обществъ, Анненскому приходилось имѣть дѣло съ сотнями людей разныхъ положеній, профессій и взглядовъ. И первое, что подкупало въ немъ при его сношеніяхъ съ этой массой разношерстнаго народа, это—изумительный тактъ.

Всегда привѣтливый, ровный, остроумной шуткой онъ сглаживалъ по чужой винѣ возникающія шероховатости, какъ-будто боясь показать кому-нибудь свое интеллектуальное и моральное превосходство. Въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ нимъ и даже въ его публичныхъ рѣчахъ, въ которыхъ онъ всегда ограничивалъ себя строго опредѣленной темой, изъ рамокъ которой не выходилъ, трудно было угадать въ немъ человѣка съ такой богатой эрудиціей, какою онъ на самомъ дѣлѣ обладалъ. Онъ точно умышленно пряталъ ее, чтобы не подавлять ею своихъ собесѣдниковъ, и только при частыхъ встрѣчахъ съ нимъ можно было убѣдиться въ разносторонности его интересовъ и знаній. Въ немъ не было ничего показного. Онъ много зналъ, много дѣлалъ, но, съ полной благожелательностью встрѣчая всѣхъ обращавшихся къ нему, не навязывалъ имъ ничего сверхъ требуемой мѣры. И всѣ, не исключая даже дѣтей, при первой же встрѣчѣ съ Анненскимъ, чувствовали себя легко и свободно

и не испытывали тщеславнаго желанія встать на ходули, чтобы подняться до него.

Къ человѣческимъ недостаткамъ Анненскій относился съ рѣдкой терпимостью. Онъ могъ болѣе или менѣе добродушно сострить по поводу той или иной слабости, и только. Но надо было дойти до большой степени паденія, чтобы заставить его окончательно отвернуться. Какъ мудрецъ, онъ хорошо зналъ непрочность человѣческихъ добродѣтелей и, какъ радостный свѣточъ, онъ щедро разбрасывалъ лучи своего благоволенія на всѣхъ, имѣвшихъ въ немъ надобность.

... Широта взглядовъ Анненскаго такъ же, какъ и его рыцарское служеніе дѣлу русской демократіи, завоевали ему общія симпатіи всей оппозиціи, и друзьями его оказались не только его ближайшіе партійные товарищи — народные соціалисты, но съ ними вмѣстѣ и представители другихъ народническихъ теченій, и марксисты, и кадеты.

Сейчасъ, надъ свѣжей могилой Николая Ѳедоровича, трудно, да, пожалуй, и невозможно подвести хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ итоги его общественной дѣятельности. Она вросла въ исторію тѣхъ многочисленныхъ литературныхъ и общественныхъ организацій, въ которыхъ онъ принималъ участіе; она органически сплелась съ исторіей минувшаго десятилѣтія, въ вихряхъ и буряхъ котораго зачалась молодая Россія. Я могу здѣсь только перечислить учрежденія и событія, съ которыми связано имя Н. Ѳ. Анненскаго.

Литературный фондъ, Союзъ писателей и Вольное экономическое общество,—вотъ три учрежденія, въ которыя вошелъ Анненскій, какъ только получилъ возможность (въ 1895 г.) поселиться въ Петербургѣ. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ онъ выполнялъ большую и отвѣтственную работу, оживляя и одухотворяя ее той юношеской страстностью, съ какою онъ до послѣдняго дня относился ко всякому дѣлу. На рубежѣ прошлаго и настоящаго столѣтій, въ годы острой полемики между только-что народившимся русскимъ марксизмомъ и старымъ народничествомъ, Анненскій былъ самымъ горячимъ полемистомъ со стороны народничества. Его пламенныя филиппики противъ нападавшихъ и часто зарывавшихся въ своихъ атакахъ представителей легальнаго марксизма увлекали иногда даже противниковъ его. И къ чести Анненскаго надо сказать, что на своихъ позиціяхъ, наиболѣе укрѣпленныхъ, по крайней мѣрѣ, онъ остался до конца своей жизни, тогда какъ самые ретивые изъ его противниковъ давно уже растеряли свои знамена.

Въ 1901 г. во время демонстраціи на Казанской площади, гдѣ Анненскому чуть не выбили ударомъ глазъ, Союзъ писателей выступилъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ избіенія молодежи. Иниціаторомъ протеста былъ самъ Анненскій, и ему очень понравилась пущенная кѣмъ-то изъ протестантовъ острота, что „фонарь, подставленный Анненскому, сразу освѣтилъ положеніе“. Проте-

стомъ Союза писателей положеніе было, дѣйствительно, освѣщено, но вслѣдъ за этимъ союзъ былъ закрытъ правительствомъ, а протестанты, съ Анненскимъ во главѣ, были высланы изъ Петербурга.

По возвращеніи изъ ссылки, протестанты-писатели, опять-таки во главѣ съ Анненскимъ, организовали взамѣнъ союза самочинное учрежденіе подъ мало соотвѣтствующимъ его задачамъ названіемъ: „Кулинарная комиссія". „Кулинары"—такъ называли себя члены комиссіи—воспользовались пробѣломъ нашего административнаго права, разрѣшающаго „хорошимъ господамъ" собираться въ отдѣльныхъ кабинетахъ трактировъ и ресторановъ для веселаго времяпрепровожденія съ выпивкой и закуской, и объединили бывшихъ членовъ Союза подъ видомъ участія въ товарищескихъ ужинахъ. И такъ какъ эти ужины не были легализованы и не были стѣснены никакимъ уставомъ, то постепенно они привлекли къ себѣ оппозиціонно настроенныхъ представителей другихъ интеллигентныхъ профессій. Такимъ образомъ писательскіе ужины превратились въ знаменитые „банкеты", душой которыхъ продолжалъ оставаться Н. Ѳ. Анненскій. Опять было высланный въ Ревель, но скоро, благодаря наступившей эпохѣ довѣрія, возвращенный въ Петербургъ, онъ неизмѣнно открываетъ „ужины" и „банкеты", руководитъ ими и произноситъ вдохновенныя рѣчи, бросая лозунги, призывающіе къ единенію во имя новой, свободной Россіи.

Параллельно съ этимъ Н. Ѳ. Анненскій принимаетъ живое участіе въ организаціи, а потомъ и дѣятельности „Союза освобожденія"; весною 1905 г. открываетъ созванный „явочнымъ порядкомъ" всероссійскій съѣздъ писателей, постановленіемъ котораго создается всероссійскій союзъ писателей и петербургская группа этого союза. Союзъ писателей, въ свою очередь, примкнулъ къ знаменитому въ свое время „Союзу союзовъ", и во всѣхъ этихъ организаціяхъ Анненскій принималъ, конечно, самое дѣятельное участіе.

26-марта 1906 г. состоялось, подъ предсѣдательствомъ Анненскаго, послѣднее общее собраніе петербургской группы писателей. Самочиннымъ организаціямъ предстояло или легализоваться на основаніи правилъ 4-го марта, или прекратить свое существованіе, или, наконецъ, уйти въ подполье. Союзъ писателей послѣ бурнаго засѣданія рѣшилъ легализоваться подъ именемъ „Общества россійскихъ писателей". Первое собраніе новаго общества состоялось 18-го апрѣля; но такъ какъ роль безпартійныхъ политическихъ организацій была уже сыграна, то очень скоро въ дѣятельности общества наступило затишье, и оно замерло, ничѣмъ не проявивъ себя.

Пустое мѣсто, образовавшееся послѣ прекратившаго свою дѣятельность общества писателей, было заполнено возникшей въ началѣ 1907 г. организаціей профессіональнаго типа—„С.-Петербургскимъ литературнымъ обществомъ", предсѣдателемъ котораго на первомъ же собраніи былъ избранъ Н. Ѳ. Анненскій...

...Свою идейную генеалогію Анненскій ведетъ отъ Чернышевскаго, и замѣчательно, что его послѣдняя большая работа посвящена именно памяти учителя. Я говорю о статьѣ его: „Н. Г. Чернышевскій и крестьянская реформа“, напечанной въ прошломъ году въ 4-мъ томѣ юбилейнаго сытинскаго изданія: „Великая реформа“...

...Помню, какъ волновался онъ, когда писалъ ее, боясь, что опоздаетъ къ сроку. Такъ какъ и на мнѣ лежало обязательство дать въ это изданіе статью, то при встрѣчахъ со мною онъ каждый разъ справлялся о ходѣ моей работы. И онъ не скрывалъ, конечно, что этотъ интересъ къ моей статьѣ подсказывается ему его собственной авторской озабоченностью и боязнью. Кажется, что все-таки онъ оказался аккуратнѣе многихъ другихъ.

...Характеризуя литературныя выступленія Анненскаго, я бы сказалъ, что всѣ они исходятъ изъ того же жаднаго стремленія къ живой общественной дѣятельности, какимъ проникнута была вся его жизнь. И здѣсь, въ своихъ литературныхъ работахъ, встаетъ онъ передъ нами все тѣмъ же неутомимымъ борцомъ за „демократическія начала“, и лозунгъ его: „ближе къ жизни!“.

Поправка. Въ отзывахъ по поводу смерти Н. Ѳ. Анненскаго, напечатанныхъ въ № 9 „Русскаго Богатства“, нами замѣчена слѣдующая опечатка. На стр. 198 II отдѣла напечатано (строки 11—12 сверху): „и я хотѣлъ бы оспаривать Анненскаго“ и т. д.; слѣдуетъ: „и я не хотѣлъ бы оспаривать Анненскаго“ и т. д.

НОВЫЯ КНИГИ.

О. Рунова. Летящія тѣни. Разсказы. Изд. „Новь“. Спб. 1912. Стр. 239. Ц. 1 р.

Небольшая книжка подводитъ итоги многолѣтней литературной работѣ: разсказы г-жи Руновой печатаются въ журналахъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ. Естественно поэтому, что они написаны въ старой манерѣ; но, полагаемъ, никто, познакомившись съ „Летящими тѣнями“, не назоветъ ее устарѣлой: этотъ простой и ясный реализмъ исполненъ честности, которая не старѣетъ. Наоборотъ, она тѣмъ цѣннѣе, что становится все рѣже. Теперь говорятъ о возвратѣ къ реализму, а между тѣмъ самая преднамѣренность нынѣшняго реализма дѣлаетъ его какимъ-то искусственнымъ и непріятнымъ. Подмѣтитъ новый беллетристъ что-нибудь свое — и на подносѣ подаетъ эту мелочь, охорашивается. Здѣсь же все по иному: все просто и само по себѣ понятно. Литературное явленіе, несомнѣнно, второстепенное, разсказы г-жи Руновой, пожалуй, не чужды недостатковъ, которые легко было замѣтить въ нашей старой ре-

альной беллетристикѣ; есть здѣсь тенденціозность, есть подчасъ преувеличенія и риторика и сентиментальность; но зато есть и свои достоинства—достоинства не только школы, но и художественной личности. Авторъ „Летящихъ тѣней“ не „изучалъ“, не штудировалъ свою „натуру“: онъ просто знаетъ то, о чемъ пишетъ; онъ выросъ въ быту и говоритъ о себѣ, даже когда говоритъ о явленіяхъ русской жизни, отъ него довольно далекихъ. Онъ—не психологъ: отдѣльныя фигуры не то, что не удаются ему — наоборотъ, онѣ достаточно индивидуальны для его цѣлей, — но не онѣ заинтересуютъ читателя: его вниманіе привлечетъ строй, какъ [цѣлое; онъ задумается надъ средой, надъ бытомъ, но не надъ отдѣльнымъ человѣкомъ. Нельзя назвать наблюденія г-жи Руновой однообразными и сферу ея наблюденій узкой, но, несомнѣнно, одно впечатлѣніе объединило всѣ ея попытки понять и возсоздать жизнь; это впечатлѣніе жестокости. Не люди жестоки въ этихъ разсказахъ — авторъ склоненъ забыть объ ихъ личной жестокости: — жестокъ бытъ, жестока среда. Картину русскаго провинціальнаго міра, развернутую г-жей Руновой, можно безъ всякаго преувеличенія назвать безпросвѣтно-мрачной. Здѣсь есть, конечно, хорошіе люди—и благодушный Павлюкъ, за всѣхъ работающій и не могущій стрѣлять въ людей и за это разстрѣлянный въ турецкую войну, и докторъ Балуевъ, умный и добрый, и другіе. Но не въ нихъ дѣло: они — исключеніе, они только ярче оттѣняютъ тупьму, которая вокругъ нихъ. Страшно русское захолустье въ этихъ разсказахъ: помѣщичья ли усадьба, уѣздная ли канцелярія, купеческій ли домъ, чиновничья ли семья—все это трагически-мрачно, тупо, безобразно—и прежде всего жестоко. Превосходенъ въ изображеніи этой злобной тупости разсказъ „Пастораль“—исторія нелѣпой платонической любви бывшей мелкой актрисы, нынѣ зрѣлой казначейши Маріи Петровны Лучезаровой-Прохоровой къ земскому помощнику бухгалтера Шибаеву. Ни тѣни идеализаціи — авторъ знаетъ цѣну своимъ героямъ, — но онъ сумѣлъ и ихъ пошленькую идиллію поднять надъ той атмосферой гнуснаго безпредметнаго злопыхательства, въ которой развивается траги-комическая исторія. Въ разсказѣ „Они“ — не безъ преувеличеній и романтики, но съ достаточной яркостью иллюстрировано отношеніе народныхъ массъ къ своимъ бывшимъ господамъ. Это, конечно, узко-личныя воспоминанія, но и съ ними нельзя не считаться, когда знаешь, что имѣешь предъ собой наблюдателя правдиваго и рѣшительнаго, когда чувствуешь, что авторъ готовъ нести всю отвѣтственность за свою правду, что онъ суровымъ опытомъ тяжелой жизни заплатилъ за право найти сочувствующаго и понимающаго читателя.

Найдетъ ли его книжка г-жи Руновой? Будемъ надѣяться.

Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). **Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ.** (Историко-Литературная библіотека изд. Т-ва Сытина, вып. VII). Москва, 1912 г. Стр. LVI + 336. Ц. 1 р. 10 коп.

По выходѣ перваго выпуска „Историко-Литературной библіотеки", посвященнаго Гоголю, у насъ была рѣчь объ общемъ характерѣ и цѣляхъ этого полезнаго изданія, имѣющаго въ виду приблизить изучающаго исторію русской литературы XIX вѣка, къ ея первоисточникамъ. Здѣсь дано въ извлеченіяхъ все личное, что можетъ объяснить произведеніе писателя или литературной группы: хронологическія даты, біографическіе матеріалы, воспоминанія современниковъ, письма, дневники и т. п. По этому плану составленъ и новый выпускъ „Библіотеки". Въ высшей степени своевременно избранъ предметъ его. Среди нашихъ классиковъ нѣтъ писателя, болѣе глубоко-автобіографичнаго, чѣмъ Достоевскій, и чѣмъ настоятельнѣе и очевиднѣе необходимость объяснить его творчество изъ его личности, тѣмъ слабѣе оказывается знакомство широкаго круга читателей съ внѣшними фактами жизни Достоевскаго, съ разсказами о немъ его современниковъ, съ его письмами и замѣтками. Первый томъ перваго посмертнаго изданія, заключающій біографію, письма и замѣтки изъ записной книжки, не получилъ широкаго распространенія, и внѣ круга спеціалистовъ мало кому извѣстенъ. А между тѣмъ Достоевскій, какъ творческая величина, какъ художникъ-мыслитель ростетъ безостановочно, углубляется смыслъ его созданій, и становится все ощутительнѣе потребность окружить его произведеніе всѣмъ, что можетъ уяснить личность ихъ творца.

Для своей, столь своевременной работы, г. Вѣтринскій основательно изучилъ и умѣло использовалъ литературу матеріаловъ, накопившуюся до нашихъ дней. Сборникъ открывается недурной біографіей Достоевскаго и характеристикой основныхъ моментовъ его творчества. Этотъ отдѣлъ кажется намъ наименѣе нужнымъ въ книгѣ. Біографія, поскольку она выходитъ за предѣлы точнаго опредѣленія фактовъ, здѣсь не необходима, разъ дана рядомъ съ ней „Хронологическая канва". Какъ и характеристика, съ ней связанная, она субъективна, а въ книгѣ, имѣющей въ виду прежде всего самодѣятельность, все должно быть объективно, какъ можетъ быть только сырой матеріалъ. Естественно, что не все въ біографіи безспорно,—такъ, напримѣръ, едва ли возможно утверждать что „нѣтъ основаній не довѣрять безусловно показанію Достоевскаго, данному имъ слѣдственной коммиссіи и свидѣтельствующему о совершенной умѣренности его освободительнаго настроенія". „Освободительное настроеніе", изображаемое въ показаніе, дѣйствительно, болѣе чѣмъ умѣренно. „Да,—писалъ Достоевскій—если *желать лучшаго* есть либерализмъ, вольнодумство, то въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, я вольнодумецъ, въ томъ же смыслѣ, въ которомъ можетъ быть названъ вольнодумцемъ и каждый человѣкъ,

который въ глубинѣ сердца своего чувствуетъ себя въ правѣ быть гражданиномъ“. Показаніе написано очень умѣло, очень тонко, въ тонѣ благородной задушевности; оно никого не выдаетъ, никого не подводитъ; но оно, несомнѣнно, не до конца искренно, оно не говоритъ всей правды объ авторѣ и его убѣжденіяхъ. Это показываютъ, напримѣръ, воспоминанія А. П. Милюкова, члена дуровскаго кружка; здѣсь совершенно опредѣленно говорится, что Достоевскій въ своихъ сужденіяхъ не отличался отъ прочей молодежи, „съ одной стороны, возмущаемой зрѣлищемъ произвола нашей администраціи, стѣсненіемъ науки и литературы, а съ другой — возбужденной грандіозными событіями, какія совершались въ Европѣ, порождая надежды на лучшую, болѣе свободную и дѣятельную жизнь. Въ этомъ отношеніи Ѳ. М. Достоевскій высказывался съ неменьшей рѣзкостью и увлеченіемъ, чѣмъ и другіе члены нашего кружка. Не могу теперь привести съ точностью его рѣчей, но помню хорошо, что онъ всегда энергически говорилъ противъ мѣропріятій, способныхъ стѣснить чѣмъ-нибудь народъ, и въ особенности возмущали его злоупотребленія, отъ которыхъ страдали низшіе классы и учащаяся молодежь“. Да и С. Д. Яновскій, свидѣтельствующій о томъ, что „заговорщикомъ и бунтаремъ Достоевскій не былъ и не могъ быть“, не отрицаетъ возможности того, что Достоевскій на собраніяхъ у Петрашевекаго говорилъ „что-нибудь противное тогдашнему строю государственному“. Самъ Достоевскій сказалъ о себѣ правду не въ „Показаніи“, а позже въ письмѣ къ Тотлебену. Отъ тѣхъ убѣжденій, которыя онъ высказалъ въ „Показаніи“, онъ могъ бы не отказываться и значительно позже; онъ въ сущности повторилъ „Показаніе“, когда много лѣтъ спустя, отрекаясь отъ названія консерватора, указывалъ, что и ему вѣдь не по душѣ ликъ міра сего. А между тѣмъ отъ своихъ воззрѣній конца сороковыхъ годовъ онъ отказался,—онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ. Въ письмѣ къ Тотлебену (1856 г.) говорится: „Я былъ виновенъ, я сознаю это вполнѣ. Я былъ уличенъ въ намѣреніи (но не болѣе) дѣйствовать противъ правительства; я былъ осужденъ законно и справедливо; долгій опытъ, тяжелый и мучительный, протрезвилъ меня и во многомъ перемѣнилъ мои мысли. Но тогда, тогда я былъ смѣлъ, вѣрилъ въ теоріи и утопіи... Я повѣрилъ себѣ, *я не сознавался во всемъ* и за это наказанъ былъ строже“. Въ письмѣ изъ Вевэ 1868 г. къ Майкову Достоевскій говоритъ, что „предался имъ (правительству) до измѣны своимъ прежнимъ убѣжденіямъ“. Здѣсь онъ, конечно, ближе къ правдѣ, чѣмъ въ „Показаніи“, которому напрасно г. Вѣтринскій предлагаетъ вѣрить *безусловно*. Едва ли также есть основаніе видѣть въ „Селѣ Степанчиковѣ“ откликъ Достоевскаго на ожиданіе освобожденія крестьянъ, „что можно усмотрѣть въ изображеніи того утонченнаго издѣвательства надъ крѣпостными людьми, какое позволяетъ себѣ, при самомъ благодушномъ помѣщикѣ, зазнавшійся его приживаль-

щикъ Ѳома Опискинъ". Развѣ возможно считать Ѳому Опискина какимъ-либо выразителемъ *строя*? — вѣдь онъ издѣвается также безобразно и надъ дворянами, а по существу крестьянамъ у благодушнаго полковника Ростанева живется отлично. „Хронологическая канва" составлена неровно; здѣсь пропущена, напримѣръ, смерть маленькой дочери Достоевскаго въ 1866 году, такъ потрясшая его,

Отдѣлъ „Изъ воспоминаній и писемъ современниковъ" составленъ очень полно, такъ же, какъ и слѣдующій: „Письма Достоевскаго"; здѣсь, конечно, возможны споры по поводу предпочтенія того или иного письма, но это не такъ существенно: въ общемъ письма, столь захватывающе интересныя и столь мало извѣстныя, даютъ поучительнѣйшій комментарій къ художественнымъ произведенія Достоевскаго. Кстати сказать, пора русскимъ читателямъ имѣть полное собраніе его писемъ, пополненное всѣмъ, что появилось послѣ1883 года и не изуродованное множествомъ многоточій, быть можетъ, имѣвшихъ смыслъ тридцать лѣтъ тому назадъ, но теперь не нужныхъ. Кстати объ одномъ многоточіи, плохо истолкованномъ г. Вѣтринскимъ. „Да читалъ ли ты его „Cinna"? — спрашиваетъ Достоевскій брата, защищая драмы Корнеля:—„Предъ этимъ божественнымъ очеркомъ Октавія, предъ которымъ... Карлъ Моръ, Фіеско, Телль, Донъ Карлосъ". Въ примѣчаніи г. Вѣтринскій объясняетъ многоточіе: „Вѣроятно, пропущено „на колѣни", или „нужно преклониться", или „ничего равнаго". На самомъ дѣлѣ многоточіемъ замѣнена, очевидно, маленькая непристойность—и г. Вѣтринскій замѣтилъ бы это, если бы вмѣсто *трехъ* поставить *пять* точекъ, какъ и напечатано въ его первоисточникѣ, изданіи 1883 г., гдѣ число точекъ въ купюрахъ сообразовано съ числомъ пропущенныхъ буквъ. Это особенно имѣетъ значеніе въ виду купюръ въ „знаменитомъ" письмѣ къ Страхову о „смрадной, позорной тупости" Бѣлинскаго.

Нѣсколько удивилъ насъ составъ отдѣла: „Выдержки изъ записной книжки". Разумѣется, выбранныя г. Вѣтринскимъ выдержки характерны для Достоевскаго, какъ, впрочемъ, характерны и замѣтки, обойденныя имъ. Но какъ же можно было взять подготовительныя замѣтки къ „Дневнику писателя" и оставить въ сторонѣ наброски къ „Бѣсамъ",—единственный знакомый намъ фрагментъ подготовительныхъ соображеній Достоевскаго въ его чисто художественной работѣ. Ввести эти наброски было тѣмъ необходимѣе, что вѣдь Достоевскій цѣненъ для насъ прежде всего какъ художникъ; къ тому же замѣтки къ „Бѣсамъ" затеряны въ дорогомъ изданіи „Полнаго собранія", а появленіе ихъ въ „Историко-литературной библіотекѣ" перенесло бы ихъ въ кругозоръ широкаго круга учащихся читателей. О замѣткахъ изъ записной книжки, напечатанныхъ въ „Новомъ Пути", г. Вѣтринскій совсѣмъ не упоминаетъ.

Послѣдній отдѣлъ занятъ библіографіей Достоевскаго; здѣсь вмѣсто огульной ссылки на сборники В. Зелинскаго были бы умѣстнѣе точныя указанія на важнѣйшіе изъ перепечатанныхъ въ этомъ сборникѣ статей. Заслуживала упоминанія также иностранная литература о Достоевскомъ. Скорѣе, чѣмъ какой-либо изъ выпусковъ „Историко-литературной библіотеки", потребуетъ переизданія томъ посвященный Достоевскому,—и въ новомъ изданіи не трудно будетъ исправить погрѣшности и пробѣлы, отмѣченные въ первомъ.

Мольеръ. Т. I. (Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефронъ) Спб. 1912. Стр. IV+LXIII+619. Цѣна въ пер. 7 р.

Мы многимъ обязаны Мольеру, и не трудно согласиться съ почтеннымъ редакторомъ новаго полнаго собранія сочиненій великаго французскаго драматурга, что „Мольеръ имѣлъ прочное и долгое вліяніе въ Россіи". Однако, теперь у насъ Мольера не знаютъ и не читаютъ: это тоже фактъ. Русская комедія XVIII вѣка въ формахъ и образахъ сплошь опредѣляется воздѣйствіемъ Мольера. За „Драгими смѣянными" слѣдовалъ длинный рядъ подражаній и переводовъ. Первая четверть минувшаго вѣка также не знаетъ въ комедіи лучшаго учителя. Мольеровскіе пріемы, а подчасъ и настроенія чувствуются въ „Горѣ отъ ума"—и не только потому, что Чацкій сродни Мизантропу; даже въ „Ревизорѣ" есть отголоски вліянія Мольера. Переводили его очень много; въ прошломъ сезонѣ два столичныхъ театра ставили его пьесы и въ печати много говорили объ этихъ новыхъ постановкахъ. Вслѣдъ за множествомъ отдѣльныхъ переводовъ и двумя неполными изданіями въ прошломъ году вышло полное собраніе сочиненій Мольера (ред. П. И. Вейнберга и П. В. Быкова); наконецъ, теперь передъ нами первый томъ роскошнаго иллюстрированнаго изданія, которое обѣщаетъ быть болѣе чѣмъ полнымъ. И, однако, никакъ нельзя согласиться съ С. А. Венгеровымъ въ томъ, что „въ общемъ Мольеръ, подобно Шекспиру, Шиллеру, Гете, Байрону, принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые могутъ считаться „иностранными" для русскаго читателя только формально, но по духу вошли въ русское литературное сознаніе вполнѣ органично". Здѣсь есть большое преувеличеніе: Мольера у насъ пропагандировали усердно, но знаютъ мало; а если и знаютъ, то именно въ качествѣ знатнаго иностранца. Оно и понятно—и творческая величина Мольера, и охватъ его образовъ не могутъ быть поставлены наряду съ величіемъ Шекспира, Гете, Шиллера и всечеловѣчностью и глубиной ихъ творчества; Мольеръ своеобразнѣе — и, конечно, больше теряетъ въ переводѣ. Шекспиръ вѣчно остается нашимъ современникомъ—отъ постановки Мольера, самой реальной и безхитростной, отдаетъ „стариннымъ театромъ". И, конечно, никогда ни Альцестъ, ни Тартюфъ,

ни Жоржъ Данденъ, ни Филаминта, ни Эльмира, ни Оргонъ не были и не будутъ такъ знакомы, близки, понятны русскому читателю, какъ Гамлетъ и Корделія, какъ Вертеръ и Маргарита, какъ Марія Стюартъ и Карлъ Мооръ.

Но всякому свое мѣсто—знать Мольера, и знать, какъ слѣдуетъ, все-таки необходимо, и для такого полнаго серьезнаго знанія представляетъ всѣ матеріалы новое изданіе. Оно даетъ Мольера въ совершенно новомъ видѣ — прежде всего потому, что громадное большинство его произведеній здѣсь появляется въ новыхъ переводахъ; правда, пять основныхъ пьесъ даны въ старыхъ переводахъ В. С. Лихачова, но зато редакція располагаетъ рядомъ неизданныхъ работъ того же покойнаго переводчика, такъ прекрасно овладѣвшаго стилемъ Мольера. Кромѣ того, къ труду по передачѣ мольеровскаго театра привлечены всѣ лучшіе наши поэты-переводчики— Холодковскій, Щепкина-Куперникъ, Брюсовъ, Минскій и другіе — и надо надѣяться, что литературная Россія нашихъ дней съ честью выйдетъ изъ этого испытанія: черезъ вѣкъ послѣ Грибоѣдова показать, что своеобразный стихъ творца „Горя отъ ума“ способенъ развиваться и примѣняться къ русской передачѣ чужестранной рѣчи его великаго учителя.

Превосходнымъ посредникомъ въ знакомствѣ съ послѣднимъ дѣлаютъ новое изданіе многочисленныя историко-литературныя статьи, сопровождающія переводъ — необходимо среди нихъ отмѣтить критико-біографическое введеніе извѣстнаго русскаго мольериста проф. Алексѣя Веселовскаго — и, наконецъ, обширная коллекція иллюстрацій, не только „украшающихъ“ изданіе, но и дающихъ историко-бытовой и психологическій комментарій къ пьесамъ. Насчетъ общаго типа изданія, конечно, возможны споры. Мы принадлежимъ какъ-разъ къ тѣмъ „расположеннымъ къ „Библіотекѣ“ читателямъ“, съ которыми полемизируетъ въ предисловіи редакторъ, стараясь отразить ихъ „упреки въ отсутствіи художественнаго единства“; этимъ укоризнамъ онъ противополагаетъ утвержденіе, что „пестрота“ изданія — вполнѣ предвидѣнная „*пестрота музея*, гдѣ никто не ищетъ того единства, котораго, по самой задачѣ, въ немъ не можетъ быть“. Противъ этого аргумента формально возражать не приходится: кому больше по душѣ bric-à-brac, въ которомъ наряду съ хламомъ есть сокровища, кому дороже именно художественное единство. Вѣдь и понятіе музея—не абсолютное, и уже по переходу отъ случайности и безалаберщины прежнихъ музеевъ къ гармоничной строгости, напримѣръ, берлинскаго Kaiser-Friedrich-Museum можно судить о современныхъ требованіяхъ. И музей долженъ быть законченной системой, не только книга. Болѣе всего должно быть такой системой изданіе классика; на Западѣ давно поняли это; тамъ и „роскошныя“ изданія были въ свое время не музейными коллекціями. Теперь же время „роскошныхъ“ изданій стараго типа прошло — ихъ смѣнили изданія худо-

жественныя, — и тотъ, кто видѣлъ, напримѣръ, Tempel-Ausgaben, кто знаетъ, въ какомъ серьезномъ, строгомъ, художественно-законченномъ стилѣ научились даже нѣмцы издавать теперь своихъ классиковъ, тому едва-ли покажется подходящей пестрота нашихъ роскошныхъ изданій даже послѣ того, какъ она названа музейной. А между тѣмъ если знакомство съ поэтомъ должно служить развитію вкуса, то какъ можно представлять его въ оболочкѣ, которую не трудно оправдать словесно, которую позволительно назвать и роскошной, и богатой, и интересной, и поучительной, но немыслимо назвать художественной.

Довнаръ-Запольскій, М. В. Исторія русскаго народнаго хозяйства. Т. I. Кіевъ. 1911. Цѣна 3 руб.

Изъ западно-европейскихъ государствъ, въ сущности, только Англія имѣетъ полную исторію своего народнаго хозяйства—двухтомный трудъ Кеннингема, доходящій до половины XIX вѣка. Левассеръ въ смыслѣ богатства матеріала и научности разработки стоитъ выше его, но его четырехтомная „Histoire des classes ouvriéres et de l'industrie en France“ представляетъ собою лишь исторію французской промышленности, аграрный же строй и торговля затрагиваются лишь вскользь, и этотъ пробѣлъ только отчасти восполненъ вышедшимъ послѣ его смерти трудомъ о французской торговлѣ до революціи. Наиболѣе цѣнной является экономическая исторія Германіи, принадлежащая Инама-Стернеггу, но она охватываетъ (въ четырехъ томахъ) лишь средневѣковый періодъ. Наконецъ, русскій историкъ М. М. Ковалевскій далъ общую исторію экономическаго быта западной Европы, объединивъ матеріалъ нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій („Экономическій ростъ Европы“, 3 тома). Правда, это—только исторія среднихъ вѣковъ или, точнѣе, аграрнаго строя и ремесла въ средніе вѣка.

Дальше идетъ, охватывая и періодъ новаго времени, сочиненіе I. М. Кулишера (Лекціи по исторіи экономическаго быта), дающее общій обзоръ хозяйственнаго развитія зап. Европы.

При такихъ условіяхъ станетъ понятнымъ, насколько важнымъ событіемъ какъ въ исторической, такъ въ экономической литературѣ является недавно вышедшая и принадлежащая перу проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго „Исторія русскаго народнаго хозяйства“. Наши историки отъ Соловьева до Ключевскаго всегда обращали вниманіе на экономическую сторону въ жизни русскаго народа—на положеніе крестьянскаго населенія, на условія торговли. Они отводятъ этимъ вопросамъ больше мѣста, чѣмъ французы или нѣмцы, для которыхъ до самаго послѣдняго времени всеобщая исторія совпадала съ политической исторіей. Уже въ 1866 году у насъ появилось сочиненіе Аристова о хозяйствѣ древней Руси, т. е. того періода, которому посвященъ нынѣ вышедшій томъ труда М. В. Довнаръ-Запольскаго. Но, конечно, задача послѣдняго совершенно иная, чѣмъ та, которую ставилъ себѣ полъ-вѣка тому

назадъ Аристовъ въ своемъ сочиненіи „Промышленность древней Руси“, излагая, правда, весьма полно и обстоятельно, на основаніи детальнаго изученія источниковъ, различныя отрасли производства и виды торговли въ Кіевской Руси. Современный историкъ-экономистъ уже не можетъ этимъ ограничиваться, а долженъ дать характеристику каждаго періода хозяйственной жизни Россіи, долженъ считаться въ этимъ отношеніи какъ съ установившимся въ наукѣ дѣленіемъ хозяйственной жизни на эпохи, такъ и съ выводами, полученными для экономическаго развитія другихъ европейскихъ странъ и народовъ.

Кіевскій профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій могъ смѣло взять на себя такую задачу. Рядъ предшествующихъ изслѣдованій его, какъ о хозяйствѣ Литвы при Ягеллонахъ, такъ и по исторіи западно-русскаго крестьянства, о торговлѣ и промышленности Москвы въ XVI—XVII ст., являлись цѣнными подготовительными работами для общей исторіи экономическаго развитія Россіи.

„Послѣ вводныхъ главъ—читаемъ мы въ предисловіи—непосредственно слѣдуетъ вопросъ объ обмѣнѣ и затѣмъ уже о формахъ производства. Автору казалось болѣе цѣлесообразнымъ сначала ввести слушателя въ кругъ такихъ явленій, которыя наиболѣе рельефно характеризуютъ народное хозяйство древняго періода русской исторіи; при такомъ расположеніи формъ производства и структуры народно-хозяйственнаго организма, какъ кажется, могутъ выступить въ болѣе рельефныхъ очертаніяхъ“. Уже изъ этихъ словъ видно, что принятый авторомъ порядокъ изложенія не является чѣмъ-либо случайнымъ, а вытекаетъ изъ того значенія, которое онъ придаетъ обмѣну въ древній періодъ русской исторіи. Въ разныхъ мѣстахъ книги читаемъ о „значительной широтѣ внутренняго обмѣна“, (стр. 172) о томъ, что „торгъ проникалъ всю древнерусскую жизнь, пустилъ въ ней глубокіе корни“ (стр. 349). Цѣлый рядъ политическихъ событій, какъ, напр., походъ Святослава на Оку, Волгу и Донъ, основаніе Нижняго Новгорода и Устюга, военныя столкновенія между болгарами и суздальскими князьями при Юріи Владиміровичѣ и его сынѣ Андреѣ (стр. 143) авторъ объясняетъ торговыми соображеніями. Мало того, авторъ идетъ дальше и утверждаетъ, что для русскаго общества этого періода торговля имѣла большее значеніе, чѣмъ для западноевропейскихъ странъ въ средніе вѣка. Авторъ исходитъ изъ того установившагося въ наукѣ положенія, что въ средніе вѣка на западѣ торговля, хотя и достигла значительнаго развитія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, но все же существенной роли въ хозяйственной жизни не играла, обмѣнъ же по преимуществу былъ непосредственный между производителемъ и потребителемъ, безъ участія посредника-торговца; лишь высшіе слои населенія, аристократія духовная и свѣтская, потребляли доставляемые торговцами

иноземные товары. По сравненію съ этимъ — утверждаетъ проф. Довнаръ-Запольскій—товарообмѣнъ восточной Европы былъ гораздо шире, какъ вслѣдствіе развитой иноземной торговли, такъ и по причинѣ существованія внутренней промышленности, работавшей для рынка.

Однако, съ этимъ положеніемъ трудно согласиться; тѣми данными, которыя приведены въ книгѣ, оно не подтверждается. Если авторъ указываетъ на существованіе въ древней Руси значительнаго ярмарочнаго торга, купеческихъ организацій гильдейскаго характера, кредитныхъ сдѣлокъ, то вѣдь всѣ эти явленія имѣлись въ широкихъ размѣрахъ въ Западной Европѣ. Многочисленные клады, найденные въ курганахъ различныхъ мѣстностей Россіи, скорѣе свидѣтельствуютъ о малой оживленности обмѣна, ибо онъ состоитъ почти исключительно изъ предметовъ роскоши и украшеній всякаго рода, составляющихъ, какъ извѣстно, объектъ торговли уже на самой ранней ступени ея развитія. Подтвержденіемъ выставленнаго авторомъ тезиса не можетъ служить и то обстоятельство, что на Руси торговали всѣ—князья, бояре, духовенство наравнѣ съ профессіональными купцами. И на Западѣ первыми торговцами были короли и монастыри, а затѣмъ лишь появились купеческія организаціи, и въ теченіе XIII—XV ст. императоры, герцоги, духовныя лица высшихъ и низшихъ степеней, духовные ордена принимали дѣятельное участіе въ торговыхъ и кредитныхъ операціяхъ.

Но если нельзя согласиться съ авторомъ въ томъ отношеніи, что русская торговля была болѣе развита, чѣмъ западно-европейская въ ту же эпоху и имѣла большее значеніе для всей хозяйственной жизни, то все же принятая имъ точка зрѣнія является, несомнѣнно, гораздо болѣе правильной, чѣмъ тѣ утвержденія, которыя высказываются въ сочиненіяхъ Рожкова, Лященко и другихъ авторовъ, отрицающихъ всякое значеніе торговли въ русской жизни того времени и находящихъ въ ней совершенно примитивный хозяйственный строй. Заслуга проф. Довнаръ-Запольскаго заключается въ томъ, что онъ рѣшительно выступилъ противъ такого рода взглядовъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи Ключевскому, Бѣляеву, Соловьеву, которые признавали существованіе въ тѣ времена на Руси значительныхъ торговыхъ городовъ и наличность богатствъ, накопленныхъ благодаря торговой дѣятельности. Хозяйственное развитіе Руси, хотя и не стояло выше того, что мы находимъ въ средневѣковой Зап. Европѣ, но и не было ниже его. Сношенія съ хазарами, затѣмъ съ арабами, позже съ Византіей и еще позже съ Ганзой содѣйствовали появленію на Руси извѣстнаго товарообмѣна, хотя и не проникавшаго глубоко въ населеніе, но все же доставлявшаго высшимъ, наиболѣе состоятельнымъ слоямъ общества возможность пріобрѣтать цѣнныя произведенія Востока и Запада и сбывать продукты своихъ лѣсовъ—мѣха, воскъ, медъ, въ особенности же—не-

вольниковъ, важный предметъ вывоза. Въ эту эпоху хозяйственная жизнь Россіи идетъ впередъ, лишь впослѣдствіи начинается обратное движеніе, и Русь отстаетъ отъ Западной Европы — въ этомъ отношеніи проф. М. В. Довнаръ-Запольскій вполнѣ правъ.

В. М. Устиновъ. Ученіе о народномъ представительствѣ. Томъ первый. Идея народнаго представительства въ Англіи и Франціи до начала XIX в. Москва 1912 г. XXXIX+653 стр. Ц. 5 р.

За послѣднее время на Западѣ, въ связи съ кризисомъ политической мысли, замѣтно особенно сильное влеченіе къ полной переоцѣнкѣ старыхъ государственно-правовыхъ теорій. Прежнія формулы и понятія, заимствованныя еще отъ XVIII вѣка, теперь мало кого удовлетворяютъ. Подъ давленіемъ жестокой критики и новыхъ научныхъ построеній формально-юридическая школа вмѣстѣ съ созданными ею понятіями постепенно сходитъ со сцены.

Книга В. М. Устинова по своей задачѣ тѣсно примыкаетъ къ новѣйшимъ теченіямъ въ области государственнаго права. Авторъ ставитъ себѣ цѣлью „выработать новую теорію представительства, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала современнымъ формамъ государственности, на смѣну устарѣвшей и столь долго господствовавшей теоріи Сійеса и его единомышленниковъ“ (стр. VII).

Подобная задача продиктована автору наблюденіемъ надъ современной политическою жизнью,—тѣмъ фактомъ, что представительный строй въ теченіе послѣдней четверти XIX вѣка подвергся значительному преобразованію „подъ вліяніемъ общаго процесса демократизаціи современнаго государства“. Желая согласовать теорію народнаго представительства съ содержаніемъ современнаго правосознанія, В. М. Устиновъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно порываетъ съ традиціями формально-юридической школы. Изъ узкой сферы офиціальныхъ законодательныхъ сборниковъ онъ переноситъ право въ широкую и родную ему область индивидуальной психики. Только изъ „психологическаго ученія о правѣ можно и должно, по его мнѣнію, извлечь цѣнныя руководящія данныя для построенія теоріи народнаго представительства“ (стр. 652).

Цѣли, поставленныя авторомъ, находятъ себѣ, такимъ образомъ, аналогію въ трудахъ, связанныхъ съ именами Еллинека, Дюги, Краббэ, Десландра, Новгородцева, Котляревскаго и др. Въ исходномъ своемъ пунктѣ, въ понятіи о правѣ, авторъ, согласно его собственному признанію, выступаетъ послѣдователемъ проф. Петражицкаго.

Первый томъ „ученія о народномъ представительствѣ“ представляетъ собою только введеніе къ задачѣ, завершеніе которой авторъ обѣщаетъ въ продолженіи своего труда. Это связанный съ попутными критическими замѣчаніями историческій обзоръ тео-

рій народнаго представительства, господствовавшихъ въ Англіи и во Франціи въ періодъ XVII—XX в.

Тѣмъ не менѣе, уже въ первомъ томѣ достаточно ясно, со своими сильными и слабыми сторонами, намѣчаются выводы, которые В. М. Устинову придется окончательно формулировать впослѣдствіи. Авторъ—горячій противникъ той теоріи народнаго представительства, согласно которой народъ всецѣло поглощается парламентомъ. Эта теорія, представленная въ эпоху великой французской революціи главнымъ образомъ Сійесомъ, Мирабо и Барнавомъ, имѣющая и въ настоящее время во Франціи довольно сильнаго защитника въ лицѣ Эсмена, служитъ главнымъ предметомъ для критическихъ замѣчаній В. М. Устинова.

Самодовлѣющее значеніе представительнаго строя, по его мнѣнію, находится въ одинаковомъ противорѣчіи какъ съ выработанной къ концу XVIII столѣтія идеей народнаго суверенитета, такъ и съ современнымъ правосознаніемъ, тѣсно связаннымъ съ растущей демократизацiей политическихъ отношеній. Извѣстно суровое отношеніе Ж. Ж. Руссо къ представительной системѣ. Народъ, по мнѣнію женевскаго мыслителя, „свободенъ только въ моментъ выборовъ; какъ только выборы кончены, онъ рабъ, онъ ничто". (Общественный договоръ. Кн. III, гл. XV). „Всѣ усилія политической литературы, говоритъ В. М. Устиновъ, не поколебали силы основного аргумента Руссо противъ представительства" (стр. 312). Не соглашаясь съ ученіемъ, отождествляющимъ парламентъ съ націей и ставящимъ представителей на мѣсто суверепнаго народа, В. М. Устиновъ не можетъ согласиться и съ тѣми выводами, которые дѣлаетъ старая школа изъ своего основного положенія. Теорія и практика, отдѣляющая народнаго представителя отъ избирателя и замыкающая весь ходъ законодательной и направляющей дѣятельности въ парламентскихъ стѣнахъ, находитъ въ немъ ясно выраженнаго противника.

В. М. Устиновъ смотритъ на парламентъ исключительно какъ на одинъ изъ подконтрольныхъ органовъ народнаго самоуправленія.

Въ результатѣ его ученія реальнымъ сувереномъ, верховнымъ властителемъ не только въ принципѣ, но и на дѣлѣ остается народъ. Законодательная и направляющая государственная дѣятельность въ многоразличныхъ формахъ переступаетъ далеко за предѣлы парламентскихъ стѣнъ. Народные представители дѣлаютъ только то, что не можетъ сдѣлать непосредственно самъ народъ. Даже въ своей роли контролирующей инстанціи парламентъ не является высшимъ органомъ. „Дальнѣйшее развитіе конституціоннаго государства требуетъ, чтобы и дѣятельность парламента въ свою очередь подвергалась контролю со стороны тѣхъ лицъ, въ интересахъ коихъ онъ дѣйствуетъ" (стр. 653). Первый томъ „Ученія о народномъ представительствѣ" не позволяетъ сдѣлать окончательнаго заключенія относительно всѣхъ положеній, къ ко-

торымъ долженъ прійти авторъ въ вопросѣ объ организаціи народнаго представительства. Но, во всякомъ случаѣ, можно предвидѣть, что въ своемъ стремленіи „отъ представительства къ прямому народоправству“ онъ не отступитъ передъ радикальными выводами. Авторъ склоненъ присоединиться къ утвержденію Токвиля, что „крайняя демократія исправляетъ недостатки демократіи“.

Въ своемъ стремленіи встать на одинъ уровень съ содержаніемъ новѣйшаго правосознанія и намѣчающейся практикой демократическихъ государствъ, книга В. М. Устинова выгодно отличается отъ все еще многочисленныхъ произведеній, занимающихся въ сущности простымъ толкованіемъ и обобщеніемъ офиціальныхъ законодательныхъ сборниковъ.

Несмотря на относительную свѣжесть поставленной задачи, нельзя назвать книгу В. М. Устинова вполнѣ оригинальной. „Ученіе о народномъ представительствѣ“ въ главнѣйшей своей части имѣетъ характеръ произведенія, по преимуществу обобщающаго обширную книжную литературу. Даже читателю, плохо знакомому съ иностранными изслѣдованіями, „историческій обзоръ системъ и теорій народнаго представительства“ даетъ мало новаго послѣ переводныхъ и оригинальныхъ трудовъ Гнейста, Редлиха, Петрушевскаго, Чичерина, Лависса, Олара, Шерэ, М. Ковалевскаго, Новгородцева и др.

Критическая часть сочиненія при сравненіи съ многочисленными иностранными и немногими русскими сочиненіями, затрагивающими темы, смежныя съ ученіемъ о народномъ представительствѣ, въ свою очередь, не отличается особой оригинальностью. Къ тому же, эта часть не лишена и значительной доли догматизма. В. М. Устиновъ слишкомъ часто произноситъ приговоръ прежнимъ правовымъ явленіямъ, исходя изъ современнаго правосознанія. Между тѣмъ правильное примѣненіе психологической теоріи права, сторонникомъ которой признаетъ себя авторъ, должно было заставить его лучше соблюдать требованія исторической перспективы. Господствовавшее въ концѣ XVIII вѣка правосознаніе, съ его представленіемъ объ естественномъ правѣ и общей волѣ, для того времени дѣлало теорію народнаго представительства вполнѣ законченнымъ и логически завершеннымъ ученіемъ. Будучи догматикомъ на почвѣ современнаго правосознанія, В. М. Устиновъ невольно дѣлаетъ еще одно упущеніе, въ значительной степени ослабляющее интересъ къ его книгѣ. Хотя авторъ вслѣдъ за Мунье и признаетъ, „что не столько ученія извѣстныхъ философовъ производили революцію, сколько сама революція оказывала вліяніе на появленіе новыхъ ученій“ (стр. 362), тѣмъ не менѣе, онъ слишкомъ мало интересуется генезисомъ системъ и теорій народнаго представительства. Соціальная сторона представительства осталась у него почти совершенно неразработанной. Между тѣмъ, исключительно на почвѣ широкаго изученія общественной

психологіи и ея соціальной мотивировки, сторонникъ психологической теоріи права можетъ замѣнить логическую игру идей яснымъ пониманіемъ явленій историческаго прошлаго.

При всемъ томъ итогъ общихъ сужденій о книгѣ В. М. Устинова, несомнѣнно, положительный. „Ученіе о народномъ представительствѣ“ должно сыграть свою роль въ распространеніи политическихъ идей, стоящихъ на уровнѣ требованій современнаго правового демократическаго государства.

Проф. М. И. Назаревскій. Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства. Синдикаты, тресты и комбинированныя предпріятія. Т. I. Ч. I. Очерки по исторіи объединенія американской промышленности. М. 1912 г. Ц. 2 р. 80 к.

Синдикаты, тресты и комбинированныя предпріятія, по мнѣнію г. Назаревскаго, „вносятъ настолько глубокія измѣненія во всю экономическую жизнь, начиная съ производства и кончая потребленіемъ, что приходится говорить о новой фазѣ развитія, о переходѣ современной капиталистической формы хозяйства въ новую, которую удобнѣе всего было бы назвать коллективно-капиталистическою“ (стр. VIII). Въ экономической литературѣ это мнѣніе нельзя уже считать единичнымъ. Консолидація (объединеніе однородныхъ предпріятій) и комбинація (объединеніе разнородныхъ предпріятій) въ сферѣ производства, транспорта, обмѣна, страхованія и кредита дѣлаютъ столь быстрые успѣхи и вмѣстѣ съ тѣмъ вносятъ столь существенныя измѣненія въ экономическія отношенія, что мысль о новой фазѣ экономическаго развитія все чаще и чаще является у изслѣдователей. Но въ той постановкѣ, какую даетъ этому вопросу г. Назаревскій, кроется, повидимому, недоразумѣніе. Онъ находитъ, какъ сказано, что новую форму хозяйства удобнѣе всего было бы назвать „коллективно-капиталистическою“ и, отмѣчая ея характерныя особенности въ отличіе отъ „современной“, онъ пишетъ: „Если тамъ безпощадная борьба всѣхъ противъ всѣхъ, то здѣсь союзъ и единеніе; если тамъ стихійное поглощеніе слабаго сильнымъ, то здѣсь планомѣрная организація равныхъ и т. д. Сообразно съ этимъ измѣняется и самый типъ хозяйства. Изъ единоличнаго оно все больше и больше превращается въ *коллективное*. Личная энергія, личная иниціатива, — этотъ архимедовъ рычагъ капиталистическаго предпріятія, уступаетъ свое мѣсто иниціативѣ выборныхъ представителей общества, въ которомъ прежніе предприниматели являются лишь акціонерами. Единоличное управленіе хозяина-собственника смѣняется управленіемъ полунаемныхъ или наемныхъ лицъ, работающихъ за опредѣленную плату“ (VIII—IX). Легко видѣть, что такъ понимаемое коллективно-капиталистическое хозяйство нельзя связывать лишь съ синдикатами, трестами и комбинированными предпріятіями. Коллективно-капиталистическое хозяйство въ этомъ смыслѣ появилось вмѣстѣ

съ возникновеніемъ акціонерныхъ компаній, а картеллированіе ихъ является уже дальнѣйшей стадіей въ его развитіи. И для этой стадіи нѣкоторыя изъ указанныхъ особенностей коллективно-капиталистическаго хозяйства представляются даже не характерными,— настолько не характерными, что, напримѣръ, по отношенію къ американскимъ трестамъ такія выраженія, какъ „организація равныхъ“ или „выборные представители“ звучатъ почти иронически. Въ американской промышленности, какъ видно изъ изслѣдованія самого г. Назаревскаго, объединеніе очень часто достигается захватомъ и подчиненіемъ, а будто-бы „выборные“ представители нерѣдко являются простыми ставленниками „некоронованныхъ королей“, вродѣ Моргана и Рокфеллера. Нельзя считать характерной для новой формы хозяйства, по крайней мѣрѣ, безъ существенныхъ оговорокъ, и другую отмѣчаемую г. Назаревскимъ особенность, а именно „стремленіе привести количество выдѣлываемаго продукта въ соотвѣтствіе съ требованіями рынка“. Правда, эту особенность любятъ выдвигать на первый планъ защитники картельныхъ организацій, доказывая благотворное значеніе ихъ въ экономической жизни. Но въ дѣйствительности основное стремленіе всякаго капиталистическаго хозяйства, индивидуальнаго или коллективнаго, сводится къ тому, чтобы получить возможно большую прибыль, и ради этого синдикаты и тресты, какъ мы знаемъ, нерѣдко сознательно нарушаютъ соотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ. Для „новой фазы развитія“, поскольку ее можно связывать съ синдикатами, трестами и комбинированными предпріятіями, наиболѣе характерной является, въ сущности, слѣдующая, отмѣчаемая г. Назаревскимъ, особенность. „Свобода конкуренціи—пишетъ онъ—этотъ основной принципъ развитаго капиталистическаго хозяйства, подъ вліяніемъ роста предпринимательскихъ организацій, все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто или потенціальной конкуренціи или просто монополіи“. А „монополія создаетъ для класса предпринимателей какъ-бы новый видъ ренты, получаемой благодаря возможности продавать продуктъ значительно выше его цѣнности“ (IX). Изъ сказаннаго слѣдуетъ одно изъ двухъ: если г. Назаревскій считалъ необходимымъ посвятить свой трудъ „теоріи современной экономической эволюціи, ведущей къ переходу капиталистическаго хозяйства въ коллективно-капиталистическое“ (XI), то онъ долженъ былъ бы не ограничивать своего изслѣдованія трестами, синдикатами и комбинированными предпріятіями, а начать его съ простыхъ акціонерныхъ компаній; если же онъ ограничилъ поле своего изслѣдованія, то ему слѣдовало бы сузить и видоизмѣнить свою задачу. Иначе можно опасаться (и для этого уже имѣются основанія), что несоотвѣтствіе предѣловъ изслѣдованія съ поставленной задачей можетъ пагубно отразиться на результатахъ работы, которая могла бы быть очень цѣнной. Но окончательное сужденіе объ этомъ нужно, конечно, отложить до второго тома,

который г. Назаревскій намѣренъ посвятить ближайшимъ образомъ теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства, и въ которомъ онъ, быть можетъ, еще устранитъ отмѣченное несоотвѣтствіе.

Въ первый же томъ, по плану автора, должна войти исторія предпринимательскихъ организацій. Въ вышедшей первой части этого тома имъ данъ рядъ очерковъ по исторіи объединенія американской промышленности, которая, какъ извѣстно, подвинулась наиболѣе далеко по пути консолидаціи и комбинаціи, и о которой можно уже сказать, что она „стремится превратиться въ единый, сильно спеціализированный въ своихъ частяхъ, но тѣсно связанный организмъ“ (363). Однако, „изслѣдованіе всей американской промышленности—указываетъ г. Назаревскій—отняло бы слишкомъ много времени, а, главное, явилось бы практически нецѣлесообразнымъ“, такъ какъ „не обошлось бы безъ многихъ повтореній и запутанныхъ подробностей“. Поэтому онъ остановился на выясненіи процесса объединенія лишь въ нѣсколькихъ отрасляхъ промышленности, а именно: желѣзнодорожной, угольной, желѣзной, сахарной и нефтяной. Особенное вниманіе при этомъ авторъ удѣлилъ процессу комбинаціи, какъ вертикальной, имѣющей своей задачей объединить добычу сырья съ производствомъ полупродукта, а этого послѣдняго съ производствомъ продукта, такъ отчасти и боковой, въ результатѣ которой оказываются объединенными нерѣдко очень далекія между собою отрасли производства, какъ, напримѣръ, желѣзная и цементная или нефтяная и глюкозная. Авторъ сообщаетъ немало любопытныхъ фактовъ, нерѣдко новыхъ для русскихъ читателей, и приходитъ къ интереснымъ выводамъ относительно техническихъ, экономическихъ и финансовыхъ причинъ объединенія американской промышленности.

Нельзя, однако, не пожалѣть, что обзоръ относящихся сюда данныхъ авторъ пріурочилъ къ отдѣльнымъ ея отраслямъ. Объединеніе, начавшись въ какой-либо отрасли, довольно скоро выходитъ за ея предѣлы, а нерѣдко и прямо начинается съ комбинаціи. Эта послѣдняя не ограничивается предпріятіями добывающей и обрабатывающей промышленности, но захватываетъ также транспортныя, торговыя, кредитныя и т. д. Нерѣдко даже иниціатива объединенія исходитъ отъ послѣднихъ. Пріурочивъ свое изслѣдованіе къ послѣднимъ отраслямъ, г. Назаревскій, естественно, не могъ избѣжать „многихъ повтореній“, что сдѣлало книгу мѣстами утомительной, а, главное, не могъ избѣжать умолчаній, благодаря чему процессъ объединенія американской промышленности остался для читателей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не совсѣмъ яснымъ. Напримѣръ, на роли банковъ г. Назаревскій нашелъ возможнымъ остановиться лишь въ заключительномъ очеркѣ и только здѣсь, подводя уже итоги изслѣдованія, наскоро сообщаетъ свѣдѣнія о банковыхъ группахъ Моргана и Рокфеллера, объ этихъ „финансовыхъ учрежденіяхъ страны, безъ участія которыхъ не могла со-

стояться организація и финансовое оборудованіе ни одного болѣе или менѣе крупнаго треста", въ рукахъ которыхъ находится „монополія на организацію монополіи" (362). И только здѣсь, закрывая уже книгу, читатель получаетъ нѣкоторое представленіе объ этомъ важномъ факторѣ. Знакомясь съ исторіей объединенія американской промышленности по отдѣльнымъ ея отраслямъ, онъ встрѣчалъ лишь глухія упоминанія о „финансовой группѣ Моргана". Между тѣмъ, оказывается, что Морганъ началъ свою объединительную дѣятельность именно въ качествѣ банкира, скупая акціи обанкротившихся желѣзнодорожныхъ компаній, да и въ дальнѣйшемъ, быть можетъ, орудовалъ, главнымъ образомъ, въ качествѣ представителя денежнаго капитала. Легко понять, что это обстоятельство имѣетъ немаловажное значеніе при выясненіи нетолько хода объединительнаго процесса, но и причинъ, которыми онъ былъ обусловленъ. А то и другое составляло, вѣдь, главную задачу настоящаго выпуска.

Кромѣ роли банковъ, осталась безъ надлежащаго обслѣдованія и роль таможеннаго покровительства, хотя въ этомъ и не виновата принятая авторомъ система группировки фактовъ. Данному вопросу онъ удѣлилъ лишь четыре страницы въ очеркѣ, посвященномъ сахарной промышленности, доказывая, что „пошлина обусловила не столько самый фактъ возникновенія сахарнаго треста сколько форму его организаціи или, точнѣе, капитализацію" (205). Въ другихъ мѣстахъ книги о пошлинахъ встрѣчаются лишь мимоходныя замѣчанія, направленныя опять-таки къ тому, чтобы умалить и даже вовсе отвергнуть значеніе этого фактора въ дѣлѣ образованія трестовъ. Порою эти замѣчанія настолько неубѣдительны, что чувствуется даже предвзятость. Напримѣръ, на стр. 120, доказывая, что пошлина не играла роли въ образованіи жестяного треста и даже скорѣе мѣшала его возникновенію, авторъ ссылается на то, что передъ образованіемъ треста разница между американской цѣной на жесть и англійской была ниже пошлины, и импортъ не имѣлъ смысла. „Правда, — прибавляетъ онъ, — впослѣдствіи трестъ повысилъ цѣну настолько, что использовалъ и пошлину, но это уже post hoc, а не propter hoc". Но вѣдь роль пошлинъ въ томъ и заключается, что онѣ даютъ возможность повысить цѣны, не опасаясь иностранной конкурренціи, что и вызываетъ возникновеніе трестовъ. И, конечно, сначала трестъ возникнетъ, а послѣ ужъ онъ цѣны подниметъ... Въ заключительномъ очеркѣ г. Назаревскій признаетъ, однако, что „въ Америкѣ процессъ объединенія былъ сильно ускоренъ... высокими покровительственными пошлинами" (357). Но какъ это признаніе, такъ и обратныя утвержденія, не разъ встрѣчающіяся читателю въ книгѣ, нельзя считать надлежаще обоснованными и вопросъ хотя сколько-нибудь выясненнымъ. Между тѣмъ серьезное значеніе этого вопроса ясно уже изъ того, что классическими странами трестовъ и синдикатовъ,

куда всѣ изслѣдователи, а въ ихъ числѣ и г. Назаревскій, обращаются за фактическими данными, до сихъ поръ остаются Соединенные Штаты и Германія (вѣроятно, скоро присоединится къ нимъ и Россія), т. е. страны съ покровительственной системой, а не Англія, хотя и съ болѣе давнимъ капитализмомъ, но со свободной торговлей. Конечно, и въ Англіи объединительный процессъ происходитъ, но, повидимому, онъ идетъ болѣе медленнымъ темпомъ и протекаетъ, быть можетъ, въ менѣе уродливыхъ формахъ.

Записка Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ о поѣздкѣ въ Туркестанскій край въ 1912. Приложеніе къ № 55 „Изв. ю.-р. обл. земск. перес. орг. Полтава, 1912 г., 90 стр.

Несвойственная русской бюрократіи манера—защищать при помощи печатнаго слова планы правительства—была введена у насъ, какъ это ни странно, именно наиболѣе откровеннымъ бюрократомъ своего времени—П. А. Столыпинымъ. Когда, въ началѣ 1908 г., русская печать начала подводить первые итоги землеустроительнаго эксперимента, правительство Столыпина впервые за своимъ собственнымъ именемъ выступило съ печатной реабилитаціей аграрной политики. И съ той поры нахлынулъ на русскаго читателя потокъ министерской публицистики. Отчеты Крестьянскаго Банка превратились въ боевые трактаты по политической экономіи, отчеты вѣдомства землеустройства открыто сражались съ извѣстными публицистами. Пересмотръ указа 9 ноября въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ породилъ громадную (и иногда очень занятную) казенную литературу, а высокій общественный интересъ къ неприкрытой связи между землеустройствомъ и переселеніемъ былъ ближайшей причиной появленія на свѣтъ извѣстной записки Столыпина о поѣздкѣ въ Сибирь.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ области землеустройства и колоніальной политики, русскій читатель пріученъ уже къ министерскимъ печатнымъ выступленіямъ и выходъ какой-нибудь новой „Записки“ уже не вызываетъ прежняго всеобщаго возгласа изумленія и почтительности.

Тѣмъ не менѣе послѣдней запискѣ ст.-сек. Кривошеина, заглавіе которой выписано въ началѣ этой замѣтки, удалось все-же обратить на себя широкое вниманіе печати и общества. Было высказано и нѣсколько отзывовъ... не совсѣмъ почтительныхъ, правда, но зато свидѣтельствовавшихъ, что „Записка“ рѣзко задѣла нѣкоторыя больныя мѣста русской жизни.

Собственно говоря, сейчасъ, черезъ четыре мѣсяца по выходѣ Записки, какъ будто поздновато говорить о ней, но, во первыхъ, въ толстыхъ журналахъ объ этой запискѣ не было еще сказано-

ни слова, а во вторыхъ—газеты въ свое время отмѣтили въ ней лишь одну злободневную сторону—національзмъ, оставивъ въ тѣни остальныя, не менѣе важныя.

„Записка“ открыто объявляетъ войну Америкѣ и развиваетъ мысль о необходимости *немедленной* национализаціи хлопчатаго дѣла. Для достиженія этой цѣли г. Кривошеинъ требуетъ: 1) ассигнованія 700 милл. руб. на оросительныя работы въ Туркестанѣ, 2) привлеченія, путемъ гарантій, русскихъ предпринимателей въ Среднюю Азію, 3) заготовки участковъ единоличнаго пользованія для вселенія въ Туркестанѣ полутора милліона русскихъ переселенцевъ, 4) организаціи широкой сѣти мелкаго кредита для поддержки молодыхъ русскихъ хлопчатыхъ хозяйствъ и 5) изданіе *воднаго* закона для тѣхъ мѣстностей, гдѣ будетъ создано искусственное орошеніе.

Надо отдать справедливость г. Кривошеину; съ талантомъ, унаслѣдованнымъ отъ Столыпина, онъ излагаетъ всѣ свои мысли сжато, ясно и опредѣленно, ставитъ всѣ вопросы ребромъ и даетъ только категорическіе отвѣты. На 90 страницахъ его Записки рѣзкими чертами набросанъ планъ боевой колоніальной политики, гдѣ „русская военная власть понятнѣе и внушительнѣе для притихшей туземной толпы, чѣмъ гражданская“ (стр. 80), изложены основы національнаго курса, преслѣдующаго цѣль „послѣдовательнаго и упорнаго созиданія новаго русскаго Туркестана“ (стр. 82), намѣчены способы эксплоатаціи земли, „окончательно рѣшающіе вопросъ о формахъ владѣнія у переселенцевъ въ пользу единоличной собственности“ (стр. 66).

Съ увѣренностью чиновника, „ворочащаюго“ колоссальнѣйшимъ предпріятіемъ, стоящаго почти во главѣ крупнѣйшаго соціальнаго эксперимента нашего правительства, г. Кривошеинъ пренебрежительно отзывается объ общественной самодѣятельности, о возможности создать новый Туркестанъ безъ казенной помощи и казеннаго руководства. Онъ говоритъ (стр. 39): „трудно согласиться съ тѣми, кто видитъ выходъ въ отстраненіи казны отъ дѣла орошенія и въ привлеченіи къ нему исключительно частной предпріимчивости: Америки безъ американцевъ искусственно сдѣлать нельзя... Сохранить преимущественное право распоряженія орошенной землей за государствомъ—необходимо“. Государству же вручаетъ г. Кривошеинъ и такія важныя обязанности, какъ устройство мелкаго кредита, организацію спеціальныхъ школъ, агрономическую помощь. И вотъ почему: „задачи — подъема сельской культуры, службы народному хозяйству Туркестана, русской его колонизаціи—должны быть выполнены сельскохозяйственнымъ вѣдомствомъ... Земство въ краѣ пока только отвлеченная идея, которой трудно придать реальныя очертанія,.. Земство нужно будетъ уже *послѣ* созданія русскаго Туркестана, а не въ цѣляхъ его созиданія“.

Такой прямолинейности и откровенности можно позавидовать. Со времени деклараціи правительства въ Г. Думѣ по поводу проекта закона 14 іюля, мы не слыхали еще столь самоувѣреннаго голоса русскаго чиновника. Бюрократія—все. Помощью денегъ и власти она можетъ создать русское хлопководство, можетъ превратить пустынный Туркестанъ въ цвѣтущій оазисъ, можетъ осчастливить $1^{1}/_{2}$ милліона русскихъ переселенцевъ, можетъ, наконецъ, подготовить почву для будущаго земства. Завидное всемогущество! Какъ жаль, что 48 русскихъ губерній находятся сейчасъ во власти лишеннаго всякой энергіи земства...

Можно только удивляться тому, что *земская* организація безъ комментарія разсылаетъ эту записку при своемъ журналѣ.

Э. Кассиреръ. Познаніе и дѣйствительность. Пер. Б. Столпнера и П. Юшкевича. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1912 г., 453 стр., ц. 3 р.

Книга эта въ подлинникѣ озаглавлена: „Substanzbegriff und Funktionsbegriff". Переводчики дали ей болѣе „популярное" заглавіе, но это популярное заглавіе не гармонируетъ такъ хорошо съ содержаніемъ книги, какъ заглавіе, данное самимъ авторомъ.

Ибо, дѣйствительно, изученіемъ противоположности двухъ понятій: понятія субстанція и понятія функція, резюмируется все содержаніе этой замѣчательной книги.

Кассиреръ является болѣе молодымъ выразителемъ идей такъ называемой „марбургской школы", основателемъ которой считаются прежде всего Когенъ, а затѣмъ и Наторпъ. „Марбургская школа" есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ развѣтвленій кантіанства. Это есть попытка отдѣлаться отъ всего противорѣчиваго (а его такъ много!) и непослѣдовательнаго въ ученіи Канта и стройно организовать критическое ученіе на почвѣ послѣдовательнаго „логизма".

Книги Кассирера должна быть разсматриваема, какъ самое послѣдовательное и стройное выраженіе этой тенденціи. Эту послѣдовательность и стройность придало ученію Кассирера широкое пользованіе математикой. Самъ авторъ говоритъ въ своемъ „Предисловіи": „Первый толчокъ къ изслѣдованіямъ, заключающимся въ этой книгѣ, былъ данъ мнѣ моими занятіями по философіи математики. Когда я пытался, исходя изъ логики, найти доступъ къ основнымъ понятіямъ математики, то оказалось прежде всего необходимымъ ближе опредѣлить *самую функцію понятія* и свести ее къ ея предпосылкамъ. Но здѣсь скоро обнаружилась своя особенная трудность: традиціонное ученіе логики о понятіи, взятое въ своихъ общеизвѣстныхъ главныхъ чертахъ, оказалось недостаточнымъ даже для того, чтобы вполнѣ *намѣтить* тѣ проблемы, къ которымъ приводитъ ученіе о принципахъ математики. Наука пришла здѣсь, какъ я все болѣе и болѣе убѣждался, къ вопросамъ,

для которыхъ на языкѣ традиціонной логики нѣтъ совсѣмъ точнаго коррелата".

Обычное ученіе объ образованіи понятій, ученіе, обоснованное еще Аристотелемъ, считаетъ, что понятія образуются путемъ „отвлеченія": среди разнообразныхъ конкретныхъ предметовъ мы замѣчаемъ нѣкоторыя черты, общія всѣмъ этимъ предметамъ; и вотъ, оставляя безъ разсмотрѣнія всѣ несходныя черты, мы мысленно отвлекаемъ (абстрагируемъ) черты сходныя, и такимъ образомъ создаемъ понятіе, (напримѣръ, мы создаемъ понятіе собаки лишь путемъ отвлеченія отъ всѣхъ тѣхъ безконечно разнообразныхъ качествъ, которыя присущи каждой отдѣльной, конкретной собакѣ); по мѣрѣ того, какъ мы все болѣе и болѣе абстрагируемъ, мы создаемъ все болѣе и болѣе отвлеченныя понятія; напр., отвлекшись отъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя различны у собаки, лошади, кошки и т. п.—мы создаемъ понятіе млекопитающаго животнаго, затѣмъ, идя тѣмъ же путемъ, создаемъ понятіе позвоночнаго, потомъ понятіе животнаго вообще и т. д.

Это ученіе объ образованіи понятій ведетъ къ величайшимъ затрудненіямъ: знаменитый многовѣковый споръ номинализма и реализма, споръ о томъ, какъ существуютъ понятія, есть лишь одно изъ проявленій этихъ затрудненій. Затѣмъ ясно, что такимъ образомъ понятія, становясь все болѣе и болѣе высокими, дѣлаются въ то же время и все болѣе и болѣе безсодержательными. И высочайшее понятіе: понятіе бытія, оказалось настолько безсодержательнымъ, что Гегель могъ заявить: „бытіе и небытіе тожественны".

Этому старому ученію объ образованіи понятій Кассиреръ противопоставляетъ математическое ученіе о рядахъ. Если, положимъ, мы имѣемъ рядъ: 2+4+8+16+32..., то общее для всѣхъ отдѣльныхъ членовъ этого ряда есть то обстоятельство, что каждый слѣдующій членъ вдвое болѣе предыдущаго; этотъ „принципъ образованія ряда" и является его понятіемъ, а каждый отдѣльный членъ есть мѣсто сѣченія ряда. При такомъ пониманіи понятія нѣтъ мѣста ни противоположности между общимъ и частнымъ, ни обѣдненію высшихъ понятій. Наоборотъ, принципъ образованія ряда какъ-бы включаетъ въ себѣ всѣхъ членовъ этого ряда: онъ не бѣднѣе, а богаче всякаго индивидуальнаго члена.

Мы здѣсь изложили въ самыхъ общихъ чертахъ ученіе Кассирера объ образованіи понятій. Съ большимъ талантомъ и съ большимъ знаніемъ дѣла, онъ, въ рядѣ главъ, прилагаетъ это свое ученіе къ „понятію о числѣ", къ „понятію о пространствѣ", „къ образованію понятій въ естествознаніи" и къ „проблемѣ индукціи". Во всѣхъ этихъ главахъ „логизмъ" Канта доведенъ до высшаго совершенства.

Но ахиллесова пята кантіанства находится не здѣсь. Эволюціонный позитивизмъ, конечно, съ восхищеніемъ и благодарностью

приметъ это ученіе критическаго идеализма, и если нѣкоторые изъ виднѣйшихъ представителей позитивизма прошли мимо великаго ученія Канта, то это объясняется весьма просто тѣмъ, что они почти совсѣмъ его не знали.

Но ученіе Канта, согласно которому духъ познаетъ только то, что самъ же вкладываетъ въ ощущенія, это ученіе логически вело къ солипсизму или скептицизму. Правда, отъ солипсизма Кантъ спасся при содѣйствіи ученія о „вещи въ себѣ". Но его послѣдователи сейчасъ же поняли, что допущеніемъ „вещи въ себѣ" Кантъ впалъ въ сильнѣйшее противорѣчіе съ самимъ собой и поэтому эта спасительная „вещь въ себѣ" сейчасъ же и была выкинута за бортъ. Что же касается скептицизма, то его пытаются избѣжать при содѣйствіи весьма остроумнаго ученія объ опытѣ.

Затрудненіе кантіанства мы можемъ формулировать кратко, сказавши, что въ философіи Канта *истинность* логическихъ разсужденій нимало не гарантируетъ *дѣйствительности* существованія предметовъ этихъ логическихъ разсужденій.

Понятію „дѣйствительности" и посвящаетъ Кассиреръ шестую главу своей книги. Отвѣтъ данъ въ строго критическомъ стилѣ. Начинается съ вполнѣ правильнаго утвержденія, что рѣзкое противопоставленіе между субъектомъ и объектомъ ошибочно. Понятіе субъективнаго не есть нѣчто первичное въ познаніи, а есть результатъ высококультурной рефлексіи. Затѣмъ при содѣйствіи весьма спорнаго (и, во всякомъ случаѣ, односторонняго) отожествленія объективнаго съ устойчивымъ, дѣлается выводъ, что „содержаніе опыта стало для насъ „объективнымъ", какъ только мы поняли, что каждый его элементъ входитъ въ ткань цѣлаго" (стр 367). Далѣе мы читаемъ: „какъ настоящая функція понятія заключается не въ томъ, что посредствомъ него абстрактно и схематически „отображается" *данное* многообразіе, а лишь въ томъ, что оно содержитъ въ себѣ законъ отношенія, посредствомъ котораго только и создается новая и своеобразная связь многообразія, такъ и здѣсь форма соединенія опытовъ оказывается тѣмъ, что превращаетъ измѣнчивыя „впечатлѣнія" въ постоянные „объекты". Наиболѣе общее выраженіе „мысли" фактически совпадаетъ съ наиболѣе общимъ выраженіемъ „бытія". Противоположность, которой метафизика не въ состояніи преодолѣть, устраняется, когда мы восходимъ къ основной логической функціи, изъ примѣненія которой только и возникли оба круга проблемъ, и въ которой они, поэтому, должны, наконецъ, найти свое объясненіе" (стр. 369). „Сведеніе понятія вещи къ высшему координирующему понятію опыта устраняетъ барьеръ, который по мѣрѣ прогресса познанія угрожалъ сдѣлаться все болѣе и болѣе опаснымъ" (стр. 391). Всѣ затрудненія „тотчасъ же исчезаютъ, какъ только мы вспомнимъ, что именно то, что... представляется непонятнымъ *остаткомъ* познанія, въ дѣйствительности входитъ, какъ неотъемлемый *факторъ*

и необходимое условіе, во всякое познаніе. Познать содержаніе—значитъ превратить его въ объектъ, выдѣляя его изъ стадіи только данности и сообщая ему опредѣленное логическое постоянство и необходимость. Мы, такимъ образомъ, познаемъ не „предметы"—это означало бы, что они раньше и независимо *опредѣлены* и даны, *какъ предметы,—а предметно*, создавая внутри равномѣрнаго теченія содержаній опыта опредѣленное разграниченіе и фиксируя постоянные элементы и связи" (стр. 392—3).

„Мы познаемъ не предметы, а предметно"—съ этимъ утвержденіемъ Кассирера мы въ извѣстномъ смыслѣ готовы согласиться, но при этомъ мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что Кассиреръ не замѣтилъ, что этой красивой фразой онъ не разрѣшаетъ затрудненія, а только отодвигаетъ его. Если, познавая „предметно" мы только выдѣляемъ нѣчто „изъ стадіи данности", то намъ, конечно, полезно будетъ полюбопытствовать и спросить: а что это такое, что находится въ „стадіи данности"? А тогда, быть можетъ мы и увидимъ, что здѣсь подъ новымъ названіемъ опять возникаетъ „предметъ", или вещь.

На основаніи этого, мы и думаемъ, что можемъ сказать, что, несмотря на весь свой талантъ и всю свою ученость, Кассиреръ не защитилъ ахилессовой пяты Канта.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ. экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. В. М. Саблина. М. 1912 г.—Э. Фунье-д'Альбъ. Теорія электроновъ. Пер. подъ ред. В. И. Эсмарха. Ц. 1 р. 50 к.—Наше право. А. И. Гуляевъ. Торговля и торговыя установленія. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во „Универсальное" Л. А. Столяръ. М. 1912 г.—Гансъ-Гейнцъ Эварсъ. Альрауне. Романъ. Ц. 1 р. 50 к. — Максъ Бальяръ, д-ръ Мужья жены Наполеона. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во „Задруга". М. 1912 г.—Французы въ Россіи. 1812 г. по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Ч. III. Сборникъ состав. А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ, С. П. Мельгуновымъ. Ц. 1 р. 50 к. — Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Сборникъ статей подъ ред. А. М. Васютинскаго, М. Н. Новикова, В. Н. Перцова и К. В. Сивкова. Ц. 2 р. 75 к.—Россія и Наполеонъ. Отечественная война въ мемуарахъ, документахъ и худож. произведеніяхъ. 2 изд. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Посредникъ". М. 1912 г.—Ф. Джюеттъ. Берегите ваше здоровье. Пер. П. Хлѣбникова. Ц. 55 к.—Марго Групе. Новое рукодѣлье. В. I. Ц. 50 к. — Вальтеръ. Въ царствѣ природы. Кн. 2-я. Ц. 85 к.—Н. М. Тулайковъ. Неурожай 1911 года и задачи агрономіи. Ц. 10 к.—Е. Горбунова и Н. Цунзеръ. Живыя числа, живыя мысли, руки за работой. Ц. 35 к.—Горбуновъ-Посадовъ. Къ русскимъ учителямъ. Учитель и школа въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. Ц. 35 к. — Л. Н. Толстой. Посмертныя произведенія. Хаджи-Муратъ. Ц. 14 к. и 16 к. Дѣтская мудрость. Ц. 6 к. и 5 к. — Дьяволъ. Ц.

6 к. и 7 к.—И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ. Ц. 6 к. и 7 к. — Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича. Ц. 4 к. и 5 к.—Записки матери. Ц. 3 к. и 2 к.—Отецъ Сергій. Ц. 6 к. и 7 к.—Ходынка. Ц. 2 к. и 3 к. — Фальшивый купонъ. Ц. 6 к. и 7 к.—Послѣ бала. Ц. 2 к. и 3 к.—Тихонъ и Маланья. Ц. 5 к. и 6 к.—Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ. Ц. 5 к. и 6 к.—Что я видѣлъ во снѣ. Ц. 2 к. и 3 к.—Кто убійцы? Ц. 2 к. и 3 к.—Отъ нея всѣ качества. Ц. 2 к. и 3 к.—Исторія улья. Ц. $1^1/_2$ к. и 2 к.

Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1912 г.—Мемуары кн. Адама Чарторижскаго. Ц. 2 р. 50 к. — Л. Круковская. Н. А. Морозовъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Ц. 40 к.

Кн-во „Скорціонъ". М. 1912 г.—Обри Бердслей. Рисунки, повѣсть, стихи, афоризмы, письма. Ц. 3 р.—Н. Морозовъ. Звѣздныя пѣсни. Ц. 1 р. 50 к.

Кн-во „Энергія". Спб. 1912 г. — М. Туганъ-Барановскій. Къ лучшему будущему. Ц. 1 р. 50 к.—Вас. Немировичъ-Данченко. Разжалованный. Истор. ром. 2 ч. Ц. 2 р. 50 к.—А. Амфитеатровъ. Ау! Ц. 1 р. 25 к. — Вас. Немировичъ-Данченко. Наши женщины. Ц. 1 р. 50 к.—Ю. Айхенвальдъ. Посмертныя сочиненія Л. Н. Толстого. Ц. 45 к.

Изд. Т-во М. О. Вольфъ. Спб. 1912 г.—В. Н. Васильевъ. Библіотечное дѣло. Ч. III и IV. Ц. 1 р. 80 к.—Эд. Мартини. Исторія римской литературы. Ч. I. Литература республики. Ц. 2 р. 50 к.—Труды перваго съѣзда директоровъ средне-учебн. зав. Спб. округа. Ц. 1 р. 25 к.—Г. Пудоръ. О первыхъ книжкахъ-картинкахъ для малютокъ. Ц. 15 к. — К. Тюлеліевъ. Темпераменты. Ц. 15 к.—Его же. Характеръ. Ц. 15 к.—Д-ръ Бокъ. Гимнастика мозга. Ц. 15 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1913 г.—В. Н. Сперанскій. Общественная роль философіи. В. I. Ц. 1 р. 25 к.—И. Я. Гердъ. Сборникъ игръ и полезныхъ занятій для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Ц. 2 р. — Ѳедоръ Сологубъ. Собр. сочиненій. Т. XII. Ц. 1 р. 25 к.—Алексѣй Ремизовъ. Соч. Т. VIII. Ц. 1 р. 25. — Маркъ Криницкій. Разсказы. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.

К-во „Освобожденіе". Спб. 1912 г.—А. Л. Будищевъ. Степь грезитъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.—А. Свирскій. Разсказы. Т. IV. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. журнала „Педагогическое Обозрѣніе". М. 1912 г.—А. Ф. Гартвигъ. Ручной трудъ, какъ методъ обученія и воспитанія въ семьѣ и школѣ. Ц. 45 к.—В. С. Мурзаевъ. Педагогическій рисунокъ. Ц. 30 к.

М. Кузьминъ. Осеннія озера. Вторая книга стиховъ. М. 1912 г. Ц. 1 р. 80 к.

Сер. Колкій. Зеленая исповѣдь. Стихи и разсказы. Спб. 1912 г. Ц. 90 к.

Алекс. Тиняковъ. Navis Nigra. Кн. стиховъ. 1905—1912 г. М. Ц. 75 к.

I. Брамовъ. Въ пути. Пьеса въ 3-хъ д. М. 1912 г. Ц. 75 к.

В. Рѣковъ. Безъ средней школы. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

С. Т. Семеновъ. Крестьянскіе разсказы. Т. VI. М. 1913 г. Ц. 1 р.

А. Заринъ. Три волшебныхъ волоса. Спб. 1912 г. Ц. 1 р.

С. А. Новосельскій. Смертность и семейное состояніе. Спб. 1912 г.

Ник. Быковъ. Кѣмъ дѣлается исторія. Опытъ историч. міропониманія. Спб. 1912 г. Ц. 80 к.

Эд. Целлеръ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Пер. С. Франкъ: М. 1912 г. Ц. 1 р. 80 к.

Ник. Гиммеръ. Крестьянскій бюджетъ на Сѣверѣ. Архангельскъ. 1911 г. Ц. 40 к.

Евг. Елачичъ. О душевной дѣятельности животныхъ. 1912 г. Ц. 80 к.

Н. К. Пиксановъ. Три эпохи: Екатерининская, Александровская и Николаевская. Темы и библіографія. Спб. 1912 г. Ц. 35 к.

С. А. Сухановъ, д-ръ мед. Патологическіе характеры. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ѳ. В. Езерскій. Нравственность, ея природа, развитіе, упадокъ. Спб. 1912 г. Ц. 20 к.

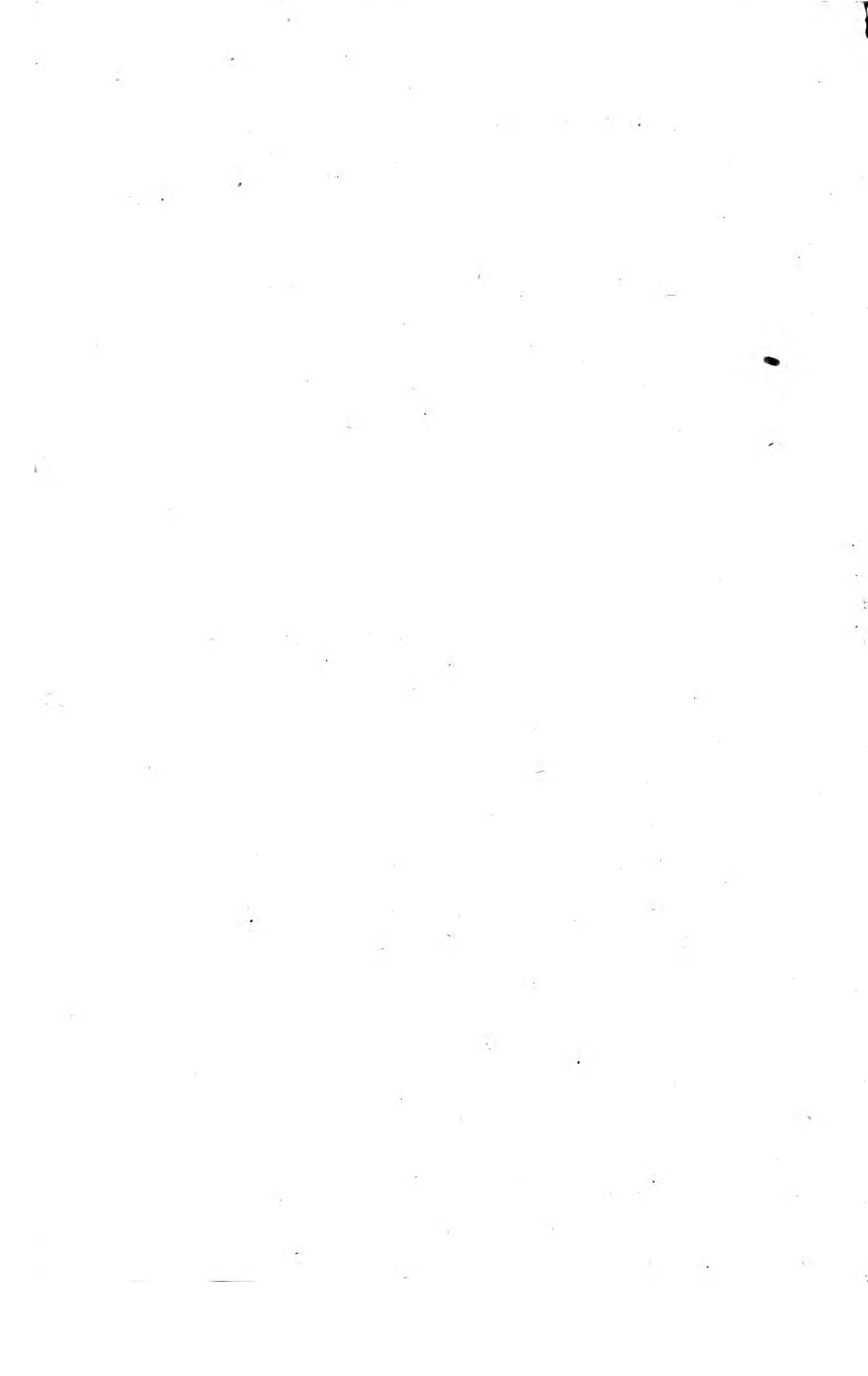
Ф. Кейра. Воображеніе и различныя формы его у ребенка. Спб. 1912 г. Ц. 40 к. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. В. 5-й. Собр. соч. Г. С. Сковороды. Т. I съ замѣтками и прим. Вл. Бончъ-Бруевича. Спб. 1912 г. Ц. 4 р.

В. А. Барвинскій. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Миргородскаго полка. 1729—1730 г. Полтава. 1912 г.

Г. Демени, Ж. Филиппъ, Г. Рампъ. Теор. и практ. курсъ физическаго воспитанія. Пер. д-ра М. Владимірскаго. М. 1912 г. Ц. 1 р. 75 к.

В. Всеволодскій-Гернгросъ. Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны. Спб. 1912 г. Ц. 3 р. 75 к.

Редакторъ **Л. И. Бороздичъ**. Издатель **В. Г. Короленко**.

Предлагаемъ

ПОЛНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

5 т. **Рышкова**, 2 р.
5 т. **Фадѣева**, 2 р.
22 т. **Мельникова-Печерскаго**, 5 р.
18 т. **Ибсена**, 3 р.
10 т. **Гауптмана**, 1 р. 50 к.
24 т. **Писемскаго**, въ коленкоровомъ переплетѣ за 12 р.
10 т. **Даль**, въ коленкоровомъ переплетѣ 6 р.
30 т. **Ч. Диккенса**, въ роскошн. коленк. переплетѣ вмѣсто 37 р. 50 к. 25 р.
12 т. **Элизы Оржешко**, въ роскошн. коленкоровомъ переплетѣ за 12 р.
12 т. **Потѣхина**. въ роскошн. коленкоровомъ переплетѣ за 12 р.
2 т. **Помяловскій**, въ роскошн. коленкоровомъ переплетѣ за 3 р.
20 т. **Каразина**, 4 р. 50 к.
18 т. **Гамсуна**, 3 р.
46 т. **Диккенса**, 6 р.
10 т. **Бремъ**, иллюстрированное изданіе „Жизнь животныхъ", въ переплетѣ, роскошн. изд. подъ ред. Сентъ-Илера, вмѣсто 60 р. 40 р.
4 т. **Гаршина**, 1 р. 75 к.
12 т. **Жуковскаго**, 1 р. 20 к.
16 т. **Гейне**, 1 р. 50 к.
12 т. **Григоровича**, 6 р.
12 т. **Гончарова**. 6 р.
24 т. **Достоевскаго**, 15 р.
50 т. **Шеллера-Михайлова**, 3 р.
12 т. **Гоголя**, 2 р. 50 к.
4 т. **Горбунова**, 80 к.
36 т. **Лѣскова**, 5 р. 50 к.
24 т. **Данилевскаго**, 3 р. 50 к.
12 т. **Тургенева**, 9 р.
28 т. **Чехова**, 9 р.
12 т. **Боборыкина**, 2 р. 75 к.
20 т. **Самарова**, 2 р. 50 к.
40 т. **Салтыкова-Щедрина**, 5 р.
40 т. **Станюковича**, 4 р.
12 т. **А. Толстого**, 3 р.
12 т. **Островскаго**, въ шикарномъ переплетѣ 18 р.
20 т. **Большая энциклопедія**, въ изящномъ переплетѣ 40 р.
34 т. **Всемірная исторія** съ иллюстр. 3 р. 50 к.

88 т. **Ж. Верна**, 10 р.
10 т. **Гребенки**, 3 р.
Полное **Державина**, 1 р. 50 к.
12 т. **Крашевскаго**, 2 р. 50 к.
12 т. **Шекспира**, 6 р.
28 т. **Г. Успенскаго**, 4 р.
Рѣдкій журналъ **„Шутъ"** за 2 года 1897—8, со сказкой „Конекъ-Горбунокъ" съ рисунк. знам. художн. Афанасьева, вмѣсто 14 р. за 5 р., въ пер. 7 р.
6 т. **Элизе Реклю** „Человѣкъ и земля", роскошное изданіе Брокгауза-Ефронъ, вмѣсто 39 р. за 25 р.
86 т. **Энциклопедическій словарь** Брокгауза-Ефронъ, въ роскошномъ коленк. перепл. вмѣсто 258 р. 140 р.
3 т. **Байронъ**, роскошное изд. Брокгауза-Ефронъ, въ изящномъ переплетѣ за 16 р.
5 т. **Шекспиръ**, роскош. изд. Брокгаузъ-Ефронъ, въ изящн. перепл. вмѣсто 37 р., 50 к. за 22 р.
4 т. **Шиллеръ**, роск. изд. Брокгаузъ-Ефронъ, въ изящномъ переплетѣ вмѣсто 30 р. за 18 р.
12 т. **Шубина**, 1 р. 50 к.
38 т. **Писемскаго**, 6 р.
28 т. **М. Твэнъ**, 4 р.
18 т. **Жаколіо**. 3 р.
40 т. **Луи Буссенаръ**, 5 р.
8 т. **Мей**, 1 р. 25 к.
20 т. **КонанъДойль**, 4 р.
12 т. **Міръ Приключеній**, 1 р. 50 к.
40 т. **Тайны вѣнценосцевъ**. 4. р.
18 т. **Интимная жизнь монарховъ** 3 руб.
5 т. **К. Фламаріонъ**, „Атмосфера", 1 р. 50 к.
6 т. **Реклю**, „Человѣкъ и земля", 1 р. 50 к.
6 т. **Рюминъ**, „Чудеса техники", 1 р. 50 к.
Плоссъ. Г., д-ръ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. 2 больш. тома (вѣсъ 5 ф.), 1080 стр., ок. 1000 рис. Полн. перев. Раньше стоили 10—12 р., теперь—2 р. 25 к., въ коленкор. перепл.—3 р. 25 к., съ перес. въ Европ. Росс. 3 р. (безъ пере.) и 4 р. въ перепл.

Высыл. налож. платежомъ книжный магазинъ И. Г. МАЛМЫГО

„ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ".

С.-Петербургъ, Суворовскій пр., 5. Телеф. 107—31. Перес. по казен. тарифу. Упак. за счетъ магаз. **Каталогъ удешевлен. книгъ безплатно.**

Тип. СПБ. Акц. общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, д. 21.